

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт археологии

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
Institute of Archaeology

R. M. Munchaev, N. J. Merpert

**EARLIEST AGRICULTURAL
SETTLEMENTS
OF NORTHERN
MESOPOTAMIA**

**The Investigations
of Soviet
Expedition
in Iraq**

**Publishing house
«Nauka»
Moscow 1981**

Р.М. Мунчаев, Н.Я. Мерперт
**РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ
ПОСЕЛЕНИЯ
СЕВЕРНОЙ
МЕСОПОТАМИИ**

**Исследования
советской
экспедиции
в Ираке**

**Издательство
«Наука»
Москва 1981**

Книга посвящена раннеземледельческим памятникам
Северной Месопотамии, исследованным Советской архео-
логической экспедицией в Ираке в 1969—1976 гг. Де-
тально анализируется материал, добытый в раскопках,
публикуются уникальные находки.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. И. САРИАНИДИ

Рауф Магомедович
МУНЧАЕВ,
Николай Яковлевич
МЕРПЕРТ

РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ

Исследования советской экспедиции в Ираке

Редактор
М. А. Карповская
Редактор издательства
Н. И. Сергиевская

Художник
А. А. Кущенко
Художественный редактор
Н. А. Власин

Художественно-технический редактор
А. П. Гусева

Корректоры Н. М. Вселюбская, Г. Н. Лац

ИБ № 18290

Сдано в набор 06.04.81
Подписано к печати 24.07.81
Т-22131. Формат 70×100^{1/16}
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая Усл. печ. л. 26,16.
Уч. изд. л. 27,1. Усл. кр. отт. 26,8.
Тираж 2200 экз. Тип. зак. 378
Цена 3 р. 10 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

М 10602—245
042 (02)—81 БЗ-82-44-1980 0507000000

© Издательство «Наука», 1981 г.

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с весны 1969 г. Советская археологическая экспедиция ежегодно проводит широкие исследования на территории Северной Месопотамии, в северо-западной части Ирака. Проблема становления и развития производящих форм экономики на территории Междуречья в последние десятилетия привлекает к себе особое внимание исследователей древнейшей истории человечества. Переход от присваивающей к производящей экономике, по праву именуемый «неолитической революцией», был важнейшим процессом, подлинным поворотным пунктом в ходе истории, определившим дальнейший прогресс в экономическом, социальном и культурном развитии человеческого общества. В. Г. Чайлд, впервые предложивший такой термин, подчеркивал, что эта была «первая революция, которая трансформировала человеческую экономику и дала человеку контроль над его собственными пищевыми ресурсами»¹. При этом он считал, что в данном случае термин «революция» означает не спонтанный переворот, а сложный процесс, включивший ряд последовательных стадий². По характеру своих последствий процесс этот носил безусловно революционный характер. В. М. Массон справедливо замечает: «Не следует забывать, что неолитическая революция произошла на завершающих этапах первобытнообщинного строя, который до этого многие десятки тысячелетий покоился на различных формах присваивающей экономики. С этой точки зрения, переход к земледелию и скотоводству означал коренное изменение, резкий переход от одного качественного состояния к другому. Именно в этом были историческая сущность и историческое значение неолитической революции»³.

Месопотамия сыграла особую роль в этом важнейшем процессе. Северная, предгорная ее часть оказалась одним из древнейших на земле центров происхождения основных форм производящей экономики — земледелия и скотоводства. Она располагалась в центре выделенного академиком Н. И. Вавиловым юго-западноазиатского очага domestикации диких злаков и предков домашних животных⁴. «Холмистые предгорья» Северного Ирака, примыкавшие к горным массивам Загроса и Южной Турции, входили в зону распространения дикого эммера⁵, с которым связаны своим происхождением все виды пшеницы, кроме однозернянки. Дикие формы последней также известны в этой области⁶. Был здесь распространен и обязательный спутник эммера — дикий ячмень⁷, а также полевой горох, чечевица, вика. То же следует сказать и о диких предках всех (кроме лошади) основных видов домашних животных — козы, овцы, коровы, свиньи⁸. Таким образом, здесь в оптимальном варианте был представлен природный фон, послуживший первым и основным условием возможности перехода к производящим формам экономики.

Достаточно четко документировано и заселение Северного Ирака человеком. Древнейшие открытые здесь стоянки — прежде всего Барда Балка к востоку от Киркука⁹ и нижние слои пещеры Шанидар¹⁰ — относятся еще к ашельскому и мустьерскому периодам и позволяют говорить о появлении человека в благодатных районах загросских предгорий за многие десятки и даже сотни тысячелетий до наших дней.

В дальнейшем засвидетельствовано регулярное расселение здесь человека. Последующие периоды палеолита и мезолита представлены весьма интересными памятниками, как пещерными, так и открытыми стоянками¹¹, наиболее поздние из которых непосредственно предшествуют периоду первоначальной domestikации растений и животных¹².

Совершенно закономерно поэтому, что именно в Северной Месопотамии и примыкающих к ней горных районах были открыты прямые археологические свидетельства процесса сложения древнейшей производящей — прежде всего раннеземледельческой — экономики и основных ступеней дальнейшего ее развития. Уже мезолитические поселения X—IX тысячелетий до н. э., такие как слой В₁ пещеры Шанидар и открытые стоянки Зави Чеми Шанидар и Карим Шахир, дают материалы, говорящие о регулярном сборе и широком использовании диких злаков, а также, возможно, и о первых опытах приручения диких животных¹³. С этим связано и появление древнейших долговременных многослойных поселений. В полутораметровом слое Малефаата выделено пять строительных горизонтов и прослежены остатки жилищ в виде овальных полуземлянок, подобных жилищам того же периода на протоземледельческих поселениях натуфийской культуры Палестины¹⁴.

Завершающий этап процесса становления древнейшего на Ближнем Востоке производящего хозяйства, с культивацией злаков, выработкой специализированных земледельческих орудий, безусловными свидетельствами domestikации животных, а также развитием строительства стационарных жилищ и появлением в конце этапа керамики, с большой четкостью отражен материалами расположенного в предгорьях Загроса и получившего ныне широкую известность неолитического поселения VII тысячелетия до н. э. Джармо¹⁵. Стадиально, а в ряде случаев и культурно близкие Джармо поселения открыты прежде всего в таких же экологических условиях — в «холмистых предгорьях» и горах Иракского и Иранского Курдистана (Хараба Кара Чивар, Кани Сур, Хара Намик, Тепе Сараб, Тепе Гурав, Гандж-Дарехтепе)¹⁶. Но отдельные памятники известны и внизу, на грани аллювиальной долины (Али-Кош в Хузистане¹⁷, Тамерхан в районе Мандели¹⁸), что свидетельствует о заметном развитии земледелия, domestikации злаковых и искусственном расселении их в новых условиях речных долин, колоссальное плодородие которых, до того лишь потенциальное, смогло быть теперь реализовано.

Этим обусловлен и важнейший процесс распространения древнейших земледельцев из первоначальных, изолированных и разрозненных загросских центров на широкие открытые пространства долин и быстрое их расселение, что обусловило формирование больших раннеземледельческих культур.

Наконец, последующие этапы, связанные с дальнейшим совершенствованием производящих форм экономики, началом ирригации и бурным прогрессом во всех отраслях производства и культуры, документируются в Северной Месопотамии рядом археологических культур — высокоразвитых, ярких, содержащих важнейшую историческую информацию. Вместе с упомянутыми ранними этапами они представляют определенную систему развития древнейшей Месопотамии в переломный момент ее истории, систему, обусловившую дальнейшее развитие Двуречья и превращение его в один из основных и древнейших центров цивилизации Старого Света. Конечно, не все еще звенья этой системы известны, да-

леко не всегда определено соотношение между ними. И все же основные ее этапы, общая линия развития намечены здесь с большей последовательностью и взаимосвязью, чем в любой другой области Ближнего Востока. При этом следует учитывать безусловно первичный характер месопотамского очага, экономические, социальные и культурные явления которого оказались результатом прежде всего внутренних процессов, не нарушавшихся и не искаженных решающими сторонними воздействиями. Все это позволяет говорить об особом значении материалов Месопотамии для разработки коренных проблем древнейшей истории человечества, для изучения основных ее закономерностей.

Первой раннеземледельческой культурой собственно Месопотамии — т. е. долин великих рек — долгое время считалась открытая в начале 40-х годов нашего века хассунская культура. Эпонимное поселение ее — Телль Хассуна — располагалось вблизи Мосула¹⁹, ареал культуры в целом охватывал прежде всего Северный Ирак²⁰. Здесь же исследованы и наиболее значительные памятники халафской культуры, сменившей хассунскую и знаменующей следующий этап развития ранних земледельцев, — поселение и некрополь Арпачия²¹ и нижний слой Тепе Гавры (к сожалению, недокопанный)²².

Однако исследования всех этих важнейших культур до сего времени территориально ограничивались Северо-Восточным Ираком и смежными районами Ирана, т. е. горными областями Загроса с прилегающими к ним долинами. Между тем, на северо-западе Ирака — от Мосула до сирийской границы на западе и турецкой на севере — простираются области, по природным данным не менее перспективные для изучения указанной проблемы. Это прежде всего широкая и плодородная Синджарская долина, особо благоприятная для развития земледелия с самых ранних его ступеней. На востоке долина соприкасается с районами Мосула, Эрбиля и Киркука, т. е. с предгорной областью, непосредственно связанной с Загросом и его древнейшими очагами производящей экономики. На севере долина ограничена холмистой грядой и невысокими (до 1250 м) горами Синджара, пока еще малоизученными, но изобилующими пещерами и по природным условиям близкими «холмистым предгорьям» Загроса. Далее же к северу и северо-западу простираются районы Южной Турции, предгорья и обширные долины которой справедливо причисляются ныне наряду с Загросом к землям, наиболее пригодным для самых ранних этапов развития земледелия и самого процесса его происхождения²³.

Синджарская долина расположена заметно выше современной границы осадков, достаточных для неорошаемого земледелия (более 200 мм в год)²⁴. Зимние осадки здесь весьма обильны (севернее и восточнее — в предгорных долинах — они достигают 1000 мм в год). Мягкие почвы долины достаточно удобны для создания простейших ирригационных систем, связанных с небольшими спускающимися с Синджара реками и ручьями. Примеры таких систем, дополняющих естественные осадки, известны для самых различных периодов как в самой долине, так и в смежных и подобных ей районах²⁵. Речные наносы способствовали постоянному обновлению и чрезвычайно высокому плодородию лёссовых почв долины (по сей день являющейся одним из наиболее продуктивных сельскохозяйственных районов Ирака). Все это привлекало сюда древнейших земледельцев с самого начала культивации пшеницы и ячменя

и переноса их из предгорий на прилегающие к ним участки аллювиальных долин.

Широкие возможности открывал этот район и для культурных связей: долина с глубочайшей древности была одним из наиболее активных путей, связывающих основную часть Месопотамии с Южной Турцией, Сирией, Восточным Средиземноморьем в целом. Не удивительно поэтому и огромная концентрация здесь археологических памятников самых различных периодов. Только на одном участке долины — на протяжении 60 км, разделяющих города Телль-Афар и Синджар, зафиксировано свыше 400 таких памятников: от раннеземледельческих поселений до многочисленных крепостей конца II — начала I тысячелетия до н. э., прикрывавших с запада доступ к центральному району Ассирийской державы, к ее главным городам и прежде всего к знаменитой Ниневии.

Вид на долину, открывающийся с холма в Телль-Афаре, воистину беспримечен, и еще Генри Лэйард был поражен им, когда в 40-е годы прошлого века он, пересекая Северную Месопотамию, остановился на ночлег в этом городе. «Со стен города, — писал он, — предо мной открывалась непрерывная перспектива широкой долины, простирающейся на запад к Евфрату и теряющейся в туманной дали. Руины древних городов и деревень поднимались со всех сторон, и в лучах заходящего солнца я насчитал более ста холмов, темные вытянутые тени которых ложились на долину. Это были свидетельства расцвета и цивилизации Ассирии»²⁶.

Однако по сравнению с другими районами Месопотамии Синджарская долина до последних лет оставалась крайне слабо археологически изученной. И прежде всего это относится к наиболее ее ранним памятникам. Специальные археологические исследования начались здесь лишь в конце 30-х годов нашего века и ограничились разведками и небольшими пробными раскопками единичных поселений сравнительно поздних исторических периодов. Руководивший разведками проф. Ситон Ллойд зафиксировал тогда свыше 200 памятников²⁷. Он наметил среди подъемного материала 12 хронологических групп керамики, древнейшую из которых сопоставил с самаррской керамикой и комплексом Ниневии IIb²⁸, т. е. с концом еще не выделенной тогда хассунской культуры. Следующую группу С. Ллойд связал с халафской культурой, специально подчеркнув крайнюю редкость ее памятников в этом районе (в отличие от левобережья Тигра)²⁹. Было открыто много убейдских поселений. Ни один из памятников указанных периодов раскопкам не подвергался.

В 50—60-х годах исследования в Синджарской долине были успешно продолжены проф. Дэвидом Отсом и доктором Джоан Отс. Широкая разведка позволила им более чем в два раза увеличить цифру памятников этого района, определенную ранее С. Ллойдом. Они же внесли существенную поправку и к заключению Г. Лэйарда, относившего все телли к ассирийскому периоду. «Нам выпало счастье, — пишет исследователь, — за последние 20 лет пройти по следам Лэйарда и обследовать те же холмы. Судя по подъемному керамическому материалу, часть их действительно была заселена в позднеассирийский период, но огромное большинство поселений было первоначально основано в доисторические времена и по крайней мере одна пятая их была обитаема до 5000 г. до н. э.»³⁰. Разведка позволила поставить вопрос о существовании в Синджарской долине материалов, связанных с культурой типа Джармо и относящихся к VII тысячелетию до н. э., к одной из наиболее ранних

ступеней развития земледелия³¹. Но такие материалы были единичны и недостаточно четки. Безусловные памятники ранних земледельцев зафиксированы с хассунского периода, однако только подъемным материалом: раскопкам подверглись лишь сравнительно поздние объекты, в числе которых стоит отметить ассирийское городище Телль эль-Римах³².

В ограниченном масштабе раскопки раннеземледельческого поселения были произведены экспедицией Токийского университета при исследовании группы разновременных теллей Телул Талафат восточнее Телль-Афара в 1967 г.³³ Обнаруженный здесь слой убейдской культуры подстилался более ранним, определение которого затрудняли отсутствие соответствующих эталонов и чрезвычайно слабая изученность основных ступеней развития древнейших земледельцев в этой части Месопотамии.

Отмеченные особенности Синджарской долины, концентрация здесь археологических памятников весьма ранних периодов, необходимость ликвидации значительного белого пятна на карте важнейшего центра раннеземледельческих культур обусловили выбор этого района Советской археологической экспедицией для проведения регулярных и широких исследований. Во время предварительной разведки, проведенной сотрудниками экспедиции Н. Я. Мерпертом и Н. О. Бадером зимой 1966 г., была обследована группа многослойных поселений (теллей), расположенная в 7 км к юго-западу от г. Телль-Афар и именуемая местными жителями Ярымтепе (тюрк. «половина холма» — действительно, половина одного из теллей смыта изменившим русло ручьем). Шесть холмов, составляющих группу, расположены компактно на площади менее 0,5 кв. км вблизи небольшого, часто пересыхающего ручья Джубара-дыраси. На поверхности трех из них собран материал сравнительно поздних периодов (нововавилонского и последующих). Три других холма, наиболее значительных по размеру, судя по обильному подъемному материалу, представляют собой остатки долговременных поселков трех важнейших и последовательных раннеземледельческих культур Северной Месопотамии: хассунской, халафской и североубейдской³⁴. Хассунский материал найден на поверхности самого восточного холма, расположенного на поле по левую сторону ручья и получившего наименование Ярымтепе I. В 250 м от него на правом берегу ручья расположена сохранившаяся часть холма Ярымтепе II, подъемный материал которого содержит чрезвычайно выразительную халафскую керамику. Наконец, севернее, в непосредственной близости от Ярымтепе II (так что долины обоих холмов слились) находился третий — наиболее высокий холм группы — Ярымтепе III с халафской и североубейдской керамикой на поверхности.

Возможность изучения в пределах одной группы безусловно стратифицированных памятников, представляющих последовательные ступени развития древнейших земледельцев Синджарской долины, обратила на себя особое внимание экспедиции. После повторного обследования в марте 1969 г. эта группа памятников была избрана в качестве основного объекта раскопок. Первый этап работ предполагал исследование двух поселений — хассунского (Ярымтепе I) и халафского (Ярымтепе II).

Такой выбор был обусловлен рядом соображений. Как уже говорилось, хассунская культура вплоть до начала работ нашей экспедиции рассматривалась как первая культура земледельцев, начавших освоение долин великих рек, а халафская — как хронологически следующая ступень раз-

вития, связанная с заметной культурной, а скорее всего с этнической сменой в Северной Месопотамии. Историческая значимость обеих культур не требует комментариев. Они давно уже по праву занимают достойное место как во всех специальных исследованиях по археологии Ближнего Востока, так и в общих работах по древнейшей истории человечества, знаменуя важнейшие ступени в процессе освоения производящей экономики. Но в то же время ряд основных вопросов, связанных с этими культурами, оставался остро дискуссионным и весьма далеким от разрешения. Таковы вопросы сложения культур, внутренней эволюции, экономической и социальной структуры, наконец, вопрос хронологического и исторического соотношения между ними, принявший в последние годы особенно спорный характер³⁵.

Главной причиной этого следует считать крайнюю слабость источниковедческой базы: достаточно документированные и пригодные для анализа материалы обеих культур оставались предельно ограниченными. Число их памятников на соответствующих картах выглядит весьма внушительно³⁶, но почти все эти памятники определены по подъемному материалу или в лучшем случае с помощью небольших зондажей. Фактически до наших раскопок для хассунской культуры мог быть назван лишь один памятник, широко и целенаправленно раскопанный и давший материал для стратиграфических, статистических, культурно-исторических и прочих исследований. Таким памятником оставалось само эпонимное поселение Телль Хассуна³⁷.

То же следует сказать и о халафской культуре. Единственным памятником, предоставившим стратиграфические данные и вообще достаточно документированную информацию по этой культуре, было поселение Телль Арпачия, хотя и на нем не все горизонты халафского слоя имелись в прямой последовательности. Халафский слой эпонимного поселения не стратифицирован; единственный материал его — керамика, «пригодная лишь для сравнительных целей»³⁸. Раскопки Тепе Гавры не были доведены до конца; халафский материал здесь лишь затронут в нижнем достигнутом слое (XX) и в зондажах за пределами холма. На прочих памятниках (Телль Чагар Базар, Телль Брак, Гирикихаджиян, Кархемиш и др.) можно говорить лишь о зондажах.

При таком состоянии изученности обеих культур широкие раскопки их стратифицированных памятников представлялись необходимыми для разработки как указанных дискуссионных вопросов, так и коренных общих проблем первобытной археологии Ближнего Востока. Вместе с тем всестороннее исследование материалов хассунской и халафской культур имеет первостепенное значение и для разработки нашей отечественной проблематики.

Древнейшие для территории нашей страны центры производящей экономики возникли в Северо-Западном Причерноморье, на Южном Кавказе и на юге Средней Азии уже в VI тысячелетии до н. э. Сложение их было определено теми же закономерностями, которые в первичном и наиболее четком своем выражении представлены на Ближнем Востоке и прежде всего в Северной Месопотамии. Здесь мы находим начало и классические формы тех процессов, которые приводят к распространению неолитической революции на территорию нашей страны³⁹. Кроме того, два из этих центров — среднеазиатский и кавказский — были непосредственно связаны с Передним Востоком и испытывали прямые его воздей-

ствия. И именно Северная Месопотамия лежала на пути этих связей. Недавние исследования позволяют говорить о все более и более ранних их проявлениях. Проникновение на юг Средней Азии уже в эпоху джейхунской культуры (VI тысячелетие до н. э.) мягкой пшеницы, не имеющей диких предков в местной флоре, связывается с прямыми передне-восточными воздействиями⁴⁰. В культурах Анау IА — Намазга I отмечаются определенные параллели расписной керамике хассунского круга. «Возможно, подобному распространению, — отмечает В. М. Массон, — способствовало именно полное соответствие облика хассунской культуры уровню развития ранних оседлоземледельческих обществ»⁴¹. В последующие периоды (прежде всего убейдский) круг свидетельств месопотамских воздействий на юг Средней Азии резко расширился.

Еще более четко выявляются связи Месопотамии с кавказским раннеземледельческим очагом. Ныне они фиксируются для весьма ранних периодов, начиная с хассунского и даже с предшествовавшего ему. Так, в некоторых неолитических памятниках Кавказского Причерноморья представлены двусторонне обработанные кремневые геометрические орудия и пластины с так называемой выделенной головкой, характерные для таких ранних комплексов Ближнего Востока, как натуфийские стоянки. Появление этих орудий на Кавказе справедливо рассматривается как результат южных влияний⁴². Есть основания полагать, что связи с Ближним Востоком в широком смысле стимулировали развитие производящего хозяйства на Кавказе.

Особо заметны связи Кавказа с переднеазиатским миром в пору развития древнейшей оседлоземледельческой культуры Закавказья. Эта культура выявлена сравнительно недавно, около 20 лет назад. Поэтому многие вопросы, связанные с ее изучением, такие как происхождение, периодизация и хронология, выделение локальных вариантов и др., остаются пока не выясненными до конца. Их правильному решению и широкому исследованию будет способствовать, несомненно, тщательный сравнительный анализ ближневосточных и в частности северомесопотамских материалов. Дело в том, что отдельные категории инвентаря раннеземледельческих поселений Закавказья обнаруживают отчетливые признаки влияния хассунской, халафской и убейдской культур. Это касается прежде всего керамики⁴³, а также антропоморфной пластики⁴⁴. Особого внимания заслуживает находка импортного халафского расписного сосуда в известнейшем раннеземледельческом поселении Закавказья — нахичеванском Кюльтепе I⁴⁵. Образцы импортной расписной керамики представлены среди материалов некоторых других памятников Южного Кавказа⁴⁶.

Наконец, отметим такой знаменательный факт. Жилая архитектура Северной Месопотамии V тысячелетия до н. э. (поселений халафской культуры) характеризуется однокомнатными круглыми сырцовыми домами типа толосов с примыкающими к ним часто прямоугольными сооружениями. Точно такими же жилыми постройками отмечаются южнокавказские оседлоземледельческие поселения V—IV тысячелетий до н. э. Не взаимосвязаны ли эти явления? Объясняется ли такая архитектура в Закавказье северомесопотамским влиянием, или можно согласиться с некоторыми исследователями, рассматривающими халафские толосы как результат влияния закавказских традиций домостроительства на архитектуру Месопотамии V тысячелетия до н. э.⁴⁷

Таким образом, для решения многих существенных вопросов древнейшей истории и культуры Кавказа и Юга нашей страны археологические памятники Ближнего Востока и в частности северомесопотамские комплексы Хассуны, Халафа и Убейда имеют немаловажное значение.

Поэтому широкие многолетние исследования избранных экспедицией памятников представлялись весьма перспективными как для собственно ближневосточной первобытной археологии, так и для изучения неолитической революции в целом и прежде всего — формирования древнейших ее очагов на территории СССР.

Первый этап работ экспедиции, включивший восемь полевых сезонов (1969—1976 гг.), полностью оправдал этот выбор. Вскрытие на широкой площади мощных стратифицированных культурных слоев поселений Ярымтепе I и II привело к весьма существенному обогащению источниковедческой базы изучения как хассунской, так и халафской культур. Ныне можно говорить о новом качественном уровне их исследования, о возможности разработки коренных вопросов истории этих культур, о появлении новых аспектов изучения древнейшей Месопотамии. Так, экспедиция открыла неизвестную до того раннеземледельческую культуру Телль Сотто, непосредственно предшествовавшую хассунской культуре, носители которой не могут уже считаться первыми земледельцами Междуречья (Эль-Джезир). Тем самым было определено важнейшее звено между первыми земледельческими очагами предгорий и развитыми культурами Джезиры⁴⁸. Оно тесно увязано с последующим развитием, с культурами, представленными раскопками обоих поселений Ярымтепе. Наконец, открытие и исследование замечательного докерамического укрепленного поселения VIII—VII тысячелетий до н. э. Телль Магзалия на самой грани предгорий Синджара и долины, в нескольких километрах к северу от группы Ярымтепе, впервые дало представление о первоначальных очагах производящего хозяйства этой части Ирака. В итоге всех этих работ Советской экспедицией был получен огромный материал, документирующий развитие раннеземледельческого очага Северной Месопотамии на протяжении более трех тысячелетий (рис. 1).

Материал этот регулярно вводился в научный оборот. Участники экспедиции ежегодно представляли информации о нем, отчетные статьи и исследования, опубликованные в научных изданиях СССР, Ирака, Англии⁴⁹. Раскопки неоднократно освещались и на страницах популярных изданий⁵⁰. О результатах работ сообщалось на VIII (1972 г.) и IX (1976 г.) конгрессах Международного союза пра- и протоисторических наук⁵¹. Материалы экспедиции достаточно широко привлекались во всех созданных в последние годы общих работах по древнейшей истории Ближнего Востока⁵², авторы которых подчеркивали научную значимость этих материалов.

Огромные материалы многолетних раскопок экспедиции требуют еще длительного всестороннего изучения, конкретные категории их станут объектами специальных исследований. Основной целью настоящего издания являются систематизация и возможно более полное введение в научный оборот отчетных данных о раскопках двух теллей из группы Ярымтепе: хассунского поселения Ярымтепе I и халафского — Ярымтепе II. При этом авторы ограничиваются материалами нижних — древнейших — горизонтов обоих теллей, полученными в результате раскопок последних четырех сезонов (1973—1976 гг.). Эти горизонты знаменуют определен-

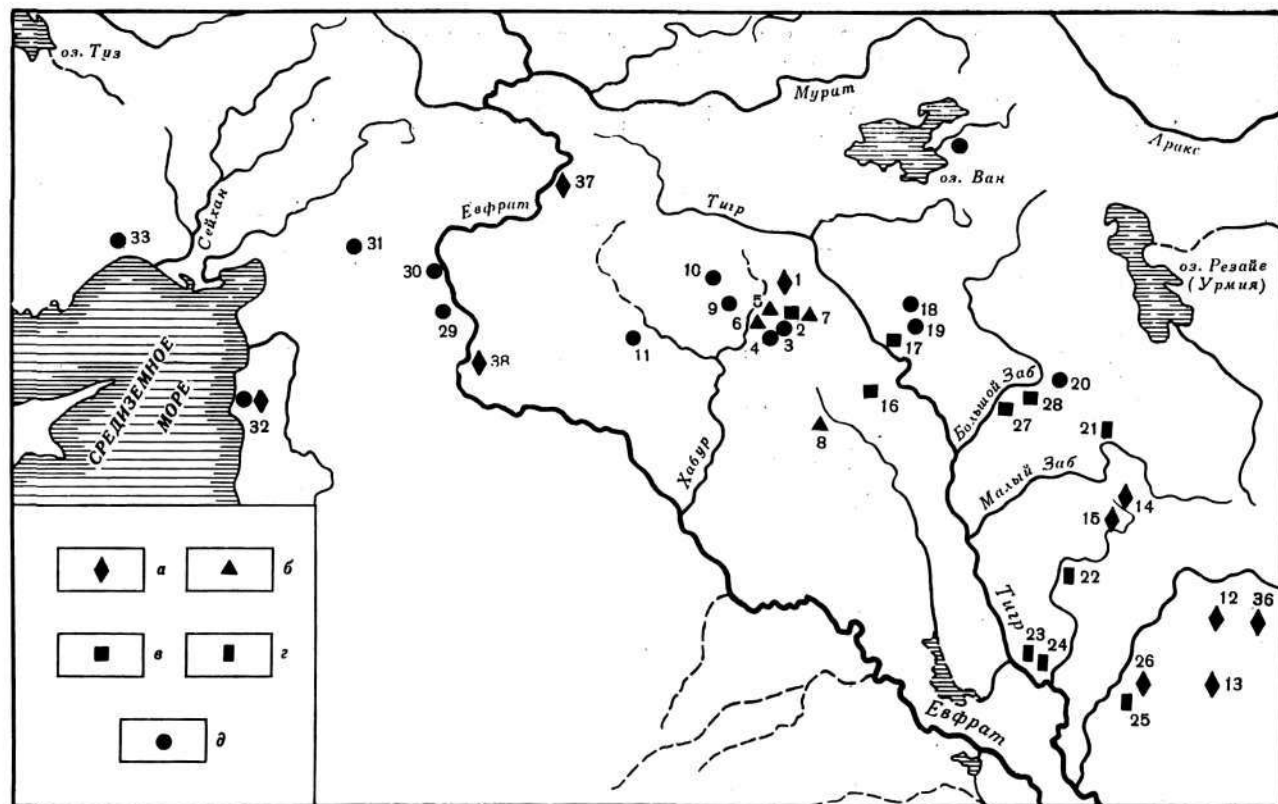

Рис. 1. Памятники, раскопанные экспедицией, и их основные аналоги

a — памятники VIII—VII тысячелетий до н. э.; *b* — памятники культуры Телль Сотто; *c* — памятники хассунской культуры; *z* — памятники самаррской культуры; *d* — памятники халафской культуры
1 — Телль Магзалия; 2 —

Ярымтепе I; 3 — Ярымтепе III; 4 — Ярымтепе II; 5 — Телль Сотто; 6 — Кюллитепе; 7 — Телул эт-Талафат; 8 — Умм Дабагия; 9 — Телль Брак; 10 — Чагар Базар; 11 — Телль Халаф; 12 — Тепе Сараб; 13 — Тепе

15 — Джармо; 16 — Телль Хассуна; 17 — Ниневия; 18 — Тепе Гавра; 19 — Телль Арпачия; 20 — Банахилк; 21 — Телль Шимшара; 22 — Матарра; 23 — Самарра; 24 — Телль эс-Савван; 25 — Шога Мами; 26 — Тамерхан; 27 — Телль

Хан; 28 — Али Ага; 29 — Юнус; 30 — Телль Турлу; 31 — Чакчегёзу; 32 — Рас Шамра; 33 — Мерсин; 34 — Багуз; 35 — Тилкитепе; 36 — Гандж Дарех; 37 — Чайонютепези; 38 — Мюрейбит

ные периоды в развитии обеих культур⁵³, а для данных поселений — периоды их создания и развития на ранних этапах. Материалы последующих горизонтов указанных теллей, а также результаты раскопок памятников культуры Телль Сотто будут представлены в специальных публикациях.

Советская археологическая экспедиция в Ираке была организована в 1969 г. Институтом археологии АН СССР. Помимо его сотрудников, за истекшие годы к участию в экспедиции были привлечены сотрудники Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, Института востоковедения АН СССР, Института этнографии АН СССР, Института истории АН Азербайджанской ССР и Тбилисского государственного университета.

В 1969—1976 гг. экспедиция работала в следующем составе: Р. М. Мунчаев (руководитель экспедиции), Н. Я. Мерперт, О. Г. Большаков, В. А. Башилов (все годы), Н. О. Бадер (1969—1971, 1973—1976 гг.), В. И. Гуляев (1970—1976 гг.), О. М. Джапаридзе (1972 г.), И. Г. Нариманов, А. В. Куза (1973—1976 гг.), П. Д. Даровских (1969 г.), М. У. Юнисов (1969—1972 гг.), П. Н. Круглов (1973—1976 гг.).

Мы выражаем всем участникам экспедиции нашу сердечную благодарность за их большой и самоотверженный труд, обеспечивший успешное выполнение поставленных перед экспедицией задач. В настоящее время многие из них заняты исследованиями важных проблем археологии дописьменной Месопотамии на материалах раскопок Иракской экспедиции Академии наук СССР.

Мы должны с глубокой благодарностью подчеркнуть решающую роль, которую сыграла в создании экспедиции инициатива известного советского археолога, ныне покойного проф. Е. И. Крупнова, посетившего Ирак в 1966 г., а также бывшего Генерального директора департамента древностей Ирака проф. Фейсала аль-Ваили.

На протяжении всего периода работ экспедиция пользовалась неизменной поддержкой и особым вниманием со стороны руководства Департамента древностей, прежде всего его Генерального директора доктора Иссы Сальмана и Генерального инспектора раскопок Ирака проф. Фуада Сафара, неоднократно посещавших наш лагерь и на месте знакомившихся с ходом и результатами раскопок. Большую помощь экспедиции оказали также директор Национального музея в Багдаде доктор Фавзи Рашид и директор Мосульского музея доктор Хазим Абдель Хамид. Всем этим лицам экспедиция выражает самую искреннюю благодарность.

Мы весьма признательны также иракским археологам — инспекторам Департамента древностей Ирака, прикомандированным к экспедиции в различные годы и оказавшим ей большую помощь: Исмаилу Хаджаре (1969—1971 гг.), Зухейру Раджабу (1970, 1972 гг.), Ясину Рашиду (1973 г.), Саллаху Сальману аль Гумури (1974 г.), Музахиму Махмуду (1975 г.), Джорджиссу Мухаммаду (1975—1976 гг.) и Сабаху Аббуду (1976 г.), а также старшим рабочим и их бригадиру Халафу Джасиму.

Мы выражаем самую глубокую благодарность многочисленным местным рабочим, в течение восьми сезонов осуществлявшим большие и сложные работы по вскрытию исследуемых памятников. Им экспедиция в значительной мере обязана результатами раскопок.

Работы Советской экспедиции вызвали большой интерес у зарубежных

археологов, работавших на территории Ирака. Многие из них посещали наши раскопки и знакомились с результатами работ. Всем им мы признательны за внимание.

- ¹ Childe V. G. *Man Makes Himself*. London, 1948, p. 67.
- ² Childe V. G. *Man Makes...*, p. 112 sqq.; Braidwood R. J. *Prehistoric Man*. Chicago, 1967, p. 114.
- ³ Массон В. М. Поселение Джейтун. Проблема становления производящей экономики.— МИА, 1971, 180, с. 109.
- ⁴ Вавилов Н. И. Центры происхождения культурных растений.— Труды по прикладной ботанике и селекции. Л., 1926, т. XVI, 2; Он же. Проблемы происхождения мирового земледелия в свете современных исследований. М.; Л., 1932; Он же. Учение о происхождении культурных растений после Дарвина.— Советская наука, 1940, № 2; см. также: Braidwood R. J. *Prehistoric Man*, p. 95.
- ⁵ Helback H. The Paleoethnobotany of the Near East and Europe.— In: Braidwood R. J., Howe B. *Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan*.— SAOC, 1960, N 34, p. 101 sqq.
- ⁶ Ibid., p. 106.
- ⁷ Ibid., p. 107 sqq.; Zohary D. The Progenitors of Wheat and Barley in Relation to Domestication and Agricultural Dispersal in Old World.— In: Ucko P. J., Dimbleby G. W. (ed.). *The Domestication and Exploitation of Plants and Animals*. London, 1969, p. 47—66; Oates J. The Background and Development of Early Farming Communities in Mesopotamia and the Zagros.— PPS for 1973, v. 39, p. 153, 154.
- ⁸ Reed C. A. A Review of the Archaeological Evidence on Animal Domestication in the Prehistoric Near East.— In: Braidwood R. J., Howe B. *Prehistoric Investigations...*, p. 129—146; Flannery K. V. The Ecology of Early Food Production in Mesopotamia.— Science, 1965, march 12, v. 147, N 3663; Perkins D. Prehistoric Fauna from Shanidar, Iraq.— Science, 1964, June 26, v. 144, N 3626; Zeuner F. E. *A History of Domesticated Animals*. London, 1963, p. 130 sqq.; Epstein H. The Origins of the Domestic Animals of Africa. Leipzig, 1971, v. 1—2; Herre W., Roehrs M. Domestikation und Stammesgeschichte.— In: Die Evolution der Organismen. Stuttgart, 1971, Bd II, 2.
- ⁹ Asil N. Al. Barda Balka.— Sumer, 1949, v. II, p. 205, 206; Wright H. E., Howe B. Preliminary Report on Soundings at Barda Balka.— Sumer, 1951, v. VII, 2, p. 107—111; Braidwood R. J., Howe B. *Prehistoric Investigations...*, p. 164.
- ¹⁰ Solecki R. S. Prehistory in Shanidar Valley, Northern Iraq.— Science, 1963, June 18, v. 139, N 3551; Idem. Cave Archaeology in the Zagros Mountains.— Acta Archaeologica Carpatica, 1966, v. X, N 1—2, p. 245—259; Braidwood R. J., Howe B. *Prehistoric Investigations...*, p. 165 sqq.
- ¹¹ Garrod D. A. The Paleolithic of Southern Kurdistan: Excavations in the Caves of Zarzi and Hazar Merd.— Bull. School of Prehistoric Research, 1930, N 6; Braidwood R. J., Howe B. *Prehistoric Investigations...*, p. 169, 170.
- ¹² Solecki R. Zawi Chemi Shanidar, a Post-Pleistocene Village Site in Northern Iraq.— Report of the VIth International Congress of Quaternary. Lodž, 1964, v. IV; Массон В. М. Поселение Джейтун..., с. 112.
- ¹³ Braidwood R. J. *Prehistoric Man*, p. 116; Oates J. The Background..., p. 150 sqq.; Mellaart J. The Neolithic of the Near East. London, 1976, p. 70—75; Массон В. М. Поселение Джейтун..., с. 112.
- ¹⁴ Braidwood R. J., Howe B. *Prehistoric Investigations...*, p. 27, 28; Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л., 1964, с. 421.
- ¹⁵ Braidwood R. J., Howe B. *Prehistoric Investigations...*, p. 26, 38—49; Braidwood R. J. *Prehistoric Man*, p. 117—121; Mellaart J. The Neolithic..., p. 80—86.
- ¹⁶ Mellaart J. The Neolithic..., p. 76 sqq.; Oates J. The Background..., p. 153 sqq. (Гандж-Дарехтепе (слой D) — древнейшее поселение этого этапа); Smith P. E. L. Ganj Dareh Tepe.— Iran, 1967, v. 5; 1968, v. 6; 1970, v. 8; 1972, v. 10.
- ¹⁷ Hole F., Flannery K., Neely J. A. Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain. An Early Village Sequence from Khuzistan, Iran. Ann Arbor, 1969, p. 30 sqq.
- ¹⁸ Oates J. *Prehistoric Investigations near Mandali, Iraq*.— Iraq, 1968, v. XXX, p. 3, 4.
- ¹⁹ Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna. Excavations by the Iraq Government Directorate Generale of Antiquities in 1943 and 1944.— JNES, 1945, October, v. IV, N 4.
- ²⁰ Mellaart J. The Neolithic..., p. 144. Памятники Средней Месопотамии, прежде всего Телль эс-Савван, мы вслед за

- Джоан Отс и Д. Меллаартом относим к самаррской культуре.
- ²¹ Mallowan M. E., Rose J. C. Prehistoric Assyria. The Excavations at Tell Arpachiyah, 1933.— Iraq, 1935, v. II, part 1.
  - ²² Tobler J. Excavations at Tepe Gawra. Philadelphia, 1950, v. II.
  - ²³ Oates J. The Background..., p. 148. См. также карты: Braidwood R. I., Howe B. Prehistoric Investigations..., fig. 1; 2.
  - ²⁴ Oates J. The Background..., fig. 1.
  - ²⁵ Lloyd S. Some Ancient Sites in Sinjar District.— Iraq, 1938, v. 5, p. 123, 124; Jawad A. J. The Advent of the Era of Townships in Northern Mesopotamia. Leiden, 1965, p. 8.
  - ²⁶ Цит. по кн.: Oates J. and D. The Rise of Civilizations. London, 1976, p. 33.
  - ²⁷ Lloyd S. Some Ancient Sites..., p. 123 sqq.
  - ²⁸ Ibid., p. 128 sqq.
  - ²⁹ Ibid., p. 124—126.
  - ³⁰ Oates J. and D. The Rise..., p. 33.
  - ³¹ Выражаем глубокую благодарность проф. Д. Отсу и доктору Джоан Отс, любезно предоставившим нам возможность ознакомиться с материалами и документацией этих работ. Упоминание древнейших памятников см.: Oates J. Prehistoric Investigations..., p. 4, footnote 9.
  - ³² Oates D. The Excavations at Tell al Rimach 1966.— Iraq, 1967, v. XXIX; Idem. The Excavations at Tell al Rimach 1967.— Iraq, 1968, v. XXX.
  - ³³ Fukai S., Hortucht K., Matsutani T. Tell eth Thalathat. The Excavations of Tell II.— In: Tokyo University Iraq-Iran Archaeological Expedition. Report II. Tokyo, 1970.
  - ³⁴ Впервые эта группа холмов открыта С. Ллойдом, который и отметил ее в списке синджарских поселений под № 34. Им, однако, упомянут лишь один холм, «незначительный по размерам, но с выразительной керамикой». Керамнику С. Ллойд отнес к самаррской и халафской группам с небольшой примесью североубейдских черепков. См.: Lloyd S. Some Ancient Sites..., p. 138.
  - ³⁵ Mortensen P. Tell Shimshara. The Hassana period. København, 1970, p. 137; Mellaart J. The Neolithic..., p. 141 sqq.
  - ³⁶ Archaeological Map of Iraq. Baghdad, 1968; Массон В. М. Поселение Джейтун..., рис. 35. Д. Меллаарт особо подчеркивает отсутствие здесь должной документации: «Представлены списки памятников,— пишет он,— в лучшем случае хорошая карта или серия карт, но либо полностью отсутствует, либо представлен недостаточно материал, на котором базируются заключения и по которому другие археологи могли бы судить о них» (Mellaart J. The Neolithic..., p. 142).
  - ³⁷ Mellaart J. The Neolithic..., p. 141. Багуз, Матарра, Телль эс-Савван и Телль Шимшара, привлекавшиеся ранее при характеристике хассунской культуры (Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л., 1964, с. 50—63; Он же. Поселение Джейтун..., с. 115, 116), ныне должны быть отнесены к другой — самаррской — культуре (Mellaart J. The Neolithic..., p. 149).
  - ³⁸ Perkins A. L. The Comparative Archaeology of Early Mesopotamia.— SAOC, 1949, N 25, p. 16.
  - ³⁹ Одна из первых на нашей территории раннеземледельческих культур — джейтунская (Южная Туркмения), по словам ее исследователя В. М. Массона, «представляет собой классический и основной вариант переднеазиатского пути неолитической революции». См.: Массон В. М. Джейтунская культура..., с. 122.
  - ⁴⁰ Там же.
  - ⁴¹ Там же, с. 115.
  - ⁴² Формозов А. А. Неолит Крыма и черноморского побережья Кавказа.— МИА, 1962, 102, с. 38.
  - ⁴³ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 77; Кизурадзе Т. В. Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. Тбилиси, 1976 (на груз. яз. с русск. резюме), с. 166, 168.
  - ⁴⁴ Глонти Л., Джавахишвили А., Кизурадзе Т. Антропоморфные фигурки из Храмы Диди-гора.— Дагелас Мегобари (Друзья памятников культуры). Тбилиси, 1973, № 33, с. 97, 98 (на груз. яз. с русск. резюме).
  - ⁴⁵ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века, с. 104, рис. 8, 2.
  - ⁴⁶ Там же, с. 104.
  - ⁴⁷ Кизурадзе Т. В. Периодизация раннеземледельческих поселений..., с. 166.
  - ⁴⁸ Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Согто (по раскопкам 1971, 1973—1974 гг.).— СА, 1975, № 4, с. 99—110. Одновременно с нашей экспедицией памятники этой культуры были исследованы английскими археологами в районе Хатры. См.: Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1971. A Preliminary Report.— Iraq, 1972, v. XXXIV; Eadem. Umm Dabaghiyah, 1972.— Iraq, 1973, v. XXXV; Eadem. Umm Dabaghiyah, 1973.— Iraq, 1974, v. XXXVI; Eadem. Umm Dabaghiyah, 1974.— Iraq, 1975, v. XXXVII.
  - ⁴⁹ Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Советская археологическая экспедиция в Ираке.— Вестник АН СССР, 1969, № 9; Они же. Советские археологические

исследования в Северо-Западном Ираке.— Вестник АН СССР, 1970, № 10; *Они же*. Работы советских археологов в Ираке.— Вестник АН СССР, 1972, № 1; *Они же*. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии (по материалам Советской экспедиции).— СА, 1971, № 3; *Они же*. Археологические исследования в долине Синджара.— АО 1969 г. М., 1970; *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Большаков О. Г., Бадер Н. О., Башилов В. А., Гуляев В. И.* Исследования раннеземледельческих памятников в Северной Месопотамии.— АО 1970 г. М., 1971; *Они же*. Раскопки раннеземледельческих памятников на севере Ирака.— АО 1971 г. М., 1972; *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Большаков О. Г., Джапаридзе О. М., Башилов В. А., Гуляев В. И.* Иракская экспедиция.— АО 1972 г. М., 1973; *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Бадер Н. О., Большаков О. Г., Башилов В. А., Гуляев В. И., Куза А. В., Нариманов И. Г.* Исследования Иракской экспедиции.— АО 1973 г. М., 1974; *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Бадер Н. О., Башилов В. А., Большаков О. Г., Гуляев В. И., Куза А. В., Нариманов И. Г.* Раскопки в Месопотамии.— АО 1974 г. М., 1975; *Они же*. Советская экспедиция в Месопотамии.— АО 1975 г. М., 1976; *Они же*. Исследования Иракской экспедиции.— АО 1976 г. М., 1977; *Мунчаев Р. М.* Итоги работ Иракской археологической экспедиции АН СССР.— В кн.: Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1972, вып. 1; *Бадер Н. О.* Раннеземледельческое поселение Телль Сотто; *Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.* Древнейшая металлургия Месопотамии.— СА, 1977, № 3; *Merpert N., Munchaev R.* The Investigation of the Soviet Archaeological Expedition in Iraq in the Spring 1969.— Sumer, 1969, v. XXV; *Merpert N., Munchaev R.* Excavations at Yarim Tepe 1970.— Sumer, 1973, v. XXVII; *Munchaev R., Merpert N.* The Archaeological Research in Sinjar Valley (1971).— Sumer, 1973, v. XXVII; *Munchaev R., Merpert N.* Excavations at Yarim Tepe, 1972.— Sumer, 1973, v. XXIX, N I—II; *Merpert N., Munchaev R., Bader N.* The Investigations of Soviet Expedition in Iraq, 1973.— Sumer, 1976, v. XXXII, N I—II; *Merpert N., Munchaev R., Bader N.* The Investigations of Soviet Expedition in Iraq.— Sumer, 1977, v. XXXIII; *Merpert N., Munchaev N.*

Bader N. Soviet Investigation in Sinjar Plain.— Sumer, 1978, v. XXXIV, N I—II; *Merpert N., Munchaev R.* Early Agricultural Settlements in the Sinjar Plain, Northern Iraq.— Iraq, 1973, Autumn, v. XXXV; *Munchaev R.* Archaeological Investigations in Mesopotamia.— Social Sciences, 1973, v. 4, N 2 (на англ., франц., испан., япон. языках); *Бадер Н. О.* Телль Магзалия — раннеолитический памятник на севере Ирака.— СА, 1979, № 2; *Мунчаев Р. М., Бадер Н. О.* Раннеземледельческое поселение в Северной Месопотамии.— Вестник АН СССР, 1979, № 2; *Башилов В. А., Большаков О. Г., Куза А. В.* Древнейшие слои хассунского поселения Ярымтепе I в Северном Ираке.— СА, 1980, № 1, с. 106—129.

⁵⁰ *Мунчаев Р., Гуляев В.* Первые земледельцы планеты.— Наука и жизнь, 1973, № 1; *Мунчаев Р., Гуляев В.* И мир встает столетие за столетием.— Наука и жизнь, 1976, № 11; *Мунчаев Р. М., Гуляев В. И.* У истоков цивилизации.— Советский Союз, 1976, № 11; *Мерперт Н., Мунчаев Р.* Археологические раскопки в Синджарской долине.— Азия и Африка сегодня, 1976, № 12; *Мерперт Н., Мунчаев Р.* Тайны Ярыма II.— Азия и Африка сегодня, 1977, № 1.

⁵¹ *Munchaev R. M., Merpert N. J.* New Studies of Early Agricultural Settlements in the Sinjar Valley.— In: VIII Congrès International des sciences préhistoriques et protohistoriques (Belgrade, 1971). Les rapports et communications de la délégation des archéologues de l'URSS. M., 1971; *Merpert N. Ya., Munchaev R. M.* Evidence about Ancient Farming Settlements in North Mesopotamia obtained by the Soviet Expedition.— In: IX International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Reports and Communications by Archaeologists of the USSR. M., 1976.

⁵² *Oates J.* The Background..., p. 163; *Mellaart J.* The Neolithic..., p. 146, 156 sqq.; *Oates J. and D.* The Rise..., p. 101, 102, 107, 108.

⁵³ Для хассунской культуры это периоды «грубой керамики» и «архаической расписной керамики» (см.: *Lloyd S., Safar F.* Tell Hassuna, p. 276—279) или фазы А—В—по классификации П. Мортенсена (см.: *Mortensen P.* Tell Shimshara..., p. 130—132).

Часть первая

ПОСЕЛЕНИЕ ЯРЫМТЕПЕ I

Глава 1

ОБЩИЕ ДАННЫЕ И КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ПАМЯТНИКА

Ярымтепе I — крайний восточный холм группы — расположен на поле в 250 м к востоку от небольшого, пересыхающего в засушливое время ручья Джубара-дяраси, берущего начало в предгорьях Синджара и текущего к югу (рис. 2). В 1 км к востоку в том же направлении протекает другой, тоже часто пересыхающий ручей, именуемый (как и несколько прочих временных протоков этого района) Аброй. Так назван и проток Джубара-дяраси (рис. 2). Ручьи соединяются рядом временных русел. Во время сильных ливней селевые потоки устремляются с севера в долину, ручьи разливаются, увлажняя значительную часть водораздела.

Поверхность водораздела несколько повышается к востоку от Джубара-дяраси. На этом незначительном, но все же менее доступном для разливов возвышении и стоит холм. Он сильно оплыв, поверхность его, помимо естественной эрозии и размыва дождями и внешними водами, в течение многих десятилетий подвергалась регулярной вспашке. Склоны холма чрезвычайно пологи, а на крайних его участках почти полностью нивелированы. Современный диаметр холма не превышает 100 м, а высота над уровнем поля — 5,00 м¹. Однако исследование площади холма и его окружения, фиксация распространения подъемного материала и последующие раскопки, специальные стратиграфические траншеи на крайних участках его северной и южной пол показали, что культурный слой выходит за пределы холма.

Древний поселок занимал площадь, приближавшуюся, видимо, к 2 га. Общая же мощность культурного слоя как в центре, так и на периферии холма превышала 6 м; слой более чем на 1,5 м уходил ниже современного уровня поля, который изменился, очевидно, в связи с определенным повышением горизонта почвенных вод.

По своим размерам поселение Ярымтепе I близко эпонимному памятнику хассунской культуры Телль Хассуна. Высота последнего над скальным основанием соседнего ручья 7 м. Однако собственно хассунский культурный слой имеет мощность 5,2 м и перекрыт слоями халафским, убейдским и перемешанным, включающим ассирийские материалы². Из 15 горизонтов (levels), выделенных в Телль Хассуне, собственно хассунской культуре принадлежат нижние пять и часть шестого; в нем появляется уже халафская керамика. По горизонтам Телль Хассуна покрывает прямоугольник 200×150 м, но далеко не вся эта площадь была занята хассунским поселением; определенные участки холма были с самого начала образованы лишь более поздними наслоениями, и даже вершина холма переместилась за пределы хассунского слоя³. Поэтому оба памятника можно считать близкими по размерам.

Сбор подъемного материала на поверхности Ярымтепе I позволил предположить однокультурность памятника; за единичными исключения-

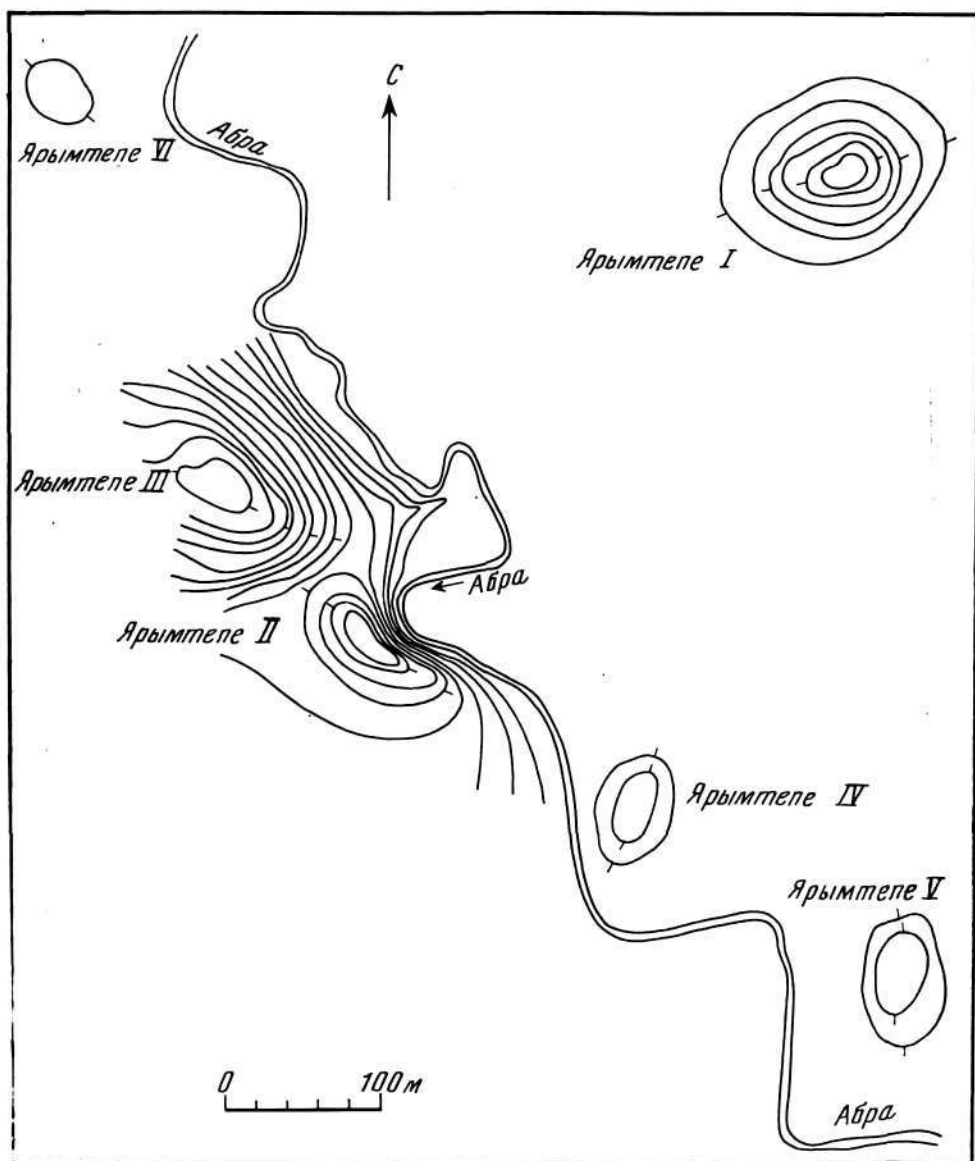

Рис. 2. Группа Ярымтене. Топографический план

ми здесь были представлены лишь фрагменты характерных хассунских сосудов. Раскопки полностью подтвердили это предположение: в отличие от Телль Хассуны весь более чем шестиметровый культурный слой Ярымтене I принадлежал хассунской культуре. Он начинался непосредственно под дерном; регулярных следов более поздних поселений здесь нет. Таким образом, хассунский слой Ярымтене I даже несколько превышает соответствующий слой эпонимного памятника. Жизнь на холме прекратилась одновременно с хассунской культурой⁴.

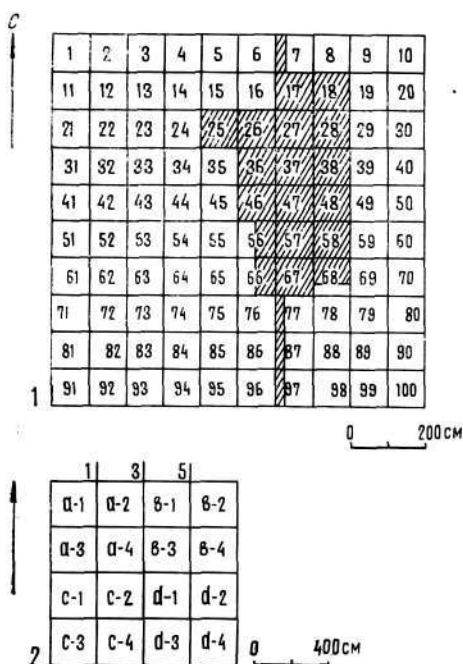

Рис. 3. Ярымтөпө I. Площадь раскопа

1 — сетка квадратов; 2 — схема членения квадрата
Заштрихованы вскрытые квадраты

16 принадлежат халафской культуре, два — относятся к первой половине II тысячелетия до н. э. (старовавилонский период), 49 — к концу I тысячелетия до н. э. — началу I тысячелетия н. э. и около 20 — средневековых или еще более поздних мусульманских (прочие не определимы).

Естественно, такое количество перекопов резко нарушило сохранность хассунского культурного слоя. До глубины 2 м исследованию здесь подверглись лишь отдельные, разорванные перекопами его участки. Только ниже этой глубины появилась возможность изучения последовательных горизонтов на значительных сплошных площадях. Изучение верхней части слоя, столь необходимое для общей документированной характеристики его структуры и содержания, стало возможным лишь благодаря значительному масштабу раскопок — сплошному вскрытию больших площадей.

Вся площадь холма была покрыта сеткой десятиметровых квадратов со сплошной нумерацией от 1 до 100 с запада на восток (единицы) и с севера на юг (десятки) (рис. 3, 1). Для раскопок была избрана восточная половина холма. Раскоп, заложенный первоначально на площади 300 кв. м, неоднократно расширялся, достигнув в восьмом сезоне 1720 кв. м, из них 1660 кв. м — на основной сплошной площади длиной от 45 до 60 м, а 60 кв. м — в траншеях на нижних участках северного и южного склонов холма.

Однако поверхность холма была нарушена хозяйственными ямами, отдельными погребениями и целыми некрополями, относящимися к самым различным историческим периодам⁵. Они достаточно многочисленны: только на площади раскопа (около 1700 кв. м) зафиксированы 84 ямы, из которых более 50 относятся к постхассунскому времени. Во многих ямах найдены, в частности, фрагменты характерных сосудов нововавилонского периода, а в одной из ям — глиняная табличка с клинописным хозяйственным текстом того же времени. Некоторые ямы достигали значительных размеров, диаметр их приближался к 4 м, а глубина — к 3 м. Конструкция ям и находки в них не дают достаточно четких показателей, которые позволили бы судить о назначении этих крупных сооружений.

На этой же площади открыто 107 разновременных погребений, могильные ямы которых врезались в культурный слой на глубину до 2 м⁶. Среди этих погребений

Внутри десятиметровых квадратов дополнительные бровки для стратиграфических наблюдений оставлялись через каждые 2,5 м, что обуславливалось значительной сложностью структуры слоя, большим количеством перестроек, смещением поверхностей, в ряде случаев эфемерностью строительных остатков, трудностью их синхронизации, а следовательно, и выделения групп одновременно существовавших домов, т. е. конкретных поселков. Поэтому фиксировались все разрезы¹, что повышало точность стратиграфических заключений: не только строительные комплексы, открытые в ходе раскопок, но и отдельные следы их перестроек, соотношение между ними на различных этапах их существования получали свое место в общей стратиграфии конкретных участков поселения. Система фиксации стратиграфических данных была предложена О. Г. Большаковым и осуществлялась им и В. А. Башиловым, руководившими на протяжении всего периода работ раскопками конкретных квадратов.

Основной, уже в значительной мере обобщенной стратиграфической единицей при вскрытии культурного слоя поселения служил строительный горизонт, определявшийся по всему комплексу остатков сосуществовавших сооружений, прежде всего по нижним полам и основаниям стен домов и прочих конструкций, и по соотношению их с поверхностями (полами) разделявших постройки участков, гумусными слоями, забутовками, следами нивелировки поверхности. Каждый горизонт отражает значительный отрезок времени, выделяемый, с одной стороны, по сохранению единой планировки значительных участков, с другой — по ряду перестроек, иногда весьма сложных. Переходы от одного горизонта к другому характеризуются заметной общей перепланировкой больших участков. Они в значительной мере условны и отнюдь не означают преднамеренной тотальной перестройки (или постройки заново) всего поселка.

Каждый участок, каждый строительный комплекс имеет свою историю, иногда достаточно специфическую. Определенные участки на протяжении длительного срока сохраняют единую планировку и не подвергаются коренным изменениям, достаточно четко представленным на других участках. Отдельные комплексы существуют в нескольких горизонтах, подвергаясь лишь внутренней реконструкции. Таковы постройки, созданные в позднюю пору одного горизонта и продолжающие существовать в раннюю пору следующего. Они как бы знаменуют переходные периоды между горизонтами. В некоторых случаях в новые постройки включаются элементы старых: группы помещений, единичные комнаты или просто стены. Иногда сооружения предшествующего горизонта используются лишь как субструкции для новых построек, при этом часто верхние части стен срезаются, а сохранившиеся нижние части помещений плотно забутовываются их остатками, превращаясь в площадку для сооружений следующего горизонта.

Нивелировка поверхности отдельных участков, заполнение впадин, укрепление склонов и создание специальных платформ для сооружений усложняют картину каждого строительного периода и саму возможность выделения строительных горизонтов. Необходимо поэтому иметь в виду, что деление на строительные горизонты по-разному выражено на различных участках и в ряде случаев относительно. Оно не подменяет дальнейшего специального исследования всей стратиграфической информации, полученной при раскопках памятника. Такое исследование сможет заметно детализировать периодизацию памятника, историю конкретных по-

строек и соотношение между ними⁸. Мы ограничиваемся более схематичным и обобщенным построением, дающим представление об основных ступенях развития поселения в целом. Для этой цели сохранение понятия строительного горизонта, при всей его условности, представляется вполне рациональным. Помимо конкретных стратиграфических показателей отдельных сооружений, должна учитываться вся их совокупность, т. е. общая картина поселка, а также и все прочие археологические показатели, весь вещевой материал, специфика которого служит одним из решающих факторов, подтверждающих справедливость выделения этапов.

Этим принципам мы и следовали при создании общей стратиграфической схемы памятника.

Синтез результатов стратиграфических наблюдений на различных участках раскопанной площади позволил выделить 12 строительных горизонтов внутри слоя хассунской культуры поселения Ярымтепе I. Верхний, первый строительный горизонт начинается непосредственно под распаханной поверхностью холма. Однако от сооружений его сохранились лишь разрозненные незначительные остатки, сосредоточенные на единичных участках холма, близких к его вершине. На сильно эрозированных склонах следы этого горизонта уничтожены полностью. Лишь в центре раскопа — на квадратах 37 и 47 — на глубине до 0,70 м сохранились следы стен, принадлежавших сложному многокомнатному строительному комплексу, вытянутому с севера на юг и примыкавшему к открытому двору.

Остатки сооружений второго и третьего строительных горизонтов прослежены на большинстве квадратов (27, 36, 37, 46, 47, 57), но и они сохранились чрезвычайно слабо: на склонах слой их, как и в первом горизонте, был эрозирован, а на центральных участках разрушен могильными и хозяйственными ямами. Во втором горизонте (0,70—1,00 м от 0 на центральных участках) удалось определить лишь очертания отдельных помещений, в третьем же (1,00—1,40 м) было уже намечено несколько строительных комплексов с жилыми и подсобными помещениями. Свободные от застройки участки и узкие проходы между домами имели неоднократно обновлявшиеся гипсовые покрытия, зафиксированные и в более ранних горизонтах.

Находившиеся непосредственно под этими остатками сооружения четвертого строительного горизонта (в среднем от 1,40 до 1,90 м от 0) все еще были в пределах досягаемости поздних могил и прочих перекопов. Степень разрушенности их еще очень значительна, но следы специфических сооружений этого горизонта были зафиксированы минимум на восьми квадратах⁹ и позволили предположить определенную специфику застройки восточной половины поселения в тот период. Здесь отмечена значительная концентрация остатков больших (керамических?) печей и связанных с ними сооружений. Печи неоднократно перестраивались и сооружались заново, не все они функционировали одновременно, но район концентрации их сохранялся. С севера, востока и юга этот район был ограничен большими многокомнатными домами, которые также подвергались неоднократным перестройкам: в конце периода на месте ранних обычных прямоугольных домов была сооружена совершенно иная большая постройка почти круглой формы¹⁰. На других же участках сохранялась планировка, выработанная еще в период предшествующего пятого строительного горизонта (квадраты 26, 27 и др.).

Остатки последнего были уже вне досягаемости могил и большинства хозяйственных ям. Они сохранились удовлетворительно и дали относительно полную картину планировки древнего поселка¹¹. В значительной толще этого горизонта (в среднем 1,90—3,00 м от 0) также фиксируются многочисленные перестройки, частичные изменения планировки, ряд «жилых поверхностей», — все это свидетельствует о возможности выделения здесь нескольких субпериодов. С другой стороны, взаимосвязанность различных участков, преемственность их застройки, определенные черты единства в планировке всего поселка обуславливают выделение и горизонта в целом. Сооружения и полы пятого горизонта зафиксированы на всех квадратах; он может считаться наиболее широко исследованным горизонтом и представлен на всех 1720 кв. м вскрытой раскопками площади. Среди сооружений его выделено 11 больших многокомнатных домов, включающих более 150 жилых и вспомогательных помещений; кроме того, вскрыт ряд хозяйственных сооружений: гончарные печи, платформы зерносушилок, большие «складские» постройки (зернохранилища?), скорее всего общинной принадлежности. Очень высока плотность застройки, постепенно охватывавшей свободные ранее участки и даже проходы между домами, что приводило в ряде случаев к необходимости перепланировки значительных участков.

Подобная перепланировка знаменует и самое начало пятого горизонта, в определенной мере условное, но на ряде участков стратиграфически представленное достаточно четко. Центральные комплексы этого горизонта (II, III, IV, V) непосредственно подстилаются постройками иного плана (комплексы XV, XVI), составляющими более ранний горизонт. Достаточно заметные изменения планировки отмечаются и на восточной периферии поселка, где возводятся комплексы X, XI, отличающиеся от предшествующих (XXXIX, XLIV и др.). Вместе с тем отдельные ранние комплексы сохранились и были включены в новый план поселка (комплекс XII на южной периферии поселка).

Шестой строительный горизонт по длительности соответствующего ему периода, сложности планировки, числу перестроек, а следовательно, и по мощности своего слоя (в среднем 3,00—3,80—4,00 м от 0)¹² не уступал пятому. Он также исследован на значительной площади (14 квадратов) и дал большое число жилых и хозяйственных построек, среди которых выделено не менее девяти крупных строительных комплексов. Оформление некоторых хозяйственных построек (хранилищ) отмечено определенной спецификой, свойственной лишь сооружениям этого горизонта (системы вырубленных в глиняном массиве небольших ячеек, огражденные стенами прямоугольного или округлого плана). Специфична и планировка сооружений шестого горизонта. Наряду со сплошной, подобно пятому горизонту, застройкой центральных участков (квадраты 27, 37, 47) в восточной части поселения (квадраты 28—58) планировка была определена большой полукруглой площадью, ограниченной обводной дугообразной стеной, к которой и примыкали расположенные по сторонам многочисленные постройки. В дальнейшем при перестройке к началу пятого горизонта площадь была покрыта завалом строительных остатков, и поверхность всего участка нивелирована. Густая застройка шестого горизонта зафиксирована для всей периферии поселения. Вместе с тем в центральной части холма, на западных участках квадратов 36, 46, застройка как шестого, так и последовавшего за ним пятого горизонта значитель-

но менее активна и представлена лишь отдельными хозяйственными сооружениями (печами и зерносушилками), что позволяет говорить если не о полностью свободном центре поселков этих периодов, то во всяком случае об особом его характере, отличном от характера застройки обычных жилых участков.

Следующий, седьмой строительный горизонт, характеризующийся глубоким своеобразным планом, резко отличным от плана построек шестого горизонта, исследован на площади 700 кв. м (квадраты 17, 27, 36, 37, 46, 47, 57). Стратиграфически он засвидетельствован достаточно четко, хотя уровни его, прежде всего нижний, заметно колеблются на различных участках (основания стен построек от 3,90 м на северных квадратах до 4,40 м — на центральных и южных). На значительных площадях его сооружениями непосредственно подстелены конструкции шестого горизонта. На квадрате 27 под относящимся к последнему комплексом XVIII открыты остатки перекрытого им и совершенно иного по плану комплекса XXIV. Такая же ситуация зафиксирована на квадратах 27, 46, 47, где под постройками комплексов XV, XVI открыты остатки домов XVII и XXII, а также ряд крупных печей и других круглоплановых сооружений. На квадрате 57 плохо сохранившиеся остатки построек шестого горизонта (в том числе хранилища с характерными вырубленными «ячейками») столь же непосредственно подстилались сложной постройкой с жилыми и хозяйственными помещениями, стратиграфически связанной с сооружениями седьмого горизонта на прочих квадратах и подвергшейся заметной внутренней реконструкции (комплексы XIII, XIV). Общая толщина слоя седьмого горизонта достигает 60—70 см. Распространение комплексов этого периода зафиксировано как на северной, так и на южной периферии поселения. Однако расположены они гораздо свободнее, чем постройки более поздних горизонтов. Здесь не отмечено сплошной застройки больших площадей. Четко выделяющиеся компактные строительные комплексы разделены заметными незастроенными участками. Южный жилой комплекс XIII, XIV отделен от жилого комплекса XVII большой площадью, свободно застроенной лишь печами и круглоплановыми постройками. Комплексы XVII, XXII разделялись проходом шириной свыше 2 м, а XXII, XXIV — широкими открытыми дворами. Самый принцип планировки здесь иной, нежели в перекрывающих горизонтах.

Зато подобный принцип — отдельно и свободно расположенные постройки — отмечен в восьмом строительном горизонте, выделение которого также обусловлено рядом прямых стратиграфических показателей. Остатки его сооружений исследовались на более ограниченной площади (квадраты 27, 37, 47, 57, частично 17). Расположение их достаточно показательно. В ряде случаев они непосредственно подстилают постройки седьмого горизонта, существенно отличаясь от них по плану: комплекс XXIX на квадрате 57 перекрыт комплексом XIV; комплекс XIX на квадрате 47 — рядом печей седьмого горизонта; комплекс XXV на квадрате 27 — поверхностью, на которой стояли комплексы XVII, XXII; помещение 265 на квадрате 17 — комплексом XXIV. Сами постройки связаны как общностью планировки, так и едиными поверхностями, на которых фиксируются основания стен (уровни этих поверхностей колеблются на разных участках в основном от 4,30 до 4,80 м, в отдельных случаях до 5,00 м). Наиболее плотная застройка отмечена на квадратах 57, 47. Далее к северу расположен большой участок открытых дворов и крупных

печей, неоднократно перестраивавшихся и последовательно сменявших одна другую. На квадрате 37 открыты вспомогательные постройки и лишь на квадрате 27 — свободно стоящий комплекс XXV с примыкающими к нему большими открытыми дворами. Как и в предшествующих случаях, остатки сооружений восьмого горизонта позволили зафиксировать ряд перестроек, свидетельствующих об относительной длительности соответствующего горизонта периода.

Свидетельства следующих четырех строительных горизонтов зафиксированы на площади 400 кв. м (квадраты 27, 37, 47, 57). Девятый горизонт представлен крайне неравномерно. Сохранность его сооружений и цельность общей их картины заметно уступают соответствующим данным перекрывающего горизонта. И все же он может быть документирован по всей указанной площади на уровнях, колеблющихся от 4,70 до 5,10 м. Лучшее всего он представлен на южных участках. На квадрате 57 открыт сложный многокомнатный комплекс XXXII, включавший в себя еще более ранние конструкции и вместе с тем непосредственно подстилавший остатки комплекса XXIX, относящегося к восьмому горизонту. Аналогичное положение занимал стратиграфически близкий ему комплекс XXVIII на квадрате 47. Он неоднократно перестраивался, а затем, после реконструкции участка, остатки его были перекрыты сооружениями восьмого горизонта — печами 36 и 39 и комплексом XIX. Севернее, на квадратах 37, 27, к девятому горизонту относятся лишь разрозненные помещения и обрывки стен. Здесь зафиксирован ряд относящихся к нему и связанных с отмеченными комплексами поверхностей, а помещения 289, 308 на квадрате 27 перекрыты конструкциями комплекса XXV. На квадрате 37 этот горизонт представлен платформой зернохранилища (комплекс XXVI). Последнюю непосредственно подстилала другая платформа несколько иного плана, стоящая на иной, более ранней поверхности (5,30 м) и связанная уже с сооружениями десятого строительного горизонта. Такие сооружения с наибольшей четкостью представлены на квадрате 57 (первоначальное «ядро» комплекса XXXII) и особенно на квадрате 47, где открыт большой восьмикомнатный комплекс XXXIII (уровни 5,00—5,30 м), подстилающий упомянутые выше остатки комплекса XXVIII девятого горизонта. Этими же остатками перекрыта и одна из массивных печей десятого горизонта.

Менее цельные, но находящиеся в такой же стратиграфической ситуации остатки построек, а также полы этого горизонта отмечены и на квадратах 37, 27.

На всех четырех квадратах зафиксирован и слой следующего, 11-го строительного горизонта (уровни его остатков колеблются от 5,30 до 5,80 м). Наиболее южный жилой комплекс XL этого горизонта открыт на квадрате 57, где он перекрывается слоями, подстилающими упоминавшийся комплекс XXXII десятого горизонта. На квадрате 47 стратиграфически ему близок многокомнатный комплекс XXXIV, существовавший сравнительно долго и подвергшийся серьезным реконструкциям. Он непосредственно перекрыт комплексом XXXIII десятого горизонта. Южнее, на квадрате 37, 11-й горизонт четко представлен сооружениями комплекса XXX (уровни 5,30—5,70 м), продолжающимися и на квадрате 27, где представлен и ряд других конструкций этого горизонта. Последние сохранились крайне фрагментарно, но в ряде случаев они перекрывались остатками построек десятого горизонта.

В свою очередь все открытые конструкции 11-го горизонта, весь его слой перекрывали более ранние сооружения, знаменующие наиболее древний, 12-й (а фактически первоначальный) строительный горизонт поселения. Уровни его остатков колеблются от 5,70 до 6,20 м. Некоторые из построек стоят на материке¹³, другие — на нижних полах, образовавшихся на первых, еще очень незначительных скоплениях культурного слоя. И все они непосредственно перекрыты слоем 11-го горизонта и постройками последнего.

На квадрате 57 12-й горизонт представлен комплексом XLI, значительная реконструкция которого (с перекрытием некоторых первоначальных помещений новыми) привела к созданию комплекса XL, отнесенного уже к 11-му горизонту. Постройки комплекса XLI стоят на материке. То же следует сказать об открытом на квадрате 47 комплексе XXXV (основания стен 5,96—6,03 м), непосредственно перекрытом комплексом XXXIV 11-го горизонта. Севернее, на квадратах 37—27, находился еще один комплекс 12-го горизонта — XXXI. Он стоял на полу, подстилавшемся 5—7 см культурного слоя.

Все эти древнейшие комплексы, как и перекрывающие их, создавались не одновременно и несут следы неоднократных реконструкций. Но подобно всем прочим случаям стратиграфическая связанность их, определенная согласованность планов, наконец, характер находок (прежде всего массового материала) подтверждают выделение единого, хотя и сложившегося в результате нескольких фаз развития поселка, наиболее раннего, строительного горизонта.

Под постройками 12-го горизонта, в материке, открыты крупные котлованы и углубленные в землю очаги. Те и другие связаны с периодом заселения этого участка и строительства первоначального поселка. В отдельный горизонт они не выделяются.

Представленная характеристика структуры культурного слоя по данным основного раскопа подтверждается и результатами наблюдений в специальных стратиграфических траншеях.

Южная траншея (длина 22,5 м, ширина 2 м) охватила западные участки квадратов 77, 87, 97 на южном склоне холма и у его подножия. На участке 77а-1, смежном с вскрытым на основном раскопе квадратом 67, зафиксирована стена в направлении север — юг с массивным контрфорсом и основанием на глубине 4,26—4,40 м (поверхности здесь заметно совпадают к югу). Стена непосредственно подстилала комплекс XII (шестой горизонт) на квадрате 67 и относилась к седьмому горизонту, остатки которого выклиниваются на склоне холма на участке 77с. Спад уровней здесь достаточно резок: северо-восточный угол этого участка — на глубине 3,50 м; юго-восточный угол — на глубине 3,95 м, т. е. спад 45 см на протяжении 5 м поверхности. На этом же участке открыта стена того же направления, несколько сдвинутая к западу и непосредственно подстилавшая первую; она относится к восьмому горизонту, чему соответствует и глубина ее основания (4,80 м). Остатки застройки восьмого горизонта в свою очередь выклиниваются на участке 87а, но здесь их подстилает платформа зерносушилки девятого горизонта (4,90—5,30 м). У южной границы квадрата 87 выклинился слой и этого горизонта. Его подстилала серия полов без остатков сооружений, однако ниже — на уровнях 5,50—5,80 м, соответствующих 11-му горизонту, удалось определить угол слабо сохранившейся постройки. Этот слой выклинивается у

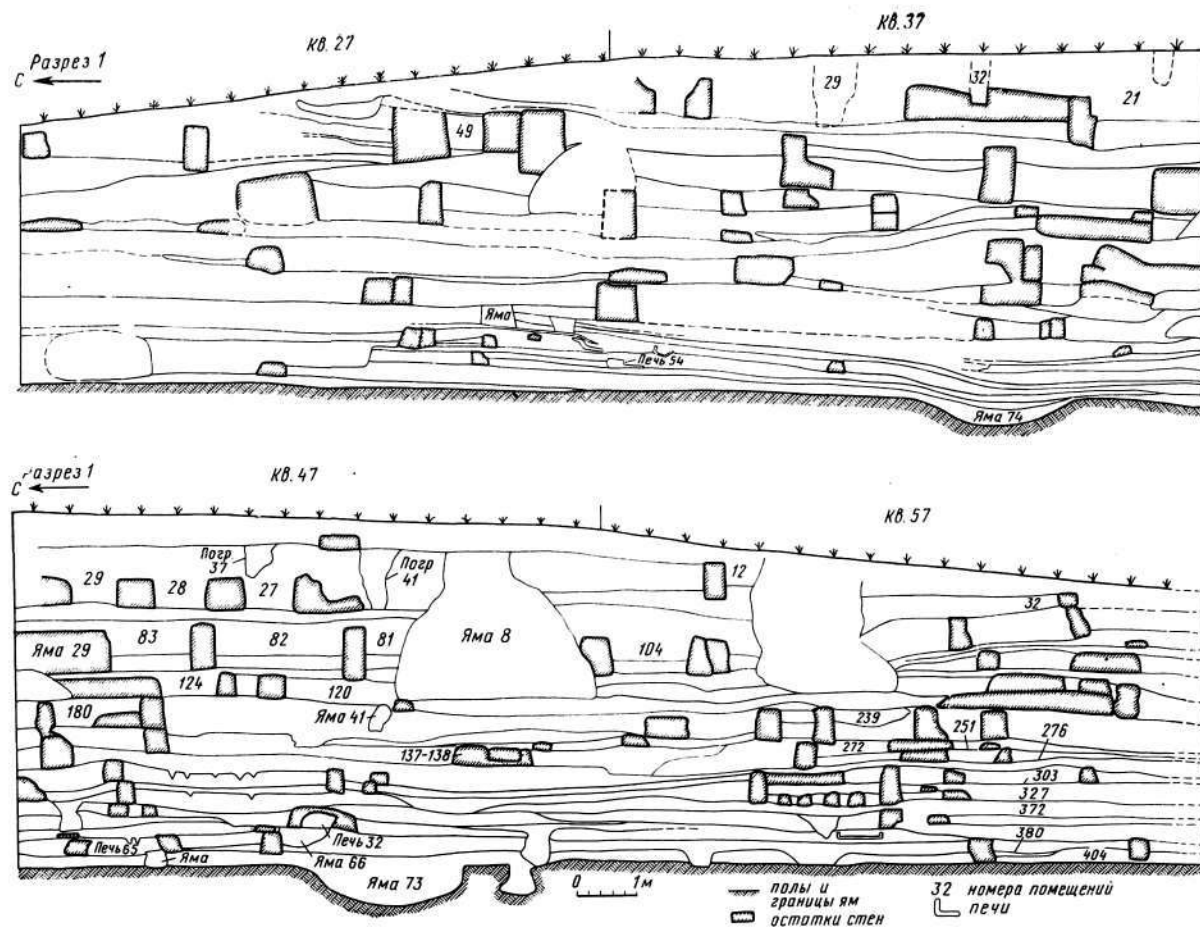

Рис. 4. Ярымтепе I. Разрез север — юг
1 — полы и границы ям; 2 — остатки стен; 3 — номера помещений; 4 — печи

самого подножия холма на участке 97с, где на глубине 6,30 м открыты остатки корытообразного очага, характерного для 12-го горизонта.

Таким образом, на крайней периферии поселения, охваченной южной траншеей, зафиксирована абсолютно та же последовательность строительных горизонтов.

К таким же результатам привели и стратиграфические наблюдения в северной траншее, прошедшей по западным участкам квадратов 7 и 17. Здесь на тех же уровнях были открыты сооружения седьмого, восьмого и девятого горизонтов, ниже следовала серия полов и следов сильно разрушенных (эрозией и халафскими погребениями) конструкций, соответствующих трем нижним горизонтам.

Такова в обобщенном виде структура культурного слоя поселения Ярымтепе I (рис. 4). Не предвзято классификации его материала, отметим самые общие моменты соотношения выделенных горизонтов с предложенными до сего времени системами периодизации хассунской культуры.

Нижние пять горизонтов по составу керамического и прочего материала полностью соответствуют периодам «грубой керамики» (Хассуна Ia) и «архаической расписной керамики» (Хассуна Ib, Ic), выделенным авторами раскопок эпонимного памятника¹. Однако на нашем памятнике эти периоды не расчленяются, поскольку «архаическая роспись» начинается уже в 12-м горизонте. Таким образом, эти горизонты, а также следующий за ними седьмой горизонт отвечают фазам А—В по П. Мортенсену². В седьмом горизонте сохраняющиеся еще традиции «архаической» хассунской росписи сочетаются с новыми, лишь появившимися традициями росписи, резного и комбинированного орнамента «стандартной» Хассуны. По этим признакам горизонт может быть сопоставлен с Хассуной Ic—II или концом фазы В по П. Мортенсену. Самаррская керамика в небольшом количестве появляется в шестом горизонте (подобно Хассуне III) и значительно регулярнее распространяется в пятом и последующих горизонтах (соответствующих Хассуне IV—V — начала VI); шестой — первый горизонты отвечают тем самым фазе С по П. Мортенсену.

Можно с уверенностью утверждать, что культурный слой Ярымтепе I охватывает по меньшей мере весь тот период, который был представлен материалами эпонимного памятника, т. е. весь период развития хассунской культуры.

¹ Указанная нами в одной из первых публикаций (Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии (по материалам раскопок Советской экспедиции). — СА, 1971, № 3, с. 144) высота уточнена при последующих обмерах.

² Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna. Excavations by the Iraq Government Directorate Generale of Antiquities in 1943 and 1944. — JNES, 1945, October, v. IV, N 4, p. 259, chap. 1.

³ Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna, p. 160.

⁴ Следует особо подчеркнуть значительную концентрацию поселков хассун-

ской культуры в данном районе: разведками экспедиции только в радиусе 10 км от Ярымтепе I засвидетельствовано более 20 таких поселков.

⁵ На поверхности холма никаких следов или надмогильных сооружений не сохранилось.

⁶ Мы не включаем в это число 48 хассунских погребений, совершенных в различных горизонтах культурного слоя.

⁷ На каждом десятиметровом квадрате, помимо четырех стен, фиксировались еще шесть разрезов по временным бровкам через 2,50 м; три разреза по

линии север — юг обозначались нечетными номерами (1, 3, 5), три линии запад — восток — четными (2, 4, 6); соответственно каждый десятиметровый квадрат делился на четыре пятиметровых, получавших буквенные обозначения (a, b, c, d); каждый пятиметровый — на четыре квадрата 2,5×2,5 м с цифровыми обозначениями (рис. 3, 2).

⁸ Башилов В. А., Большаков О. Г., Куза А. В. Древнейшие слои хассунского поселения Ярымтепе I в Северном Ираке. — СА, 1980, № 1, с. 106—129.

⁹ Квадраты 27, 28, 37, 38, 47, 48, 57, 58. Разрозненные остатки построек, а также отмеченные особенно значительными зольно-угольными скоплениями полы этого горизонта открыты и на других квадратах.

¹⁰ Merpert N. Y., Munchaev R. M. Early Agricultural Settlements in the Sinjar Plain, Northern Iraq. — Iraq, 1973, Autumn, v. XXXV.

¹¹ Часть плана сооружений этого горизонта см.: Merpert N. Y., Munchaev R. M. Early Agricultural Settlements..., p. 97—99, pl. XXXVII.

¹² На крайнем северном участке — квадрат 17 — уровень нижних полов и оснований стен этого горизонта повышается до 3,40 м.

¹³ В данном случае под материком мы подразумеваем естественную поверхность, подстилающую культурный слой.

¹⁴ Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna, p. 276 sqq.

¹⁵ Mortensen P. Tell Shimshara. The Hassuna period. København, 1970, p. 130—132.

Глава 2

ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Рассмотрим сооружения каждого горизонта, начиная с древнейших (рис. 5—7).

Котлованы в материке (рис. 5). Древнейшими следами намеренного нарушения естественной поверхности на месте будущего поселка явились котлованы различных размеров. Они открыты на всех доведенных до уровня материка квадратах.

На квадрате 27 расширены два котлована. В юго-восточной его части располагался большой котлован 71 неправильной четырехугольной формы, уходящий в восточный борт квадрата¹. Длина его свыше 4,50 м, ширина — 3 м, глубина в материке — 1,02 м. У южного края котлована в материке расположена корытообразная печь 63 (3×1,5 м)². Котлован заполнен черным мусорным слоем с многочисленными зольно-угольными включениями. На северо-западе лишь 50-сантиметровая перемычка отделяла его от другого котлована 72, занимавшего центральную часть того же квадрата. Этот котлован почти правильной круглой формы, диаметром 3 м при глубине в материке свыше 90 см. Заполнение то же.

Весьма сложная картина перекопов в материке открыта на квадрате 37. В восточной его части помещался большой котлован 69 неправильной формы, подстилавший постройки комплекса XXI (12-й строительный горизонт) и забутованный перед его сооружением. Котлован уходит в восточный борт раскопа. Сохранившаяся длина его 3 м, глубина в материке — 80 см. Южная часть котлована нарушена более поздней ямой 70. Диаметр ее более 1,00 м, глубина — 75 см. Яма предшествует всем возведенным на насыпи котлована постройкам. У северного края котлована отмечено еще одно овальное углубление в материке длиной до 3,50 м. Условно оно названо печью 46. Стены углубления сильно прокалены. Начинаясь на поверхности материка (5,98 м от 0), оно имеет два уровня. Верхний отмечен на поверхности 6,28 м и хорошо выделяется черным

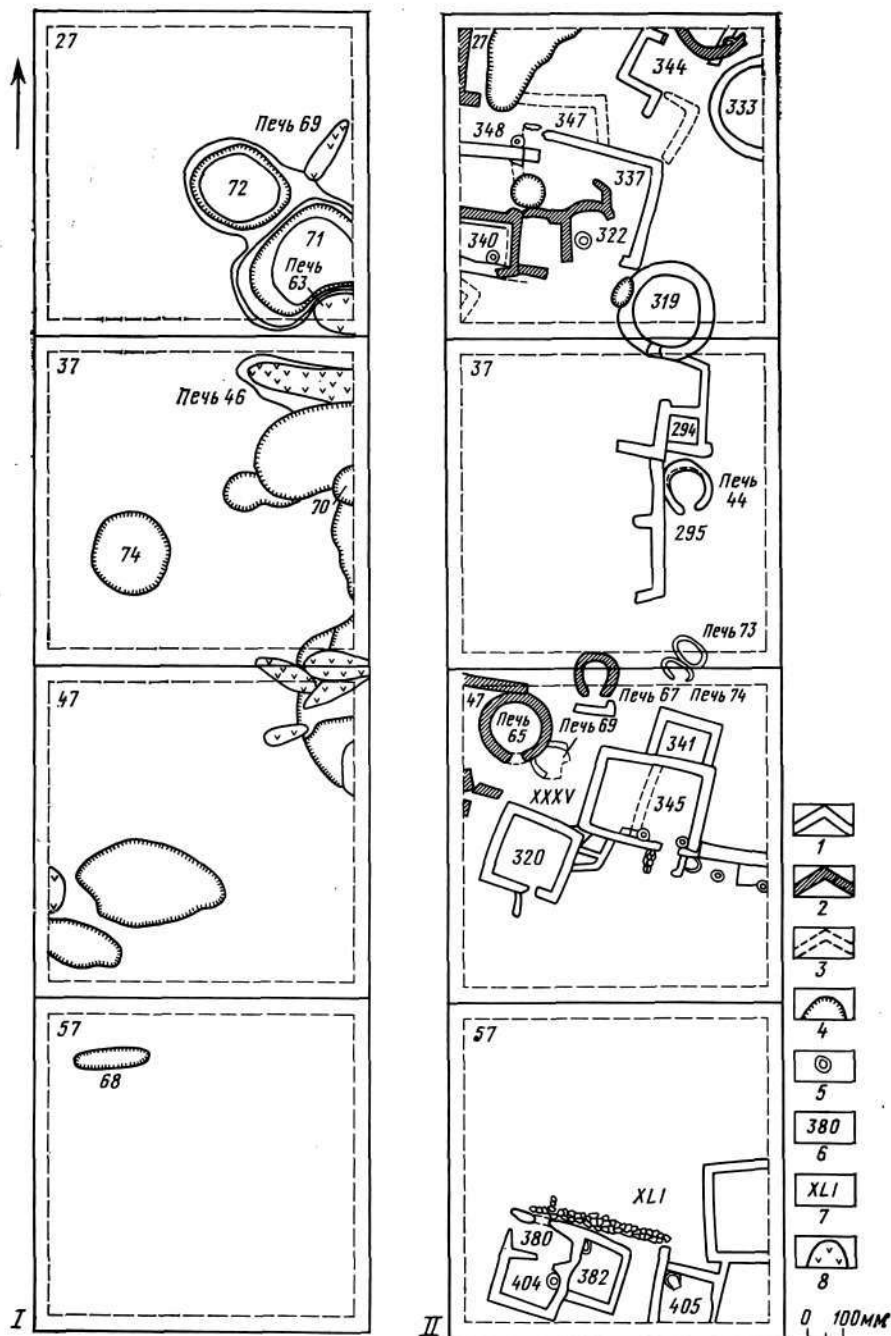

Рис. 5. Ярымтөп I. Планы строительных горизонтов

I — котлованы в материке и печи в ямах; II — горизонт 12

1 — сооружения основного уровня; 2 — сооружения верхнего уровня; 3 — слабые следы стен; 4 — ямы; 5 — вкопанные сосуды; 6 — номера помещений; 7 — номера строительных комплексов; 8 — печи в ямах

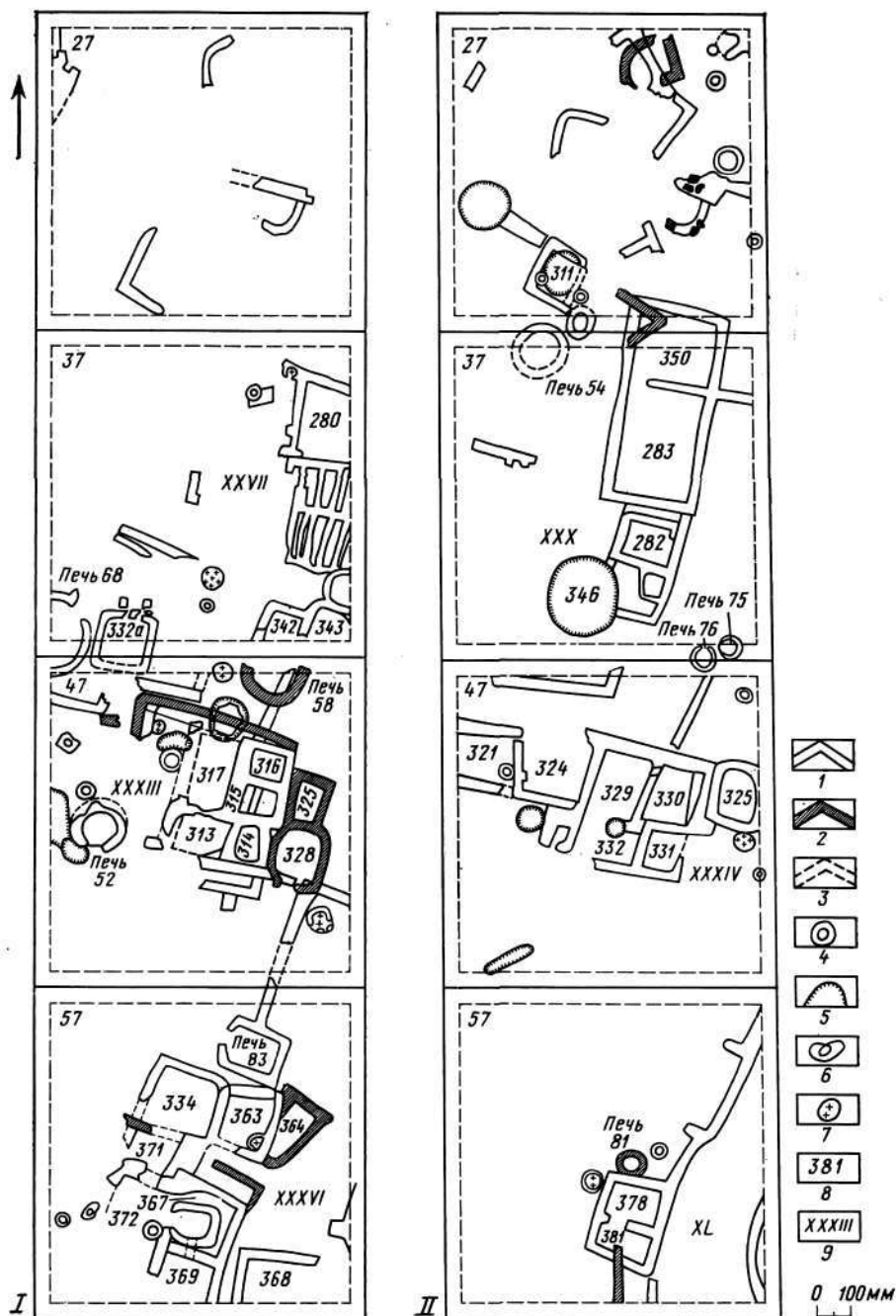

Рис. 6. Ярымтепе I. Планы строительных горизонтов

I — горизонт 10; II — горизонт 11

1 — сооружения основного уровня; 2 — сооружения верхнего уровня; 3 — слабые следы стен; 4 — вкопанные сосуды; 5 — ямы; 6 — ступка; 7 — очаги; 8 — номера помещений; 9 — ноуэра строительных комплексов

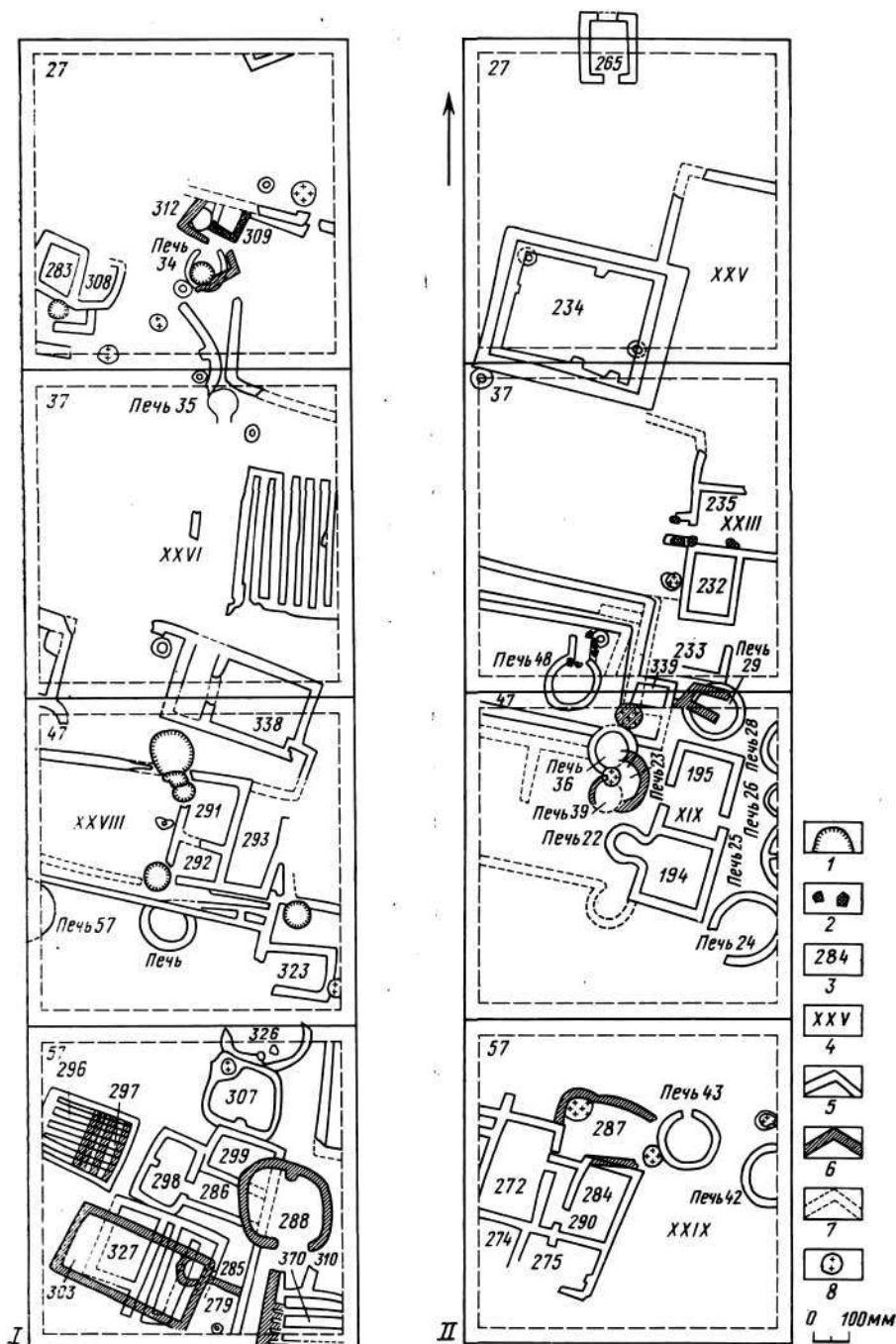

Рис. 7. Ярымтепе I. Планы строительных горизонтов

I — горизонт 9; II — горизонт 8

1 — ямы; 2 — камни; 3 — номера помещений; 4 — номера строительных комплексов; 5 — сооружения основного уровня; 6 — сооружения верхнего уровня; 7 — слабые следы стен; 8 — очаги

зольно-угольным слоем, особенно интенсивным у южного борта. Далее углубление суживается, стенки его становятся более крутыми, дно несколько понижается к востоку (у западного края глубина его 6,47 м, у восточного — 6,58 м). В засыпи встречены прокаленные черепки; на дне — обугленные участки и спекшаяся глина. По-видимому, «печь» верхнего уровня была первоначальной, дно ее выходило на отмеченную поверхность 6,28 м. Позднее она была реконструирована и углублена, причем северная стенка осталась прежней, а южная оказалась сдвинутой к северу. Далее она была засыпана вместе с котлованом при сооружении комплекса XXXI.

В юго-западной части того же квадрата расчищен котлован 74 грушевидной формы, размерами 3,00×2,50 м и глубиной в материке 70 см.

Три котлована открыты на квадрате 47. В восточной его части лишь частично расчищен уходящий в борт квадрата большой котлован 75 глубиной более 1,00 м; юго-западная часть квадрата была занята котлованом 73 неправильной формы (4,50×2,75 м при глубине 80 см) и овальным котлованом 67 (2,50×1,25 м при глубине 55 см). На этом же участке в материке была вскрыта желобообразная печь 68 (2,00×0,50 м при глубине 25 см) с сильно прокаленными бортами. Отмеченные перекопы частично захватывали и северо-западную часть квадрата 57.

Заполнение всех котлованов одинаково. Везде слой мусорный, нерегулярный. Очень много золы, скопления которой вместе с кусками прокаленной глины являются выбросом из временных печей и очагов, разрушенных при расчистке участка и подготовке его к строительству. Фрагменты сосудов, найденные в заполнении котлованов, абсолютно аналогичны керамике 12-го горизонта. Наряду с обычными для Хассуны Iа грубыми остросереберными сосудами-хранилищами с подкосами ко дну встречаются единичные фрагменты кувшинов, горшков и чаш, в том числе нескольких расписных. В котловане 72 найден фрагмент мраморного сосуда с полированной поверхностью, подобные которому встречены и в нижних строительных горизонтах (прежде всего в 12-м).

Точно установить назначение котлованов трудно, но их форма, характер стен, дна, наконец, заполнение не дают никаких оснований считать их жилыми сооружениями, предшествовавшими глиняным домам 12-го строительного горизонта. Соотношение их с последними и вся структура нижней части слоя не позволяют выделить сколько-нибудь заметный период, особый горизонт, связанный лишь с этими котлованами и отмеченный определенным накоплением культурного слоя. Такого слоя нет, и, как мы уже отмечали, ряд комплексов первоначального строительного горизонта помещался непосредственно на материке.

Подобные котлованы в материке, подстилающие первые строительные горизонты, прослежены на ряде древнейших стационарных поселений Ближнего Востока, где господствует глиняная архитектура, таких как Умм Дабагия, Ганчдарех, Телль Рамад, Бейда и др. Эти котлованы и сопутствующие им печи исследователи справедливо связывают с периодами постройки первых поселений и временными лагерями их строителей³. Наиболее вероятно предположить, что большие котлованы служили строителям поселения карьерами для добычи глины, столь необходимой при сооружении массивных построек, отмеченных уже в 12-м горизонте. Перед созданием последних поверхность была никелирована.

Рис. 8. Ярымтепе I. Раскопки нижних горизонтов

1 — общий вид с юга; 2 — общий вид с севера

12-й строительный горизонт (рис. 5). Первые постройки на поселении фиксируются с самого начала его существования (рис. 8—14). Они достаточно четко представлены уже в 12-м строительном горизонте, где остатки их встречены на всех вскрытых квадратах.

Южный участок на протяжении всего периода жизни поселка был одним из наиболее активно застроенных его районов. Первой построй-

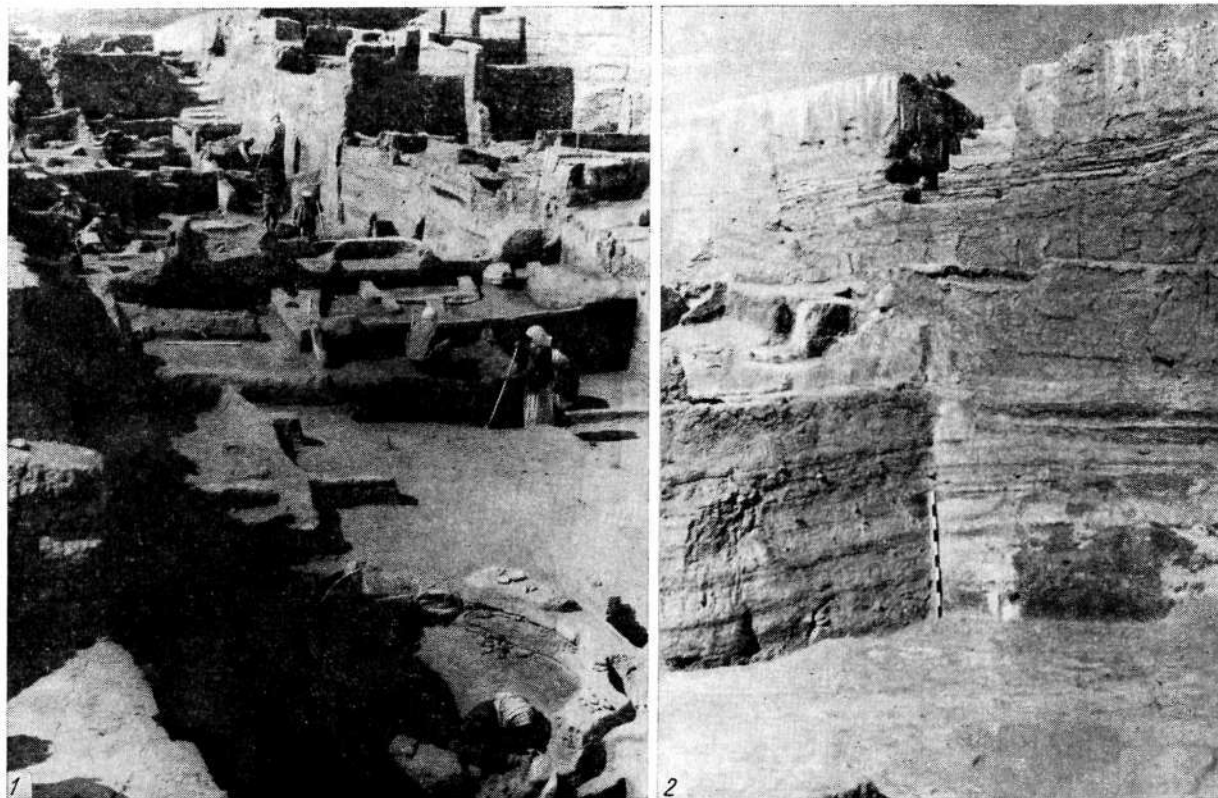
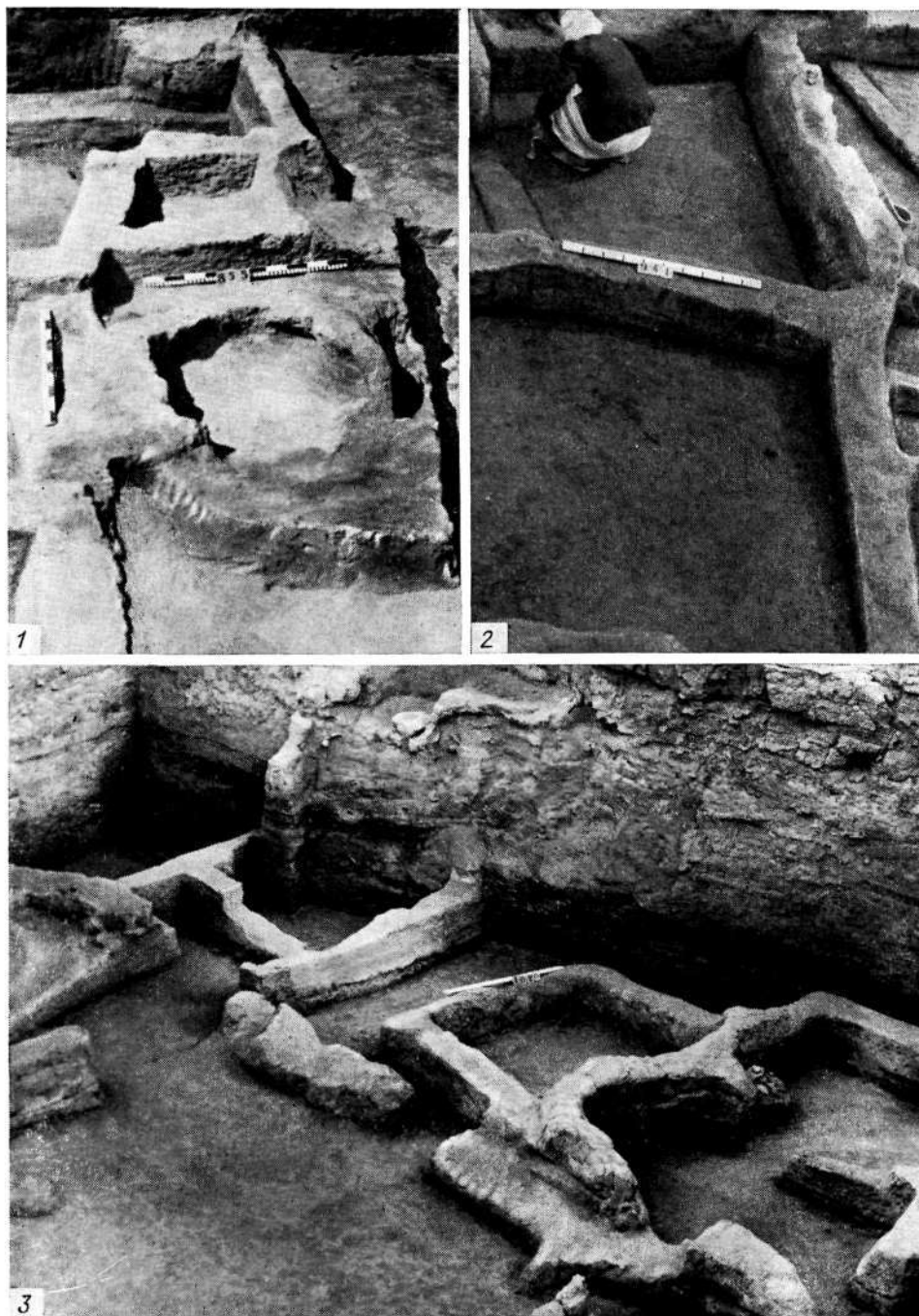

Рис. 9. Ярымтепе I. Раскопки нижних горизонтов

1 — вид с севера, на переднем плане квадраты 27—37; 2 — профиль западной стенки квадрата 37

Рис. 10. Ярымтепе I. Сооружения строительного горизонта 12

1 — комплекс XXXI (квадрат 37); 2 — комплекс XXXV (квадрат 47); 3 — комплекс XLI (квадрат 57)

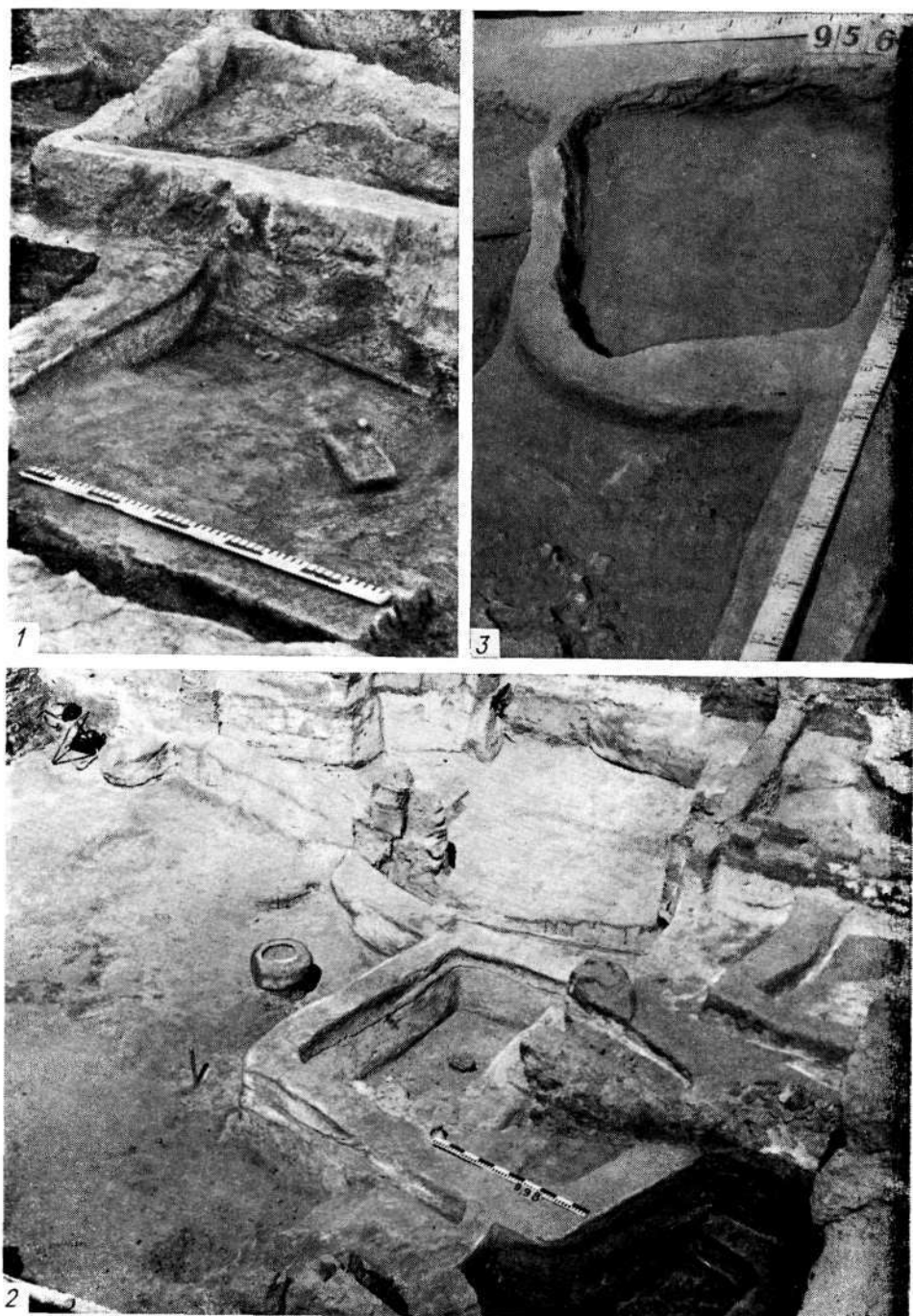

Рис. 11. Ярымтепе I. Сооружения строительного горизонта 11
1 — комплекс XXX (квадрат 37); 2 — комплекс XXX (квадрат 37); 3 — комплекс LX
(квадрат 57)

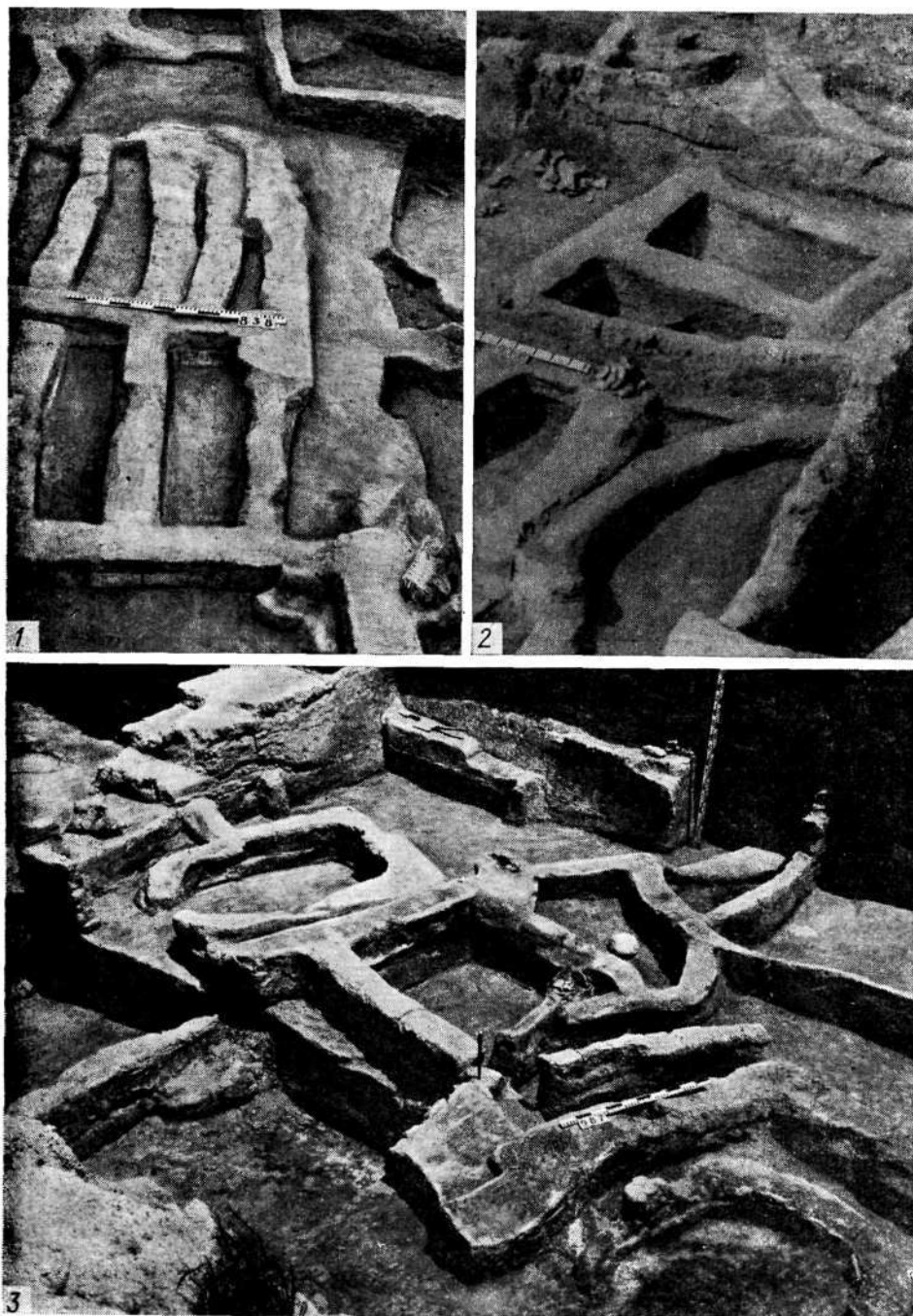

Рис. 12. Ярымтепе I. Сооружения строительного горизонта 10

1 — комплекс XXXVII (квадрат 37); 2 — комплекс XXXIII (квадрат 47); 3 — комплекс XXXVI (квадрат 57)

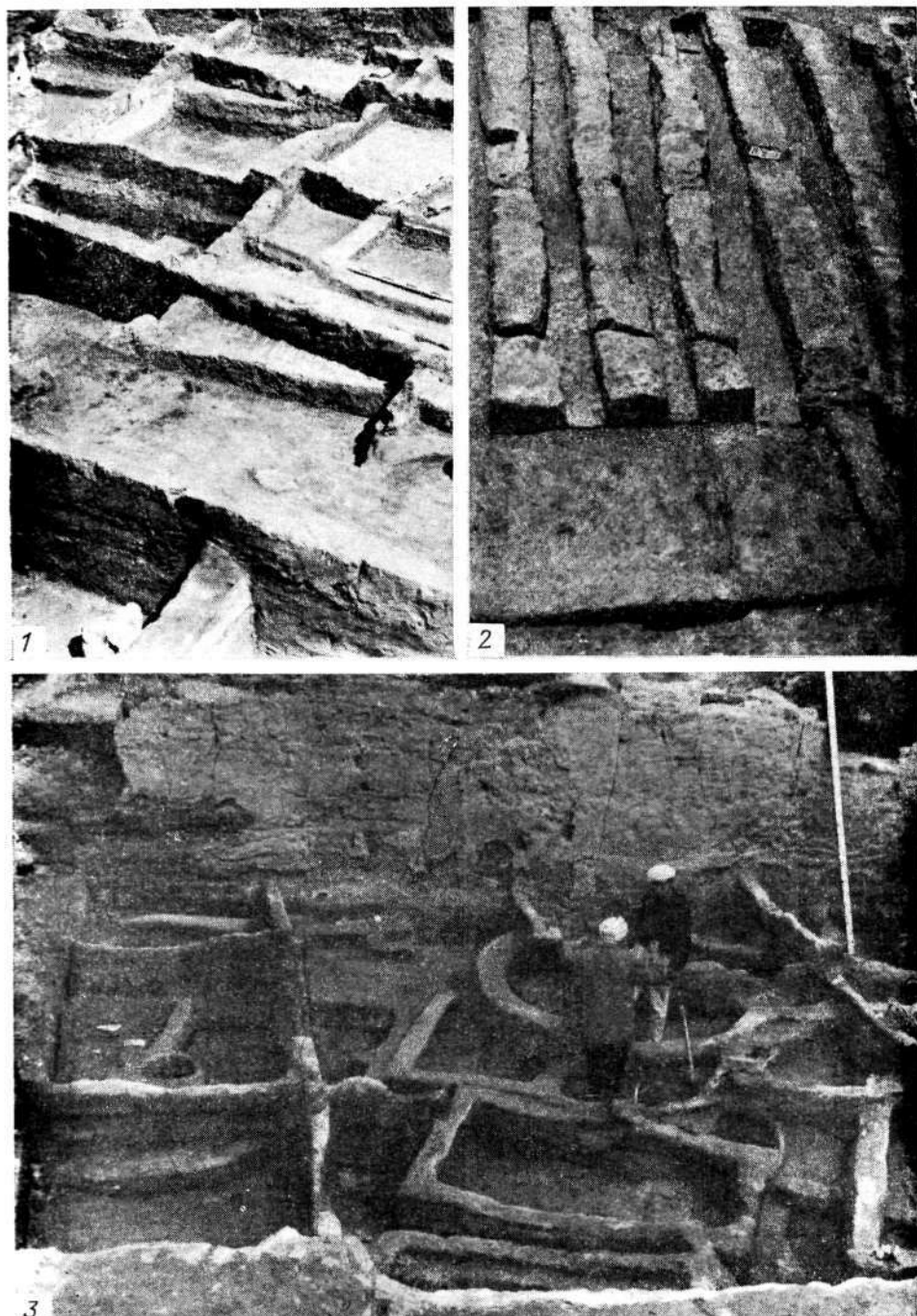

Рис. 13. Ярымтепе I. Сооружения строительного горизонта 9

1 — комплекс XXVI (квадрат 37); 2 — комплекс XXVIII (квадрат 47); 3 — комплекс XXXII (квадрат 57)

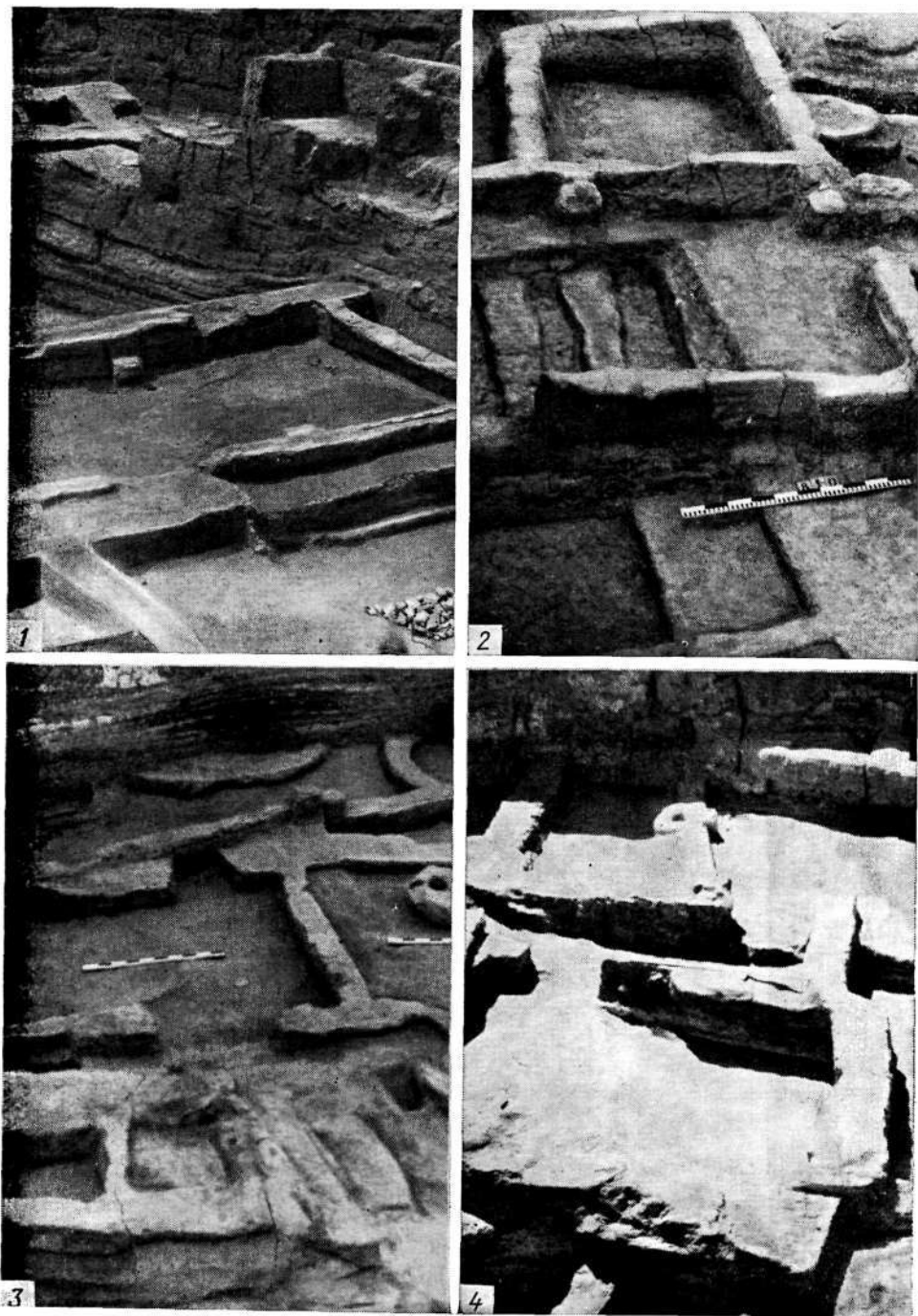

Рис. 14. Ярымтепе I. Сооружения строительного горизонта 8
1 — комплекс XXV (квадрат 27); 2 — комплекс XXII (квадрат 37); 3 — комплекс XIX (квад-
рат 47); 4 — комплекс XXIX (квадрат 57)

кой, стоящей фактически на поверхности материка, явился здесь комплекс XLI, открытый на южной половине квадрата 57 (рис. 10, 6). С ним связана и массивная прямоугольная платформа, целиком занимавшая участок 57d-2. Ширина платформы (север — юг) 3 м, длина — более 3 м (сооружение уходит в восточный борт квадрата), высота над уровнем материка — 43 см. Поверхность платформы открыта на уровне 5,65 м. Платформа сложена из «ломтей» красной и черной глины. Она окована мощными стенами толщиной до 30 см, прослеженными с северной, южной и западной сторон. Под южной частью платформы отмечена тонкая (2—3 см) гумусированная прослойка. Севернее она вклинивается в 12-й горизонт и несомненно с ним связана, не представляя никакого отдельного периода. Платформа перекрыта полами 11-го горизонта; на нижнем из них (5,50—5,65 м) стояла округлая постройка этого периода.

Назначение платформы определить трудно. Наиболее вероятно предположение об использовании ее для сушки зерна.

Прочие сооружения комплекса XLI располагались к югу и западу от платформы, на участках 57c-d, где открыты четыре помещения (380, 382, 404, 405). Три из них смежные и входят в состав единой постройки. Основную ее часть составляет прямоугольник размерами $3 \times 2,25$ м, ориентированный с юго-запада на северо-восток. Дверной проем шириной 50 см отмечен в северной стене. Прямоугольник разделен тонкой (15 см) перегородкой с дверным проемом (60 см) на два небольших помещения (рис. 15, 3): северное (380), размерами $1,70$ (запад — восток) $\times 1,40$ м, и южное (404), размерами $1,60 \times 1,25$ м. В северо-восточном углу последнего был вкопан в землю крупный (диаметр 35 см) сосуд-хранилище со следами окраски по горлу и плечам.

Примыкающее к первым двум с востока помещение 382 имеет размеры $1,45 \times 1,45$ м; северная стена его служит продолжением стены помещения 380. В северо-западном углу его находился очаг в положенной на бок половине крупного (диаметр 50 см) грубого сосуда. Очаг был сооружен не на нижнем полу комнаты, а на 20 см выше него, на втором полу. Он перекрыт западной стеной помещения 381, относящегося уже к следующему строительному горизонту.

С востока помещение 382 отделено проходом шириной 75 см от следующего помещения 405. С севера проход перегороден полосой субструкции шириной до 40 см, лежащей на материке и продолжающейся к западу с внешней стороны северной стены помещений 382 и 380, вплоть до конца ее. Субструкция состояла из равновеликих комьев глины: она укрепляла стену и северную часть помещения 405. Последнее вскрыто лишь частично (оно уходит в южный борт квадрата). Размеры его $1,50$ (запад — восток) $\times 1,35$ м (не полностью). Дверного проема не было; очевидно, оно отделялось от смежных западных помещений лишь низкой стенкой. Основание стен этого помещения, как и трех предшествующих, — на поверхности материка (здесь 6,05 м). Пол его несколько углублен в материк (до глубины 6,20 м). В северо-западном углу помещения находился очаг в положенной на бок половине крупного сферического сосуда. Западная стена помещения на 50 см продолжается к северу, где упирается в отмеченную субструкцию. Восточная стена также продолжается к северу и непосредственно примыкает к платформе. Стены сооружений комплекса XLI сохранились на высоту от 35 до 50 см. Они массивны (толщина достигает 35 см), с обеих сторон покрыты слоем глиняной штукатурки.

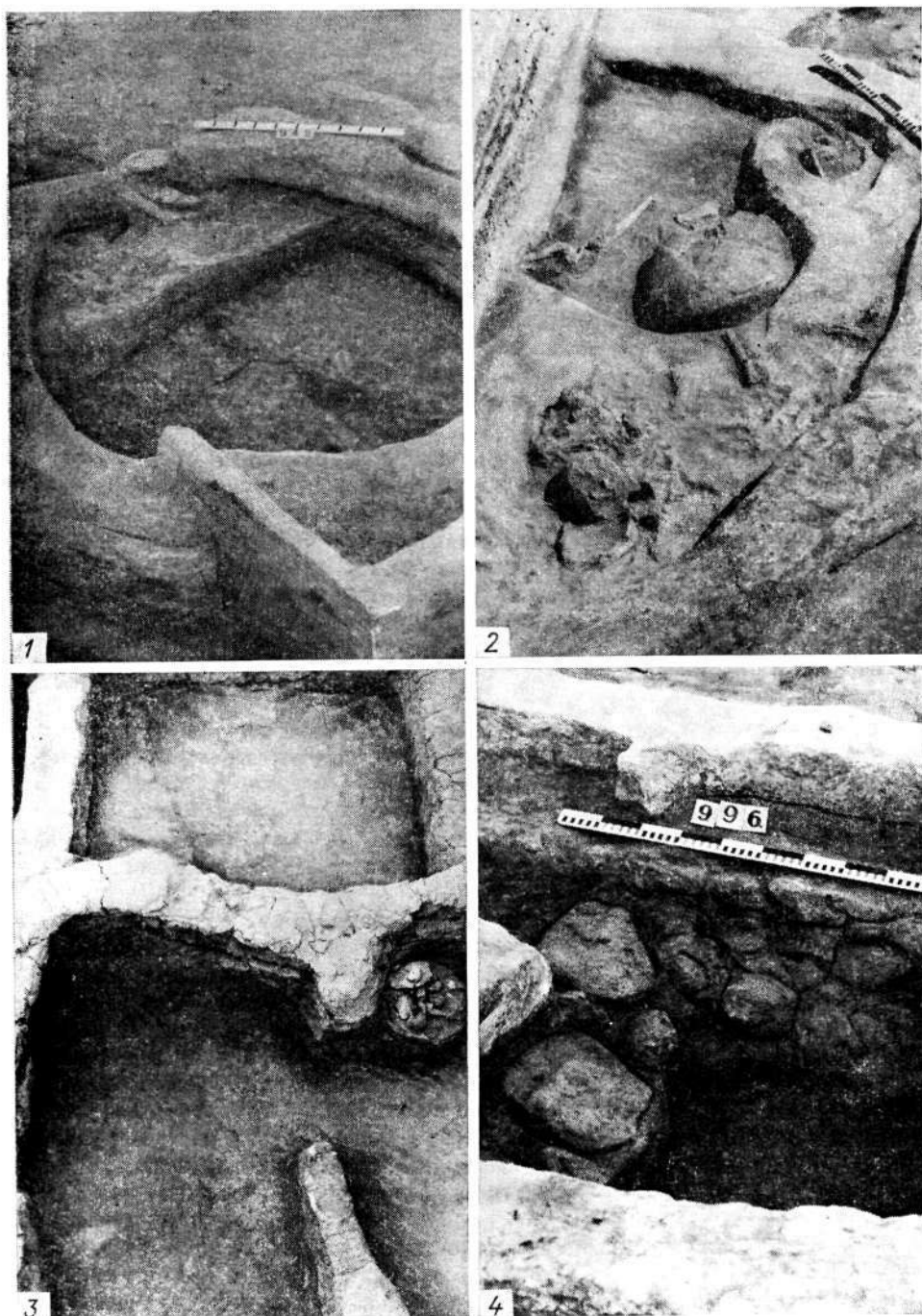

Рис. 15. Ярымтепе I. Детали сооружений нижних горизонтов

1 — толос 319, горизонт 12, с северо-востока; 2 — толос 333, горизонт 12, с севера; 3 — деталь комплекса LXI, с востока; 4 — деталь комплекса LX, с юга

Керамика из помещений комплекса ХLI представлена прежде всего фрагментами крупных грубых сосудов с примесью рубленой соломы в глиняном тесте, сферических или с подкосами к маленькому плоскому дну. В нескольких случаях отмечены следы росписи. В помещении 105 найден фрагмент небольшой грубой чаши на ножках; в помещении 382 — фрагмент тонкой красной чаши с лощеной поверхностью.

Северная половина квадрата 57 не содержала остатки сооружений. Постройки этого раннего горизонта располагались еще достаточно свободно, с заметными интервалами. Здесь на уровне материка открыты лишь квадратный очаг с прокаленным и покрытым зольно-угольными пятнами подом и два «сосуда» из необожженной глины, один из них — с внутренней перегородкой.

Следующий строительный комплекс XXXV открыт уже на квадрате 47 (рис. 10, б). Сохранность его сооружений очень неравномерна. Удалось определить три прямоугольных помещения, составляющих его. Верхний срез их стен от 5,50 до 5,75 м, основания стен на глубине от 5,96 до 6,30 м.

Крайним с юго-запада было помещение 329, квадратное, со стороной 2,00 м и дверным проемом около 50 см в южной стене. Помещение ориентировано с юго-запада на северо-восток. Продолжение его восточной стены пересекало участок а-4 и являлось западной стеной помещения 345, вытянутого к юго-востоку — востоку и имевшего размеры 2,80×2,10 м. У юго-восточного угла его в южной стене открыт дверной проем шириной около 40 см, фланкированный двумя стенками длиной до 75 см; основу западной составляет выкладка из фрагментов крупных сосудов.

Южная стена помещения 345 продолжается до восточной границы квадрата. На участке d-2 с южной стороны к ней сделана пристройка, у основания которой был вкопан крупный сосуд (глубина 5,50—5,90 м.) Западнее пристройки, очевидно в период основания самого комплекса, был вкопан в материк второй крупный сосуд (глубина 6,00—6,30 м.). Два подобных сосуда вкопаны в материк и внутри помещения 345, в юго-восточном его углу и у южной стены (не исключена возможность наличия внутренней поперечной перегородки внутри помещения 345, в таком случае сосуд был вкопан в углу между этой перегородкой и южной стеной). Под подошвой восточной стены помещения на глубине 6,03 м найден свинцовый браслет. В западной части помещения на полу отмечена выкладка из гальки (очаг?). Вне помещения очаг обнаружен в углу между южной стеной и восточной фланкирующей вход стенкой.

Южный угол между помещениями 320 и 345 был отделен тонкой дугообразной перегородкой и разделен прямой стенкой на две хозяйственные ячейки. С севера к помещению 345 пристроено небольшое помещение 341 (1,50×1,25 м).

Кроме того, на участке 47а-2 открыт юго-восточный угол еще одного помещения с верхним обрезом стен на глубине 5,90 м и основанием их на глубине 6,06 м. Это помещение, безусловно, синхронно комплексу XXXV. Такое же стратиграфическое положение занимают остатки круглой печи 69 (диаметр 1 м) на участке а-4, в северном углу между помещениями 320 и 345.

Стратиграфическое соответствие комплексов ХLI и XXXV не вызывает сомнений: оба они фактически стоят на материке. При этом последний перекрывает забутованные в связи с его постройкой котлованы

в материке. Столь же несомненно соответствие этим сооружениям и следующего к северу комплекса XXXI, открытого на квадрате 37 (рис. 10, 1).

Здесь на глубине 5,65—5,70 м в восточной части квадрата был зафиксирован верхний срез стен прямоугольных помещений, ориентированных почти правильно по сторонам света. Массивная стена, идущая по направлению север — юг, толщиной 30—35 см ограничивает с запада маленькое квадратное помещение 294 (80×75 см) и смежное с ним с юга длинное помещение 295 (4,00×1,50 м). В северной части последнего расположена круглая печь 44 со сводом диаметром более 1 м. Отдельные следы стен и помещений отмечены и к западу от помещения 295; пол одного из них был несколько приподнят и вымощен фрагментами крупных сосудов. Вторая такая же вымостка была открыта к северу от помещения 294 на квадратном участке 1,30×1,30 м, ограниченном стенами с трех сторон.

Основания отмеченных стен зафиксированы на уровне 5,95—5,97 м, т. е. практически на материке. На отдельных участках их подстилают лишь котлован 69 в материке и связанная с ним «печь» 46, которые, как уже подчеркивалось, не отражают отдельного периода в жизни поселения.

Юго-восточный угол комплекса XXXI открыт на участке 37d-3, где он непосредственно перекрыт помещением 346 комплекса XXX (11-й горизонт). Глубокий перекоп, затронувший западную часть этого помещения, разрушил и продолжение к западу южной стены комплекса XXXI, которая, судя по сохранившемуся наибольшему ее участку, была столь же массивна, как и восточная стена (толщина ее до 35 см).

Завершение комплекса с северной стороны носило необычный характер: стена, шедшая на север — северо-запад по участку 37b-1 сочленялась здесь с массивной постройкой круглой формы — толосом 319 (большая часть его располагалась на квадрате 27), толщина стен которого превышала 30 см. Диаметры толоса 2,25 (север — юг) и 2,10 (восток — запад) м. Обмазанный глиной верхний пол вскрыт на глубине 5,75—5,80 м. Стены сохранились в высоту на 20—30 см. В южной части стена прорезана: в прорезе лежал сильно сплюснутый сосуд диаметром не менее 40 см, с ребром в нижней части и резкими подкосами к дну. Половина подобного сосуда диаметром 35 см найдена в яме, вырытой внутри толоса, у южной стены его; она покрывала костяк младенца (погребение 133). Другое погребение (126) нарушило стену толоса с внешней, западной стороны; яма его вырыта с уровня 11-го горизонта. У южной стенки, к западу от погребения 133 находился маленький овальный очаг (35×25 см), отделенный от ямки погребения тонкой перегородкой (40×10 см). У северной стены толоса найдены крупные фрагменты большого глиняного сосуда, а в центральной части — обломок небольшого мраморного сосуда, тщательно сделанного и подобного сосудам Телль Состто и Умм Дабагии. Кроме того, на полу найдены челюсть козы (?), обломки обсидиана и многочисленные пятна охры. Наиболее интересная находка оказалась несколько восточнее центра, где на глубине 5,78 м лежало ожерелье из крупных, средних и мелких бус, из которых 67 каменные, а одна — из раковины.

Дальнейшая расчистка толоса 319 показала, что пол отмечает второй период существования постройки. Основание же его — на уровне в среднем 6,00 м — определено на черной засыпи котлована 71. выкопанного в

материке. Край котлована, направленный с юго-востока на северо-запад, перекрыт толосом. Стены последнего ниже уровня пола и отражают ранний (первоначальный) период существования этой интересной постройки. В этом нижнем ярусе стен (6,00—5,75 м) с северо-северо-восточной стороны открыт дверной проем, расширяющийся кверху от 40 до 60 см. Обе стороны проема обрамлены стоящими на ребре каменными плитами (20×20×5 см), одна из которых заметно выдвинута вперед. При перестройке и создании верхнего пола проем был заложен камнями; некоторые из них сильно обожжены. Нижняя часть толоса вплоть до уровня верхнего пола заполнена культурным слоем (рис. 15, 1).

Севернее толоса 319 остатки постройки 12-го горизонта густо покрывают квадрат 27, но почти все они фрагментарны и не дают законченного представления о плане конструкций. В западной половине квадрата обрывки массивных стен найдены на всех участках, кроме крайних южных. На участках а-4, б-3 и д-1 открыта часть большого помещения 337 (шириной более 2,50 м), ориентированного с юго-востока — востока на северо-запад — запад. Стены его несут явные следы серьезной реконструкции. Могут быть выделены два яруса: нижний — 6,00—5,80 м и верхний — 5,80—5,65 м. Пристроенное к нему с севера небольшое вспомогательное помещение 347 (1,00×1,00 м) очерчено на участке а-4, а еще меньшее помещение 340 (шириной 75 см), окруженное очень массивными стенами, открыто на участках с-1 и с-3. На участке а-3 массивная стена, являющаяся, возможно, продолжением северной стены помещения 337, ограничивает с юга помещение 348. Следы разрушенных ямой 64 конструкций зафиксированы на участках а-1, а-2. Восточнее, на участке б-1, расчищена часть прямоугольного помещения 344 размерами 1,35×1,25 м, ориентированного с юго-запада на северо-восток. С юга к нему примыкает стена, идущая в сторону помещения 337, но разрушенная перекопом.

В северо-восточной части квадрата найдены остатки двух толосов. Большая часть одного из них на участке б-2 уходит в северную стену квадрата; половина другого на участках б-2 и б-4 уходит в восточную стену квадрата. Последний толос получил № 333 (рис. 15, 2). Диаметр его около 2,50 м. Толщина стен, сохранившихся в высоту до 30 см, колеблется от 25 до 32 см. Верхний срез их у северного края 5,32 м, у южного — 5,70 м, что соответствует общему заметному спаду культурного слоя к югу. Пол толоса также «сползает» к югу, средняя его глубина 5,80 м. На полу найдены остатки большого раздавленного остророберного кувшина диаметром и высотой свыше 50 см, с подкосами ко дну, фрагменты еще минимум трех сосудов, а также разрозненные кости не менее двух взрослых людей (погребение 131). Лучевая кость человека найдена также внутри кувшина, где наряду с ней находились позвонки и кости овцы, обугленное зерно и крупный камень. Толос перекрыл вырытую в материке корытообразную печь и очень низко срезанную стенку более раннего сооружения того же горизонта.

Приведенные факты позволяют уже для 12-го горизонта говорить о безусловном наличии домостроительства⁴ и об определенной специфике застройки конкретных участков. С самого начала здесь встречены многокомнатные постройки, с чрезвычайно массивными стенами, покрытыми глиняной штукатуркой. Они заставляют решительно пересмотреть положение о том, что хассунское домостроительство началось не сразу и с весь-

ма примитивных однокомнатных построек, подобных жилищу из слоя Хассуны Ib³. Теперь можно говорить не только о достаточно развитой строительной традиции, но и об известном разнообразии построек. Последнее связано со спецификой определенных участков поселения. Жилой район, вскрытый на квадратах 37, 47, 57, характеризуется простыми, но во всех случаях состоящими из нескольких комнат домами с абсолютным господством прямоугольных конструкций. Массивность последних обуславливает относительную их сохранность. На северном участке (квадрат 27) характер сооружений иной: здесь не встречены многокомнатные комплексы, постройки невелики и, что наиболее интересно, наряду с прямоугольными существуют хорошо выраженные круглые конструкции типа толосов. Известно, что в целом последние считались абсолютно не характерными для хассунской культуры. В самой Хассуне найдено лишь одно круглое сооружение, также в нижней части культурного слоя (слой Ic), признанное уникальным для архитектуры этого поселения. По имеющимся внутренним перегородкам, печи, значительным зольным скоплениям, а также по характеру находок оно было отнесено к числу жилищ⁴. Круглые постройки 12-го горизонта Ярымтепе I, напротив, ни по размерам, ни по оформлению интерьера, ни по находкам к жилым сооружениям отнесены быть не могут. Окончательное функциональное определение их пока рискованно, но следует отметить безусловную связь их с погребениями. Погребения в самих постройках или под их полами найдены в толосах 319 и 333. Подобные случаи встречены и в последующих горизонтах нижней части культурного слоя и будут рассмотрены в соответствующих разделах. Особый характер носят и находки в толосах (отдельные кости и части костяков жертвенных животных, явно намеренно положенное ожерелье и пр.). Характерно, что именно на северном участке сконцентрирован и ряд прочих захоронений 12-го горизонта, сохранных в больших вкопанных в землю сосудах (погребения 145, 146 и др.).

Все изложенное позволяет предполагать особый характер как кругло-плановых сооружений, так и самого участка, на котором они встречены. Во всяком случае отличия этого участка от обычных жилых районов достаточно очевидны.

11-й строительный горизонт (рис. 6). Все предыдущие сооружения древнейшего поселка на месте Ярымтепе I перекрыты остатками построек следующего уровня, стратиграфически взаимосвязанными (т. е. стоящими на единых или весьма близких полах) и выделенным в 11-й строительный горизонт. Он представлен на всех четырех квадратах.

На квадрате 57 прежде всего зафиксирована коренная реконструкция комплекса XLI, отдельные элементы которого были включены в новую постройку, другие же сменены полностью, так что первоначальные помещения (382) оказались перекрытыми новыми. Столь серьезная реконструкция, несмотря на отдельные черты преемственности, позволяет говорить о новом комплексе XL (рис. 11, 3; 15, 4).

Прежде чем перейти к его характеристике, отметим, что основные строительные остатки 11-го горизонта лежат на уровнях 5,50—5,75 м, иногда опускаясь до 5,90 м. Остатки эти подстилают комплекс XXXVI десятого горизонта, но на некоторых участках выделяется промежуточная прослойка на глубине 5,30—5,60 м. На участке с-2 на этой глубине, непосредственно под стенами комплекса XXXVI, найдены три открытых

очага; один из них — в лежащей на боку половине большого сосуда-хранилища с подкосами ко дну (высота сосуда 65, диаметр — 55 см). С ними связаны два таких же сосуда-зернохранилища, вкопанных в землю, и участок покрытой гипсом поверхности, а южнее, на участке d-3, остатки стен с основанием на уровне 5,50 м. Эта прослойка знаменует позднюю фазу 11-го горизонта, сооружения которой почти полностью нивелированы при создании хронологически следующего комплекса XXXVI.

Комплекс XL занимает восточную и южную часть квадрата. В восточной его части, на участке b, открыта длинная стена, идущая с северо-востока на юго-запад и сохранившаяся в высоту на 15—20 см. Толщина стены 30 см. Она прослежена на протяжении 7 м. С западной стороны, на участках b-2 и b-3, она укреплена двумя крупными контрфорсами. Основание стены на участке b-2 у северо-восточного окончания квадрата на глубине 5,90 м; к югу оно поднимается до 5,65 м на участке d-1.

С восточной стороны связанных со стеной сооружений на участке b нет; там у основания ее отмечены лишь два скопления костей крупного животного (быка?). С запада же на участках c—d к стене непосредственно примыкает прямоугольная конструкция размерами 2,00×1,50 м, разделенная внутренней перегородкой на два небольших помещения 378 и 381, соединенных дверным проемом. Верхний срез их стен — на глубине 5,50—5,60 м, уровень основания 5,65 (восточная стена) — 5,85 (южная стена) м. Постройка явно стояла на несколько скошенной поверхности. Западная ее часть непосредственно перекрывает помещение 382 12-го горизонта и упоминавшуюся субструкцию из комков глины. Последняя, впрочем, была вторично использована при создании новой постройки, а также дополнена подобной же субструкцией второго уровня (5,70—5,77 м), укреплявшей западную стену дома. Восточная же стена комплекса XL, переходящая севернее в длинную стену, непосредственно перекрывает западную стену помещения 405 12-го горизонта. Таким образом, вторичный характер комплекса XL представляется несомненным. На участке d-4 ему соответствует дугообразная стена — часть округлого сооружения диаметром не менее 3,20 м, уходящего в южный и восточный борт квадрата (уровни 5,50—5,70 м) и стоявшего на поверхности, перекрывавшей платформу комплекса XLI.

Северо-западная часть квадрата 57 в этот период оставалась свободной от фундаментальных построек. На участках a-1 и a-3 найдено лишь семь округлых и овальных сосудов из необожженной глины диаметром от 25 до 50 см (подобные же в нижних горизонтах отмечены и на других участках).

Далее к северу на квадрате 47 период 11-го горизонта представлен системой взаимосвязанных сооружений, объединенных в комплекс XXXIV. Остатки его располагаются на уровнях от 5,30 до 5,80 м, свидетельствуя о довольно долгом существовании построек и нескольких их реконструкциях. Наличие гумусной черной прослойки, разделяющей два яруса стен, позволяет предполагать два основных периода их существования. При создании этих построек использовались остатки и более ранних конструкций. Основание северной стены комплекса определено на уровне 5,84 м: она функционировала уже в период 12-го горизонта.

Комплекс XXXIV включал не менее семи помещений. Крайнее западное из них (321) длиной более 1,50 м, шириной 1,40 м, замыкало ряд из четырех смежных помещений, пересекавший квадрат с юго-восто-

ка — востока на северо-запад — запад. Следующим к востоку было помещение (или открытый с северной стороны двор) 324 размерами $2,00 \times 1,75$ м, и далее рядом располагалось помещение 329 ($1,75 \times 1,50$ м). За ним шло помещение 330 тех же размеров. К двум последним с юга примыкали небольшие близких размеров помещения 331 и 332 ($1,30/1,00 \times 1,00$ м). В помещении 331 четко видны следы перестройки южной стены. Сохранность сооружений очень неравномерна, что не позволяет определить, продолжался ли южный ряд помещений в западном и восточном направлениях. Строительные развалы позволяют считать такое продолжение (особенно к западу) вполне вероятным. К северному ряду с востока было пристроено сооружение неправильной, близкой к полукругу формы — помещение 335 ($1,50 \times 1,25$ м); зольно-угольное пятно на его полу и прокаленные стены позволяют предполагать, что эта была большая печь.

Не исключена возможность продолжения комплекса и на более северных участках квадрата. Стена, почти непосредственно продолжающая перегородку между помещениями 329 и 330, открыта на участках b-1 и b-2 на уровнях 5,40—5,55 м, а на участке a-1 открыт юго-восточный угол помещения того же уровня.

На участках b-2, d-1 и d-2 найдены вкопанные в землю крупные грубые сосуды-хранилища.

Особо остановимся на двух печах, стратиграфическое положение которых позволяет отнести их к переходному периоду между 11-м и предшествовавшим ему наиболее ранним 12-м горизонтом. Обе расположены на северо-западных участках квадрата 47 и смежных участках квадрата 37.

На участках 47a-1 и a-2, на уровнях 5,55—5,70 м открыта большая круглая печь 65 диаметром 1,50 м. Она непосредственно подстилает угол постройки 11-го горизонта. Этот же угол нарушил южную часть и второй печи (67), расположенной на участках 37c-4 и 47a-2. Основание этой печи на том же уровне 5,70 м. Печь прямоугольная, с округленными углами. Длина ее пода 1,05 м, ширина — 70 см, отвор с юга шириной 50 см, толщина стен 30 см. Стены четко выраженного свода сохранились на высоту 20 см. На поверхности пода были в беспорядке навалены фрагменты крупных сосудов, комья зеленой глины, камни, пест, круглодонный кубок. Обе печи перекрывали уровни расположения строительных остатков 12-го горизонта как на квадрате 37 (комплекс XXXI), так и на квадрате 47 (комплекс XXXV).

Следующий крупный строительный комплекс 11-го горизонта — XXX — открыт на квадрате 37 (рис. 11, 1, 2). Остатки его располагаются на уровнях 5,30—5,70 м. Они непосредственно перекрывают комплекс XXXI 12-го горизонта. У восточного борта квадрата с ними стратиграфически связан мощный слой забутовки, на которой стоит платформа для сушки зерна десятого горизонта. К западу и северу от забутовки открыты сооружения комплекса XXX. Очерчены четыре принадлежавших ему прямоугольных помещения. Основное помещение 283 ориентировано с севера — северо-востока на юг — юго-запад. Размеры его $4,50 \times 2,60$ м. Стены толщиной 25 см сохранились в высоту до 40 см. Они с обеих сторон обмазаны глиняной штукатуркой. Основание их на глубине 5,65—5,75 м. На уровне 5,50 м отмечены следы реконструкции помещений, не вызвавшей, однако, изменений его планировки. Открыто несколько уров-

ней полов, из которых наиболее четко выражены полы на уровнях 5,39—5,56 и 5,75 м. На этих уровнях насыщенность слоя находками заметно повышается (керамика, обломки зернотерок, большие терочки, осколки и желваки кремня).

Второе помещение (282) примыкало к предыдущему с юга. Оно заметно отличалось от него как по размерам и деталям конструкции, так и по назначению. Это небольшая комната размерами 1,05×1,35 м, стены ее еще более массивны (толщина 30 см) и стоят на той же поверхности, что и у предыдущего помещения, от которого она отделена двойной стеной (комната пристроена к нему, но без сколько-нибудь заметного хронологического разрыва). Сохранились стены в высоту всего на 12—15 см. Пол помещения, открытый на глубине 5,75 м и соответствующий, таким образом, нижнему полу помещения 283, был обмазан гипсом. В полу сделана выемка (желоб) шириной 50 см, пересекающая всю комнату и также облицованная гипсом. В ней и у ее краев найдены разрозненные, а скорее всего и разрубленные кости взрослого человека или подростка (погребение 105). Насыщенность прочими находками в этом помещении минимальна.

Основу этого помещения, безусловно, составляла обмазанная гипсом платформа. Человеческие кости здесь не случайны: они свидетельствуют об определенном обряде, с которым связано и само помещение. На поселении скопления разрозненных человеческих костей встречены неоднократно в различных горизонтах нижней части культурного слоя.

К помещению 282 примыкало крайнее южное помещение 346. Оно располагалось на участках 37d-1/3, ориентировано с юго-запада на северо-восток, где частично и разрушено перекопом. Эта комната прямоугольной формы размерами 1,70×1,25 м с основанием стен на глубине 5,74 м. Северо-восточная часть помещения выделена внутренней перегородкой в отдельную ячейку размерами 65×60 см. На полу основной части помещения найдены разрозненные человеческие кости (погребение 134). По всем конструктивным признакам, а скорее всего и по назначению, эта комната аналогична предыдущей (смежной с ней с севера). Как уже отмечалось, помещение 346 непосредственно перекрывало юго-восточный угол комплекса XXXI 12-го горизонта.

Продолжение конструкций комплекса XXX к северу зафиксировано уже на квадрате 27. Поверхность, на которой стоят их стены, заметно поднимается к северу, достигая на участках 27d-3/4 уровня 5,30—5,50 м. Восточнее стена комплекса, прослеженная южнее на участке 37b-2, продолжается на участке 27d-4, где поворачивает к западу, очерчивая тем самым северо-восточный угол еще одного помещения (350) (открытого двора?) размерами 2,00×2,25 м. Внутри него открыты следы большой прямоугольной печи с зольно-угольным пятном на поде и прокаленной внутренней поверхностью стен (печь 56). Длина ее около 1,25 м; основание расположено на уровне 5,43 м, непосредственно предшествовавшем здесь уровню основания стен комплекса: печь сооружена несколько раньше их, хотя позднее, возможно, включена в комплекс. Вообще на смежных участках квадратов 37 и 27 фиксируется несколько уровней 11-го горизонта: под полом печи 56 определен еще один пол на уровне 5,60 м, на котором открыты круглые печи 54 (диаметр 1,00 м) и 55 (диаметр 0,50 м). В целом же постройки 11-го горизонта сохранились на квадрате 27 чрезвычайно фрагментарно. Лишь на участках с-1/3

удалось очертить часть прямоугольного помещения 318. Оно ориентировано с запада на восток, ширина 1,25 м, длина более 1,50 м, толщина стен 30 см. В южной стене отмечен дверной проем шириной 40 см. Остатки постройки располагаются на уровнях 5,23—5,50 м.

На участке d-3 открыт юго-западный угол постройки (помещение 311), продолжавшей существовать вплоть до конца десятого горизонта, но основанной одновременно с печами 54 и 55 (основания их стен стоят на одном полу, на уровне 5,60 м). Под полом помещения найдены два вкопанных в землю красных сосуда. Юго-западный угол другой массивной постройки найден на участке a-1 (уровень 5,20—5,70 м). Продолжение ее к западу уничтожено ямой 64. Обрывки стен зафиксированы также на участках b-1, b-3, d-1. В ряде мест, на участках b-4, d-2, c-4, найдены вкопанные в землю яйцевидные или грубые с подкосами сосуда. В большинстве из них отмечены следы человеческих костей: погребения концентрировались на том же участке, что и в период 12-го горизонта.

Десятый строительный горизонт (рис. 6). Сооружения 11-го горизонта подверглись реконструкции, приведшей к заметному изменению их планировки, а на некоторых участках произошла новая застройка, позволяющая говорить о следующем, десятом строительном горизонте. Сооружения его также открыты на всех четырех квадратах, хотя распределены они крайне неравномерно.

Наибольшая плотность застройки приходится на южную половину вскрытой площади, на квадраты 57 и 47, где несомненно находились жилые многокомнатные постройки. В определенной мере это согласуется и с распределением сооружений в предшествующих двух горизонтах, северные участки которых были заняты постройками особого назначения и погребениями.

Остатки стен с основанием на уровне 5,50 м, лежащие несколько выше комплекса XL на квадрате 57, знаменуют здесь позднюю фазу 11-го горизонта. Они непосредственно перекрыты остатками компактной группы сооружений, выделенной как комплекс XXXVI (рис. 12, 3). Группа эта занимает широкую полосу (свыше 5 м), пересекающую квадрат с юго-запада на северо-восток по диагонали. Она сложнее предшествующих построек этого участка и заметно от них отличается. Можно говорить лишь о сохранении близкой ориентировки. Уровни расположения остатков построек комплекса XXXVI 5,00—5,50 м. Стратиграфическое их положение достаточно четко: они подстилались отмеченными конструкциями 11-го горизонта и непосредственно перекрывались сооружениями комплекса XXXII, знаменующего переход от десятого строительного горизонта к девятому.

Вскрытая часть комплекса XXXVI состоит из семи помещений и двух больших прямоугольных печей. Возможно, комплекс уходит к югу за пределы квадрата. Возможно также, что и северное сооружение комплекса — печь 83 — не замыкает его с этой стороны, поскольку от нее отходит стена к северо-востоку, далее разрушенная¹.

«Ядро» комплекса составляют помещения 334, 363, 367, 369, 372. Основания их стен находятся на глубине в среднем 5,50 м. Одновременно им отдельно стоящая большая печь 83 и подобная ей печь 72 в помещении 367. В целом комплекс имел прямоугольные очертания. За пределы прямоугольника первоначально была вынесена к северу лишь печь 83. Несколько позже с востока было пристроено помещение 364

(основания его стен — на глубине 5,40—5,30 м), а дополнительными перегородками были образованы небольшие помещения 366 и 371.

Крайнее северное сооружение комплекса — печь 83 — прямоугольной формы, с округленными углами, размерами 1,60 (юго-восток — восток — северо-запад — запад) $\times$ 1,10 м; с западной стороны располагался отвор печи шириной 0,50 м. Стены, сохранившиеся на высоту до 30 см, сходятся и четко документируют наличие свода высотой не менее 50 см. Они сложены из глиняных «ломтей» толщиной 4 см, шириной от 25 до 37 см (восточная стенка) и весьма значительной (до 60 см) длины. Пол покрыт зольно-угольными пятнами.

Непосредственно к югу от печи 83 располагались смежные помещения 334 и 363, имеющие общую продольную (в направлении с юга — юго-запада на север — северо-восток) стену. Их размеры соответственно 2,00 $\times$ 1,75 м и 1,50 $\times$ 1,40 м. Помещение 334 имело дверной проем в западной стене; помещение 363 двери не имело. Толщина стен 25—30 см. В юго-восточном углу помещения 363 найдены остатки очага, выложенного фрагментами крупных сосудов. В обоих помещениях сравнительно насыщенный слой: найдены многочисленные фрагменты толстостенных грубых сосудов-хранилиц, кувшинов с окрашенным горлом, чаш и горшков, крупные осколки кремневых желваков, обсидиановых пластин, бусина из розового камня. Полы покрыты зольно-угольными пятнами. Под полом помещения 363 на глубине 5,70 м обнаружено скопление костей животных, правильный анатомический порядок которых свидетельствует о том, что здесь были брошены части разрубленных туш. Под скоплением костей найден череп свиньи (?).

Узкие вспомогательные помещения 366 (1,50 $\times$ 0,50 м) и 371 (1,30 $\times$ 1,00 м) отделяют комнаты от двух подобных им, расположенных южнее и также смежных. Восточное помещение 367 размерами 2,00 (с юго-востока на северо-запад) $\times$ 1,75 м почти полностью занято вписанной в него и пристроенной к южной стене печью 72. Вход в него с запада, где к нему примыкает помещение 372, почти полностью разрушенное. Второе смежное помещение 369 примыкает к помещению 367 с юга; оно равно по ширине помещению 367; южная часть его не сохранилась.

Восточнее на участках d-3 и d-4 частично сохранился угол еще одного прямоугольного помещения (368), отделенного узким проходом (50 см) от восточной стены комплекса XXXVI, но принадлежность помещения к этому комплексу доказана быть не может.

Занимавшая помещение 367 печь 72 — прямоугольная, с округленными углами, по плану и конструкции абсолютно аналогичная печи 83, но несколько меньших размеров (1,05 (с юго-востока на северо-запад) $\times$ 0,90 м), толщина стен до 27 см, прокаленный слой пода и стен — до 5 см; в высоту стены сохранились на 15 см. Отвор шириной 50 см и здесь располагался с западной стороны. Близ него, несколько отступя к юго-западу, находился большой вкопанный в землю сосуд-хранилище с подкосами ко дну (диаметр и высота его 45 см, диаметр дна 17 см). Западнее помещения 372, на участке 57с-1 на глубине 5,30 м открыты второй такой же вкопанный в землю сосуд и маленькая каменная ступка. Во всех основных помещениях комплекса определены два уровня полов: 5,50 и 5,30 м.

С последним уровнем связана и пристройка, примкнувшая с востока к помещению 363 и отмеченная как помещение 364. Она имеет непра-

вильную, близкую трапеции форму размерами $1,75 \times 0,80$ м. Пол ее представлял собой сплошное угольное пятно, на котором на глубине 5,26 м обнаружен костяк подростка лет 12 (погребение 141). Умерший лежал на животе.

Отметим, что и в десятом строительном горизонте северо-западная часть квадрата оставалась незастроенной: как и в нижних двух горизонтах, расположение отдельных комплексов было достаточно свободным. С северо-востока комплекс XXXVI также завершался открытым двором, стена которого подходила вплотную к следующей к северу группе построек десятого строительства горизонта, расположенных уже на квадрате 47. Эта группа представляет весьма цельную картину взаимосвязанных сооружений.

Стратиграфическое положение их остатков достаточно четко: следы массивных конструкций открыты (в частности, на участке 47d) непосредственно под комплексом XXVIII девятого горизонта. По всему квадрату, особенно в западной его половине, прослежено падение нижнего уровня горизонта к югу: только в пределах участка 47с падение это достигает 25—30 см — от 5,30 до 5,60 м; основным же уровнем нижней поверхности десятого горизонта и на этом квадрате можно считать 5,00—5,50 м.

Большой и сложный комплекс XXXIII десятого горизонта частично исследован на центральных участках квадрата (рис. 12, 2). В него входили минимум восемь помещений. Крайним южным был узкий (около 50 см) тупик длиной не менее 1,70 м со стенами толщиной 20—25 см и мощным контрфорсом с южной стороны. С севера (участки с-2, d-1) к нему примыкало помещение 313 размерами $1,50 \times 1,25$ м с массивными (толщина 30 см) стенами, причем западная стена непосредственно легла на стену предшествовавшего 11-го горизонта. С востока к нему примыкало небольшое помещение 314 неправильной формы (вытянутая трапеция с округленными углами) размерами $1,10 \times 0,60$ м. Два небольших прямоугольных помещения 315, 316 последовательно располагались к северу от него. Размеры первого из них $1,20 \times 1,00$ м, второго — $1,20 \times 0,80$ м, пол их заметно понижался к югу (от 5,25 до 5,38 м), причем в помещении 316 он был обмазан гипсом, пятна которого отмечены и в помещениях 314, 315. С запада к помещениям 315, 316 примыкало помещение 317 размерами около $2,00 \times 1,50$ м, у западной стены которого находился ряд неоднократно перестраивавшихся и потому перекрывавших одна другую печей. Они располагались, вероятно, в открытом дворе, северо-западный угол которого очерчен стенами на участке а-2.

В помещении 315 отмечена внутренняя перегородка (север — юг), срезанная на уровне 5,36 м.

К северу от помещений 316, 317 располагался второй открытый двор длиной более 2 м. Под его стеной, примыкавшей к северной стене помещения 317, в специальном углублении, доведенном до уровня 5,63 м, лежал на боку большой сосуд высотой 95 см, с широким (73 см) устьем, несколько отогнутым округлым венчиком, округленными боками, наибольшим (98 см) диаметром в нижней половине и резкими скосами к маленькому дну (рис. 16, 1). Внутри сосуда найдены часть мраморной палетки, каменный терочник, фрагменты других крупных сосудов.

Все отмеченные постройки составляли первоначальное ядро комплекса XXXIII. В помещениях зафиксирован обычный жилой слой. Наряду с обломками грубых толстостенных сосудов здесь найдены фрагменты крас-

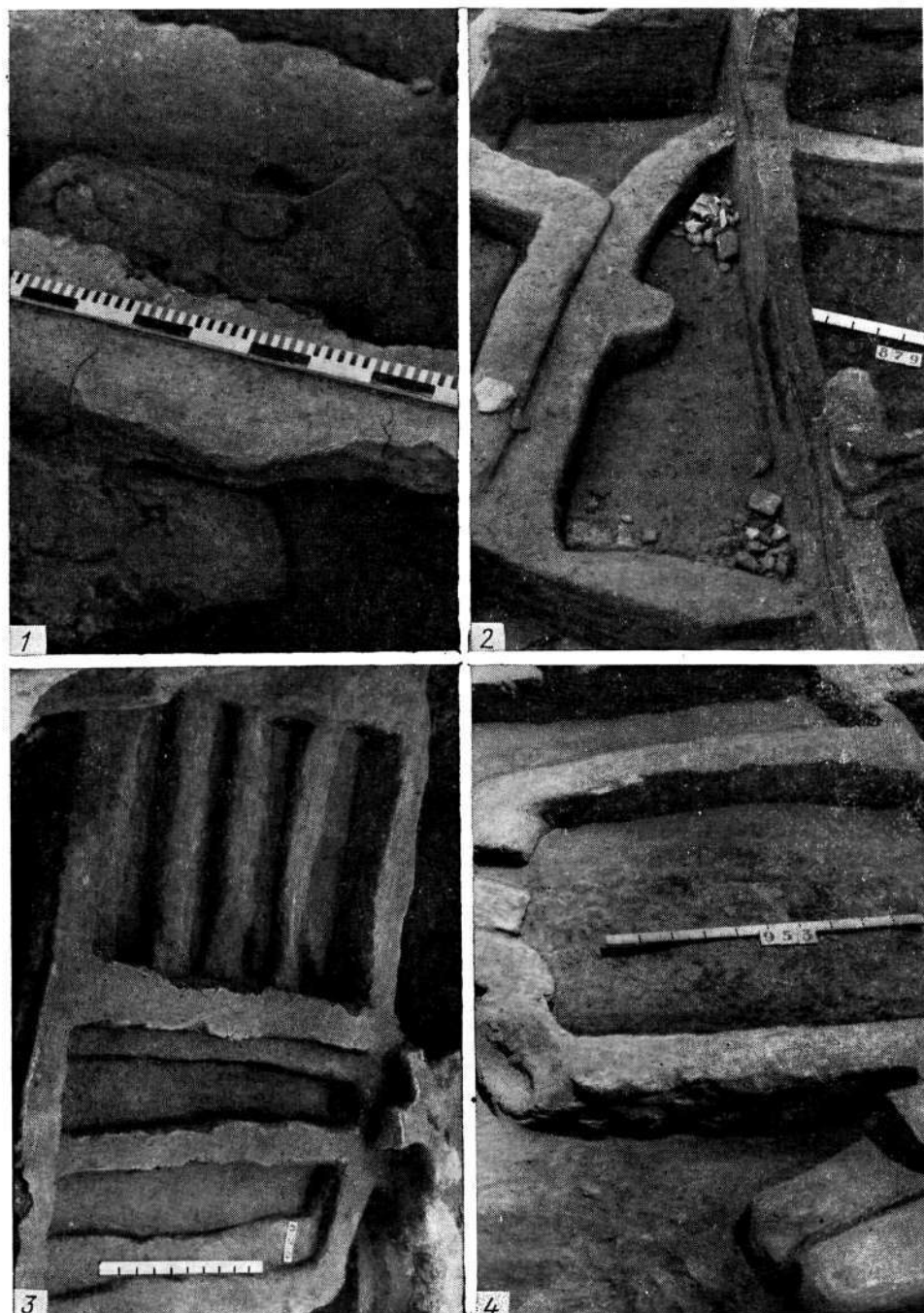

Рис. 16. Ярымтапе I. Детали сооружений нижних горизонтов

1 — сосуд под стеной горизонта 10, квадрат 47, с юга; 2 — помещение 307, комплекс XXXII, горизонт 11, с востока; 3 — помещение 296—297, комплекс XXXII, горизонт 9, с юга; 4 — помещение 332, с запада

ных и желтых чаш с широкими красными полосами, кости, растиральный камень со следами красной краски, глиняные биконические пряслица.

Позже к восточной стене комплекса было пристроено небольшое прямоугольное помещение 325 ($1,25 \times 0,75$ м), а южнее его — помещение 328 округлой формы ($2,50 \times 1,50$ м). Комплекс XXXIII синхронен (в основной своей части) комплексу XXXVI на квадрате 57 и определенным образом связан с ним. Обращает на себя внимание единая ориентировка и близость структуры обоих комплексов, наиболее цельных и четких в застройке десятого горизонта, документирующих закономерность его выделения как определенного периода в жизни поселения.

Западнее комплекса XXXIII на участках а—с открыта большая круглая печь 52. Она была непосредственно перекрыта двумя стенами построек комплекса XXVIII девятого горизонта. На одном уровне с печью, севернее ее, найдены развал большого сосуда и каменная ступка, а также сосуд-зернохранилище высотой и диаметром 60 см, с резкими подкосами к маленькому плоскому дну.

Печь 52 очень массивна. Внутренний диаметр ее 100×85 см, отвор шириной 35 см с юго-западной стороны, толщина стен до 40 см. Стены сильно прокалены. Явно заметно схождение стен к своду, судя по профилям невысокому — не выше 30 см. Под печи сильно прокален и закопчен. Показателен его разрез: слой прокаленной глины (10 см) подстилала выкладка из фрагментов сосудов, засыпанных мелкой галькой, под ней шла глиняная подушка (10 см), низ которой соответствовал уровню основания стен печи. И подушка и основания стен лежали на зольно-угольном слое, относящемся уже к 11-му горизонту. В целом остатки печи располагались между уровнем 5,08—5,54 м. Западнее ее отвора находилась овальная яма для выброса золы.

В северной части квадрата 47 также зафиксированы следы построек десятого горизонта, характеризующие несколько уровней и находящиеся в весьма сложном сочетании. На участке а-1 открыта часть стены (северо-запад — запад — юго-восток — восток) на уровнях 5,13—5,47 м. На участке а-2 обнаружен северо-западный угол помещения или открытого двора. На участках б-1/2 к поздней поре десятого горизонта относятся очаг на уровне 5,16 м и большая (диаметр 1,30 м) круглая печь 58, северная часть которой разрушена помещениями девятого горизонта (339 и одновременными ему). Печь 58 (под — на глубине 5,16 м) стоит на поверхности 5,20 м. Она одновременна стене, перекрывшей упомянутый большой сосуд. Последняя же пристроена к стене первоначального ядра комплекса XXXIII и несколько моложе его: основание ее на 10 см выше основания основной северной стены комплекса на данном участке.

На смежных участках квадратов 37, 47 нижний уровень десятого горизонта отмечен черной поверхностью, спадающей от западного борта (5,22 м) к восточному (5,40 м). На участке 37с-2 обнаружены лишь обрывок массивной стены (северо-запад — юго-восток), шедшей под такой же стеной девятого горизонта, и вытянутый желоб с прокаленными бортами и зольным заполнением размерами $1,25 \times 0,25$ м и глубиной 15 см. Южнее, на участках с-3/4 и смежных северных участках квадрата 47, открыто небольшое прямоугольное помещение 332а размерами $1,50 \times 1,25$ м, ориентированное с юга — юго-запада на север — северо-восток. Вход в него был с северной стороны: он фланкирован двумя вытянутыми (40 см) выступами. Позднее дверь была заложена большим плоским камнем. Тол-

щина стен 20 см, верхний срез их — на глубине 5,09, основание — 5,25 м. С запада к этому помещению непосредственно примыкала большая круглая печь 68 диаметром около 2 м и с отверстием с северо-восточной стороны. Отверстие фланкировано 25-сантиметровыми выступами. Печь расположена на уровнях 4,90—5,20 м и непосредственно подстилает помещение 336 девятого горизонта. На участках 37d-3/4 к десятому горизонту относятся лишь остатки небольшого помещения 342 (длиной не более 1 м), примыкающего с запада к другому, лишь частично открытому помещению 343, к северу от которого расположена круглая печь, уходящая в восточный борт квадрата.

Значительная часть квадрата 37 — весь его центр и северо-западный сектор — оставались свободными от застройки. Это связывается с довольно стойкой традицией планировки участков; с теми же свободными площадями мы встречались уже и в двух предшествующих горизонтах, где все постройки квадрата 37 концентрировались в восточной его части. В десятом строительном горизонте там же, у самого восточного борта квадрата, открыта конструкция, перекрывающая комплекс XXX 11-го горизонта и непосредственно перекрытая платформой для сушки зерна комплекса XXVI девятого горизонта. Подобно последней, конструкция эта включает систему параллельных стен, служивших основанием платформы для сушки зерна. С севера к платформе примыкает помещение 280 в виде неправильного четырехугольника. Все эти постройки, остатки которых располагаются на уровнях 5,05—5,30 м, объединены в комплекс XXVII (рис. 12, I).

Параллельные стены платформы этого комплекса в плане заметно отличаются от стен верхнего комплекса XXVI, несмотря на общую ориентировку по линии север—северо-восток — юг—юго-запад. Стены короче (3,50 м), вся система расположена несколько юго-восточнее и разделена поперечной перегородкой, к югу от которой насчитывается пять стен, а к северу — лишь три. Как в южной, так и в северной половинах отмечены следы перестройки системы; при этом перестраивались лишь отдельные детали и сохранялись общие границы. Толщина стен 20 см, сохранившаяся высота — 15 см, ширина промежутков между ними от 25 до 35 см. На севере стены упираются в торцовую стену, замыкающую систему и одновременно ограничивающую с юга смежное помещение 280 длиной не менее 2,50 м. От южной торцовой стены сохранились лишь следы, позволяющие фиксировать ее длину. Поскольку к востоку от крайней восточной стены отмечен общий спад слоев, можно полагать, что эта стена замыкала здесь всю систему, ширина которой в таком случае не превышала 1,75 м, а общая площадь была 3,50×1,75 м (в отличие от системы комплекса XXVI, площадь которой при неполной ширине равнялась 4×3 м).

Определенная преемственность в характере конкретных участков поселения проявилась и на квадрате 27. Сооружения десятого строительного горизонта здесь слабо сохранились и так же плохо определимы, как и конструкции двух предшествующих горизонтов. Ни одно помещение этого периода не может здесь быть очерчено полностью. На участках с-2/4 сохранились следы стен, образующие юго-западный угол постройки, непосредственно подстилавшей помещение 308 девятого горизонта и дугообразные стены того же периода на участке d-3. Помещение 311 продолжало существовать вплоть до конца периода десятого горизонта, но со-

здано оно было раньше, в начале 11-го горизонта. К десятому горизонту могут быть отнесены стена (юго-восток — северо-запад) на участках d-1/2 (уровни 5,16—5,32 м), часть дугообразной стены на участке b-1, дугообразная выкладка из камней на участке d-1/2, в которой находился очаг, функционировавший и раньше, в период 11-го горизонта. При всей фрагментарности сохранившихся строительных остатков можно с уверенностью утверждать, что сложных и фундаментальных сооружений, подобных постройкам более южных участков, на квадрате 27 не было.

Девятый строительный горизонт (рис. 7). Заметные изменения в застройке исследованной части поселения, наметившиеся в конце десятого горизонта, привели к почти полной перепланировке и созданию новых строительных комплексов, период существования которых может рассматриваться как девятый строительный горизонт. Несмотря на некоторые изменения, в нем наблюдается определенная преемственность по отношению к предшествующим горизонтам в распределении построек по конкретным участкам, плотности застройки и общему характеру последних. И здесь основной район жилых и хозяйственных построек определен в южной части раскопа — на квадратах 57 и 47, причем постройки более сложные и расположены более плотно: свободных участков нет. Возрастает число помещений в строительных комплексах, включающих и специальные хозяйственные сооружения. Каждый комплекс подвергался дальнейшему усложнению в процессе своего функционирования в результате неоднократных дополнений, пристроек и реконструкций.

Открытые на квадрате 57 сооружения непосредственно перекрывают комплекс XXXVI десятого горизонта. Они отражают несколько уровней девятого горизонта, начиная с перестроек предшествующего комплекса, т. е. с конца десятого горизонта, и кончая переходом от девятого горизонта к восьмому, но из-за взаимосвязанности их конструкций они рассматриваются совместно. Большая часть этих сооружений объединена в комплекс XXXII (рис. 13, 3).

Древнейшие из этих конструкций сооружены на поверхности 5,05—5,20 м, причем зафиксировано некоторое понижение их к востоку. Прежде всего это остатки трех платформ для сушки зерна. Первая представляет собой четкий прямоугольник на участках a-1 и a-3/4 размерами 3,00×2,50 м с четырьмя параллельными стенами, идущими с северо-запада на юго-восток на всю длину сооружения с интервалами в 25 см. Позднее эта платформа была реконструирована: поперечная перегородка (юго-запад — северо-восток) разделила всю постройку на два помещения 296 и 297 (рис. 16, 3). В первом сохранились четыре параллельные стены того же направления с северо-запада на юго-восток, во втором были сооружены три стены поперечного направления с юго-запада на северо-восток. Верхний срез их обнаружен на уровнях от 4,57 до 4,73 м.

В центральной части квадрата, на участках c—d также открыта система стен, идущих с интервалами 25 см и образующих своего рода лабиринт размерами 4×2 м. Лабиринт представлял собой основание платформы для сушки зерна, стоявшей на той же поверхности, что и предыдущая платформа, на уровне 5,05 м. Верхний срез составлявших ее четырех стен открыт на глубине 4,80 м.

Третья платформа (помещение 310), также состоявшая из четырех параллельных стен, располагалась на участке d-4. Она стояла на той же поверхности и была синхронна двум предыдущим. Стены направлены

с востока на запад, верхний срез открыт на уровне 4,86 м. Длина их не менее 2 м (они уходят в восточный борт квадрата). Позднее это помещение было реконструировано и превращено вначале в прямоугольное помещение с полом, обмазанным гипсом, а затем — вновь в платформу зерносушилки с системой из пяти параллельных стен длиной более 2 м, направленных с юго-востока—востока на северо-запад—запад. Последнее сооружение располагалось на уровнях 4,40 м (верхний срез стен) — 4,60 м (основание и соответственно верхний срез стен помещения с гипсовым полом).

С этими зерносушилками связан ряд прямоугольных помещений, из которых наиболее раннее, помещение 327, непосредственно примыкает к центральному зернохранилищу с запада. Оно расположено на участках с-2, 2/4 и ориентировано с юго-запада на северо-восток. Размеры его 1,25×2,00 м. Оно также стоит на поверхности 5,05 м, а верхний срез его стен открыт на глубине 4,80 м. Севернее несколько позже были пристроены другие помещения. Одно из них, помещение 298 (1,10×2,00 м), примыкало к предыдущему и имело ту же ориентировку. Основание его стен на уровне 5,00 м, верхний срез стен — 4,60 м. В центре западной его стены отмечен внутренний контрфорс, а в восточной — дверной проем, ведущий в помещение 286, ориентированное с северо-запада на юго-восток. Оно стоит на той же поверхности и синхронно предыдущему. Размеры его 2×1 м. Оно входит в основной (восточный) ряд комплекса XXXII. С севера к нему примыкает помещение 299 (1,85×1,10 м), с юга — помещение 285 (2,75×1,75 м); к последнему с юга примыкает помещение 279 (длина 1,25 м). Эти четыре помещения имели общую, достаточно фундаментальную (толщина 30 см) восточную стену, которая, очевидно, служила восточной стеной и всего комплекса. Далее проход шириной 75 см отделял его от платформы 310; такой же проход на западе отделял помещение 298 от платформы с помещениями 296, 297. Объединение центральной платформы и помещений 327, 298, 299, 286, 285, 279 в единый комплекс XXXII представляется стратиграфически и конструктивно достаточно обоснованным; отнесение же к нему северо-западной платформы (помещения 296, 297) и юго-восточной (помещение 310) — условно.

К западу от помещения 327 располагался большой открытый двор, фланкированный с севера платформой (помещения 396, 397). В этом дворе открыт очаг или под прямоугольной печи 59 размерами 60×43 см, с отвором на северо-восток. Очаг примыкал к большой круглой печи, уходящей в западный борт квадрата. Оба сооружения стоят на поверхности 5,05 м и могут быть отнесены к первоначальному ядру комплекса XXXII.

Позднее этот комплекс подвергся ряду серьезных реконструкций. С севера к помещению 299 было пристроено помещение 307 (рис. 16, 2), стоящее на поверхности 4,94 м. Неправильная форма его близка квадрату с округленными углами. Размеры 2,00×2,00 м, южная стена имеет внутренний контрфорс. В северо-западном углу помещения найден овальный танур со следами двух значительных подмазок, в ходе которых размеры его сократились с 60×50 до 50×40 см. Стенки заметно прокалены. На дне танура, в зольно-угольном слое лежали две трубчатые кости животного (газели?). Кроме того, на полу помещения найден открытый очаг.

К северу от помещения 307 открыты слабо сохранившиеся следы примыкавшего к нему подобного же округлого помещения 326 длиной 2,25 м.

Оба эти сооружения близки по времени к комплексу XXXII.

Позднейшая и значительно более существенная перестройка его связана с созданием помещений 303 и 288. К этому же времени относится и перепланировка ряда других основных помещений комплекса, что позволяет говорить о новом периоде его существования внутри того же девятого строительного горизонта.

Большое прямоугольное помещение 303 расположено на участках с—d и ориентировано с северо-запада на юго-восток. Размеры его $3,50 \times 2,00$ м, стены толщиной 25—30 см — с двусторонней глиняной штукатуркой. В северо-восточном углу помещения открыт очаг диаметром около 75 см, располагавшийся в стенке большого сосуда. Второй, овальный очаг длиной 40 см открыт с внешней стороны южной стены постройки на участке с-4.

Стены этого помещения сохранились в высоту от 20 до 30 см, а остатки его в целом располагаются между уровнями 4,47—4,80 м. Они непосредственно перекрывают прямоугольную печь 59 на участке с-1, помещение 327 и центральную платформу зернохранилища. Таким образом, помещение 303 безусловно моложе первоначального ядра комплекса XXXII, но подстилающая его поверхность упирается в стены помещения 298 и других построек комплекса. Стратиграфические данные показывают, что помещение 303 существовало с помещениями 298, 299, 286, 285 на позднем этапе их функционирования, а также с северо-западной платформой после ее перестройки и разделения на помещения 296 и 297 и верхним ярусом юго-восточной платформы 310. В этот период дверной проем в восточной стене помещения 298 был заложен плотными глиняными блоками и фрагментами сосудов.

Однако, несмотря на существенную перестройку участка, помещение 303 можно считать включенным в продолжавший существовать комплекс XXXII, что нельзя сказать об округлой постройке 288, открытой на участках 57b—d.

Это сооружение размерами $2,50$ (запад—восток) $\times 2,25$ м располагалось между уровнями 4,48 и 4,60 м. Оно не только перекрыло, но и разрушило восточные участки помещений 299, 285 и северные участки как восточной стены комплекса XXXII, так и западной стены платформы 310. В помещении 288 имелись остатки очага в центральной части, внутренний контрфорс с северной стороны и широкий (1,00 м) вход с юга. Хронологически оно выходит за рамки существования комплекса XXXII и должно быть отнесено к одному из переходных уровней от девятого горизонта, представленного указанным комплексом, к восьмому, специфическое оформление которого связывается с созданием комплекса XXIX, так как его постройки перекрыли помещение 288.

Завершая описание строительных остатков девятого горизонта на квадрате 57, отметим еще следы длинной и мощной стены, пересекавшей участок b-2 с севера—северо-востока на юг—юго-запад и поворачивавшей к востоку на участке b-4. Возможно, это западная стена еще одного крупного комплекса. Во всяком случае фиксируется застройка всех свободных ранее участков квадрата 57.

Следующий же в значительной мере раскрытый комплекс девятого горизонта (рис. 13, 2) располагался севернее, на квадрате 47, и был отделен от предшествующего определенным интервалом (около 3 м). Остатки его располагались на глубине от 4,68 до 5,00 м. Это комплекс

XXVIII. Он очерчен длинными стенами, идущими с северо-запада—запада на юго-восток—восток и, очевидно, ограждавшими постройку с северной и южной сторон. Южная стена пересекает почти весь квадрат, длина ее свыше 7,50 м. Это была внешняя ограда всего комплекса, а не стена здания, так как она не сочленена с поперечными стенами. У восточного края с южной (внешней) своей стороны стена укреплена контрфорсом. На восточном же участке к ней примыкает еще одна стена того же направления; между стенами образовались две узкие ячейки размерами 85×20 см. В 30 см к северу параллельно отмеченным стенам проходит стена самого здания. К ней примыкают отдельные помещения, расположенные поперек основного участка комплекса и ориентированные с юга—юго-запада на север—северо-восток. Наиболее восточным в исследованной части комплекса было помещение 293. Северная стена и северо-восточный угол его не сохранились, но помещение, очевидно, продолжалось до основной северной стены комплекса и имело размеры $3,25 \times 1,25$ м. Слой его насыщенный, типично жилой; пол обмазан глиной, под ней отмечены отпечатки камыша. Смежное с ним на западе и близкое по размерам огороженное стенами пространство было разделено поперечной перегородкой на два помещения: северное (291) размерами $2,00 \times 1,50$ м и южное (292) размерами $1,00 \times 1,50$ м. Северная и обе южные стены комплекса продолжались к западу, вплоть до границы квадрата, и уходили за его пределы, в квадрат 46. Следы поперечных перегородок между ними не отмечены, поэтому не ясно, было ли здесь одно большое помещение или открытый прямоугольный двор. Последнее более вероятно из-за размеров прямоугольника ($4,50 \times 3,25$ м) и характера слоя, заметно отличающегося от типично жилого, насыщенного находками слоя помещений 291—293. Большая (диаметр свыше 1,50 м) круглая печь примыкала снаружи к южной стене комплекса в западной ее части. Кроме того, в ходе неоднократных реконструкций комплекса круглая печь была пристроена к той же стене в центральной ее части; она в свою очередь дважды реставрировалась. Особого внимания заслуживают куски пода двухэтажной печи с продухами, найденные на нижнем полу помещения 292. Возможно наличие дополнительных помещений этого комплекса и восточнее помещения 293, о чем свидетельствуют стенки, уходящие в восточный борт квадрата.

Стены комплекса сохранились в высоту в среднем на 30 см. Толщина их 20—25 см. Под южной стеной отмечен мощный слой забутовки, шедший до глубины 5,50 м. В забутовку были включены строительные остатки более раннего периода, в частности обрывок стены (север—юг), появившийся на глубине 5,40 м.

Комплекс неоднократно перестраивался, что наиболее четко засвидетельствовано в юго-восточном углу его, где отмечены следы реставрации ряда стен и даже частичного изменения плана. Позднее, уже в период восьмого горизонта, произошла общая заметная реконструкция участка: стены северной и центральной частей комплекса были разрушены построенными здесь печами 36 и 39, а в восточной части он был перекрыт новым комплексом XIX.

Следы активной застройки зафиксированы и к северу от комплекса XXVIII, на смежных участках квадратов 47 и 37. Поверхность нижнего пола девятого строительного горизонта здесь несколько повышается в западном направлении: от 5,16 (на участке 37d-3) до 4,90 (у западного бор-

та квадрата) м. На участке с-1/3 здесь открыта восточная часть помещения 336; его непосредственно перекрывает печь 48, относящаяся уже к следующему, восьмому горизонту. На той же поверхности на участке с-4 открыты стены, образующие северо-восточный угол еще одного крупного помещения, рядом с которым был вкопан в землю большой глиняный таз. Еще восточнее, на участках 37d-3/4 найдены остатки еще одного помещения (338) длиной не менее 2,50 м, ориентированного, как и все предыдущие постройки этого участка, с северо-запада на юго-восток.

Далее к северу, на квадрате 37, застройка фактически повторяла план, рассмотренный уже в связи с предшествующим горизонтом. Западная половина квадрата и здесь оставалась свободной от сооружений; отмечен лишь ряд последовательных полов на глубинах от 4,80 до 5,20 м (фактически на этом участке ниже седьмого горизонта построек не было до самого материка). В восточной же части квадрата девятый горизонт представлен хозяйственным сооружением, входящим в комплекс XXVI. Сооружение это представляло собой систему параллельных стен и служило основанием платформы зернохранилища (рис. 13, 1).

Система эта покрывала площадь 4×3 м. Стены шли с севера на юг с очень незначительным отклонением к западу. Длина их до 4 м, ширина — 20—25 см, высота — до 22 см, на верхнем срезе ряда стен заметны отпечатки циновок. Интервалы между стенами — вытянутые узкие каналы — имели ширину в среднем 15 см, иногда расширяясь до 25 см или суживаясь до 10 см. Всего отмечено семь стен, но поскольку крайняя восточная стена уходит в борт квадрата, вполне вероятно продолжение системы к востоку, и полное число стен ее остается не выясненным. Система располагалась на уровнях 4,80—5,15 м. С южной стороны сохранилась поперечная стена, с северной — лишь западный край стены. Основная часть комплекса XXVI, в который входило зернохранилище, располагалась восточнее, за пределами квадрата 37.

Что касается следующего к северу квадрата 27, то в нем, как и в трех предыдущих горизонтах, массивных сооружений, сложных строительных комплексов не было. Отдельные постройки, созданные здесь в рассматриваемый период, сохранились очень слабо, а стратиграфическая ситуация их остатков отличается особой сложностью. Многочисленные перекопы и перестройки привели к тому, что здесь фиксируются лишь отдельные участки стен и элементы построек, расположенные на нескольких различных уровнях. К девятому горизонту могут быть отнесены прежде всего небольшие смежные помещения 289 и 308 на участке 27-с, расположенные на уровнях 4,90—5,12 м, непосредственно под помещением 234 комплекса XXV следующего, восьмого строительного горизонта. Помещение 289 неправильной прямоугольной формы, размерами $1,30 \times 1,00$ м; помещение 308 также неправильной формы и близких размеров. Оба носят, безусловно, вспомогательный характер и образованы сравнительно тонкими стенами (толщиной 20 см). К южной стене пристроена хозяйственная ячейка размерами 50×50 см.

Восточнее на той же поверхности на участке d-1/2 стоит стена (юго-восток—северо-запад). Она более солидная (толщина 25 см). К ней с южной стороны сделан ряд пристроек. Одна из них, помещение 309, размерами 90×65 см, имеет стены толщиной 17 см, сложенные из равновеликих, почти квадратных камней размерами $18 \times 17 \times 6$ см. За пределами западной стенки открыта яма 62 диаметром 75 см, впущенная во вто-

рое такое же помещение 312 и близкая ему по времени. В яме найдены законченные фрагменты толстостенных сосудов и кости животных, в том числе очень крупного быка. Скорее всего это было специальное углубление внутри помещения 312, доведенное до уровня 5,00—5,10 м.

К девятому горизонту относятся две стены на участке 27d-3, идущие с севера на юг на расстоянии от 0,50 до 1,50 м друг от друга и имеющие дугообразную форму. Стены эти расположены на одной поверхности с помещениями 309, 312 и построены почти одновременно с ними, отмечая начало периода девятого горизонта. Существовали они и позже, в конце этого периода, отмеченного перестройкой на участке d-1 круглой печи 34. Нижний под этой печи размерами 70×50 см открыт на глубине 5,08 м; он был перекрыт новой обмазкой с поверхностью пода, на которую в свою очередь наложена выкладка из черепков под верхним подом размерами 90×75 см на уровне 4,87 м. Черный пол, связанный с нижним подом печи и покрытый возле нее скоплениями костей животных, несколько поднимался к северу, перекрывая стены помещений 309, 312. Дугообразные стены на участке d-3 сосуществовали как с последними, так (ранее) и с нижним уровнем печи 34.

Ориентировочно к девятому горизонту можно отнести также открытые на участке b-2 (глубина 5,06—5,10 м) остатки небольшого очага (55×30 см) и расположенный перед ним овальный толстостенный сосуд из необожженной глины с небольшой ячейкой, отделенной перегородкой. Длина 29 см, ширина 20 см, высота свыше 10 см, толщина стен 3—4 см.

Эти строительные остатки свидетельствуют об активной застройке площади квадрата 27 в период девятого горизонта, но сколько-нибудь четкой картины его планировки они не дают. Это происходит не только из-за плохой сохранности находившихся на этом участке сооружений, но и за счет их характера, заметно отличного от регулярной и фундаментальной застройки более южных квадратов. Вместе с тем следует отметить здесь большое количество открытых очагов, а также вкопанных в землю крупных сосудов, служивших основаниями очагов, зернохранилищами, погребальными урнами. Значительное число погребений в периоды всех рассмотренных горизонтов совершалось именно на этих северных участках.

Восьмой строительный горизонт (рис. 7). Перестройки и создание новых строительных участков привели к заметной перепланировке исследуемой части поселения, коснувшейся на сей раз не только южных участков. Это обуславливает выделение следующего, восьмого строительного горизонта.

Изменения в комплексе XXXII, ознаменовавшие позднюю фазу девятого горизонта на квадрате 57, и постройка не связанных с этим комплексом и перекрывавших его сооружений, подобных помещению 288, явились началом перепланировки участка, обретшей определенные формы с созданием нового многокомнатного и сложного строительного комплекса XXIX (рис. 14, 4). Остатки его зафиксированы на глубинах 4,20—4,70 м². Вскрыты они не полностью, поскольку западная часть комплекса уходит за пределы квадрата.

Конструкция комплекса XXIX первоначально состояла не менее чем из четырех основных помещений — 272, 274, 275, 284, составлявших два смежных ряда, направленных с юго-запада на северо-восток. Восточный ряд (помещения 275, 284) связан с длинным узким (2,00×0,50 м) кори-

дором (помещение 290) с дверными проемами с обеих сторон. Размеры помещений: 272 — $3,00 \times 1,50 - 1,75$ м; 284 — $2,25 \times 1,50$ м; характер слоя позволяет считать их жилыми.

Центральная часть помещения 272 была занята прямоугольной поперечной платформой размерами $1,60 \times 1,30$ м с основанием из кольев, многочисленные ямки от которых зафиксированы в глиняном массиве основания платформы. У южного края платформы располагалась массивная каменная ступка. В помещении 284 отмечен особо насыщенный жилой слой с большим количеством фрагментированных сосудов, костей и других находок. Два южных помещения комплекса (274, 275) также имели значительные размеры (очерчены не полностью), хотя и уступали первым двум. Кроме того, с западной стороны к основной части комплекса примыкал ряд вспомогательных небольших комнат (не менее трех). Несомненно также, что существовал северный ряд помещений, разрушенный ямами. Таким образом, даже по далеко не полным данным комплекс первоначально включал не менее десяти помещений. Стены их массивны (толщина 25—30 см) и с обеих сторон покрыты глиняной штукатуркой.

Остатков печей и очагов внутри комнат нет: они располагались в открытом дворе. Там, у северо-восточного угла постройки, обнаружены большая круглая печь 43 (диаметр 1,80 м) и рядом с ней открытый очаг в стенке большого сосуда. Они находятся на одной поверхности с первоначальным «ядром» комплекса и предшествуют его реконструкции. В ходе последней была перестроена северная стена помещения 284; более ранняя часть стены отмечена на уровнях 4,30—4,60 м, более поздняя — 4,20—4,30 м, причем восточный конец стены несколько сдвинут к северу. С этой же реконструкцией связана пристройка с севера помещения 287 ($2,00 \times 2,50$ м) * с круглой печью в северо-западном углу. Впоследствии комплекс неоднократно подвергался дальнейшим серьезным реконструкциям. Это особенно касается восточной его части, где в результате перестройки на месте помещений 284, 290 возникли небольшие комнатки 273 ($1,00 \times 0,75$ м) и 276 ($1,25 \times 1,25$ м); часть площади была включена в созданную в восточной части квадрата платформу. При дальнейшей перестройке сохранилась лишь ориентировка построек, которые фактически были сооружены заново, составив новый строительный комплекс XIV, относящийся к началу следующего, седьмого горизонта.

Приведенные данные позволяют утверждать распространение активной застройки периода восьмого горизонта по всей южной периферии поселения.

Далее к северу постройки восьмого строительного горизонта покрывают практически весь квадрат 47. Здесь открыт комплекс XIX (рис. 14, 3), а за его пределами — ряд отдельно стоящих больших печей и других круглых построек. Остатки комплекса XIX зафиксированы в восточной половине квадрата, на глубинах 4,20—4,70 м. Комплекс в целом имел форму, близкую прямоугольнику, и был вытянут с юга—юго-запада на север—северо-восток. Он состоял из двух помещений. Северное помещение (195) размерами $2,40 \times 1,60 - 1,80$ м отличалось массивностью покрытых глиняной штукатуркой стен (толщина до 35 см) и имело два дверных проема: один — с западной (35 см), другой — с восточной (50 см) сторон. Западный проем имел порог, основание которого составляют большие куски каменной зернотерки и выкладка из черепков. Определены два уровня полов этого помещения. Нижний, на глубине 4,65—4,70 м, отме-

чен утрамбованной глиняной поверхностью, зольными пятнами и скоплениями фрагментов сосудов. Верхний, на глубине 4,53 м, содержал обожженные камни, кости животных, куски охры и развал фрагментов не менее четырех сосудов, в том числе чаш и горшков с красной залощенной поверхностью.

Южное помещение 194 было отделено от северного перегородкой толщиной 15—20 см; такую же толщину имели и прочие стены этого помещения, уступая по массивности стенам предыдущего. В отличие от него, помещение 194 не имело дверей: очевидно, отделяющая его от комнаты 195 перегородка была достаточно низкой. Возможно, помещение 194 (размеры 2,10×1,80 м) было хозяйственной пристройкой. Стены его не оштукатурены; полы такие же, как в помещении 195, причем в верхний пол была вкопана каменная ступка. Керамики довольно много (остатки не менее девяти сосудов), но представлена она только грубыми формами. В западной стене находился отвор печи 22, основная часть которой была вне помещения и примыкала к нему с запада. Печь круглая в плане, перекрытая купольным сводом, внутренний диаметр ее 80—90 см. Подобный конструктивный прием выносных печей с отворами внутрь помещений может считаться характерным для хассунского строительства: на нашем поселении он встречен в ряде горизонтов как нижней, так и верхней части культурного слоя.

Небольшой компактный комплекс XIX стоит на одной поверхности с круглыми сооружениями, фланкирующими его с севера и востока. Их не менее пяти (24, 25, 26, 28, 29). Три (25, 28, 29) могут быть с уверенностью отнесены к числу больших печей со сводами (диаметр свыше 1,50 м). Еще одна, меньшая (диаметр 70 см), печь 26 была, очевидно, открытым очагом, основанием которому служила положенная на бок половина крупного грубого сосуда.

Несколько сложнее интерпретация пятого сооружения (24). Эта большая конструкция, внутренний диаметр которой не менее 2 м, а стены толщиной до 25 см, не имеет обычного для печей зольно-угольного покрытия пола. Более того, в западной ее части открыты остатки круглого очага диаметром около 1 м с сильно прокаленным подом и окружающим бортиком (толщина 6—7 см). Очаг находился внутри круглой постройки, которая, следовательно, сама не может рассматриваться как печь. Правда, очаг мог быть сооружен несколько позже основной конструкции, так как он нарушил западную часть ее стены. Но если и был подобный хронологический разрыв, то он очень невелик: остатки очага перекрыты тем же гумусированным серым слоем следующего, седьмого горизонта, что и стены самого круглого сооружения. Это позволяет заключить, что очаг функционировал одновременно с самим помещением, по крайней мере в конце его существования.

Наряду с толосами 12-го горизонта рассмотренная конструкция свидетельствует о многообразии круглоплановых построек поселения.

Однако и при учете особого характера постройки 24 следует отметить значительную концентрацию печей, почти вплотную примыкавших к комплексу XIX. Эта концентрация продолжается и севернее, на участках b-1/2. Еще в начале периода восьмого горизонта здесь была сооружена массивная круглая печь 36 диаметром свыше 1,10 м и толщиной стен до 30 см. Под ее был открыт на глубине 4,75 м, а остатки стен свидетельствовали о безусловном наличии свода. С юга к ней примыкал круглый

очаг 41 диаметром 60 см, который позже был перекрыт печью 39 диаметром 85 см. Под последней был выложен фрагментами крупных толсто-стенных сосудов. Еще позднее, но все еще в пределах периода восьмого горизонта, печи 39 и 36 были нарушены небольшим очагом, а к северу от печи 36 была построена печь 47 диаметром 65 см. Под ее открыт на глубине 4,57 м, что соответствует уровню верхних полов помещений комплекса XIX.

С запада к комплексу XIX примыкает еще одна большая круглая печь 23 (диаметр 1,35 м), занимающая особое стратиграфическое положение. Она построена позже печи 22 комплекса XIX и стоит на поверхности, перекрывающей остатки последней. В свою очередь жилой слой, с которым она связана, перекрывается сложившимися уже специфическими постройками седьмого горизонта: комплексом XX и платформой комплекса XVII. Печь 23 знаменует начало перестроек, приведших к созданию новой планировки этого участка поселения, к формированию следующего, седьмого строительного горизонта.

Наконец, на смежных участках квадрата 47 и 37 восьмой строительный горизонт представлен остатками большой печи 48, располагавшимися на уровнях 4,60—5,00 м и непосредственно перекрытыми комплексом XVII седьмого горизонта. Печь круглая, диаметром 1,30 м. Стены ее толщиной до 30 см сходятся, образуя свод. Отвор — с севера, длина 50 см, ширина 40 см; перед ним — своего рода тамбур, укрепленный камнями. Восточная его стенка полностью выложена из камней (до 20 см), лежащих в один ряд. Печь подвергалась реконструкции, в ходе которой тамбур, относящийся к раннему периоду ее существования, был заложен. Печь находилась внутри большого открытого двора, ограниченного стенами, прослеженными с северной и восточной сторон печи. С юга к ним примыкали небольшие (1,00×0,75 м), слабо сохранившиеся хозяйственные пристройки, ориентированные, как и весь двор, с юго-востока — востока на северо-запад — запад.

Западная часть квадрата 37 остается свободной от застройки. В восточной же находились три смежных помещения 232, 233, 235, объединенные в комплекс XXIII (рис. 14, 2). Все они невелики. Полностью очерчено лишь помещение 232 размерами 1,80×1,30 м; два других очерчены лишь частично, но по размерам близки первому. Помещения эти носят вспомогательный характер. Основная часть комплекса, которому они принадлежат, располагалась восточнее, за пределами квадрата. Толщина стен открытых построек не превышает 20 см, в высоту они сохранились на 30—40 см. Узкий (50 см) вход в помещение 235 оформлен в виде своеобразного коридора длиной 75 см, стенки которого укреплены камнями. Следует отметить, что тонкая глиняная стенка соединяет эти постройки с комплексом XXV, расположенным на квадрате 27.

Для всех предшествующих горизонтов подчеркивалось отсутствие монументальных построек на этом квадрате, находившемся в их периоды за пределами районов активной застройки. Теперь эта застройка распространяется и на него.

«Ядром» комплекса XXV служит прямоугольное помещение 234 (рис. 14, 1). К востоку, а возможно, и к западу от него располагались большие, огороженные стенами открытые дворы. Стратиграфическое положение комплекса достаточно ясно: его сооружения перекрывают остатки построек девятого горизонта, сами же они непосредственно перекрыты

поверхностью, на которой стоят как отдельные помещения 255—257, так и безусловные комплексы XVII и XXII следующего, седьмого горизонта.

Помещение 234 ориентировано с северо-запада — запада на юго-восток—восток. Единое прямоугольное помещение размерами $4,14 \times 3,32$ м было ограничено двойными стенами общей толщиной до 60 (южная и северная стены) и даже до 80 (восточная стена) см; обычные внутренние стены из «ломтей» коричневой глины толщиной до 25 см дополнялись внешними, значительно более толстыми стенами из серо-зеленой глины. Северная и южная стены были укреплены внутренними контрфорсами; контрфорс обнаружен и у западной стены, но он прослежен лишь в нижней ее части и существовал, очевидно, на раннем этапе постройки, одновременно с нижним ее полом. Верхний пол отмечен на уровне 4,55—4,67 м; нижний — на уровне 4,70—4,75 м; основание стен — на глубине 4,80 м. Стены располагались на специальной глиняной «подушке» толщиной 10—12 см и состояли из больших (до 80 см) глиняных блоков. Несмотря на то что стены сохранились в высоту на 70 см, никаких следов дверных проемов обнаружено не было. Верхний пол, отмеченный слоем утрамбованной глины и крупными камнями, явился результатом реконструкции помещения. Печей на нем не было. Два небольших открытых очага располагались вне помещения, с внешней стороны его восточной стены, на уровне верхнего пола. Насыщенность слоя, перекрывавшего верхний пол, весьма значительна. Помимо многочисленных фрагментов архаических хассунских сосудов, здесь найдены большая каменная ступка, кремневые и обсидиановые орудия, в том числе крупные ножевидные пластины, мраморные и известняковые палетки, скопление охры. Кости единичны. Особенностью нижнего пола являются многочисленные круглые ямки с затеками, очевидно от деревянных кольев, крепивших настил, или приподнятую платформу; следы такой же конструкции уже отмечались в помещении 272 того же восьмого горизонта. На нижнем полу зафиксированы находки, среди которых выделяются два скопления расколотых желваков, являющиеся непосредственным свидетельством кремневого производства, а также ступка, обломки зернотерок и терочники. Под полом же в северо-западном углу помещения открыты вкопанный в землю крупный сферический расписной сосуд, горло которого было закрыто обломком каменной зернотерки; вблизи него — погребение 100 (ребенок двух-трех лет) и остатки нескольких рогов быка и козла. Все эти находки, очевидно, связаны с обрядами, сопровождавшими основание этой крупной постройки.

Комплекс располагался чрезвычайно свободно: весь остальной квадрат был занят примыкавшими к помещению 234 открытыми дворами и лишь в 5 м к северу, на грани квадратов 27 и 17, открыта отдельно стоящая прямоугольная постройка 265, непосредственно подстилающая комплекс XXIV седьмого горизонта и относящаяся, очевидно, к самому концу восьмого горизонта. Размеры ее $1,55 \times 1,25$ м. Стены толщиной до 25 см сохранились в высоту до 50 см, причем они явно сходятся, образуя свод; основание стен — на глубине 4,15—4,20 м. С внутренней стороны пол и стены сильно обожжены. Это позволяет предполагать, что постройка служила большой прямоугольной печью, отвор которой шириной 45 см находился с южной стороны.

Между этой постройкой и помещением 234 никаких остатков сооружений восьмого горизонта нет¹⁰. Более того, нет и обычного строительного

мусора в слое, да и общая насыщенность его находками минимальна. Здесь в рассматриваемый период, безусловно, был значительный незастроенный участок. Впрочем распространять это заключение на всю северную периферию поселка преждевременно. Концентрация жилых и хозяйственных сооружений в северной и южной частях исследуемой площади отмечалась для ряда горизонтов. Характерно и то, что все вскрытые на поселении районы активной застройки расположены в восточной его половине, фактически на восточной периферии холма. Ближайшие же к центру участки, вскрытые с седьмого горизонта и выше, как правило, не давали следов регулярной застройки. Тем самым документируется наличие в центральной части поселения значительного незастроенного пространства, скорее всего прямоугольного двора (площади), по сторонам которого группировались жилые и хозяйственные постройки; квадрат 37 в западной своей части мог входить в состав такого открытого двора. Подобная планировка в целом соответствует основной модели поселений Месопотамии на протяжении многих тысячелетий. Принцип ее выработался здесь еще в дохассунский период, что весьма четко засвидетельствовано раскопками Умм Дабагии в районе Хатры¹¹. В дальнейшем именно этот принцип сохранялся при планировке и сельских поселков, и отдельных жилых комплексов в городах, и самих городов. П. Лэмпл, посвятивший специальное исследование городам Древнего Востока и их планировке, пишет: «После определения общей формы, согласно конъюнктуре более чем каким-либо улавливаемым принципам, т. е. соответственно топографическим особенностям поселения или близости уже существующих построек, узкие прямоугольные комнаты сооружались по сторонам большого двора как главный элемент плана». И далее: «Моделью для города служит жилой комплекс: из него город и развивается. Ядром является центральный двор или жилая комната, вокруг которых и группируются дополнительные комнаты просто в соответствии с потребностями и наличием места»¹².

Попутно отметим, ч. о, по нашему представлению, в самой Телль Хассуне отсутствие следов фундаментальных построек в нижней части культурного слоя (Хассуна I-a), вызвавшее заключение авторов раскопок о существовании здесь лагеря скотоводов и охотников, живших в войлочных палатках, не знавших подлинного домостроительства и не связанных с создателями последующего раннеземледельческого поселка¹³, в действительности объясняется наличием здесь подобного же свободного от застройки пространства в центральной части поселения. Что же касается существования фундаментальных построек в период Хассуны I-a, то оно теперь безусловно засвидетельствовано раскопками Телль Сотто, Умм Дабагии и самого Ярмтепе I¹⁴.

¹¹ Приведенная здесь нумерация является общей для всех ям и перекопов, открытых на поселении (исключая могильные ямы).

¹² Печи, расположенные вне помещений, также имеют последовательную нумерацию.

¹³ Mellaart J. The Neolithic of the Near East. London, 1976, p. 135 sqq.

¹⁴ Это обстоятельство особенно важно в связи с выдвинутым авторами раско-

пок Хассуны тезисом об отсутствии каких бы то ни было построек в двух нижних слоях (Ia—b) эпонимного памятника и на начальных этапах развития культуры в целом. См.: Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna. Excavations by the Iraq Government Directorate Generale of Antiquities in 1943 and 1944.—JNES, 1945, v. IV, N 4, p. 271. Тезис был принят рядом исследователей. См.: Perkins A. The Comparative Archaeolo-

gy of Early Mesopotamia. Chicago, 1949, p. 4; Mortensen P. Tell Shimshara. The Hassuna period. København, 1970, p. 130, 131.

⁸ Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna, p. 272.

⁹ Ibidem.

⁷ Продолжение этой стены прослежено севернее на участке 47d, где она образует угол и поворачивает к востоку. Угол расположен непосредственно у южного комплекса XXXIII десятого горизонта; он перекрыт наиболее поздней его пристройкой 328, но стоит на единой поверхности с основными сооружениями. Стена, очевидно, огораживала не помещение, а открытый двор.

⁸ Поверхности ранних полов этого горизонта заметно поднимаются к югу.

⁹ Слой на этом участке заметно пони-

жаются к северу, поэтому основание стены помещения 287 (4,55 м) оказалось ниже основания стен основного «ядра» комплекса (4,54 м).

¹⁰ Исключение составляют лишь следы открытого очага в виде зольно-угольного овального пятна размерами 85×65 см.

¹¹ Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1972: a Second Preliminary Report.— Iraq, 1973, v. XXXV, pt 1, p. 7, pl. 1.

¹² Lampl P. Cities and Planning in the Ancient Near East. N. Y., 1968, p. 20, 21.

¹³ Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna, p. 262, 271.

¹⁴ Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто.— СА, 1975, № 4, с. 101, 103; Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1971.— Iraq, 1972, v. XXXIV; Eadem. Umm Dabaghiyah, 1972.

Глава 3

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ХАССУНСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Приведенные данные позволяют отметить в рассмотренных нижних горизонтах хассунского поселения определенное совершенствование строительства и усложнение жилых и хозяйственных сооружений. Большие комплексы девятого-восьмого горизонтов гораздо сложнее своих предшественников из 12-го горизонта. В значительной мере это происходит за счет роста поселения, разрастания семей и принадлежавших им домов, застройки новых участков, необходимости все более компактного использования пространства. Рост населения и выделение новых семей вызвали необходимость новых пристроек к домам. Пристраивались не только вспомогательные, но и новые жилые помещения¹, иногда заметно менявшие первоначальные планы построек и целых участков. Особенно хорошо это проявляется в последующие периоды жизни Ярымтепе I. В нижних горизонтах сооружения представлены достаточно четко в комплексах XXXVI, XXXV (десятый горизонт), XXXII (девятый горизонт), XXIX (восьмой горизонт).

Нет никаких оснований говорить о предельной примитивности древнейших хассунских построек и начинать историю хассунского строительства с простейших однокомнатных сооружений, как было в период раскопок Телль Хассуны, когда подобное сооружение из слоя Ib рассматривалось как древнейшая искусственная конструкция, открытая на территории Ирака². С самого начала строительные остатки свидетельствуют о достаточно уже выработанной традиции многокомнатных построек, предысторию которой дают значительно более ранние культуры. Многокомнатными были все комплексы первоначального 12-го горизонта: XXXI, XXXV, XLI. Соответственно хорошо выработанным был и ряд строительных приемов.

Отмечено, что перед началом строительства сооружений определенного горизонта производилась нивелировка застраиваемого участка, при этом

углубления и пустоты, в том числе остатки более ранних помещений, плотно забутовывались глиной и строительными остатками, а нижние части этих стен включались в забутовку. При создании древнейшего поселка забутовке подверглись прежде всего котлованы и корытообразные печи в материке, связанные с периодом первоначального строительства. Уже тогда в отдельных случаях забутованная поверхность укреплялась выкладкой из фрагментов крупных толстостенных сосудов: такая выкладка перекрывает забутованную печь 46 (квадрат 37), вырытую в материке. Впоследствии подобный прием применялся при создании субструкции полов и особенно подов печей: у последних подстилка из черепков встречена практически во всех горизонтах (одна из древнейших печь 72, квадрат 57, 11-й горизонт). Выкладки из черепков составляли и основы порогов в дверных проемах, что отмечено и в Хассуне³.

Включение остатков более ранних построек в забутовки под более поздними отмечалось многократно. Среди наиболее ранних примеров могут быть отмечены забутовка под комплексом XXXIV (квадрат 47, 11-й горизонт), включившая в себя строительные остатки комплекса XXXV (12-й горизонт), и забутовка под комплексом XXVII (квадрат 37, десятый горизонт), в которую включены стены помещений предшествующего комплекса XXX (11-й строительный горизонт).

Со стороны склонов постройки укреплялись массивными глиняными платформами; подобные платформы создавались и для построек специального назначения — зерносушилок и зернохранилищ. Древнейшая из таких платформ входила в состав комплекса XLI (квадрат 57) и относилась к первоначальному поселку. Глиняная платформа, на которой находилось зернохранилище, найдена и в третьем слое Телль Хассуны⁴.

Иногда поверхность дополнительно нивелировалась непосредственно под самой стеной. Так, под стенами построек 11-го горизонта, на участке 47а-3 были отмечены полосы специальной глиняной подстилки, состоявшей из отдельных плоских «лепешек» толщиной 3—5 см. Специальная выкладка из овальных, примерно равновеликих (20—25 см) глиняных комьев частично подстилала, а более укрепляла с внешней стороны стены конструкции 12-го и 11-го горизонтов на квадрате 57. Массивная внешняя стена помещения 234 (восьмой горизонт) стояла на глиняной подушке высотой в 10—12 см. Устойчивости и укреплению построек способствовали и заметные расширения стен у их основания, отмеченные во многих случаях. Так, например, стены помещения 381 (комплекс XL, 11-й строительный горизонт) при регулярной толщине около 30 см к основанию расширяются до 50 см. В основании стен домов неоднократно отмечены также следы циновок или довольно значительных слоев камня.

Уже для древнейших строительных комплексов характерны мощные стены, толщина которых лишь в редких случаях менее 25 см, а чаще достигает 30—35 см. Отметим, что значительную толщину ранних стен (от 20 до 45 см) отмечают и авторы раскопок Хассуны⁵. На Ярымтепе I в 12-м горизонте особой мощностью отмечены стены, обрамлявшие платформу комплекса XLI, а также основная стена комплекса XXXI. Некоторые стены имеют значительную длину: восточная стена комплекса XXXI продолжалась более чем на 10 м; на протяжении 8 м прослежена, причем не полностью, длинная стена комплекса XL 11-го горизонта на квадрате 57. Это не вяжется с замечанием авторов раскопок Хассуны

об увеличении длины стен лишь с совершенствованием их техники в уже далеко не раннем слое (втором) эпонимного поселения⁶.

Хорошо отработана и в основном идентична во всех горизонтах система кладки стен. Стены сложены из кусков глины — блоков или сравнительно тонких «ломтей», скрепленных глиняным же раствором. Для наиболее ранних построек Хассуны Ф. Сафар отмечает «стены из адоба» (adobe walls)⁷, затем «стены из комков различных размеров» (lumps of mud), упоминая, что подобный способ близок практикуемому в этом районе и сейчас⁸. Тот же исследователь подчеркивает трудность выделения отдельных комков по следующим причинам: глина их была смешана с рубленой соломой или толченым кустарником, но блоки не были посыпаны тем же материалом, как делают теперь; глина содержала ингредиент гипса, цементирувавшего отдельные блоки в единый массив; блоки, очевидно, не подсушивались перед употреблением⁹.

В целом с этим следует согласиться: расположение комков (блоков), их форма и размеры поддаются определению далеко не во всех случаях. И все же при расчистке ряда сооружений Ярымтене I соответствующие наблюдения оказались возможными. Приведем их результаты, ограничиваясь при этом данными нижних горизонтов.

Уже в 12-м горизонте стена помещения 382 оказалась сложенной из «ломтей» длиной до 50 см, шириной 23—24 см, толщиной 5 см. Все они из желтой глины, с примесью рубленой соломки, скреплены серой глиной, прослойки которой хорошо видны между «ломтями», образующими правильные ряды.

В 11-м горизонте стены помещения 381 сложены из «ломтей» желтой глины длиной свыше 40 см, шириной около 30 см, толщиной 4—5 см. Здесь, как и во всех прочих случаях, «ломти» расположены правильными рядами и скреплены серым глиняным раствором. На участке 47с-2 внутреннего перегородка в помещении того же горизонта сложена из иных — небольших и почти квадратных «лепешек» красной глины размерами 18×17×6 см. Восточная стена того же комплекса XXXIV состояла из квадратных, но более крупных (длиной и шириной до 29 см при толщине 7 см) блоков черной глины.

Прямоугольные разновеликие «ломти» (длиной 23—35 см при ширине 20 см, толщине 3—6 см), расположенные в три вертикальных ряда и скрепленные раствором, составляли параллельные стены платформы зерносушилки комплекса XXVII (десятый горизонт).

Стена верхнего уровня девятого горизонта на участке 27d-1 была сложена из правильных и разновеликих прямоугольных блоков размерами 35×25×6 см, тогда как сравнительно тонкие стены маленькой пристройки 39 на том же участке, принадлежащей тому же девятому горизонту, как и перегородка, состояли из квадратных «лепешек» размерами 18×17×6 см.

Необычные узкие и длинные овальные блоки красной глины выделены среди остатков странного округлого сооружения девятого горизонта на участке 37с-2 (может быть, печи). Они достигали в длину 50 см при ширине и толщине 7 см.

Двойные стены помещения 234 восьмого горизонта на квадрате 27 заметно различались по своим компонентам. Внутренние состояли из обычных «ломтей» коричневой глины размерами 35×25×5 см; внешние, особенно мощные, были сложены из совершенно необычных массивных бло-

ков серо-зеленой глины длиной до 80 см, шириной 35 см, высотой до 40 см.

Все эти факты свидетельствуют о заметных колебаниях в размерах и пропорциях блоков, составлявших стены. И все же это не просто иррегулярное сочленение разновеликих комков глины. Во всех случаях зафиксированы правильные ряды блоков, или «ломтей», чередовавшихся со столь же правильными прослойками глиняного скрепляющего раствора. Такая регулярность расположения обуславливала стремление к производству блоков близких форм и размеров (пока еще для отдельных построек, размеры стен которых и являлись определяющим моментом). Это позволяет предполагать, что в строительной технике хассунской культуры происходил процесс выработки стандарта глиняных блоков, приведший к появлению своего рода «протокирпичей», еще неодинаковых в различных группах построек, а затем и к появлению сырцового кирпича со значительно большей степенью стандартизации формы и размеров (такие кирпичи известны уже в памятниках самаррской культуры)¹⁰. Естественно, что в нижних горизонтах тенденция к подобной стандартизации выражена слабее, чем в поздних, и разнообразие блоков значительнее.

Выработка соответствующих компонентов кладки глиняных стен отмечена и в более ранний период. При разборке стен дохассунских построек Телль Сотто «в нескольких случаях удалось проследить их структуру — большие, до 70 см длины, и тонкие — 5—7 см — лепешки из глины с примесью соломы»¹¹. В хронологически близких слоях Умм Дабагии длинные (от 30 до 100 см) узкие глиняные блоки не только составляли стены построек, но и служили материалом для вымостки центрального двора¹². И уже в столь раннем памятнике, как Джармо, отмечен тот же признак кладки стен: на грубом каменном основании были поставлены стены из тех же комков или «ломтей» глины (It was stone-founded and tuff-walled)¹³. П. Мортенсен специально отмечает, что «tauf-technique» имеет долгую традицию в Месопотамии, начиная с VII тысячелетия до н. э., с Джармо и Букры¹⁴.

Таким образом, можно говорить о длительном развитии единой строительной традиции. И хассунские постройки уже очень далеки от ее начала.

В первоначальном поселке Ярымтепе I стены с обеих сторон обмазывались штукатуркой из довольно тонкой глины. Слой такой штукатурки толщиной до 1,5 см отмечены у построек всех трех комплексов 12-го горизонта (XLI, XXXV, XXXI).

Весьма рано получил распространение на Ярымтепе I и такой характерный строительный прием, как контрфорс, игравший впоследствии столь значительную роль в шумерской архитектуре. По сути дела, он применялся в течение всего периода существования поселка. Длинная стена, пересекавшая с юго-запада на северо-восток квадрат 57 и связанная с комплексом XL 11-го горизонта, укреплена с западной стороны массивными внешними контрфорсами, на 30—50 см выступающими перед плоскостью стены. Затем контрфорсы становятся почти обязательной принадлежностью построек всех последующих горизонтов. Мощный внешний контрфорс укреплял южную стену комплекса XXXIII десятого горизонта. В девятом горизонте внутренние контрфорсы отмечены в помещениях 298, 307 комплекса XXXII, а также в округлой постройке 288, перекрывавшей этот комплекс, а внешний контрфорс — у южной стены комплек-

са XXVIII. В восьмом горизонте мощными внутренними контрфорсами были укреплены три из четырех стен массивной постройки 234.

Таким образом, можно говорить о регулярном применении этого строительного приема, об укреплении стен построек внешним и внутренними контрфорсами. То же отмечают и авторы раскопок Хассуны, но лишь начиная с третьего слоя этого поселения, где в комнате 10 дома 21 «полукруглые выступы на каждой длинной стене фиксируют положение балки, пересекавшей комнату в центре»¹⁵. В комнате 11 пятого слоя «три пары наружных контрфорсов служили для усиления стены и укорочения пролетов трех балок для плоской или навесной крыши»¹⁶.

Теперь применение контрфорсов засвидетельствовано не только для развитой, но и для ранней хассунской культуры. И это совершенно закономерно, поскольку они были найдены и в еще более древних, предшествовавших Хассуне, слоях. Н. О. Бадер при раскопках памятников культуры Телль Сотто встретил контрфорсы и у построек нижнего слоя как эпонимного поселения, так и второго, синхронного ему, поселения Кюллитепе; в последнем они выражены особенно четко. Зафиксированы контрфорсы и в Умм Дабагии¹⁷.

Фактические данные о крышах хассунских домов, естественно, минимальны¹⁸. Ф. Сафар, восстанавливая их конструкцию, исходил из единственно доступных после раскопок Хассуны косвенных свидетельств. «Если полагать,— писал он,— что климатические условия Северного Ирака были приблизительно такими же, как и ныне, и что доступные для перекрытия материалы не претерпели заметных изменений, можно быть уверенным, что низкоконьковая крыша из ветвей и глины, подобная безраздельно господствующей сейчас к северу от Шургата и к востоку от Хассуны, была такой же на протяжении весьма длительного периода. Сверх того ... комплекс (из пятого слоя.— Н. М., Р. М.) точно соответствует этой форме перекрытия, поскольку две пары комнат (3 и 4, 6 и 15) разделены стенами, которые, если их соединить короткой балкой через комнату 5, могли бы поддерживать двускатную крышу». Тот же исследователь упоминает и сами обгоревшие остатки крыши, но характер последних не указан¹⁹.

В нижних горизонтах Ярымтепе I остатки кровель не обнаружены, но безусловное единство строительной традиции позволяет учитывать данные последующих горизонтов. В них есть уже прямые показатели конструкции кровель. Внутри помещения 387, принадлежавшего пятому строительному горизонту (участок 36с-3), отмечен завал обломков гипсовой обмазки толщиной до 3 см; под ним — слой глины толщиной свыше 10 см, покрывавший в свою очередь камышовую циновку, четкие следы которой отмечены под всем завалом. Отпечатки циновки неровные, волнистые. Они не могут быть отнесены к полу, который перекрыт ими. Это, несомненно, остатки рухнувшей кровли, имевшей трехслойную конструкцию: циновка — глина — гипс, обычную у кровель домов этого района и в наше время. Подобная кровля поддерживалась жердями, опиравшимися в свою очередь на стены и коньковую балку.

Полы хассунских домов земляные, причем лишь для домов пятого слоя Телль Хассуны отмечена «первая попытка создания более совершенной поверхности пола: в комнатах 1, 3, 4 и частично в коридоре 2 она была покрыта обмазкой, состоявшей из глины с примесью рубленой соломой, обычно около 3 см толщиной»²⁰. В Ярымтепе I полы из утрамбо-

важной глины со специальной обмазкой зафиксированы и в ранних горизонтах, начиная с 12-го, где, помимо прямоугольных построек комплексов XXXV и XLII, подобная обмазка покрывала оба пола толстообразного сооружения 319 и пол подобной же конструкции 333. Более совершенная конструкция, при которой субструкция из мелкого камня и черепков перекрывалась камышовым настилом, который в свою очередь был обмазан глиной. Наиболее четко пример такой конструкции пола представлен позже, в пятом горизонте (помещение 89), но следы ее отмечены и раньше в комплексе XXVIII девятого горизонта (помещение 293).

Неоднократно зафиксирована и обмазка пола гипсом. Уже в 11-м горизонте основу помещения 282 составляла обмазанная гипсом платформа; на поверхности ее находился желоб, также обмазанный гипсом²¹. Комната эта имела, возможно, особое назначение: в ней найдены остатки расчлененного человеческого скелета. В обычных жилых помещениях также встречены гипсовые полы (помещение 316, комплекс XXXIII, десятый горизонт).

Наконец, отмечены не менее сложные случаи оформления полов безусловно жилых помещений и примыкавших к ним дворов, когда отдельные участки их внутри помещений, а возможно, и в открытых дворах, были несколько приподняты и превращены в своего рода платформы с основанием, укрепленным многочисленными кольями. Наиболее ранний пример такого рода относится к 11-му горизонту: на участке 47а-3 перед большой каменной ступкой отмечен ряд ямок для кольев диаметром до 5 см и глубиной до 10—12 см. Они занимают близкую к прямоугольнику площадь между ступкой и большим сосудом-зернохранилищем позади печи 52. Связь их с основанием платформы представляется весьма вероятной. Основание такой же платформы было расчищено внутри помещения 272 (комплекс XXIX, восьмой горизонт). Оно правильной широкой полосой пересекало комнату поперек, занимая всю центральную ее часть, и имело размеры 1,60×1,30 м. В основании отмечено не менее 50 ямок от кольев. И здесь платформа связана со ступкой, располагавшейся у южного ее края. Со ступкой и зернотеркой связано еще одно основание платформы с подобным скоплением ямок от кольев, отмеченное в открытом дворе восьмого горизонта на квадрате 47. Наконец, абсолютно такой же случай встречен в помещении 234 того же горизонта, где несколько десятков ямок от кольев отмечают основание настила, или платформы, на нижнем полу; тут, как и в предшествующих случаях, встречена массивная ступка. Повторяемость этого сочетания²² позволяет предполагать, что и эти платформы служили зерносушилками, на этот раз внутренними и небольшими в отличие от крупных и более сложных зерносушилок, неоднократно уже упоминавшихся. Очевидно, подобная платформа найдена в доме третьего горизонта Хассуны, причем и там открыто зернохранилище²³.

В стенах ряда помещений всех рассматриваемых горизонтов открыты дверные проемы. Обычная ширина их от 40 до 60 см. Они соединяли отдельные комнаты единой постройки²⁴, выводили в специальные соединительные коридоры²⁵, открытые дворы и проходы между постройками²⁶. Такие наружные двери иногда фланкированы контрфорсами или небольшими, образующими тамбур стенками²⁷. Отмечены случаи, когда при реконструкции участков и пристройке новых, занявших открытые ранее пространства помещений наружные двери, терявшие при этом

смысл, закладывались глиной и фрагментами крупных сосудов²⁸. В дверных, прежде всего наружных, проемах неоднократно встречены пороги, выложенные из фрагментов крупных сосудов и обмазанные глиной²⁹.

В Хассуне первый пяточный камень найден в третьем слое, у покрытия камнем порога в дверном проеме прохода 8³⁰. В рассматриваемом нами поселении пяточные камни встречены многократно, начиная с 11-го горизонта, но лишь в единичных случаях *in situ*, поэтому связь их с определенными дверными проемами большей частью установить не удается.

Следует специально подчеркнуть, что во многих комнатах дверных проемов не было, особенно в небольших помещениях, примыкавших к основным жилым комнатам и носивших вспомогательный характер (чаще всего кладовых). Такие помещения встречены во всех без исключения рассмотренных комплексах, начиная с помещения 382 комплекса XLI (12-й горизонт). Такое отсутствие дверных проемов отмечено уже во втором слое Хассуны. «В комнате 4, — пишут авторы раскопок этого памятника, — нет никаких следов двери, — явление, часто встречаемое в верхних слоях и наводящее на мысль о том, что подобные комнаты были просто кладовыми, доступными через люки в верхних частях стен»³¹. И далее, по поводу построек пятого слоя: «Вызывает недоумение отсутствие очевидных дверных проемов в комнатах 4, 6 и 15. И здесь следует предполагать, что это кладовые, доступные с более высокого уровня, нежели сохранившийся у этих стен»³².

Такое предположение достаточно убедительно. Вспомогательные помещения рассмотренных комплексов Ярымтепе I также либо могли иметь люк в более высоких частях стен, либо сами стены этих пристроек были настолько невысокими, что доступ в них был возможен и без дверей. Однако к некоторым постройкам это предположение неприменимо. Так, массивная однокомнатная постройка 234 восьмого горизонта носила отнюдь не вспомогательный характер. Несмотря на то что стены ее сохранились на высоту более 70 см, никаких следов дверных проемов этот дом не имеет, как нет и следов пандуса или лестницы, которые вели бы к более высоко расположенному люку. Поэтому не исключена возможность доступа в такие помещения сверху, с крыши здания (в подобных случаях плоской и отличающейся от обычных крыш). Примеры входов такого рода известны как в раннеземледельческих поселениях Ближнего Востока (прежде всего в Чатал-Уйюке)³³, так и среди этнографических материалов ряда территорий, в том числе и самого Северного Ирака. Д. Меллаарт предполагает даже использование плоских крыш в качестве дополнительных рабочих площадей, прежде всего для очистки и сушки зерна³⁴.

Сведения об интерьерах построек нижних горизонтов Ярымтепе I, как и в Телль Хассуне, минимальны. Впрочем это распространяется и на культурный слой в целом: лишь один раз в помещении 90 (пятый горизонт) были встречены примыкающие к стенам глиняные скамьи; подобная скамья зафиксирована и в Хассуне, где она находилась в открытом дворе 13 пятого слоя³⁵. Это единственные свидетельства хассунской «мебели». Некоторые элементы интерьеров как помещений, так и открытых дворов документированы значительно полнее. Это прежде всего печи.

Древнейшие для нашего поселения очаги связаны с котлованами в материке, т. е. с периодом создания поселка и временного лагеря его строителей. Соответственно и очаги носят временный характер и представляют собой расположенные, как правило, вне котлованов корытообразные и даже желобообразные углубления с заметно прокаленной поверхностью и зольным заполнением (печи 46, 63, 68). Под некоторых из них покрыт фрагментами крупных сосудов. Достаточно близкие аналогии им представляют овальные очаги Хассуны Ia, где также отмечено «основание из черепков и гальки»³⁶.

Однако с самого момента создания поселения и постройки стационарных жилищ появились и стационарные печи различных форм и конструкций. Авторы раскопок Телль Хассуны отмечают некоторые моменты эволюции печей, подчеркивая крайнюю примитивность древнейших из них. «Печи появляются, — пишут они, — в слое Ib, на этой стадии они состоят из простого глиняного бочонка, наклоненного под углом 30°. В слое II они становятся сферическими и более просторными, но упавшие фрагменты одной из них свидетельствуют о том, что печи имели еще лишь одно отверстие, через которое разжигался огонь, выгребалась зола и закладывался хлеб»³⁷. Лишь начиная с этого слоя предполагалось расширение печей со сводами, «почти не отличимых от современных арабских тануров»³⁸.

Материалы Ярымтepe I позволяют пересмотреть эту схему. Действительно, в нижнем 12-м горизонте найдены примитивные печи или очаги в больших грубых сосудах или их стенках; они отмечены в углах помещений 482, 405. Еще более примитивен устланный галькой очаг в помещении 345. Печи в сосудах отнюдь не составляют специфики первоначального горизонта и не знаменуют особой ступени в развитии хассунских печей. Они встречаются и позже, во всех рассмотренных горизонтах, вплоть до девятого (помещения 303, 288) и восьмого (двор комплекса ХХХХ, очаги у комплекса XIX и др.). И везде они сосуществуют с печами более сложной конструкции, а часто и сопутствуют им. Такое сосуществование может быть твердо зафиксировано и для самого 12-го горизонта. Большая круглая печь 69 с явными следами свода зафиксирована здесь в углу между помещениями 320 и 345 комплекса ХХХV. Вторая печь, также круглая, диаметром больше 1 м, со сходящимися к своду стенками, открыта в помещении 295 комплекса ХХХI. Еще большие печи обнаружены на открытых участках квадратов 37—47. Они занимали промежуточное положение между 12-м и 11-м горизонтами, причем если одна из них (65) — круглая, диаметром 1,50 м, то другая (67) — прямоугольная, с округленными углами (1,05×0,70 м, otvor — 0,50 м). Это позволяет говорить о том, что создатели первого поселка хассунской культуры на месте Ярымтepe I были уже достаточно хорошо знакомы со строительством больших массивных печей, покрытых сводами различной формы (купольными и полуцилиндрическими) и сосуществовавших с более примитивными печами и очагами в сосудах. Последние предназначались, очевидно, для обогрева помещений в зимний период, достаточно холодный в этой части Месопотамии. При строительстве печей применялись те же материалы и приемы, что и при строительстве домов, в стенах некоторых из них удалось выделить такие же глиняные «ломти».

Значительное число печей найдено среди построек 11-го горизонта. Здесь повторяется та же картина сосуществования печей и очагов в больших сосудах (квадрат 57с-2, печь 81) с гораздо более совершенными постройками, расположенными как внутри помещений, так и на открытых площадках. На квадрате 47 открыта большая округлая печь со сводом («помещение» 335, размеры $1,50 \times 1,25$ м), пристроенная с внешней стороны к помещениям комплекса XXXIV. На квадрате 27 сохранились остатки большой прямоугольной печи 56 длиной 1,25 м, включенной позднее в комплекс XXX и располагавшейся после этого внутри помещения 350.

Сочетание массивных круглых и прямоугольных печей отмечено и в десятом горизонте. Весьма характерна печь 83, стоящая отдельно, но входящая в состав комплекса XXXVI. Она прямоугольная, с округленными углами, размеры ее $1,60 \times 1,10$ м, толщина стен 25 см, в высоту они сохранились на 30 см, причем схождение их к сводчатому перекрытию представлено очень четко. Отвор печи шириной 50 см располагался с западной стороны. Абсолютно такая же печь лишь несколько меньших размеров ($1,05 \times 0,90$ м, отвор 0,50 м) стояла внутри помещения 367 того же комплекса и была связана с большим вкопанным в землю сосудом-зернохранилищем и каменной ступкой. В подобный же комплекс входит и массивная печь 52 ($1,00 \times 0,85$ м), открытая на участке 47а—с. Еще более крупные круглые печи открыты в северной части квадрата 47 (печь 58, диаметр 1,30 м) и на границе его с квадратом 37 (печь 63, диаметр 2,00 м). Наконец, в десятом горизонте на квадрате 47 среди остатков построек комплекса XXXIII найдены фрагменты массивного глиняного диска с отверстиями-продухами, служившего полом обжигательной камеры двухэтажной керамической печи и отделявшего ее от первого этажа — вкопанной в землю топки. Это древнейший для Ярым-теме I (а насколько нам известно, и для Месопотамии в целом) образец сложной конструкции, представленной далее в ряде последующих горизонтов.

Печи различных форм, размеров и степени сложности представлены и в девятом горизонте. В большом открытом дворе комплекса XXXII находились крупная печь (уходящая в западный борт квадрата) и рядом с ней — меньшая прямоугольная печь 59 (60×43 см). Наряду с этими достаточно совершенными сооружениями на том же квадрате 57 (участок d-1) открыт очаг в стенке большого сосуда-хранилища с подкосами ко дну, продолжающий древнюю традицию (печь 77). Второй такой же очаг находился в помещении 303, тогда как с внешней стороны южной стены этого же помещения располагался овальный очаг с подом, устланным черепками крупных сосудов. Овальную же форму имел танур с четкими следами свода в помещении 307. Большая круглая печь диаметром свыше 1,50 м была пристроена к южной стене комплекса XXVIII на квадрате 47, при этом сама печь находилась вне огороженного пространства, а отвор ее — внутри него. В помещении 292 того же комплекса найдены остатки пода двухэтажной обжигательной печи с продухами. Наконец, на квадрате 27 отмечены остатки ряда различных печей — от круглой печи 34 со сводом и выложенными черепками подом (90×74 см) до небольших открытых очагов.

И позднее, в период восьмого горизонта, сохраняется то же сочетание. На квадрате 57 в комплексе XXIX, внутри открытого двора располага-

лись очень большая (диаметр 1,80 м) круглая печь 43 со сводом и рядом с ней — очаг в сосуде-хранилище. Подобного же рода «комплексы» открыты на квадрате 47 (печь 36, диаметр 1,10 м, и круглый очаг) и на квадрате 37 (печь 48, диаметр 1,30 м, и очаг в стенке сосуда). Очаги в стенках сосудов и с устланными черепками подами найдены и на квадрате 27, где наряду с ними располагалась большая прямоугольная печь 265 (1,55×1,25 м).

Приведенные материалы позволяют уверенно говорить о давней и достаточно развитой традиции строительства печей со сводами у создателей древнейшего поселка Ярымтепе I. И это совершенно закономерно, поскольку подобные печи зафиксированы и в более ранних культурах: в Джармо Р. Брейвуд отмечает печи с безусловным сводчатым перекрытием (completely domed over with tauf)⁷. Традиция оказалась стойкой: во всех рассмотренных горизонтах сосуществуют две основные формы больших печей — круглые с купольным сводом и прямоугольные с полупцилиндрическим⁸; во всех сохраняются очаги в больших грубых сосудах, наряду с которыми сооружаются круглые и овальные очаги со стенками из «ломтей» глины и подом, устланным крупными фрагментами сосудов. Надо полагать, что очаги, и прежде всего очаги в больших грубых сосудах, предназначались для обогрева помещений; печи же — для выпечки хлеба и других хозяйственных надобностей. Наиболее крупными и совершенными были печи для обжига керамики, причем уже с десятого горизонта зафиксировано двухэтажное сооружение с подземной топкой и обжигательной камерой, соединенными системой продухов. Они обуславливали достаточно совершенную термообработку некоторых групп хассунской керамики. Такие печи, как правило, располагались вне жилища⁹.

Что же касается «хлебных печей», то их сооружали внутри комнат или внутренних дворов. Часто они входили в состав своего рода комплекса, который можно считать характерным для домов как Ярымтепе I, так и раннеземледельческих поселений в целом. Комплекс этот включает печь (часто с дополнительным очагом), сосуд-зернохранилище, площадку для сушки зерна, зернотерку или массивную ступку, вкопанную в пол и часто специально заклиненную в нем камнями или черепками. В рассмотренных горизонтах Ярымтепе I этот комплекс с самого начала представлен очень четко и составляет наиболее специфическую черту интерьера жилых помещений этого поселка.

¹ Подобное «разрастание» домов хорошо документируется этнографическими материалами современного Ирака. См.: Nissen H. J. Survey of an Abandoned Modern Village in Southern Iraq.— Summer, 1968, v. XXIV, p. 107 sqq.

² Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna. Excavations by the Iraq Government Directorate Generale of Antiquities in 1943 and 1944.— JNES, 1945, October, v. IV, N 4, p. 272.

³ Ibid., p. 274.

⁴ Ibid., p. 272.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem.

⁷ Ibid., p. 273.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem. Эти компоненты кладки стен именуются также «slabs», «ломти», «pise», араб. «tauf». О терминологии см.: Braidwood R. J., Howe B. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan.— SAOC, 1960, N 31, p. 40.

¹⁰ El-Wailly F., Abu es-Souf B. The Excavations at Tell es-Sawwan. First Preliminary Report (1964).— Sumer, 1965, v. XXI, 1-2, p. 20 sqq. В Телль эс-Савване можно говорить о выработанном стандарте сырьцового кирпича: крупные, сделанные в формах кирпича раз-

- мерами 50—70×21—30×8 см встречены уже в нижнем (первом) слое. Д. Меллаарт считает их нововведением для Месопотамии. См.: *Mellaart J. The Neolithic of the Near East*. London, 1976, p. 151. В дальнейшем они без заметных изменений продолжали существовать вплоть до пятого слоя. Сырцовые кирпичи известны и в Шога Мами: они имеют сигарообразную форму и крупные размеры (60—90×12—18 см). См.: *Oates J. Choga Mami 1967—1968. A Preliminary Report*.— Iraq, 1969, v. XXXI, p. 116 sqq., pl. XXII, c.
- ¹¹ *Бадег Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто...*, с. 103.
  - ¹² *Kirkbride D. Umm Dabaghiyah*, 1971.— Iraq, 1972, v. XXXIV, p. 6; *Eadem. Umm Dabaghiyah*, 1972.— Iraq, 1973, v. XXXV, p. 3, pl. I.
  - ¹³ *Braidwood R. J., Howe B. Prehistoric Investigations...*, p. 42.
  - ¹⁴ *Mortensen P. Tell Shimshara. The Hassuna period*. København, 1970, p. 133.
  - ¹⁵ *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna*, p. 273.
  - ¹⁶ *Ibid.*, p. 275. В Телль эс-Савване контрфорсы были найдены уже у домов первого слоя, где они укрепляли места сочленения стен, причем, как и в Хассуне, они «не только разбивали монотонность стены, но и поддерживали балки предположительно плоской крыши из камыша и глины». См.: *Mellaart J. The Neolithic...*, p. 151. Контрфорсы укрепляли и оборонительную стену этого поселения, построенную несколько позже (слой III-b). См.: *Ibid.*, p. 152. Найдены они и в Шога Мами, где стены прямоугольных домов были укреплены контрфорсами по краям. См.: *Oates J. Choga Mami...*, p. 116.
  - ¹⁷ *Kirkbride D. Umm Dabaghiyah*, 1973, p. 208.
  - ¹⁸ *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna*, p. 274.
  - ¹⁹ *Ibid.*, p. 275.
  - ²⁰ *Ibidem.*
  - ²¹ В Хассуне в пятом слое отмечен канал, выводящий дождевую воду за пределы двора через выложенное камнем отверстие в его стене. См.: *Ibid.*, p. 274. Гипсовая обмазка полов особенно широко практиковалась в Телль эс-Савване. См.: *Mellaart J. The Neolithic...*, p. 152.
  - ²² Во всех упомянутых случаях в непосредственной близости от этих комплексов (в тех же комнатах или во дворах) располагались тануры для выпечки хлеба.
  - ²³ *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna*, p. 274.
  - ²⁴ В 12-м горизонте — комплекс XLI — проем между помещениями 380, 404; в 11-м горизонте — комплекс XL — проем между помещениями 378, 281; в десятом горизонте — комплекс XXXVI — проем между помещениями 367, 372 и др.
  - ²⁵ Восьмой горизонт, комплекс XXIX — два ряда помещения расположены по сторонам длинного узкого коридора 290 и соединены с ним проемами.
  - ²⁶ Во всех указанных комплексах, а также в комплексе XXXV 12-го горизонта (помещения 329, 345).
  - ²⁷ 12-й горизонт, дверь в южной стене помещения 345 комплекса XXXV.
  - ²⁸ В 11-м горизонте заложена при перестройке участка дверь в восточной стене помещения 298 комплекса XXXII.
  - ²⁹ Древнейшие — в дверях помещений 329, 345 комплекса XXXV 12-го горизонта.
  - ³⁰ *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna*, p. 274.
  - ³¹ *Ibid.*, p. 273.
  - ³² *Ibid.*, p. 274.
  - ³³ *Mellaart J. Earliest Civilizations of the Near East*. London, 1965, p. 81 sqq.
  - ³⁴ *Mellaart J. The Neolithic...*, p. 146.
  - ³⁵ *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna*, p. 274.
  - ³⁶ *Ibid.*, p. 271.
  - ³⁷ *Ibid.*, p. 267.
  - ³⁸ *Ibid.*, p. 262.
  - ³⁹ *Braidwood R., Howe B. Prehistoric Investigations...*, p. 42.
  - ⁴⁰ Круглые печи делятся на два типа: с верхним отвором (тануры) и с боковым.
  - ⁴¹ В последующих горизонтах печи, естественно, совершенствуются, размеры их увеличиваются, но формы и принцип конструкции сохраняются.

Глава 4

ПОГРЕБЕНИЯ

В культурном слое Ярымтөпө I, как и в Телль Хассуне¹, найдены захоронения, преднамеренно совершенные внутри поселка и связанные с конкретными периодами его жизни. Здесь их значительно больше, чем на эпонимном поселении: общее число достигает 45, практически они найдены во всех сколько-нибудь удовлетворительно сохранившихся горизонтах. Из них 20 погребений стратиграфически связаны с нижними пятью горизонтами (рис. 17; 18). Как и в Телль Хассуне, большинство найденных костяков принадлежало детям, прежде всего грудным младенцам; костяки взрослых людей экстраординарны, а преднамеренность их захоронения не во всех случаях ясна².

Погребения группируются по строительным горизонтам, с которыми они стратиграфически связаны, начиная с древнейшего.

12-й строительный горизонт.

Погребение 106³. Открыто на участке 37a-4, на глубине 6,00 м, под полами, подстилавшими сооружения комплекса XXXI. Овальная яма не глубже 25 см; в засыпи и на перекрывающих ее полах отмечены значительные зольно-угольные пятна; на дне найдены кости грудного младенца. Череп лежал на левом боку, лицевыми костями к востоку; с юга к нему были прижаты бедро и голень одной ноги; мелкие кости и их обломки находились под черепом и даже внутри него. Полагаем, что такое положение костей вызвано не преднамеренным помещением костей внутрь черепа, а общим смещением костяка, который был накрыт крупным фрагментом толстостенного таза.

Погребение 128. Открыто на участке 37b-4, в яме под конструкциями комплекса XXXI. Яма впущена в котлован 69 до глубины 6,22 м. Границы ее прослеживаются плохо. Умерший ребенок полутора-двух лет лежал в скорченной позе на левом боку, головой на северо-запад; череп — на левом боку, лицевыми костями к востоку. Правая рука, слабо согнутая в локте, лежала вдоль позвоночника, покрывавшего вытянутую левую руку; бедра — под углом 30° к линии позвоночника; колени подняты к груди, голени прижаты к бедрам. Вещей при костяке не было. Погребение совершено после засыпки котлована 69 и до постройки комплекса XXXI (или в момент их сооружения), т. е. в начале периода 12-го горизонта.

Погребение 131. Открыто внутри толоса 333 на глубине 5,77 м. В западной половине толоса найдены разрозненные кости не менее двух взрослых людей⁴. У северного края сооружения находился череп, лежавший лицевыми костями вверх. Судя по зубам, он принадлежал молодому человеку. Нижняя челюсть была отделена и лежала перед черепом, возле которого найдены обломки тазовых костей. Основная часть их помещалась южнее, хотя тоже почти вплотную к черепу; севернее лежали остатки черепа (в том числе верхняя челюсть) и трубчатых костей второго взрослого человека. В южной части толоса найдены обломки локтевых и лучевых костей двух взрослых людей, бедренная и большая берцовая кости с лежащей между ними ключицей, отдельные позвонки и ребра; в юго-западной части — еще одно скопление обломков тазовых ко-

стей и грубчатые кости третьего (?) человека. Помимо указанных скоплений костей в толосе найдены раздавленный крупный яйцевидный красноглиняный кувшин (по нашей классификации вид II, тип 4) и фрагменты еще минимум трех сосудов. Внутри кувшина найдены позвончик и ножные кости овцы.

Погребение 133. Открыто на квадрате 27, в южной части толоса 319, в специальном углублении, перекрытом верхним полом сооружения, на глубине 5,95 м. Грудной младенец похоронен в скорченном положении на правом боку, головой на юго-запад; череп — на правом боку, завалился на теменную часть. Позвоночник резко изогнут. Локтевая кисть правой руки прижата к позвоночнику; предплечье — под углом 30° к плечу. Левая рука также согнута в локтевом суставе, кисть ее — перед грудью. Колени подтянуты к груди, голени прижаты к бедрам. Костяк накрыт крупным фрагментом серого толстостенного сосуда.

Погребение 138 (рис. 17, 2). Открыто на участке 37b-3, в углублении под печью комплекса XXXI, на глубине 6,00 м. Двое умерших (в возрасте до шести лет) лежали один на другом в совершенно одинаковом положении — резко скорчено на правом боку, головой на восток. Череп верхнего костяка смещен и лежал лицевыми костями вниз; нижний череп — на правом боку, лицевыми костями к северу. Руки обоих погребенных были согнуты в локтях, колени подтянуты к груди, голени прижаты к бедрам. Вещей при них нет. Отметим, что два детских костяка были найдены внутри большого сосуда во втором слое Телль Хассуны, причем авторы раскопок предполагают в этом случае погребение близнецов⁶.

Погребение 145. Открыто на участке 27c-3 на глубине 5,90–6,20 м. Остатки костяка младенца в возрасте до года были найдены внутри большого сосуда (вид I, тип 1), вкопанного в землю. Все кости смещены. Вещей при погребенном нет.

Погребение 146. Открыто на участке 27a-3 на глубине 5,80–6,00 м. Как и в предыдущем случае, смещенные кости грудного младенца находились внутри большого сосуда с подкосами ко дну (вид I, тип 1), вкопанного в землю. Диаметр сосуда 36 см, диаметр дна 18 см, сохраняющаяся высота 20 см. Горло и верхняя часть тулова обломаны. Тело было втиснуто в сосуд спиной вверх. Череп лежал лицевыми костями вниз; позвоночник сильно изогнут; кости таза — под черепом; кости ног резко согнуты в коленях. Вещей нет.

11-й строительный горизонт.

Погребение 105. Открыто на участке 37d-1 на глубине 5,57 м, в прямоугольном помещении 282, входившем в состав комплекса XXX. Пол этого помещения обмазан гипсом и пересечен поперечным, также обмазанным гипсом желобом, внутри которого и возле него на полу найдены разрозненные кости взрослого человека. Кости обеих ступней лежали в анатомическом порядке: одна — в желобе, другая — в юго-восточном углу комнаты. Кроме них, найдены головка бедра, часть берцовой кости и мелкие обломки костей.

Погребение 134. Открыто на участке 37d-3 на глубине 5,58 м, внутри прямоугольного помещения 346, смежного с помещением 282 и входящего в состав того же комплекса XXX. На полу помещения найдены остатки расчлененного тела взрослого человека (они лежали в правильном анатомическом порядке): часть позвоночника и грудной клетки, кости ног, таза, ключицы и скопление обломков черепа.

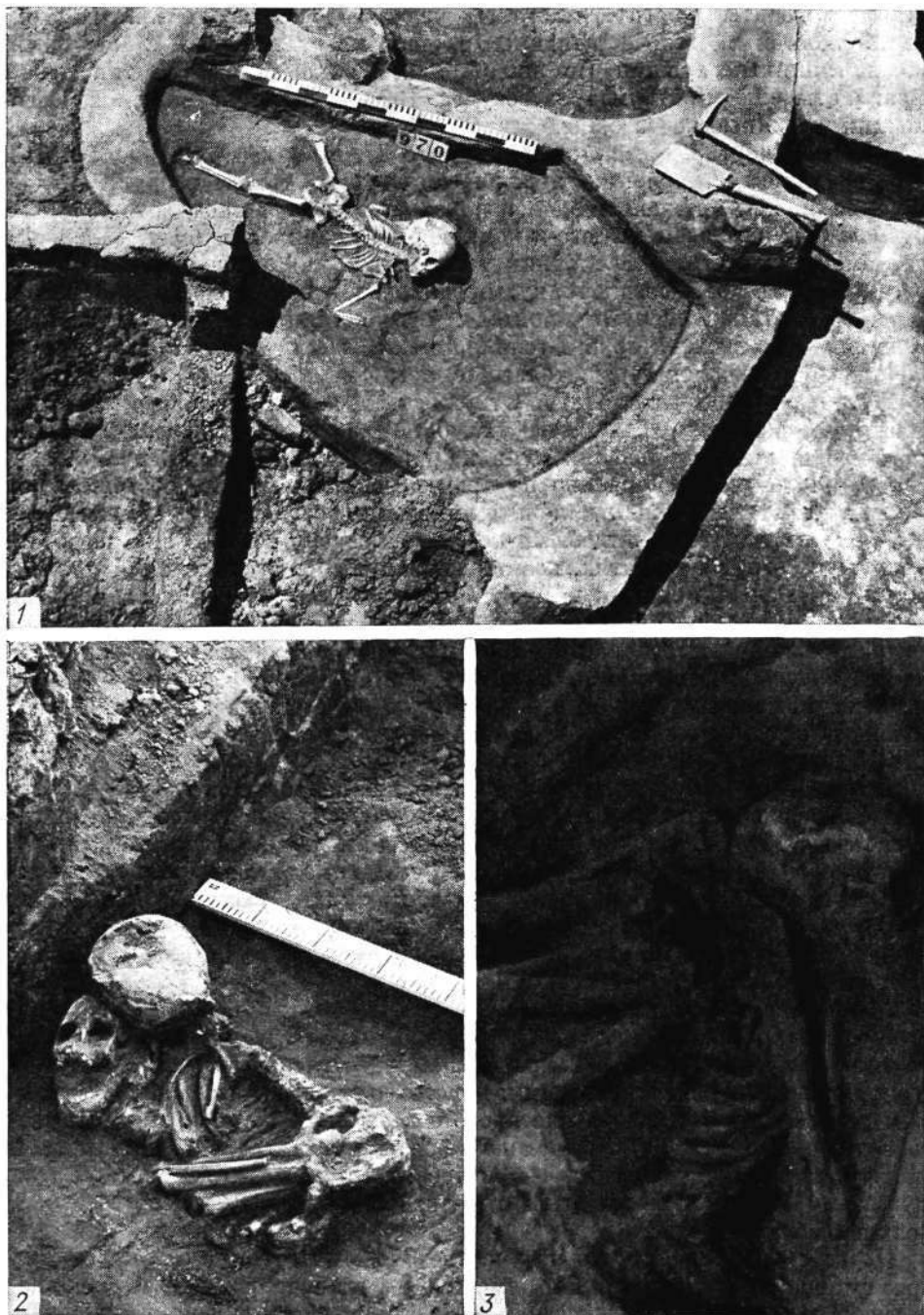
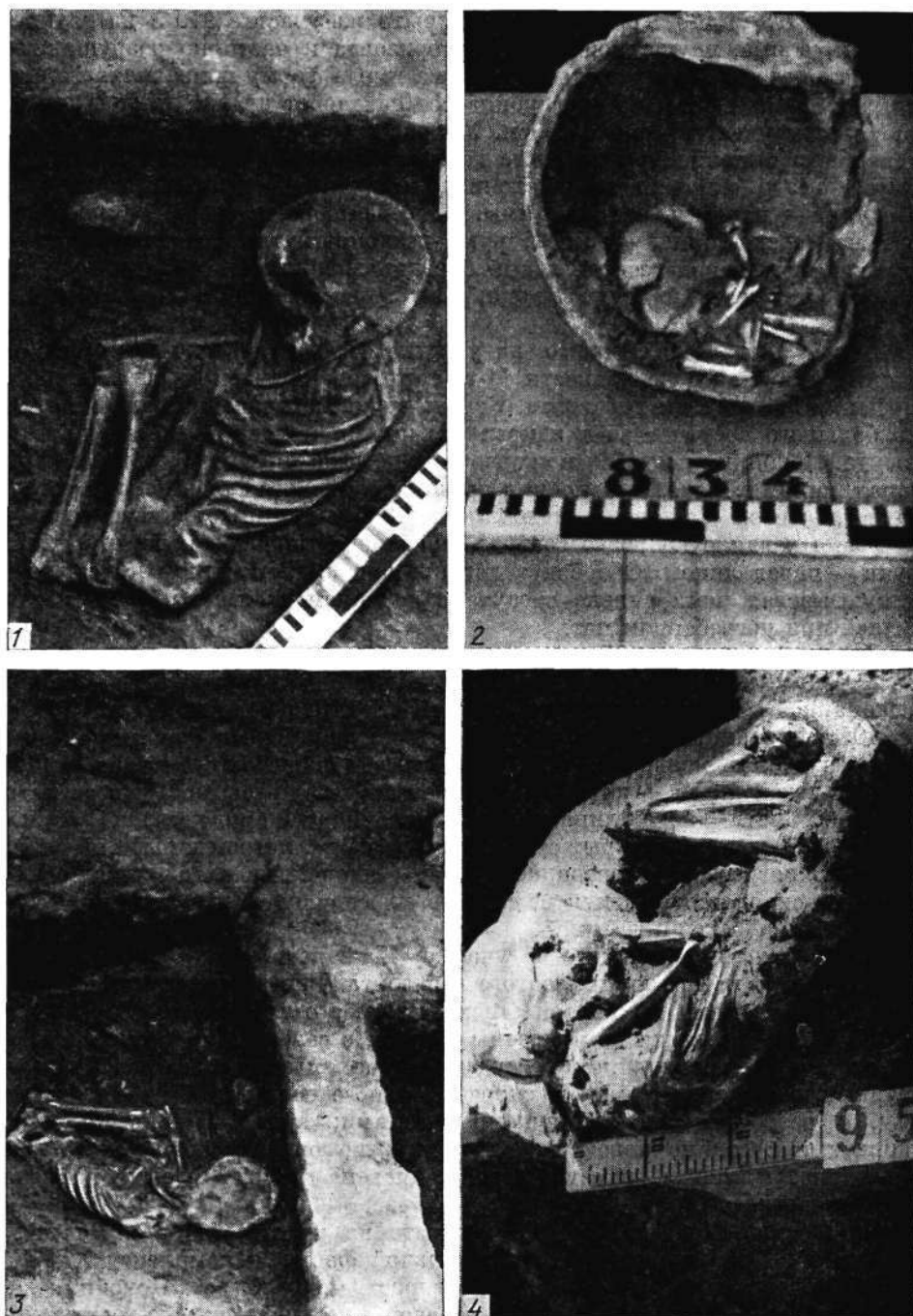

Рис. 17. Ярымтепе I. Погребения нижних горизонтов
1 — погребение 141; 2 — погребение 138; 3 — погребение 126

Рис. 18. Ярымтепе I. Погребения нижних горизонтов
 1 — погребение 102; 2 — погребение 103; 3 — погребение 102; 4 — погребение 132

Погребение 126 (рис. 17, 3). Открыто на участке 27d-3 на глубине 5,71 м, в яме, впущенной из 11-го горизонта и частично разрушившей западную стену раннего толоса 319. Яма имела форму неправильного овала размерами 1,00×0,55 м; глубина ее (считая от уровня 11-го горизонта на этом участке) около 55 см. Умершая (по предварительному определению это женщина в возрасте до 25 лет) была буквально втиснута в яму в резко скорченном положении, так что череп оказался на дне, а ступни — наверху, на краю ямы. Погребенная лежала на спине, головой на северо-восток — восток; руки резко согнуты в локтях, кости — у черепа, завалившегося на левый бок лицевыми костями к юго-востоку; колени прижаты к груди, голени — к бедрам. Вещей в погребении не было.

Погребение 127. Открыто на участке 47e-2 на уровне 5,77—5,94 м, в ямке, вырытой с поверхности 11-го горизонта и перекрытой стеной помещения 313 того же горизонта. Костяк грудного младенца лежал в стенке большого сосуда и был накрыт черепками и донной частью другого сосуда. Покойник погребен в скорченной позе на правом боку, головой на запад, лицом к югу. Позвоночник резко согнут. Левая рука слегка согнута в локтевом суставе и лежала вдоль позвоночника; кисть руки — у таза. Правая рука резко согнута, предплечье поднято к черепу, кисть руки — перед лицом. Оба бедра лежали под прямым углом к позвоночнику; правая нога сильно согнута в коленном суставе, левая — слабо. Вещей при погребении нет.

Десятый строительный горизонт.

Погребение 129. Открыто на участке 47a-2 на глубине 5,61 м в яме, выкопанной с поверхности десятого горизонта. Яма овальная, длиной около 40 см, границы ее прослеживаются очень слабо. На дне ямы найден костяк грудного младенца, лежавшего в резко скорченной позе на правом боку, головой на юг — юго-восток, лицом на северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисти — перед лицом, колени подтянуты к груди, голени прижаты к бедрам. Костяк накрыт стенкой кувшина диаметром и высотой около 40 см. С погребением, очевидно, связаны найденные в той же яме над костяком скопления фрагментов сосудов, плоскодонный прямостенный стакан и биконическое пряслице.

Погребение 130. Открыто на участке 47a-2 на глубине 5,55 м, в яме, выкопанной с поверхности десятого горизонта. Перекрыто стеной того же горизонта. Размеры вытянутой с севера на юг овальной ямы 55×40 см, глубина 25 см. Стенки ее обмазаны глиной, с северной стороны обмазку заменяет фрагмент крупного сосуда. На дне ямы лежали костяки двух грудных младенцев: один — в скорченной позе на левом боку, головой к югу, с резко подогнутыми руками и ногами; другой — столь же резко скорчен и частично перекрывает первый, но ориентирован головой на юго-восток и лежал, заметно завалившись на грудь. В засыпи найдена кость животного (овцы?).

Погребение 141 (рис. 17, 1). Открыто на участке 57b-3/4. На полу помещения 364, пристройки неправильной формы к комплексу XXXVI десятого горизонта, найден костяк подростка 10—12 лет. Покойник лежал в вытянутой позе на животе, головой на север — северо-восток, лицом вниз, с вытянутыми вдоль туловища руками и раскинутыми ногами, причем берцовые кости левой ноги отсутствовали. Это погребение явно совершено без соблюдения обычного обряда: оно либо связано с особыми

ритуальными действиями, либо вообще не было преднамеренным захоронением.

Погребение 142. Открыто на участке 57с-4. В яме со слабо очерченными границами, вырытой с поверхности десятого горизонта, найден костяк грудного младенца, положенного в скорченной позе на левом боку, головой на юго-запад — запад. Руки резко согнуты в локтях, ноги — в коленях. Вещей при погребении нет. Яма перекрыта стеной постройки десятого горизонта.

Девятый строительный горизонт.

Погребение 132 (рис. 18, 4). Открыто на участках 27b-1/2 в небольшой (60×50 см) овальной яме, вырытой с нижней поверхности девятого горизонта на глубину 5,20 м. Умерший ребенок лет четырех лежал в скорченной позе на правом боку, головой на юго-восток, лицом на север. Череп — на правом боку. Позвоночник резко изогнут. Руки согнуты в локтях, предплечья прижаты к плечам; кисти рук, очевидно, лежали перед лицом. Ноги резко согнуты в коленях, голени прижаты к бедрам. Тело было накрыто фрагментами крупного плоскодонного горшка; над ними в яме и над ней отмечен завал фрагментов крупного кувшина. Связь его с погребением весьма вероятна.

Погребение 144. Открыто на участке 57d-1 в яме под очагом 77, на глубине 5,10 м. Умерший грудной младенец лежал в скорченной позе на правом боку, головой на юг. Череп — на правом боку, лицевыми костями к востоку. Руки резко согнуты в локтях, ноги — в коленях. При костяке найдены сколы кремня и обсидиана. Связь их с погребением весьма вероятна. Костяк перекрыт фрагментами крупного толстостенного сосуда.

Восьмой строительный горизонт.

Погребение 100. Открыто на участке 27с-1/3 в яме под северо-западным углом помещения 234 восьмого горизонта, на глубине 4,98 м. Яма очень неглубокая (до 17 см), перекрыта нижним полом помещения. Ребенок двух-трех лет погребен в скорченном положении на правом боку, головой на север. Череп — на правом боку, лицевыми костями к западу. Руки вытянуты к коленям; бедра — одно под другим, под углом 45° к позвоночнику; голени — под углом 30° к бедрам. Вещей нет, но у южного края ямы отмечены завал фрагментов толстостенного горшка, а также рог козы и два рога быка¹.

Погребение 102 (рис. 18, 1, 3). Открыто на участке 57d-3 на глубине 4,65 м, в слабо прослеживаемой яме под полом помещения 278 восьмого горизонта. Умерший ребенок 10—12 лет лежал в резко скорченной позе на правом боку, головой на северо-запад. Череп — на правом боку, лицевыми костями к югу. Правая рука вытянута перед грудью к коленям, левая — согнута в локте; кисть руки — под головой. Ноги резко согнуты, колени подтянуты к груди, голени прижаты к бедрам. Перед черепом и у тазовых костей найдены фрагменты сосудов, однако возможно, что к погребению они не относятся, так как границы ямы выражены крайне нечетко.

Погребение 103 (рис. 18, 2). Открыто на участке 37a-1 в большом кувшине, вкопанном с внешней стороны южной стены помещения 234. Кувшин круглодонный с яйцевидным туловом и цилиндрической шейкой. Диаметр и высота его более 30 см, шейка намеренно отбита, а отверстие расширено. Кувшин располагался на уровнях 4,30—4,67 м. На дне сосуда найден костяк грудного младенца, положенного в скорченной позе на

правом боку, головой на юг. Череп — на правом боку, лицевыми костями к востоку. Позвоночник изогнут по линии стенки сосуда. Руки слегка согнуты в локтях, кисти — перед грудью. Колени подтянуты к груди, голени — под углом 30° к бедрам. Вещей нет.

Погребение 124. Открыто на участке 57d-4 в большом яйцевидном кувшине, вкопанном с поверхности восьмого горизонта до глубины 4,60 см. Кувшин круглодонный, диаметром и высотой около 40 см. Цилиндрическая шейка намеренно отбита, устье диаметром 15–20 см заложено фрагментом стенки толстостенного таза. Под горлом сохранилась полоса красной краски; снизу к ней примыкали дугообразные фигуры. В заполнении сосуда разбросаны смещенные кости младенца. Инвентаря нет.

Сравнительный анализ основных данных погребений приводится в таблице 1.

Эти данные свидетельствуют о наличии интрамуральных погребений во всех рассматриваемых горизонтах при сохранении определенного ритуала. Прежде всего следует отметить резкое преобладание детских погребений: 17 из 21. Из четырех погребений взрослых лишь один случай (погребение 26) может рассматриваться как преднамеренное захоронение; три других (погребения 105, 134, 135) связаны с экстраординарными и более сложными обрядами. Среди детских преобладают погребения грудных младенцев в возрасте до года (11 случаев); дважды встречены погребения детей в возрасте полутора — трех лет; дважды в возрасте четырех — шести лет и дважды в возрасте — 10–12 лет, причем одно из них (погребение 141) должно быть исключено из числа преднамеренных захоронений.

Можно считать, что погребения внутри поселка были ordinарным явлением для хассунской культуры. Более того, они представляли достаточно прочную традицию, сохранявшуюся на всех ступенях развития хассунских поселков. Прежде всего это касается младенческих захоронений: они преобладают и на поселении Ярымтепе I, и в Телль Хассуне⁶. Детские погребения преобладают и под полами домов (святотелищ?) нижнего слоя (а затем и в помещениях последующих слоев) Телль эс-Саввана⁹. Известны они и в Шимшаре¹⁰, и на других поселениях хассунской и самарской культур. Соответствующая традиция четко засвидетельствована и в дохассунское время: детские погребения под полами и стенами домов, под очагами, внутри больших сосудов неоднократно найдены в Умм Дабагии и Телль Сотто¹¹, начиная с самых ранних горизонтов. Далее, в хассунский и постхассунский периоды, эта традиция получает чрезвычайно широкое распространение в ряде раннеземледельческих культур как Юго-Западной Азии, так и Юго-Восточной, Восточной и Центральной Европы. Что касается преднамеренных захоронений взрослых людей, то они известны на ряде поселений, но всюду они, как и в Ярымтепе I, являются экстраординарными. Характерно, что в Телль Хассуне два таких погребения найдены в древнейших слоях поселка Ia и Ie; в Телль эс-Савване они представлены лишь в нижнем слое. Возможно, они отражают весьма древнюю традицию интрамуральных погребений, восходящую на Ближнем Востоке по меньшей мере к VII тысячелетию до н. э. (Иерихон в Палестине, Чатал-Уйюк в Анатолии, Телль Магзалия в Месопотамии).

Судя по приведенным данным Ярымтепе I, а также по данным Телль Хассуны, Шимшары, Телль эс-Саввана и других памятников, гос-

Таблица 1. Сравнительный анализ данных погребений

Гори- зонт	№ погребения	Возраст погребенного	Положение костяка					Ориенти- ровка	Инвентарь и кости животных	Примечание
			скорченное			вытянутое				
			на правом боку	на левом боку	на спине	на спине	на животе			
12	106	До года	—	×	—	—	—	С(?)	—	Костяк накрыт фрагмен- том сосуда
То же	128	Полтора- два года	—	×	—	—	—	СЗ	—	Яма под стенами дома
»	131	Взрослые	—	—	—	—	—	—	Фрагменты четырех сосудов, кости овцы	Расчлененные погребения трех (?) человек в толосе 333
»	133	До года	×	—	—	—	—	ЮЗ		Под полом толоса 319. Костяк накрыт фрагмен- том сосуда
»	138	Пяти-шесть лет	×	—	—	—	—	В	—	Два детских костяка
»	145	До года	—	—	—	—	—	—	—	Разрушенный костяк в сосуде
»	146	То же	—	—	—	—	—	—	—	То же
11	105	Взрослый	—	—	—	—	—	—	—	Разрозненные кости в помещении
То же	134	То же	—	—	—	—	—	—	—	То же
»	126	»	—	—	×	—	—	СВВ	—	—
»	127	До года	×	—	—	—	—	З	—	Яма под стеной дома
10	129	То же	×	—	—	—	—	ЮЮВ	Сосуды и пряслище	Костяк накрыт фрагмен- том сосуда
То же	130	»	—	×	—	—	—	Ю	Кость овцы	Два детских костяка
»	141	10-12 лет	—	×	—	—	×	ЮВ	—	Внутри помещения
»	142	До года	—	×	—	—	—	ССВ	—	Яма под стеной дома
»	142	До года	—	×	—	—	—	ЮЗЗ	Фрагменты сосуда	Костяк накрыт фрагмен- том сосуда
9	132	До четырех лет	×	—	—	—	—	ЮВ	Сколы кремня и обсидиана	Костяк накрыт фрагмен- том сосуда. Погребение под очагом
То же	144	До года	×	—	—	—	—	Ю	Фрагменты сосуда	Яма под углом дома
8	100	Два-три года	×	—	—	—	—	С	и три рога козы и быка	—
То же	102	10-12 лет	×	—	—	—	—	СЗ	—	Под полом помещения
»	103	До года	×	—	—	—	—	Ю	—	Костяк в сосуде
»	124	То же	—	—	—	—	—	—	—	Разрушенный костяк в сосуде

подствующим видом погребального обряда в хассунской и самаррской культурах было скорченное труположение на правом или левом боку, реже — на спине. На поселении Ярымтепе I более всего распространено положение на правом боку (10 из 16 определенных случаев). Ориентировка свободная. Детские костяки неоднократно оказывались помещенными в большие сосуды или накрытыми крупными их фрагментами. Инвентарем и жертвенной заупокойной пищей погребения Ярымтепе I снабжались редко, хотя само существование такого обычая сомнений не вызывает: оно доказывается немногочисленными, но достаточно четкими находками.

И все же представляется, что открытые нами погребения носят особый характер и связаны со специальными, хотя и достаточно распространенными обрядами. Следует отметить расположение ряда даже ординарных, казалось бы, детских погребений под стенами и углами домов, под полами, под очагами, хронологическое соответствие их моменту закладки определенных сооружений (погребения 128, 127, 142, 144, 100, 102). Уже это позволяет предполагать связь детских погребений с особыми ритуальными актами¹².

Что же касается найденных в нижних горизонтах поселения костей взрослых людей, то за единственным исключением (погребение 126) все они либо безусловно связаны с особыми ритуальными действиями, подобно расчлененным костякам в толосах или особых комнатах (погребения 105, 131, 134, может быть 141), либо вообще не являются преднамеренными захоронениями. Поэтому отметим, что ритуальные действия, связанные с расчленением умерших, также имеют на Ближнем Востоке чрезвычайно древнюю традицию (вновь соплемся на докерамический Иерихон с его знаменитыми захоронениями черепов и прочих частей костяков), но нигде не могут рассматриваться как господствующий погребальный обряд. На поселении Ярымтепе I само число таких погребений не позволяет считать их ординарными: в пяти нижних горизонтах на площади 400 кв. м найдены кости не более семи-восьми человек.

Вопрос об обычных хассунских погребениях все еще остается открытым. Но со значительной долей вероятности можно предполагать, что существовали специальные некрополи за пределами поселений, подобные некрополям халафской культуры, сочетавшимся, как показали раскопки Арпачии и более всего Ярымтепе II, с отдельными интрамуральными погребениями¹³.

¹ *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna. Excavations by the Iraq Government Directorate Generale of Antiquities in 1943 and 1944.* — JNES, 1945, October, IV, N 4, p. 262, 267; *Oates J. Religion and Ritual in sixth millenium B. C. Mesopotamia.* — In: *World Archaeology.* London, 1978, v. 10, N 2, p. 117—123.

² То же и в Телль Хассуне, где авторы раскопок ставят под сомнение преднамеренность захоронения останков взрослых людей, найденных в третьем (костяк в зернохранилище) и четвертом (костяк в мусорной яме) слоях.

См.: *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna,* p. 262, 267.

³ Погребения нумеровались последовательно по мере их открытия, и нумерация была единой как для собственно хассунских погребений, так и для многочисленных более поздних, вложенных в культурный слой поселка.

⁴ Восточная половина толоса 333 уходит в борт раскопа. Она осталась не вскрытой.

⁵ См. главу 5 настоящей книги.

⁶ *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna,* p. 268.

⁷ В том же углу, под стенами помеще-

ния 234, на одном уровне с погребением открыто устье большого вкопанного в землю кувшина с окрашенным горлом. Кувшин не относится к инвентарю погребения, но они одновременны, и, возможно, связаны единым ритуалом; предварившим закладку комплекса XXV, в который входило помещение 234.

⁸ *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna, p. 67; El-Wailly F., Abu es-Souf. The Excavations at Tell es-Sawwan. First Preliminary Report (1964).— Summer, 1965, v. XXI.*

⁹ *Al Adami K. A. Excavations at Tell es-Sawwan.— Sumer, 1968, v. XXIV.*

¹⁰ *Mortensen P. Tell Shimshara. The Hassuna period. København, 1970, p. 20.*

¹¹ *Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто.— СА, 1975, № 4, с. 99 сл.*

¹² Не исключается и другая возможность: именно маленьких детей могли хоронить внутри поселения, как бы оставляя их в домах, но ограниченное число погребений делает эту возможность менее вероятной.

¹³ Некрополь с индивидуальными погребениями, содержащими скорченные на боку костяки без инвентаря, открыт на склонах Умм Дабагьян. Д. Киркбрайд предполагает, что он оставлен жителями найденного поселения хассунского поселка. См.: *Kirkbride D. Umm Dabaghiah, 1972.— Iraq, 1973, v. XXXV.*

Глава 5

КЕРАМИКА

Наибольшую часть коллекции находок из культурного слоя Ярым-тепе I составляет керамический материал. Он требует всестороннего специального анализа и станет объектом особых исследований. Здесь мы ограничимся первичной его систематизацией, выделив основные группы сосудов с определением их специфики и места на различных этапах развития поселения. Кратко остановимся на общем состоянии изучения хассунской керамики до введения в научный оборот материалов Ярым-тепе I.

Впервые керамика хассунского типа была открыта на дне 27-метрового зондажа на холме Куинджик в Ниневии и правильно выделена М. Маллованом в качестве особой, древнейшей для Северной Месопотамии, группы¹. Систематизация ее стала возможной лишь после раскопок самой Хассуны, давших неизмеримо больший материал, который в предварительном отчете С. Ллойда и Ф. Сафара подвергся общей типологизации, причем впервые для ближневосточной первобытной археологии были приведены основные статистические показатели выделенных групп². Именно анализ керамического материала послужил основанием для выделения хассунской археологической культуры. «Классификация керамики,— писал С. Ллойд,— ...значительно облегчена определением уже на первой стадии исследования того факта, что от слоя Ib вплоть до появления халафской керамики в слое VI мы имеем дело с развитием единой местной культуры, последовательные ступени которой могут быть четко намечены»³. Это положение легло в основу классификации, предложенной авторами раскопок эпонимного памятника. Керамика слоя Ia, т. е. трех так называемых открытых лагерей, была выделена в «особый комплекс», в котором «за исключением восьми фрагментов лощеных сосудов и одной чаши со следами краски, обильная керамика состоит из очень грубых сосудов с темной поверхностью и примесью рубленой соломы в глиняном тесте. В сочетании с кремнем и полированными каменными изделиями она позволяет без колебаний определить слой Ia как неолитический»⁴.

Соответственно и «особый комплекс» был определен как «грубая неолитическая керамика»⁵ и отделен от собственно хассунской керамики. Внутри последней были выделены две основные группы: архаическая (слои Ib—II) и стандартная (слои II—IV). Главным критерием этой классификации явились характер и техника нанесения орнамента, а также обработки поверхности сосудов. Для последней в архаической группе в качестве основного признака постулируется «эффект легкой гляцевитости» (Slightly glossy effect)⁶. Этот эффект, по определению Ф. Сафара, достигался четырьмя приемами: люстровой росписью по матовому фону; люстровой росписью по лощеной поверхности; матовой росписью по лощеной поверхности; общим лощением поверх матовой росписи. «Можно поэтому по-нять, — заключает он, — что архаические расписные черепки легко отличимы от стандартной керамики, у которой и роспись и поверхность всегда матовые»⁷. Для стандартной группы, помимо указанного, приведен еще один определяющий признак — распространение резной и комбинированной (роспись плюс резьба) орнаментации.

Отмеченные три группы (грубая неолитическая, архаическая и стандартная) прочно вошли в литературу по рассматриваемой проблеме. Правда, Р. Брейдвуд уже в предисловии к публикации С. Ллойда и Ф. Сафара усомнился в справедливости отрыва слоя Ia от собственно хассунской культуры и выделения его материала в «особый комплекс». Сам он высказал предположение, что этот материал связан с исходной группой создателей поселения, «группой-предком» (parent group), чьи прямые потомки развили культуру и придали ей формы, представленные в слоях Ib — VI⁸.

Однако эта интересная мысль не получила дальнейшего развития. Требовался анализ массового хассунского материала, так и не появившегося вплоть до раскопок Ярымтөпө I. Поэтому в дальнейших исследованиях основные положения С. Ллойда и Ф. Сафара, в том числе и выделение керамики слоя Ia в «особый комплекс», пересмотру не подвергались и фактически повторялись без изменений или в несколько модифицированной форме.

А. Перкинс подчеркивает полное господство грубых сосудов с примесью соломы в глиняном тесте в слое Ia и появление «архаической расписной керамики» лишь в слое Ib⁹. С концом того же слоя она связывает первые образцы стандартной резной орнаментации, значительно развившейся в слое Ie, где появляется и стандартная расписная керамика, сосуществующая с архаической вплоть до слоя III, в котором найдены первые фрагменты самаррских сосудов. Общая последовательность основных групп хассунской керамики сформулирована А. Перкинс в следующем виде: грубая посуда и часть лощеной; простая расписная, резная и комбинированная; самаррская керамика, добавляющаяся ко второй группе.

Древнейшая грубая керамика связывается с местной культурой, оставленной еще полукочевым населением, что соответствует заключению С. Ллойда и Ф. Сафара. Следует подчеркнуть справедливое замечание А. Перкинс об отсутствии резких разрывов между группами, о постепенном характере изменений керамического комплекса¹⁰.

П. Мортенсен в чрезвычайно четкой и детализированной публикации керамики Шимшары следует системе, близкой классификации С. Ллойда и Ф. Сафара. По техническому признаку он выделяет три «класса» керамики, каждый из которых объединяет ряд групп¹¹. Для культурного

слоя Хассуны класс тонкой керамики объединял халафскую, самаррскую расписную и самаррскую комбинированную посуду; класс стандартной — стандартную расписную, стандартную резную и стандартную комбинированную; класс грубой — архаическую расписную, архаическую лощеную и архаическую грубую керамику. Последняя рассматривается как господствующая (при небольшой примеси лощеных черепков) в выделенной П. Мортенсеном для хассунской культуры в целом фазы А. Как распространение архаической расписной, так и появление стандартной керамики связываются им с фазой В (соответствующей Хассуне Ib — II); продолжение развития последней, но уже в сочетании с самаррской керамикой, знаменует фазу С. Здесь, как мы видим, почти полностью повторяется систематизация как авторов раскопок Хассуны, так и А. Перкинса. П. Мортенсен не говорит об «особом комплексе» и рассматривает наиболее раннюю грубую керамику, не отрывая ее от соответственного хассунского комплекса; он даже распространяет на нее понятие архаической хассунской керамики. Это представляется нам принципиально правильным. Однако в самой Шимшаре материалы минимальны, поскольку вся керамическая коллекция происходит из слоев 13—9, соответствующих, по определению самого П. Мортенсена, верхней Хассуне, тогда как слитимые с ранней Хассуной слои 16—14 не содержат керамики¹². Естественно поэтому, что материалы памятника не дали возможности для детальной классификации ранней группы.

Между тем вопрос о ее составе, характере и связи с дальнейшим развитием хассунской культуры приобрел особую остроту и важность в связи с открытием культуры Телль Сотто — Умм Дабагии, в дохассунских слоях которых зафиксировано уже значительное развитие расписной керамики¹³.

Для разработки этого вопроса большая керамическая коллекция из ранних горизонтов Ярымтепе I представляет несомненный интерес. В ней имеются все упоминавшиеся керамические группы, отражающие все периоды развития хассунской керамики, установленные на эпонимном памятнике. Данные этой коллекции, с одной стороны, подтвердили справедливость основных положений классификации, предложенной С. Ллойдом и Ф. Сафаром, с другой — потребовали внесения в нее известных корректив. Так, следует пересмотреть положение об «особом комплексе» в слое Хассуны Ia, не связанном с дальнейшим развитием собственно хассунской культуры. В Ярымтепе I основной показатель этого «комплекса» — грубые сосуды с подкосами ко дну, с примесью рубленой соломы в тесте — с самого начала сосуществует с архаической расписной посудой. Поэтому мы вслед за П. Мортенсеном включаем эти сосуды в собственно хассунский керамический комплекс и считаем раннюю грубую керамику неразрывной частью общей архаической группы. Соответственно пересмотрен вопрос и о времени появления росписи в хассунской керамике: «дорасписного периода» здесь не было, что вносит изменение и в системы, постулированные А. Перкинсом и П. Мортенсеном. Обоснование этих положений будет представлено дальше.

Что же касается самого выделения С. Ллойдом и Ф. Сафаром архаической и стандартной групп, определения их состава, внутренней эволюции и соотношения между собой (а также места самаррской керамики в стандартной группе), то они выдержали испытание временем и полностью подтверждены материалами наших раскопок.

Условной гранью между двумя указанными группами в Ярымтепе I может считаться седьмой горизонт. В нем еще сохраняются и, очевидно, преобладают архаические традиции (для которых этот горизонт является верхней хронологической границей). Встречаются еще крупные толстостенные сосуды с обильной примесью рубленой соломы в глиняном тесте; кувшины с цилиндрическим горлом, полностью покрытым красной краской; чаши с широкой красной лентой под венчиком и росписью (иногда нарочито небрежной) широкими красными полосами по розовой, иногда ангобированной поверхности. Подобная роспись отмечена и на крупных кувшинах. В единичных случаях встречена рельефная орнаментация (дисковидный налп на толстостенном сосуде, участок 57a-1). В том же горизонте достаточно четко представлены и образцы, знаменующие иную, стандартную традицию. Так, в помещении 275 (квадрат 57) найдены фрагменты кувшинов с резной орнаментацией, как очень тонкой (известной и ранее), так и выполненной сравнительно толстым тупым резцом. В немногочисленных случаях можно говорить и о начале комбинированного орнамента: резьба сочетается с крашеными полосами, входящими в общую композицию при сохранении прочих типично архаических черт сосудов, в том числе розового ангобирования поверхности. Следует отметить, что таковы и наиболее ранние образцы комбинированного орнамента в Хассуне¹⁴. На том же квадрате 57 найден фрагмент крупного кувшина со светло-серой поверхностью в сочетании с тонкой резьбой (стилизованные деревья), с отпечатками среза трубчатой (птичьей) кости. Такая орнаментация появляется в Хассуне вместе с наиболее ранней комбинированной¹⁵. При значительном преобладании росписи красным по розовому фону в отдельных случаях найдены фрагменты сосудов с шоколадной росписью по желто-серому фону, распространившейся в стандартной группе. В росписи появляются изобразительные мотивы, не известные до сего времени на архаических сосудах. Так, на стенке крупного сосуда с участка 57b-1 наряду с резной орнаментацией (свисающие треугольнички, заполненные косою решеткой) коричневой краской по серому фону изображен скорпион (или сколопендра). Эта традиция получает развитие: в шестом горизонте найден фрагмент крупной чаши, на внутренней, покрытой желтым ангобом поверхности которой шоколадной краской выполнено чрезвычайно реалистическое изображение скорпиона¹⁶.

В седьмом горизонте встречен один из ранних образцов чаши на полом поддоне (помещение 275). Такие поддоны получают распространение как в стандартной хассунской, так и в самаррской керамике¹⁷, хотя появляются они еще в архаической Хассуне¹⁸, а возможно, и раньше¹⁹.

В целом же по своему керамическому комплексу седьмой горизонт соответствует слою Ic Хассуны (а также началу слоя II), если основываться на характеристике, данной ему авторами раскопок и уточненной А. Перкинс²⁰.

Выше седьмого горизонта архаические традиции представлены лишь отдельными реминисценциями. Там уже преобладает стандартная керамика. Характерно, что в шестом горизонте найдены древнейшие для нашего памятника образцы импортной самаррской керамики, получившей заметное распространение в пятом и последующих горизонтах. Такое совпадение не случайно, поскольку, как мы полагаем, влияние самарр-

ских традиций сыграло значительную роль в формировании стандартной группы хассунской керамики²¹.

Следует подчеркнуть, что ряд форм сосудов проявляет значительную стойкость — они входят без существенных изменений как в стандартную, так и в архаическую группы. Прежде всего это некоторые формы грубой неорнаментированной керамики, типология которой хорошо разработана П. Мортенсеном²². Среди них должны быть названы овальные в плане толстостенные тазы, встречающиеся фактически во всех горизонтах Ярымтепе I²³. Крупными фрагментами таких тазов покрыты как погребение 99 в седьмом горизонте, так и погребение 106 на материке (12-й горизонт). Весьма значителен период распространения и такой характерной формы, как овальные тазы с реберчатым дном (*Husking trays*)²⁴. Фрагменты их были найдены практически во всех строительных горизонтах поселения вплоть до 12-го и даже в ямах в материке, причем наиболее ранние образцы снабжены не ребрами, а своеобразными выемками (гнездами) на дне²⁵. Эти находки позволяют «удревнить» появление данной формы, начало которой авторы раскопок Хассуны, а вслед за ними и А. Перкинс относили лишь к слою II этого поселения²⁶. Вместе с тем серьезное подтверждение получило предположение С. Ллойда и Ф. Сафара о предназначении этих сосудов для очистки зерна: на одном из них (квадрат 27, седьмой горизонт) *in situ* был найден каменный терочник.

Столь же стойкими оказались различные виды открытых чаш, в том числе острореберных, с заостренным, округленным или уплощенным венчиком, а также сферические кувшины с цилиндрическим горлом и уплощенным дном²⁷. Они встречены во всех горизонтах.

Более ограничен период распространения больших острореберных сосудов с прямым или резко суживающимся кверху туловом и (ниже ребра) резкими скосами к небольшому плоскому дну. С. Ллойд и Ф. Сафар считали возможным вести происхождение этой формы от вырытых в земле и дополненных наземной частью зернохранилищ²⁸. Они связывали ее прежде всего со слоем Хассуны Ia (где отмечено 29 находок подобных горшков), подчеркивая замену ее уже в слое I и иными, грушевидными формами²⁹. Данные Ярымтепе I позволяют несколько расширить период бытования этой формы: подобные горшки наиболее распространены здесь в 10—12-м горизонтах, но отдельные экземпляры их встречены и выше, вплоть до седьмого горизонта.

Крупные грушевидные и яйцевидные сосуды весьма многочисленны, часто используются как вместилища для детских погребений и в определенный период, начиная с 12-го горизонта, сосуществуют с острореберными, причем постепенно становятся преобладающими. В отличие от острореберных, некоторые из них расписаны: широкие полосы или большие фигуры-треугольники, зигзаги и другие элементы орнамента на их горле и тулове залиты красной краской. Такая роспись на больших сосудах встречена лишь в архаической группе. На сосудах обеих ранних групп отмечена рельефная орнаментация — налепы, абсолютно не характерные для керамики средних и верхних горизонтов. Налепы впервые зафиксированы нами в седьмом горизонте; ниже, в восьмом — двенадцатом горизонтах, количество их возрастает, хотя и остается весьма ограниченным. Среди них — простые короткие горизонтальные валики и полусферические налепы (квадрат 57, седьмой горизонт; квадрат 37, 12-й горизонт), служившие, возможно, примитивными ручками или их

имитацией³⁰; короткие вертикальные валики (квадрат 27, десятый горизонт; квадрат 37, 11-й горизонт)³¹; налепы в виде стилизованных рогов или «ласточкина хвоста»³²; налепы в виде рта (квадрат 37, восьмой горизонт)³³. В Хассуне вся рельефная орнаментация такого рода ограничена слоями Ia—с, причем количество вариантов ее несколько меньше. Верхний слой Умм Дабагии, соответствующий наиболее ранней Хассуне, представляет в этом плане поразительное сходство с Ярмтепе I. Нижние слои Умм Дабагии и Телль Сотто, относящиеся к дохассунскому времени, свидетельствуют о значительно большем распространении и многообразии рельефной орнаментации. Там встречаются налепные антропоморфные и зооморфные изображения, такие мотивы, как «бараньи» и «козьи» головы, глаза, брови, многолинейные композиции³⁴.

Приведенные данные позволяют полагать, что в нижних горизонтах хассунских поселений эта древняя орнаментальная традиция предстает уже в сильно обедненном виде и даже реминисценции ее почти полностью исчезают с появлением стандартной группы керамики.

Архаическая расписная посуда в Ярмтепе I представлена многочисленными находками из всех рассмотренных горизонтов. В Хассуне, как подчеркивает С. Ллойд, в слое Ia найден лишь один фрагмент со следами краски³⁵. Однако широкое распространение и многообразие расписной керамики в Телль Сотто и Умм Дабагии позволило усомниться в правомерности отнесения С. Ллойдом Хассуны Ia к «эре дорасписной керамики» и на основании этого признака — к неолиту с противопоставлением ее последующим слоям Хассуны, которые С. Ллойд связывал уже с «протохалколитической фазой»³⁶. Материалы нашего памятника разрешают окончательно отказаться от такого противопоставления.

Перейдем к характеристике основных групп архаической керамики Ярмтепе I. При этом рассмотрим материалы 8—12-го горизонтов с площади четырех квадратов (27, 37, 47, 57). Это дает возможность сопоставить их цифровые показатели.

Предварительно отметим, что по характеру производства, специфике глиняного теста, составу примесей, степени обжига и качеству обработки поверхности в общей массе посуды древнейших керамических культур Месопотамии обычно выделяются две группы: грубые и тонкие сосуды. В первую включаются крупные (иногда очень крупные) экземпляры, толстостенные, сделанные из плохо отмученной глины с заметными примесями рубленой соломы, шамота и дресвы. Обжиг их неравномерный. Поверхность заглажена, зачастую весьма грубо, и лишь изредка ангобирована. Состав форм ограничен. Орнаментация ограничивается рельефными — налепными — украшениями и примитивной росписью красной охрой. Значительно реже в той же технике выполнены сосуды средних и малых размеров — прямостенные горшки и кубки.

Вторая группа объединяет средние и малые сосуды, вылепленные из лучше отмученной и более плотной глины с примесью песка. Обжиг ровнее, хотя степень его колеблется весьма заметно и внутри этой группы. Поверхность чаще ангобирована и всегда тщательно заглажена, иногда до лощения. Состав форм более разнообразен. Орнаментация представлена многочисленными расписными композициями, а в единичных случаях — лишь появляющимися в ранней Хассуне резными узорами.

Деления керамики Хассуны и синхронных ей памятников (в том числе самаррских) на указанные группы придерживался ряд исследовате-

лей³⁷. В технологическом аспекте оно вполне оправдано, но нельзя не отметить и относительность его, особенно при первичной систематизации массового материала. Безусловно оно лишь для некоторых форм (например, для сосудов-хранилищ первой группы); другие же формы (кувшины, миски) представлены образцами как первой, так и второй групп, а также значительным числом переходных образцов. Здесь четкую границу провести трудно. Поэтому в основу предлагаемой систематизации положен обычный морфологический принцип; технологические различия внутри каждой группы отмечаются особо.

Вся масса архаической керамики Ярымтепе I по основным морфологическим показателям разделена на виды, внутри которых по особенностям конкретных форм выделяются типы (рис. 19—32)³⁸.

Вид I (рис. 19, а). Крупные сосуды-хранилища с широким горлом, расширяющимся книзу туловом, острым ребром в нижней его части и резкими подкосами к небольшому плоскому дну. Высота и диаметр колеблются от 25 до 100 см. Сосуды только грубые. Внутри вида могут быть выделены следующие типы:

Тип 1. Сосуд с широким горлом, отогнутым или прямым венчиком, без выделенной шейки, с резко расширяющимся колоколовидным туловом и столь же резкими, иногда вогнутыми подкосами к плоскому дну. На участке 47b-1 в 10—11-м горизонтах сосуд этого типа имел диаметр 98 см при высоте 95 см; на участке 27b-4 в тех же горизонтах — соответственно 78 и 80 см.

Тип 2. Сосуд с широким горлом, отогнутым или прямым венчиком, равномерно округленным туловом и подкосами к плоскому дну. Диаметр колеблется от 20 до 40 см, высота — от 20 до 30 см.

Тип 3. Сосуд с прямым венчиком, выделенным цилиндрическим горлом, колоколовидным туловом и подкосами к дну. Максимальный диаметр и высота до 35 см.

Количество типов сосудов вида I было, несомненно, большим, о чем свидетельствует соответствующая коллекция из нижних слоев Хассуны³⁹, но найденные фрагменты не дают возможности их реконструкции. Далеко не всегда возможно и обоснованное отнесение фрагментов (в большинстве своем стенок с острым ребром) к определенному типу. Поэтому распределение находок по горизонтам приводится обобщенно для вида в целом. Оно представлено в таблице 2.

Таблица 2. Распределение сосудов вида I по нижним горизонтам

Горизонты	Число находок
Восьмой	7
Девятый	7
Десятый	19
11-й	43
12-й	99
Котлованы в материке	20

Таблица 3. Распределение типов сосудов вида II по нижним горизонтам

Горизонт	Число находок			
	тип 1	тип 2	тип 3	тип 4
Восьмой	6	4	—	25
Девятый	3	6	11	14
Десятый	19	5	20	40
11-й	12	1	2	33
12-й	15	4	—	33
Котлованы в материке	1	—	—	2

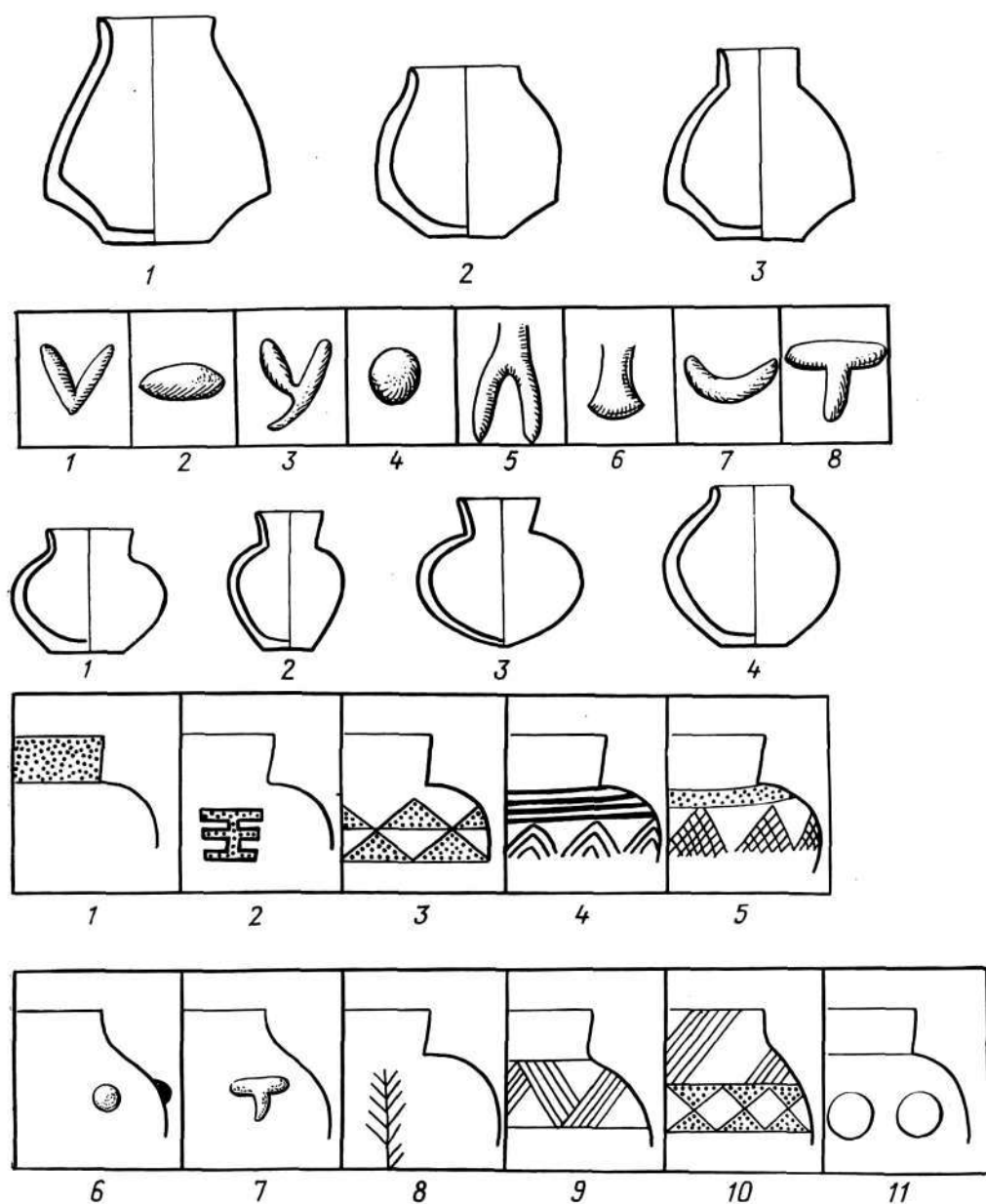

Рис. 19. Ярымтөп I. Типы сосудов и варианты орнаментации

Орнаментация сосудов вида II: 1—5, 9—11 — роспись; 6, 7 — налепы, 8 — резьба

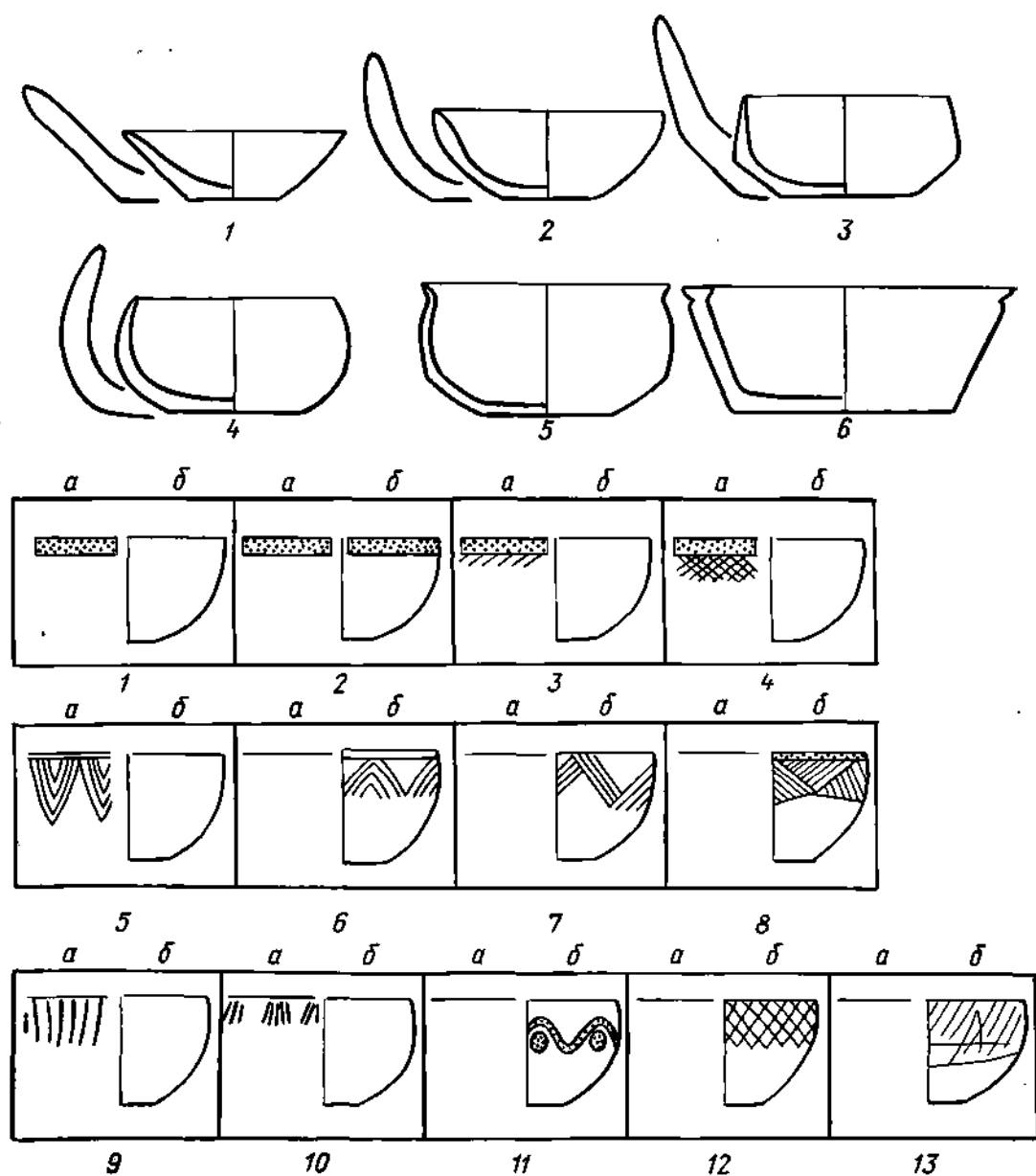

Рис. 20. Ярымтепе I. Типы сосудов и виды орнаментации

Орнаментация: 1—11 — роспись, 12, 13 — резьба, а — внутренняя поверхность, б — внешняя

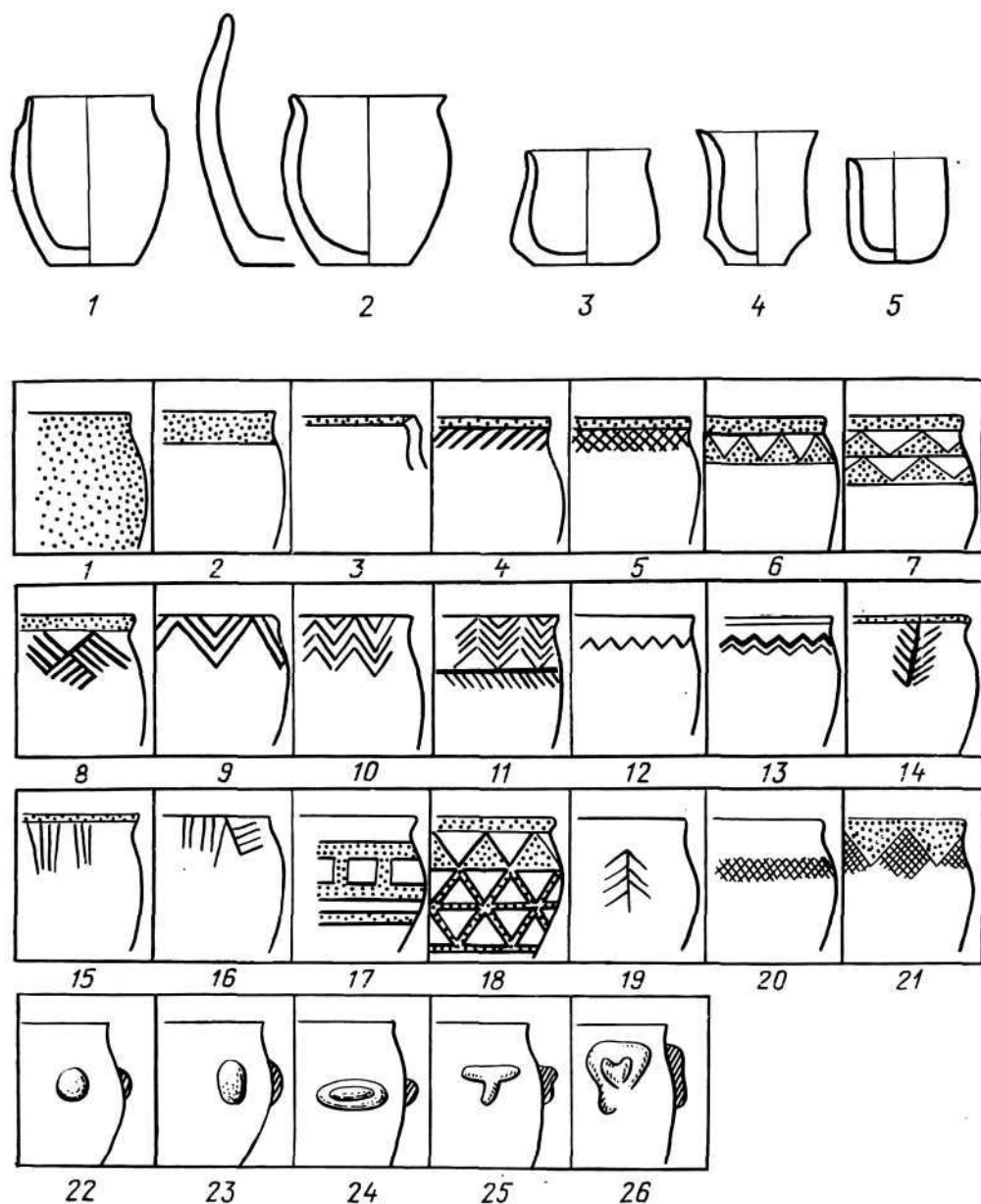

Рис. 21. Ярымтөпә I. Типы сосудов и варианты орнамента

Орнаментация: 1—18 — роспись, 19—20 — резьба, 21 — комбинированный орнамент, 22—26 — налеты

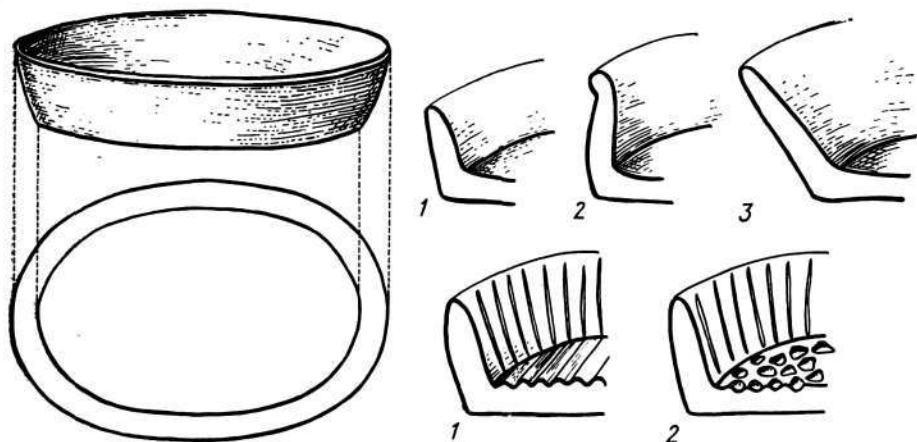

Рис. 22. Ярымтепе I. Типы сосудов и варианты орнаментации

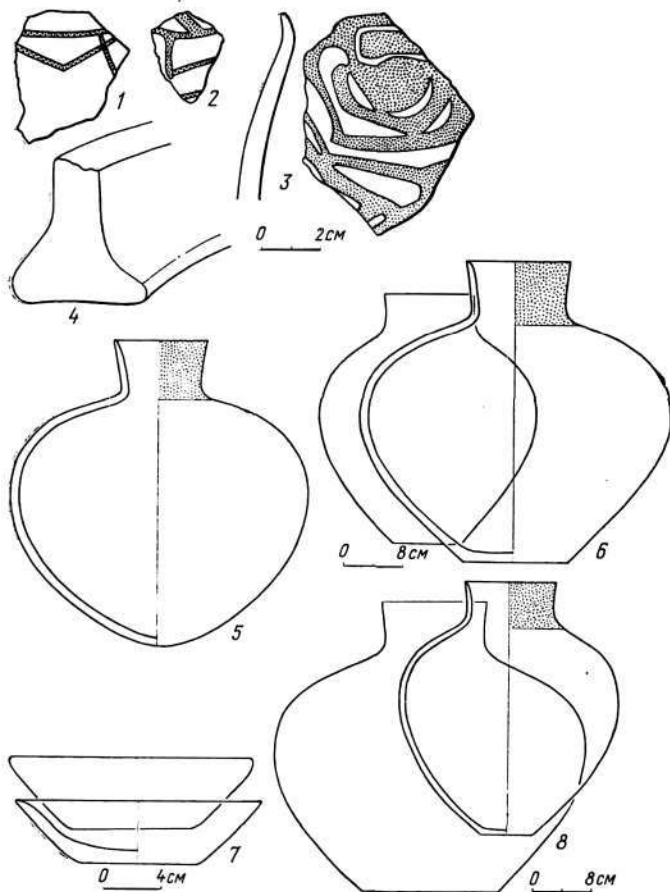

Рис. 23. Ярымтепе I. Керамика нижних горизонтов
1—4 — котлован 71 в материке; 5—8 — горизонт 10

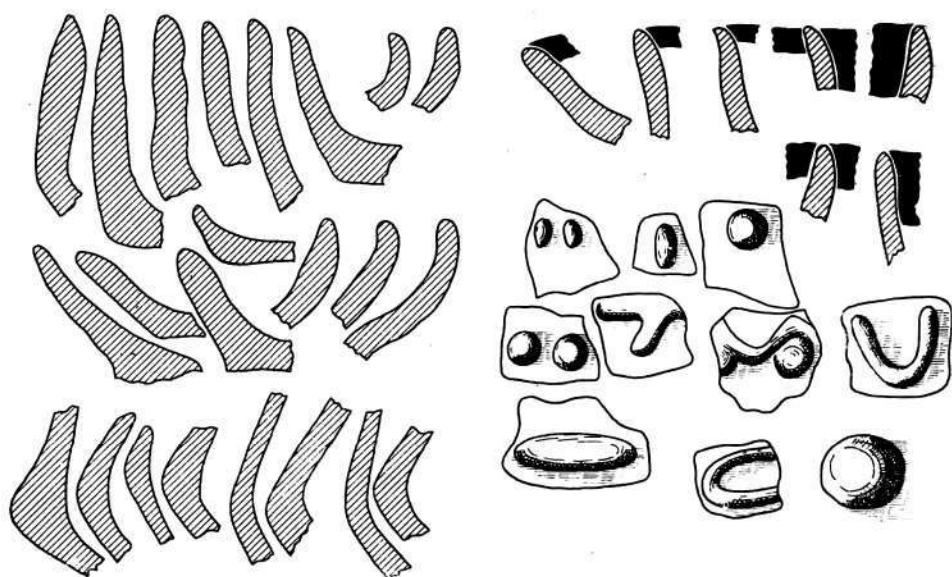

Рис. 24. Ярымтепе I. Образцы керамики горизонта 12 (толстостенные сосуды)

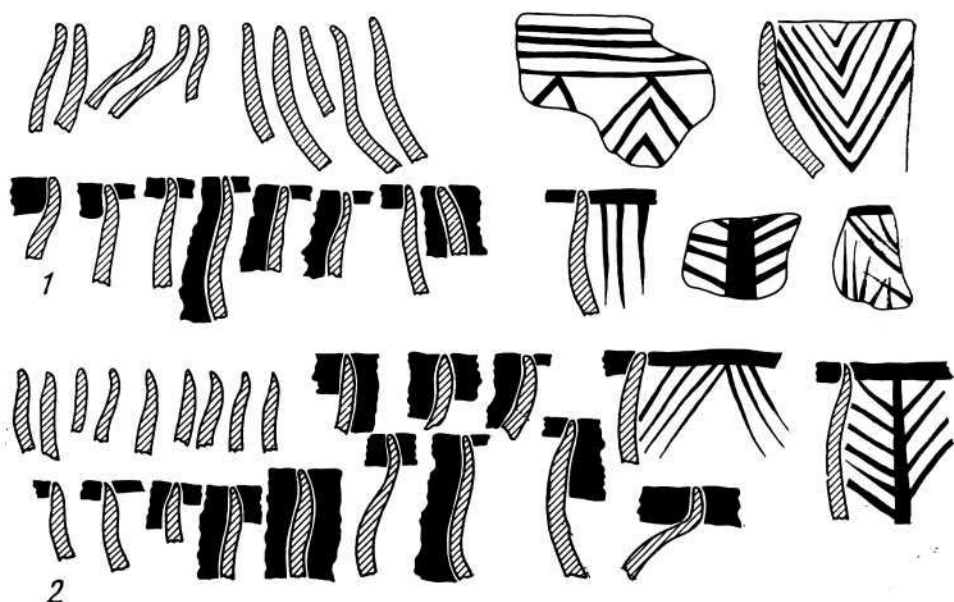

Рис. 25. Ярымтепе I. Образцы керамики горизонта 12

1 — тонкостенные грубые сосуды; 2 — тонкие

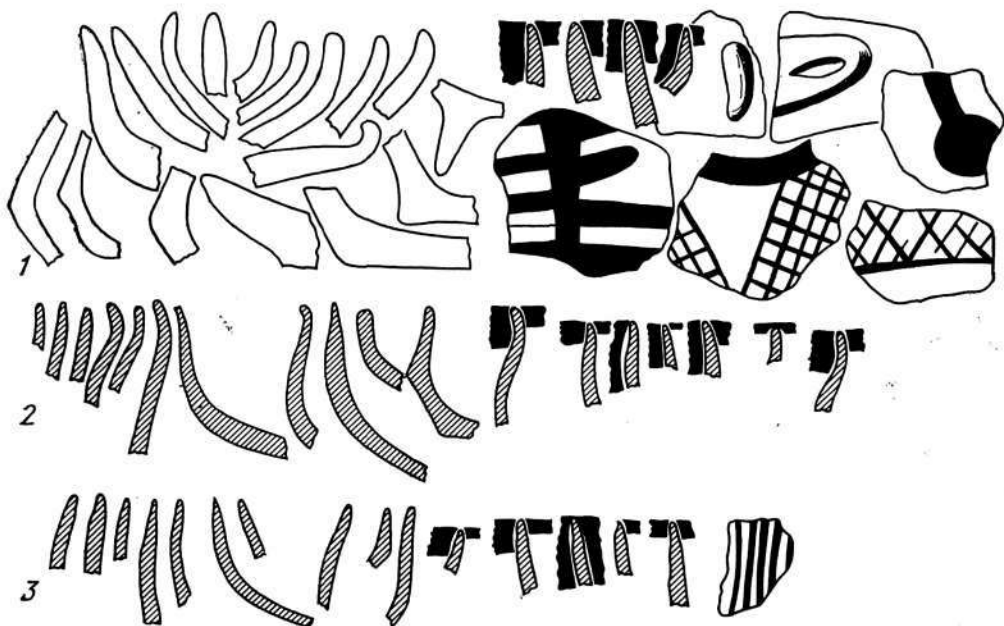

Рис. 26. Ярымтепе I. Образцы керамики горизонта 11

1 — толстостенные сосуды; 2 — тонокстенные грубые; 3 — тонкие

Таблица показывает безусловное и резкое нарастание числа находок сосудов этого вида к нижним горизонтам: в 12-м горизонте их значительно больше, чем во всех остальных вместе взятых ⁴⁰.

• Орнаментированы эти сосуды редко и только налепами (рис. 24) ⁴¹. Т-образный налеп отмечен на сосуде из восьмого горизонта. В десятом горизонте встречен аркообразный налеп; в 11-м — налепы в виде шеврона и расширяющийся книзу, близкий форме носа; в 12-м — по одному экземпляру налепов в виде шеврона, овала и буквы у; в материковом котловане — полусферический налеп (рис. 19, б).

Вид II. Кувшины. Представлен четырьмя типами.

Тип 1. Кувшин с широким горлом, округленным слабоотогнутым венчиком, низкой цилиндрической шейкой, сферическим, несколько приплюснутым туловом и широким плоским дном.

Тип 2. Кувшин с раструбовидной шейкой, суживающимся венчиком, яйцевидным туловом и небольшим плоским дном.

Тип 3. Кувшин с раструбовидной шейкой, суживающимся венчиком, сферическим туловом и округленным дном.

Тип 4. Кувшин со слабовыраженной низкой шейкой и округленным или слабоуплощенным дном (грушевидный).

Подавляющее большинство кувшинов из нижних горизонтов относится к группе грубой керамики, лишь некоторые экземпляры типов 2 и 3 сделаны из более тонкой глины и имеют светлый ангоб.

Распределение находок сосудов этих типов и их отдельных фрагментов по горизонтам представлено в таблице 3.

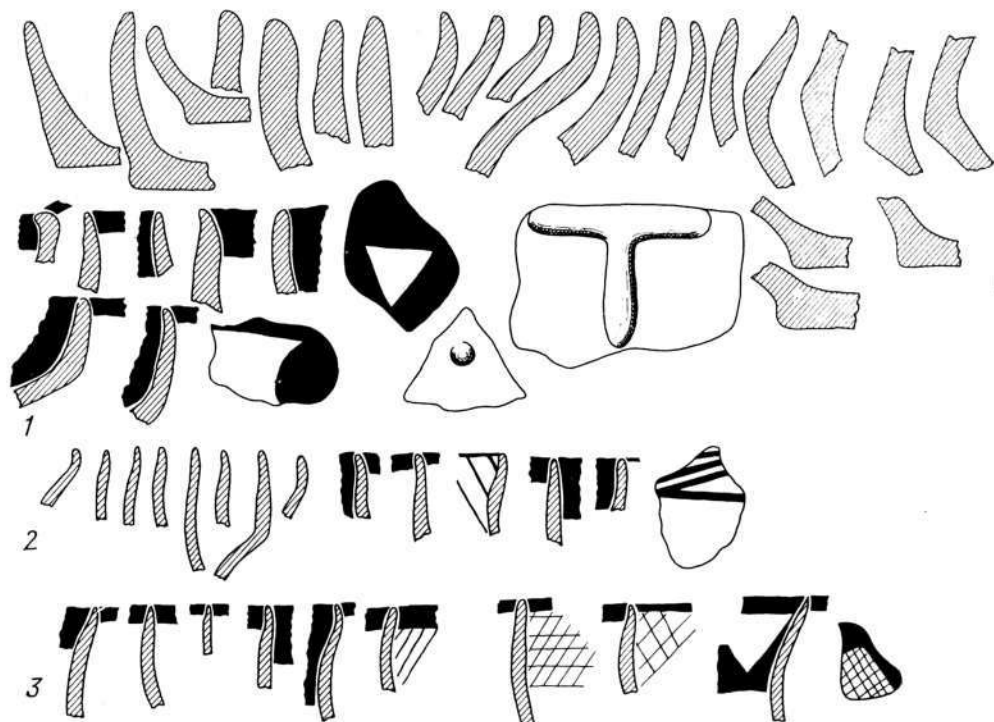

Рис. 27. Ярымтене I. Образцы керамики горизонта 10

1 — толстостенные сосуды; 2 — тонкостенные грубые; 3 — тонкие

Из таблицы видно, что кувшины появляются уже в 12-м горизонте. Наиболее ранние — типы 1 и 4; последний может считаться наиболее распространенным в трех нижних горизонтах. Эти данные позволяют внести некоторое уточнение к выводу о появлении кувшинов лишь в слое Хассуны Ib и распространении их в слоях Ic и II⁴².

Орнаментация кувшинов достаточно распространена и представлена следующими вариантами: 1 — сплошная окраска горла сосуда красной охрой; 2 — роспись в виде широких горизонтальных отрезков, пересеченных вертикальными; 3 — роспись в виде крупных треугольников, залитых красной охрой; 4 — роспись в виде ряда параллельных горизонтальных линий с примыкающими к ним снизу тройными шевронами, обращенными вершиной вверх; 5 — роспись в виде широкой горизонтальной ленты с примыкающими к ней снизу шевронами, обращенными вершиной вверх и заполненными крестом; 6 — полусферические налепы; 7 — Т-образные налепы; 8 — резной орнамент в виде вертикально расположенной «рыбей кости»; 9 — роспись в виде многорядного зигзага по верхней части тулова; 10 — роспись в виде групп параллельных скошенных линий по горлу и плечам сосуда, обрамленных снизу двойным горизонтальным рядом треугольников, обращенных вершинами друг к другу; 11 — роспись в виде залитых краской кругов в сочетании с окрашенным горлом.

Рис. 28. Ярымтепе I. Образцы керамики горизонта 9
1 — толстостенные сосуды; 2 — тонкостенные грубые; 3 — тонкие

Находки орнаментированных кувшинов распределяются по нижним горизонтам следующим образом (табл. 4).

Таблица 4. Распределение вариантов росписи кувшинов по нижним горизонтам

Горизонт	Варианты										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Восьмой	23	—	—	1	—	—	1	1	1	—	—
Девятый	14	2	—	3	—	—	—	—	1	1	—
Десятый	43	1	1	1	1	1	—	1	—	—	1
11-й	11	3	1	—	1	2	—	—	—	—	—
12-й	16	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—
Котлованы в материке	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

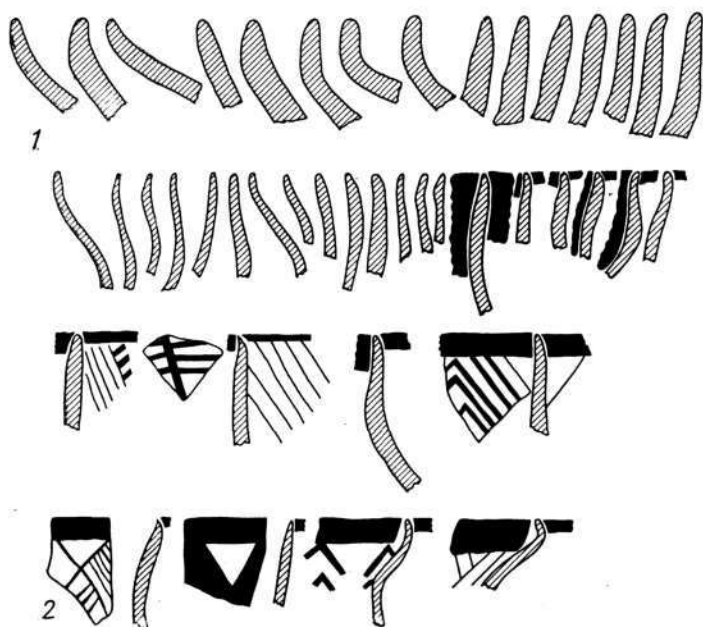

Рис. 29. Ярымтене I. Образцы керамики горизонта 8

1 — толстостенные сосуды; 2 — тонкостенные

Почти все отмеченные варианты представлены в Хассуне в пределах слоев Ia — II, в том числе и весьма характерный вариант 5⁴³. Вариант 1 является единственным видом росписи, встреченным в Хассуне Ia, правда, не на кувшине, а на глубокой чаше⁴⁴. Единственный образец резной орнаментации на кувшине из десятого горизонта не может считаться случайным, поскольку такой же орнамент встречен и на горшках из этого горизонта. Столь раннее появление резьбы подтверждается и данными Хассуны, где соответствующие находки известны уже в слое Ib⁴⁵.

Вид III (рис. 20). Открытые плоскдонные чаши. Выделяются шесть типов.

Тип 1. Чаша с прямыми, резко расходящимися от дна боками и прямым округленным венчиком.

Тип 2. Чаша со слабоокругленными боками и суживающимся, несколько отогнутым венчиком.

Тип 3. Острореберная чаша с прямым, суживающимся или заостренным венчиком.

Тип 4. Чаша с заметно округленными боками и вогнутым заостренным венчиком.

Тип 5. Чаши с заметно округленными боками и четко отогнутым тонким венчиком.

Тип 6. Прямостенные чаши с уплощенным и двусторонне расширенным венчиком.

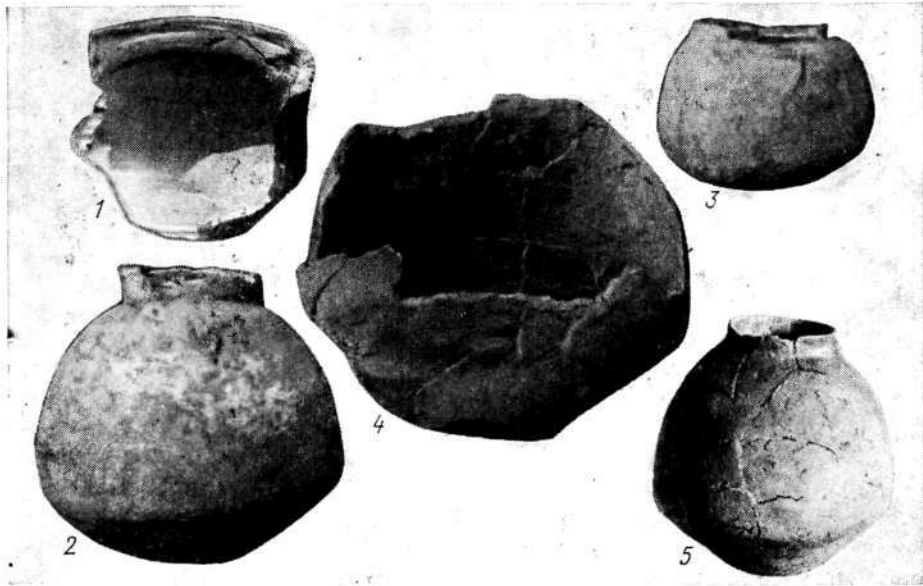

Рис. 30. Ярымтене I. Сосуды горизонтов 12 (1, 3, 5) и 11 (2, 4)

Все типы представлены как тонкими, так и грубыми экземплярами, причем последние чаще относятся к типам 1 и 3 и имеют крупные размеры (см. табл. 5).

Среди керамики арханческой группы на эпонимном памятнике выделяются все эти типы. С. Ллойд и Ф. Сафар делят их на гладкие (подлощенные) и расписные. Гладкие сосуды в Хассуне Ia представлены единичными экземплярами (8), в Хассуне Ib и Ic число их резко возрастает (соответственно 53 и 51), а в Хассуне II столь же резко пада-

Таблица 5. Распределение чаш различных типов вида III по нижним горизонтам

Горизонт	Тип 1		Тип 2		Тип 3		Тип 4		Тип 5		Тип 6	
	тонкие экземпляры	грубые экземпляры	тонкие	грубые	тонкие	грубые	тонкие	грубые	тонкие	грубые	тонкие	грубые
Восьмой	—	—	1	—	2	—	46	4	21	2	1	—
Девятый	—	3	13	1	2	1	9	—	2	—	—	—
Десятый	4	12	11	4	11	2	7	1	3	—	2	—
11-й	7	8	3	3	1	—	15	—	—	—	—	—
12-й	15	6	5	2	17	9	14	—	4	—	1	—
Котлованы в материке	2	3	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—

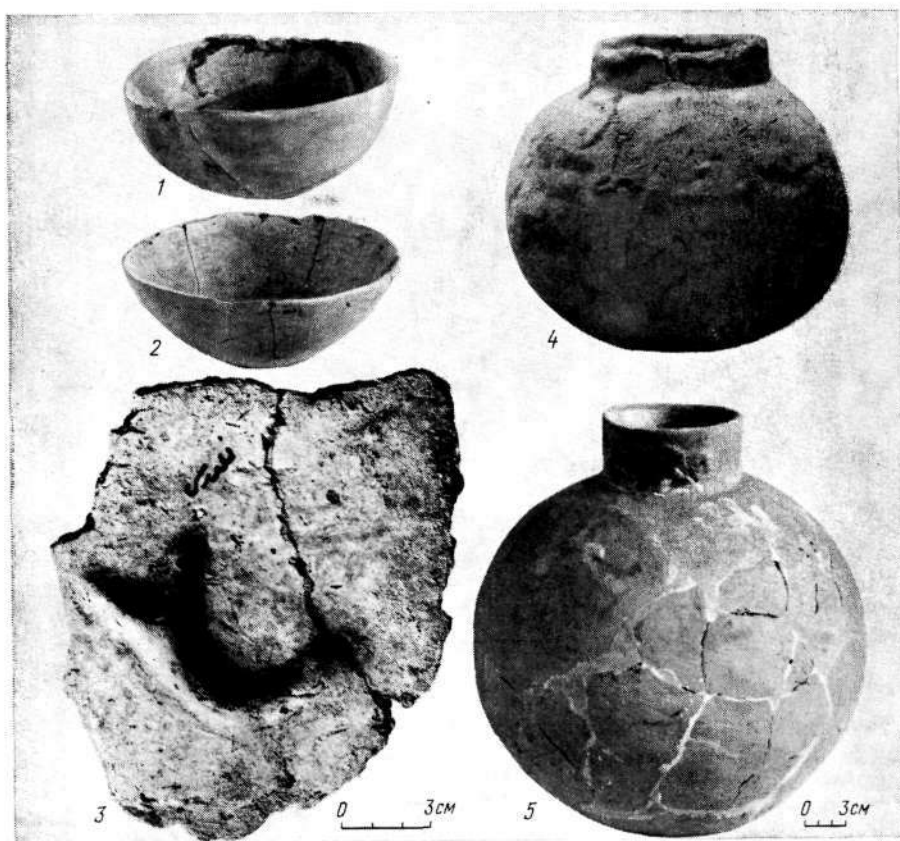

Рис. 31. Ярымтепе I. Сосуды и образец налпа горизонтов 10 и 9

ет (6). Расписные сосуды в незначительном числе появляются лишь в Хассуне Ib (7), получают значительное распространение в Хассуне Ic (31) и II (48), в Хассуне III число находок их заметно сокращается (17), в последующих слоях их нет совсем⁴⁶.

В Шимшаре при более дробной систематизации материала типам керамики Ярымтепе I в основном соответствуют типы «а» и «b» группы Archaic Painted Coarse Ware⁴⁷ и типы «с—f» группы Undecorated Coarse Ware⁴⁸. Число находок там ограничено, но общая картина их распространения близка хассунской. Отметим тяготение некоторых типов к нижним «керамическим» горизонтам этого поселения (13—12) с исчезновением их в последующих горизонтах; это, в частности, касается типа «f», соответствующего типу 3 нашей классификации⁴⁹. В отличие от Хассуны, архаические расписные чаши представлены уже в древнейшем «керамическом» слое Шимшары (13), где найдено десять фрагментов, далее число находок сокращается⁵⁰.

В Ярымтепе I нижний, 12-й строительный горизонт соответствует по общему составу керамического комплекса Хассуне Ia; последующие три горизонта (11, 10, 9) — Хассуне Ib. Данные табл. 5 показывают несколько

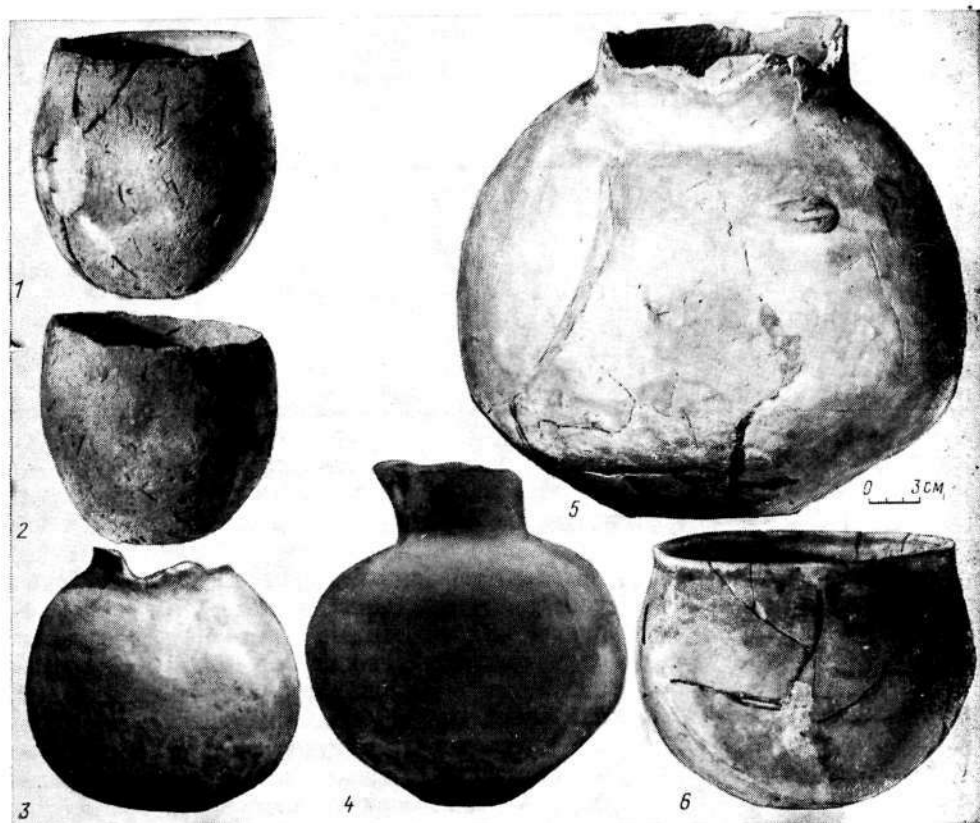

Рис. 32. Ярымтепе I. Сосуды горизонтов 9 (1—3, 5) и 8 (4, 6)

ко большее, чем в Хассуне, распространение сосудов данного вида в нижнем горизонте; в этом отношении наши показатели ближе показателям Шимшары, где, однако, нижний «керамический» горизонт (13) безусловно более поздний, чем Хассуна Ia⁵¹. В таблице 5 чаши не разделены на гладкие и расписные. Чтобы уточнить вопрос о времени появления последних, рассмотрим виды орнаментации архаических чаш и степень распространения их в нижних горизонтах.

Можно отметить следующие варианты росписи чаш: 1 — широкая горизонтальная окрашенная лента под венчиком на внутренней поверхности чаши; 2 — такие же ленты на обеих поверхностях чаши; 3 — такая же лента на внутренней поверхности с примыкающими к ней снизу скошенными отрезками; 4 — такая же лента на внутренней поверхности с примыкающей к ней снизу горизонтальной полосой крестной решетки; 5 — многорядные вертикальные шевроны, опущенные вершинами вниз; 6 — многорядные вертикальные шевроны вершинами вверх; 7 — многорядный зигзаг; 8 — заштрихованные в различных направлениях треугольники, примыкающие друг к другу и образующие сплошную полосу; 9 — ряд вертикальных отрезков, спускающихся от венчика; 10 — отдельные пучки таких же отрезков; 11 — волнистая линия под венчиком с

Таблица 6. Распределение вариантов росписи чаш по нижним горизонтам

Горизонт	Варианты орнаментации												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Восьмой	11	31	9	11	2	2	2	2	1	—	—	1	—
Девятый	10	8	1	2	1	2	1	1	—	—	—	—	1
Десятый	13	10	1	1	—	—	—	—	—	1	1	—	—
11-й	4	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12-й	20	4	—	2	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Котлованы в материке	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

вписанными окрашенными дисками; 12 — резная косая решетка; 13 — беспорядочное сочетание скошенных и горизонтальных отрезков⁵².

По горизонтам эти варианты орнаментации распределяются следующим образом (табл. 6).

Таблица достаточно показательна и заставляет пересмотреть не только вопрос о времени появления расписных чаш на эпонимном памятнике, но и предварительные заключения, сделанные нами ранее в связи с первыми, ограниченными еще группами ранних материалов Ярымтепе I⁵³. Сейчас нельзя уже говорить о единичности подобных находок в начальном горизонте с постепенным нарастанием их числа в последующих горизонтах. Показатели и этого вида сосудов свидетельствуют о прочной и развитой традиции расписной орнаментации с самого начала жизни поселений, т. е. с самого начала развития хассунской культуры.

Вид IV (рис. 21). Высокие горшки со слегка округленными или прямыми боками. Наряду с крупными сосудами-хранилищами это наиболее распространенный в нижних горизонтах вид сосудов. Представлен пятью типами.

Тип 1. Горшок с округленными боками, резко утонченным прямым венчиком и широким плоским дном. Размеры обычно средние. Встречены как грубые, так и тонкие экземпляры; вторые преобладают, но в целом деление условно, различия часто очень нечетки.

Тип 2. Горшок с округленными боками, округлым, прямым или слегка отогнутым венчиком и широким плоским дном. Тип наиболее многочисленный. Деление сосудов средних размеров на грубые и тонкие и здесь условно, но четко выделяется группа крупных и только грубых сосудов.

Тип 3. Прямостенный широкий горшок со слегка отогнутым острым венчиком и подкосами к широкому плоскому дну.

Тип 4. Прямостенный высокий горшок с раструбовидным устьем, отогнутым острым венчиком и подкосами к узкому плоскому дну.

Тип 5. Прямостенный цилиндрический сосуд с округлым прямым венчиком⁵⁴.

Распределение находок сосудов (и их фрагментов) этого вида по нижним горизонтам представлено в таблице 7.

Все типы, кроме четвертого, представлены уже в нижнем горизонте; в дальнейшем количество горшков с подкосами ко дну сокращается, тог-

Таблица 7. Распределение горшков вида IV по нижним горизонтам

Горизонт	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 4	Тип 5
Восьмой	14	38; 14 *	—	—	—
Девятый	27	46; 18	—	—	—
Десятый	48	89; 87	2	1	1
11-й	19	83; 84	2	—	—
12-й	13	71; 97	12	—	8
Котлованы в материке	1	—; 4	—	—	—

* Первое число обозначает количество средних сосудов; второе — крупных грубых.

да как горшки с округлыми боками сохраняют значительное распространение во всех рассмотренных горизонтах.

К сожалению, этот вид не выделен в статистической таблице хассунской керамики, хотя подобные горшки там, конечно, встречаются⁵⁵. В Шимшаре несколько типов горшков отмечено в группе неорнаментированной грубой керамики⁵⁶. Они представлены немногочисленными фрагментами во всех пяти керамических слоях⁵⁷.

Сосуды типов 3—5 рассматриваемого вида не орнаментированы, но на горшках первых двух типов орнамент встречается довольно часто. Он представлен следующими вариантами.

Роспись: 1 — окраска верхней половины сосуда (или всего тулова) красной охрой; 2 — широкая горизонтальная окрашенная лента под венчиком на одной или обеих поверхностях сосуда; 3 — окрашенная лента по срезу венчика; 4 — широкая горизонтальная окрашенная лента под венчиком на внешней поверхности с примыкающим к ней снизу рядом скошенных отрезков; 5 — такая же лента с примыкающей снизу косой решеткой; 6 — такая же лента с примыкающим снизу горизонтальным рядом залитых краской треугольников; 7 — такая же лента с примыкающими снизу вертикальными рядами залитых краской треугольников; 8 — такая же лента с примыкающими к ней снизу фестонами, заполненными штриховкой в разных направлениях; 9 — многорядные фестоны, обращенные вершинами вниз; 10 — многорядные фестоны, обращенные вершинами вверх; 11 — многорядные фестоны, обращенные вершинами вниз, с примыкающей к ним снизу горизонтальной полосой скошенных отрезков; 12 — горизонтальный зигзаг; 13 — двойной горизонтальный зигзаг; 14 — вертикальная «рыбья кость»; 15 — группы спускающихся от венчика вертикальных отрезков; 16 — группы свободно расположенных горизонтальных и вертикальных отрезков; 17 — широкие горизонтальные ленты, соединенные широкими вертикальными отрезками (только на крупных грубых сосудах второго типа); 18 — широкая лента под венчиком с примыкающим к ней рядом крупных залитых краской треугольников вершинами вверх, под ними — две разделенные лентой горизонтальные полосы широкого зигзага.

Резной орнамент: 19 — вертикальная «рыбья кость»; 20 — косая решетка.

Таблица 8. Распределение горшков типов 1 и 2 вида IV по вариантам орнаментации в нижних горизонтах

Горизонты	Варианты орнаментации												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	1
Восьмой	7	19	—	4	11	4	3	5	3	2	1	—	—
Девятый	—	2	—	5	11	3	1	2	—	1	—	—	—
Десятый	5	96	3	1	9	5	—	6	1	1	1	1	5
11-й	—	64	2	2	2	1	—	—	1	—	—	—	1
12-й	4	43	1	1	3	1	1	—	—	—	—	—	—
Котлованы в материке	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Горизонты	Варианты орнаментации															
	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26			
Восьмой	—	1	1	4	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Девятый	—	1	—	4	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Десятый	—	—	—	1	1	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—
11-й	1	—	1	—	—	—	—	—	1	2	1	—	—	—	—	—
12-й	1	2	—	—	—	—	—	—	2	—	2	1	—	—	—	—
Котлованы в материке	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Комбинированный орнамент: 21 — горизонтальный ряд залитых краской треугольников с резной косой решеткой между ними.

Рельефный орнамент (только на крупных грубых сосудах второго типа): 22 — полусферические налпы; 23 — овальные вертикальные налпы; 24 — овальные горизонтальные налпы (в виде рта); 25 — Т-образные налпы; 26 — треугольные налпы.

Таблица 8 показывает распространение перечисленных вариантов орнамента в нижних горизонтах Ярымтепе I.

Данные таблицы достаточно показательны. Прежде всего можно говорить о безусловном распространении росписи уже в 12-м горизонте. Приведенные цифры здесь еще более характерны, чем относительно сосудов других видов (вид II — 19 экз.; вид III — 27 экз.; вид IV — 62 экз.). Совершенно закономерно, что для этого горизонта наибольшую цифру (43) дал простейший вариант орнаментации, прочие же представлены лишь единичными экземплярами. Сложные варианты (8—11, 16) вообще отсутствуют в 12-м горизонте и появляются позднее. Столь же закономерно отсутствие здесь и резной орнаментации, но и она появляется достаточно рано: единичные образцы ее представлены уже в 10-м и 11-м горизонтах. Отметим, что в Хассуне наиболее ранние образцы резной орнаментации зафиксированы в слое Ib⁵⁸. Это еще одно доказательство хронологического соответствия слоев Хассуны и Ярымтепе I.

Рельефная орнаментация, характерная для наиболее архаичных форм хассунской керамики (по нашей классификации вид I), и на сосудах вида IV встречается лишь в двух нижних горизонтах и в материковых котлованах. Налены имеются только на грубых сосудах типа II.

Основное различие между ранними слоями эпонимного памятника и нашего поселения заключается в том, что в 12-м горизонте Ярымтепе I содержится значительное число расписных фрагментов, тогда как в Хассуне Ia они практически отсутствуют. Сомневаться в хронологическом соответствии этих слоев нет оснований: оно доказывается идентичностью всего комплекса находок и цифровыми показателями. В свете последних открытий распространение росписи (тем более в простейших ее вариантах) в нижнем горизонте поселения хассунской культуры не может считаться неожиданностью. В момент открытия Хассуны керамическая роспись столь глубокой древности в Месопотамии известна не была. Ныне она открыта в ряде дохассунских памятников, начиная с верхних слоев Джармо. И если в последнем образцы ее немногочисленны и невыразительны, то в непосредственно подстилающих ранний хассунский слой горизонтах Телль Сотто и Умм Дабаггии расписная керамика представлена достаточно обильно и несколькими вариантами. Таким образом, существование соответствующей традиции еще до начала периода Хассуны Ia засвидетельствовано достаточно четко.

В этом плане особый интерес представляют единичные находки расписных фрагментов в материковых котлованах, «запечатанных» постройками 12-го горизонта Ярымтепе I (рис. 23, 1—4). Шесть раз здесь встречены обычные фрагменты с росписью второго варианта (они включены в табл. 8). На трех прочих находках следует остановиться особо.

В котловане 71 наряду со значительным количеством фрагментов грубых толстостенных сосудов найдены два фрагмента горшков вида IV (нашей классификации) — сравнительно тонкостенных, с желтоватым ангобом и росписью в виде сочетания прямых и дугообразных линий в довольно сложной композиции. Как обычно, роспись выполнена красной охрой, причем линии очень тонкие.

В котловане с обожженными стенками на квадрате 37 (печь 46) найден еще более интересный фрагмент. Он принадлежит типичному горшку (вид IV, тип 2 по нашей классификации) с розовой поверхностью, по которой охрой нанесен сложный криволинейный орнамент, покрывавший верхнюю часть тулова сосуда (если не всю его поверхность). Залитые краской неправильные овалы вписаны в целую систему многоугольников, дополненных дугами, соединительными линиями и т. п.⁵⁹

Прямых аналогий этим фрагментам пока указать нельзя. От расписной керамики архаической хассунской группы они безусловно отличаются, но, вне зависимости от этого, они еще раз свидетельствуют о том, что в районе поселения Ярымтепе I в момент его основания роспись сосудов была уже достаточно хорошо известна.

Вид V (рис. 22). Тазы. Эти крупные, толстостенные, только грубые сосуды представлены несколькими типами, которые не всегда могут быть четко определены по найденным фрагментам. Обобщенно выделяются два типа.

Тип 1. Круглые или чаще овальные тазы с прямыми или несколько скошенными стенками, округлым венчиком и широким плоским дном⁶⁰. Круглые тазы иногда с обеих сторон обмазаны гипсом.

Таблица 9. Распределение сосудов вида V по типам и горизонтам

Горизонт	Тип 1	Тип 2а	Тип 2б	Горизонт	Тип 1	Тип 2а	Тип 2б
Восьмой	25	6	—	11-й	24	—	4
Девятый	15	4	—	12-й	30	—	5
Десятый	29	1	5	Котлованы в материке	9	—	1

Тип 2. «Husking trays» — овалы с поперечными ребрами, покрывающими внутреннюю поверхность дна и (вертикально) внутреннюю же поверхность стенок (тип 2а). Иногда вместо ребер дно густо покрыто круглыми или треугольными ячейками, на стенках же и в этом случае ребра сохраняются (тип 2б)⁶¹. Полагают, что такие тазы предназначались для очищения зерна от пленки⁶².

Распределение фрагментов сосудов этого вида по типам и горизонтам представлено в таблице 9.

Сосуды типа 1 равномерно распределены по всем рассматриваемым горизонтам; то же следует сказать и о культурном слое в целом. Сосуды типа 2 — весьма специфического — в нижних горизонтах немногочисленны, но характерно само их присутствие в каждом из них. Авторы раскопок Хассуны полагали, что «Husking trays» появились лишь во втором слое этого поселения⁶³. Данные Шимшары, где по четыре фрагмента таких сосудов найдено в каждом из трех нижних «керамических» горизонтов, позволили предположить более раннее их появление. Находки из Ярымтепе I окончательно в этом убеждают. Подчеркнем, что наиболее ранние находки подобного рода были сделаны не только в нижней части ненарушенного слоя 12-го горизонта, но и в материковом котловане. И это вполне закономерно: подобные сосуды известны и в дохассунских слоях Телль Сотто⁶⁴ и Умм Дабагии. В последней найдены фрагменты обоих видов «Husking trays» — и с ребром, и с ячейками⁶⁵. Распространены там и тазы типа 1 (по нашей классификации)⁶⁶. По мнению Д. Меллаарта, именно из культуры Телль Сотто и Умм Дабагии «Husking trays» были заимствованы создателями хассунской культуры⁶⁷.

Сосуды вида V не орнаментированы.

Остановимся на некоторых особых формах, не включенных в представленную классификацию.

В некоторых горизонтах найдены фрагменты горшков и чаш на полых кольцевых поддонах. В нижних горизонтах они особенно редки, хотя массового распространения не получили и позже. Появились они с самого начала жизни поселка: первый фрагмент широкого кольцевого поддона с двусторонними выступами у основания найден в материковом котловане 71; второй — обычный поддон без расширений — в 11-м горизонте. В Шимшаре подобные сосуды представлены начиная с 13-го слоя, хотя наиболее типичные образцы относятся уже к 10-му слою⁶⁸. Особенно важно отметить, что и поддоны известны уже в Умм Дабагии, в связи с чем Д. Киркбрайд подчеркивает распространение их в синхронных поселениях Сирии и района Леванта⁶⁹. Сосуды на поддонах отмечены в Телль Сотто⁷⁰.

Неоднократно встречены фрагменты сосудов на трех или четырех ножках. Они получают определенное распространение в основном в средних горизонтах, где известны образцы самых различных размеров, вплоть до очень больших тазов, обмазанных гипсом или целиком сделанных из него. В нижних горизонтах такие сосуды единичны, но появляются они очень рано: в 12-м горизонте внутри помещения 405 найден фрагмент грубой миски (диаметр около 20 см), стоявшей на толстых (3,5 см) ножках. И вновь здесь можно говорить об отражении весьма ранней традиции: фрагменты триподов найдены как в Умм Дабагии, так и в синхронном ее нижним фазам 15-м слое Телул Талафата⁷¹.

В этих же памятниках⁷², а также в Хассуне Ia⁷³ находят аналогии и сосуды с желобом-сливом на венчике или отверстием под ним, фрагменты которых найдены в материковом котловане 71 и в 12-м горизонте Ярымтепе I.

К числу экстраординарных находок относятся фрагменты сосудов с многочисленными отверстиями в стенках и дне. Эти своеобразные сита связаны, несомненно, с изготовлением молочных продуктов. Древнейший фрагмент такого рода найден в материковом котловане 72; подобные находки зафиксированы в 12-м и 10-м горизонтах.

В заключение отметим еще одну, очень небольшую, группу находок рассматриваемой категории. В нижних горизонтах Ярымтепе I найдены небольшие фрагменты чаш и кувшинчиков, отличных от основной массы керамических находок по особенностям глиняного теста, составу примесей, характеру обжига и обработки поверхности. Черепок тонкий и плотный; в хорошо отмученной глине помимо песка отмечена примесь мелкоотолченной раковины; обжиг сильный и ровный; в изломе черепок абсолютно одноцветен. Гладкая поверхность этих сосудов серая, черная или темно-красная (вишневая), тщательно залощена, вплоть до полировки, что заметно отличает ее как от «легкой глянцеovitости»⁷⁴ поверхности расписных архаических сосудов, так и от обычного лощения восьми фрагментов, примешанных к массе грубых сосудов слоя Ia эпонимного поселения⁷⁵. Два таких черепка вишневого цвета найдены в восьмом горизонте, два (черный и красно-коричневый) — в 11-м и два (красный и серый, принадлежавший небольшому кувшинчику) — в 12-м. Очень близкий сосуд известен в 11-м слое Шимшары, где он также отнесен П. Мортенсеном к особой группе, отличной от основного керамического комплекса этого памятника⁷⁶. Как и на поселении Ярымтепе I, в Шимшаре подобные находки немногочисленны, но разбросаны по различным горизонтам (9—11) в пределах нижней части культурного слоя. П. Мортенсен подчеркнул, что керамика эта своеобразна и не имеет аналогий ни в Хассуне, ни в Матарре, ни среди лощеной керамики Северной Месопотамии и Сирии, ни в Северо-Западном Иране⁷⁷. С этим следует полностью согласиться.

Для Ярымтепе I сосуды этой группы безусловно чужеродны, и примесь их к основному комплексу может объясняться либо импортом, либо реминисценциями традиций более ранних культур (подобно уже рассмотренному рельефному орнаменту). Поиски источников такого импорта и носителей подобных традиций заставили нас в свое время обратить особое внимание на влияние культуры Телль Сотто и Умм Дабагии⁷⁸, которую мы в свою очередь, вслед за Д. Киркбрайд, считали связанной с более западными районами Переднего Востока⁷⁹. Это

вызвало возражение со стороны Н. О. Бадера, отметившего, что «и для Телль Сотто вишневы черепки также совершенно чужды», что они «резко отличаются... от основной массы керамики, но говорят не о западном происхождении культуры Телль Сотто, а о западных импортах»⁸⁰.

Соглашаясь со справедливостью этих замечаний, подчеркнем следующее. Речь должна идти не о единичных вишневых черепках, а о группе тонкостенной гладкой лощеной керамики в целом. Если первые единичны в Телль Сотто и чужды ее основному комплексу, то вся группа представлена и на этом поселении⁸¹ и особенно в Умм Дабагии⁸² во всяком случае значительно больше и регулярнее, чем в Ярмтепе I. Отсутствие опубликованных статистических данных по названным двум памятникам не позволяет сопоставить соответствующие цифровые показатели. Но сошлемся на общие наблюдения Д. Киркбрайд. Она отметила определенное цветовое многообразие группы: наряду с розовато-коричневыми указаны кремовые, серые, черные. Особо подчеркнуто, что несмотря на отдельные подобные черепки в верхних слоях распространение их значительно более четко выражено в нижних слоях, ранее пятой фазы Умм Дабагии⁸³. Именно эти слои связаны с периодом развития соответствующей традиции (где бы ни был ее источник); в верхних же, а тем более в Ярмтепе I, представлены лишь свидетельства ее затухания.

В целом данная группа керамики имела, очевидно, довольно заметную амплитуду хронологического колебания. Поэтому находки вишневых черепков не могут считаться достаточными для точной увязки определенных горизонтов Ярмтепе I и Телль Сотто⁸⁴, а тем более для отнесения нижних слоев поселения Ярмтепе I ко времени, предшествующему Хассуне Ia⁸⁵. Мысль Н. О. Бадера о хронологическом соответствии этих слоев третьему горизонту Телль Сотто⁸⁶ представляет несомненный интерес и уже сейчас может быть признана достаточно обоснованной. В таком случае соответствие это должно быть, безусловно, распространено и на нижний горизонт эпонимного памятника.

Что касается источника распространения тонкой лощеной керамики на территории Северного Ирака, то вопрос этот остается открытым, хотя надо иметь в виду давние традиции лощеной посуды Анатолии и Северной Сирии. Д. Киркбрайд допускает возможность единичных проникновений в интересующий нас район бродячих групп керамистов⁸⁷. Д. Меллаарт также выделяет тонкие лощеные сосуды из основной массы керамики Умм Дабагии и сопоставляет их с подобными изделиями фазы Амука А (по периодизации неолита и энеолита Восточного Средиземноморья), что представляется достаточно убедительным⁸⁸.

¹ Thompson R. S., Mallowan M. E. The Prehistoric Soudage of Nineveh, 1931—1932.—Annals of Archaeology and Anthropology, Liverpool, 1933, v. XX, p. 127 sqq.

² Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna. Excavations by the Iraq Government Directorate Generale of Antiquities in 1943 and 1944.—JNES, 1945, October, v. IV, N 4, fig. 5.

³ Ibid., p. 161.

⁴ Ibid., p. 262.

⁵ Ibid., p. 276, 277.

⁶ Ibid., p. 278.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibid., p. 258.

⁹ Perkins A. The Comparative Archaeology of Early Mesopotamia. Chicago, 1949, p. 2 sqq.

¹⁰ Ibid., p. 15.

¹¹ Mortensen P. Tell Shimshara. The Hassuna period. København, 1970, p. 63 sqq.

¹² Mortensen P. Tell Shimshara..., p. 129.

¹³ Д. Меллаарт высказал даже предполо-

- жение, что собственно хассунские горизонты (Ib — VI) наслонились на горизонт, «близкий по грубой керамике позднему периоду Умм Дабагния». См.: *Mellaart J. The Neolithic of the Near East*. London, 1976, p. 146.
- ¹⁴ *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna*, p. 280, fig. 9, 18—28.
- ¹⁵ *Ibid.*, p. 280; *Mortensen P. Tell Shimshara...*, fig. 101, d.
- ¹⁶ В верхних и средних горизонтах значительно более стилизованные изображения скорпиона встречены на сосудах самарского типа.
- ¹⁷ *Ippollitoni F. The Pottery of Tell es-Sawwan — First Season*. — In: *Mesopotamia*. Torino, 1970—1971, v. V—VI, p. 108 sqq.
- ¹⁸ *Kirkbride D. Umm Dabaghiyah*, 1971. — Iraq, 1972, v. XXXIV, pl. XIII, b (фаза 3); *Mortensen P. Tell Shimshara...*, fig. 104, f—j.
- ¹⁹ *Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто*. — СА, 1975, № 4, с. 104.
- ²⁰ *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna*, p. 277 sqq.; *Perkins A. The Comparative Archaeology...*, p. 2.
- ²¹ *Munchaev R., Merpert N. The Archaeological Research in Sinjar Valley (1971)*. — Sumer, 1973, v. XXVII, p. 27.
- ²² *Mortensen P. Tell Shimshara...*, p. 106 sqq.
- ²³ То же и на других хассунских поселениях. См.: *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna*, fig. 7—29; pl. XIV; *Mortensen P. Tell Shimshara...*, fig. 98, a—f.
- ²⁴ *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna*, p. 277, fig. 3, 8—10, pl. XVIII; *Braidwood R. J., Braidwood L., Smith J., Leslie C. Matarrah*. — *Journal of Near East Studies*, Chicago, 1952, v. XI, 1, fig. 8, 12—15; 1—7; *Mortensen P. Tell Shimshara...*, p. 108, fig. 99; 101, a—c; *Kirkbride D. Umm Dabaghiyah*, 1971, pl. XV, b.
- ²⁵ Подобные же см.: *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna*, fig. 3, 8—9.
- ²⁶ *Ibid.*, p. 277; *Perkins A. The Comparative Archaeology...*, p. 2. Эти сосуды встречены и в дохассунских слоях Телль Сотто и Умм Дабагния. См.: *Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто*, с. 107.
- ²⁷ *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna*, fig. 6, 14, 15, pl. XV; *Mortensen P. Tell Shimshara...*, p. 109, fig. 105, a—k.
- ²⁸ *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna*, p. 277, pl. IV.
- ²⁹ *Ibid.*, p. 262. Кроме грубых сосудов с примесью рубленной соломы в глиняном тесте, в этом слое найдены лишь восемь лощенных и один расписной фрагмент.
- ³⁰ *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna*, fig. 6, 17, 19; *Kirkbride D. Umm Dabaghiyah*, 1971, pl. XI, 1, 16.
- ³¹ *Kirkbride D. Umm Dabaghiyah*, 1971, pl. XI, 13.
- ³² *Ibid.*, pl. XI, 5.
- ³³ *Ibid.*, pl. XI, 2; *Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто*, с. 107.
- ³⁴ *Kirkbride D. Umm Dabaghiyah*, 1972. — Iraq, 1973, v. XXXV, pl. III; XI.
- ³⁵ *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna*, p. 262.
- ³⁶ *Ibid.*, p. 264.
- ³⁷ *Ibidem; Mortensen P. Tell Shimshara...; Ippollitoni F. The Pottery of Tell es-Sawwan — First Season*.
- ³⁸ В обработке и систематизации материалов, легших в основу предложенной в настоящей главе классификации, принимал участие сотрудник экспедиции А. В. Куза.
- ³⁹ *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna*, fig. 6, 1—12.
- ⁴⁰ То же положение и в Хассуне, где подавляющее большинство соответствующих находок связывается со слоем Ia; выше, вплоть до слоя II, отмечены лишь единичные черепки сосудов этого вида. См.: *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna*, p. 262, 277, fig. 5.
- ⁴¹ То же в Хассуне. См.: *Ibid.*, fig. 6, 15—17; 19—22.
- ⁴² *Ibid.*, fig. 5; *Perkins A. The Comparative Archaeology...*, p. 2.
- ⁴³ *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna*, fig. 7, 31; p. 279.
- ⁴⁴ *Ibid.*, fig. 7, 1.
- ⁴⁵ *Perkins A. The Comparative Archaeology...*, p. 2.
- ⁴⁶ *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna*, fig. 5.
- ⁴⁷ *Mortensen P. Tell Shimshara...*, p. 104, 105.
- ⁴⁸ *Ibid.*, p. 109, 117.
- ⁴⁹ *Ibid.*, p. 117.
- ⁵⁰ *Ibid.*, p. 105, fig. 93.
- ⁵¹ Точное соответствие нижнего, «керамического» горизонта Шимшары конкретному горизонту слоя Хассуны I вряд ли может быть сейчас обосновано. П. Мортенсен с большой осторожностью подходит к этому вопросу, относя нижние горизонты Шимшары лишь к выделенной им фазе В общего развития хассунской культуры. Фазу эту он начинает лишь с Хассуны Ib. См.: *Mortensen P. Tell Shimshara...*, p. 132.
- ⁵² Варианты 12 и 13 представляют собой уже не роспись, а резную орнаментацию, встреченную лишь в единичных случаях.
- ⁵³ *Merpert N., Munchaev R., Bader N. The Investigation of Soviet Expedition in Iraq*, 1973. — Sumer, 1976, v. XXXII.
- ⁵⁴ Сосуды последних трех типов весьма

- близки сосудам первого вида, прежде всего по наличию подкосов ко дну, но функционально они резко от них отличны, и потому включены в четвертый вид.
- ⁵⁵ *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna, fig. 7, 32; 11, 8; 13; pl. XIV, XVI.*
- ⁵⁶ *Mortensen P. Tell Shimshara..., p. 109, fig. 104, o — r.*
- ⁵⁷ *Ibid., p. 117, fig. 106.*
- ⁵⁸ *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna, fig. 10.*
- ⁵⁹ Прямые аналогии этим фрагментам нам неизвестны, но возможно, они входят в круг расписной керамики, представленной «змеиными» и прочими композициями Умм Дабагний (см.: *Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1971, pl. X, 2, 4, 5, 7, 8, 19*), которые Д. Киркбрайд сопоставляет с керамикой Мерсина XXVII (*Ibid., p. 13*).
- ⁶⁰ Ср.: *Mortensen P. Tell Shimshara..., p. 106, fig. 98.*
- ⁶¹ Ср.: *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna, p. 277, fig. 3, 8—10; Mortensen P. Tell Shimshara..., p. 108, fig. 99; Braidwood R. J. Matarrha.— JNES, 1952, v. IX, fig. 8, 12—15; 9, 1—7.*
- ⁶² *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna..., p. 277.*
- ⁶³ *Ibid., p. 277; Perkins A. The Comparative Archaeology..., p. 2.*
- ⁶⁴ *Бадеp О. Н. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто, с. 107.*
- ⁶⁵ *Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1971, p. 9, pl. XVb; Eadem. Umm Dabaghiyah, 1972, p. 5, pl. II, 14.*
- ⁶⁶ *Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1971, p. 9.*
- ⁶⁷ *Mellaart J. The Neolithic..., p. 140, 148.*
- ⁶⁸ *Mortensen P. Tell Shimshara..., p. 109, fig. 104, h — j; 106.*
- ⁶⁹ *Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1971, p. 9, pl. XIII, b; Eadem. Umm Dabaghiyah, 1972, p. 5, pl. II, 15.*
- ⁷⁰ *Бадеp О. Н. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто, с. 104.*
- ⁷¹ *Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1972, p. 5, pl. II, 16.*
- ⁷² *Ibid., pl. II, 13.*
- ⁷³ *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna, fig. VI, 18.*
- ⁷⁴ *Ibid., p. 278.*
- ⁷⁵ *Ibid., p. 262.*
- ⁷⁶ *Mortensen P. Tell Shimshara..., p. 106, fig. 97, b.*
- ⁷⁷ *Ibid., p. 106.*
- ⁷⁸ *Munchaev R., Merpert N. Excavations at Yarim-Tepe, 1972.— Sumer, 1973, v. XXIX, N I—II, p. 9.*
- ⁷⁹ *Munchaev R., Merpert N. The Archaeological Research in the Sinjar Valley (1971).— Sumer, 1973, v. XXVII, p. 31, 32.*
- ⁸⁰ *Бадеp О. Н. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто, с. 106, 107.*
- ⁸¹ Там же, с. 104, 107.
- ⁸² *Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1971, p. 9, 12; pl. XII, 17, 18, 20—23, 25; Eadem. Umm Dabaghiyah, 1972, p. 5.*
- ⁸³ *Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1971, p. 9.*
- ⁸⁴ *Бадеp О. Н. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто, с. 105, 106.*
- ⁸⁵ Там же, с. 111.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ *Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1972, p. 5.*
- ⁸⁸ *Mellaart J. The Neolithic..., p. 139.*

Глава 6

КАМЕННЫЕ И КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Кремневые и обсидиановые орудия (рис. 33; 34). Количество кремневых и обсидиановых находок в нижних горизонтах Ярымтепе I, включая орудия, нуклеусы, заготовки и отходы производства, очень незначительно: при вскрытой площади 400 кв. м и общей мощности слоя нижних горизонтов около 2 м оно достигает лишь 500. Наша коллекция не сопоставима с тысячами орудий и десятками тысяч заготовок и отходов производства, найденных на других, главным образом более ранних, ближневосточных поселениях¹. В этом аспекте большой интерес представляет заключение П. Мортенсена, согласно которому обилие сколотых с нуклеусов каменных орудий характерно прежде всего для поселений VII — начала VI тысячелетия до н. э., для жителей которых охота полностью сохраняла еще свое значение. С развитием раннеземледельческих поселений, где основной продовольственный фонд составляли уже раститель-

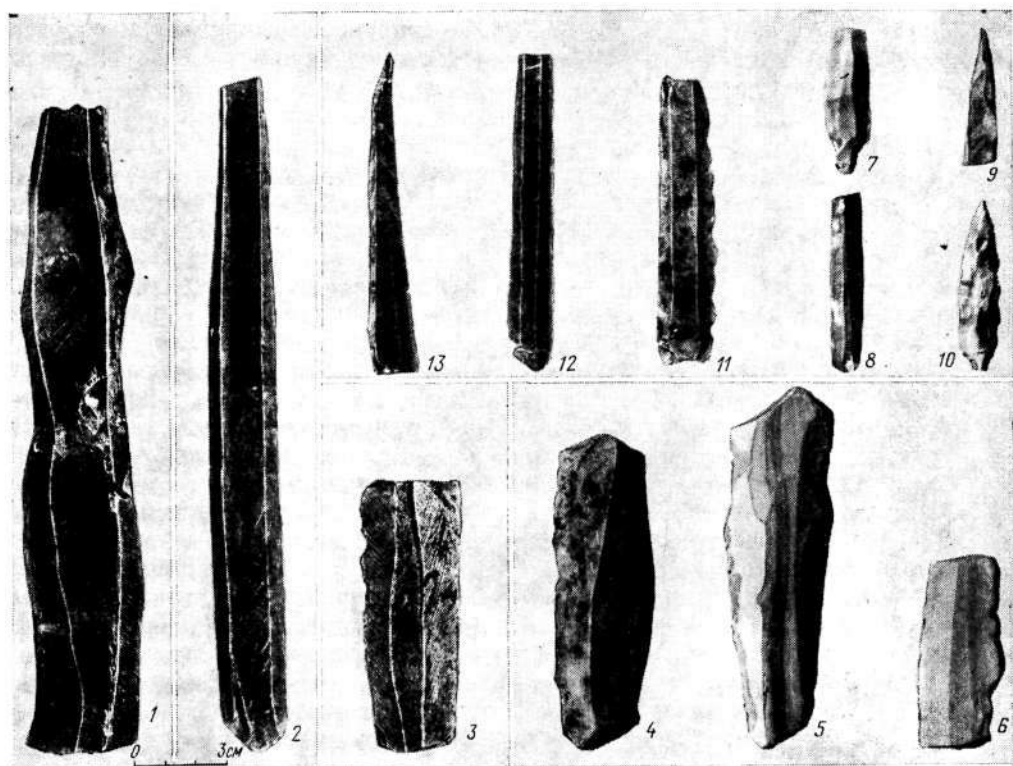

Рис. 33. Ярымтепе. I. Obsидиановые (1—3, 7, 8) и кремневые (4—6, 9—13) орудия

ная пища и мясо домашних животных, число таких орудий заметно падает². П. Мортенсен основывается на сравнительно небольшом числе соответствующих находок на самарском поселении Шога Мами и отмечает резкое различие между числовыми показателями коллекции кремневых и obsидиановых орудий из ранних поселений Али Кош и более позднего Тепе Сабз в Дех Луранской долине Юго-Западного Ирана³.

Раскопки Ярымтепе I полностью подтверждают это заключение. Коллекция кремневых и obsидиановых находок здесь заметно беднее соответствующих коллекций ранних загросских поселений, таких как Гадж Дарех, Джармо или Тепе Гуран, а тем более древнейших поселений Дех Луранской долины. Особенно контрастно сравнение Ярымтепе I с открытым Н. О. Бадером в том же районе докерамическим поселением Магзалия, где насыщенность слоя кремневыми и obsидиановыми находками во много раз больше и это сочетается с гораздо большей насыщенностью слоя костями животных. С другой стороны, количественные показатели кремневых и obsидиановых находок раннеземледельческих поселений, как непосредственно предшествовавших Ярымтепе I (Умм Дабагия), так и синхронных ему (Телль Хассуна, судя по предварительной и весьма краткой публикации ее материалов⁴, Телль эс-Савван⁵. Шога Мами, Шимшара⁶) и непосредственно за ним следующих (Телль

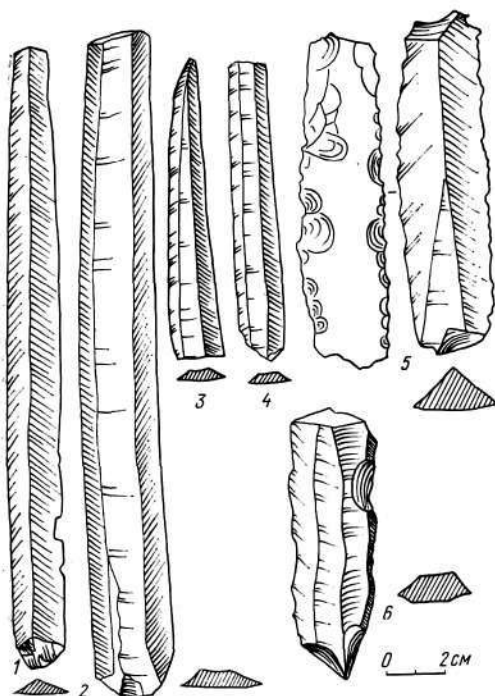

Рис. 34. Ярымтепе I. Obsидиановые орудия из горизонтов 8 (1, 2, 6), 9 (3) и 11 (4, 5)

Арпачия, Ярымтепе II), сопоставимы с данными исследуемого памятника.

Так, в результате первых двух сезонов раскопок Умм Дабагии на площади, близкой участку нижних горизонтов Ярымтепе I⁷, зафиксировано около 4 тыс. кремневых и обсидиановых находок⁸. Но это касается всего слоя телья, внутри которого выделены три фазы, включающие в целом 12 строительных горизонтов. Характерно, что это раннее земледельческое поселение заметно уступает по числу кремневых и обсидиановых находок доземледельческим и переходным, но несколько превосходит Ярымтепе I.

В Шога Мами на площади 500 кв. м⁹ зафиксированы 2622 стратифицированные находки кремня и обсидиана, что касается всего культурного слоя в целом, включающего четыре фазы собственно самаррской культуры, так называемую переходную фазу и материалы «убейдского колодца»¹⁰. Общее число находок в двух нижних слоях и соответственно в фазах 4

и 3 составляет лишь 585¹¹, что позволяет говорить о прямом соответствии данным Ярымтепе I.

Среди отмеченных 500 находок на Ярымтепе I кремнь представлен 385 экз. (77%), обсидиан — 115 экз. (23%). Распределение этих видов материалов по строительным горизонтам представлено в таблице 10.

Мы не касаемся здесь находок в верхних семи горизонтах, но предварительно отметим, что процент обсидиана несколько возрастает в нижней части слоя в целом и продолжает увеличиваться внутри нее: если в восьмом горизонте обсидиановые находки составляют несколько больше 18% соответствующего комплекса, то в 12-м горизонте их доля — уже более 32%.

Таблица 10. Распределение кремневых и обсидиановых находок по нижним строительным горизонтам

Горизонт	Кремнь	Обсидиан	Горизонт	Кремнь	Обсидиан
Восьмой	92	17	11-й	49	20
Девятый	79	14	12-й	90	29
Десятый	69	25	Котлованы в материке	6	10

К сожалению, в предварительной публикации материалов Телль Хассуны подобные подсчеты представлены не были. Однако просмотр коллекции из эпонимного поселения в фондах Багдадского музея позволяет предполагать отсутствие резких отличий в соотношении кремня и обсидиана между Ярымтепе I и Телль Хассуной.

Зато весьма четко эти отличия выступают между исследуемым нами памятником и двумя синхронными ему, но достаточно отдаленными и расположенными в разных районах поселениями: Шимшарой, с одной стороны, и Шога Мами — с другой. В Шимшаре обсидиан заметно преобладает над кремнем, который составляет лишь 15% соответствующих находок¹². П. Мортенсен специально отмечает, что и отходов производства обсидиан дает значительно больше, чем кремень, использовавшийся более экономно¹³. Поскольку такое же обилие обсидиана и преобладание его над кремнем отмечены и на ряде других поселений Дашт-и-Битвей-на¹⁴, исследователь делает справедливый вывод, что здесь «во второй половине VI тысячелетия до н. э. обсидиановая торговля была организована лучше, чем эксплуатация местных кремневых ресурсов»¹⁵. Распространение обсидиана в Загросе, как показывает П. Мортенсен, имеет глубокие корни. Материалы Джармо позволяют говорить о существовании уже в VII тысячелетии до н. э. определенной тенденции к увеличению доли обсидиана в верхних горизонтах этого поселения (28% — в нижних, около 45% — в верхних горизонтах)¹⁶. И это вполне закономерно: Загрос находился в непосредственной близости к основным для Ближнего Востока источникам обсидиана, на главных путях его распространения.

Вопрос об этих источниках и путях всесторонне рассмотрен К. Ренфрю¹⁷. По его классификации, на раннем этапе, т. е. с середины VIII до второй половины VI тысячелетия до н. э. включительно, по всей загросской зоне и примыкающей к ней части долины Месопотамии распространен обсидиан группы 4с с примесью группы 1g; во второй половине VI тысячелетия до н. э. распространение последней группы заметно возрастает и в некоторых районах на короткий срок даже превышает по численности группу 4с. Оба эти группы происходят фактически из одного района Восточной Анатолии. Источником группы 4с был кратер вулкана Немрут Даг к западу от оз. Ван (более 400 км к северу от Ярымтепе, более 300 км к северо-западу от Шимшары). Источник группы 1g был расположен не более чем в 100 км к западу или юго-западу от первого. Весь этот район К. Ренфрю обозначает как Ван — Закавказье¹⁸. Черно-серый обсидиан Ярымтепе I и Телль Хассуны происходит, безусловно, из тех же восточноанатолийских источников и является результатом той же ранней «обсидиановой торговли»; более конкретное определение его группы станет возможным лишь после анализов.

Поскольку оба эти поселения расположены вдали от основных «обсидиановых» путей Загроса и дальше от самих источников, они заметно уступают Шимшаре по количеству обсидиановых находок. Основная роль в производстве соответствующих орудий принадлежит здесь кремню.

Противоположные результаты дает сравнение количественных показателей кремневых и обсидиановых находок Ярымтепе I и Шога Мами. В культурном слое Шога Мами кремень составляет 97,1%, обсидиан — лишь 2,9%, т. е. доля его почти в восемь раз меньше, чем на Ярымтепе I¹⁹. Столь же резкое преобладание кремня над обсидианом зафиксировано и на территориально близких Шога Мами ранних поселениях

Дех Луранской долины²⁰, что достаточно убедительно объясняется значительно большей удаленностью от указанных источников обсидиана²¹: долину отделяют от них более 700 км. Помимо территориального, должен быть учтен и еще один фактор — хронологический. Для Дех Луранской долины «обсидиановая торговля» достигает максимума активности на фазе Мохаммад Джафар, соответствующей позднему Джармо²². Уже в конце следующей фазы Сефид, соответствующей Хассуне и началу Самарры, она заметно сокращается. К концу фазы Сурк, синхронной поздней Самарре и Халафу, она становится незначительной и на фазе Сабз, близкой по времени позднему Халафу, прекращается²³. В Шога Мами представлены классическая и поздняя ступени самаррской культуры, а также последующие периоды, вплоть до убейдского. Характерно, что внутри самого слоя этого памятника количество обсидиана заметно уменьшается: в нижнем, третьем, слое его доля достигает 5,8%; в верхнем, первом, самаррском слое — 2,6%, а в «убейдском колодезе» — всего 0,9%²⁴.

Весь слой Шога Мами хронологически моложе рассматриваемых нижних горизонтов Ярымтепе I. Заметные различия в распространении обсидиана на этих поселениях определены спецификой не только районов их расположения, но и относительной хронологии — соответствием их различиям по активности этапам «обсидиановой торговли».

Кремень Ярымтепе I — серый и коричневый с серыми прожилками, в большинстве своем местный, галечный. Расколотые кремневые желваки неоднократно встречены в различных горизонтах, что позволяет говорить о производстве кремневых орудий на самом поселении. Наиболее выразительны находки в помещении 234 восьмого горизонта, где зафиксированы два скопления расколотых желваков: одно содержало восемь заготовок, второе — 30. Подобные скопления отмечены в девятом, десятом и 11-м (помещение 381 — девять заготовок) горизонтах. В целом остатки производства — нуклеусы, заготовки, отходы и пр. — заметно преобладают над готовыми орудиями, составляя свыше 69% всех находок. Это резко отличается набор кремневых находок от обсидиановых: последние представлены почти исключительно готовыми орудиями, доля отходов производства в находках там достигает лишь 25%.

Число форм кремневых заготовок, кремневых и обсидиановых орудий весьма ограничено и заметно уступает числу подобных типов в многообразной и высокоразвитой каменной индустрии Шимшары, которую, впрочем, сам ее исследователь считает ни в коей мере не типичной для хассунской культуры²⁵. Мы ограничимся лишь самой общей характеристикой находок из Ярымтепе I и выделением основных групп без подробной их типологизации, которая станет задачей специального исследования. При этом мы будем следовать принципам классификации и номенклатуре, разработанным П. Мортенсеном для материалов Шога Мами. Для сравнения мы иногда привлекаем материалы поселения Шага Сефид, знаменующего соответствующую Хассуне фазу в Дех Луранской долине.

Нуклеусы лишь в единичных случаях предназначены для скалывания отщепов и близки типу А по П. Мортенсену²⁶; большая же их часть предназначена для производства пластин и представлена прежде всего типом Б: вытянутыми частями расколотых кремневых желваков с ударной площадкой с одной стороны, некоторым сужением к противоположному краю и использованием для сколов лишь одной стороны, т. е. около половины периметра²⁷; другая сторона либо сохраняет естественную по-

верхность желвака, либо грубо подправлена сколами. Нуклеусы более правильных форм со сколами по большей части периметра, в том числе так называемые карандашевидные или пулевидные, встреченные в Шога Мами²⁸ и достаточно многочисленные в Шага Сефид²⁹, в исследуемом памятнике единичны и представлены маловыразительными экземплярами. Сколы с нуклеусов, полученные при создании и обновлении ударной площадки, а также при оформлении нуклеуса, соответствуют типам с—d и f—g по П. Мортенсену³⁰; неоформленные сколы (заготовки) — типам k и l³¹. Наконец, значительное число мелких осколков кремня может быть отнесено к отходам производства (тип m)³².

Кремневые орудия представлены рядом категорий (рис. 33). Скребки изготовлены как на четырехугольных в сечении (концевые скребки типа A1 по П. Мортенсену)³³, так и на овальных отщепах (боковые скребки типа A4)³⁴ и на пластинах (концевые скребки типа A5)³⁵; боковые скребки — на переиспользованных двулезвийных вкладышах серпов. Рабочий край обработан с помощью отжимной ретуши. Все типы представлены единичными находками в равной мере для всех рассматриваемых горизонтов.

Единичны и сверла, представленные как простыми формами, выполненными на треугольных отщепах (типа B1, B2 по П. Мортенсену)³⁶, так и несколько более сложными. К последним относятся две находки. Первая — овальное орудие из девятого горизонта с четко выделенным узким острием, обработанным отжимной ретушью, которая имеется и по всему периметру выполненного на отщепе орудия, что позволяет предполагать двойную его функцию — скребок-сверло. Выделенное острие сближает его со сверлами типа B3 из Шога Мами³⁷. Вторая находка — сверло из десятого горизонта, также с выделенным и обработанным ретушью острием, но выполненное на конце вытянутой пластины четырехугольного сечения. Подобные же орудия, но на пластинах треугольного сечения, представляют в Шога Мами тип C2³⁸. Оба сверла из Шога Мами относятся к сравнительно поздним комплексам («убейдский колодец» и «переходная фаза»); находки на Ярымтепе I свидетельствуют о значительно более раннем появлении этих типов.

Более многочисленные пластины и орудия на них. В рассматриваемых горизонтах найдено 29 экз. Они представлены как небольшими и средними, так и весьма крупными образцами³⁹. Наиболее характерные крупные пластины имеют следующие показатели.

Пластина из восьмого горизонта (участок 57d-3). Длина 14,7 см, стороны параллельны, сечение трапецевидное, оба лезвия дополнительно обработаны крупной ретушью с брюшка, а одно — и с внешней стороны. Трасологический анализ установил, что пластина служила двулезвийным вкладышем ножа для разделки туш животных⁴⁰.

Пластина из девятого горизонта (участок 27c-2). Размеры 17×3,5 см, сечение треугольное, стороны дугобразны, так что орудие имеет вытянутую листовидную форму. Верхний конец притуплен, нижний заострен. Ретушь со стороны спинки — почти по всему периметру орудия. По определению Г. Ф. Коробковой, это двулезвийный серп, которым затем пользовались как боковым скребком.

Пластина из десятого горизонта (участок 57d-3, внутри помещения 279). Размеры 14,8×4 см. Скобель, использованный для скобления кусков охры. Изготовлен на старом изношенном лезвии серпа.

Пластина из 12-го горизонта (участок 57с-4, внутри помещения 382). Размеры 13,5×4,5 см, сечение треугольное, стороны параллельны, нижний конец округлен. Двусторонняя ретушь — по одному из лезвий и по нижнему концу. Нож для разделывания туш животных.

Всего найдено семь столь крупных пожевидных пластин и их обломки. Все они встречены только в нижних горизонтах (это касается и обсидиановых пластин). В более позднее время их нет, хотя техника производства орудий на пластинах продолжает господствовать. Характерно, что нет их и в Шога Мами, хронологически соответствующем верхним горизонтам Ярымтөпә I, а в Тель Хассуне большая их часть найдена в слое 1а.

Прочие пластины — средние и малые, вплоть до микропластин — имеют сечение как четырехугольное, так и треугольное. Преобладают пластины без дополнительной ретуши. Судя по характерной залощенности, уже издавна привлекавшей внимание исследователей⁴¹, значительная их часть (около 20 экз.) служила составными лезвиями серпов. Это подтверждено и данными трасологического анализа, который вместе с тем показал многофункциональность некоторых пластин, а также вторичное использование изношенных лезвий для серпов в качестве ножа, скребков, скобелей для скобления охры и т. п.

Следует отметить, что лезвия серпов наиболее стандартизованных размеров и выработанной формы (в том числе с зубчатым рабочим краем) распространены в основном в поздних горизонтах поселения. В этом плане интересны данные Шога Мами, где доля лезвий серпов, составлявшая на ранней самаррской фазе 25,4%, возрастает на поздней фазе до 44,2%⁴².

В целом орудия на пластинах из Ярымтөпә I представляют древнюю и широко распространенную традицию, но набор конкретных форм и их особенностей находят аналогии и исходные формы не в Джармо и загросских поселениях, а прежде всего в соответствующем комплексе нижних слоев Тель Сотто и Умм Дабагий⁴³.

Нижним горизонтам Ярымтөпә I принадлежат и четыре найденных на этом памятнике наконечника стрел: три из них встречены в слое 12-го горизонта (участки 47а—с и 47б-2), четвертый — в материковом котловане 71, под основанием толоса 319 (рис. 35). Три наконечника выполнены на треугольных в сечении пластинах и имеют дополнительную ретушь со стороны спинки. Два из них листовидные с резким, ступенчатым переходом к черешку, ретушь покрывает всю поверхность; длина пера у сохранившегося экземпляра 5,1 см, черешка — около 3 см. Третий наконечник (из котлована 71) имеет форму сильно вытянутого ромба (9,3×2 см); перо отличается от черешка лишь несколько большей шириной за счет легкой дугообразности сторон. Ретушь отмечена только на черешке. Трасологический анализ показал, что три наконечника во вторичном использовании служили сверлами, причем один из них — двойным сверлом. Четвертый наконечник выполнен на тонкой, трапециевидной в сечении пластине без дополнительной ретуши. Сохранилась лишь часть его треугольного пера.

Находки наконечников стрел при всей их немногочисленности представляют интерес, поскольку до сего времени этот вид оружия считался абсолютно не характерным для древнейших поселений как собственно Месопотамии, так и Загроса. Характерно полное отсутствие наконечников

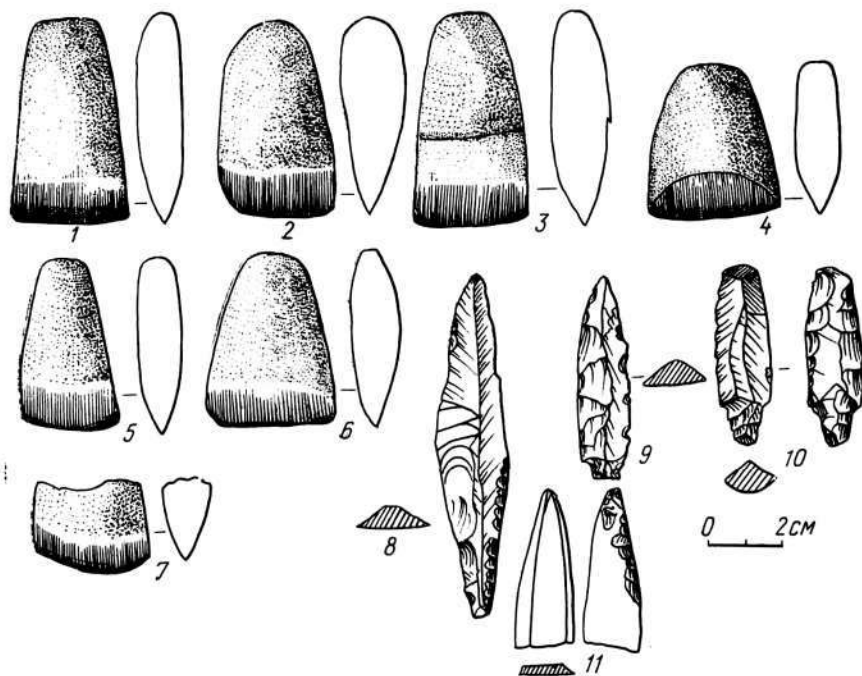

Рис. 35. Ярымтепе I. Каменные орудия. Топоры и стрелы
1, 7, 8—10 — горизонт 12; 2, 11 — горизонт 11; 3—6 — горизонт 10

стрел среди большого и многообразного кремневого и обсидианового инвентаря Шимшары. Нет их и в Шога Мами.

Все наконечники из Ярымтепе I происходят из начальных его горизонтов. Единственная подобная находка в Телль Хассуне обнаружена в слое Ia⁴⁴. Очевидно, наконечники связаны с весьма древней традицией, документированной находками на поселениях культуры Телль Сотто и Умм Дабагии, где представлены те же типы с выделенным черепшком, с односторонней или двусторонней ретушью или без нее⁴⁵. Д. Киркбрайд связывает эту традицию с более западными областями Ближнего Востока, указывая на находки подобных наконечников в древнем Библе, Лавехе I и Рамаде I, т. е. прежде всего в памятниках конца VII — первой половины VI тысячелетия до н. э.⁴⁶

Обсидиановые находки в отличие от кремневых представлены в основном готовыми орудиями (74,8%); нуклеусов нет совсем; среди изделий должно быть отмечено абсолютное господство пластин (83 экз.), лишь в трех случаях зафиксированы маловыразительные отщепы. Пластины, подобно кремневым, представлены как малыми (вплоть до единичных микропластин) и средними, так и крупными экземплярами. Крупных найдено 11 (одна — в 12-м; по две — в 11-м и 10-м; одна — в девятом и четыре — в восьмом горизонтах; одна найдена в седьмом горизонте, выше их нет). Показатели наиболее характерных пластин следующие:

Пластина из восьмого горизонта (участок 27d-1). Размеры 21,5×3,7 см, сечение трапециевидное. Нож для разделывания туш животных.

Таблица 11. Распределение основных групп кремневых и обсидиановых находок по горизонтам

Горизонт	Кремень				Обсидиан		
	нулеусы	заготовки (сколы и отщепы)	пластины	отходы производ- ства	отщепы	пластины	отходы производ- ства
Восьмой	38	13	4	37	1	11	5
Девятый	10	17	6	46	1	11	2
Десятый	12	16	5	36	1	15	9
11-й	11	12	5	21	—	16	4
12-й	6	25	9	50	—	20	9
Ямы в ма- терике	—	—	6	—	—	10	—
Всего	77	83	35	190	3	83	29

Пластина из восьмого горизонта (квадрат 37/47). Размеры 20,3×1,9 см, сечение треугольное. Нож для разделывания туш животных.

Пластина из десятого горизонта. Длина 11,5 см, стороны параллельны, сечение трапециевидное.

Пластина из десятого горизонта (участок 47а-2). Размеры 10×1,5 см, стороны параллельны, сечение трапециевидное. Двулезвийный вкладыш серпа.

Пластина из 11-го горизонта (участок 57d-1). Размеры 11,5×3 см. Нож для разделывания туш животных.

Трасологический анализ трех крупных пластин показал, что их использовали в качестве двулезвийных ножей для разделки туш животных и скребков для обработки шкур. Подобное назначение и прочих длинных обсидиановых пластин сомнений не вызывает. Меньшие пластины, которых найдено более 50, подобно кремневым (и по тем же признакам), служили прежде всего лезвиями составных серпов⁴⁷, а также ножами и скребками.

Распространение основных категорий предметов из кремня и обсидиана в культурном слое Ярымтепе I показано в таблице 11.

Каменные изделия. Представлены следующими категориями: клиновидными топорами (теслами), булавами, пестами, терочниками, точильными камнями, зернотерками, мотыгами.

Из 11 зафиксированных на поселении клиновидных топоров (тесел) семь наиболее характерных найдены в нижней части культурного слоя, в 10—12-м горизонтах (табл. 12). Они сделаны из серого, черного или зеленоватого камня (змеевик, сланец и др.); поверхности у всех зашлифованы. При некоторых различиях деталей форм и размеров все топоры относятся к близким типам. Все симметрично расширяются от сравнительно узкого (прямого или округленного) обуха к прямому или дуговидному лезвию; в большинстве случаев сечение линзовидное (топоры с двояковыпуклыми гранями); в одном случае сечение сегментовидное (топор плоско-выпуклый).

Таблица 12. Характеристика клиновидных топоров и их распределение по горизонтам

Горизонт	Длина (см)	Ширина лезвия (см)	Толщина (см)	Форма обука	Сечение	Материал
Десятый	4,7	2,6	2	Прямая	Линзовидное	Черный камень (змеевик?)
Десятый	4,8	3,4	1,4	Округлая	То же	Темно-серый камень
11-й	4,3	3,5	1	То же	»	Серо-зеленый камень (змеевик?)
11-й	5,7	3,0	1,5	Прямая	»	Серый сланец
11-й	5,4	2,8	1,5	То же	»	Черный камень (змеевик?)
12-й	5,8	3,0	1,3	»	»	Зеленый камень
12-й	Не полная	3,0	1,1	?	Сегментовидное	Черный камень (змеевик?)

Топоры-тесла подобных форм широко распространены и найдены как в Телль Хассуне, так и на ряде синхронных поселений, но и там они характерны прежде всего для ранних слоев. В Телль Хассуне топоры из Ярымтепе I находят ближайшие аналогии по форме и пропорциям в слое I⁴⁸. В Шимшаре подобный топор найден на 13-м полу⁴⁹, т. е. тоже в нижней части слоя. Естественно поэтому, что достаточно близкие аналогии исследуемым топорам есть и в еще более ранних, дохассунских слоях Телль Сотто⁵⁰ и Умм Дабагии⁵¹. В целом же для рассматриваемой территории традиция изготовления подобных орудий уходит в глубочайшую древность: хорошо выработанные формы их известны уже в Джармо⁵².

Особо должна быть отмечена находка в нижней части слоя Ярымтепе I миниатюрной модели подобного топора (точно не стратифицирована, но наиболее вероятен восьмой горизонт). Ее размеры: 2,5×1,8×6 мм. Топор сделан из зеленоватого камня, отполирован и, по-видимому, относится к ритуальным изделиям, связанным с культом топора. Культ этот и соответствующие модели засвидетельствованы уже в докерамическом Иерихоне⁵³; впоследствии они широко распространяются как на Ближнем Востоке, так и в Европе. В Загросе известна находка подобной модели периода Джармо⁵⁴; в Дех Луранской долине — в Шага Сефид, на фазе Сурк⁵⁵.

Первый для хассунской культуры экземпляр каменной булавы найден в восьмом горизонте Ярымтепе I (квадрат 37). Булава грушевидная, наибольший диаметр 7,2 см, высота 5,6 см, сделана из белого мрамора, поверхность полирована, диаметр втулки сверху 2,5 см, снизу 2 см (рис. 36, 1; 37, 1). Во втулке сохранились следы битума, скреплявшего навершие булавы с рукоятью. Примечательны условия находки: булава найдена вместе с дисковидным терочником из черного камня и вытянутым пестом из светло-серого камня. Все три предмета лежали в слое забутовки, под стеной помещения 235. Характерно, что такая же мраморная булава найдена в Умм Дабагии.

Возможно, что к этому виду оружия относится и другая находка из Ярымтепе I: в материковом котловане 72 найден фрагмент просвер-

ленного цилиндрического каменного навершия, сделанного из базальта. Высота его 3,9 см, диаметр около 8 см, диаметр втулки около 2,5 см, поверхность грубо затерта. Эта находка также находит аналогии в Умм Дабагии, причем Д. Киркбрайд относит их к булавам условно⁵⁶. Близкие изделия найдены Н. О. Бадером и на еще более раннем памятнике — поселении Магзалия.

Есть все основания для заметного «удревнения» начала производства сверленных булав в Месопотамии. Еще совсем недавно это начало относили к халафскому времени на основании единичной находки в нижних слоях Тепе Гавры⁵⁷. В этой связи можно упомянуть и просверленные каменные шары из Джармо⁵⁸, хотя функции их, как и грубых экземпляров из Ярымтепе I и Умм Дабагии, не совсем ясны⁵⁹. Мраморные же экземпляры из последних двух памятников представляют уже безусловную и хорошо выработанную форму навершия булав.

Дробящие и толкущие орудия достаточно многочисленны в Ярымтепе I. Они представлены ступками, зернотерками, пестами и терочниками.

Ступки найдены во всех горизонтах — всего их 14. Как правило, они располагаются в жилых или хозяйственных помещениях, около печей или зернохранилищ. Все они вкопаны в землю и иногда закреплены фрагментами крупных сосудов. Материалом для них служил известняк; они выдолблены в крупных, сравнительно плоских речных валунах, почти во всех случаях оставшихся не обработанными. Размеры валунов варьируют от 20 до 50 см. Обычный диаметр углубления 15 см, глубина — 10—12 см.

Подобные ступки появляются очень рано: они известны уже в Джармо⁶⁰, а в Дех Луранской долине — на фазе Али Кош; далее число их заметно возрастает на фазах Мохаммад Джафар⁶¹ и Сефид⁶², т. е. непосредственно в предхассунский и хассунский периоды. Абсолютно те же формы представлены в Телль Сотто и Умм Дабагии, в Телль Хассуне и синхронных хассунских и самаррских поселениях.

Зернотерки в 8—12-м горизонтах зафиксированы 19 раз. Подобно ступкам, они сделаны из известняковых валунов. Все овальные в плане, сегментовидные в сечении, с плоской или седловидной поверхностью. Большая часть находок представлена фрагментами; единичные целые экземпляры имели размеры: 17×12×2,8 см (10-й горизонт); 27×14×3 см (11-й горизонт).

Этот простейший тип зернотерок известен уже в Джармо⁶³ и на фазе Али Кош и далее на всех последующих фазах культуры Дех Луранской долины⁶⁴, в Телль Сотто, Умм Дабагии, Кюллитепе, Телль Хассуне⁶⁵, синхронных⁶⁶ и более поздних поселениях Месопотамии. Количество их неизменно увеличивается, возрастают и размеры, вырабатывается определенное разнообразие форм: сегментовидные, седловидные, прямоугольные в сечении, с закраинами, с желобами, комбинация зернотерки и ступки. Эти явления лучше всего прослежены на поселениях Дех Луранской долины⁶⁷, но отражены они и в материалах Ярымтепе I. Начиная с седьмого горизонта возрастает число, увеличиваются размеры (до 61×28×3 см), становятся разнообразными формы зернотерок. В нижних горизонтах представлен лишь простейший тип (табл. 13).

Терочники сделаны из известняковых валунов или гальки (рис. 36). В рассматриваемых горизонтах найдено 32 экз., в дальнейшем количество их резко возрастает. Иногда они связаны с зернотерками или Husking trays.

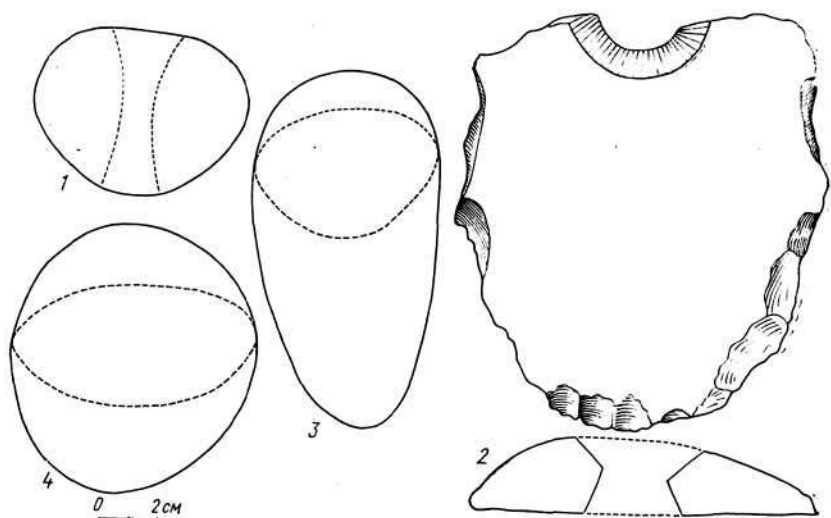

Рис. 36. Ярымтепе. I. Каменные изделия из горизонта 9
1 — булава; 2 — мотыга; 3 — терочки

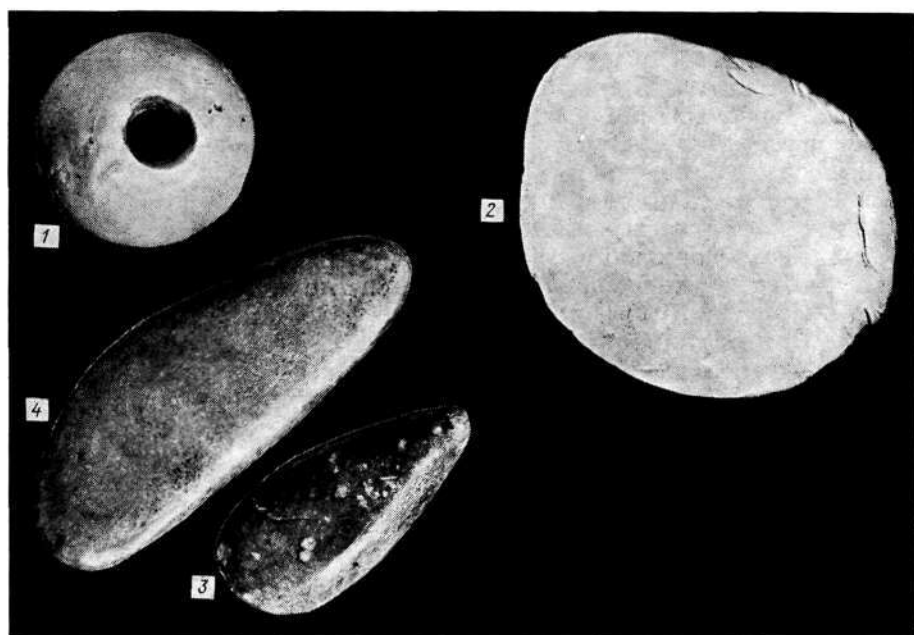

Рис. 37. Ярымтепе I. Каменные изделия из горизонтов 8 и 9.
1 — булава; 2 — палетка; 3, 4 — песты.

Таблица 13. Распространение ступок и зернотерок по нижним строительным горизонтам

Горизонт	Ступки	Зернотерки	Горизонт	Ступки	Зернотерки
Восьмой	3	4	11-й	2	2
Девятый	4	6	12-й	2	3
Десятый	3	4	Всего	14	19

Представлены следующими типами:

Тип. 1. Терочки овальные в плане, сегментовидные или прямоугольные в сечении⁶⁸. Длина до 20 см, ширина до 14 см, толщина до 4 см.

Тип. 2. Дисковидные терочки. Диаметр до 15 см, толщина до 3 см.

Тип. 3. Терочки треугольные в плане, овальные или прямоугольные в сечении. Длина до 12 см, ширина до 10 см, толщина до 3 см.

Тип. 4. Шаровидные терочки. Диаметр до 6 см.

Первые два типа широко распространены на раннеземледельческих поселениях Месопотамии, Загроса и Дех Луранской долины, начиная с Джармо и фазы Али Кош. Оба типа хорошо известны в Телль Сотто и Умм Дабагии, в Телль Хассуне, синхронных и более поздних поселениях. Третий тип более специфичен, и на исследуемом памятнике он представлен лишь двумя экземплярами. Четвертый тип широко распространен, подобно двум первым⁶⁹.

Песты сделаны из известняка (рис. 37, 3, 4). В ряде случаев они связаны со ступками. В нижних горизонтах найдено 25 экз., далее количество их возрастает так же резко, как и терочников: в одном лишь шестом горизонте их обнаружено 43 экз. В 8—12-м горизонтах они представлены следующими типами.

Тип 1. Пест овальный в плане и круглый в сечении.

Тип 2. Пест овальный в плане и в сечении.

Тип 3. Пест конический в плане и круглый в сечении.

Тип 4. Пест усеченно-конический в плане и квадратный в сечении.

Тип 5. Пест сигарообразный в плане и круглый в сечении.

Тип 6. Пест полукруглый в плане и овальный в сечении.

Тип 7. Пест колоколовидный в плане и прямоугольный в сечении.

Тип 8. Пест неправильной формы, близкой вытянутому треугольнику, сечение прямоугольное.

Размеры пестов (особенно типов 1—5) иногда весьма значительны: длина колеблется от 6 до 33 см, ширина достигает 7 см.

Большинство пестов этих типов распространено в том же круге памятников, что и прочие долбящие и толкущие орудия. Почти вся их серия известна в Телль Хассуне⁷⁰ и синхронных поселениях Месопотамии и Загроса; ряд типов — в поселениях Дех Луранской долины, прежде всего на фазе Сефид⁷¹.

Данные о распространении терочников и пестов разных типов в нижних горизонтах приведены в таблице 14.

Точильный камень, сделанный из продолговатой гальки и снабженный отверстием для подвешивания, найден в восьмом горизонте; подобные камни известны в Шимшаре. П. Мортенсен отмечает заметную стертость

Таблица 14. Распределение терочников и пестов по типам в нижних горизонтах

Горизонт	Терочники				Песты							
	тип 1	тип 2	тип 3	тип 4	тип 1	тип 2	тип 3	тип 4	тип 5	тип 6	тип 7	тип 8
Восьмой	6	1	2	3	2	4	2	1	1	1	3	—
Девятый	3	—	—	1	2	1	1	—	—	—	—	—
Десятый	4	—	—	2	—	3	—	—	—	—	—	—
11-й	5	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
12-й	3	1	—	—	2	—	—	—	—	—	—	1
Всего	21	3	2	6	6	9	3	1	1	1	3	1

их поверхности и оставляет открытым вопрос о применении их в качестве точильных камней или лошад⁷².

Вызывает удивление почти полное отсутствие в Ярымтепе I специфических мотыг, весьма распространенных в Телль Хассуне⁷³. Сделанные из песчаника и кварцита, эти крупные орудия в большинстве своем найдены в слое Ia, в соответствии с находками их относительных аналогов на ранних фазах поселений Дех Луранской долины (Али Кош и Мохаммад Джафар⁷⁴). Существуют они и позже. Один менее специфический (как бы огрубленный) экземпляр встречен в Телль Хассуне в слое IV⁷⁵. 36 кремневых и известняковых мотыг, в том числе близких исследуемым, найдены в Шага Сефид в комплексах ряда фаз (от фазы Сефид до фазы Сабз)⁷⁶; еще позже отдельные экземпляры мотыг известны вплоть до убейдского времени как в Месопотамии⁷⁷, так и в Сузиане⁷⁸.

Однако ни в Телль Сотто, ни в Умм Дабагии, ни в Шимшаре, ни в самаррских поселениях их нет. Хорошо выработанных форм, аналогичных мотыгам из слоя Ia Телль Хассуны, нет и в Ярымтепе I. Единственный найденный здесь (не стратифицированный) экземпляр заметно грубее и сходен с мотыгой из хассунского слоя IV. Он сделан из серого сланца, грубо оббит и имеет расширенный и заостренный дополнительными сколами рабочий край. Длина орудия 13 см, ширина рабочего края 11 см, обуха — 6 см, толщина — 5,5 см. Вторая мотыга найдена в девятом горизонте (участок 47а-3). Она принципиально отлична от предыдущей. Мотыга сделана из крупной овальной песчаниковой пластины, скорее всего служившей терочником (тип 1). Край ее заострен дополнительными сколами, а для насадки на рукоятку двусторонним сверлением сделано отверстие (рис. 36, 2). Именно в процессе сверления орудие было сломано и не завершено обработкой. Длина мотыги превышала 15 см, ширина — 12,5 см, толщина — 2,5 см, диаметр отверстия 2,5 см. Аналоги этой мотыги на раннеземледельческих поселениях Месопотамии и смежных территорий нам неизвестны.

Каменные сосуды встречены во всех строительных горизонтах. Однако если в верхних горизонтах преобладают крупные, прямоугольные в плане базальтовые сосуды, близкие по функциям ступкам, то в нижних найдены фрагменты иных сосудов — тщательно выполненных из мрамора,

известняка, алебаstra, изящных, с полированной поверхностью. Их найдено 10, в том числе один в материковом котловане. Ни один сосуд не сохранился полностью, но фрагменты позволяют выделить ряд типов этих изделий.

Тип 1. Открытая плоскодонная чаша с округленными боками и прямым венчиком.

Тип 2. Такая же чаша с резко утонченным венчиком и ребром под ним.

Тип 3. Открытая уплощенная чаша с резко расходящимися от плоского дна прямыми боками.

Тип 4. Круглодонная чаша с завернутым внутрь венчиком.

Тип 5. Кувшинчик со сферическим туловом, уплощенным дном, низким горлом и тонким венчиком.

Тип 6. Прямостенный плоскодонный стакан.

Основная часть находок (8 экз.) сосредоточена в 10—12-м горизонтах. Они, безусловно, связаны с древней традицией производства каменных сосудов, представленной уже в докерамических горизонтах Джармо и синхронных поселениях Загроса и смежных территорий 79. Подобные сосуды сохраняются и в керамических слоях, в том числе непосредственно хассунских, и прежде всего в Телль Сотто⁸⁰, Кюллитепе⁸¹ и Умм Дабагии⁸², где представлены исследуемые типы 1—5. Позднее количество и многообразие их несколько уменьшаются, но все же в хассунское (особенно в раннехассунское) время они встречаются в Загросе⁸³, в долине Месопотамии⁸⁴ и в Дех Луранской долине⁸⁵. Отметим в этой связи, что тип 2 (по нашей классификации), представленный лишь в девятом горизонте, соответственно находит аналогии не в ранних памятниках, а лишь на фазе Сефид Дех Луранской долины⁸⁶. В Ярымтепе I можно говорить о постепенном ослаблении этой традиции, что мы видели на примерах и других реминисценций предшествующих культур. Теперь нет оснований противопоставлять в этом аспекте загросские поселения поселениям долины и считать, что в долине каменные сосуды разнообразных форм появились не ранее второй половины хассунского периода, когда они представлены в Самарре и Телль эс-Савване⁸⁷.

Мраморные и алебастровые палетки, связанные, судя по находкам в Телль Сотто и Умм Дабагии, с той же древней традицией, обнаружены только в нижних горизонтах Ярымтепе I (табл. 15)⁸⁸. Их семь. Можно выделить четыре типа.

Тип 1. В виде уплощенной чаши, круглые в плане, серповидные в сечении, углубленные (рис. 37, 2).

Тип 2. Овальные в плане, плоско-выпуклые, слабоуглубленные.

Тип 3. Круглые в плане, прямоугольные в сечении.

Тип 4. Прямоугольные в плане, плоско-выпуклые, слабоуглубленные. В помещении 234 (восьмой горизонт) рядом с двумя палетками и на их поверхностях найдены скопления красной охры.

Древнейшие изделия этой категории представлены уже в Джармо⁸⁹. Мраморная палетка типа 2 (по нашей классификации) найдена в Телль Хассуне⁹⁰.

Все каменные изделия носят следы намеренной обработки. Кроме того, в качестве палеток и мелких терочников употреблялись необработанные речные гальки, встреченные во всех горизонтах и часто с характерными следами сработанности⁹¹.

Костяные изделия (рис. 38). Набор костяных изделий ограничен. Большинство их составляют шилья, количество которых в нижних горизонтах невелико — 33 экз. В последующих горизонтах оно заметно возрастает, но формы шильев варьируют мало. В большинстве своем они сделаны из ножных костей мелких травоядных с сохранившимися эпифизами (24 экз.) или без них (8 экз.); в одном случае — из расщепленной такой же кости. Одно шило, найденное в 12-м горизонте, сделано из рога.

Эта обычная форма костяных шильев чрезвычайно широко распространена во времени и в пространстве. Она хорошо известна в Джармо⁹², в Телль Сотто и Умм Дабагии⁹³. На поселениях Дех Луранской долины подобные шилья найдены в слоях всех фаз, начиная с Бас Мордех⁹⁴. Значительная серия их известна в Хассуне⁹⁵. Ф. Сафар подчеркивает, что обработке (затачиванию и полировке) подвергался только их конец, но в отдельных случаях заострялись и боковые грани. Функциями этого орудия он считает прокалывание шкур, а также, возможно, нанесение резного орнамента на сосуды⁹⁶.

В восьмом горизонте найдена игла с ушком, сделанная из расщепленной длинной кости и тщательно отполированная. Такие иглы также появляются весьма рано: в Загросе они известны в Джармо и Тепе Гуране⁹⁷; в Дех Луранской долине — начиная с фазы Мохаммад Джафар⁹⁸ и далее на фазах Сефид, Сурк и переходной Шога Мами⁹⁹.

Рис. 38. Ярымтепе I. Костяные орудия

Таблица 15. Распределение находок каменных сосудов и палеток различных типов по горизонтам

Горизонт	Каменные сосуды						Палетки			
	тип 1	тип 2	тип 3	тип 4	тип 5	тип 6	тип 1	тип 2	тип 3	тип 4
Восьмой	—	—	1	—	—	—	1	1	—	1
Девятый	—	1	—	—	—	—	1	1	—	—
Десятый	—	—	—	1	—	1	—	—	1	—
11-й	—	—	2	—	1	—	1	—	—	—
12-й	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Котлованы в материке	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Всего	1	1	4	1	1	2	3	2	1	1

Таблица 16. Распределение находок костяных изделий в нижних горизонтах

Горизонт	Шилья	Иглы	Пластины (шпатели, лощила и др.)	Пластины с лопастью	Кости с насечками
Восьмой	10	—	4	1	—
Девятый	6	—	1	1	—
Десятый	10	1	3	—	1
11-й	6	—	2	—	—
12-й	—	—	1	—	—
Котлованы в материке	1	—	—	—	—
Всего	33	1	11	2	1

Длинные (до 25 см) плоские костяные пластины с округленным краем и залощенной поверхностью могли служить шпателями или лощилами. В нижних горизонтах их найдено 11. Обычно они сопутствуют шильям как на синхронных исследуемому¹⁰⁰, так и на более ранних поселениях¹⁰¹. Не исключена возможность и других функций этих пластин. Особое внимание обращает на себя пластина из 12-го горизонта, конец которой отделен узкой поперечной каннелюрой, явно предназначенной для привязывания пластины; последняя могла служить центральной накладкой лука¹⁰². Прямые аналогии этой находке, подтверждающие такое предположение, нам неизвестны, но отметим, что фрагмент пластины с четырьмя поперечными каннелюрами найден в Шага Сефид¹⁰³. В этом же памятнике¹⁰⁴, а также в последующих горизонтах рассматриваемого поселения найдены пластины с орнаментальной нарезкой, которые также не могли быть лощилами. То же следует сказать и о длинных (25 см) экземплярах. Поэтому еще раз подчеркнем многофункциональность костяных пластин.

Сделаны пластины в большинстве своем из ребер крупных травоядных. Две иные пластины найдены в восьмом и девятом горизонтах: они вырезаны из более толстых плоских костей (лопаток) крупных травоядных и обе заканчиваются односторонним расширением — лопастью; у одной из них заострен нижний край лопасти, у другой — противоположная лопасти боковая грань. Размеры пластины из восьмого горизонта $6 \times 1,5 \times 0,3$ см, пластины из девятого горизонта — $8 \times 2 \times 0,3$ см.

Наконец, должна быть отмечена находка в 10-м горизонте части лопатки крупного травоядного с серией коротких вертикальных насечек. На данном экземпляре их 12. В последующих горизонтах кости с подобными насечками (от 9 до 28) найдены еще шесть раз, из них пять лопаток и тазовых костей и одна длинная кость. Весьма вероятна связь этих находок с определенной системой счета¹⁰⁵. Подобные кости известны в Телль Хассуне¹⁰⁶ и других раннеземледельческих поселениях Переднего Востока.

Распространение находок костяных изделий разных категорий по исследуемым строительным горизонтам показано в таблице 16.

- ¹ *Hole F., Flannery K. V., Neely J. A.* Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain. An Early Village Sequence from Khuzistan, Iran. Ann Arbor, 1969, p. 74; *Hole F. Studies in the Archaeological History of the Deh Luran Plain. The Excavation of Chagha Sefid.* Ann Arbor, 1977, p. 149, 150, tabl. 37; 38.
- ² *Mortensen P.* A Sequence of Flint and Obsidian Tools from Choga Mami.—Iraq, 1973, Spring, v. XXXV, p. 53.
- ³ Ibidem.
- ⁴ *Lloyd S., Safar F.* Tell Hassuna. Excavations by the Iraq Government Directorate Generale of Antiquities in 1943 and 1944.—JNES, 1945, October, v. IV, N 4, p. 268, 269, fig. 22—24.
- ⁵ *Gadir al-Tekriti A.* The Flint and Obsidian Implements of Tell es-Sawwan.—Sumer, 1968, v. XXIV, p. 53—55.
- ⁶ *Mortensen P.* Tell Shimshara. The Hassuna period. København, 1970, p. 27.
- ⁷ *Kirkbride D.* Umm Dabaghiyah, 1971. A Preliminary Report.—Iraq, 1972, v. XXXV, p. 5.
- ⁸ *Kirkbride D.* Umm Dabaghiyah, 1972.—Iraq, 1973, v. XXXV, p. 1, 2.
- ⁹ *Oates J.* Choga Mami 1967—1968. A Preliminary Report.—Iraq, 1969, Autumn, v. XXXI, p. 115.
- ¹⁰ *Mortensen P.* A Sequence of Flint and Obsidian..., p. 39.
- ¹¹ Ibid., tabl. I, II, a, b.
- ¹² *Mortensen P.* Tell Shimshara..., p. 27 sqq.
- ¹³ Ibid., p. 28, fig. 21, 34.
- ¹⁴ Район Северо-Восточного Ирака, в котором расположена Шимшара.
- ¹⁵ *Mortensen P.* Tell Shimshara..., p. 41.
- ¹⁶ Ibid., p. 46.
- ¹⁷ *Renfrew C.* The Sources and Supply of the Deh Luran Obsidian.—In: *Hole F., Flannery K. V., Neely J. A.* Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain. Appendix III; *Renfrew C.* The Later Obsidian of Deh Luran — the Evidence of Chaga Sefid.—In: *Hole F. Studies...*, Appendix II, p. 289—310.
- ¹⁸ *Renfrew C.* The Later Obsidian..., p. 289, fig. 112.
- ¹⁹ *Mortensen P.* A Sequence of Flint and Obsidian..., p. 38.
- ²⁰ *Hole F. Studies...*, p. 150, tabl. 38.
- ²¹ *Renfrew C.* The Sources..., p. 429 sqq.; *Hole F. Studies...*, p. 148.
- ²² *Hole F. Studies...*, p. 24 sqq., tabl. 3; 38.
- ²³ Ibid., p. 24; *Renfrew C.* The Later Obsidian..., p. 309, 310.
- ²⁴ *Mortensen P.* A Sequence of Flint and Obsidian..., p. 38, 39, reference 12.
- ²⁵ Ibid., p. 52, reference 29.
- ²⁶ *Mortensen P.* A Sequence of Flint and Obsidian..., pl. XVI, 1a. Ср. нуклеусы из Шара Сефид (см.: *Hole F. Studies...*, fig. 78, 79).
- ²⁷ *Mortensen P.* A Sequence of Flint and Obsidian..., pl. XVII, 2. Ср.: *Hole F. Studies...*, fig. 77.
- ²⁸ *Mortensen P.* A Sequence of Flint and Obsidian..., pl. XVI, 1b, d.
- ²⁹ *Hole F. Studies...*, p. 184, fig. 74.
- ³⁰ *Mortensen P.* A Sequence of Flint and Obsidian..., pl. XVIII, 3a—c, e—g.
- ³¹ Ibid., p. 41.
- ³² Ibidem.
- ³³ Ibid., pl. XX, 5a, b.
- ³⁴ Ibid., 5g—h.
- ³⁵ Ibid., 5i—k.
- ³⁶ *Mortensen P.* A Sequence of Flint and Obsidian..., p. 44, pl. XXI, 6a—c; *Hole F. Studies...*, p. 160, fig. 56, h.
- ³⁷ *Mortensen P.* A Sequence of Flint and Obsidian, pl. XXI, 6d; *Hole F. Studies...*, fig. 59, i.
- ³⁸ *Mortensen P.* A Sequence of Flint and Obsidian..., pl. XXII, 9c.
- ³⁹ Состав этой группы совершенно аналогичен находкам в Телль Хассуне. См.: *Lloyd S., Safar F.* Tell Hassuna, fig. 22, 1—8, 11—14; 23, 2, 10; 1, 9.
- ⁴⁰ Приносим глубокую благодарность Г. Ф. Коробковой, произведшей трасологический анализ орудий из Ярымтапе I и II в лаборатории ЛОИА АН СССР.
- ⁴¹ *Hole F. Studies...*, p. 106.
- ⁴² *Mortensen P.* A Sequence of Flint and Obsidian..., p. 53.
- ⁴³ *Kirkbride D.* Umm Dabaghiyah, 1971, p. 11, pl. XVIII.
- ⁴⁴ *Lloyd S., Safar F.* Tell Hassuna..., fig. 22, 9, 10.
- ⁴⁵ *Kirkbride D.* Umm Dabaghiyah, 1971, pl. XVII, 6, 7; *Eadem.* Umm Dabaghiyah, 1972, p. 6.
- ⁴⁶ *Kirkbride D.* Umm Dabaghiyah, 1971, p. 11.
- ⁴⁷ Это подтверждено и трасологическим анализом двух пластин.
- ⁴⁸ *Lloyd S., Safar F.* Tell Hassuna, p. 269, fig. 21, 7, 9.
- ⁴⁹ *Mortensen P.* Tell Shimshara..., p. 52 sqq., fig. 43, f; 44; 45, a—e.
- ⁵⁰ *Бадер Н. О.* Раннеземледельческое поселение Телль Сотто (по раскопкам 1971, 1973—1974 гг.) — СА, 1975, № 4, с. 108, рис. 8.
- ⁵¹ *Kirkbride D.* Umm Dabaghiyah, 1971, pl. VII, 9—13; *Eadem.* Umm Dabaghiyah, 1972, pl. IX, c.
- ⁵² *Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan.—SOAC, 1960, N 31, p. 45.
- ⁵³ *Kenyon K.* Diggings up Jericho. N. Y., 1957, p. 58.

- ⁵⁴ Braidwood R. J., Howe B. et al. Near Eastern Prehistory.— Science, 1960, v. 131, p. 1536—1541.
- ⁵⁵ Hole F. Studies..., p. 209, 210, pl. 50c.
- ⁵⁶ Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1972, p. 5, pl. IX, b.
- ⁵⁷ Tobler A. Excavations at Tepe Gawra. Philadelphia, 1950, v. II, p. 203.
- ⁵⁸ Braidwood R. J., Howe B. Prehistoric Investigations..., p. 45.
- ⁵⁹ Считается, что подобные изделия могли служить наперстками-утяжелителями для палок-копалок, от булав же их отличает менее четко выработанная форма и грубость обработки. Однако некоторые из них слишком массивны для утяжелителей, а наряду с «парадными» булавами, булавами — символами власти, могли существовать и рядовые, отнюдь не столь тщательно выполненные охотничьи и боевые булавы.
- ⁶⁰ Braidwood R. J., Howe B. Prehistoric Investigations..., p. 45; Braidwood R. J. From Cave to Village in Prehistoric Iraq.— BASOR, 1951, N 124, fig. 11.
- ⁶¹ Hole F., Flannery K. V., Neely J. Prehistory and Human Ecology..., p. 176, fig. 76.
- ⁶² Hole F. Studies..., p. 201, fig. 82, a, 83, a — b; pl. 45, g — h.
- ⁶³ Braidwood R. J. From Cave to Village..., fig. 11.
- ⁶⁴ Hole F., Flannery K. V., Neely J. Prehistory..., p. 171; Hole F. Studies..., p. 201, fig. 80, 81.
- ⁶⁵ Braidwood R. J. The Near East and the Foundations for Civilization. Oregon, 1952, fig. 6.
- ⁶⁶ Mortensen P. Tell Shimshara..., p. 58, fig. 46, a — b, 47, a — b.
- ⁶⁷ Hole F., Flannery K. V., Neely J. Prehistory..., p. 171 sqq., fig. 70—74.
- ⁶⁸ Авторы раскопок в Дех Луранской долине именуют их «булкообразными» (Loaf-Shaped). См.: Hole F., Flannery K., Neely J. Prehistory..., p. 182, fig. 78, q, r; Hole F. Studies..., p. 206, fig. 85, a, b, d, g, i.
- ⁶⁹ Hole F., Flannery K. V., Neely J. Prehistory..., p. 186; Hole F. Studies..., p. 208, pl. 464, 47, a, b, d.
- ⁷⁰ Коллекция Багдадского национального музея.
- ⁷¹ Hole F. Studies..., p. 206, 208; pl. 46, k — o, s — u, bb.
- ⁷² Mortensen P. Tell Shimshara..., p. 53, fig. 43, a, b; 46, d, f.
- ⁷³ Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna, p. 262, 269, fig. 19, 1—3; 20, 1—3.
- ⁷⁴ Hole F., Flannery K. V., Neely J. Prehistory..., p. 189, fig. 81, a; pl. 34, a, b.
- ⁷⁵ Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna, fig. 20, 3.
- ⁷⁶ Hole F. Studies..., p. 209, pl. 49, c, f (особенно: h — i).
- ⁷⁷ Stronach D. The Excavations at Ras al-Amiya.— Iraq, 1961, v. 23, p. 105.
- ⁷⁸ Le Breton L. Note sur le céramique peinte aux environs de Suse et à Suse.— MMAJ, 1947, v. 30, fig. 17, 1—3; Doli-fus G. Les fouilles à Djaffarabad de 1969 à 1971.— CDAFI, 1971, v. I, fig. 26.
- ⁷⁹ Braidwood R. J., Howe B. Prehistoric Investigations..., p. 45; Mortensen P. Early Village-Farming occupation.— In: Meldgaard J., Mortensen P., Thrane H. Excavations at Tepe Guran, Luristan.— Acta Archaeologica, 1964, v. 39, p. 110—121; Smith P. E. L. Ganj Dareh Tepe.— Iran, 1970, v. 8, p. 178 sqq.; Hole F., Flannery K. V., Neely J. Prehistory..., p. 107.
- ⁸⁰ Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто..., с. 108.
- ⁸¹ Находки Н. О. Бадера 1976 г.
- ⁸² Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1972, pl. II, 1—11.
- ⁸³ Mortensen P. Tell Shimshara..., p. 47, fig. 38.
- ⁸⁴ Особняком стоит здесь великолепная коллекция алебастровых сосудов из Телль эс-Саввана.
- ⁸⁵ Hole F. Studies..., p. 139 sqq., fig. 55.
- ⁸⁶ Ibid., fig. 55, g.
- ⁸⁷ Mortensen P. Tell Shimshara..., p. 57.
- ⁸⁸ Единичные палетки из пятого горизонта заметно массивнее, грубее и сделаны из известняка.
- ⁸⁹ Braidwood R. J., Howe B. Prehistoric Investigations..., p. 45.
- ⁹⁰ Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna, pl. X, 1.
- ⁹¹ Ср.: Hole F. Studies..., pl. 50, m — o.
- ⁹² Braidwood R. J., Howe B. Prehistoric Investigations..., p. 46.
- ⁹³ Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1971, pl. VII, 4, 5, 8, 22, 24—27; Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто..., рис. 8.
- ⁹⁴ Hole F., Flannery K. V., Neely J. Prehistory..., p. 215, fig. 92; Hole F. Studies..., p. 220, fig. 88, a — g, i; pl. 53, a — i.
- ⁹⁵ Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna, pl. X, 2.
- ⁹⁶ Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna, p. 268.
- ⁹⁷ Braidwood R. J., Howe B. Prehistoric Investigations..., p. 46; Mortensen P., Flannery K. En af aveden's ældste landsbyer.— In: Nationalmuseets Arbejdsmark. København, 1966, fig. 11.
- ⁹⁸ Hole F., Flannery K. V., Neely J. Prehistory..., p. 214, fig. 93, a, b.
- ⁹⁹ Hole F. Studies..., p. 221, fig. 88, h; pl. 53, m, n. Следует отметить, что находка из Шага Сефид является абсолютным аналогом нашей.
- ¹⁰⁰ Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna, pl. X, 2; Mortensen P. Tell Shimshara..., p. 58, fig. 49, d.

¹⁰¹ Braidwood R. J., Howe B. Prehistoric Investigations..., p. 46; Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1971, pl. VII, 28.

¹⁰² Это весьма вероятное предположение высказано сотрудником экспедиции А. В. Кузой.

¹⁰³ Hole F. Studies..., fig. 88, k.

¹⁰⁴ Ibid., fig. 88, j.

¹⁰⁵ Mellaart J. The Neolithic of the Near East. London, 1976, p. 147.

¹⁰⁶ Коллекция Багдадского национального музея.

Глава 7

ПРОЧИЕ НАХОДКИ

Мелкие изделия представлены прежде всего пряслицами для веретен (рис. 39). Их найдено 106, из них 27 — в нижних горизонтах (табл. 17). Среди последних могут быть выделены два типа.

Тип 1. Биконические пряслица. Сделаны из глины (20 экз.), алебастра (4 экз.), мрамора (1 экз.).

Тип 2. Конические пряслица. Сделаны из глины (1 экз.) и гипса (1 экз.). Оба типа широко распространены на хассунских и самаррских поселениях¹. Ф. Сафар подчеркивает, что они обычны для всего Среднего Востока². Значительное количество их найдено и на поселениях

Таблица 17. Распределение находок пряслиц по типам и строительным горизонтам

Горизонт	Тип 1		Тип 2		Горизонт	Тип 1		Тип 2	
	глиняные	каменные	глиняные	каменные		глиняные	каменные	глиняные	каменные
Восьмой	7	5	1	1	11-й	2	—	—	—
Девятый	4	—	—	—	12-й	2	—	—	—
Десятый	5	—	—	—	Всего	20	5	1	1

культуры Телль Сотто и Умм Дабагии³. В Дех Луранской долине древнейшие пряслица на фазе Мохаммад Джафар сделаны из просверленных черепков⁴; позднее, начиная с фазы Сефид и особенно на фазе Сабз, распространяются как дисковидные, близкие исследуемым, так и «звездовидные» пряслица, в хассунских поселениях не представленные и знаменующие иную традицию⁵.

Двумя отмеченными типами ограничивается коллекция пряслиц и из верхней половины культурного слоя Ярымтепе I. Заметно возрастает лишь число находок, особенно из камня: в нижней половине слоя их шесть; в верхней — 28. Отметим также отсутствие в рассматриваемых горизонтах орнаментированных пряслиц. Выше, в четвертом горизонте, найдено пряслице с ногтевым орнаментом. В Телль Хассуне зафиксированы расписные экземпляры.

Биконические изделия из обожженной (иногда слабообожженной) глины, так называемые пули для пращи, в нижних горизонтах чрезвычайно редки. Два найдены в девятом и два — в восьмом горизонте; выше они зафиксированы в значительном количестве: только в пятом горизонте их 48 экз. Правда, появление этих изделий можно отнести

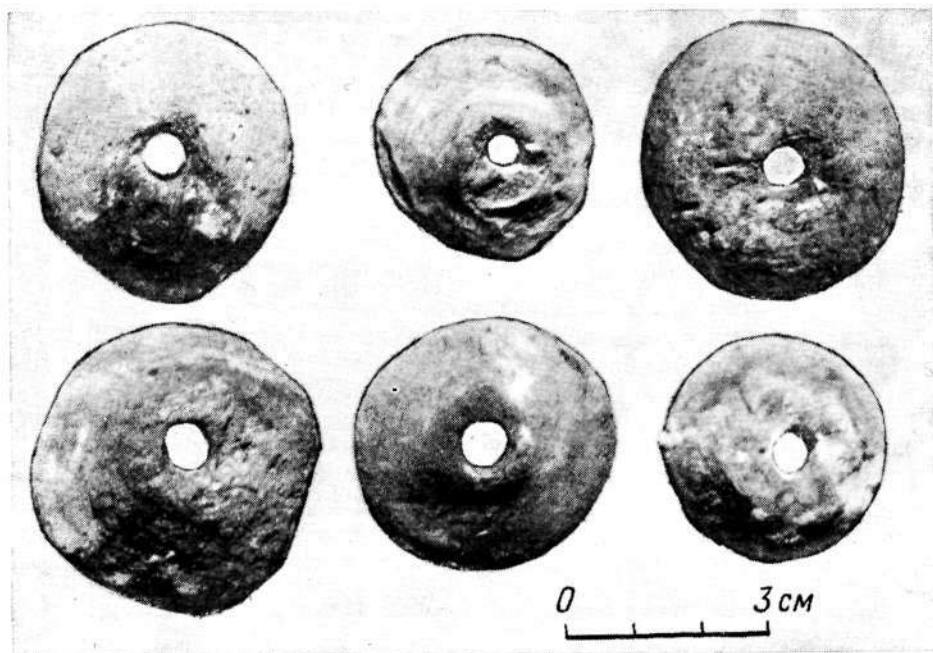

Рис. 39. Ярымтепе I. Глиняные и алебастровые прыслица

к дохассунскому времени, о чем свидетельствуют находки в Телль Сотто и Умм Дабагии⁶. Но в основном они представлены в развитых хассунских и самаррских слоях⁷ и далее, без каких-либо изменений, на халафских и убейдских поселениях⁸. Для поселений Дех Луранской долины эта группа изделий не характерна, находки их немногочисленны и зафиксированы лишь на фазах Сефид и Сурк⁹.

Функциональное определение этих биконических предметов глубоко условно и требует дальнейшего рассмотрения. Отметим в этой связи, что и на исследуемом поселении, и в Телль Хассуне их часто находили вблизи печей и очагов и даже внутри них¹⁰.

Украшения представлены прежде всего бусами. В культурном слое поселения их найдено 330 экз., в том числе 123 экз. — в рассматриваемых строительных горизонтах. Подавляющее большинство найденных в нижней части слоя бусин сделано из различных видов камня: мрамора, серпентина, сердолика, лазурита, известняка, кварцита, горного хрусталя, халцедона, алебаstra (рис. 40; 41). Особо должны быть отмечены обсидиановые и бирюзовые бусы. Последние встречены в 21 случае и только в нижних горизонтах. Находки заготовок и экземпляров, не завершенных производством, позволяют предполагать изготовление части каменных бус на самом поселении.

Бусы из других материалов здесь единичны: в восьмом горизонте найдена одна костяная бусина; в 10-м — одна и в 12-м — три бусины из морских раковин. Глиняных бусин в ранних горизонтах нет, впрочем, и выше, в третьем горизонте, найдена лишь одна крупная глиняная

цилиндрическая бусина. Это отличает Ярымтепе I от некоторых хронологически близких и более ранних памятников смежных территорий, где глина применялась для производства бус чрезвычайно широко. Так, в Умм Дабагии, несмотря на наличие каменных и раковинных бус¹¹, глиняные экземпляры составляли весьма значительный процент, что вызвало предположение Д. Киркбрайд о трудностях добычи камня в «негостеприимном окружении» этого поселка¹². Огромное число глиняных бус, многообразных по форме и иногда раскрашенных, подчеркнуто Д. Отс для Шога Маи¹³. С другой стороны, весьма близкое исследуемому памятнику распределение материалов, использованных для изготовления бус, зафиксировано в Телль Хассуне¹⁴. Известна там и бирюза, которую Ф. Сафар называет «наиболее интересным импортным материалом, редким в раннем Ираке»¹⁵. В этой связи можно отметить распространение бирюзовых бус и прочих украшений в Дех Луранской долине Юго-Западного Ирана: они найдены здесь уже на синхронной докерамическому Джармо¹⁶ фазе Али Кош, особенно в погребениях этой фазы, в том числе и наиболее ранних¹⁷. Вряд ли можно

сомневаться в иранском происхождении бирюзы, найденной и на раннеземледельческих поселениях Месопотамии. Бирюзовые бусы появляются здесь еще в дохассунский период, что засвидетельствовано находками в нижнем слое Телль Сотто; особенно обильны они в хронологически близких последнему погребениях, совершенных под полами первого (нижнего) слоя Телль эс-Саввана¹⁸. Возможно, что наличие бирюзовых бус лишь в нижней части слоя Ярымтепе I связано с этой ранней традицией и ранней системой контактов. Распространения в этот период изделий и материалов из отдаленных областей мы уже касались в связи с обсидианом. О таком же распространении свидетельствуют и бирюзовые бусины, а также бусины из морских раковин, в том числе *dentalium*. Последние найдены и в Умм Дабагии, Д. Киркбрайд видит в них свидетельства связей с побережьем скорее Средиземного моря, нежели Персидского залива¹⁹.

Наиболее типологически многообразны каменные бусы. Предлагается общая их классификация с выделением основных типов и колористической характеристикой каждого из них²⁰. Особо отметим типы бирюзовых бус, поскольку в Ярымтепе I найдены не только отдельные их экземпляры, но и целые ожерелья.

Рис. 40. Ярымтепе I. Бусы и подвески

Тип 1. Ромбические уплощенные бусы. В сечении они также ромбические или в виде низкого равнобедренного треугольника. Все относительно крупные (4,5×4 см). Сделаны из желто-серого дымчатого халцедона, серого (змеевик?) или зеленоватого (нефрит?) камня.

Тип 2. Овальные уплощенные бусы. Размеры средние (длина до 1,5 см). Сделаны из голубого (лазурит?), серого, зеленоватого камня.

Тип 3. Цилиндрические бусы. Размеры различны (длина от 0,5 до 3 см). Сделаны из темно-серого, черного, белого, вишневого камня, а также из бирюзы.

Тип 4. Бочонкообразные бусы. Размеры средние (длина от 1 до 2 см). Сделаны из вишневого и кремового (алебастр) камня.

Тип 5. Трубочатые бусы. Размеры различны (длина 0,5—3 см, диаметр от 0,2 до 1 см). Сделаны из черного и белого камня.

Тип 6. Веретенообразные бусы. Длина до 2,5 см, диаметр до 0,8 см. Сделаны из темно-серого и розового камня, а также из бирюзы.

Тип 7. Кольцевидные бусы. Размеры различны (диаметр от 0,4 до 1 см). Сделаны из черного, темно-серого, красного, желтого (сердолик), розового (мрамор), белого камня.

Тип 8. Дисковидные бусы. Диаметр от 0,75 до 1,0 см. Сделаны из красного камня (сердолик), а также из горного хрусталя.

Тип 9. Шаровидные бусы. Диаметр от 0,3 до 0,5 см. Сделаны из голубого (лазурит) камня, а также из бирюзы.

Тип 10. Треугольные уплощенные бусы с вогнутым основанием. Длина до 1 см. Сделаны из зеленоватого камня.

Тип 11. Трапецевидные уплощенные бусы. Длина до 1 см. Сделаны из голубого камня (лазурит?).

Тип 12. Уплощенные прямоугольные бусы. Все четыре стороны несколько вогнуты. Сечение сигаровидное. Длина до 1 см. Сделаны из темно-серого камня.

Тип 13. Брусковидные (в форме параллелепипеда) бусы. Длина до 1 см. Сделаны из бирюзы.

Тип 14. Трехчастные и двучастные круглые в сечении пронизки. Длина до 1 см. Сделаны из бирюзы.

Как уже отмечалось, в единичных случаях встречены бусы из других материалов. В восьмом горизонте найдена цилиндрическая (муфтообразная) костяная бусина длиной и диаметром около 1 см. В десятом горизонте обнаружена кольцевидная бусина из морской раковины диаметром до 0,5 см. В 12-м горизонте зафиксированы три бусины из морских раковин: крупная трубчатая (длиной до 2,6 см), кольцевидная перламутровая (диаметр 0,5 см) и просверленная раковина (в табл. 18 входит в седьмой тип).

Некоторые из отмеченных типов отличаются значительной стойкостью, существуя на протяжении всего или почти всего периода жизни поселения. Это касается прежде всего типа 1: крупные уплощенные ромбические бусины из халцедона и камня другого вида встречены не только в нижних горизонтах, но и в седьмом, шестом и втором. То же следует сказать и о бусинах типов 2—5, 7—9. В целом набор бус мало меняется в различных горизонтах. Нет никаких оснований говорить об обогащении его в верхней части слоя. Наоборот, наибольшее многообразие и форм, и окраски бус, наиболее интересные сочетания их в ожерельях (на которых мы остановимся несколько дальше) отмечены в

Рис. 41. Ярымтепе I. Бусы из толоса 319

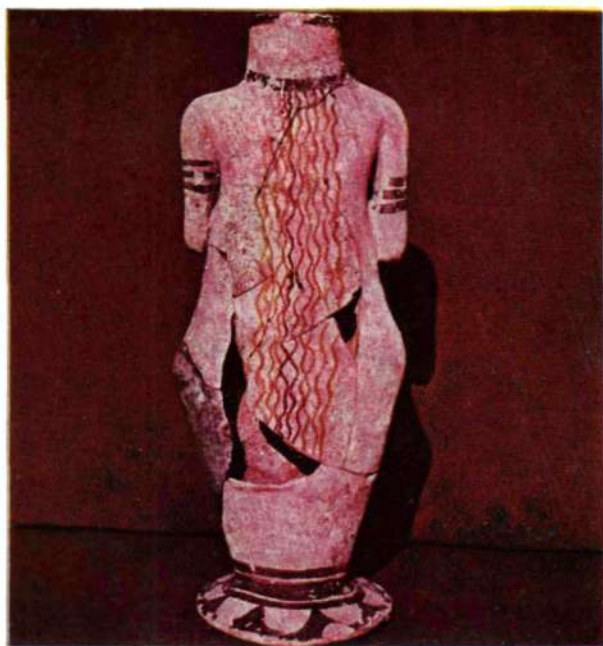
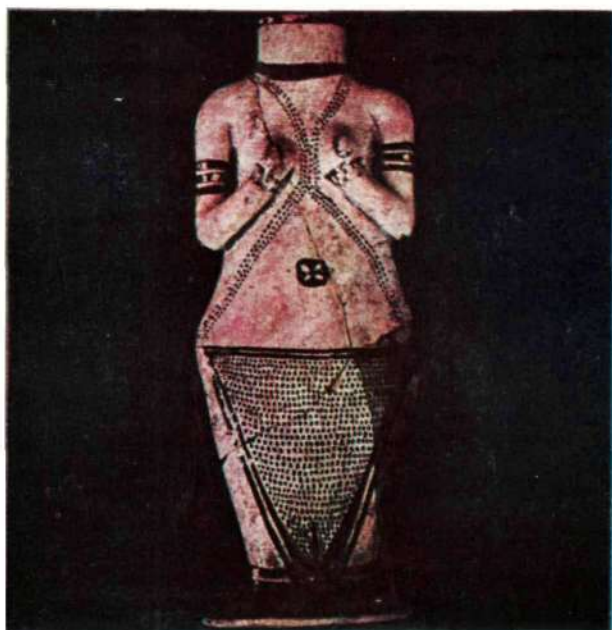

Рис. 41. Ярымтепе II. Антропоморфный глиняный сосуд

Таблица 18. Распределение находок бус по типам в нижних горизонтах

Горизонт	Камень														Кость	Раковина	
	Типы																
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	3	5	7
Восьмой	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	1	—	1	—	—
Девятый	1	—	9	—	—	—	2	—	1	—	—	—	—	7	—	—	—
Десятый	—	1	—	—	—	1	—	10	1	—	—	—	—	2	—	—	1
11-й	—	—	1	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12-й	6	6	3	2	2	1	50	1	—	2	—	1	—	—	—	1	2
Котлованы в материке	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	7	7	13	2	2	3	57	11	2	2	1	1	1	9	1	1	3

Таблица 19. Распределение находок бирюзовых бус по типам в нижних горизонтах

Горизонт	Типы					Горизонт	Типы				
	3	6	9	13	14		3	6	9	13	14
Восьмой	—	1	—	1	—	11-й	—	—	—	—	—
Девятый	9	—	1	—	7	12-й	—	—	—	—	—
Десятый	—	—	—	—	2	Всего	9	1	1	1	9

нижних горизонтах. Только здесь найдены бирюзовые бусы. Выше восьмого горизонта их нет (табл. 19).

Такая стратиграфическая ситуация бирюзовых изделий — расположение их лишь в нижней части слоя — не случайна. В хронологически близких исследуемому поселениям они также встречены только в ранних слоях. В Телль Хассуне немногочисленные бирюзовые бусины найдены в нижних двух слоях²¹. В Телль эс-Савване подобных бус много, но почти все они связаны с погребениями под полами домов первого (нижнего) слоя, синхронного нижним горизонтам Ярымтепе I или несколько предшествовавшего им²². К дохассунскому времени относятся бирюзовые бусы, найденные и в погребениях нижнего слоя Телль Сотто. Наконец, как уже отмечалось, в Дех Луранской долине бирюзовые украшения характерны для ранних и основных погребений фазы Али Кош²³, также предшествовавших Хассуне.

В целом же бусы нижних горизонтов Ярымтепе I представляют весьма развитой уже комплекс, формирование которого обусловлено длительной местной традицией Северной Месопотамии и столь же традиционными ее связями. В Джармо²⁴ отмечается коллекция бус, более разнообразная, чем где бы то ни было в этом районе²⁵; наряду с глиняными здесь представлены не менее многочисленные каменные бусины — цилиндрические, биконические, овальные уплощенные, ромбические упло-

щенные, веретенообразные, трубчатые²⁶. И по формам, и по пропорциям они близки находкам в Ярымтепе I. Вместе с тем они находят прямое продолжение в Телль Сотто и Умм Дабагии, где коллекция бус богаче и еще более приближается к нашей: здесь было распространено не менее девяти выделенных нами для Ярымтепе I форм (типы 1—9) каменных бус, а также аналогичные бусы из меди и морских раковин, в том числе *dentalium*²⁷. Естественно, ближайшие аналогии исследуемым материалам представляют бусы Телль Хассуны, где повторяются те же материалы и типы, хотя коллекция в целом по численности и многообразию уступает коллекции Ярымтепе I. Особо отметим находки на эпонимном поселении больших ромбовидных халцедоновых бус²⁸, видимо, весьма характерных для хассунской культуры в целом.

Значительный интерес представляют находки в Ярымтепе I целых ожерелий. Некоторые из них монохромны и состоят из бусин, близких по формам и выполненным из единого материала. Так, низка бирюзовых бус найдена в девятом горизонте у отвора печи на участке 37b-1. Она состояла из девяти цилиндрических бусин и пяти трехчастных пронизок. Вторая низка бус открыта в десятом горизонте между стенами платформы зернохранилища. В нее входило 10 дисковидных сердоликовых бусин диаметром от 5 до 8 мм.

Сложнее и многообразнее ожерелье из 68 бусин, найденное в 12-м строительном горизонте, в центре толоса 319 (рис. 41). Центральной была в нем большая (4,5×4 см), ромбовидная, с округленными углами, уплощенная бусина из серого камня (змеевик?). По сторонам ее располагались 14 плоских ромбовидных, овальных и трубчатых бусин средних размеров (от 1,2×1 до 2,8×2 см) из халцедона и различных видов камня: серо-желтого, серо-зеленого, светло-зеленого, темно- и светло-серого. Далее были нанизаны трубчатая бусина из раковины (2,6×0,9 см), две бочонкообразные бусины из вишневого камня и одна — овальная из серо-зеленого камня (1,2×0,9 см), две кольцевидные бусины из темно-серого камня (диаметр 7 мм), две — из серо-зеленого (диаметр 6 мм), восемь — из красного и желтого сердолика (диаметр от 2 до 6 мм), одна — из перламутра, одна — из горного хрусталя, 35 мелких кольцевидных (диаметр 3—2 мм) из голубого (лазурит?), зеленого и желтого (сердолик) камня.

Эта находка может считаться наиболее яркой и интересной из числа украшений хассунской культуры, известных до сего времени.

Подвески (рис. 40, а). Довольно редки в слое исследуемого поселения. Всего найдено 14 экз., из них лишь три — в нижних горизонтах и один — в материковом котловане. Эта подвеска сделана из тонкой обсидиановой пластины, имеет неправильную округлую форму и снабжена двумя отверстиями для подвешивания. Размеры ее 5,3×4,7×0,3 см.

Подобная обсидиановая подвеска несколько меньших размеров, с двумя отверстиями для подвешивания найдена в помещении 324 11-го горизонта.

В 12-м горизонте на поверхности материка найдена овальная подвеска из плоской черной гальки размерами 24×14×2 мм. В восьмом горизонте найдена незавершенная каплевидная кварцитовая подвеска размерами 4,2×1,5×1,2 см.

Три первые подвески относятся к простейшему типу, распространенному в ряде районов Ближнего Востока. В Загросе и Северной Месо-

потамии он известен с Джармо, а далее — в Телль Хассуне, синхронных ей и более поздних поселениях²⁹. В Дех Луранской долине подобные подвески единицами встречены на фазе Али Кош и последующих фазах Мохаммад Джафар и Сефид³⁰. Специфические хассунские подвески в виде усеченного конуса со скошенной (от верхней площадки к борту) сверлиной появились позднее, с шестого горизонта.

Каменные браслеты, известные со времени Карим Шахира, весьма многочисленные в Джармо³¹, встречены в Телль Сотто³² и Умм Дабагии. В Ярымтепе I и в Телль Хассуне они единичны. Во всем слое Ярымтепе I найдены лишь два обломка браслетов — в пятом и девятом горизонтах. Браслет из девятого горизонта был изготовлен из

темно-серого камня, имел полукруглое сечение и полированную поверхность. Отметим, что в загросской группе поселений каменные браслеты применялись и в хассунское время, примером чего могут служить находки в Шимшаре³³. То же следует сказать и о Дех Луранской долине, где они известны с фазы Али Кош вплоть до фазы Сефид и переходной фазы Шога Мами³⁴.

Особый интерес представляют каменные печати (рис. 42, 1—3), найденные в культурном слое поселения. Всего их семь. Выделяется два типа — круглые и прямоугольные. Круглые известны пока лишь в верхней части слоя, прямоугольные — от шестого до девятого горизонта. Последние единообразны — прямоугольные печати из серого камня (кварцит?) или алебаstra с ушком на оборотной стороне и резной решеткой — на лицевой.

Печать из девятого горизонта (участок 37d-4) по форме близка квадрату с округленными углами. Размеры 37×34 мм, решетка прямая (четыре горизонтальные и пять вертикальных линий), ушко вертикальное высотой 19 мм, сверление двустороннее.

Печать из восьмого горизонта (участок 27d-1) прямоугольная, размеры 46×34 мм, решетка косая, редкая (9×8 линий), ушко вертикальное высотой 14 мм, сверление двустороннее.

Печать из восьмого горизонта (участок 57a-4) прямоугольная. Размеры 31×24 мм, решетка косая, густая (12×12 линия), ушко вертикальное высотой 12 мм, сверление двустороннее.

Две подобные печати — одна — с прямой, другая — с косой решеткой — найдены в слое шестого горизонта. Таким образом, согласно имеющимся до сих пор материалам, печати этого типа распространены

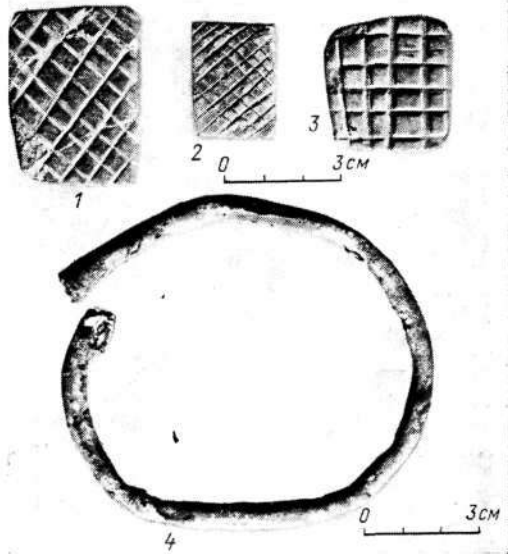

Рис. 42. Ярымтепе I. Каменные печати (1—3) и свинцовый браслет (4)

Таблица 20. Распределение находок металла по горизонтам

Горизонт	Медные изделия	Медная руда	Свинцовые изделия	Горизонт	Медные изделия	Медная руда	Свинцовые изделия
Первый	—	—	—	Седьмой	1	2	—
Второй	—	—	—	Восьмой	—	4	—
Третий	—	—	—	Девятый	—	—	—
Четвертый	—	—	—	Десятый	1	3	—
Пятый	—	1	—	11-й	1	4	—
Шестой	—	4	—	12-й	1	4	1

в средних горизонтах исследуемого поселения: они сосуществуют как с концом архаической, так и с началом стандартной группы хассунской керамики. Следует отметить, что ни среди изданных материалов Телль Хассуны, ни в самаррских поселениях каменные печати не представлены. Нет их и в дохассунских поселениях типа Телль Сотто и Умм Дабагний. Нам известна лишь одна прямая аналогия им: печать из черного камня, найденная на поверхности совместно с хассунской керамикой во время разведок в районе Загроса и экспонированная в Багдадском музее.

Большое значение имеют найденные в культурном слое Ярмтепе I (особенно в нижних горизонтах) металлические изделия и куски медной руды (малахит), свидетельствующие о производстве этих изделий на самом поселении. Эти материалы были уже введены в научный оборот³⁵. Здесь мы ограничимся лишь указанием на регулярность соответствующих находок, которые зафиксированы практически во всех удовлетворительно сохранившихся горизонтах. Кроме того, наряду с мелкими металлическими изделиями (медные бусы и подвески) встречаются и достаточно крупные — в виде свинцового браслета (рис. 42, 4). Распределение находок металла всех видов по строительным горизонтам представлено в таблице 20, при этом учтены все горизонты, выделенные в культурном слое.

³⁵ Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna. Excavations by the Iraq Government Directorate Generale of Antiquities in 1943 and 1944. — JNES, 1945, October, v. IV, N 4, pl. X, 1; Mortensen P. Tell Shimshara. The Hassuna period. København, 1970, fig. 112; Oates J. Choga Mami, 1967—1968. — Iraq, 1969, v. XXXI, p. 131.

³⁶ Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna, p. 269.

³⁷ Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1971. — Iraq, 1972, v. XXXIV, p. 8.

³⁸ Hole F., Flannery K. V., Neely J. Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain. Ann Arbor, 1969.

³⁹ Hole F. Studies in Archaeological History of Deh Luran Plain. Ann Arbor, 1977, p. 216, 217, fig. 87, a, c, d.

⁴⁰ Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1971, p. 8.

⁴¹ Oates J. Choga Mami, p. 131; Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna, p. 271, 272.

⁴² Многочисленные скопления этих изделий зафиксированы в убейдских слоях Тепе Гавры и Ярмтепе III.

⁴³ Hole F., Flannery K. V., Neely J. Prehistory..., p. 213; Hole F. Studies..., p. 233, pl. 51, c — e.

⁴⁴ Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna, p. 273.

⁴⁵ Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1971, p. 8.

⁴⁶ Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1972. — Iraq, 1973, v. XXXV, p. 4.

⁴⁷ Oates J. Choga Mami, p. 130.

⁴⁸ Коллекция Багдадского национального музея.

⁴⁹ Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna, p. 269.

⁵⁰ Hole F. Studies..., p. 27, tabl. 3.

- ¹⁷ *Hole F., Flannery K. V., Neely J. Prehistory...*, p. 248 sqq.
- ¹⁸ Коллекция Багдадского национального музея. *Al-A'dami K. A. Excavation at Tell es-Sawwan.*— *Sumer*, 1968, v. XXIV, p. 57—60.
- ¹⁹ *Kirkbride D. Umm Dabaghiyah*, 1971, p. 8.
- ²⁰ При характеристике форм и расцветки мы ограничиваемся здесь данными лишь исследуемых пяти нижних горизонтов.
- ²¹ Коллекция Багдадского национального музея.
- ²² Коллекция Багдадского национального музея.
- ²³ *Hole F., Flannery K. V., Neely J. Prehistory...*, p. 248 sqq.
- ²⁴ *Braidwood R. J., Howe B. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan.*— *SAOC*, 1960, N 31, p. 46 sqq.
- ²⁵ *Al-Tikriti Sayid Abdul Qadir. Archaeological Evidence for the Neolithic Revolution in the Near East.*— In: *Thisis for the Degree of Master of Art. London University*, 1965, May, p. 85.
- ²⁶ Коллекция Багдадского национального музея. *Бабер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто.*— *СА*, № 4, с. 109.
- ²⁷ *Бабер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто*, с. 109; *Kirkbride D. Umm Dabaghiyah*, 1971, p. 8, pl. VII, 14, 21; *Eadem. Umm Dabaghiyah*, 1972, p. 4, 5, pl. IX, a.
- ²⁸ *Lloyd S., Saffar F. Tell Hassuna*, p. 269, pl. XI, 2.
- ²⁹ Коллекция Багдадского национального музея.
- ³⁰ *Hole F., Flannery K. V., Neely J. Prehistory...*, p. 226, fig. 101, a, b; *Hole F. Studies...*, p. 238, fig. 92, c.
- ³¹ *Braidwood R., Howe B. Prehistoric Investigations...*
- ³² *Бабер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто*, рис. 6.
- ³³ *Mortensen P. Tell Shimshara...*, p. 47 sqq., fig. 41; 42, i — m.
- ³⁴ *Hole F., Flannery K. V., Neely J. Prehistory...*, p. 239, fig. 104; *Hole F. Studies...*, p. 240, pl. 55, a — b.
- ³⁵ *Мернегр Н. Я., Мунчаев Р. М. Древнейшая металлургия Месопотамии.*— *СА*, 1977, № 3, с. 154—163. В настоящей книге они вместе с находками металла из Ярымтепе II подробно рассмотрены в Приложении 3.

Глава 8

НИЖНИЕ ГОРИЗОНТЫ ЯРЫМТЕПЕ I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Более чем шестиметровый культурный слой Ярымтепе I отражает весь период развития хассунской культуры, зафиксированный ранее на эпонимном поселении. Поселок Ярымтепе I также возник на незаселенном ранее месте: дохассунских слоев здесь не было. Существовал же он вплоть до конца периода развития того комплекса признаков, который позволяет говорить о хассунской культуре. По общей структуре слоя, его мощности и периоду накопления Ярымтепе I соответствует Телль Хассуне, отличаясь от Умм Дабагии и Телль Сотто, где поселения хассунской культуры возникли на местах более ранних, но существовали сравнительно недолго, — в период распространения архаической и самого начала стандартной групп хассунской керамики. Финальный период исследуемого поселка озаглавлен значительным распространением самаррской посуды, но безусловно предшествует основанию соседнего поселения халафской культуры Ярымтепе II, да, очевидно, и появлению в данном районе халафской культуры вообще. Анализ материалов верхних горизонтов Ярымтепе I и соотношение их с халафскими памятниками должны стать в дальнейшем предметом специального исследования. Сейчас мы ограничимся лишь упоминанием двух фактов, зафиксированных в ходе наших работ и связанных с проблемой этого соотношения.

Во-первых, семиметровый халафский слой Ярымтепе II непосредст-

венно перекрыл остатки хассунского поселения, располагавшегося в южной части холма. Хассунский поселок существовал как в «архаический», так и в «стандартный» периоды (что документировано находками не только керамики, но и пластики) и по материалу абсолютно аналогичен Ярымтепе I. Здесь может быть зафиксирован второй после Телль Хассуны случай прямой стратиграфии, свидетельствующий о соотношении хассунского и халафского слоев. Однако, если на эпонимном поселении халафские слои (частично VI, VII и VIII) невелики, перемешаны, маловыразительны и содержат, по мнению А. Перкина, лишь материалы позднего этапа халафской культуры, то на Ярымтепе II остатки хассунского поселка перекрыты семиметровым регулярным слоем. Слой этот содержит не менее девяти строительных горизонтов и отражает достаточно длительный период развития халафской культуры, отнюдь не ограничивающийся поздним ее этапом¹.

Во-вторых, некрополь халафского поселения Ярымтепе II возник на склоне холма Ярымтепе I, уже давно запустевшего и успевшего превратиться в телль. Это тоже можно рассматривать как весьма существенный стратиграфический показатель. К сказанному следует добавить полное отсутствие каких-либо следов халафских влияний в хассунском культурном слое Ярымтепе I, в частности и в наиболее поздних его горизонтах.

Приведенные факты полностью исключают возможность сосуществования названных двух поселков, а также скорее всего и представленных ими культур, в Синджарской долине.

Что касается древнейшего для исследуемого поселения 12-го строительного горизонта и практически синхронных ему материалов из материковых котлованов, то по ряду основных показателей они сопоставимы с Хассуной Ia. Это документируется сравнительным анализом как всех керамических форм, представленных в этих слоях, так и ряда специфических видов орнаментации. Весьма важно здесь сравнение с материалами не только Телль Хассуны, но и более ранней культуры Телль Сотто и Умм Дабагич. Именно такое сравнение позволяет установить, с одной стороны, безусловную преемственность в развитии ряда форм и орнаментальных приемов, а с другой — определенные изменения, особенно касающиеся последних. Столь развитая и обильная в дохассунских слоях рельефная орнаментация крупных сосудов² представлена и в Хассуне Ia, и в 12-м горизонте Ярымтепе I в обедненном виде — можно говорить лишь о ее реминисценциях. На обоих поселениях найдены немногочисленные наиболее простые формы налепов, различие в числе их вариантов очень незначительно, в большинстве своем они повторяются. То же следует сказать и о мраморных и алебастровых сосудах: традиция их производства, ранее столь развитая, здесь явно и в равной мере затухает и отражена единичными находками.

Специфические виды росписи, распространенные в Умм Дабагич³, фактически полностью исчезают к началу Телль Хассуны и Ярымтепе I, и единичные образцы, близкие им и найденные в материковых котлованах последнего, не меняют этого положения. Появляется новая, специфически хассунская орнаментальная система — прежде всего роспись, для которой характерны чрезвычайно лаконичные геометрические композиции, причем на ранних этапах эта лаконичность особенно подчеркнута: господствуют простые широкие ленты и строгие прямолинейные фигуры,

залитые краской. Эта роспись резко отлична от сложных криволинейных композиций, отмеченных на сосудах Умм Дабагин. В нижних слоях обоих поселений — Телль Хассуны и Ярымтепе I — заметны первые шаги в выработке новой орнаментальной системы. Нет никаких оснований говорить о различиях между ними в этом аспекте и о сколько-нибудь более заметном архаизме Ярымтепе I. Более того, в 12-м горизонте исследуемого поселка расписная керамика значительно обильнее, чем в Хассуне Ia, где найден лишь один сосуд с простейшим вариантом орнаментации. Дальнейшее увеличение как числа, так и сложности и многообразия расписных орнаментальных схем представлено одними и теми же показателями, как в Хассуне Ia—с, так и в 12—8-м горизонтах Ярымтепе I. Резной орнамент, появляющийся в 10-м горизонте последнего, зафиксирован и в соответствующем ему слое Ib Телль Хассуны⁴. Такой же параллелизм развития отмечается и для других категорий инвентаря: именно в нижних горизонтах обоих поселений найдены и крупные кремневые и обсидиановые пластины, и кремневые стрелы, и топоры одинаковых типов. Приведенные данные подтверждают культурную и хронологическую однозначность Телль Хассуны Ia и древнейшего горизонта Ярымтепе I. Это не позволяет согласиться с попыткой пересмотреть вопрос об их соответствии и отнести 12-й горизонт Ярымтепе I к периоду, предшествующему началу Телль Хассуны⁵.

На обоих поселениях нижние горизонты не только идентичны, но и отражают единый этап в развитии раннеземледельческих культур Северной Месопотамии, этап, ознаменованный формированием собственно хассунского комплекса, который подвергся впоследствии существенным изменениям, но сохранил единую линию развития и преемственность основных показателей на протяжении ряда веков.

Вопрос о связи этого комплекса с предшествующими раннеземледельческими культурами, о месте его в общем процессе их развития в Месопотамии приобрел сейчас особое значение. Сама возможность его постановки определена открытием новых памятников (типа Телль Сотто и Умм Дабагин) и более того, новых культур — предшественниц хассунской культуры в Северной Месопотамии. Н. О. Бадер, исследовавший один из первых памятников этих культур, подчеркнул черты преемственности между ними и хассунской и заключил даже, что «между архаической Хассуной и Телль Сотто может быть намечена генетическая связь»⁶. В этом аспекте материалы Ярымтепе I представляют значительный интерес.

Подчеркнем значение открытой в нижнем 12-м горизонте исследуемого поселения фундаментальной архитектуры, позволяющей говорить о достаточно развитой строительной традиции, о разнообразии построек, а также о выработке определенных принципов планировки строительных комплексов и поселка в целом. Это не только дополняет материалы Телль Хассуны, но и принципиально обогащает их, в корне меняя заключение авторов ее раскопок об отсутствии домостроительства в древнейшем слое поселения и об остатках лишь временных лагерей охотников и скотоводов, не знавших еще земледелия⁷. Нет никаких оснований и для утверждения о появлении древнейших, крайне примитивных однокомнатных домов лишь в перекрывающем эти лагеря слое Хассуны Ib⁸. Сложные многокомнатные постройки 12-го горизонта Ярымтепе I и четко выработанные строительные приемы свидетельствуют о длительной традиции,

сложившейся в предшествующие периоды. Исследования дохассунских поселений Северной Месопотамии (Телль Сотто, Умм Дабагии, Кюллитепе) привели к открытию многочисленных сооружений, планы, детали и строительная техника которых безусловно свидетельствует о преемственности между ними и древнейшим строительным горизонтом Ярымтепе I, о развитии единой традиции. Н. О. Бадер имел все основания писать: «Большие многокомнатные дома, столь типичные для Телль Сотто и Умм Дабагии, обнаружены сейчас и в нижних слоях Ярымтепе I; они должны быть и в нижнем слое Телль Хассуны»⁹.

В развитии этой строительной традиции начало хассунской культуры занимает далеко не первую ступень. Непосредственно предшествующую ей ступень знаменует строительство Телль Сотто и Умм Дабагии, тоже достаточно сложное и развитое. О начале традиции пока можно говорить лишь ориентировочно, во всяком случае истоки ее следует искать в более глубоких хронологических пластах. Мы уже упоминали, что древнейшими прямоугольными конструкциями на территории Месопотамии считались до последних лет дома Джармо (VII тысячелетие до н. э.) со стенами из глиняных «ломтей», возведенными на каменных основаниях. Столь же древние и значительно более яркие образцы такого строительства открыты теперь на стыке Синджарской долины с предгорьями Джебель Синджара, в нескольких километрах от группы Ярымтепе. Хорошо выработанная традиция прямоугольных построек четко представлена здесь на исследуемом Советской экспедицией многослойном докерамическом поселении Телль Магзалия, весь комплекс которого относится ко времени не позже VII тысячелетия до н. э. С этого же времени, если не раньше, они известны и в Южной Турции, где линия их развития прослеживается от домов Чайонкютепе (также уже весьма совершенных)¹⁰ к сложным комплексам Чатал-Уйюка и Хаджилара. То же наблюдается и в примыкающих к Месопотамии районах Юго-Западного Ирана¹¹. Столь же рано традиция эта представлена и в Восточном Средиземноморье, в южной части которого (на территории Палестины и Иордании) она сочетается с традицией круглоплановых жилищ, восходящей, возможно, еще к мезолитическим жилищам натуфийской культуры. Такое сочетание встречено в Бейде. Смена традиций представлена в докерамическом Иерихоне, где переход от круглоплановых к прямоугольным жилищам связывается с усилением северных влияний.

Все это позволяет говорить о развитии домостроительства на Ближнем Востоке задолго до начала хассунской культуры, о достаточно выработанных строительных приемах и различных архитектурных традициях. Не исключена возможность определенного сочетания последних и в самой хассунской культуре, что документируется сосуществованием прямоугольных и круглоплановых сооружений в нижних горизонтах Ярымтепе I. Правда, в основном (жилом и хозяйственном) строительстве первые безусловно господствуют, и в этом смысле хассунская архитектура, как уже говорилось, является прямым наследием архитектуры Телль Сотто и Умм Дабагии. Попутно отметим, что эта же традиция получила раннее (синхронное Телль Сотто) распространение и на более южных территориях Месопотамии, где она в весьма развитом виде представлена в нижнем горизонте Телль эс-Саввана, т. е. в комплексе, сыгравшем роль одного из основных компонентов в процессе формирования самаррской культуры.

Не только архитектура и строительная техника связывают архаическую Хассуну с предшествующей культурой Телль Сотто и Умм Дабагии. Уже упоминались различные категории находок в Ярымтепе I, основные формы которых имеют прямые прототипы в названных ранних поселениях. Это касается кремневых и обсидиановых изделий, а также фактически всего набора каменных орудий и оружия, вплоть до каменных тесел и булав. В определенной мере касается это и керамики. Н. О. Бадер, кратко затронувший этот вопрос, справедливо писал: «Глиняная посуда Хассуны и нижнего слоя Телль Сотто очень близка по тесту и технике изготовления... Грубая кухонная и тонкая посуда второго, третьего и четвертого горизонтов Телль Сотто имеет ряд переходных форм; особенно характерны различные ребристые сосуды и овальные корыта с рифленным дном»¹². Д. Меллаарт также подчеркивал, что в Хассуне, особенно на ранней ее фазе, «много грубой керамики (включая *Husking tray*), заимствованной в культуре Умм Дабагии»¹³. Особенно важны находки в Умм Дабагии и в Телль Сотто больших сосудов с ребром и подносами к дну — прототипов керамики первого вида Ярымтепе I. П. Мортенсен, обсуждая возможность установления единой линии развития керамики от Джармо до Хассуны Ia, подметил полное отсутствие в Джармо сосудов именно этого вида, доминирующего, как он полагал, в ранней Хассуне¹⁴.

Источник этой характерной формы, как и прочих основных форм грубой керамики архаической Хассуны, может считаться теперь установленным с должной достоверностью. В связи с этим, а также с другими данными мысль Н. О. Бадера о генетической связи между Телль Сотто и архаической Хассуну заслуживает внимания¹⁵. Мы не считаем, что эти линии генетической связи достаточны для утверждения однокультурности Телль Сотто и Хассуны, для отнесения их к двум этапам развития единой культуры. Нам представляется более правильным говорить о двух этапах общего развития раннеземледельческого населения Синд-жарской долины и Северной Месопотамии в целом, представленных взаимосвязанными (в том числе и генетически), но самостоятельными культурами¹⁶. Об определенных различиях между ними мы кратко уже упоминали. Они выражены наиболее чувствительными для подобных (по характеру и стадияльной принадлежности) культур показателями — орнаментацией и специфичными формами глиняной посуды. Могут быть названы и прочие различия более общего характера — вплоть до известного упрощения всего облика культуры (сооружения нижнего горизонта Ярымтепе I заметно уступают по сложности плана и технике строительства постройкам Умм Дабагии, исчезают стенная роспись, пластика и пр.) и появления новых культурных элементов, вызванных некоторой перегруппировкой северомесопотамского населения и сыгравших определенную роль в формировании комплекса архаической Хассуны. Новые элементы подчеркиваются Д. Меллаартом, считавшим, что общие черты между Умм Дабагией и Хассуну «перевешиваются различиями между культурами»¹⁷. Однако вывод его, что «происхождение хассунской культуры не ясно ни в коей мере» и что «она явно не развилась из культуры Умм Дабагии»¹⁸, представляется чрезмерно категоричным и неправомерным.

Эти отличия не могут умалить роли культуры Телль Сотто и Умм Дабагии как важнейшего, а скорее всего и основного компонента в процес-

се формирования хассунской культуры. Процесс этот не может считаться абсолютно неясным. Не остается места и для гипотез о привнесении хассунской культуры извне в сложившемся уже виде, о формировании ее из чуждых Северной Месопотамии компонентов, о смене ею местной, гораздо более отсталой культуры охотников и скотоводов¹⁹. Напомним, что еще до открытия памятников типа Телль Сотто П. Мортенсен писал о начале хассунских поселений: «Мне представляется отнюдь не исключенным, что они развились из еще более ранних поселков бассейна Тигра. Соответствующие памятники еще не найдены, и локализация их особенно затруднена тем, что во многих случаях они могут быть перекрыты более поздними слоями или метрами эрозированных материалов. Возможность появления их в один прекрасный день подтверждается недавними неожиданными открытиями в экологических условиях, мало отличных от области Тигра, двух поселений на Евфрате — Мурейбета и Букры, датированных IX—VII тысячелетиями до н. э.»²⁰.

Ныне ранние памятники, о возможности открытия которых прозорливо писал П. Мортенсен, найдены и исследованы. Поселения типа Телль Сотто и Умм Дабагии позволяют с уверенностью говорить о местном субстрате хассунской культуры и на новой, значительно более прочной основе ставить вопрос о ее истоках, основных компонентах и путях формирования. Можно с уверенностью утверждать, что в Северной Месопотамии хассунская культура возникла не на пустом месте и не являлась, как полагали прежде, первой древнейшей земледельческой культурой долины. Нет оснований считать ее непосредственным наследием Джармо или культур джармоского типа²¹, а ее возникновение — результатом распространения загросских земледельцев из предгорий на плодородные почвы Джезиры. Памятники типа Телль Сотто и Умм Дабагии знаменуют важнейшее посредствующее звено между культурами джармоского типа и хассунской²². Они позволяют полагать, что конкретные группы местного субстрата будут определены и для других культур, прежде всего самаррской и халафской, ибо хассунская не может теперь рассматриваться не только как древнейшая, но и как единственная для своего периода раннеземледельческая культура долин Тигра и Евфрата²³.

Что же касается конкретно Синджарской долины, то здесь понятие субстрата может быть углублено в еще большую древность. С полным основанием можно говорить о памятниках, предшествующих Телль Сотто и отражающих более ранние ступени развития стационарных поселков. Эти памятники стадильно и по своей роли в процессе становления раннеземледельческих культур идентичны Джармо, но не могут считаться его дериватом и знаменуют собственный ход развития в предгорьях и долине Синджара, по экологическим условиям мало отличных от соответствующих районов Загроса.

Еще в 1968 г. Джоан Отс отметила материалы, стадильно близкие Джармо, на поселении Телль Гхасал близ Телль Афара. А в 1977 г. в том же районе, на грани долины и предгорий Н. О. Бадер открыл остатки уже упоминавшегося многослойного стационарного поселения Телль Магзалия, восьмиметровый слой которого, практически не содержащий керамики, по всем показателям относится ко времени Джармо, если не к более раннему периоду. Исследования этого и других памятников покажут, в какой мере они связаны с дальнейшим процессом раз-

вития местных культур и прежде всего культуры Телль Сотто (здесь не исключено открытие новых посредствующих звеньев). О том, что прочно оседлые и связанные с процессом становления производящего хозяйства поселения имеют глубочайшие корни в Синджарской долине, можно говорить уже сейчас. В свете последних открытий приведенное П. Мортенсенем сопоставление областей, примыкающих к верхнему Тигру, с зоной расположения столь древних поселений, как Мурейбет и Букра на Евфрате, представляется вполне закономерным. А субстрат раннеземледельческих культур в Северной Месопотамии оказывается распространенным на огромной территории и представленным рядом вариантов.

Можно говорить и о глубочайших корнях и последовательном дальнейшем развитии производящих форм экономики в Северной Месопотамии и в частности в Синджарской долине. Мы не будем касаться здесь дискуссионного вопроса о находке костей domesticiрованной овцы в Шанидаре, хотя подобная же и не вызывающая сомнений находка в нижнем слое холма Али Кош в Дех Луранской долине (фаза Бас Мордех)²⁴ подтверждает возможность ранней доместикации. Данные Джармо в плане древнейшего животноводства ограничены (безусловно зафиксирована домашняя коза, прочие материалы дискуссионны), но продолжение доместикационных процессов в то время сомнений не вызывает. Относительно доместикации растений, прежде всего злаковых, существуют важнейшие свидетельства Джармо²⁵. Соответствующие данные Телль Сотто еще обрабатываются, хотя раннеземледельческий характер поселения несомненен. То же следует сказать и об Умм Дабагии. Д. Меллаарт отмечает, правда, определенное своеобразие экономики этого поселения, которое «находилось на самом краю орошаемой дождями зоны, а гипсовая подпочва исключает здесь возможность ирригации. Поэтому показатели земледелия скудны, и хотя есть некоторые свидетельства эммера, однозернянки и ячменя, горох, чечевица и хлебная пшеница должны были быть привозными, поскольку в безлесой степи они не растут»²⁶. Однако, учитывая распространение культуры Телль Сотто на север, вплоть до предгорий, т. е. уже в основную часть орошаемой дождями зоны, можно считать подобное положение в Умм Дабагии не типичным для культуры в целом.

Что же касается животноводства, то среди остеологического материала, добытого в ходе первых сезонов раскопок Умм Дабагии, были определены пять domesticiрованных животных: овца, коза, корова, свинья и собака²⁷. Преобладает мелкий рогатый скот; корова лишь включается в регулярное стадо и экономического значения еще не имеет²⁸. Роль охоты еще очень значительна: она поставляла мясо онагров, газелей, диких свиней, а иногда зубров и барсуков. Основным объектом охоты были онагры — свыше 60% всех остеологических находок. В целом охота еще заметно превалирует над животноводством: кости домашних животных составляют лишь 10% остеологических находок. И все же они безусловно подтверждают наличие у создателей культуры Телль Сотто полного стада домашних животных (за исключением лошади), далекого от первых шагов доместикации, представленных в Джармо.

Материалы Ярымтепе I документируют следующий шаг в развитии земледельческо-скотоводческой экономики. И свидетельства нижних горизонтов, начиная с 12-го, не менее выразительны, чем данные верхней

части слоя. Характерны уже стационарный, весьма долговременный характер поселка, расположение его в долине, которая до сих пор является одним из наиболее плодородных и активно используемых земледельцами районов Месопотамии. Долговременные поселения могут существовать только на базе земледельческого хозяйства. О длительной его традиции свидетельствуют и достаточно многочисленные специальные сооружения, такие, как зернохранилища и платформы зерносушилок, открытые практически во всех горизонтах, начиная с 10-го. То же следует сказать и о земледельческих орудиях: зернотерки, ступки, терочки встречаются в каждом жилом комплексе. Каменные мотыги единичны, но это характерно, за исключением Телль Хассуны, для всех известных поселений хассунской и самаррской культуры. Лезвия серпов определены Г. Ф. Коробковой с помощью трасологического анализа. Они также найдены во всех горизонтах, начиная с нижнего. Ограниченное их число связано с отмеченной общей немногочисленностью каменного инвентаря, а также, вероятно, с особыми приемами уборки урожая — выдергиванием и обламыванием колосьев, широко практикуемыми поныне в этом районе и не требующими применения специальных орудий.

Наконец, прямые свидетельства земледелия — зерновые остатки — также зафиксированы во всех горизонтах, начиная с 12-го, где, в частности, обгорелое зерно найдено внутри кувшина, сопровождавшего погребение 131 в толосе 333, а также в зольниках у основания стен комплекса XII. Соответствующие материалы находятся в процессе специального изучения, поэтому мы ограничимся лишь общими данными.

Определение палеоботанических остатков, произведенное З. В. Янушевич и Л. В. Прищепенко, позволило выделить два вида пшениц — твердую (*Tr. durum* Desf.) и мягкую (*Tr. aestivum* L.), а также ячмень (*Hordeum* sp.), дикорастущие из семейства злаковых (*Gramineae*) и нуту (*Cicer* sp.).

В 1978 г. Г. Н. Лисицына провела специальную отмывку образцов культурного слоя, в результате которой удалось собрать более 30 обугленных зерновок и семян, принадлежащих различным видам злаковых и бобовых растений. Большая их часть происходит из упоминавшегося зольника 12-го горизонта. Предварительный просмотр этого материала и здесь определил два вида пшениц — твердую (*Tr. durum* Desf.) и спельту (*Tr. spelta* L.), а также ячмень голозерных форм (*Hordeum vulgare* ssp. *nudum*), дикорастущие из семейства злаковых (*Gramineae*) и бобовые (*Leguminosae*)²⁹. Таким образом, важнейшие злаковые представлены в полностью domesticiрованном виде с самого начала жизни поселения, причем по четкости своего проявления и сортовому разнообразию они превосходят соответствующие материалы предшествующих периодов.

То же следует сказать и об остеологических находках, документирующих развитие животноводства. Уже первый осмотр их непосредственно на месте работ Шандором Бёкени показал, что здесь наряду с костями диких животных присутствуют многочисленные кости представителей как мелкого, так и крупного рогатого скота, в том числе и коровы. В дальнейшем эти наблюдения были подтверждены известным советским палеозоологом ныне покойным проф. В. И. Цалкиным. Коллекция обрабатывается В. И. Бибиковой. Отнюдь не предвзято результатов ее исследования, мы с любезного разрешения В. И. Бибиковой приведем лишь

самые общие данные, касающиеся культурного слоя в целом, отметив, что нижние горизонты принципиально не отличаются в этом плане от последующих.

Прежде всего констатируется резкое отличие материалов исследуемого поселения от коллекции Умм Дабагии: в Ярымтепе I дикие животные заметно уступают по численности и роли в общей системе хозяйства домашним животным, а среди последних немалое место занимает крупный рогатый скот, экономическое значение которого не подлежит сомнению. Коллекция из раскопок Ярымтепе I первых двух сезонов содержит, по определению В. И. Бибиковой, кости следующих животных ³⁰:

Крупный рогатый скот (<i>Bos taurus</i>)	143 кости	Лань (<i>Dama mesopotamica</i>)	4 »
Овца (<i>Ovis aries</i>)	171 »	Муфлон (<i>Ovis orientalis</i>)	не менее 18 костей
Коза (<i>Capra hircus</i>)	110 »	Безоаровый козел (<i>Capra aegagrus</i>)	8 »
Овца-коза (<i>Ovis aries et Capra hircus</i>)	380 »	Джейран (<i>Gazella subgutturosa</i>)	14 »
Свинья домашняя и дикая (<i>Sus domestica et Sus scrofa</i>)	355 »	Онагр (<i>Asinus onager</i>)	10 »
Собака (<i>Canis familiaris</i>)	49 »	Леопард (<i>Pantera pardus</i>)	1 »
		Шакал? (<i>Canis aureus</i>)	1 »

Даже если половину трудноопределимых костей свиньи отнести к диким особям, доля костей домашних животных превысит 82% всей коллекции (в Умм Дабагии она составляла лишь 10%). Прогресс животноводства и заметное падение роли охоты в хозяйстве поселения выражены здесь достаточно четко. Согласно этим же данным крупный рогатый скот в стаде поселения составлял не менее 14%, а вместе со свиньями — свыше 30% стада (скорее всего гораздо больше, поскольку учет лишь половины костей свиньи чисто условен). Явная тенденция к увеличению числа домашних животных этих видов весьма характерна для прочно оседлого быта раннеземледельческих поселений.

Аналогичные данные могут быть отмечены и в Телль Хассуне, и в Матарре, и на других синхронных и стадиально близких им поселениях. Мы ограничимся здесь сравнением показателей производящей экономики Ярымтепе I с соответствующими свидетельствами Телль эс-Саввана — поселения, стадиально идентичного исследуемому, синхронного ему, начиная с древнейших горизонтов, и принадлежащего родственной самарской культуре. Здесь карбонизированные растительные остатки зафиксированы во рву, сооруженном в начале древнейшего первого слоя и перекрытого в конце того же слоя. Их исследование показало, что создатели поселка культивировали эммеровую пшеницу, однозернянку, хлебную пшеницу, шестирядный голосемянный и покритосемянный ячмень, лен; особенности хлебной пшеницы, шестирядного ячменя и крупносемянного льна заставляют предполагать существование простейшей ранней ирригации ³¹. Многочисленные зерновые остатки, зернохранилища и сельскохозяйственные орудия последующих слоев документируют продолжение и развитие прочной земледельческой традиции. То же следует сказать и о животноводстве. В Телль эс-Савване с самого начала его существования зафиксированы достаточно четко domesticiрованные козы, овцы и собаки. Весьма скромна при этом (как и на Ярымтепе I) роль охоты, что засвидетельствовано единичными находками костей га-

зели, благородного оленя, зубра, онагра³². В целом данные производящей экономики обоих синстадиальных поселений поразительно идентичны. Они прочно документируют заключение об окончательном сложении основных видов этой экономики в предшествующий период и о господстве их в хозяйственной системе как хассунской, так и самаррской культур с самого начала их существования.

Именно продукты высокоразвитого сельского хозяйства давали населению этого района возможность активного и широкого обмена, необходимость которого правильно подчеркивает Д. Кирибraid в связи с ограниченностью местных природных ресурсов (отсутствием дерева и высококачественных видов камня)³³. В Умм Дабагии, как отмечает исследовательница, все виды камня, «строительный лес и даже некоторые растения, как чечевица и горох, приносились извне»³⁴. То же можно сказать и о Ярымтепе I. Активность и многообразие направлений обмена подтверждаются остатками деревянных конструкций, распространением обсидиановых орудий, обилием бус из перечисленных пород камня, ни один из которых не имеет местных источников. Такие материалы, как обсидиан, мрамор, бирюза, сердолик, паконец, медь, позволяя предполагать связи (скорее всего опосредствованные) с достаточно отдаленными областями: Ираном, Анатолией, Южной Аравией, средиземноморским побережьем. Природным богатством этих областей ранние земледельцы Северного Ирака могли противопоставить лишь фантастическое плодородие своей почвы.

Резюмируя все изложенное, еще раз подчеркнем, что хассунская культура сформировалась на базе давней и активно развивающейся традиции производящей экономики Северной Месопотамии, в среде более ранних земледельческих культур. Последние не только охватывали предгорья и «холмистые фланги», но и далеко вклинивались в долины. Они зафиксированы как в северной части Джезиры, так и на смежных с ней с запада (долина Евфрата) и с востока (Хузистан) территориях. Уже древнейшие земледельческие культуры находились в сложном взаимодействии, в процесс их развития включались все новые группы населения, расширяя и усложняя его. Эти факторы наряду с внутренним развитием определяли дальнейшие этапы истории ранних земледельцев Двуречья и формирование новых культурных общностей. Одной из них и явилась хассунская культура, которую можно рассматривать именно как определенный этап раннеземледельческого развития конкретной группы населения Северной Месопотамии. Этап этот тесно связан с предшествующим, представленным культурой Телль Сотто, но отмечен в то же время определенным своеобразием, обусловленным приведенными выше факторами. Здесь возможно и усиление культурных влияний смежных территорий, как восточных и северо-восточных (Загрос), так и южных и юго-западных, и локальные перемещения отдельных коллективов. Это сложный и многокомпонентный процесс, и поиски единого источника происхождения хассунской культуры представлялись бы теперь методически не оправданными.

В заключение кратко коснемся вопросов хронологической ситуации нижних горизонтов Ярымтепе I, поскольку более детальное рассмотрение периодизации и хронологии материалов поселения будет уместно лишь после публикации их в целом. Что касается нижних горизонтов, то данные их в общем соответствуют периодизации хассунской культуры, пред-

ложеной ранее авторами раскопок эпонимного памятника³⁵, а также А. Перкинс³⁶ и П. Мортенсен³⁷. Вместе с тем материалы Ярымтепе I обусловили необходимость некоторых корректив этих схем. Можно считать окончательно пересмотренным и не подтвердившимся положение С. Ллойда и Ф. Сафара об отрыве слоя Ia Телль Хассуны от собственно хассунской культуры и выделения его материала в «особый комплекс», характеризующийся «грубой неолитической керамикой» и отличный от остального слоя, «халколитический» характер которого определяется расписной керамикой. На Ярымтепе I значительное распространение расписной керамики зафиксировано уже в нижнем 12-м горизонте, идентичном слою Ia Телль Хассуны. Считающаяся же характерным признаком этого слоя «грубая неолитическая керамика» встречается на исследованном нами поселении с 12-го до восьмого горизонта. Эти факты позволяют упразднить понятие «особого комплекса» и утверждать единую линию культурного развития как в Ярымтепе I, так и в Телль Хассуне с момента их возникновения.

Такое единство подтверждается и всеми прочими показателями, вплоть до применения металла и такого важного этнографического признака, как погребальный обряд. В этом смысле Р. Брейдвуд и П. Мортенсен, с самого начала отрицавшие выделение «особого комплекса», оказались совершенно правы³⁸. Но вместе с тем П. Мортенсен соглашался с временным характером древнейших поселков Телль Хассуны, отсутствием там фундаментальных построек и господством грубой неорнаментированной керамики. Он, как и авторы раскопок, считал создателей этих поселков прежде всего охотниками (ссылаясь на находки наконечников стрел и пуль пращи) и сомневался в том, что у них было развитое земледелие (хотя и допускал возможность того, что они были выходцами из неизвестных еще стационарных поселений)³⁹. Именно эти культурные и хозяйственные признаки он положил в основу выделения «фазы А» своей трехчленной периодизации. В эту фазу он включал Телль Хассуну Ia, Гирд Али Агу и «operation VI : 5» Матарры.

Соглашаясь с древностью отмеченных памятников, соответствующих первоначальному горизонту Ярымтепе I, мы считаем необходимым подчеркнуть, что хозяйственные признаки выделения их в особую фазу отпадают, культурные же — в значительной мере поколеблены. Поэтому основания для выделения «фазы А» требуют пересмотра; нам представляется, что отличия ее от «фазы В»⁴⁰ не носят принципиального характера, касаются в основном соотношения керамических показателей и имеют лишь чисто количественное выражение.

Фактически основным моментом периодизации, сохраняющим силу и подтвержденным новыми материалами, является переход от архаической к стандартной керамике (при определенном периоде их сосуществования). Он действительно ознаменован рядом изменений в материальной культуре, обусловленных как внутренним развитием, так и внешними влияниями (прежде всего со стороны самаррской культуры). В таком аспекте выделение фаз единого развития, не нарушаемого разрывами и принципиальными изменениями, представляется оправданным. Трехчленная периодизация П. Мортенсена сохраняет свою силу, если «фазу А» связывать с господством архаической хассунской керамики, «фазу В» — с появлением, а затем и преобладанием стандартной керамики, а фазу С — с сохранением последней при заметном распространении специфи-

ческой керамики самаррской культуры, а также и прочих воздействий последней.

Относительная хронология хассунской культуры была ориентировочно намечена авторами раскопок эпонимного памятника. Дальнейшие сопоставления подтвердили и уточнили основные положения этих исследователей. Система таких сопоставлений включила раннеземледельческие поселения обширной территории Восточного Средиземноморья (Иерихон IX, Мегиддо XX, Рас Шамра IVA—B, Амур А—B, Кархамиш), Южной Турции (Мерсин XXIV—XX, Сакча Гезу), Северной Месопотамии (Ниневия I), хотя сами сопоставления, особенно с западными памятниками, в ряде случаев документировались лишь единичными и маловыразительными находками⁴¹, что совершенно правильно подчеркнуто Д. Меллартом⁴².

Однако в последующие годы система была заметно укреплена. Из обусловивших ее совершенствование факторов наиболее значительными представляются нам следующие: открытие и исследование памятников типа Телль Сотто и Умм Дабагин, заметно уточнившие положение Хассуны в последовательности культур Северной Месопотамии; исследования Телль эс-Саввана и Шога Мами, обусловившие выделение самаррской культуры и определение этапов ее развития, что создало возможность для детального сопоставления с хассунской культурой в целом и конкретными ее этапами; исследование Телль Шимшары, заметно уточнившее сопоставление Хассуны с загросской группой памятников и внутреннее членение ее культурных слоев; раскопки в Дех Луранской долине и создание на их основании новой важнейшей хронологической системы последовательных культур, охватывающих огромный хронологический период (от IX до начала IV тысячелетия до н. э.), тесно связанных с Месопотамией и дающих возможность сопоставлений не отдельных фактов, а целых хронологических колонок⁴³; раскопки самой группы Ярымтөпә, позволившие установить непосредственное соотношение хассунского слоя, с одной стороны, с культурой Телль Сотто, с другой — с халафскими слоями Синджарской долины.

В свете всех перечисленных данных хассунская культура непосредственно следует за культурой Телль Сотто, которая в свою очередь хронологически следует за культурами типа Джармо и на раннем этапе сохраняет определенные черты преемственности с ними⁴⁴. Начало Хассуны близко и к первоначальным слоям самаррской культуры — нижней Маттаре и слою I Телль эс-Саввана, начало которого, возможно, синхронно переходу от Телль Сотто к Хассуне. В Дех Луранской долине Хассуна находит систему соответствий по ряду показателей инвентаря прежде всего на фазах Сефид и Сурк⁴⁵, четко располагающихся между фазой Мохаммад Джафар (синхронной позднему Джармо) и переходной фазой Шога Мами (синхронной уже Халафу)⁴⁶. Таким образом, конец культуры Телль Сотто и фазы Мохаммад Джафар дает *terminus post quem* для Хассуны; Телль эс-Саввана и фазы Сефид и Сурк — *terminus ad quem* для нее, и поздняя Самарра (переходная фаза Шога Мами) и Халаф (во всяком случае, синджарские его памятники) — *terminus ante quem*. При такой системе сопоставлений нижние горизонты Ярымтөпә I синхронизируются с фазой Сефид в Дех Луранской долине и двумя нижними слоями Телль эс-Саввана (предшествующими появлению самаррской расписной керамики).

Столь же кратко рассмотрим и соответствующие данные абсолютной хронологии.

Чрезвычайно плохая сохранность органических остатков из Телль Сотто и Умм Дабагии не позволила пока получить радиоуглеродные даты для этих памятников. Известна лишь дата образца из слоя XV поселения Телул эт-Талафат, исследованного японской экспедицией в 40 км к востоку от Телль Сотто⁴⁷. Дата эта 5570 ± 120 лет до н. э. (ТК-23)⁴⁸. Д. Киркбрайд правильно синхронизирует указанный слой с Умм Дабагией (а следовательно, и с Телль Сотто), но сомневается в справедливости приведенной даты, считая ее слишком поздней для конца этой культуры⁴⁹. Д. Меллаарт называет дату приемлемой, но для поздней фазы, а скорее всего — для самого конца культуры, общие хронологические рамки которой он определяет первой половиной VI тысячелетия до н. э., включая, возможно, и конец VII тысячелетия до н. э.⁵⁰ В таком случае культура Телль Сотто закономерно занимает хронологическую позицию между концом Джармо и началом Хассуны.

Вероятность даты образца из Телул эт-Талафата подтверждается, как мы полагаем, всей намечающейся системой радиоуглеродных дат памятников VI тысячелетия до н. э. в Месопотамии. Так, финальные слои культуры Телль Сотто по всем стратиграфическим и типологическим показателям не могут быть сколько-нибудь значительно оторваны от начальных слоев хассунской, а следовательно, и самаррской культур⁵¹. Между тем, нижний слой Телль эс-Саввана, знаменующий начало самаррской культуры, имеет достаточно близкую дату 5506 ± 73 года до н. э. (Р-855)⁵². То же следует сказать и о начальном слое другого самаррского памятника — Матарры — 5610 ± 250 лет до н. э. (W-623)⁵³. Соответственно средние и верхние слои хассунских и самаррских поселений, в том числе и Ярымтепе I, получили радиоуглеродные даты, относящиеся уже ко второй половине VI тысячелетия до н. э., вплоть до его конца. Так, дата образца из третьего слоя Телль эс-Саввана, в котором появляется уже самаррская керамика, — 5349 ± 86 лет до н. э. (Р-856)⁵⁴. Единственная дата, полученная для Телль Хассуны, относится к пятому слою и близка рубежу VI—V тысячелетий до н. э.: 5080 ± 200 лет до н. э. (W-660)⁵⁵. Наконец, две даты получены для седьмого горизонта самого Ярымтепе I: 5090 ± 100 лет до н. э. (JE-1070) и 5200 ± 90 лет до н. э. (JE-1086). Для финальных горизонтов хассунских поселений пока радиоуглеродных дат нет, анализ же образцов из завершающей части самаррского слоя Шага Мамаи определил среднюю дату 4900 лет до н. э. (BM-483)⁵⁶.

Особо подчеркнем, что все даты указаны нами без дендрохронологической поправки. Введение поправки «удревнило» бы их в среднем на 500—600 лет, приведя в соответствие с калиброванными датами Шага Сефид, по которым Ф. Хол наметил абсолютную хронологию соответствующих Хассуне дехлуранских фаз Сефид и Сурк (6300—5400 лет до н. э.)⁵⁷. Однако утверждение калиброванных дат мы не считаем окончательно доказанным и используем обычные даты как показатель относительной хронологии и соотношения памятников лишь в широких рамках — абсолютной их хронологии⁵⁸.

Согласно этим данным наиболее вероятной датой завершающих горизонтов культуры Телль Сотто является вторая четверть VI тысячелетия до н. э. (ближе к ее концу)⁵⁹. Ранние горизонты Ярымтепе I и хассун-

ской культуры в целом охватывают конец этой четверти и третью четверть VI тысячелетия до н. э. — отмеченные радиоуглеродные даты нашего седьмого горизонта определяют ориентировочно *terminus ante quem* для них. Конец существования всего поселка предшествует возникновению халафского поселения Ярымтепе II, которое по серии радиоуглеродных дат относится к самому началу V тысячелетия до н. э.: дата предпоследнего горизонта этого памятника — 4710 ± 40 лет до н. э. (СОАН-1291).

- ¹ Perkins A. L. The Comparative Archaeology of Early Mesopotamia. Chicago, 1957, p. 25.
- ² Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1972.— Iraq, 1973, v. XXXV, pl. III, XI; Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто.— СА, 1975, № 4, с. 107.
- ³ Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1971.— Iraq, 1972, v. XXXIV, 1972, p. 13, pl. X.
- ⁴ Perkins A. L. The Comparative Archaeology..., p. 2.
- ⁵ Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто, с. 101.
- ⁶ Там же, с. 107, 108.
- ⁷ Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna. Excavations by the Iraq Government Directorate Generale of Antiquities in 1943 and 1944.— JNES, 1945, October, v. IV, N 4, p. 262, 271.
- ⁸ Ibid., p. 272.
- ⁹ Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто, с. 107.
- ¹⁰ Braidwood R. The Early Village in Southwestern Asia.— JNES, 1973, v. 32, N 1-2; Braidwood R., Cambel H., Lawrence B., Redman C. L., Stewart R. B. Beginning of Village-Farming Communities in Southwestern Turkey — 1972.— Proceedings of National Acad. Sci. USA, 1974, v. 71, N 2.
- ¹¹ Hole F. Studies in the Archaeological History of the Deh Luran Plain. Ann Arbor, 1977, p. 41 sqq.
- ¹² Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто, с. 107.
- ¹³ Mellaart J. The Neolithic of the Near East. London, 1976, p. 148.
- ¹⁴ Mortensen P. Tell Shimshara. København, 1970, p. 132.
- ¹⁵ Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто, с. 107, 108.
- ¹⁶ Наши раскопки с Н. О. Бадером касаются, таким образом, не соотношения рассматриваемых культур, а самого понятия «археологическая культура», еще далекого от определенности как в целом, так и по отношению к конкретным явлениям Северной Месопотамии.
- ¹⁷ Mellaart J. The Neolithic..., p. 141.
- ¹⁸ Ibid., p. 149.
- ¹⁹ Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna.
- ²⁰ Mortensen P. Tell Shimshara..., p. 132.
- ²¹ Braidwood R. J., Howe B. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan. Chicago, 1960, p. 161; Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. Л., 1964.
- ²² Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто, с. 108, 109.
- ²³ Mellaart J. The Neolithic..., p. 141 sqq.
- ²⁴ Hole F., Flannery K. V., Neely J. A. Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain. Ann Arbor, 1969.
- ²⁵ Не менее значительны данные Телль Магзалин, где исследования Г. Н. Лисицыной *in situ* в 1978 г. позволили установить безусловное наличие доместицированных злаков.
- ²⁶ Mellaart J. The Neolithic..., p. 137; см. также: Helback H. Traces of Plants in the Early Ceramic Site of Umm Dabaghiyah.— Iraq, 1972, v. XXXIV, p. 17—19.
- ²⁷ Bököny S. The Fauna of Umm Dabaghiyah: a Preliminary Report.— Iraq, 1973, Spring, v. XXXV, part 1, p. 9—12.
- ²⁸ Bököny S. The Fauna..., p. 9—12; Mellaart J. The Neolithic..., p. 137.
- ²⁹ Приносим глубокую благодарность Г. Н. Лисицыной, любезно ознакомившей нас с результатами своих исследований и предоставившей приведенные здесь данные.
- ³⁰ В предварительной публикации материалов раскопок первых сезонов мы привели результаты полевых наблюдений Ш. Бёкёни. См.: Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии.— СА, 1971, № 3, с. 160.
- ³¹ Это отличает Телль эс-Савван от Ярымтепе I, расположенного в более благоприятных для земледелия условиях, не требовавших искусственного орошения, абсолютно обязательного для земледельцев среднего Тигра. См.: Helback H. Early Hassunan Vegetable Food at Tell es-Sawwan near Samarra.— Sumer, 1964, v. XX, p. 45—48.
- ³² Flannery K. V., Wheeler J. C. Animal Bones from Tell es-Sawwan, level III.— Sumer, 1967, v. XXIII, p. 179 sqq.; Mellaart J. The Neolithic..., p. 152.
- ³³ Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1972, p. 6.

- ³⁴ Ibidem.
- ³⁵ Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna, p. 161 sqq.
- ³⁶ Perkins A. The Comparative Archaeology..., p. 2, sqq.
- ³⁷ Mortensen P. Tell Shimshara..., p. 126 sqq.
- ³⁸ Braidwood R. Introduction.— In: S. Lloyd and F. Safar. Tell Hassuna, p. 258; Mortensen P. Tell Shimshara..., p. 103 sqq.
- ³⁹ Mortensen P. Tell Shimshara..., p. 130, 131.
- ⁴⁰ Ibid., p. 132.
- ⁴¹ Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna, p. 265 sqq.; Mortensen P. Tell Shimshara..., p. 131.
- ⁴² Mellaart J. The Neolithic..., p. 149.
- ⁴³ Hole F., Flannery K. V., Neely J. A. Prehistory and Human Ecology...; Hole F. Studies..., p. 24—37.
- ⁴⁴ Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто, с. 108.
- ⁴⁵ Hole F. Studies..., fig. 43—49.
- ⁴⁶ Hole F. Studies..., p. 24—37, tabl. 3. Первоначально, основываясь на материалах раскопок Али Кош, мы сопоставляли хассунскую культуру с фазами развития Хузистана в более широких рамках (от фазы Мохаммад Джафар до фазы Сабз. См.: Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии, с. 161). Раскопки поселения Шага Сефид, заметно пополнившие хузистанскую хронологическую колонку (см.: Hole F. Studies...), позволили пересмотреть и уточнить это сопоставление.
- ⁴⁷ Fukai S., Horiuchi K., Matsutani T. Tell eth Thalathat. The Excavation of Tell II.— Tokyo University Iraq-Iran Archaeological Expedition. Report II. Tokyo, 1970.
- ⁴⁸ Sato J., Sato T., Otomori Y., Suzuki H. University of Tokyo Radiocarbon Measurements II.— Radiocarbon, 1969, v. 11, N 2, p. 513.
- ⁴⁹ Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1972, p. 7.
- ⁵⁰ Mellaart J. The Neolithic..., p. 140, 141.
- ⁵¹ Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто, с. 108.
- ⁵² Stuckenrath R., Ralph E. K. University of Pennsylvania Radiocarbon Dates VIII.— Radiocarbon, 1965, v. 7, p. 190.
- ⁵³ Rubin M., Alexander C. U. S. Geological Survey Radiocarbon Dates V.— American Journal of Science. Radiocarbon, Supplement, 1960, v. 2, p. 182.
- ⁵⁴ Stuckenrath R., Ralph E. K. University of Pennsylvania Radiocarbon Dates, p. 190.
- ⁵⁵ Rubin M., Alexander C. U. S. Geological Survey..., p. 180.
- ⁵⁶ Oates J. A Radiocarbon Date from Choga Mami.— Iraq, 1972, v. XXXIV, p. 29, 50.
- ⁵⁷ Hole F. Studies..., p. 27.
- ⁵⁸ Кроме того, даты ряда образцов из Телль эс-Саввана и Телль Шимшары не приводятся нами как вызывающие сомнения в связи со спецификой самого материала (см.: Mortensen P. Tell Shimshara..., p. 136).
- ⁵⁹ Отметим в этой связи дату соответствующей дехлуранской фазы Мохаммад Джафар — 5870 до н. э. См.: Hole F., Flannery K. V., Neely J. Prehistory..., p. 334.

ПОСЕЛЕНИЕ ЯРЫМТЕПЕ II

Глава 9

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ХАЛАФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Халафская культура, пришедшая на смену хассунской и знаменующая собой следующий этап в культурно-историческом развитии Месопотамии, является, бесспорно, одной из самых ярких раннеземледельческих культур Старого Света. Свое название она получила по известному многослойному памятнику Телль Халаф, расположенному в Северной Сирии и исследованному более полувека назад М. Оппенгеймом¹. Однако этот эпонимный памятник оказался настолько плохо исследован, что использование его и в частности богатейшей коллекции открытой там расписной керамики при изучении узловых проблем халафской культуры (происхождение и генезис, периодизация и хронология) по сути дела исключено. Большой материал, происходящий из культурного слоя мощностью около 5 м, совершенно не стратифицирован и пригоден лишь для сравнения.

В настоящее время известна целая группа халафских памятников, часть из которых раскопана и введена в научный оборот. Халафскую культуру отличает поразительная однородность на всей территории ее распространения. Для нее характерны прежде всего круглоплановая сырцовая архитектура и блестящая расписная керамика, отличающаяся разнообразием форм и удивительным богатством орнаментации в виде бесчисленных геометрических композиций и отдельных изобразительных сюжетов. Керамика эта технически весьма совершенна, а орнамент выполнен с большим художественным вкусом.

Ареал халафской культуры, датируемой в основном V тысячелетием до н. э., охватывал всю Северную Месопотамию (северные районы Ирака и Сирии и юго-восточную часть Турции). Наиболее западными памятниками халафской культуры считаются поселения Турлу² и Юнус (Кархемиш)³, расположенные в бассейне Евфрата (см. рис. 1). В западной части ареала наибольшая концентрация халафских памятников наблюдается в бассейне Хабуга, притока Евфрата. Здесь, в частности, находятся такие памятники халафской культуры, как Телль Халаф, Чагар Базар⁴ и Телль Брак⁵. На востоке же известная группа памятников халафской культуры сосредоточена в районе Мосула на Тигре. В эту группу входят поселения Телль Арпачия (слои 6—10)⁶, Тепе Гавра (слои XVIII—XX)⁷, Телль Хассуна (слои VI—X)⁸, Ниневия (слой 2с) и др. В пределах Ирака крайне восточным памятником Халафа является поселение Банахилк близ Равандуза в Курдистане⁹. Правда, подъемный материал в виде типичных образцов халафской керамики собран еще восточнее, в частности в районе Сулеймании¹⁰.

Южнее Ниневийской (Мосульской) области Ирака халафские памятники имеются и, видимо, в немалом количестве, но они не исследованы там до сих пор¹¹. Самым же южным пунктом находок халафской ке-

рамики считается район Самарры¹². Здесь, на среднем Тигре, на поселении Телль эс-Савван и в погребениях самаррской культуры как будто бы найдены отдельные халафские расписные черепки. К сожалению, мы не видели эту керамику и затрудняемся что-либо определенное о ней сказать. Учитывая наличие халафских памятников в долине Хамрина, можно ожидать открытия таких же памятников и в районе Самарры. У нас же вызывает серьезное сомнение сам факт находок халафской керамики в комплексах более ранней самаррской культуры. Это, кстати, касается и поселения Багуз на среднем Евфрате, где находки халафской керамики значатся представленными в самаррском — по основному своему содержанию — слое¹³.

Что же касается северной границы халафской культуры, то она проходит в Юго-Восточной Турции. Наиболее известный памятник Халафа на данной территории — это поселение Тилкитепе, расположенное на западном берегу оз. Ван и представляющее крайний северо-восточный пункт халафской культуры¹⁴. Другой памятник — поселение Гирикхаджия — находится близ Диярбекира¹⁵. Типичная халафская расписная керамика обнаружена еще севернее Диярбекира — на поселении Тюлинтепе в районе Кебана. Слоя халафского здесь нет, найдены лишь импортные предметы в виде отдельных образцов расписной посуды¹⁶.

Связи племен халафской культуры с соседями были весьма активны. Влияние Халафа распространялось как в западном направлении, включая Палестину и сирийское побережье Средиземноморья (Рас Шамра)¹⁷, так и далеко на восток (образцы типичной халафской керамики и местные подражания им обнаружены даже в Закавказье)¹⁸.

Вопрос об ареале халафской культуры и основных направлениях ее связей и влияний в настоящее время может считаться достаточно ясным. Установлены также наиболее характерные атрибуты данной культуры. Наконец, не вызывает серьезных сомнений и относительная хронология Халафа, занимающего промежуточное положение между культурами Хасуны и Северного Убеида и датируемого, таким образом, в пределах V тысячелетия до н. э. Однако многие другие важнейшие проблемы, связанные с исследованием халафской культуры, ее всесторонней культурно-исторической интерпретацией, остаются до сих пор не выясненными.

Мы не знаем по-настоящему пока начала Халафа, его происхождение. Плохо известна завершающая фаза халафской культуры, ее судьбы. Совершенно справедливо отметил Д. Меллаарт, что если конец Халафа темн, то и происхождение культуры не многим яснее¹⁹. Поэтому предлагаемые периодизации халафской культуры (А. Перкинс²⁰ или Д. Меллаарта²¹), основывающиеся главным образом на выборочных комплексах керамики и особенно стилистической градации ее расписной орнаментации, а иногда на стратиграфических данных по сути дела одного лишь памятника — поселения Арпачия, — не представляют всесторонне обоснованными и не применимы ко всей культуре в целом. Это особенно очевидно в свете новых исследований халафских памятников, в частности такого хорошо стратифицированного поселения с мощным, достигающим почти 7 м культурным слоем, каким является Ярымтепе II.

Действительно, до начала работ Советской экспедиции в Месопотамии наиболее исследованным памятником халафской культуры считалось поселение Телль Арпачия, расположенное в окрестностях Мосула и

раскопанное в начале 30-х годов английской экспедицией под руководством М. Майлована. Поэтому в основе почти всех исследований, связанных с проблемой Халафа, находился и, можно сказать, в значительной степени остается и по настоящее время именно этот памятник. Однако подробное знакомство с результатами его исследований, опубликованных в специальной монографии, убеждает в том, что едва ли можно считать четко установленной стратификацию этого памятника. Халафские слои представлены здесь как на самом холме, так и за его пределами, но их соотношение между собой осталось не выясненным.

Известно, что экспедиция М. Маллована не довела раскопки на холме до материка, т. е. не исследовала всю толщу халафского слоя Телль Арпачии. Поэтому И. Хаджара, занимающийся изучением культуры Северной Месопотамии V тысячелетия до н. э., провел в 1976 г. на Арпачии специальные работы с целью исследования древнейших слоев поселения. В центральной части холма он заложил три узкие траншеи длиной более 60 м²². В результате установлено, что халафский слой продолжается еще на 2,5 м ниже уровня ТТ10, достигнутого М. Маллованом, и, таким образом, составляет 7,5 м²³. В этом мощном слое, по мнению И. Хаджары, выделяется 11 строительных уровней, в том числе пять верхних горизонтов (ТТ10-6 — по М. Малловану, или уровни V—I — по И. Хаджаре) и шесть нижних (XI—VI)²⁴. Последние, как считает И. Хаджара, характеризуют две ранние архитектурные фазы (1 и 2) развития поселения Телль Арпачия²⁵.

Отмеченные заключения, основанные на результатах в общем небольших разведочных работ, безусловно важны, но их нельзя признать достаточно обоснованными. Пока подробные данные раскопок 1976 г. Телль Арпачии не опубликованы. Поэтому наши знания о древнейших уровнях халафского слоя данного поселения остаются крайне ограниченными. А это ведь объект, на котором основываются выводы исследователей о месте происхождения халафской культуры и ее генезисе и который рассматривается как эталонный памятник для этой культуры²⁶.

Широкие исследования были проведены американской экспедицией в середине 30-х годов на поселении Тепе Гавра в районе Мосула. К халафской культуре здесь относятся слои XVIII—XX, вскрытые на незначительной площади, не превышающей 25 кв. м. Кроме того, халафские материалы представлены в погребальной яме и слоях a—f в зондаже в основании юго-восточной стороны холма (зона А). Нестратифицированные находки происходят и из зондажа в основании северо-восточной части холма. К сожалению, слои ниже XX, т. е. древнейшие халафские слои Тепе Гавры, раскопаны не были. Следовательно, сведения о ранних горизонтах халафской культуры и данного памятника предельно ограничены.

Раскопки поселений в западной части халафского ареала, в частности в бассейне Хабур, не дали каких-либо результатов для изучения древнейших халафских слоев. Что же касается поселений Банахилик в Иракском Курдистане и Гирикихаджия близ Диярбекира (Юго-Восточная Турция), то они не содержат таких мощных халафских слоев, как Телль Арпачия, Тепе Гавра и другие и представляются памятниками периферийными. До сих пор не опубликованы материалы раскопок на этих поселениях, и мы не знаем, что собой представляют их древнейшие слои, связанные с халафской культурой²⁷. Но независимо от этого,

трудно рассчитывать на то, что здесь окажутся существенные данные, способные пролить свет на проблему раннего Халафа и тем более его происхождение.

Итак, хотя памятники халафской культуры исследуются уже более полувека, среди них не было до сих пор ни одного, где бы нижние, древнейшие горизонты оказались достаточно широко раскопаны и убедительно документированы. Поэтому чрезвычайно большое значение приобретает поселение халафской культуры Ярымтепе II, исследованное Советской экспедицией в 1969—1976 гг. Оно расположено в долине Синджара, в 100 км к западу от Телль Арпачии, примерно между халафскими памятниками в районе Мосула на востоке, с одной стороны, и бассейна Хабура на западе — с другой. Иначе говоря, Ярымтепе II находится почти в самом центре ареала халафской культуры, что уже само по себе довольно важно.

Как известно, А. Перкинс расчленила памятники халафской культуры на две, по ее мнению, заметно отличающиеся друг от друга группы — восточную, включающую телли в районе Мосула, и западную, охватывающую поселения в бассейне Хабура и Евфрата²⁸. При этом она пыталась обосновать гипотезу о происхождении халафской культуры в районе Мосула на Тигре и о распространении ее отсюда на запад, в бассейн Евфрата.

Нельзя сказать, что эта гипотеза была принята исследователями древнейшей Месопотамии безоговорочно. Но, в частности, положение о существовании двух различных групп халафских памятников, о действительном размежевании памятников Халафа на Евфрате и Тигре рассматривалось как почти бесспорный факт. Так считали и мы, когда после первых сезонов раскопок поселения Ярымтепе II отмечали, что оно, вероятно, больше тяготеет к западной группе Халафа²⁹. Однако дальнейшие исследования показали, что так ставить вопрос нельзя, ибо поселение Ярымтепе II на самом деле одинаково близко к памятникам той и другой группы. Точнее, памятники западной и восточной групп Халафа почти в равной степени тяготеют к расположенному между ними поселению Ярымтепе II. Отсюда следует, что резкого членения памятников в западной и восточной частях ареала халафской культуры в действительности не наблюдается³⁰. Поселение Ярымтепе II связывает их воедино.

Ярымтепе II — не единственный памятник халафской культуры в долине Синджара. Здесь, в северной части Эль Джезиры, только на небольшой площади, равной примерно 10×10 км, нами зафиксировано не менее 15 теллей, содержащих на поверхности многочисленные обломки халафской расписной керамики³¹. Несколько таких холмов находится в непосредственной близости от Ярымтепе II. Таким образом, в данном районе Месопотамии сконцентрировано значительное количество халафских памятников, отличающихся мощными культурными отложениями. Вплотную к поселению Ярымтепе II примыкает огромный (диаметром около 200 м при высоте около 10 м) холм — Ярымтепе III. Раскопки Ярымтепе III, начатые экспедицией в 1977 г., показали, что здесь под убедскими культурными напластованиями толщиной примерно 4 м лежит халафский слой. Траншеи, заложенные в различных частях холма и доведенные до материка, засвидетельствовали слой халафской культуры мощностью около 8 м. Исследование этого памятника позволит вы-

яснить соотношение между Ярымтепе II и Ярымтепе III и осветить ряд других важных вопросов.

Мы приступаем к полной публикации материалов раскопок Ярымтепе II. В настоящее время это один из наиболее широко исследованных памятников халафской культуры. Мощная толща его культурных отложений содержала почти исключительно материалы данной культуры. Раскоп на площади около 500 кв. м был доведен до материка. Древнейшие слои памятника оказались удовлетворительной сохранности и содержали разнообразный и выразительный халафский материал. По мере исследования памятника мы систематически публиковали материалы раскопок Ярымтепе II, начиная с верхних горизонтов¹². Сейчас, когда раскопки завершены и предстает полная публикация памятника, считаем необходимым начать с древнейших горизонтов Ярымтепе II. Целесообразность этого вполне очевидна. Учитывая отсутствие в литературе хорошо документированных данных о ранних слоях какого-либо халафского поселения, мы будем стараться дать подробное описание древнейших горизонтов Ярымтепе II и всех обнаруженных в них остатков хозяйственно-бытовых построек и других сооружений.

¹ Oppenheim M. Tell Halaf. Berlin, 1953.

² Mellink M. Archaeology in Asia Minor.—AJA, 1964, v. 68, p. 148—166.

³ Wooley C. L. The prehistoric Pottery of Carchemish.—Iraq, 1934, v. I, p. 146—162.

⁴ Mallowan M. E. L. The Excavations at Tell Chagar Bazar and an Archaeological Survey of Habur region.—Iraq, 1936, v. IV, p. 91—177.

⁵ Mallowan M. E. L. Excavations at Brak and Chagar Bazar.—Iraq, 1947, v. IX.

⁶ Mallowan M. E. L., Cruikshank Rose J. Excavations at Tell Arpachiyah.—Iraq, 1935, v. II, part I.

⁷ Tobler A. Excavations at Tepe Gawra. Philadelphia, 1950, v. II.

⁸ Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna. Excavations by the Iraq Government Directorate Generale of Antiquities in 1943 and 1944.—JNES, 1945, October, v. IV, N 4.

⁹ Braidwood R. J., Howe B. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan. Chicago, 1960.

¹⁰ Материал хранится в Национальном музее в Багдаде.

¹¹ Иракский археолог Исмаил Хаджара во время своей командировки в Москву в 1978 г. любезно сообщил нам о том, что им в 1976—1977 гг. проведена широкая разведка в Северном Ираке с целью поисков и картографирования халафских памятников. На составленной им карте значится около 140 памятников и местонахождений керамики халафской культуры. Несомненный интерес представляет выявленная им значительная группа холмов с типичной расписной халафской керамикой

на левобережье Тигра, вплоть до бассейна Диялы. Кстати, на западном берегу Диялы, в зоне Хамринского водохранилища, японская экспедиция провела в 1977—1978 гг. раскопки небольшого поселения, содержащего халафскую керамику. Мы имели возможность осмотреть как сам памятник (маленький невысокий холм с плохо сохранившейся сырповой архитектурой), так и обнаруженную там расписную керамику халафской культуры.

Пока, до публикации разведочных работ Исмаила Хаджары и материалов японской экспедиции, мы не можем судить о значении и месте памятников данного района Месопотамии в общем ряду халафских древностей, о том, в этот регион или из него распространялась халафская культура, и т. д. Ясно только, что ареал рассматриваемой культуры включал районы по левобережью Тигра значительно восточнее и юго-восточнее Мосула, доходя почти до самых границ с Ираном.

¹² Perkins A. L. The Comparative Archaeology of Early Mesopotamia. Chicago, 1957, p. 16.

¹³ Mesnil du Buisson H. Baghouz l'ancien Chorsête. Leiden, 1948.

¹⁴ Rilly E. B. Test Excavations at Tilki Tepe 1937.—In: Turk Tarih Arkeologiya ve Etnografya dergisi. Istanbul, 1940, v. IV.

¹⁵ Braidwood R. J., Cambel H., Redman C. L., Watson P. J. Beginnings of Village-Farming Communities in Southeastern Turkey.—PNAS, 1971, June, v. 68, N 6, p. 1236—1240.

- ¹⁶ *Ufuk Esin-Given Arsebuk. Tulintepe Excavations*, 1971. Kebah Projeat, 1971 Activities. Ankara, 1974, p. 154.
- ¹⁷ *Kaplan I. The Relation on the Chalcolithic Pottery of Palestine to Halafian ware.*—BASOR. Bull. Jerusalem, 1960, October, N 159, p. 32—36; *Braidwood R. J., Braidwood L. S. Excavations in the Plain of Antioch.* Chicago, 1960; *Garstang J. Prehistoric Mersin*, Oxford, 1953; *Masson B. M. Средняя Азия и Древний Восток.* М.: Л., 1965.
- ¹⁸ *Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века.* М., 1975, с. 97, рис. 8, 2.
- ¹⁹ *Mellaart J. The Neolithic of Near East.* London, 1976, p. 169.
- ²⁰ *Perkins A. L. The Comparative Archaeology...*, p. 22—35.
- ²¹ *Mellaart J. The Neolithic...*, p. 156—170.
- ²² *Hijara I. Three new Graves at Arpachiyah.*—In: *World Archaeology*. London, 1978, v. II, p. 125; *Idem. Arpachiyah* 1976.—Iraq, 1980, v. XLII, p. 131—153.
- ²³ *Hijara I. Three new Graves...*, p. 125.
- ²⁴ *Ibid.*, p. 127.
- ²⁵ *Ibid.*, p. 126, 127.
- ²⁶ *Perkins A. L. The Comparative Archaeology...*, p. 17.
- ²⁷ Эти поселения были раскопаны с помощью траншей и шурфов. Укажем для примера, что общая площадь нескольких шурфов, заложенных на поселении Бапахилк, достигает около 70 кв. м, причем не все эти шурфы доведены до материка. См.: *Braidwood R. J., Howe B. Prehistoric Investigations...*, p. 33.
- ²⁸ *Perkins A. L. The Comparative Archaeology...*, p. 43—45.
- ²⁹ *Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии (по материалам раскопок Советской экспедиции).*—СА, 1971, № 3.
- ³⁰ По сути дела, к такому же заключению пришли недавно исследователи, специально изучавшие расписную керамику из ряда халафских памятников. См.: *Le Blanc S. A., Watson P. J. A comparative statistical Analysis of painted Pottery from seven Halafian Sites.*—In: *Paleorient*. Chicago, 1973, v. I, p. 127—132.
- ³¹ Таким образом, работы нашей экспедиции заметно изменили заключение С. Ллойда о большой редкости халафских памятников (в отличие от убеидских) к западу от Мосула: См.: *Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna*.
- ³² См. Введение, примеч. 49.

Глава 10

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ ЯРЫМТЕПЕ II

Поселение Ярымтепе II находится приблизительно в 250 м к западу от Ярымтепе I. Сохранилась половина (а возможно, и меньше) холма — его западная часть. Отсюда и название — Ярымтепе, что означает «половина холма» или «половинный холм». Это название распространяется местным населением и на несколько остальных холмов, находящихся недалеко от него, на расстоянии от 50 до 250 м. Наиболее близко к нему стоит самый крупный холм в группе Ярымтепе — Ярымтепе III. Он почти примыкает с юго-восточной стороны к Ярымтепе II (рис. 2).

Холм Ярымтепе II был зафиксирован в начале 40-х годов экспедицией британской школы археологии в Ираке, а в конце 1967 г. сотрудники Института археологии АН СССР Н. О. Бадер и Н. Я. Мерперт осмотрели холм и собрали здесь выразительный подъемный материал — характерную расписную халафскую керамику. Исследования поселений Ярымтепе I и II были начаты нашей экспедицией в 1969 г. С тех пор в течение восьми полевых сезонов (1969—1976 гг.) проводились раскопки этих памятников¹.

Ярымтепе II, как и другие телли в этой группе и большинство в Месопотамии, представляет собой искусственный холм, сложенный из культурных остатков (рис. 43, 1, 2). В древности холм имел, по всей вероятности, округлую в плане форму. Возможно, он был слегка вытянут

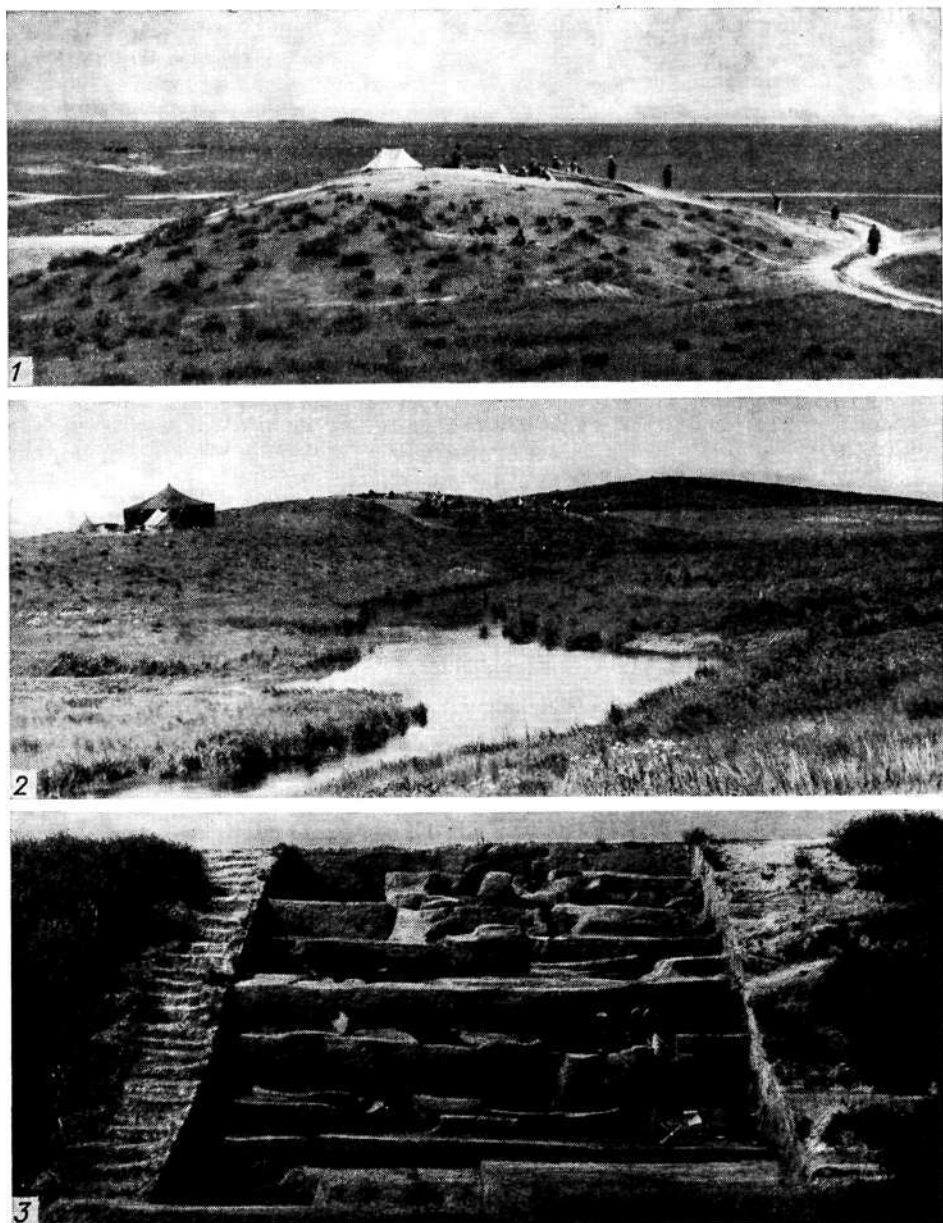

Рис. 43. Холм Ярымтепе II

1 — вид с северо-запада; 2 — вид с юго-востока; 3 — стратиграфическая траншея

по оси север — юг. В диаметре тель достигал примерно 100—120 м при высоте 7 м. Размеры сохранившейся части холма следующие: длина (север — юг) 120 м, ширина 25—40 м. Как установлено, культурный слой распространяется и за пределы холма, в западном и северном на-

правлении, на расстояние около 20—25 м. В этой связи крайне интересно выяснить соотношение этого поселения с Ярымтепе III. Не окажется ли так, что здесь в V тысячелетии до н. э. находилось одно крупное поселение халафской культуры?

Поселение Ярымтепе II, достигавшее по площади 1,5—2 га, располагалось на правом, западном берегу небольшой речушки, возможно, в некотором отдалении от нее. Здесь в настоящее время древнее русло реки незаметно. Оно находилось, видимо, где-то между Ярымтепе I и Ярымтепе II. Современное же русло этого часто пересыхающего ручья, известного у местного населения под названием Джубара-дзяси, проходит вдоль края сохранившейся части холма Ярымтепе II².

С целью определения характера и мощности культурных отложений Ярымтепе II в центральной, наиболее высокой части останца в 1969 г. была заложена разведочная стратиграфическая траншея шириной 10 м³. Она была спущена от верхнего края холма ступеньками до уровня ручья (рис. 43, 3). В результате в первый же сезон раскопок Ярымтепе II было установлено, что культурный слой на поселении достигает почти 7 м толщины⁴, причем весь он насыщен материалами только халафской культуры. Правда, уже тогда на поверхности разрушенного склона холма, ближе к его основанию, было встречено и несколько обломков хассунской керамики. Ко времени их находки на хассунском поселении Ярымтепе I были открыты халафские погребения, и стало ясно таким образом, что там находился некрополь обитателей поселка Ярымтепе II. Поэтому вначале мы предполагали, что хассунские черепки происходят из Ярымтепе I, который находился рядом и где халафцы совершали погребения, и что оттуда халафская керамика была принесена сюда. Однако исследования холма Ярымтепе II, проведенные в 1975—1976 гг., показали, что мы в данном случае ошибались, но об этом несколько позже.

Далее, траншея показала, что культурный слой холма состоит из ряда последовательных строительных горизонтов (не менее восьми), причем верхние горизонты нарушены позднейшими погребениями. Были открыты остатки хозяйственно-бытовых сооружений, в том числе жилых построек, подсобных помещений и различных печей. Хозяйственно-бытовые постройки как в верхних слоях холма, так и в древнейших его горизонтах были представлены остатками главным образом однокомнатных сырцовых помещений округлого плана типа толосов.

Обнаруженный в траншее археологический материал представлял собой преимущественно керамику, включая значительную серию халафской расписной посуды. Кроме того, были найдены каменные зернотерки, песты и клиновидные топоры, костяные проколки и шилья, глиняные подделки и другие предметы. Таким образом, уже в первый сезон в результате разведочных работ были получены соответствующие данные для общей характеристики памятника, указывающие на перспективность его дальнейшего исследования.

В 1970 г. на Ярымтепе II, на участках, примыкающих с запада, севера и юга к разведочной траншее предшествующего года, был заложен раскоп площадью 600 кв. м (рис. 44). Он был разбит на шесть больших квадратов (18, 19, 23, 24, 28, 29), каждый площадью 100 кв. м. В свою очередь каждый квадрат был разделен бровками на четыре одинаковых по площади участка (a, b, c, d). К концу наших работ на Ярымтепе II, в 1976 г., все участки раскопа, за исключением участков квадрата 18, бы-

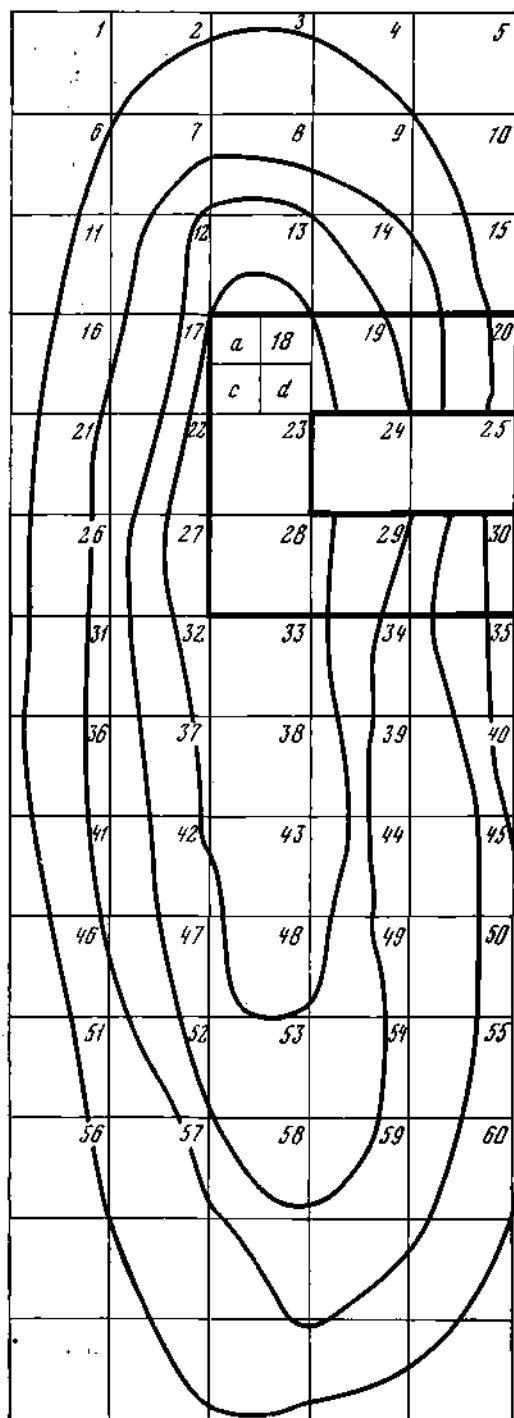

Рис. 44. Ярымтөпө II. План и сетка квадратов

ли доведены до материка⁵. Общая раскопанная до основания площадь поселения Ярымтөпө II составила, следовательно, 500 кв. м. Таким образом, Ярымтөпө II — это единственный в настоящее время памятник халафской культуры, исследованный на столь значительной площади на всю толщину культурного слоя.

В результате раскопок добыт большой и разнообразный материал, характеризующий многие стороны жизни и быта, хозяйства и идеологии обитателей халафского поселения Ярымтөпө II на протяжении значительного отрезка времени. Получены документированные данные об особенностях жилой архитектуры, технике и формах домостроительства, о некоторых элементах планировки поселка и т. д. Количество строительных горизонтов на поселении оказалось на самом деле больше, чем было зафиксировано в траншее 1969 г. Установлено девять таких горизонтов, иногда с отдельными строительными уровнями внутри них. К сожалению, оказалось, что верхние горизонты разрушены в значительно большей степени, чем мы могли предполагать на основании вскрытия разведочной траншеи. Разрушение позднейших слоев культурного слоя холма произошло в результате сооружения здесь многочисленных могил, иногда в виде больших каменных гробниц, а также рытья значительно большего числа крупных ям, по-видимому, хозяйственного назначения⁶. Таким образом,

два верхних строительных горизонта поселения Ярымтепе II оказались почти целиком уничтоженными. От них на исследованной площади сохранились лишь остатки полов и часть стенки сырцовой постройки, видимо округлой, толосовидной формы. В сильной степени был разрушен и третий строительный горизонт, но здесь выявлены, кроме полов, остатки жилищ с примыкающими к ним подсобными помещениями и очажных сооружений. Сохранность нижних слоев, несмотря на перекопы ямы и множество нор грызунов и хищных зверьков, сравнительно лучше и даже в целом удовлетворительна, особенно древнейших горизонтов. Прежде чем перейти к характеристике наиболее раннего строительного горизонта и открытых в нем остатков различных хозяйственно-бытовых сооружений и других объектов, отметим следующее.

В 1975—1976 гг. в процессе исследований древнейшего слоя Ярымтепе II (на уровне ниже 6 м) здесь были обнаружены типичные образцы хассунской керамики, включая обломки сосудов с характерной росписью, фрагмент реберчатого днища и нижнюю часть выразительной антропоморфной статуэтки. Эта керамика найдена исключительно на участках квадратов 28, 29, т. е. в южной и юго-восточной частях раскопа. Действительно, за пределами этих участков не встречен ни один обломок хассунской керамики. Стало очевидным, что под юго-восточной частью холма Ярымтепе II скрываются, вероятно, остатки небольшого и недолговременного поселка хассунского периода. Чтобы проверить это предположение, были заложены два шурфа к югу и юго-востоку от раскопа. В обоих случаях под мощным халафским слоем в основании холма была найдена хассунская керамика. После этого едва ли может возникнуть сомнение в том, что здесь действительно находилось маленькое хассунское поселение, просуществовавшее недолго на рубеже периодов архаической и стандартной Хассуны. Регулярный слой хассунской культуры как таковой на исследованных участках Ярымтепе II не сохранился, но остатки его в виде образцов характерной керамики здесь безусловно прослеживаются. Не исключено, что в юго-восточной части Ярымтепе II сохранился на каком-то участке такой слой. Но если он и есть, то не должен быть сколько-нибудь значительным. Создается впечатление, что здесь находился небольшой и, возможно, временный поселок хассунцев. Поэтому материалы хассунской культуры представлены в столь незначительном количестве — обнаружено около 200 обломков керамики, а остатки хозяйственно-бытовых сооружений не зафиксированы. Вероятно, они, как и хассунский культурный слой в целом, были полностью разрушены при создании здесь нового халафского поселения.

¹ В 1977 г. Иракская экспедиция АН СССР приступила к исследованию холма Ярымтепе III, верхние слои которого характеризуют убейдскую культуру, отражающую последующий за Халафом важнейший этап культурно-исторического развития дописьменной Месопотамии.

² Мы не раз были свидетелями того, как этот маленький ручей, в котором часто совсем не было воды, превращался после ливневых дождей в горах в

стремительную бурлящую реку шириной 30—40 м. Тогда-то как раз и происходило активное размывание холма. Такое здесь, однако, случалось не каждый год. За время работ на Ярымтепе по существу только один раз (1969 г.) русло Джубара-дзяси было наполнено водой до краев в течение всей весны. В остальные годы вода в русле протекала очень редко. Наблюдения позволяют представить себе картину постепенного разрушения холма Ярым-

тепе II этим ручьем, видимо, с древности и поныне.

³ Траншея была ориентирована не по сторонам света. Его продольная стена, проходящая вдоль склона холма, была смещена от оси север — юг на 45°.

⁴ Материковый слой на большей площади раскопа Ярымтепе II зафиксирован на уровне 6,75—6,90 м, а в северо-западной части еще ниже — на глубине 7—7,05 м. В наших предварительных работах мощность культурного слоя Ярымтепе II отмечалась ошибочно как 8 м. См.: Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамия (по материалам раскопок Советской экспедиции). — СА,

1971, № 3, с. 61 сл.

⁵ Материковый слой здесь представляет собой плотный желтовато-коричневатый суглинок. На исследованной площади, имевшей небольшой наклон в западном направлении, материк, как указывалось, отмечен на уровне 6,75—7,05 м от нулевой точки, за которую был принят северо-западный угол раскопа.

⁶ На площади раскопа открыто до десяти ям (они были вырыты, вероятно, в ассирийскую эпоху). Что же касается могил, то они разновременны. Среди них есть погребения как I тысячелетия до н. э., так и I тысячелетия н. э. и более позднего времени.

Глава 11

ДРЕВНЕЙШИЙ ГОРИЗОНТ ХАЛАФСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Раскоп на Ярымтепе II был заложен в центральной части холма, по-видимому, в некотором удалении от центра самого поселка, который как и большая половина телля, смыт Джубара-даряси. Мы, естественно, не знаем, где находился действительный центр поселка и был ли таковой вообще, на каких участках были поставлены здесь первые дома и как разрастался поселок, каковы были формы архитектуры и планировки их на других, неисследованных участках Ярымтепе II. Но нет оснований сомневаться в том, что на нераскопанной площади поселения представлены такие же хозяйственно-бытовые комплексы, какие вскрыты на площади раскопа; что исследованный участок начали осваивать в древнейший период жизни поселения, о чем свидетельствуют открытые здесь остатки жилищ, печей, различных ям и других объектов. Прежде чем перейти к их описанию, укажем, что культурный слой древнейших горизонтов Ярымтепе II представлял на всех исследованных участках, как правило, чрезвычайно слабо гумусированный плотный суглинок желтоватого и желтовато-буроватого цвета.

Начнем описание раскопанных объектов с южных участков, с квадрата 29. На его площади открыты остатки нескольких узких прямоугольных многокамерных построек, вытянутых почти строго по оси север — юг (рис. 45). Южный край их лежал под стенкой раскопа, а противоположный — находился у разрушенного склона холма. Это сооружения 365, 358, 355/2 и 355/1 (рис. 46, 1, 2).

Сооружение 365¹. Остатки его вскрыты в восточном углу раскопа, на участках 29b, d, на глубине 6,65—6,8 м. Это была узкая прямоугольная камера (4,5×0,45 м), пристроенная, видимо, к прямоугольной или четырехугольной постройке (длина?, ширина 0,95 м), остатки большей части которой не раскопаны. Стены сооружения были сложены из пластов желтовато-коричневатого суглинка (толщина до 5—6 см) и достигали в ширину 25—28 см. В заполнении постройки найдены фрагменты сосудов, в том числе хассунских.

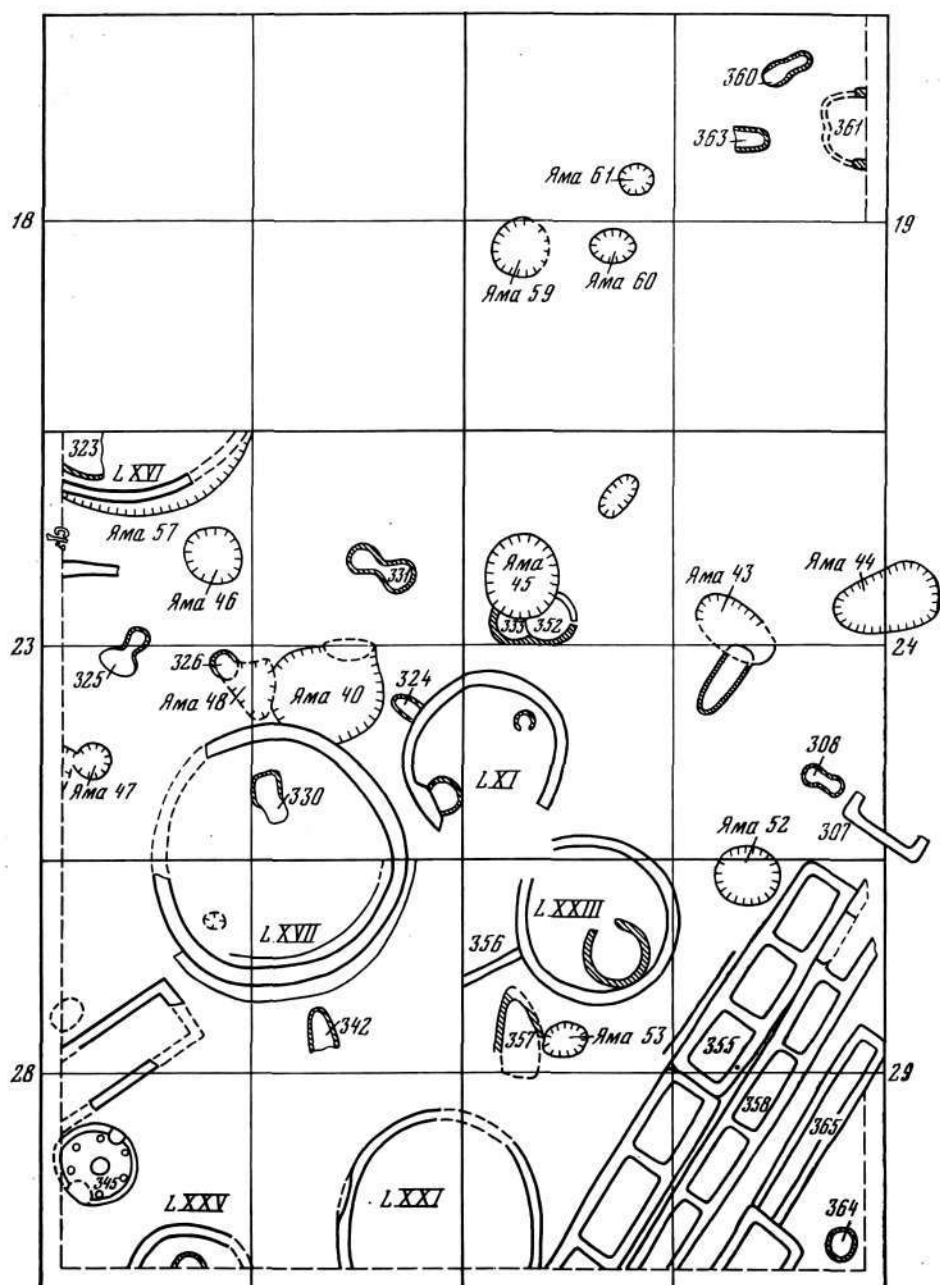

Рис. 45. Ярымтене II. План древнейшего строительного горизонта (9)

В 0,42—0,55 м к западу от этого сооружения, параллельно ему находилась постройка 358. Остатки большей части ее вскрыты на тех же участках, на глубине 6,6—6,8 м (южный край постройки, находившийся за бортом раскопа, не исследован). Это была многокамерная постройка, состоявшая не менее чем из пяти камер (рис. 45). Вскрытая часть ее достигала в длину 8,45—10 м при ширине (внутренней) 0,65—0,70 м. Размеры камер: 1,2×0,6 м; 1,75×0,65—0,75 м; 1,8×0,6 м; 1,65×0,55 м. Стены постройки, сохранившиеся в среднем на высоту 15 см, были сложены из пластов глины толщиной 5—6 см, ширина их 25—30 см. Пол представлял собой ровную и плотно утрамбованную площадку. На полу одной из камер отмечены кусочки гипса и серовато-зеленоватый суглинок.

Заполнение камер состояло из плотного, почти лишенного гумуса суглинка; в нем найдено 13 обломков сосудов, в том числе четыре мало-выразительных расписных черепка.

Сооружение 355 также было узкой прямоугольной многокамерной постройкой, расположенной параллельно, почти вплотную к постройке 358 (рис. 45). Общая длина вскрытой ее части достигала 10 м.

Выделяются два периода функционирования этого сооружения. От позднейшей постройки, обозначенной как сооружение 355/1, на участках 29d и с (на глубине 6,07—6,12—6,35—6,40 м) сохранились продольная стена и остатки двух поперечных стен. Они лежали на стенах более ранней части постройки — сооружения 355/2, но не во всех случаях ровно их перекрывали. Так, продольная стена позднейшей части постройки на определенном участке нависала над соответствующей частью стены древнейшей постройки. Одна из позднейших поперечных стенок в два раза уже, чем соответствующая древнейшая стенка. Продольная стенка сооружения 355/1 на участках 29d и с доходила до поперечной стенки одной из камер и дальше (в северном направлении) не продолжалась. Поэтому вероятно, что северная часть древнейшей постройки не реконструировалась.

Таким образом, новая, реконструированная постройка (355/1) была меньше древнейшей постройки как в длину, так и в ширину.

Продольная, восточная стенка сооружения 355/1 на участке 29d и с достигала в длину 3,67 м, в ширину — 33—35 см. Она сохранилась на высоту от 5—6 до 25—33 см. Две продольные стенки шириной 18 и 23 см сохранились на высоту от 6 до 15 см.

На участке 29b от сооружения 355/1 сохранилась (на высоту 25—26 см) лишь западная продольная стенка (длина до 3,65 м, ширина в среднем 25 см). Она была поставлена по существу вдоль внутреннего края соответствующей стены древнейшей части постройки, и, таким образом, реконструированная постройка оказалась заметно суженной. Поперечные стенки этого сооружения, как и восточная, продольная стена, на данном участке не сохранились. Поэтому осталось неясным, из скольких камер состояла более поздняя часть постройки.

Сооружение 355/2. Остатки его в виде двух параллельных стен, разделенных кое-где поперечными стенками, раскопаны на тех же участках квадрата 29, но на глубине 6,40—6,80 м. По всей вероятности, вскрыты остатки большей части сооружения (рис. 45). На исследованной площади постройка состояла из шести камер прямоугольной формы и достигала в длину 9,7 м при ширине 0,9—1 м (рис. 46, 1; 47, 1). Размеры камер: 2,15×1 м; 1,65×0,95 м; 1,35×0,95 м; 1,45×0,95 м; 1,6×0,9 м. Поскольку

Рис. 46. Ярымтепе II. Остатки хозяйственных сооружений
1, 2 — сооружения 355, 358 и 365

остатки шестой, или крайней южной, камеры вскрыты лишь частично, размеры ее не установлены.

Стенки южной половины сооружения (первых трех камер) были сложены из пластов-блоков серо-зеленоватого суглинка, а северной части (остальных камер) — из таких же пластов желтовато-коричневой глины ($85-87 \times 22-24 \times 8-10$ см). Данное обстоятельство и тот факт, что южная и северная части сооружения не были связаны единой поперечной стеной, а представляли собой как бы два отдельных, пристроенных друг к другу помещения, свидетельствуют, вероятно, о том, что сначала была построена одна часть сооружения, а затем — другая. Северная часть сооружения была укреплена с западной стороны дополнительной стеной (длина 3 м и ширина 24—25 см), в то время как южная часть такой стены-контрфорса не имела.

Поперечные стенки, разделявшие сооружение на камеры, также были сложены из пластов желтоватой глины и достигали в ширину до 25 см. Они, как и продольные стены, были покрыты слоем глиняной обмазки, толщина которой на отдельных участках с наружной стороны достигала 3 см. Полы камер были ровными и плотно утрамбованными. Заполнение и этой постройки состояло из слабогумусированного суглинка с фрагментами халафской керамики.

Сооружения 365, 358 и 355/2, как установлено, построены почти одновременно: основания их стен лежали на материковом слое, на глубине 6,76—6,80 м. Первые две постройки, возможно, раньше перестали функционировать. Сооружение 355/2 было реконструировано с сохранением при этом плана и ориентировки. Эти сооружения, относящиеся к наиболее ранним постройкам Ярымтөпө II, функционировали сравнительно недолго и были разрушены в древнейший период жизни поселения².

Одновременно с перечисленными постройками было воздвигнуто, по всей вероятности, находившееся рядом, несколько севернее, сооружение 307. Остатки его в виде южной поперечной и частей двух продольных стен вскрыты на участках 24d и 25c на глубине 6,37—6,75 м (рис. 47, 2). Остальные части стен разрушены и смыты рекой.

Постройка была, по-видимому, прямоугольной формы, ориентирована по оси север — юг. Ширина ее около 1,4 м. Стены толщиной 25—27 см, сохранившиеся на высоту в среднем 35 см, были сложены из пластов (4 см) плотной коричневатой глины, связанных между собой тонким (2 см) слоем серо-зеленоватого суглинка.

Рядом с этой постройкой, у ее юго-западного угла, на глубине 6,55—6,8 м открыты остатки глиняной печи (сооружение 308). Печь была устроена на материковом слое и имела в плане восьмеркообразную форму (рис. 47, 2; 48, 4). Она состояла из топочной камеры и выгребной ямы. Общая длина ее около 1 м, ширина топочной камеры в основании 44 см. Стенки печи (топки) сильно прокалены.

В западном углу этого же участка, в 2,5 м от печи, на глубине 6,83—7 м расчищены остатки другого очажного сооружения (без номера). Печь имела в плане вытянутую яйцевидную форму (рис. 45). Длина сохранившейся ее части 1,5 м, ширина — от 0,15 (южный край) до 0,60 м. Нижняя часть печи была устроена в материковом грунте; стенки были вертикальными. Ови, так же как и пол печи, обмазаны слоем глины и сильно прокалены. Печь имела наземную конструкцию (перекрытие), остатки которой в виде кусков обожженных глиняных стенок заполняли сохра-

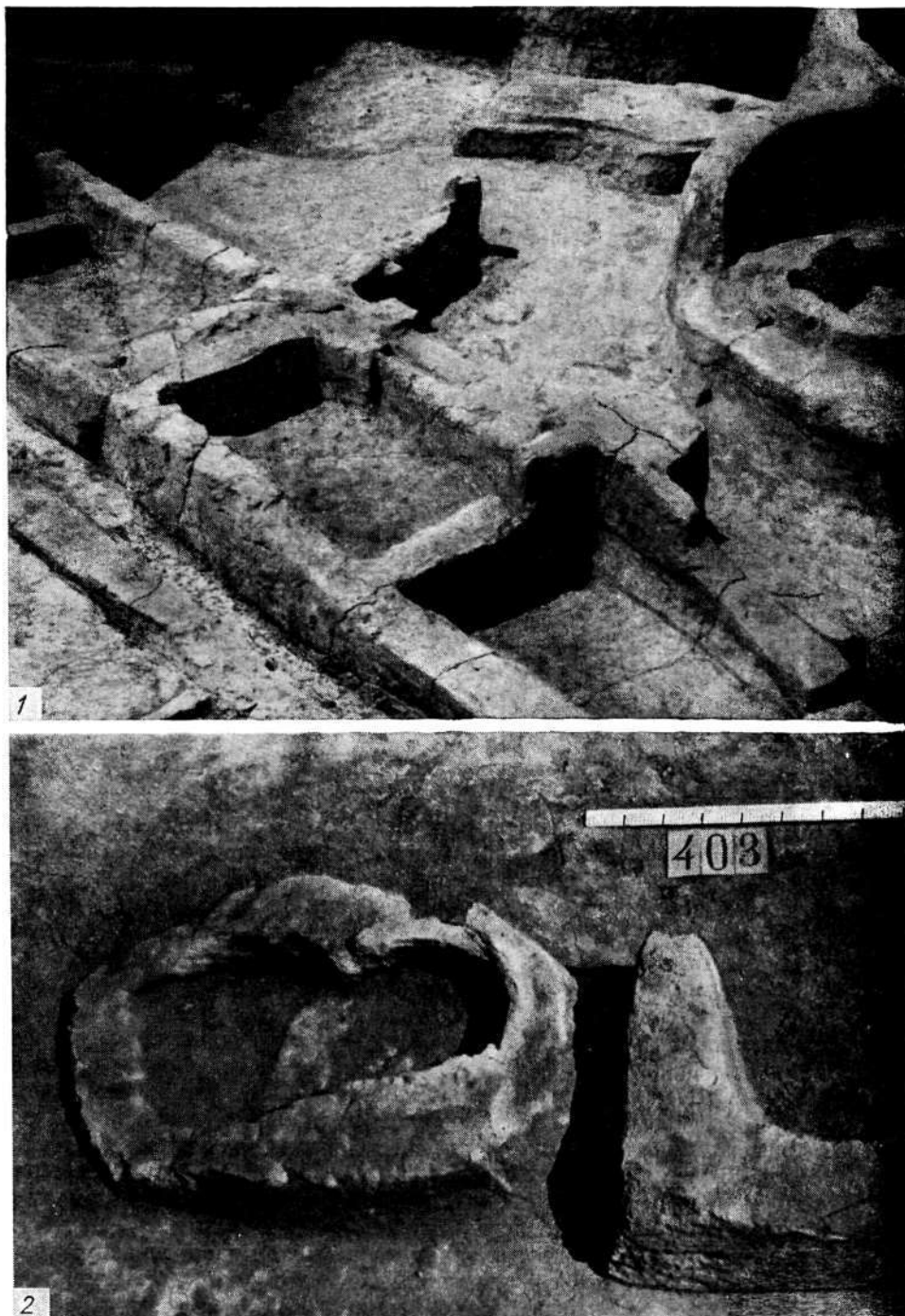

Рис. 47. Ярымтепе II. Остатки строительных сооружений .
1 — сооружение 355/2 и толос LXXIII; 2 — сооружения 307, 308

нившуюся часть очажного сооружения. В заполнении печи было много золы, несколько обожженных костей животных и шесть обломков (включая два расписных) стенок глиняных сосудов. Эта печь была сооружена после того, как засыпали находившуюся рядом яму 43 — северный край печи «лег» на эту яму и осел в нее (рис. 45). Яма имела овальную форму ($2 \times 1,2$ м) и достигала в глубину 1,1 м.

Другая яма (44), такая же по форме и близкая по размерам ($2,5 \times 1,5 \times 0,75$ м), находилась в 1,5—2 м к северо-востоку от ямы 43 на участках 24b и 25a. Она также была вырыта в материковом слое (6,75—7,5 м).

На соседних участках, к западу от исследованных сооружений было воздвигнуто несколько круглых построек: толосы LXXI, LXXIII, LXXV, LXI, LXVII, LXVI и др.⁵

Остатки толоса LXXI в виде полукруглой стены расчищены на участках 28d и 29c, на глубине 6,45/6,65—6,7/6,75 м. Стена этого толоса на участке 29c оказалась почти полностью разрушенной (рис. 45). Она не прослежена и в разрезе стенки раскопа — следовательно, остатки ее не сохранились и на примыкающем участке 34a.

Толос LXXI представлял собой округло-овальную постройку диаметром примерно 4,5 м (запад — восток), примыкавшую к сооружению 355. Вертикальные его стены толщиной 22—25 см были сложены из глины-сырца с незначительными примесями гипса и покрыты слоем глиняной обмазки. Постройка не была куполообразной, а имела, вероятно, плоское перекрытие. Полom служила выровненная и плотно утрамбованная площадка. Вход в помещение был устроен, видимо, в восточной или южной части толоса.

К северу и югу от него были сооружены такие же по форме круглые постройки.

Толос LXXIII находился примерно в 4—5 м к северу от толоса LXXI. Остатки его вскрыты на участках 29a и 24c (рис. 45), на глубине 6,35—6,65 м. От толоса сохранилась нижняя часть стены почти по всей окружности, не считая небольшого участка в восточной части постройки. Там стена на протяжении 1,6 м разрушена, но не полностью, основание ее сохранилось на высоту около 16 см. Сооружение имело в плане круглую форму и было, по всей вероятности, куполообразным (рис. 49, 1). Стены его от основания к верху несколько суживались. Диаметр постройки в основании достигал 3,35—3,40 м. Стены толоса сложены из массивных толщиной 10—12 см пластов глины. После того как стены были поставлены на определенную высоту, внутреннюю часть постройки забутовали слоем глины толщиной около 5 см, утрамбовали ее и выровняли под пол. Большая часть пола оказалась разрушенной; общая толщина его достигала не менее 10 см. Стены с внутренней и наружной сторон были покрыты слоем глиняной обмазки с примесью небольшого количества гипса. Вход в толос шириной 0,7—0,8 м находился в западной части постройки.

В толосе у края восточной части стены находилась крупная печь типа танура (рис. 50, 1). Ее устье шириной 40 см было устроено в западной стенке. Печь была округлой в плане и имела куполообразную форму. Диаметр ее основания составлял 1,2 м. Стены печи, сохранившиеся на высоту 32 см, сложены из глины, перемешанной с гипсом и серо-зеленоватым суглинком. Толщина их 18 см, в том числе прокаленного слоя обмазки изнутри — 4,6 см; этот слой глиняной обмазки был покрыт тон-

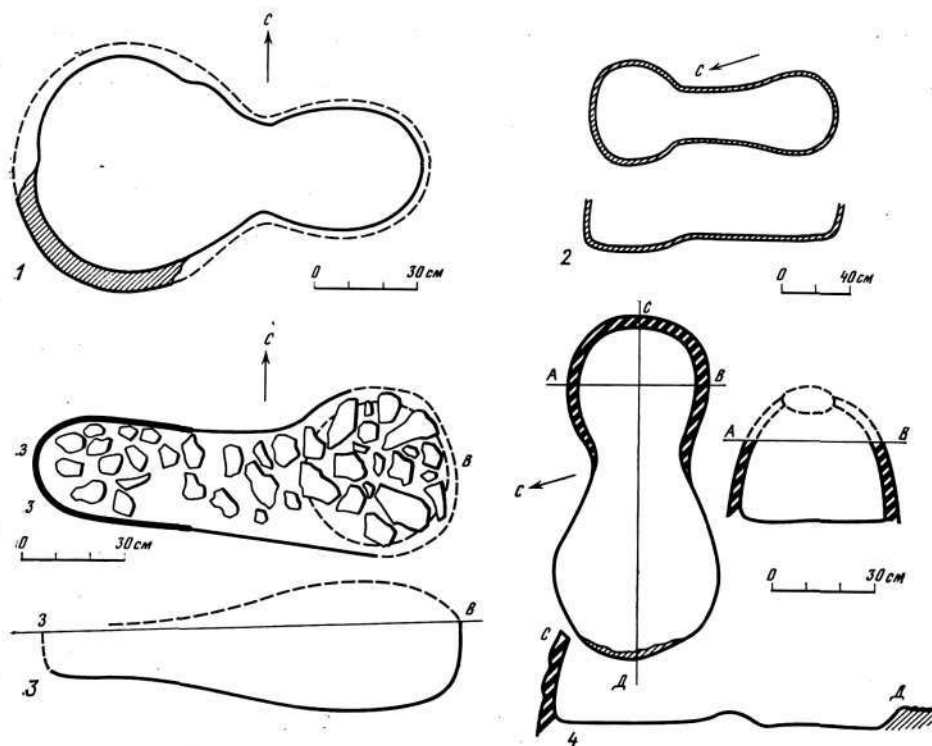

Рис. 48. Ярымтепе II. Планы и разрезы очажных сооружений

1 — печь 330; 2 — печь 331; 3 — сооружение 341; 4 — печь 308

кой гипсовой прослойкой. Под печи ровный, сильно прокаленный и закопченный.

От толоса в южном направлении отходила прямая стена (длина 1,42 м, ширина 15—20 см) на уровне 6,15—6,60 м. Ее основание находилось на 20 см выше основания стен толоса. Она была сложена из массивных (толщиной 8—9 см) пластов глины, как и стены толоса. Эта стена была сооружена во время функционирования толоса и служила, возможно, перегородкой.

Заполнение толоса LXXIII состояло в основном из серо-зеленоватого суглинка, золы и угольков. В нем найдено много обломков керамики и костей животных. Между южной стенкой печи и стеной толоса на уровне 6,70—6,85 м обнаружены базальтовая ступка, миниатюрная чашечка-блюде из светло-розоватого мрамора, обломки костяных предметов, фрагменты расписных сосудов, в том числе с изображением «хижин и пальм» и букрании, крупный обломок верхней части горшкообразного сосуда с носиком на плечике, глиняное пряслице, верхняя часть серого базальтового пестика, плоская каменная зернотерка и (под ней на полу) толсто-стенный грубый сосуд темно-коричневого цвета в обломках.

Рядом с толосом LXXIII, южнее него, находилась крупная печь типа танура (сооружение 357). Остатки ее в виде части пода вскрыты на участке 29а на глубине 6,52—6,65 м⁴. Судить о точной форме и размерах

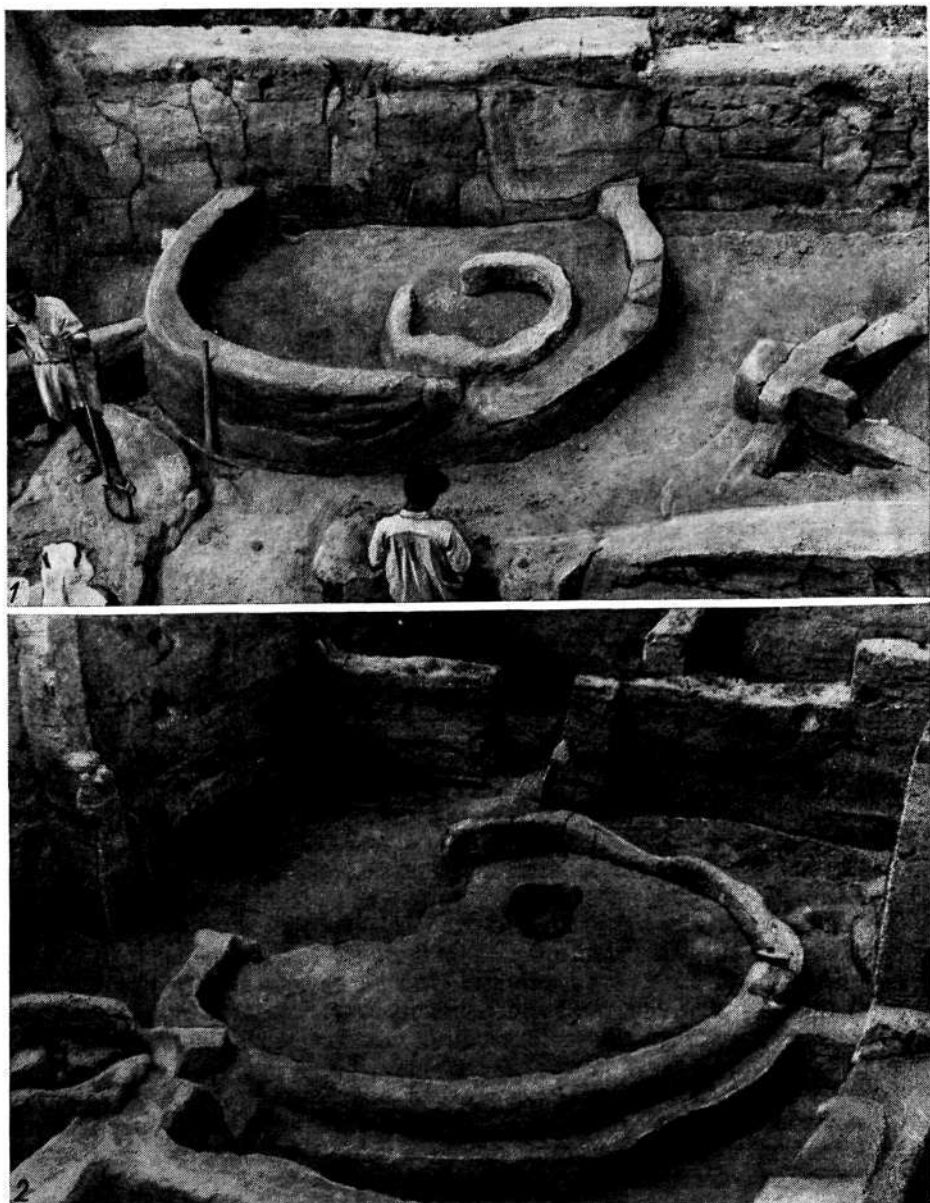

Рис. 49. Ярымтепе II. Остатки круглых построек
1 — толос LXXIII; 2 — толос LXVII

печи трудно. Видимо, она была овально-округлая в плане, диаметром в основании (запад — юго-восток) около 1,0 м.

Эта печь находилась внутри небольшой сырцовой постройки, стенки которой в нижней части смыкались с двух сторон с печью (рис. 45).

Поэтому, вероятно, вход в постройку к печи находился в восточной или юго-восточной части. Остатки стен постройки шириной 17—18 см, сложенные из пластов желтоватой глины, расчищены на глубине 6,3—6,6 м. Это была, конечно, не постройка в буквальном смысле слова, а просто невысокая стенка (в плане вытянутой треугольной формы?), ограждавшая печь с двух-трех сторон. Печь была построена, видимо, вскоре после возведения толоса LXXIII, но функционировала недолго. Она была разрушена, и над ее остатками соорудили маленькую округлую постройку (толос LXXIV). От нее в южном углу участка 29а на глубине 6,2—6,3 м сохранилась полукруглая стенка толщиной 20 см и протяженностью 1,7 м. Можно предполагать, что эта округлая постройка была сооружена обитателями толоса LXXIII как подсобное помещение.

Толос LXXV представлен основанием части стены, открытой в восточном углу участка 28с (рис. 45) на глубине 6,40—6,62 м. Большая часть его находится под стенкой раскопа (участок 33а). Это округлая в плане постройка, достигавшая в диаметре около 3 м. Стены ее толщиной 20—22 см были сложены из пластов глины с примесью гипса и обмазаны с двух сторон глиняной штукатуркой. Вход в толос был устроен, вероятно, в южной части. Внутри толоса, почти в центре его помещалась печь. Основание ее находилось на 15 см выше (6,48 м) пола постройки, в ее заполнении, которое представляло собой слабогумусированный суглинок с включениями фрагментов керамики. Следовательно, эта печь не связана с толосом, а сооружена позже.

После того как разрушили толос, срезав его стены на уровне 20—22 см от основания, на стенку толоса в его северной части на глубине 6,35—6,40 м был поставлен гипсовый сосуд, от которого сохранилось днище.

Любопытно, что на том же участке (28с) и на том же примерно уровне (6,35—6,50 м) еще в двух местах отмечены остатки гипсовых сосудов, а также расчищена (на глубине 6,45—6,70/6,75 м) яма диаметром 40—42 см, стены которой были обмазаны слоем глины толщиной 1,5—4 см. Диаметр днища одного из гипсовых сосудов 21 см. Для чего они служили, — неясно.

Сравнительно позже, чем упомянутые толосы, были сооружены на соседних участках еще две круглые постройки — толосы LXI и LXVII.

Остатки толоса LXI вскрыты на участках 23d и 24с (рис. 45) на глубине 6,1—6,5 м. От толоса сохранилась нижняя часть стены не по всей окружности. В юго-восточной части толоса стена до основания была разрушена глубокой ямой (37), спущенной с уровня 5,55—5,60 м и прорезавшей материковый слой на глубину до 8,3 м. В западной части стена толоса легла на край относительно раннего сооружения — печи 324. Остатки ее вскрыты в северном углу участка 23с на глубине 6,75—6,80 м. Печь имела в плане овально-яйцевидную форму. Длина ее (запад — восток) 0,68—0,70 м, максимальная ширина — 0,32 м. Стены и под печи сложены из глины с примесью гипса и сильно прокалены.

Толос имел округлую в плане форму и достигал в диаметре 3,30—3,35 м. Площадка, на которой он воздвигнут, неровная с наклоном в южную сторону не менее чем на 5 см. Стены толоса шириной 33—35 см были сложены из массивных пластов тщательно промешенной глины толщиной до 8 см, связанных глиняной промазкой и покрытых с обеих сторон глиняной штукатуркой. На сохранившуюся высоту стены были вер-

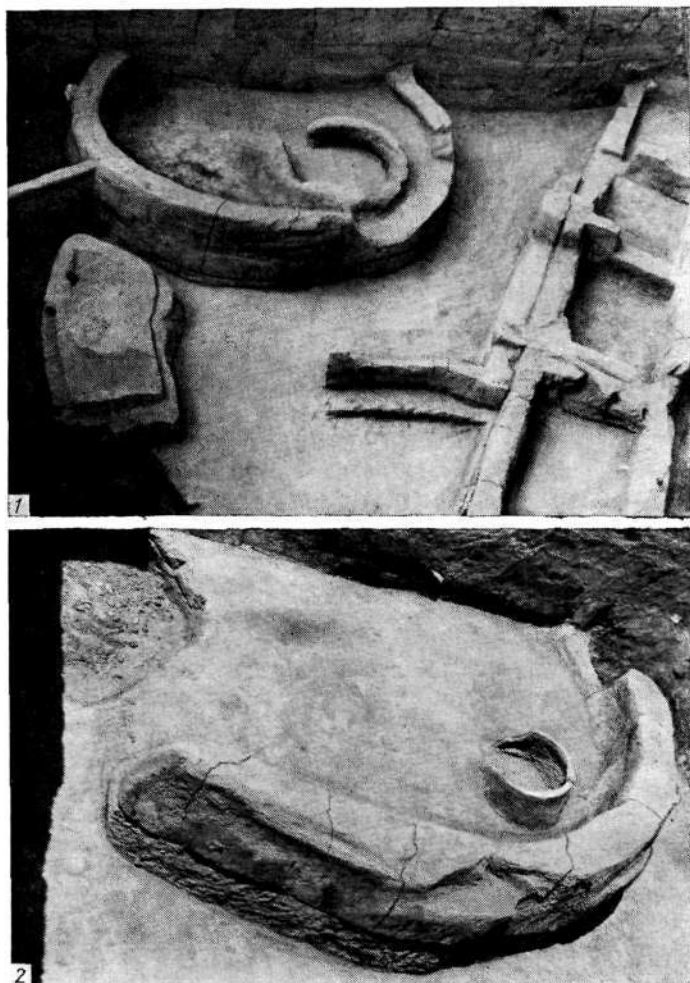

Рис. 50. Ярымтепе II. Остатки хозяйственно-бытовых сооружений

1 — печь в толосе LXXIII; 2 — остатки толоса LXI

тикальные. Поэтому, надо полагать, дом имел не сводчатое или куполообразное перекрытие, а плоское. Пол постройки представлял собой плотно утрамбованную глиняную площадку толщиной 4—10 см; в южной половине толоса он был разрушен.

В северной части постройки, ближе к краю стены, на полу стояло глиняное «сооружение», округлое в плане (диаметр 42 см, высота 24 см) и сложенное из глины-сырца с добавлением серо-зеленоватого суглинка и мелких кусочков гипса. Толщина стенок в основании 9—10 см, в верхней части — 2,5—3,5 см (рис. 50, 2). Для каких целей предназначалось это сооружение, остается не ясным. Оно напоминает печь типа мангала, но не отмечено каких-либо признаков использования его как очажного сооружения.

Внутри толоса имелась настоящая печь типа танура. Она находилась в южной части толоса, в 25 см от края стены. Печь сильно разрушена, в частности упоминавшейся ямой 37. Она была округлой в плане, диаметром в основании около 1 м. Под и стены, сохранившиеся местами на высоту до 40 см, были сложены из глины с примесью гипса. Толщина стен в нижней части около 5 см. Пространство между очагом и стенкой толоса было забутовано глиняной массой с включениями кусочков гипса. Заполнение толоса LXI состояло из кусков стен дома, плотного суглинка, золы и т. д. В юго-западной части стена толоса LXI была перекрыта стеной другого, сравнительно позднего сооружения, сложенной из пластов глины толщиной 5—6 см. Эта стена расчищена на глубине 6,1—6,35 м. Она сохранилась на протяжении 3,1 м по направлению запад — восток. На участке 23d и соседних остатках стен, связанных с этой стеной, не отмечены. Поэтому стена, сооруженная вскоре после разрушения толоса LXI, едва ли представляла собой часть какой-то постройки, а служила, видимо, просто перегородкой.

Наиболее крупным сооружением древнейшего строительного горизонта на исследованной площади поселения Ярымтепе II является толос LXVII. Остатки его вскрыты на участках 23d, с и 28a, b (рис. 45), на глубине 5,97/6,30 — 6,52/6,72 м.

До постройки этого толоса на отмеченных участках было сооружено и функционировало какое-то время несколько печей. Остатки одной из них (сооружение 330) вскрыты непосредственно под толосом LXVII, на участке 23d, на глубине 6,55—6,86 м. Основание печи находилось в материковом слое. Печь имела в плане восьмеркообразную форму и состояла из топочной камеры (диаметр в нижней части примерно 0,7 м) и выгребной ямы (рис. 48, 1). Общая длина ее по полу 1,15 м. Стены печи, суживавшиеся кверху, и пол были обмазаны слоем глины с примесью гипса толщиной до 3 см и сильно прокалены.

В юго-восточном углу участка 28b на том же примерно уровне расчищены остатки другой печи (сооружение 342). Она имела овальную в плане форму (0,65×0,8 м). Стенки ее толщиной 5 см также были сильно прокалены.

Остатки еще нескольких гончарных сооружений вскрыты в материковом слое на участках 23d, с, в том числе отмеченная при описании толоса LXI печь 324. Ближе к борту раскопа находилась печь 325 восьмеркообразной в плане формы. Длина ее 1,25—1,27 м. Размеры топочной камеры 0,60×0,65 м (высота не менее 0,4 м), а выгребной ямы — 0,60×0,45 м. Печь в центре суживалась, образуя устье. Стены топочной камеры и устья были обмазаны слоем глины толщиной 3 см. Заполнение печи (на уровне 6,9—7,2 м) составляли зола, куски стенок и суглинок.

Другая печь (326), остатки которой вскрыты в северном углу участка 23с на глубине 6,97—7,22 м, имела округлую в плане форму, диаметр в нижней части 0,45 м. Устье печи находилось с восточной стороны (ширина его в основании 0,25 м).

Перед печью в материковом слое на глубине 7—7,3 м прослежена яма 48 неопределенных очертаний. Возможно, она была вырыта при сооружении печи, во всяком случае до постройки толоса LXVII. До его сооружения была вырыта также и смыкавшаяся с этой ямой другая, более крупная (40), расчищенная на участке 23d, на глубине 6,93—7,26 м. Она была неглубокой (0,33 м) и имела в плане овальную форму (2,6×2 м).

На исследованной площади поселения зафиксированы и другие ямы и печи, сооруженные до строительства толоса LXVII. О них будет сказано дальше. Отажные сооружения на участках, где был построен толос LXVII, способствовали накоплению здесь незначительного по мощности (максимально до 25 см), но весьма насыщенного золой и угольками слоя. Собственно, основание северной части толоса подстилал в основном угольно-зольный слой.

Толос LXVII представлял собой большой, круглый в плане дом, диаметром (по оси север — юг) 5,3 м. Стены его, сложенные из пластов глины толщиной 7—8 см и достигающие в ширину до 0,4 м, сохранились не по всей окружности — в западной части участок стены протяженностью около 3,2 м был полностью разрушен (рис. 49, 2). Восточный участок дома (по всему сегменту) был укреплен снаружи и изнутри стеной, сложенной также из пластов глины толщиной 7—8 см (максимальная высота ее около 30 см, а ширина — 25 см). Возможно, дверной проем находился в западной, разрушенной части дома.

Стены толоса были поставлены на специально подготовленную платформу в виде выровненной глиняной площадки. Затем площадку покрыли слоем плотной желтоватой глины, перемешанной с серо-зеленоватым суглинком, и таким образом соорудили пол⁵.

Перед тем как обмазать пол, в южной части площадки сделали небольшое углубление округлой формы (диаметр 40×32 см, глубина около 6—7 см); в нем «погребены» обломки разбитого на мелкие куски расписного сосуда с рифленой поверхностью (рис. 51, 7; 52, 1), а также три (два целых и обломок) обсидиановых микролитических орудия в виде трапеции (рис. 51, 1, 2). Их засыпали остатками костра в виде угольно-зольного слоя⁶. Обломки сосуда были беспорядочно разбросаны по всей небольшой площади углубления. От долгого пребывания в угольно-зольном слое многие черепки изменили цвет с желтовато-кремового на темносерый.

Под полами толоса, примерно в 1—1,5 м к северу от ритуальной ямки (в западном углу участка 28b), в слое глиняной забутовки, составляющей отмеченную платформу, были найдены помимо костей животных и обломков разнообразных сосудов, семь пряслиц, в том числе пять глиняных (рис. 53, 3—7), алебастровая (рис. 53, 2) подвеска, подвеска из темносерого плотного камня, украшенная циркульным орнаментом (рис. 51, 6), плоская каменная подвеска овальной формы с ушком (рис. 51, 5), обломок нижней части миниатюрной глиняной антропоморфной статуэтки (рис. 51, 4) и уникальная медная печатка-подвеска треугольной формы, украшенная резным узором в виде продольных, симметрично расположенных линий и имевшая петлю для подвешивания (рис. 51, 3). Едва ли эти интересные находки сконцентрированы здесь случайно. Открытие под полами этой же части толоса культовой ямки с расписным рифленым сосудом и необычными для халафской культуры микролитическими орудиями наводит на мысль, что и отмеченные предметы были специально «заложены» в основании дома при его сооружении.

Продолжим описание других сооружений древнейшего слоя Ярымтене II. В южном углу раскопа на участках 28а, с вскрыты остатки прямоугольной постройки (на глубине 6,55—7,05 м) и гончарной обжигательной печи (на уровне 5,8—7 м). Они также были сооружены до того как построили толосы LXVII и LXXV.

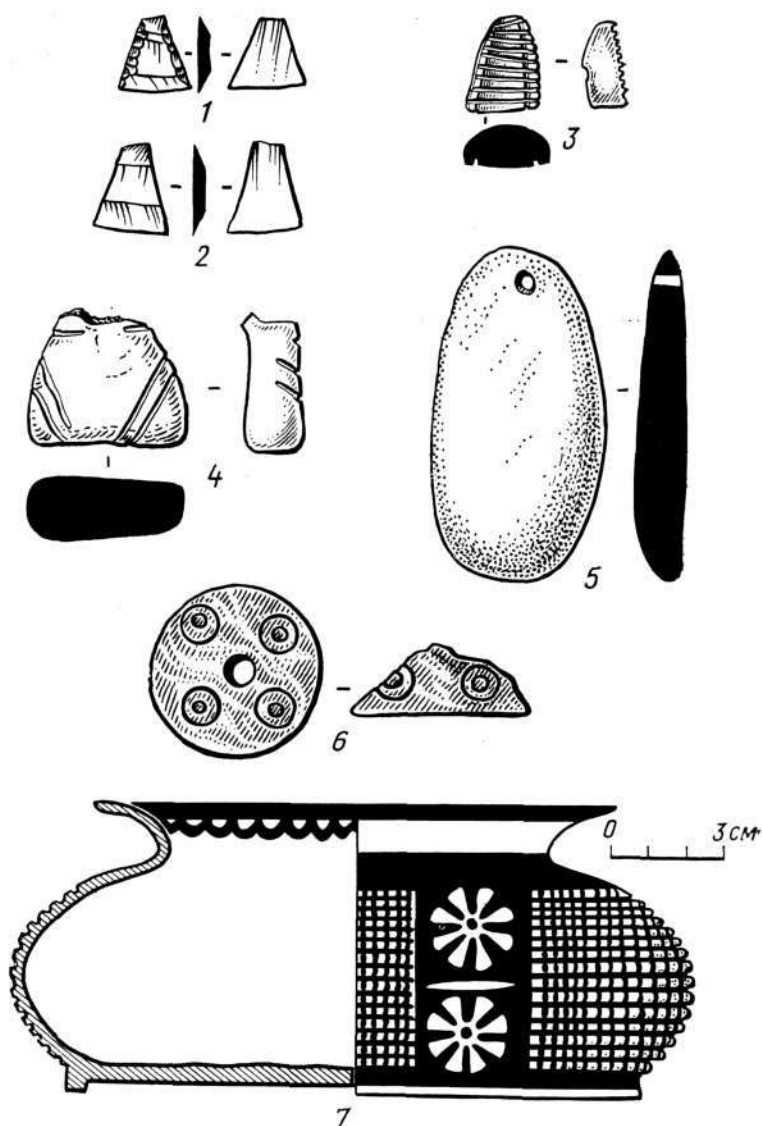

Рис. 51. Ярымтепе II. Толос LXVII

1, 2 — обсидиановые орудия; 3 — медная печать-подвеска; 4 — обломок глиняной статуэтки; 5 — каменная подвеска; 6 — каменное пряслице; 7 — глиняный сосуд

От прямоугольного сооружения сохранились части продольных и поперечной стен. Это была узкая, вытянутая по направлению север — юг сырцовая постройка длиной не менее 3 м и шириной 1,2 м (рис. 45). Она имела хозяйственное назначение и была связана, возможно, с находившейся рядом гончарной печью.

От печи (сооружение 345) сохранились рама с продухами и округлым отверстием в центре и нижняя часть горна — топка с устьем. Рама,

Рис. 52. Ярымтепе II. Глиняные расписные сосуды

1 — из ритуальной ямки в толосе LXVII; 2 — из ямки на участке 28с

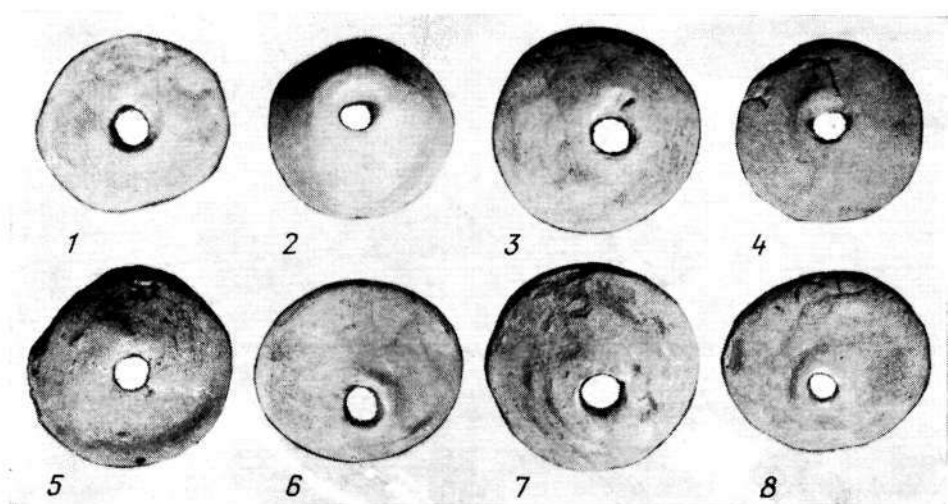

Рис. 53. Ярымтепе II. Глиняные (1, 3—8) и алебастровое (2) прыслица

отделявшая топку печи от камеры обжига, представляла собой массивный глиняный диск диаметрами (по верхнему внешнему краю) $1,85 \times 1,98$ м и толщиной 12—15 см (рис. 54, 1, 2). В нем было пробито шесть продухов диаметром в среднем 15 см, расположенных симметрично в один ряд по окружности, на расстоянии от 15 до 30 см от края печи, а в центре — округлое отверстие диаметром 35—40 см (рис. 55).

Топка печи также была округлой в плане, диаметром в основании 0,75—0,80 м. Она соединялась с обжигательной камерой шестью каналами, вырубленными в слое специально насыпанного плотного суглинка, и центральным отверстием. Глубина каналов до 1 м, в том числе их закрытой части — 20—24 см. Глубина топки 1,2 м от верхнего края центрального отверстия рамы. Устье топки было устроено в южной части печи и имело овальную форму; ширина и глубина 40 см, высота 18 см.

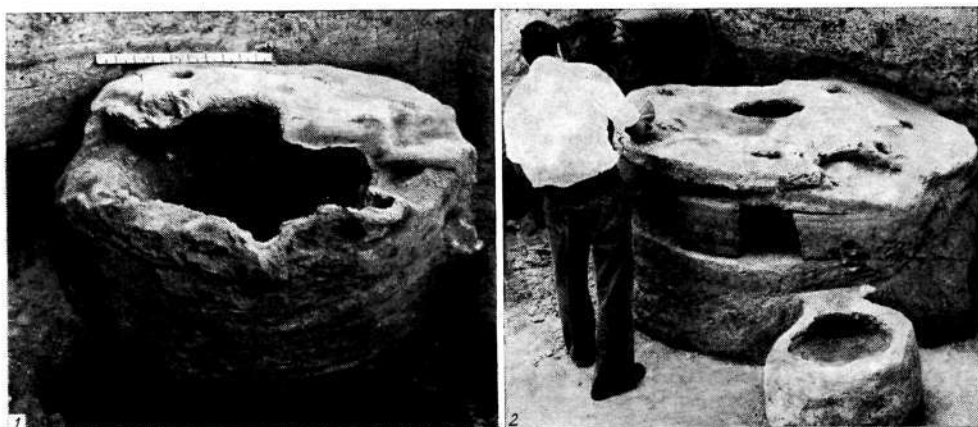

Рис. 54. Ярымтепе II. Гончарная печь — сооружение 345

1 — вид с востока; 2 — вид с северо-востока

Рама, служившая полом, на который ставили сосуды для обжига, насквозь прокалена, особенно в центральной, выпуклой части. Она была обмазана изнутри слоем серо-зеленоватого суглинка, перемешанного с саманом. Слой такого же суглинка с растительными примесями были обмазаны стены топочной камеры, нижние своды рамы и каналы, по которым огонь через продухи равномерно поступал в камеру обжига. Рама сделана путем наращивания глины, перемешанной с саманом и серо-зеленоватым суглинком.

Стенки обжигательной камеры не сохранились, поэтому об их размерах и о форме камеры можно говорить лишь предположительно. По-видимому, толщина стен была около 20 см, а сама камера имела форму свода и заполнялась сверху.

Заполнение печи состояло из мягкой золистоземли (в нижней части) и гумусированного суглинка с золой, кусками обожженной обмазки топки, обломками керамики⁷ и двумя обсидиановыми пластинками. В нижней части топки, почти на дне и у западного края стены в слое золы лежал на боку глиняный расписной кувшин с высокой шейкой и утолщенным туловом (рис. 56, 4). Расписана верхняя часть корпуса. Роспись темно-коричневая по светлому серо-розоватому фону.

Несколько позже, когда гончарная печь стала разрушаться или перестала функционировать, в непосредственной близости от нее (участок 28а), на остатках отмеченной прямоугольной постройки была поставлена новая гончарная печь совершенно аналогичной конструкции. Она относится к следующему строительному горизонту. Вернемся к описанию сооружений древнейшего строительного уровня, раскопанных на исследованной площади поселения.

На участках квадрата 23, помимо упомянутых очажных сооружений и ям, раскопаны еще две печи и несколько ям, а также вскрыты остатки двух толов и часть стенки какого-то сооружения.

Печь 325, расчищенная на участке 23а, с на глубине 6,9—7,2 м, имела восьмеркообразную в плане форму. Общая длина ее (север — юг)

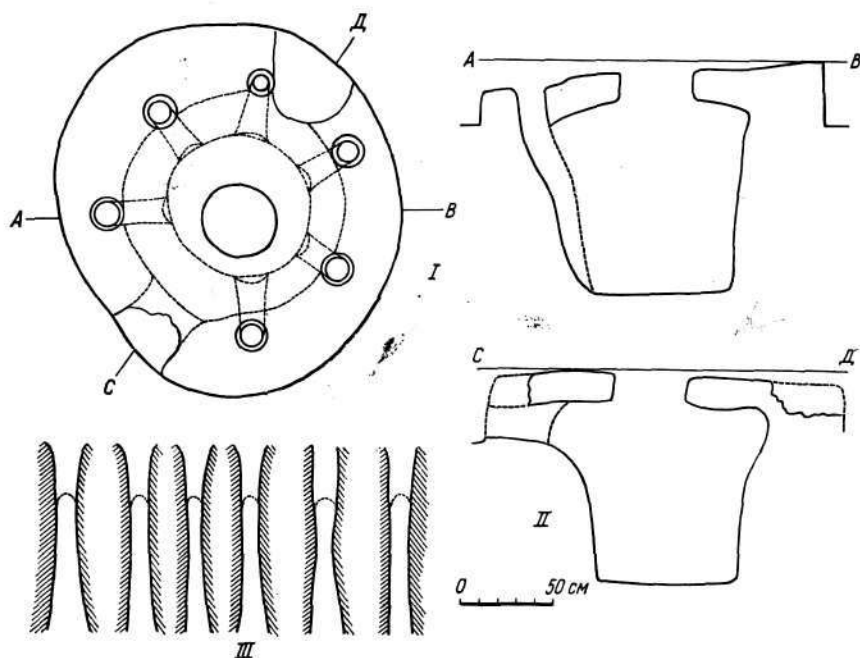

Рис. 55. Ярымтепе II. Гончарная печь 345

I — план; II — разрез; III — разрез каналов и стенок свода топки

1,27 м. Размеры топочной камеры $0,6 \times 0,7$ м (высота не менее 0,4 м), а выгребной ямы — $0,60 \times 0,45$ м. В центре печь суживалась, образуя устье. Стенки топочной камеры и устья были обмазаны слоем глины толщиной до 3 см. Заполнение печи составляли зола, куски стенок и суглинок.

Остатки другой печи (331) раскопаны на участке 23b на глубине 6,73—7 м (рис. 48, 2). Она имела такую же форму и состояла из топочной камеры ($0,6 \times 0,5$ м) и выгребной ямы, соединенных между собой устьем длиной 0,45 м и шириной 0,3 м. Стенки и пол топочной камеры и устья были обмазаны слоем (до 3 см) глины с примесью гипса. Заполнение печи состояло из золистого слоя, в котором находились куски стен печи, отдельные камни и около десятка обломков сосудов, в том числе четыре фрагмента хассунской расписной керамики.

Опишем теперь ямы, расчищенные на участках квадрата 23^a. Ямы 40 и 48, смыкавшиеся между собой, уже были отмечены. Две перерезающие друг друга ямы (47a, b) зафиксированы у борта раскопа на участке 23c на глубине 6,9—7,25 м. Первая из них была округлой, диаметром около 0,75 м при глубине 0,35 м. Размеры и форма второй не установлены, так как большая часть ее, находящаяся за краем раскопа, не расчищена.

Часть крупной ямы 57 вскрыта на участке 23a на глубине 6,8—7,9 м. Большая часть этой ямы-котлована находится на нераскопанной площади участка 18a. Возможно, она имела округлые очертания и до-

Рис. 56. Ярымтепе II. Глиняные сосуды (1—4)

стигала в диаметре не менее 6 м при глубине 1,1 м. На участке 23а (рис. 45) длина котлована составляла 4,5 м, а ширина — 1,9 м.

Этот котлован образовался здесь, по всей вероятности, в период возникновения поселка в результате выборки отсюда глины для сооружения различных построек. Затем его засыпали⁹ и в верхней части на уровне 7 м соорудили небольшую толосовидную постройку. На участке 23а на глубине 6,7—7 м прослежены части стен этого толоса¹⁰. Это была округлая в плане постройка диаметром примерно 1,6—1,7 м. Стены ее толщиной около 25 см сложены из глины-сырца с примесью самана. Постройка функционировала, вероятно, очень короткое время. На ее месте была сооружена более крупная круглая постройка — толос LXVI¹¹. На участке 23а на глубине 6,3—6,55 м вскрыта часть стены этого дома общей протяженностью 2,75 м (остальная часть стены находится на участке 18с, за краем раскопа).

Толос LXVI имел округлую форму и достигал в диаметре, по-видимому, около 4 м. Он был сооружен на неровной площадке, имевшей наклон в северном направлении примерно на 10 см. Стена толщиной в среднем 20 см была сложена из пластов глины и покрыта с обеих сторон глиняной обмазкой. Пол толоса сильно разрушен.

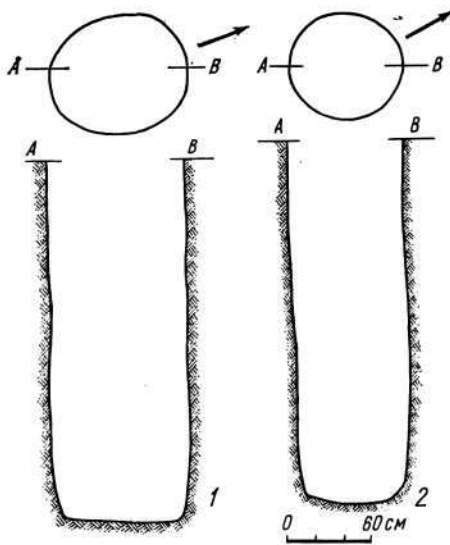

Рис. 57. Ярымтөпө II. Планы и разрезы ям
1 — яма 60; 2 — яма 61

мой стены вскрыты на участке 23а, на глубине 6,4—6,6 м (рис. 45). Северо-восточный край стенки разрушен. Длина вскрытой части стены около 1 м при ширине 0,34 м. Она сложена из пластов глины и обмазана с двух сторон глиняной штукатуркой. Стенка была разрушена, видимо, при совершении здесь погребений, которые будут описаны ниже.

Отметим, наконец, сооружения древнейшего строительного горизонта на участках квадрата 19. Здесь в начальный период жизни поселения были сооружены (участок 19b) две печи и вырыты (участки 19а, с) три ямы (рис. 45).

Одна из печей (сооружение 363), остатки которой расчищены в материковом слое на глубине 6,9—7 м, имела в плане овально-прямоугольную форму (0,8×0,35 м). Стенки и дно ее были прокалены.

Остатки второй печи (сооружение 360) вскрыты на глубине 6,65—6,85 м. Она имела грушевидную в плане форму. Длина ее 1,2 м, ширина — 0,5—0,3 м. Стены печи, особенно ее северной половины, были вертикальными. Они, так же как и дно печи, обмазаны слоем глины и слегка прокалены.

Очажная яма была завалена двумя рядами камней, между которыми встречены обожженные куски обмазки от стен печи. Все камни содержали следы пребывания в огне. В южной, округленной части печи (топочной камере) под камнями лежали крупные обломки большого серо-коричневатого толстостенного груболепного сосуда с ручками в виде широкого горизонтального выступа. Сосуд был, вероятно, намеренно разбит перед тем как его бросили в печь.

В этой же части раскопа находилось несколько ям, которые были вырыты в материковом грунте. Первая из них — яма 59 округлая в плане

В южной части постройки находилась печь (сооружение 323), остатки которой вскрыты на глубине 6,4—6,5 м. Это крупное очажное сооружение типа танура, диаметром в основании не менее 1,35 м¹², сложенное из глины с примесью большого количества гипса. Толщина стенки в основании в среднем 12 см, а пода — около 10 см.

Когда был сооружен этот танур, — во время функционирования толоса LXVI или после того как его разрушили, — осталось не ясным.

Возможно, его поставили внутри старой постройки, используя ее сохранившуюся стенку как перегородку.

Почти одновременно с толосом LXVI рядом была поставлена стенка-перегородка или сооружена какая-то прямоугольная постройка, остатки которой в виде части пря-

(диаметр 1,15 м) и неглубокая (0,4 м). Заполнение ее — слабогумусированный суглинок с зольными прослойками.

Остальные две ямы заметно отличались от этой как формой и размерами, так, несомненно, и назначением.

Яма 60 открыта примерно в 1,5 м к северо-востоку от ямы 59 на глубине 6,8—9,45 м. Верхняя часть ее на глубину 0,55—0,60 м (на уровне 6,80—7,35/7,40 м) была срезана поздней ямой 58. Это была яма-колодец цилиндрической формы (рис. 57, 1) диаметром 0,8—1 м и глубиной 2,65 м, служившая в качестве источника и резервуара для хранения воды.

Недалеко от нее, примерно в 1—1,5 м к северу, находилась другая (рис. 57, 2), аналогичная по форме и размерам яма-колодец 61. Диаметр ее 0,8 м, глубина — 2,7 м (6,85—9,55 м). По всей вероятности, этот колодец был вырыт и функционировал почти одновременно с первым.

Одинаковыми было и заполнение обеих ям. Оно состояло из мягкой золистой почвы с включениями костей животных, фрагментов керамики и других единичных находок.

В яме 61 обнаружены 11 обломков костей животных, 14 камней, обсидиановая и кремневая пластины, каменный пест, маленький кувшинчик с округлым дном (рис. 58, 1), большой раздавленный кувшин желтоватого цвета (рис. 58, 2), а также около 60 обломков керамики.

Таковы в общем наиболее ранние сооружения, исследованные на раскопанной площади Ярымтепе II. Они составляют древнейший, или девятый, строительный горизонт рассматриваемого памятника. Поскольку исследованная площадь приходится, видимо, почти на центральную или близкую от нее часть поселения, которая начала застраиваться в период возникновения поселка, можно предполагать, что упомянутые сооружения относятся к числу наиболее ранних здесь объектов строительной деятельности. Среди них представлены как комплексы жилой архитектуры в виде круглых однокомнатных домов, так и многочисленные хозяйственные сооружения, включая многокамерные прямоугольные постройки, служившие, вероятно, зернохранилищами, разнообразные печи и ямы. Кроме того, среди раскопанных объектов имеются сооружения культового характера и погребения.

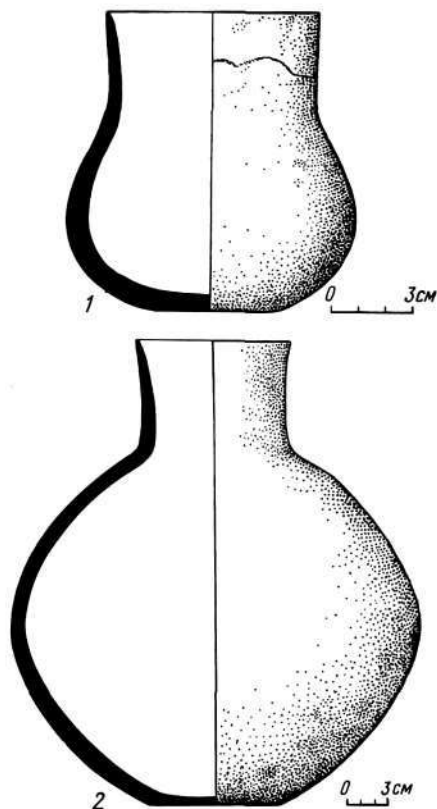

Рис. 58. Ярымтепе II. Глиняные кувшины из ямы 61 (1, 2)

- ¹ По мере вскрытия остатки каждого сооружения получали свой порядковый номер; римскими цифрами нумеровались толосовидные постройки.
- ² Позже на их месте построен ряд сооружений. В частности, на квадрате 29 открыты остатки какой-то прямоугольной постройки (сооружение 340 на участке 29а, глубина 6,1—5,8 м), часть круглой постройки (толос LXX на участке 29d, глубина 6,45—6,15 м; большая часть — под стенкой раскопа) и две очажные ямы. Одна из них (сооружение 341), раскопанная на участке 29d, на глубине 6,60—6,35 м, имела в плане как бы грушевидную форму (рис. 48, 3). Длина ее (запад — восток) 1,25 м, ширина в восточной половине — 0,35 м и в западной — около 0,5 м, глубина — 0,25 м. Края стен западной половины очага слегка обожжены, в то время как на стенках восточной части следы огня почти не отмечены.
- Яма оказалась заваленной камнями, причем западная половина — более плотно. Здесь, в западной части, под камнями лежали обожженные в разной степени кости мелкого рогатого скота; все камни закопчены.
- Видимо, в западной половине этого очажного сооружения было совершенно ритуальное сожжение животного (овцы или козы) или отдельных его частей, в процессе которого или после него яму завалили камнями.
- ³ Толосы Ярымтепе II соответствуют строительным комплексам Ярымтепе I и поэтому обозначены римскими цифрами.
- ⁴ Край печи с восточной стороны был срезан спущенной сверху (с уровня 6,2 м) неглубокий (35 см) ямой, имевшей овальную форму (яма 53).
- ⁵ Пол толоса неоднократно подмазывался. Общая толщина полов 7—8 см (верхний край их отмечен на уровне 6,32—6,33 м, а нижний — 6,40—6,41 м).
- ⁶ Стенки и пол ямки не содержали следов огня. Следовательно, костер в ней не был разведен.
- ⁷ Всего в заполнении обнаружено 55 фрагментов керамики, главным образом без росписи. Среди них имеются стенка грубого коричневатого сосуда типа бадьи с ручкой-выступом, часть крупного толстостенного (1,5 см) кувшина и др. Отсутствие в заполнении древесных угольков указывает, вероятно, на то, что топливом здесь служили не дерево, а кизяк, саман и т. п.
- ⁸ Здесь же вскрыто и основание более поздней ямы 46, спущенной сверху, с уровня 5,7 м.
- ⁹ Заполнение котлована состояло из угольно-зольной массы и суглинка. В нем обнаружено около 50 обломков сосудов, в том числе три фрагмента хассунской керамики, а также кремневая пластинка со следами заполировки на одном краю и битума на обеих поверхностях.
- ¹⁰ Этот толос не имеет номера. Остатки большей части его находятся на участке 18с.
- ¹¹ Таким образом, на участках 23а и 18с в пределах древнейшего строительного горизонта мы наблюдаем ряд последовательно построенных и насадившихся друг на друга сооружений. Позже, как увидим, на их месте были сооружены другие постройки.
- ¹² Остатки печи вскрыты не полностью. Они, как и остатки других раскопанных здесь сооружений, уходят за борт раскопа и на неисследованный участок 18с.

Глава 12

К ВОПРОСУ О ПЛАНИРОВКЕ ПОСЕЛЕНИЯ, ТЕХНИКЕ СТРОИТЕЛЬСТВА И ФОРМАХ ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ ДРЕВНЕЙШЕГО ГОРИЗОНТА

Попытаемся на основании полученных данных осветить, хотя бы в предварительной форме, некоторые вопросы, касающиеся истории возникновения поселения Ярымтепе II, его планировки, техники строительства и форм хозяйственно-бытовых сооружений.

Мы уже отмечали, что буквально до последнего времени не был исследован по существу древнейший слой (или ранние строительные гори-

зонты) ни одного поселения халафской культуры Месопотамии. Поэтому отсутствовали документированные и убедительные данные об архитектуре и особенностях хозяйственно-бытовых сооружений раннего Халафа вообще, древнейшего слоя (или древнейших слоев) того или иного халафского поселения — в частности. Соответствующие данные, полученные при раскопках поселения Телль Арпачия, оказались чрезвычайно скудными. Авторы раскопок данного памятника даже не опубликовали планы вскрытых строительных объектов ниже уровня ТТ6 (т. е. горизонтов ТТ7—10) на самом холме и на исследованной до материка площади раскопа за пределами телля¹. Подчеркивая именно это обстоятельство, Д. Меллаарт в своей монографии по неолиту Ближнего Востока выразил надежду, что Советская экспедиция в Ираке, возможно, получит необходимые данные для характеристики строительной деятельности населения Месопотамии в раннехалафский период².

Действительно, в настоящее время в результате раскопок поселения Ярымтепе II представляется возможность дать сравнительно широкую и обоснованную характеристику планировки и форм хозяйственно-бытовых сооружений одного из поселений халафской культуры Месопотамии в период возникновения и начальных этапов его существования. При этом мы вовсе не утверждаем, что древнейший слой поселения Ярымтепе II представляет самый ранний Халаф. Мы только подчеркиваем, что перед нами единственный по сути дела в настоящее время бытовой памятник халафской культуры с мощным семиметровым культурным слоем, исследованным до основания на значительной площади, и тем самым позволяющий с достаточной обоснованностью судить о планировке поселений Синджарской долины, особенностях их архитектуры, техники строительства и т. д. в период развития здесь халафской культуры. Следовательно, речь будет идти не о жилых и иных строительных комплексах раннего Халафа вообще, которого мы, к сожалению, еще совершенно не знаем, а конкретно — о древнейшем слое поселения Ярымтепе II³.

Племена халафской культуры, начавшие осваивать уже в первой половине V тысячелетия до н. э. долину Синджара, как и их предшественники, устраивали свои поселки по берегам рек⁴. И поселение Ярымтепе II было заложено у самой реки или в непосредственной близости от нее, на правом берегу.

Исследованная площадь поселения Ярымтепе II, как видим, была довольно плотно застроена уже в начальный период его существования. Отметим, кстати, что так же плотно она была застроена и во все последующие периоды жизни поселения. Почти на каждом участке раскопа вскрыты определенные сооружения. «Пустым» оказался лишь один небольшой участок (19d).

Наиболее плотной застройкой отличается южная половина вскрытой части поселения. Здесь наряду с жилыми постройками находились и разнообразные хозяйственные сооружения. Постройки стояли близко друг от друга, иногда примыкая одна к другой. Конечно, они были сооружены не сразу, хотя некоторые из них, вероятно, строились и были построены одновременно. Устанавливается, например, что раньше остальных крупных сооружений были построены хозяйственный комплекс в восточном углу раскопа, включающий сооружения 365, 358, 355, 307, и находящиеся рядом с ними с западной стороны толосы LXXI и LXXIII. Почти одновременно с ними были сооружены гончарная обжигательная печь 345 и

прямоугольная постройка, остатки которых вскрыты в южном углу раскопа. Тогда появилось большинство из упомянутых печей и были вырыты многие из отмеченных ям, в том числе два колодца, исследованных в северной части раскопа на участках квадрата 19. Сравнительно позже возникли остальные постройки, в том числе довольно крупный толос LXVII, раскопанный на участках квадратов 23 и 28.

Таким образом, в результате активного освоения уже в начальный период жизни поселения площадь, занятая раскопом, оказалась в значительной степени плотно застроенной. Хотя на площади квадрата 19 в ранний период не было сооружений типа толосов или прямоугольных построек, аналогичных вскрытым в противоположной части раскопа, здесь в это время были построены и функционировали иные объекты хозяйственного назначения в виде печей и ям-колодцев.

В период возникновения поселка здесь были построены не только жилые дома определенной архитектурной формы, но и различные по назначению — правда, все первостепенной важности — хозяйственные сооружения: хранилища для зерна и других продуктов, печь для обжига столь необходимой в быту глиняной посуды и колодцы.

Для сооружения этих и иных построек глина добывалась, вероятно, из ям. Любопытно, что почти все открытые в древнейшем слое Ярымтепе II ямы находятся недалеко или рядом с постройками, к западу и северу от них. Эти ямы были вырыты в короткий срок, иногда, видимо, в течение одного-двух дней, и использовались как место добычи глины или как иное специальное сооружение недолго. Вообще по сравнению с жилыми домами хозяйственные сооружения функционировали непродолжительное время. Они быстрее разрушались, и на их месте или рядом строили новые аналогичные сооружения. За время существования одного жилого комплекса мог быть построен и реконструирован ряд хозяйственных сооружений — печей, подсобных помещений и т. д.

Можно уверенно констатировать, что уже в древнейший период жизни поселения значительная часть исследованной площади Ярымтепе II отличалась густой застройкой. По-видимому, не менее плотно были застроены в это время и многие другие участки поселения, прежде всего близлежащие.

Как известно, для некоторых поселений Месопотамии до- и послехалафского периода характерно наличие в центре свободной от построек площади. Была ли такая свободная площадь и в центре рассматриваемого поселения (как и других халафских поселений), — сказать трудно. Во всяком случае несомненно, что значительная часть поселения Ярымтепе II, подобно многим древнейшим поселениям Ближнего Востока, была насыщена различными постройками. Хотя планы ранних слоев Телль Арпаччи не опубликованы, описание строительных остатков дано в довольно общей форме, очевидно, что и это поселение халафской культуры отличалось плотной застройкой в древнейший период его существования.

Поселение Ярымтепе II было застроено плотно, но не беспорядочно. Элементы определенной планировки поселения чувствуются, можно сказать, с самого начала его существования. Едва ли случайно, что почти все описанные сооружения в южной половине раскопа, представляющей собой один из наиболее застроенных участков поселения, стоят как бы параллельными рядами по направлению север—юг с незначительными

отклонениями (рис. 45). Такая же в общих чертах планировка и ориентировка построек наблюдаются здесь и в позднейшие периоды жизни поселения.

Строительный комплекс в восточном углу раскопа, включавший три почти вплотную примыкавшие друг к другу многокамерные прямоугольные постройки, имел весьма четкую планировку. К западу от него стояли круглопланые однокамерные постройки, вытянутые в ряд по направлению север—юг. В южном углу раскопанной площади поселения находилась гончарная печь. Несколько позже недалеко от нее было построено другое аналогичное сооружение.

На остальной площади раскопа, свободной от толосовидных и прямоугольных сооружений, были разбросаны печи и ямы. Здесь, в этой незастроенной части поселения, находились, в частности, два колодца в виде глубоких цилиндрических ям⁵. Кстати, на данном участке (квадраты 24 и 19) и в дальнейшем строили только хозяйственные сооружения. Все это также свидетельствует об определенной планировке рассматриваемого поселения.

К сожалению, мы не располагаем достаточными данными для суждения о характере и особенностях планировки других поселений халафской культуры. Но вероятно, и они не были застроены беспорядочно. Подобно поселению Ярымтепе II, и они с древнейшего периода застраивались с соблюдением каких-то определенных принципов планировки.

А каковы были формы жилищ и различных хозяйственных сооружений на поселении Ярымтепе II в период его возникновения, какова была техника их строительства?

Приемы и способы сооружения жилых домов и различных хозяйственных сооружений, открытых в древнейшем слое Ярымтепе II, в общем были такими же, как и на поселении Ярымтепе I. Следовательно, можно с полным основанием утверждать, что в последующем за хассунским временем периоде в Синджарской долине, так же как и во всей Северной Месопотамии, сохранялась традиционная техника сооружения строительных объектов, начиная от жилых построек и кончая гончарными печами. На примере поселения Ярымтепе I мы достаточно подробно рассмотрели технику строительства племен хассунской культуры. Поэтому нет надобности столь же детально излагать приемы сооружения жилых и хозяйственных построек древнейшими обитателями халафского поселка Ярымтепе II. Остановимся лишь на некоторых вопросах.

Основным строительным материалом здесь также служила глина. Ни в одном случае использование камня или дерева при сооружении жилищ и подсобных построек в древнейшем слое исследуемого памятника, как и на Ярымтепе I, не отмечено. Во все периоды истории на месопотамской равнине глина была главным строительным материалом. Ее выкапывали на месте и использовали для строительства жилых и различных хозяйственно-бытовых объектов.

Наряду с обычной желтовато-коричневатой глиной широко использовали специальный суглинок серо-зеленоватого цвета, который встречается почти в каждом районе Северной Месопотамии. Он обладает важными свойствами — слабо пропускает влагу и быстро высыхает после дождя. Такие качества этого суглинка были установлены, видимо, еще в начальный период освоения долин Месопотамии. Судя по данным Телль Сотто, Умм Дабагии и других памятников, серо-зеленоватый суглинок начали

использовать здесь уже в дохассунское время⁶. В период развития хассунской, халафской и убейдской культур он употреблялся при строительстве различных сооружений весьма широко⁷. Серо-зеленоватым суглинком обмазывали полы и стены построек, прежде всего жилого назначения, а также служивших хранилищами зерна. Из него изготовляли пласты-блоки, которыми наращивали стены построек. Чаще его использовали при возведении стен сооружений как обмазку, скрепляющую между собой глиняные пласты-блоки. Иногда этот суглинок перемешивали с обычной глиной и таким образом создавали штукатурку для обмазки стен и полов.

Почти все жилые и прочие постройки древнейшего слоя Ярымтепе II сложены из глиняных пластов-блоков. Подобная техника кладки стен сооружений характерна для строительного дела обитателей поселения Ярымтепе I и всех племен хассунской культуры. Она сохраняется в Северной Месопотамии и в период развития халафской культуры, о чем убедительно свидетельствуют строительные комплексы Ярымтепе II, Телль Арпаччи и других поселений. Причем в данный период кладка стен жилых и хозяйственных построек из глиняных пластов-блоков (tauf, или rise, как называют эту технику кладки стен в западной литературе) остается основным способом сооружения строительных объектов. Что же касается кирпича, в частности прямоугольной или батонообразной формы, широко использовавшегося в строительстве древнейшими племенами соседних с Месопотамией областей, то он был известен халафцам, но чрезвычайно редко изготовлялся и употреблялся. Отметим для примера, что из всех многочисленных построек, остатки которых вскрыты на Ярымтепе II, только три были сооружены из таких кирпичей. Наиболее ранней из них, открытой в восьмом строительном горизонте, является небольшая постройка (сооружение 351 на участке 19b), по-видимому, округленно-прямоугольной формы. Стены ее сложены из сырцовых кирпичей размерами 50—52—55×15—17×7—9 см. Ширина пластов-блоков зависела от мощности стен той или иной постройки. Толщина же их устанавливается во всех случаях в пределах от 6—7 до 10—12 см. Неясна только общая протяженность пласта-блока, но по ряду показателей ее следует считать достаточно значительной (до 1 м).

На Ярымтепе II лишь в отдельных случаях удалось определить полностью размеры глиняных пластов-блоков. Четко установлено, например, что стены северной части постройки 355/2 были сложены из пластов-блоков глины, достигавших в длину 85—87 см, в ширину 22—24 см и в толщину 8—10 см. Во всех случаях пласты-блоки скреплены связующим глиняным составом, отличающимся от них по цвету. Толщина его до 3 см. Часто, как отмечалось, связующим составом служил серо-зеленоватый суглинок. Следует подчеркнуть, что пласты-блоки составляла хорошо перемешанная глина с растительными примесями, прежде всего мелкорубленной соломой. Из такой же глины и серо-зеленоватого суглинка, включавших иногда и примеси небольшого количества гипса, изготовлялась штукатурка для обмазки обеих поверхностей стен, а также полов помещений. Обмазка эта неоднократно возобновлялась.

Достоверных свидетельств, указывающих на наличие специально углубленных фундаментов для построек, не отмечено. Сооружения воздвигались, как правило, непосредственно на поверхности, вероятно, предварительно подвергавшейся нивелировке. При сооружении толоса LXVII,

как указывалось, стены постройки были поставлены на специально подготовленную платформу в виде выровненной глиняной площадки. Установлена и такая конструктивная особенность сооружения толосов: после подготовки площадки под будущую постройку кольцо стен возводилось на небольшую высоту, а затем внутренность его забутовывалась глиной. Таким образом, создавалось основание пола и помещения.

Прежде чем перейти к характеристике архитектурных форм Ярымтепе II, остановимся кратко на таких хозяйственных объектах, как очажные сооружения. Они подробно рассмотрены, и здесь мы лишь суммируем данные об основных их типах. Мы наблюдаем здесь несколько типов печей: крупные типа танура, небольшие печи-мангалы, сооружения восьмеркообразной в плане формы и, наконец, двухъярусные гончарные печи. В домах печи ставили редко. Они, как правило, находятся между постройками или рядом с ними.

Наиболее распространенными очажными сооружениями в древнейшем слое Ярымтепе II являются печи восьмеркообразной в плане формы и крупные печи типа танура. Первые состояли из двух частей. Основная часть — заметно углубленная в землю топка, перекрытая, по всей вероятности, сводом. С ней смыкалась вторая часть — овальная, реже — округлая выгребная яма. К этому же типу печи конструктивно относятся и отдельные очажные сооружения, имевшие в плане грушевидную и яйцевидную форму. Что же касается печи овально-прямоугольной формы (сооружение 363), остатки которой вскрыты на участке 19b, то она оказалась сильно разрушенной, и об ее конструктивных особенностях судить затруднительно. Данный тип очажного сооружения характерен именно для нижних горизонтов Ярымтепе II. В средних и верхних строительных уровнях поселения он практически отсутствует.

Печи типа танура представляли собой, как правило, большие по размерам наземные очажные сооружения, округлые в плане и имевшие конусовидную или куполообразную форму. Диаметр их в основании составлял от 1 до 1,35 м. Стены и под печи, достигавшие в толщину 15—20 см, были сложены из глины с примесями гипса и реже — серо-зеленоватого суглинка. На Ярымтепе II раскопаны в основном остатки печей этого именно типа. Подобные очажные сооружения находят близкие аналогии в памятниках широкого хронологического диапазона Месопотамии и смежных областей и распространены здесь и по сей день.

Отдельный тип составляют остатки нескольких небольших печей округлого плана, типа мангала. В последующих горизонтах их становится больше. Встречаются они как в помещениях, так и за их пределами.

Наконец, к особому типу — конструктивно и по назначению — относятся гончарные печи, открытые в южном углу раскопа Ярымтепе II (квадрат 28). Они, судя по сооружению 345, представляли собой большие двухъярусные печи довольно сложной конструкции. Устроенная в глиняном массиве топочная камера была перекрыта массивной глиняной плитой-диском диаметром более 1,5 м, поверх которой располагалась обжигательная камера. Системой специальных отверстий и каналов последняя была соединена с топкой. Этот принцип, с которым мы уже встречались на хассунском поселении Ярымтепе I, здесь представлен в гораздо более совершенном конструктивном варианте. В этих печах достигалась высокая (видимо, до 1000°) температура. Массивность конструкции и тщательно продуманная система продухов обеспечивали высокий и равно-

мерный обжиг, отличающий замечательную халафскую керамику. Особо отметим, что подобные крупные гончарные печи, документирующие наиболее яркую отрасль халафского ремесла, впервые открыты на поселении этой культуры⁸.

В древнейшем слое Ярымтепе II, т. е. с самого начала существования этого поселка, мы наблюдаем сложившиеся формы жилой архитектуры и разнообразных сооружений хозяйственного назначения. Жилые сооружения представляли собой однокомнатные круглые в плане дома. На исследованной площади поселения раскопаны остатки нескольких таких построек типа толоса. Конечно, не все толосы были жилыми постройками. Бесспорно жилыми домами представляются толосы LXI, LXXI, LXXIII и др. Некоторые из них были куполообразной формы, другие же имели вертикальные стены и, видимо, плоское или коническое перекрытие. Это были небольшие по размерам дома, диаметром от 3 до 4,5 м и высотой, должно быть, не более 2,5—3 м. В двух толосах (LXI и LXXIII) зафиксированы очажные сооружения. Только в одном случае (толос LXXIII) отмечен дверной проем. Вход шириной 0,7—0,8 м был устроен в западной части дома.

Среди круглых построек древнейшего строительного горизонта Ярымтепе II заметно выделяется толос LXVII. Он обращает на себя внимание прежде всего своими размерами. Это наиболее крупная толосовидная постройка, открытая в древнейшем слое Ярымтепе II. Она достигала в диаметре, мы уже говорили, 5,3 м. Следовательно, уже в самый ранний период существования поселка здесь строили и сравнительно крупные круглые дома. Но самой примечательной особенностью толоса LXVII является то, что при его сооружении был совершен какой-то ритуал, вещественные следы которого в виде нескольких уникальных предметов обнаружены под полами данной постройки. При закладке этого дома вырыли ритуальную ямку, в которой были погребены разбитый на части рифленый и богато расписанный глиняный сосуд⁹ и микролитические орудия. В основание дома были «заложены» и другие предметы.

Несомненно, перед нами свидетельство культовой церемонии, проведенной непосредственно перед сооружением дома. Отсюда резонно возникает вопрос, не являлась ли эта крупная и тщательно сложенная толосовидная постройка сооружением культового характера, принадлежавшим, возможно, обитателям данной части поселения? Не настаивая на подобном предположении, мы считаем его тем не менее вполне допустимым. Мир идеологических воззрений раннеземледельческих племен Месопотамии вообще и древнейших жителей поселения Ярымтепе II, в частности, был весьма сложным. Поэтому возможность существования у них ритуальных построек типа небольших святилищ отрицать не приходится.

В данной связи следовало бы обратить внимание на следующее обстоятельство. В шумерский период в Южном Двуречье при сооружении общественных зданий, в частности храмовых построек, в основание их закладывали отдельные предметы, такие, как, например, бронзовые статуэтки божеств. Вполне возможно, что этот обычай восходит к более раннему времени — ко времени развития в Месопотамии халафской культуры и, может быть, даже к предшествующему периоду¹⁰.

Таким образом, круглый однокомнатный дом куполообразной и цилиндрической формы был по сути дела единственной формой жилой

архитектуры на поселении Ярымтепе II в начальный период его существования. Отметим, что таким он оставался и во все остальные периоды жизни поселения. В выпележающих горизонтах господствующим типом жилой постройки является также круглый однокомнатный дом. Но, в отличие от толосовидных построек древнейшего горизонта, в позднейших слоях к круглым домам обычно примыкают с одной, а иногда с двух и даже трех сторон прямоугольные сооружения хозяйственного назначения. Ни к одному из толосов древнейшего слоя Ярымтепе II, как мы видели, такие подсобные сооружения не пристроены. Но прямоугольные постройки в этом горизонте представлены, и во всех случаях они бесспорно, носят нежилой характер. Вообще из всех прямоугольных сооружений, раскопанных на Ярымтепе II, лишь одно можно с уверенностью отнести к постройкам жилого назначения. Это сооружение 217, вскрытое на участках квадрата 29 на глубине 4,1—5,05 м и представлявшее собой однокомнатный дом размерами (внутри) $4,4 \times 2,2$ м. Все остальные прямоугольные постройки, исследованные на разных уровнях рассматриваемого памятника, имели хозяйственное назначение.

Раскопки халафских слоев поселения Ярымтепе III, расположенного рядом с поселением Ярымтепе II, дают основание считать, что как на начальном, так и на заключительном этапах жизни данного халафского поселения круглый однокомнатный дом типа толоса был и здесь типичной формой жилой постройки.

В древнейшем горизонте, как и в последующих строительных уровнях Ярымтепе II, вскрыты также остатки круглых хозяйственных построек, отличающихся небольшими размерами (диаметр в среднем 1,5—2 м). Можно уверенно констатировать, что для исследуемого памятника халафской культуры характерны круглые в плане жилые и хозяйственные сооружения, сложенные из глиняных пластов-блоков. Этот вывод распространяется и на поселение Ярымтепе III.

Но можно ли с такой же категоричностью сделать подобное заключение применительно к другим известным памятникам Месопотамии V тысячелетия до н. э., в частности к поселениям Телль Арпачия и Тепе Гавра?

Круглые постройки типа толосов представлены в халафских слоях ряда памятников Ближнего Востока. Они открыты, можно сказать, во всех районах распространения халафской культуры: в бассейне Евфрата (в Юнусе близ Кархемиса¹¹ и Турлу¹²), на Тигре (Тепе Гавра¹³ и Телль Арпачия¹⁴), в Юго-Восточной Турции (Гирикхаджия¹⁵) и т. д. Широку известность получили арпачийские толосы; планы некоторых из них с соответствующими реконструкциями воспроизведены во многих изданиях по археологии Месопотамии и Ближнего Востока¹⁶. Наличие толосовидных построек на поселениях, расположенных в западной и восточной частях ареала халафской культуры, позволяет считать круглопланную постройку наиболее характерной для архитектуры данной культуры, но для всех ли этапов ее развития? Если судить по поселениям Ярымтепе II и Ярымтепе III, предполагая, что они представляют все этапы Халафа, то ответ на поставленный вопрос надо дать утвердительный. Такое заключение едва ли правомерно, точнее, оно преждевременно при нынешнем уровне знаний по архитектуре и другим компонентам культуры раннего Халафа.

Мы знаем, что древнейшие слои халафских поселений, исключая Ярымтепе II, по существу не изучены до сих пор. Соответствующие материалы, полученные в траншеях и шурфах, заложенных в Телль Арпачии Теле Гавре, Банахилке и Гирикихаджияне, незначительны и фрагментарны. Мы располагаем данными, да и то крайне ограниченными, лишь с двух памятников — Банахилк и Телль Арпачия. На первом поселении в небольшом шурфе, доведенном до материка, на северо-восточном склоне холма открыта часть каменной стены, служившей, как полагают исследователи памятника, основанием прямоугольного здания¹⁷.

Остатки прямоугольных построек выявлены и в древнейших халафских слоях Телль Арпачии (строительные горизонты XI—IX, по И. Хаджаре), достигнутых небольшими узкими траншеями во время новых исследований памятника в 1976 г.¹⁸ Эти слои, как отмечает И. Хаджара, представляют древнейшую строительную фазу Телль Арпачии, характеризующуюся прямоугольной архитектурой¹⁹. Переход же к круглопланной архитектуре здесь происходит на следующей фазе (строительные горизонты VIII—VI). На фазе 3 (строительные горизонты V—II, по И. Хаджаре, или TT10—7, по М. Малловану) в Телль Арпачии ведущей формой архитектуры являются толосы²⁰. И наконец, на заключительной фазе (строительный горизонт I, или TT6) архитектура становится опять прямоугольной²¹.

В нашу задачу не входит исследование развития архитектуры и строительного дела племен халафской культуры в целом. Мы пытаемся рассмотреть и изучить характер и формы жилых и хозяйственно-бытовых сооружений лишь в самых ранних слоях поселений этой культуры. При этом два наиболее изученных халафских поселения — Телль Арпачия и Ярымтепе II — демонстрируют как будто заметно отличную картину: на первом памятнике ранние горизонты Халафа характеризуются прямоугольной архитектурой, а на Ярымтепе II — круглопланной. Но так ли обстояло дело в действительности? Если в отношении древнейшего слоя поселения Ярымтепе II имеется достаточно оснований считать круглый однокомнатный дом типа толоса типичной формой жилой постройки, то соответствующие надежные данные для суждения о характерном типе жилища в ранних горизонтах Телль Арпачии пока, на наш взгляд, отсутствуют. Может быть, действительно в древнейший период жизни поселения дома там были прямоугольными, но это едва ли можно убедительно доказать данными, полученными в результате вскрытия небольших траншей и шурфов на ограниченных участках поселения. Не исключена возможность, что открытые И. Хаджарой в траншеях на Телль Арпачии строительные остатки принадлежат к таким же прямоугольным хозяйственным сооружениям, какие раскопаны в древнейшем слое Ярымтепе II. Поэтому вопрос о формах жилых и иных построек в ранних горизонтах Телль Арпачии не может считаться окончательно решенным. Что же касается перехода к прямоугольной архитектуре в финальный период Халафа, то на этом вопросе мы подробно остановимся в специальной публикации материалов поздних горизонтов Ярымтепе II и соответствующих слоев Ярымтепе III.

Подводя итог, можно констатировать, что в настоящее время форма жилой архитектуры для древнейших слоев халафских поселений установлена с убедительностью лишь для одного памятника — поселения Ярымтепе II. Это круглый однокомнатный дом. Такой же формой отли-

чаются и некоторые хозяйственные постройки. Все прямоугольные сооружения носят вспомогательный хозяйственный характер²².

На примере рассмотренного хассунского поселения Ярымтепе I мы знаем, что в предшествующий период на данной территории, как впрочем и во всем ареале хассунской культуры, господствующей формой архитектуры были прямоугольные, большей частью многокомнатные постройки. Правда, отмечалось, что отдельные круглые постройки встречаются и там. Но все они открыты в нижних горизонтах поселения и носят явно нежилой и даже нехозяйственный характер: судя по скоплениям в некоторых из них человеческих костей, их скорее всего следует связывать с особыми ритуальными действиями. Несмотря на идентичность строительной техники у обитателей поселений Ярымтепе I и Ярымтепе II, можно с уверенностью говорить о том, что появление халафской культуры в данной области Месопотамии было ознаменовано заметным изменением архитектурной традиции. Здесь возникает принципиально новая форма основных сооружений, не имеющая корней в предшествующий период, конкретно — в хассунской культуре.

Вопрос о происхождении новой архитектурной традиции, т. е. о появлении круглопланных сооружений, достаточно сложен, и здесь нельзя рассмотреть его в полном объеме. Отметим, однако, что в различных районах Ближнего Востока и смежных с ним областей обе традиции (строительство как прямоугольных, так и круглопланных помещений) фиксируются с глубочайшей древности — периода докерамического неолита и даже мезолита. Если развитые прямоугольные сооружения хорошо известны в Иерихоне В, докерамическом Хаджиларе, Чайонютепеси, Джармо, Телль Магзалии, то круглые в плане постройки в значительном числе открыты в Эйнане, Иерихоне А, Мурейбите, Бейде, Гандж-Дарехе и др.²³ В ряде случаев можно говорить о взаимодействии обеих архитектурных традиций, что документируется сосуществованием круглых и прямоугольных построек в Бейде, сменой первых вторыми в Иерихоне, наконец, сменой прямоугольных круглыми на рассматриваемых нами памятниках.

В эпоху же развития халафской культуры (V тысячелетие до н. э.) круглоплатово-купольная архитектура была широко представлена на смежной с ареалом Халафа территории Закавказья. Круглые жилые и хозяйственные постройки, сложенные часто (в отличие от халафских сооружений) из сырцовых кирпичей стандартных размеров, являются основной, а во многих случаях и единственной архитектурной формой энеолитических поселений, исследованных в последние десятилетия в междуречье Куры и Аракса²⁴. Пожалуй, прав А. И. Джавахишвили — один из видных исследователей этих памятников и представленной ими культуры, когда пишет, что ни в одной раннеземледельческой культуре Ближнего Востока круглопланная архитектура не имеет столь органически цельного характера, как на Южном Кавказе²⁵. Ее можно сравнивать лишь с архитектурой халафских поселений Северной Месопотамии, в частности, например, поселения Ярымтепе II.

Случайно ли такое совпадение? При ответе на этот вопрос следует иметь в виду, что материалами архитектуры не исчерпываются возможности сопоставления древностей Южного Кавказа и Северной Месопотамии. Мы располагаем сейчас рядом убедительных данных, свидетельствующих о связях и влияниях халафской культуры на культуру энеоли-

тического населения Закавказья. Это касается прежде всего наиболее показательной группы находок — керамики. В свете этих данных можно предполагать определенную систему взаимосвязей между обеими областями. Одним из ее выражений является, по всей вероятности, отмеченная близость архитектурной традиции.

Круглопланная архитектура, широко распространившаяся в Северной Месопотамии в V тысячелетии до н. э., в общем чужда местной строительной традиции. Пока неясно, как и откуда она появилась здесь в эпоху халафской культуры²⁶. Может быть, с Южного Кавказа? Именно так, например, ставит вопрос А. И. Джавахишвили, специально изучавший вопросы развития и связей строительно-архитектурных традиций Закавказья и Ближнего Востока в VIII—III тысячелетиях до н. э.²⁷ Разумеется, вопрос может стоять и иначе, а именно: круглопланная архитектура на неолитических поселениях южнокавказского двуречья есть результат влияния строительной традиции Ближнего Востока, в частности халафской культуры. Наконец, возможна и такая постановка вопроса: развитие и в Закавказье, и в Северной Месопотамии в качестве основной формы сооружений построек круглого плана связано со строительно-архитектурной традицией какой-то третьей, неизвестной области. Следовательно, в настоящее время мы можем только поставить вопросы, касающиеся формирования в Месопотамии в V тысячелетии до н. э. новой для нее архитектурной традиции, решить же их можно будет при накоплении соответствующих новых данных.

¹ Mallowan M. E. L., Cruikchank Rose J. Excavations at Tell Agrabchayah. — Iraq, 1935, v. II, part 1, p. 11—13. Как известно, не доведены до основания раскопки и на Телле Гавре. Не опубликован также план наиболее древнего из раскопанных на этом поселении строительных горизонтов — XX. См.: Tobler A. J. Excavations at Tere Gawra. Philadelphia, 1950, v. II, pl. XIX—XX.

² Mellaart J. The Neolithic of Near East. London, 1976, p. 156.

³ Представляется неправомерным рассматривать древнейшие строительные уровни Арпачии, исследованные в свое время М. Маллованом за пределами телля, а недавно И. Хаджарой — и на самом холме, как характеризующие собственно ранний Халаф. Если даже древнейший слой на Телле Арпачии старше древнейшего строительного горизонта Ярымтеш II, что не доказано пока, то и в этом случае можно говорить лишь об относительном соотношении соответствующих слоев на том и другом памятнике, а не утверждать, что древнейшие слои Арпачии представляют именно ранний этап халафской культуры.

⁴ В частности, изучение топографии поселений хассунской и халафской культур в Синджарской долине, как и в других регионах Месопотамии, пока-

зывает, что все они связаны с руслами рек, т. е. привязаны к древней гидрографической сети.

⁵ Древний колодец близкой формы расчищен и на Телле Арпачии. Предполагается, что он был основным источником в халафский период. Когда вода в нем иссякла, он был превращен в мусорную яму, а позже — в зернохранилище. См.: Mallowan M. E. L., Cruikchank Rose J. Excavations at Tell Agrabchayah, p. 15. Судя по характеру заполнения ям-колодцев на Ярымтеш II, они позже также использовались как мусорные ямы. Предполагается, что колодцем первоначально служила и яма, открытая ниже слоя f на участке А в северо-восточной части Телле Гавры. Она была вшита в материк на глубину 5 м. См.: Tobler A. J. Excavations at Tere Gawra.

⁶ Этот серо-зеленоватый суглинок называют в Ираке «джиль» или «гиль» (по-арабски). Он используется при сооружении различных построек в сельской местности и поныне.

⁷ Поэтому культурные слои памятников отмеченных комплексов насыщены таким суглинком.

⁸ Открытые в Телле Арпачии гончарные печи оказались очень плохой сохранности. Поэтому и их конструкция неясна. Судя по одной из них, остатки

которой вскрыты в слое ТТ8, она была заметно меньше ярымтепских (диаметр менее 1 м) и конструктивно отличалась от них. В центре печи сохранился столб, поддерживавший, видимо, раму с продуктами. См.: *Mallowan M. E. L., Cruikshank Rose J. Excavations at Tell Agrabchayah*, p. 175, pl. XXI, d. В печах, раскопанных на Ярымтепе II, ни в одном случае такая деталь конструкции не отмечена.

Остатки гончарной печи вскрыты и в Юнусе на Евфрате. Она довольно проста по конструкции и не может быть сопоставлена с горнами из Ярымтепе II. См.: *Frankel D. Archaeologist at Work. Studies on Halaf Pottery*. London, 1979, p. 15, fig. 11.

Укажем, наконец, что гончарные печи, открытые в хассунских поселениях, в самарском слое Телль эс-Савана и убейдском слое Телль Гавры, уступают и по размерам, и по совершенству конструкции раскопанным на Ярымтепе II.

⁹ Из ритуальной ямки были выбраны все обломки сосуда. Однако при реставрации его оказалось, что некоторых фрагментов стенок и венчика сосуда нет. Видимо, этот сосуд был разбит не здесь, а где-то на стороне, и когда обломки собирали для ритуального погребения, отдельные черепки были утеряны или просто оставлены на месте. Как уже отмечалось, при сооружении одной из древнейших построек на хассунском поселении Ярымтепе I в основание ее был специально заложен чрезвычайно редкий и уникальный предмет — свинцовый браслет. Этот факт также следует рассматривать как признак определенной церемонии, совершенной при закладке дома.

¹¹ *Mellaart J. The Chalcolithic and Early Bronze Ages in the Near East and Anatolia*. Beirut, 1966, fig. 4.

¹² *Mellink M. Archaeology in Asia Minor*. — AJA, 1964, v. 68.

¹³ *Tobler A. J. Excavations at Tepe Gawra*.

¹⁴ *Braidwood R. J., Cambel H., Redman C. L., Watson P. J. Beginnings of Village-Farming Communities in Southeastern Turkey*. — PNAS, 1971, June, v. 68, N 6.

¹⁵ *Starr R. Nuzi*. Cambridge Mass., 1939.

¹⁶ До раскопок поселения Ярымтепе II не было единого мнения о назначении круглых построек, открытых в Телль Арабчии, Телль Гавре и других халафских памятниках. Во всяком случае,

они не рассматривались как жилые сооружения. Большинство исследователей полагали, что это скорее всего остатки построек культового характера, возможно святилищ, принадлежавших родовому или общесемейному коллективу. Подробно об этом см.: *Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток*. М.; Л., 1965, с. 420, 421. Конечно, не исключено, что некоторые из этих круглых сооружений могли действительно иметь культовое назначение. Мы высказали такое предположение в отношении толоса LXVII, раскопанного на Ярымтепе II. Но сейчас представляется уже несомненным, что подавляющее большинство крупных толосовидных построек (диаметром более 3 м) на поселениях халафской культуры имело жилое назначение.

¹⁷ *Braidwood R. J., Howe B. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan*. Chicago, 1960, p. 33.

¹⁸ *Hijara I. Three new Graves at Agrabchayah*. — In: *World Archaeology*. London, 1978, v. II, N 2, p. 126; *Idem. Agrabchayah 1976*. — Iraq, 1980, v. XLII, p. 132—141.

¹⁹ *Hijara I. Three new Graves...*, p. 127.

²⁰ *Ibidem*.

²¹ *Ibidem*.

²² Как видим, данные по архитектуре древнейшего слоя Ярымтепе II (а также и последующих его строительных горизонтов) не подтверждают мнения о том, что прямоугольные и круглые постройки, по-видимому, одинаково характерны для халафской культуры, и неясно, какому типу постройки отдавалось предпочтение в качестве жилища. См.: *Джавашивили А. И. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тысячелетий до н. э. Тбилиси, 1973, с. 297.*

²³ Подробнее см.: *Merpert N., Munchaev R. Early agricultural Settlements in the Sinjar Plain, Northern Iraq*. — Iraq, 1973, v. XXXV, N 2; *Cauvin J. Les premiers villages de Syrie-Palestine du IX-eme au VII-eme millenaire avant J. C.* Lyon, 1978, p. 28—39.

²⁴ *Джавашивили А. И. Строительное дело и архитектура...*; *Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века*. М., 1975, с. 86—89.

²⁵ *Джавашивили А. И. Строительное дело и архитектура...*, с. 349.

²⁶ Там же, с. 346.

²⁷ Там же, с. 344—363.

Глава 13

ПОГРЕБЕНИЯ И КУЛЬТОВЫЕ ОБЪЕКТЫ

На разных уровнях культурного слоя Ярымтөпө II обнаружено несколько десятков погребений халафской культуры, что, кстати, превышает общее число погребений этой культуры, известных до начала наших раскопок. Сейчас мы коснемся лишь погребений, открытых в нижней части культурного слоя, соответствующей девятому и восьмому строительным горизонтам памятника¹, т. е. погребений 48—62 по полевой документации (рис. 59).

Погребение 1/48² открыто в северо-восточной части участка 23b на глубине 5,3—5 м. Останки плохо сохранившегося костяка (ребенок семи-восьми лет) лежали кучно в северной половине неглубокой (20 см) ямы овальной формы размерами 1,1 (север—юг) × 0,6 м (рис. 60). Определить точно положение погребенного оказалось затруднительным. Череп лежал сверху на остальных костях. Поэтому, казалось бы, можно предполагать, что покойник был помещен в могилу в сидячем положении. Однако отсутствие какого-либо анатомического порядка в расположении костей свидетельствует против такого предположения. Более того, отдельные кости (лопаточная и ребра) находились в стороне (в 20—30 см) от других костей. Возможно, здесь было захоронение расчлененного костяка. Череп был положен сверху, лицом на север—северо-восток. Никаких предметов в могиле не найдено.

Погребение 2/49 открыто на участке 24d, ближе к его западному углу, где в слое плотного гумусированного суглинка на глубине 6,25—6,35 м обнаружен череп плохой сохранности. Никаких других костей не было. Не прослежена и могильная яма. Следовательно, в данном случае можно говорить о погребении одного черепа. По-видимому, похоронили только голову сородича или врага, положив ее на левый бок, лицом на восток.

Погребение 3/50 представляло собой остатки трупосожжения в виде обломков сильно обгоревших костей человека. Они открыты на участке 23d на глубине 6—6,2 м. Остатки трупосожжения были положены в специально вырытую в слое плотного слабогумусированного суглинка яму (рис. 61) овальной формы (0,7 × 0,3 м). У северо-западного края лежали обломки двух расписных сосудов, вероятно, намеренно разбитых и брошенных в яму во время совершения церемонии захоронения остатков трупосожжения (рис. 62, 3). Остальная часть ямы была заполнена обожженными и беспорядочно разбросанными обломками костей взрослого человека и угольками.

Поскольку дно и стенки ямы совсем не были обожжены, ясно, что трупосожжение совершено не здесь, а где-то на стороне, поблизости или даже за пределами поселка.

Погребение 4/51 представляло собой также остатки трупосожжения, вскрытые в северной части участка 23c на глубине 6,32—6,52 м. Для их захоронения здесь была подготовлена специальная площадка округлой формы диаметром 0,9—1 м, обмазанная слоем глины, перемешанной с серо-зеленоватым суглинком и кусочками гипса (рис. 61). Обгоревшие кости взрослого человека лежали у края северной части площадки в беспорядке, за исключением, возможно, костей ног. Между берцовыми костями ног и лучевыми костями рук находилась нижняя челюсть. Об-

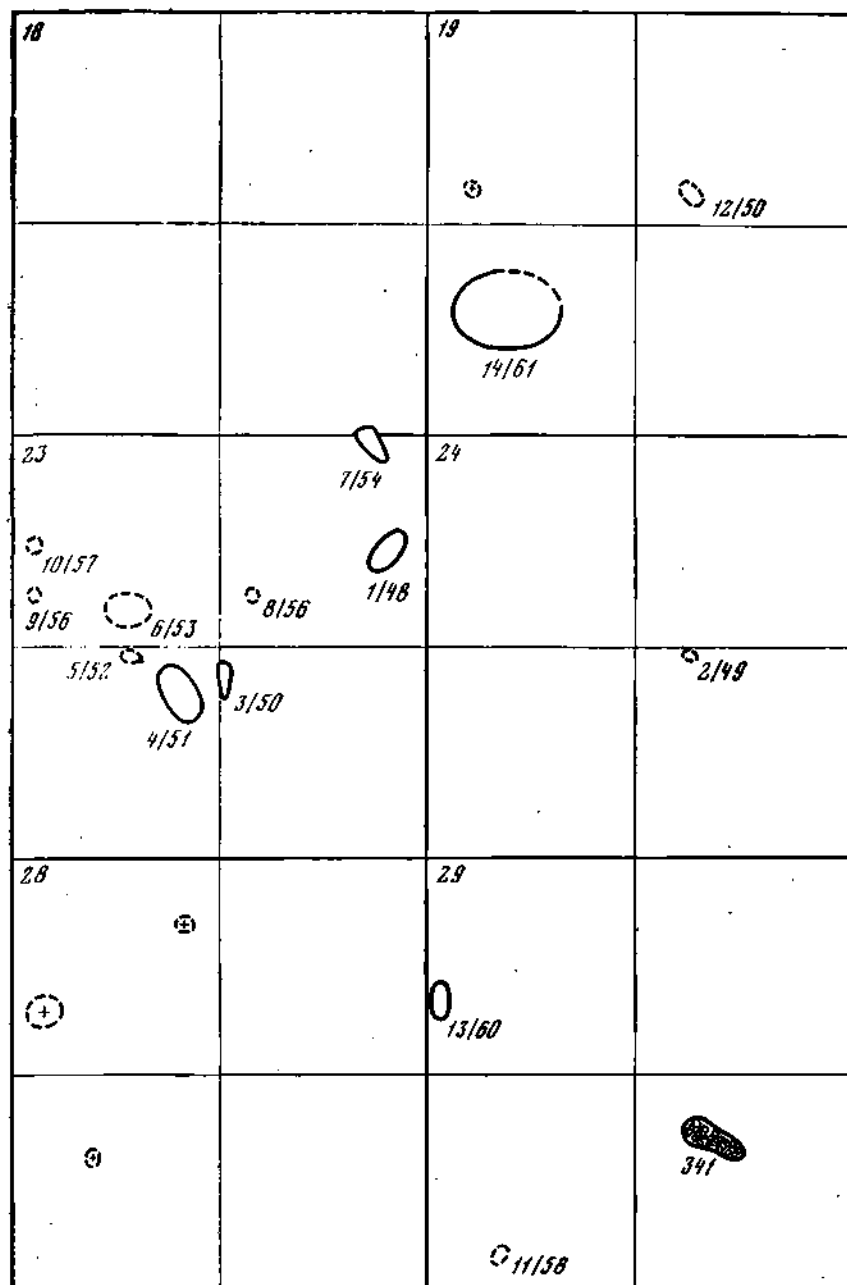

Рис. 59. Ярымтсе II. План раскопа. Погребения и культовые объекты
Культовые объекты отмечены крестиком

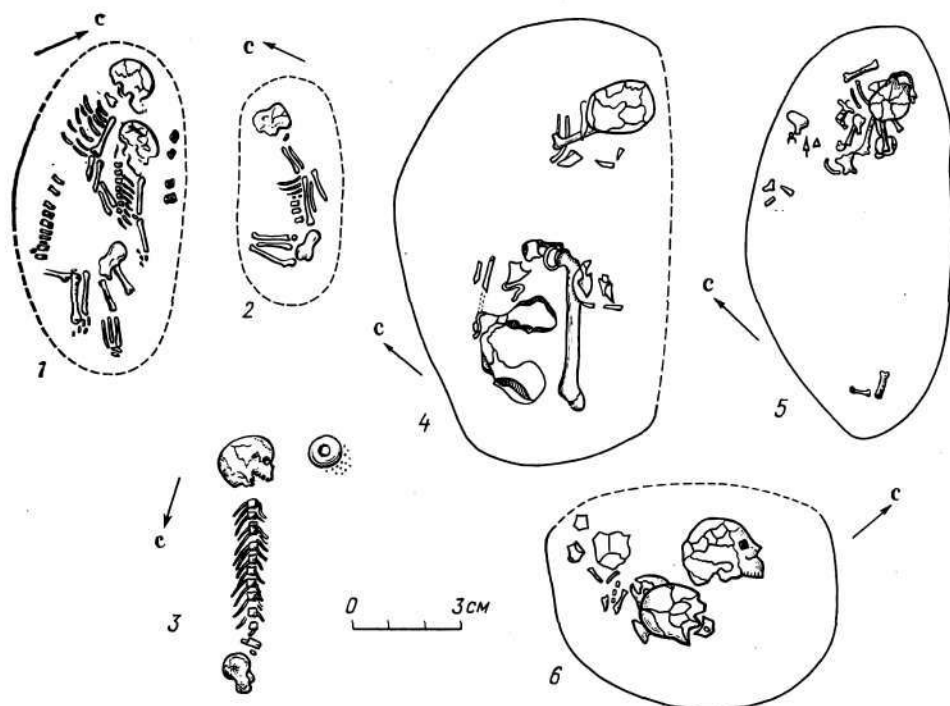

Рис. 60. Ярымтепе II. Планы погребений

1 — погребение 12/59; 2 — погребение 13/60; 3 — погребение 11/58; 4 — погребение 10/54;
5 — погребение 1/48; 6 — погребение 9/56; а — каменная чашечка; б — бисер

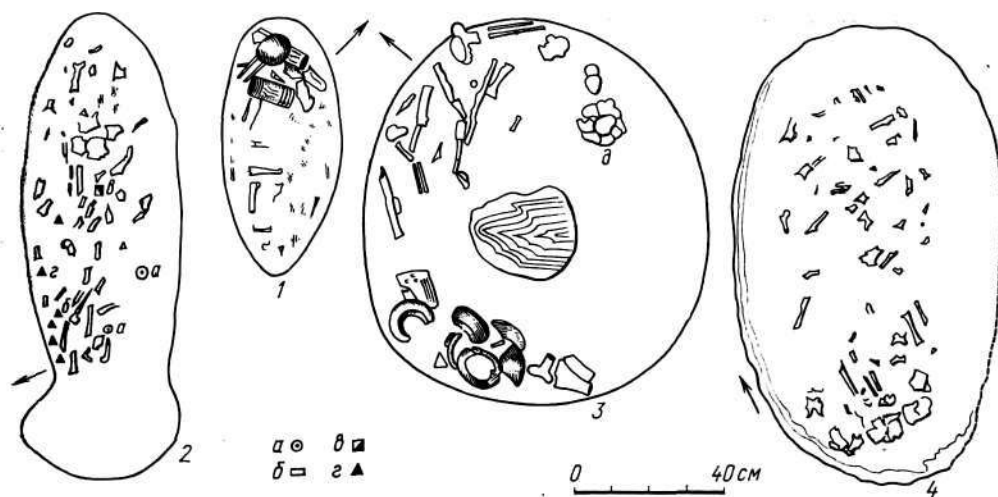

Рис. 61. Ярымтепе II. Планы погребений

1 — погребение 3/50; 2 — погребение 7/54; 3 — погребение 4/51; 4 — погребение 6/53; а — пряслице; б — костяное шило; с — обломок шлифованного камня; г — обломки сосудов; ж — кости черепа

Рис. 62. Ярымтепе II. Глиняные сосуды (1—3)

ломки черепных костей лежали в восточной части площадки, ближе к ее краю.

В западной же половине площадки, в основном вдоль ее края, находились обломки двух намеренно разбитых расписных сосудов со следами пребывания в огне. Они были положены в стороне от костей человека.

В центре площадки лежал кусок обгорелого дерева. На площадке никаких следов костра в виде золы или обожженного слоя не отмечено. Обгоревшие кости лежали в слое глины толщиной от 3 до 7 см, который легко отделялся от пола площадки. В этом же слое найдены побывавшие в огне обломки двух сосудов и кусок обгорелого дерева. Совершенно очевидно, что кремация была произведена не здесь, а где-то на стороне. Здесь лишь совершили захоронение остатков трупосожжения и разбитых и брошенных в костер во время кремации (или скорее всего сразу после того как сгорел труп) сосудов.

Сосуды представляли собой небольшие горшки с округлым туловом и плоским дном. Один горшок, украшенный по светло-зеленоватому фону черной росписью, имеет высокую цилиндрическую горловину (рис. 56, 3). Другой сосуд с резко отогнутым наружу венчиком расписан темно-бурой краской по розовато-желтоватому фону (рис. 62, 1).

Погребение 5/52 находилось рядом с погребением 51 на том же участке 23с на глубине 6,35—6,55 м. Оно также содержало остатки трупосожжения. Здесь, в небольшой ямке размерами 35 (север—северо-восток —

юг — юго-запад) $\times 25$ см лежали в беспорядке сильно обгоревшие мелкие осколки костей ребенка. Следы золы и угольков в яме не отмечены. Трупосожжение было совершено на стороне. Сохранившиеся после кремации кости ребенка собраны, возможно раздроблены, и положены в яму.

Погребение 6/53 представляло собой остатки еще одного тропосожжения. Оно вскрыто примерно в 1,0 м к западу от погребения 5/52, на участке 23а на глубине 6,1—6,23 м (рис. 61). Остатки тропосожжения в виде сильно обгоревших осколков костей ребенка находились в беспорядке в верхней части ямы, в основном в ее юго-западной половине, на глубине 6,1—6,15 м. Они лежали на слое золы толщиной местами до 5 см. В самом зольном слое и на дне ямы встречены лишь единичные обломки костей.

Яма неправильной овальной формы вытянута по оси северо-восток — юго-запад ($1,16 \times 0,53$ м). Она была вырыта в верхней части заполнения небольшой круглой сырцово-постройки (толос LXIV). Края и пол ямы неровные, местами слегка обожжены. В заполнении ямы, особенно по краям ее юго-западной части, отмечены небольшие кусочки интенсивно обожженной глины. Утверждать, что кремация была совершена именно здесь, мы не можем, так как если бы тропосожжение было произведено на месте, то стенки и дно ямы были бы сильно обожжены и прокалены. Однако этого не наблюдалось. Далее, при кремации на месте кости не оказались бы столь раздроблены и разбросаны, а главное — в основном в верхней части ямы.

Таким образом, можно считать, что кремация была совершена на стороне, а для захоронения остатков тропосожжения вырыли специальную яму. В нее высыпали вместе с остатками разрозненных костей и золу из кострища, оттуда же попали и кусочки сильно обожженной глины.

Чем же объяснить, что стенки и пол ямы были местами слегка обожжены? Возможно, яму засыпали горячей золой или же перед захоронением остатков тропосожжения в яме устроили небольшой костер, на который и высыпали принесенные сюда для погребения остатки кремации.

Погребение 7/54 представляло собой также тропосожжение. Оно открыто в северном углу участка 23б на глубине 5,85—6,05 м.

Остатки тропосожжения в виде сильно обгоревших и мелко раздробленных костей человека лежали без всякого порядка в очажной яме вытянутой яйцевидной формы (рис. 61). Длина ее 1,25 м (запад-восток), ширина в средней части — 0,42—0,43 м. В западной части яма несколько расширялась (до 0,5 м). Ее стены были обмазаны слоем глины, перемешанной с гипсом, и прокалены. На обмазанном глиной полу, имевшем наклон от южного края к северному, лежал мощный зольный слой, достигавший местами 15 см толщины.

Остатки костей оказались в зольном слое; ни одного осколка кости под зольным слоем не прослежено. Все кости лежали в восточной половине ямы и в центре; у западного края ямы кости совершенно не отмечены.

На костях находились обожженные куски глины (возможно, от стен очажной ямы) и пять обломков расписного сосуда на кольцевом поддоне (рис. 62, 2) со следами пребывания в огне. Еще несколько обломков от трех нерасписных сосудов (в том числе толстостенной чаши бурого цвета) найдено вдоль северного края ямы³. В средней части ямы в слое

золы найдены два глиняных биконических пряслица, костяная проколка и обломок плоского отшлифованного камня красного цвета.

Возникает вопрос, совершена ли кремация в данной очажной яме? Несмотря на прокаленность стенок печи и наличие мощной зольной прослойки, утвердительно ответить на этот вопрос не представляется возможным.

В яме находились осколки сильно обгоревших отдельных костей, разбросанных на значительной площади верхней части очажной ямы. Ни одного обломка кости на дне ямы не найдено; все они находились выше, в зольном слое.

Не исключено, что кремация совершена на стороне, а в яме был разведен костер перед захоронением остатков трупосожжения. Костяная проколка и пряслица, так же как и обломки сосудов, не содержат следов действия сильного огня. Их бросили в очажную яму, видимо, тогда, когда костер там еще горел или зола была горячей. Остатки трупосожжения разбросали по яме после этого.

Погребение 8/55 представляет захоронение черепа человека, открытого на участке 23b на глубине 6,1—6,15 м. Череп лежал на левом боку, лицом на запад. Он был сильно раздавлен. Судя по зубам, череп принадлежал мужчине или женщине старше 30 лет.

Погребение 9/56 представляло собой захоронение трех человеческих черепов. Вскрыто на участке 23a, прямо у борта раскопа, на глубине 6,5—6,65 м, у края нижней части стены какого-то непонятного сооружения (рис. 45). Черепа лежали в неглубокой (14—16 см) яме округлой формы (0,6×0,65 м), вырытой в слое плотного слабогумусированного суглинка. Два из них принадлежали взрослым, а один — ребенку. Все три плохой сохранности. Каждый лежал на левом боку, лицом на северо-восток. Никаких предметов при них не найдено (рис. 60).

Погребение 10/57 открыто на том же участке на глубине 6,83 м. Здесь на площадке размерами около 35 (запад—восток)×22 см, лежал раздавленный и полуистлевший детский череп, а рядом — отдельные кости (рис. 60). Определить способ захоронения не удалось. Сохранившиеся полуистлевшие кости лежали кучно у черепа. Череп стоял на основании, затылком вверх, лицевыми костями на северо-запад. С западной его стороны находилась частично перекрытая им трубчатая кость (ключевая?), а под ней — остатки ребер. Последние отмечены также западнее черепа и перед лицевыми костями. Вторая трубчатая кость лежала перед самым лицом (перпендикулярно первой), частично перекрывая его. Отмечены еще следы костей, в основном к западу от черепа, на одном с ним уровне.

В 34 см к западу от черепа на глубине 6,7 м отмечено второе скопление человеческих костей: остатки тазовых и трубчатые кости⁴. Левая бедренная кость находилась *in situ*, а правая была перекрыта тазовыми костями. Около головки левой бедренной кости отмечены следы эпифиза большой берцовой и пяточной костей, а также фаланги пальцев. Остатки берцовой кости лежали и у правого конца таза. Это позволяет предполагать, что ноги были согнуты в коленях и обе ступни подтянуты к тазу.

Погребение 11/58 раскопано в юго-восточной части участка 29c на глубине 6,2—6,35 м. Могильную яму проследить не удалось. Сохранность костяка плохая, многие кости истлели. Судя по положению черепа,

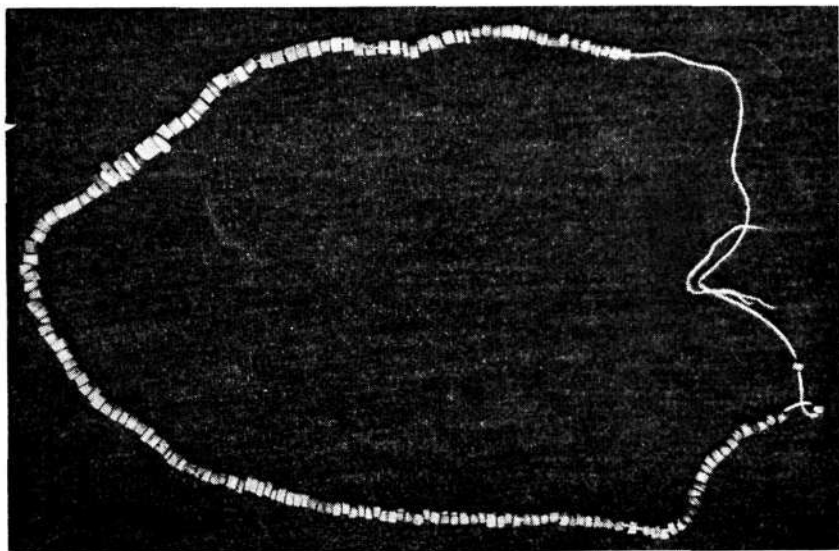

Рис. 63. Ярымтепе II. Бусы из погребения 11/58

захоронение совершено на левом боку и, возможно, в скорченном положении, головой на юг—юго-восток (рис. 60). Перед лицевой частью черепа (в 10 см) находилась миниатюрная серая, заглаженная с обеих сторон глиняная чашечка, положенная кверху дном. Она оказалась заполненной мелкими бусинами — всего 572 штуки (рис. 63), в том числе 10 сердоликовых (плоских круглых, диаметр 0,6 см), 234 раковинные (диаметр 0,4 см) и 328 — из мягкой породы камня (диаметр 0,3 см). Возможно, находившийся рядом необожженный колоколовидный сосуд связан с этим погребением. В засыпке погребения, в 10 см к югу—юго-востоку от черепа обнаружена большая часть глиняной стилизованной антропоморфной статуэтки грубой лепки и слабого обжига (рис. 64, б). Высота ее 3 см. В области черепа найдено также несколько обожженных косточек мелкого рогатого скота.

Погребение 12/59 вскрыто на участке 19с на глубине 5,4—5,65 м. Могильная яма имела в плане овальную форму (0,87×0,45 м). В ней находились плохо сохранившиеся останки двух детей в возрасте от двух до пяти лет. Они были погребены на левом боку, вплотную друг к другу, головами на северо-запад—запад (рис. 60). Череп младшего ребенка упирался затылочной частью в челюсть старшего.

В северной части ямы лежала белая алебастровая чашечка со сливом в обломках (рис. 65, 5). Вероятно, она была специально разбита при захоронении.

Погребение 13/60 открыто в южной части участка 29а на глубине 6—6,1 м. Останки детского костяка сохранились плохо: череп раздавлен, многие кости истлели (рис. 60). Захоронение ребенка в возрасте двух-трех лет совершено в маленькой неглубокой яме (0,6×0,3×0,1 м), ориентированной с юго-востока — востока на северо-запад — запад,

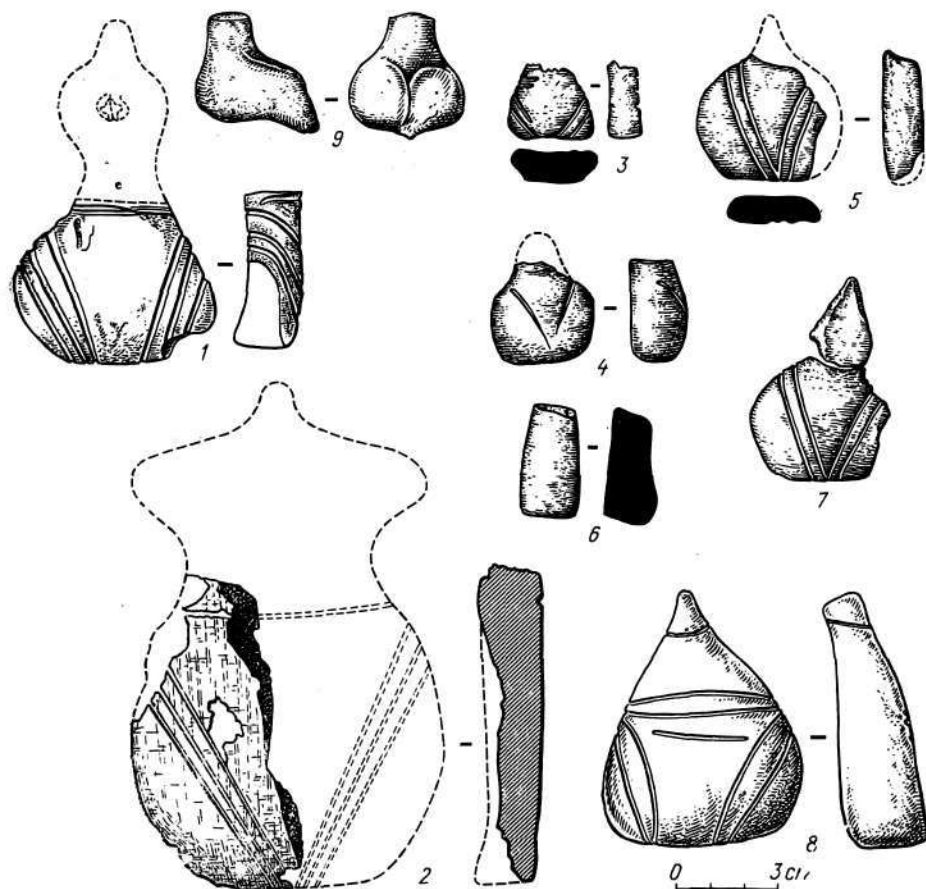

Рис. 64. Ярымтепе II. Глиняные антропоморфные статуэтки (1—9)

в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-восток — восток.

Погребение 14/61 — коллективное захоронение останков трех человек, совершенное в основании крупной ямы (2,2×1,75 м). Яма вырыта в культурном слое (участок 19с) на глубине 5,1—6,15 м.

На дне в восточной половине ямы находились останки взрослого человека, погребенного в скорченном положении, на левом боку, головой на юг (рис. 66). В юго-западной части лежал другой погребенный — на спине, с подогнутыми в коленях ногами и, видимо, согнутыми в локтях руками, головой на юг — юго-запад (рис. 66). Череп завалился на левый бок. У лицевых костей найдены плохо сохранившиеся черепные кости ребенка в возрасте не более одного года. Возможно, перед нами останки семейного захоронения (мужа, жены и ребенка) ⁵.

Погребение 15/62 вскрыто в южной части участка 19b на глубине 6—6,1 м. Могильная яма не прослежена. На площади примерно 0,4 (северо-запад — юго-восток) × 0,2—0,25 м находились останки детского

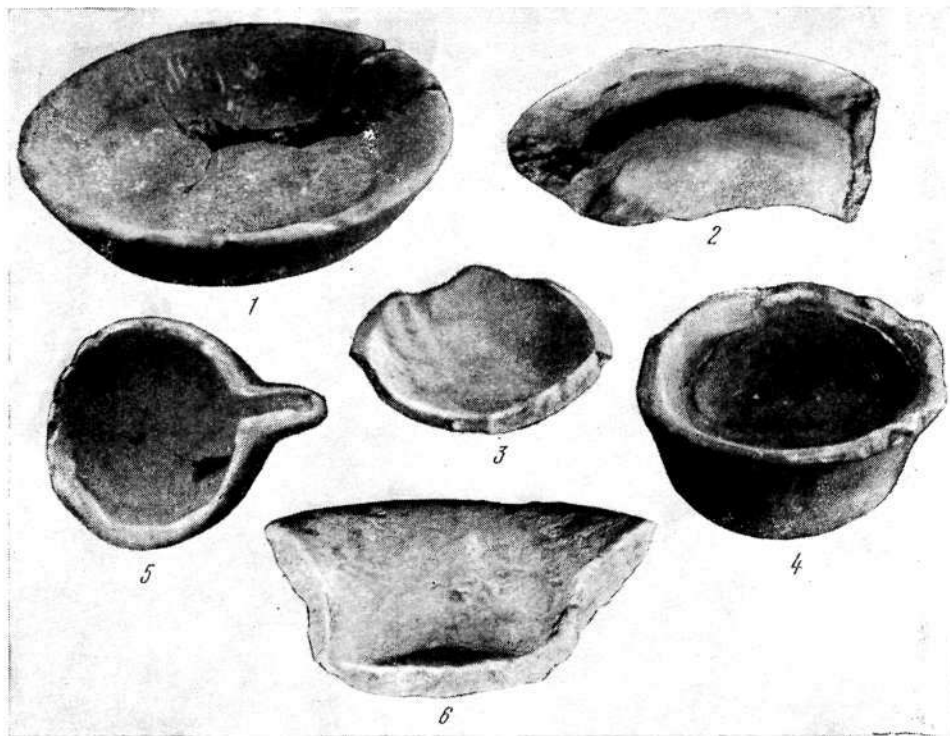

Рис. 65. Ярымтепе II. Каменные сосуды (1—6)

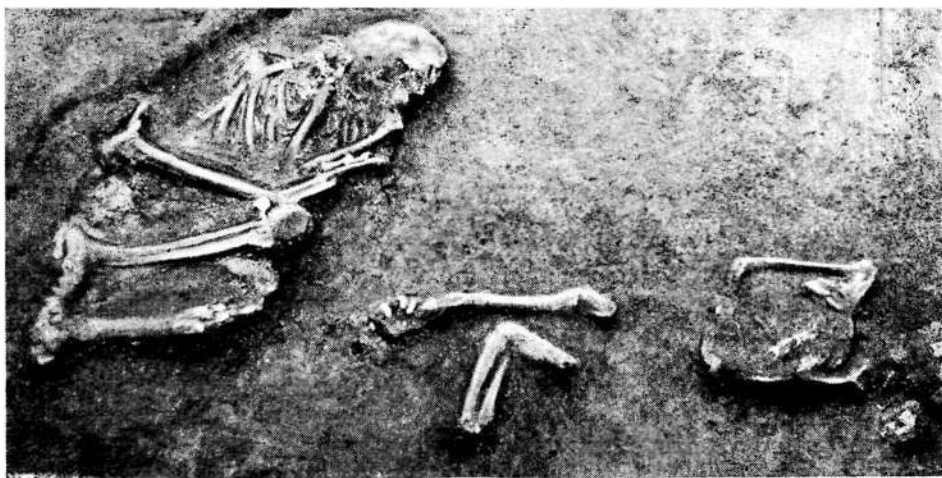

Рис. 66. Ярымтепе II. Погребение 14/61

костяка плохой сохранности. Судя по расположению костей, захоронение было совершено в скорченном положении, на правом боку, головой на северо-запад.

Переходя к общей характеристике погребений, отметим прежде всего, что само присутствие их в культурном слое Ярымтепе II отражает широко распространенный в раннеземледельческой ойкумене обычай захоронения на территории поселка. Это не исключает, правда, существование особых некрополей у обитателей раннеземледельческих поселений. Подобный некрополь оставлен и жителями Ярымтепе II. Он располагался, как установлено, на северо-восточном участке телля Ярымтепе I. Здесь раскопано свыше десяти халафских погребений, но связаны они с более поздними горизонтами нашего поселения. Однако не исключена возможность наличия и более раннего некрополя, соответствующего рассматриваемым горизонтам Ярымтепе II.

Следует подчеркнуть сложность и многообразие халафского погребального обряда. Не вдаваясь в его детальный анализ, мы рассмотрим только основные показатели исследуемой группы погребений. В ней могут быть выделены три типа: трупололожение, трупосожжение, захоронение черепов. Возможно, были и вторичные (расчлененные?) погребения.

Труположения зафиксированы шесть раз: четыре из них индивидуальные, а два — коллективные. В четырех могилах открыты детские костяки. В погребении 12/59 захоронено двое детей, а в коллективной могиле 14/61 — двое взрослых и ребенок (возможно, родители и их младенец). Во всех определимых случаях костяки были в скорченном положении на боку, преимущественно на левом. Ориентировка погребенных — головой на юг — юго-запад, юго-восток, юг — юго-восток и северо-запад. Инвентарь обнаружен только в двух погребениях (11/58 и 12/59). Эти погребения располагались на различных участках раскопа, в основном на квадратах 19 и 29; ни в одном случае они не связаны с постройками.

Данная группа погребений имеет прямые аналогии в Телль Арпаччи, где еще М. Маллованом (также на площади поселения) было открыто девять халафских погребений (51—59) — труположений со скорченными на боку костяками⁴. В ряде случаев погребения сопровождался инвентарем.

Что же касается второй группы погребений Ярымтепе II — трупосожжений, то они на памятнике халафской культуры встречены впервые. Трупосожжения в двух ранних горизонтах Ярымтепе II зафиксированы пять раз. Крайне любопытно, что все они сконцентрированы на одном участке поселения — квадрате 23. Во всех случаях есть основания полагать, что они совершены на стороне. Где производилось трупосожжение, на площади поселения или за его пределами, пока не установлено. Ясно только, что после его совершения сохранившиеся остатки перенесены на определенный участок поселения и погребены в специальных ямах или на площадках. При этом, по-видимому, происходила какая-то культовая церемония. С ней связаны следы костров, которые разжигались на местах захоронения, а также намеренно разбитые и брошенные в ямы глиняные сосуды.

Зафиксированный на Ярымтепе II обряд трупосожжения представляет особый интерес, поскольку до сих пор он не был известен в столь ранних памятниках Месопотамии.

Большого внимания заслуживают зафиксированные на поселении Ярымтепе II случаи захоронения черепов человека. Это погребения 2/49, 8/55, 9/56. В первых двух находилось по одному черепу, а в погребении 9/56 — три. Все они открыты в древнейшем слое того же участка поселения, где были совершены захоронения остатков трупосожжения, т. е. в квадрате 23. Здесь же, кстати, открыто и погребение 1/48 с расчлененным, по всей вероятности, костяком (детский череп лежал на собранных в одну кучу остальных костях ребенка).

До открытия отмеченных погребений на Ярымтепе II случаи захоронения черепов в халафских памятниках не были известны. Но в 1976 г. на Телль Арпачии в строительных горизонтах VI—VIII (по И. Хаджаре) были обнаружены три могилы, две из которых представляли собой захоронения черепов. Первая могила открыта в 0,75 м к западу от толоса, в строительном горизонте VI. В ней находился простой сферический сосуд, а в нем — череп человека. Других костей не было. Там же найдены две расписные глиняные и одна каменная чаши⁷.

Вторая могила, представлявшая коллективное захоронение, находилась на 0,50 м ниже первой, в строительном горизонте VII. Четыре черепа были захоронены в отдельных горшках: три — в чашах, а четвертый — в большом сосуде. В этой могиле обнаружены шесть глиняных и один каменный горшок⁸.

Это, пожалуй, все, что удалось нам узнать об открытых недавно на Телль Арпачии захоронениях черепов человека. Когда И. Хаджара писал о них статью, ему не было известно о том, что годом раньше погребения черепов, находившихся, правда, не в сосудах, как в Телль Арпачии, обнаружены на Ярымтепе II. Поэтому он подчеркнул, что в Телль Арпачии наблюдается уникальный для халафского памятника обряд захоронения черепов человека, и попытался объяснить, с чем это могло быть связано. По его предположению, поселение Телль Арпачия занимало особое место среди халафских поселений окружающей территории. Возможно, это был культовый центр, и как таковой он выполнял определенные ритуальные функции⁹. Поэтому здесь и совершались, видимо, захоронения наиболее важной части скелета, т. е. черепа. Причем это были черепа не рядовых общинников, а людей, занимавших необычное общественное положение. И. Хаджара считает невозможным сейчас дать ответ на вопросы, погребены ли в данных могилах люди, жившие в то же самое время, и являлись ли они жителями Телль Арпачии или окрестных поселений¹⁰.

Полагаем, что нет надобности специально рассматривать высказанные И. Хаджарой предположения. Они носят весьма общий характер и малоубедительны. Для нас важно само наличие погребений черепов еще на одном халафском поселении, указывающее на то, что открытие на Ярымтепе II подобных захоронений не является экстраординарным. Как известно, погребения черепов в памятниках Месопотамии предшествующего периода, в частности в хассунской и самаррской культурах, не засвидетельствованы до сих пор. Правда, они зафиксированы в ряде древнейших памятников смежных областей Ближнего Востока. Вспомним хотя бы Иерихон и Чатал-Уйюк. Хотя эти памятники хронологически значительно предшествуют Халафу, думается, в основе данного обычая в тех и других случаях лежали если не одинаковые, то близкие религиозные представления.

Рассмотренные погребения Ярымтепе II демонстрируют разнообразие как способов захоронения, так и связанных с ним культовых действий и свидетельствуют тем самым о развитости погребального обряда обитателей исследуемого поселения. Мы видим, таким образом, что мир идеологических представлений земледельцев Северной Месопотамии халафского периода был достаточно сложен. На это указывают также зафиксированные неоднократно в ранних горизонтах Ярымтепе II следы определенных ритуальных церемоний, совершенных здесь по разным, вероятно, причинам, но исходивших всегда из единого круга культовых представлений. Поэтому мы условно выделяем здесь культовые объекты.

При описании толоса LXVII мы уже отметили один из подобных объектов. Речь идет о следах совершенного при закладке этого сооружения культового действия: под полом толоса открыта специально вырытая ритуальная яма, в которой помещались богато орнаментированный глиняный сосуд и обсидиановые микролиты. В основании дома были «заложены» и другие редкие предметы.

По всей вероятности, к подобным объектам следует отнести очажные сооружения 360 и особенно 341. Они почти одинаковы по размерам и форме. Оба сооружения были намеренно завалены камнями. Судя по находкам, есть основания полагать, что в очажном сооружении 341 было произведено ритуальное сожжение животного.

Не менее интересны и другие культовые объекты. К ним относится прежде всего открытая в древнейшем горизонте Ярымтепе II на участке 28а на глубине 6,6—6,8 м яма округло-овальной формы (0,8×0,5 м). В ней были разбросаны обломки нескольких сосудов: большой расписной чаши (рис. 67, 5), груболепной корчаги серо-буроватого цвета и крупного расписного зооморфного сосуда в виде скульптурного изображения свиньи или слона (рис. 68; 69). Между ними лежала алебастровая чашечка (рис. 65, 6). Многие обломки сосудов были закопчены, на их стенках отмечены зольно-угольные пятна. Фрагменты одного и того же сосуда находились в разных частях ямы и на разном уровне.

Следы кострища в специально вырытой яме, куда были брошены намеренно разбитые сосуды, находка здесь уникального зооморфного сосуда бесспорно свидетельствуют о том, что перед нами определенный ритуал. Где он происходил, — неясно, но совершенно очевидно, что во время его совершения был разожжен костер, сосуды были разбиты и брошены в огонь или на место прогоревшего костра. Видимо, вскоре после совершения этой церемонии они были собраны и «погребены» в яме.

Другой аналогичный по характеру объект открыт на участке 28с на глубине 5,85—6,15 м. Здесь в небольшой (0,45×0,3×0,2 м) яме обнаружено скопление нескольких разбитых сосудов со следами пребывания в огне. Один из них представляет собой тщательно сделанную глубокую открытую чашу, целиком покрытую красно-коричневой и бурой росписью по кремовому ангобу (рис. 52, 2).

Наконец, еще один подобный случай зафиксирован на участке 19а (рис. 59). Здесь в культурном слое на глубине 5,45—5,65 м раскопана небольшая (0,6×0,5 м) яма округлых очертаний глубиной 0,2 м. В ней находились разбросанные в беспорядке обломки уникального глиняного расписного антропоморфного сосуда — флакона в виде женской фигуры (рис. 70), разломанная на несколько частей серая алебастровая чашечка (рис. 65, 1), каменная четырехугольная печать с резным узором на ли-

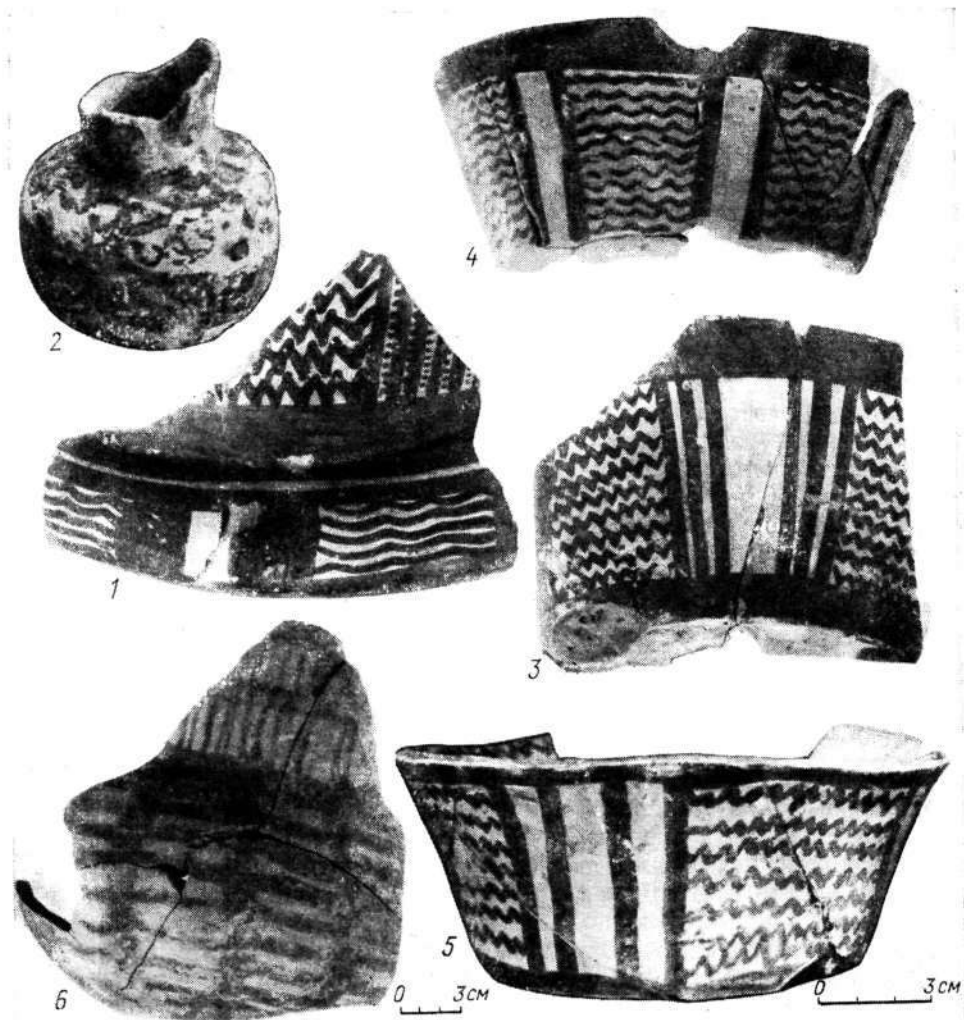

Рис. 67. Ярымтепе II. Глиняные расписные сосуды (1—6)

цевой стороне и петлей для подвешивания — на оборотной (рис. 74, 8) и обломки простой глиняной чаши.

На всех обломках сосудов и печати отмечены прилипшие к ним остатки зольно-угольной массы. Такие же остатки зольно-угольной массы прослежены в заполнении ямы, представлявшем собой, как и в других случаях, обычный слабогумусированный суглинок. Однако никаких признаков, указывающих на то, что в яме был разведен костер, и в этом случае не установлено.

Таковы культовые объекты, представленные в нижних горизонтах Ярымтепе II. Последние три объекта по всем своим признакам почти идентичны. Отсутствие подобных объектов на иных халафских поселени-

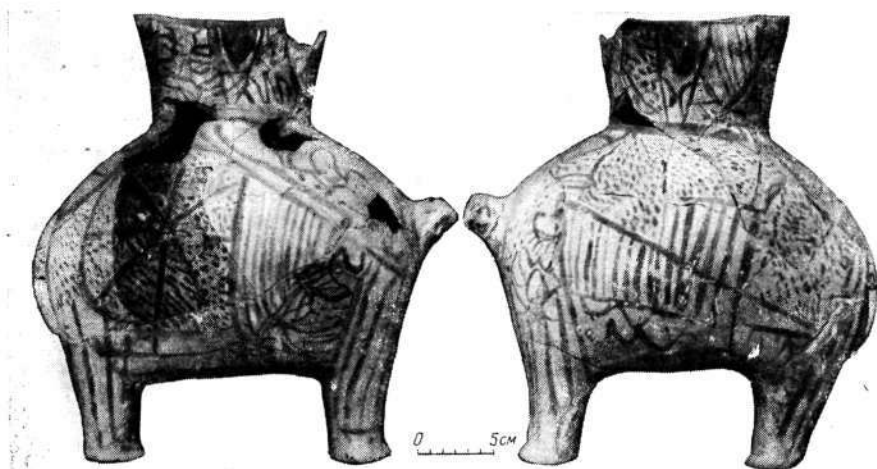

Рис. 68. Ярымтепе II. Глиняный зооморфный сосуд

Рис. 69. Ярымтепе II. Глиняный зооморфный сосуд

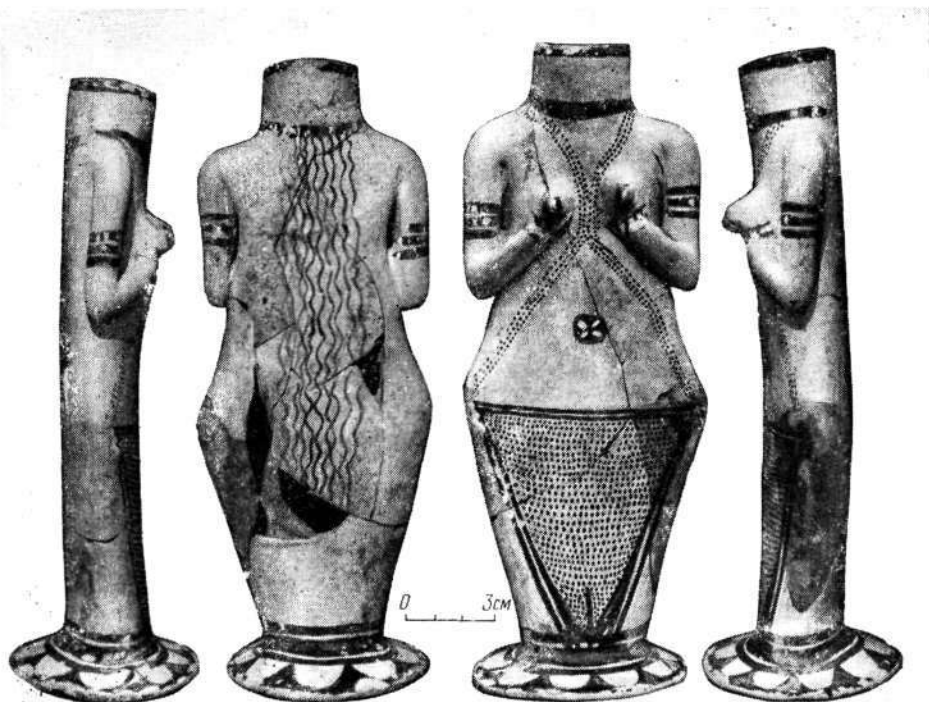

Рис. 70. Ярымтепе II. Глиняный антропоморфный сосуд

ях, равно как и в памятниках других культур Месопотамии, не позволяет пока дать им исчерпывающую оценку. Вместе с тем представляется возможным отметить ряд наблюдений. Прежде всего достоин внимания факт расположения большинства рассмотренных культовых объектов на едином участке поселения, служившем и местом концентрации погребений с трупосожжениями.

Достаточно характерно наличие в этих объектах уникальных предметов, таких как оригинальный зооморфный сосуд в виде свиньи или слона, не имеющий аналогий; антропоморфный сосуд в виде женской фигуры, который по праву может считаться одним из самых выдающихся произведений искусства дописьменной Месопотамии; медная печатка-подвеска, являющаяся древнейшим изделием подобного рода, известным до сего времени. К ним должны быть отнесены, несомненно, и микролитические орудия, найденные в ритуальной ямке под полом толоса LXVII. Такие орудия не встречаются в комплексах как хассунского поселения Ярымтепе I, так и в более ранних памятниках.

Наконец, укажем и на следующее. Рассмотренные культовые объекты, как и захоронения остатков трупосожжений, оказываются характерными только для ранних горизонтов поселения Ярымтепе II. В дальнейшем ни один из этих культовых обычаев не получает здесь развития, во всяком случае, судя по материалам вскрытых участков поселения. Вполне возможно, что эти обычаи тесно связаны между собой.

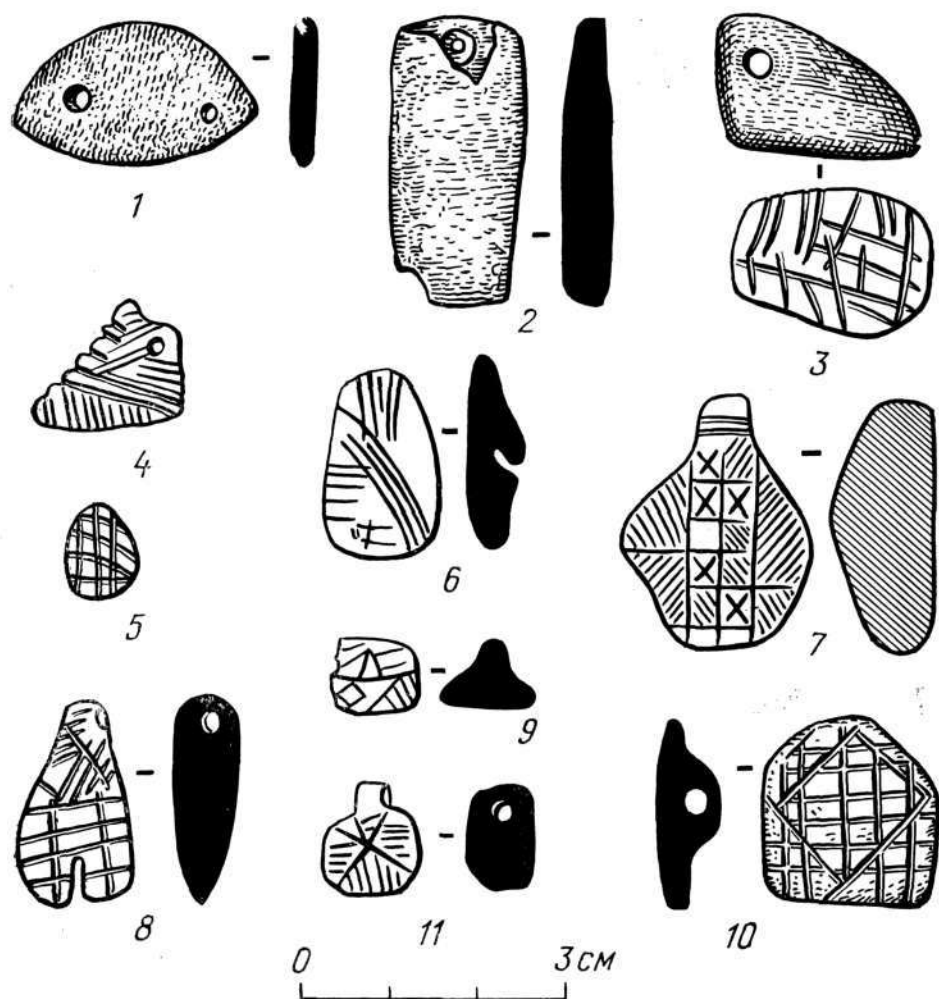

Рис. 71. Ярымтепе II. Каменные печати-подвески (1—11)

Погребения и культовые объекты, исследованные в ранних горизонтах Ярымтепе II, позволяют говорить о том, что в послехассунское время, т. е. в начале V тысячелетия до н. э., в Северной Месопотамии заметно усложняется вся система идеологических представлений¹. В этой связи особое внимание обращают на себя многообразие и сложность погребального ритуала племен халафской культуры, заметно отличного от обряда предшествующего периода и не находящего в нем корней.

¹ В дальнейшем мы рассмотрим материалы не только древнейшего (девятого), но и последующего (восьмого) строительного горизонта. Это представляется нам целесообразным, поскольку вводится в научный оборот

вся наиболее ранняя группа материалов Ярымтепе II.

² Первая цифра обозначает порядковый номер погребения, вторая — номер полевой документации.

- ³ Обломки всех сосудов находились в северной половине очажной ямы, вдоль ее края, причем все они лежали в зольном слое, за исключением фрагмента расписной чаши, найденного на самом дне ямы.
- ⁴ Скопление костей частично находится под бортом раскопа.
- ⁵ Отметим, что в верхней части засыпи ямы открыто еще одно погребение, более позднее. Оно отмечено в полевой документации под № 41.
- ⁶ Mallowan M. E. L., Cruikshank Rose J. Excavations at Tell Arpachiyah.— Iraq, 1935, v. II, part 1, p. 42, 43.
- ⁷ Hijara I. Three new Graves at Arpachiyah.— World Archaeology. London, 1978, v. II, N 2.
- ⁸ Ibidem.
- ⁹ Ibid., p. 127, 128.
- ¹⁰ Ibid., p. 127.
- ¹¹ Oates J. Religion and Ritual in sixth millenium B. C. Mesopotamia.— In: World Archaeology. London, 1978, v. 10, N 2, p. 117—123.

Глава 14

НАХОДКИ.

КАМЕННЫЕ И КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Исследуемый в этой главе материал представляет собой в основном различный производственно-бытовой инвентарь. Он включает каменные и костяные орудия, украшения из материала различных видов и главным образом керамические изделия. Набор каменных орудий, как и соответствующий инвентарь из поселения Ярымтепе I, связан прежде всего с земледельческим процессом и переработкой продуктов земледелия. И это не удивительно. Земледелие составляло основу хозяйства племен халафской культуры и в частности обитателей Ярымтепе II. Об этом свидетельствуют прочно оседлый характер поселения, открытые на нем хозяйственные комплексы, служившие, по всей вероятности, зернохранилищами, и наконец, найденный здесь производственный инвентарь.

Палеоботанические находки из нижних горизонтов Ярымтепе II пока не изучены. Но едва ли они будут заметно отличаться от соответствующего материала Ярымтепе I и верхних стратиграфических горизонтов Ярымтепе II¹. Жители поселения в ранний период его существования культивировали, вероятно, те же виды злаков, которые сеяли в долине Синджара их непосредственные предшественники и потомки. Это были в основном твердая и мягкая пшеница, пленчатый и голозерный ячмень.

Наряду с земледелием важную роль в хозяйстве племен халафской культуры играло скотоводство. Об этом свидетельствует остеологический материал, собранный на Ярымтепе II. Часть его, обнаруженная в верхних горизонтах поселения, уже обработана и публикуется в настоящем издании². Обитатели поселения Ярымтепе II разводили почти все основные виды домашних животных: овцу, козу, корову и, возможно, свинью.

Перейдем к рассмотрению производственно-бытового инвентаря, представленного в ранних горизонтах Ярымтепе II.

Каменный инвентарь. Эта категория вещей включает орудия труда (зернотерки, терочники, песты, вкладыши от составных ножей и серпов и другие орудия из кремня и обсидиана), пряслица, сосуды и украшения. Обращает на себя внимание отсутствие в ранних слоях памятника столь распространенного в раннеземледельческих поселениях орудия, как плоский клиновидный топор. В позднейших слоях Ярымтепе II, как и в дру-

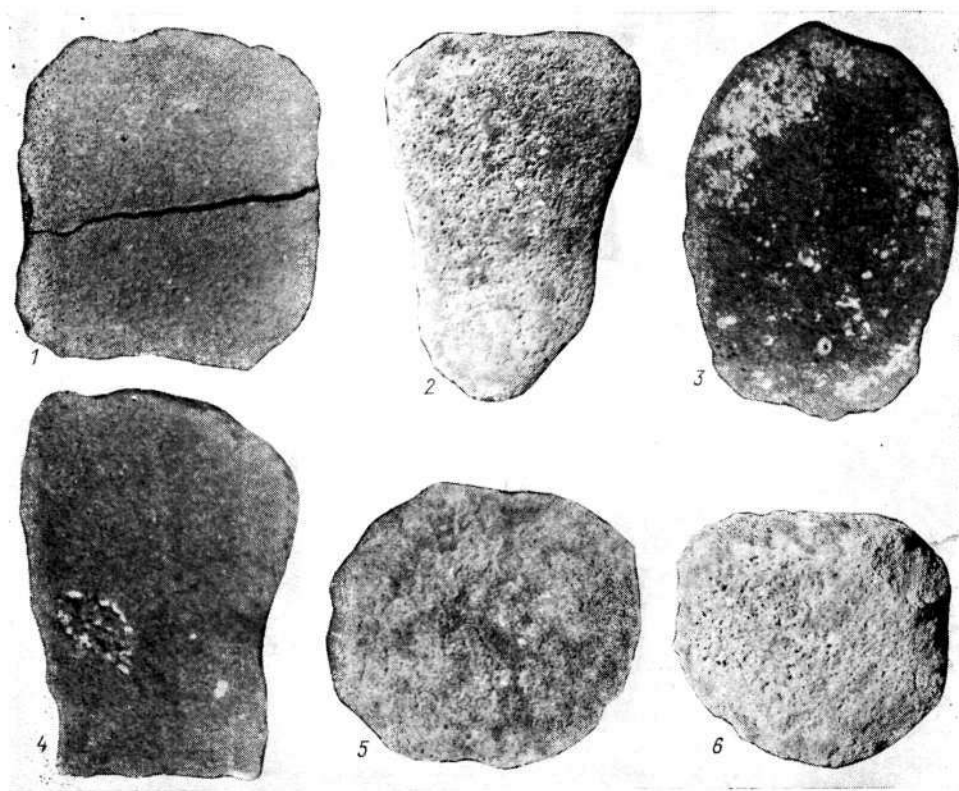

Рис. 72. Ярымтепе II. Каменные зернотерки (1—4) и терочки (5,6)

гих халафских памятниках, особенно в Телль Арпачии, таких орудий найдено много. Значительная коллекция топоров представлена также в находках из поселений Ярымтепе I и Ярымтепе III (включая убейдский слой).

В девятом-восьмом строительных горизонтах Ярымтепе II обнаружено более 25 зернотерок, в том числе около десяти целых. Они изготовлены из плотных пород серого камня, встречающегося в предгорьях Синджара. Среди этой коллекции почти нет зернотерок характерной ладьевидной формы. Собственно лишь одна из них может быть отнесена к таким зернотеркам. Она представлена большей частью орудия. Длина сохранившейся части 23 см, максимальная ширина — 16,5 см, толщина — 4,1 см, прогиб рабочей поверхности — 1,2 см.

В подавляющем большинстве зернотерки плоские и отличаются овальной или округло-овальной формой (рис. 72, 1—4). Размеры их: $22,5 \times 15 \times 4,5$ см; $19 \times 12 \times 5$ см; $31 \times 16,5 \times 3$ см; $23 \times 16 \times 3,5$ см и т. д. В коллекции представлена также зернотерка округленно-четырёхугольной формы размерами $16 \times 16,5 \times 2,4$ см. Некоторые зернотерки имеют следы сработанности на обеих поверхностях — верхней и нижней, так же как и терочки. Терочки — округлых очертаний (рис. 72, 5, 6) и

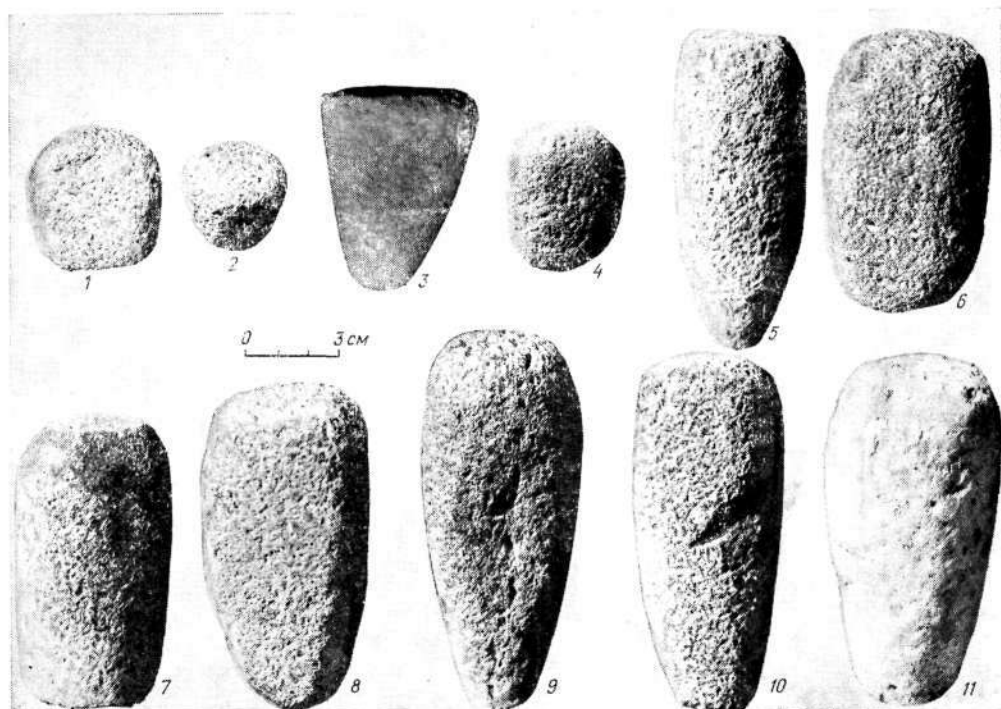

Рис. 73. Ярымтепе II. Каменные песты (1—11)

заметно уступают по размерам зернотеркам ($13,6 \times 12 \times 4,1$ см; $9,3 \times 7,5 \times 4,2$ см и т. д.).

Более впечатляет, пожалуй, коллекция каменных пестов и ступок. Каменных пестов обнаружено в двух нижних горизонтах более десяти. Среди них имеются небольшие по размерам пестики (рис. 73, 1, 2, 4) и сравнительно крупные песты (рис. 73, 3, 5—11). Те и другие совершенно аналогичны по форме и размерам подобным орудиям, представленным в раннеземледельческих комплексах широкого ареала, в частности на поселениях Ярымтепе I и Ярымтепе III.

Ступок обнаружено на Ярымтепе II по сравнению с другими каменными орудиями немного: в ранних горизонтах их найдено около десяти (рис. 74, 3—7). Две из них отличаются тщательностью изготовления и четкой формой. Они сделаны из базальта. Одна, найденная на участке 29а на глубине 5,65 м, — почти цилиндрической формы (рис. 74, 4), высотой 7,6 см, диаметром по верхнему краю 12 см, диаметром дна 13 см и глубиной чашеобразной выемки 4 см. Другая ступка в виде овального сосуда обнаружена в заполнении толоса LXIV на глубине 6,4 см (рис. 74, 5). Высота ее 7 см, размеры устья $14,6 \times 11$ см, а дна — $11,7 \times 8$ см, глубина чашеобразного углубления 3—4 см. Среди опубликованных материалов из халафских памятников нам неизвестны ступки таких форм и столь тщательно изготовленные.

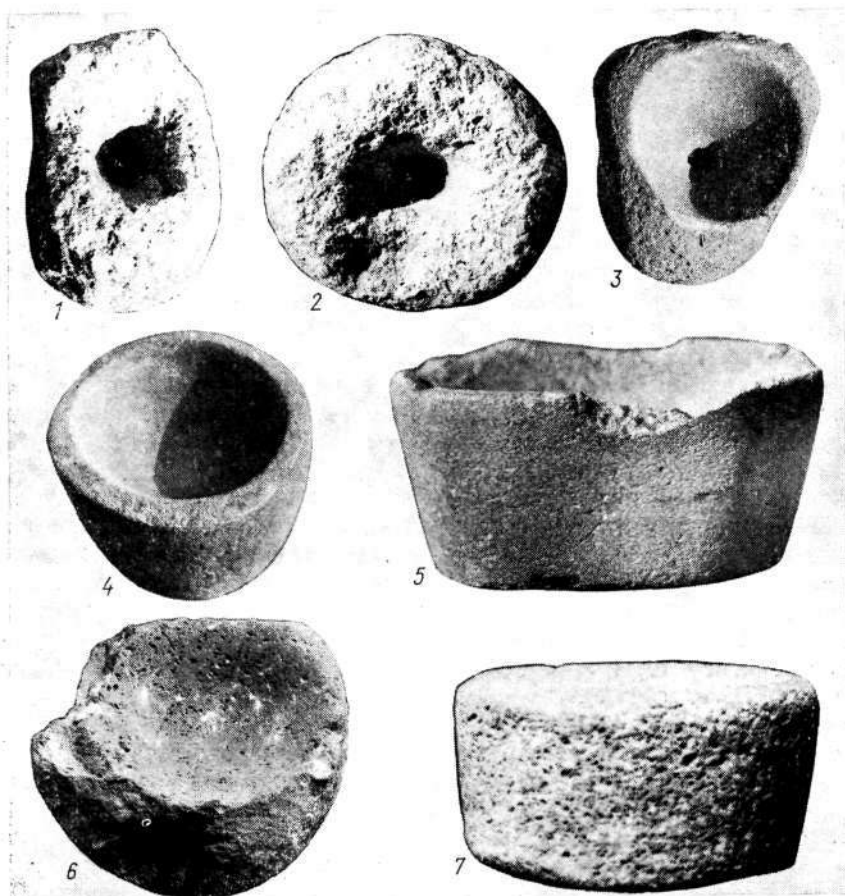

Рис. 74. Ярымтепе. II. Каменные ступки и сверленные орудия (1—7)

В инвентаре Ярымтепе II присутствуют и несколько каменных сверленных предметов (рис. 74, 1, 2). Они округлой формы, сверление двустороннее. Возможно, они служили утяжелителями для палок-копалок.

Наиболее значительно количество кремневых и обсидиановых орудий из Ярымтепе II вообще и ранних горизонтов поселения, в частности. Бросается в глаза прежде всего, что коллекцию кремня составляют как изделия, так и многочисленные отходы производства в виде отщепов и обломков, в то время как обсидиан представлен почти исключительно готовыми орудиями.

Общее количество кремня (включая все отщепы и обломки), обнаруженного в девятом-восьмом строительных горизонтах Ярымтепе II, достигает около 350 единиц, а обсидиана — 180. Таким образом, кремня здесь больше, чем обсидиана, но по числу готовых изделий (орудий) заметно преобладают обсидиановые.

Из отмеченного числа находок 187 единиц кремня и 104 единицы обсидиана были обнаружены на разных участках и уровнях исследуемых

строительных горизонтов Ярымтепе II в 1976 г., т. е. в последний год раскопок памятника. Оказалось, что в этой коллекции кремня 98 единиц — отщепы, 20 — обломки, 32 — нуклеусы, 11 — пластины, 12 — орудия на отщепах и 11 — орудия на пластинах. Кроме того, имеются еще кремневый предмет в виде оббитого шара (возможно, отбойник) и два других кремневых орудия (остроконечник и скребок). Среди обсидиана — 11 отщепов, два нуклеуса, 32 пластины, пять орудий на отщепах и 54 орудия на пластинах³. Как видим, обсидиановых орудий в общей коллекции почти в три раза больше, чем соответствующих кремневых. Такое же приблизительно соотношение между кремнем и обсидианом, между количеством находок орудий из того и другого материала наблюдается и в слоях остальных строительных уровней Ярымтепе II. Что касается других халафских поселений, например Телль Арпачи, то там такие подсчеты, видимо, не проведены. Авторы раскопок отмечают только, что на поселении найдено «много тысяч» кремневых и обсидиановых орудий⁴. Мы имели возможность ознакомиться со значительной частью этой коллекции, хранящейся в фондах Института археологии Лондонского университета. И в ней обсидиановые орудия, также представленные в основном ножевидными пластинами, заметно преобладают над кремневыми. Несомненно, что племена халафской культуры широко использовали для производства орудий (и даже некоторых украшений) обсидиан.

Известно, что месторождений обсидиана в Синджарской долине, как и во всей Месопотамии, нет. Ближайшие источники его находятся в Анатолии, в частности в районе оз. Ван. Этот район с глубокой древности обеспечивал обсидианом смежные области, включая Месопотамию. Установлено, что для племен халафской культуры бассейн оз. Ван был основным источником обсидиана и, как предполагает, например, Д. Меллаарт, халафцы контролировали всю восточноанатолийскую торговлю обсидианом⁵. Отсюда обсидиан доставлялся по налаженным путям и к племенам Синджарской долины. Приведенные данные позволяют утверждать, что сюда, как в другие области обитания халафских племен, поступала, по всей вероятности, преимущественно готовая продукция в виде ножевидных орудий и реже — заготовок для производства орудий — нуклеусов⁶. Это и объясняет, почему в культурном слое Ярымтепе II так мало отщепов и почти совсем нет обломков обсидиана, т. е. отсутствуют практически отбросы производства обсидиановых орудий.

Кремень добывался на месте — в предгорьях и горах Синджара и в руслах рек. На Ярымтепе II он преимущественно серых тонов и не отличается хорошим качеством. Набор орудий из кремня (рис. 75; 76) и обсидиана (рис. 77—79) в общем довольно однообразен. Это пластины, орудия на пластинах и редко — орудия на отщепах.

Ножевидные орудия, большинство которых обработано по краям ретушью, служили вкладышами для составных ножей и особенно серпов. На всех кремневых ножевидных орудиях четко видны следы сработанности в виде заполированного рабочего края. Кроме того, на некоторых пластинчатых орудиях ясно заметны следы битума, с помощью которого они были закреплены в костяной или деревянной основе ножа или серпа.

Что же представляло собой жатвенное орудие обитателей Ярымтепе II? В верхних горизонтах поселения найден почти целый серп с костяной, несколько изогнутой основой. В пазы обоймы под углом вставлены обсидиановые и кремневая пластины и тем самым образован крупно-

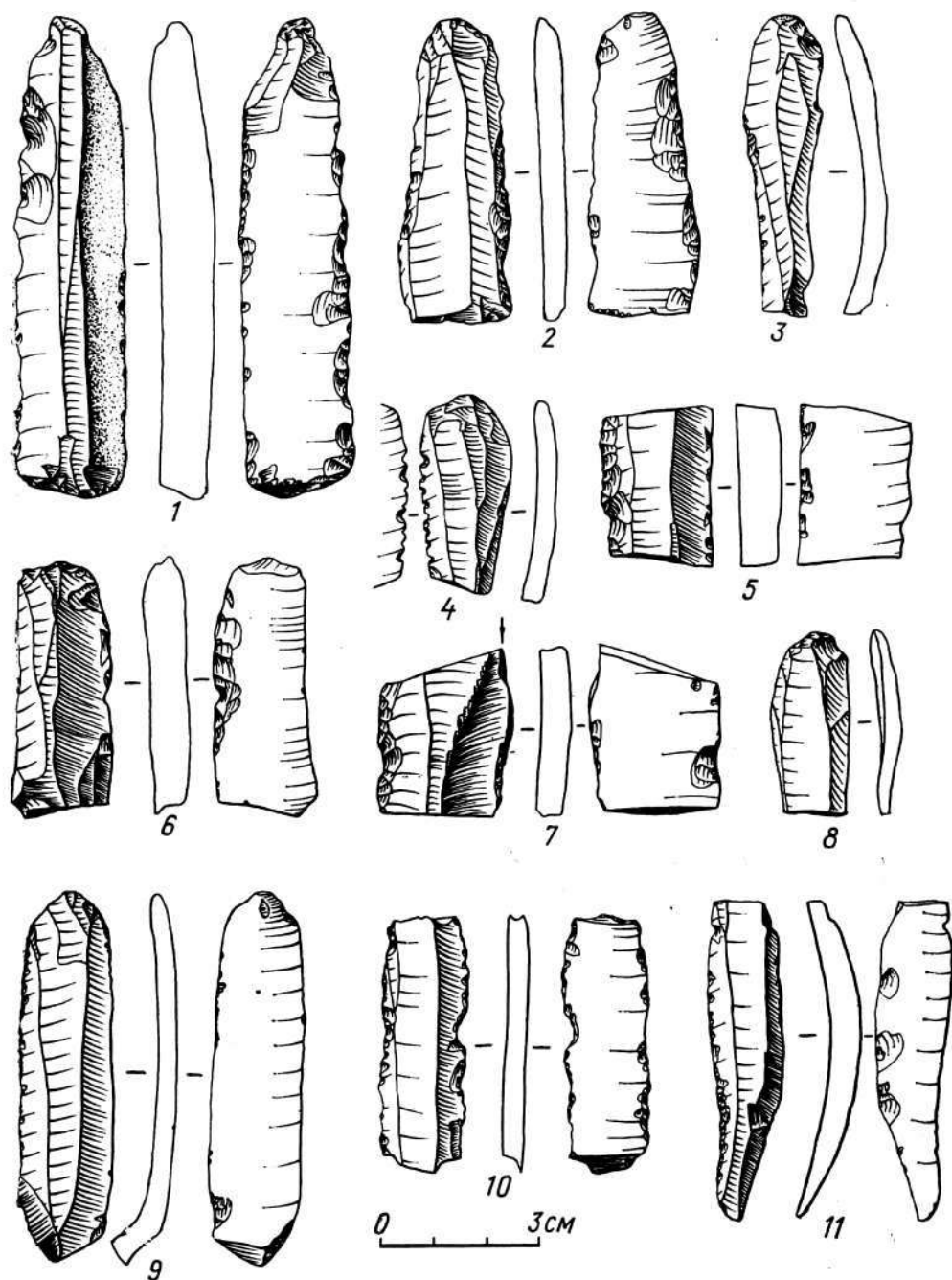

Рис. 75. Ярымтене II. Кремневые орудия (1—11)

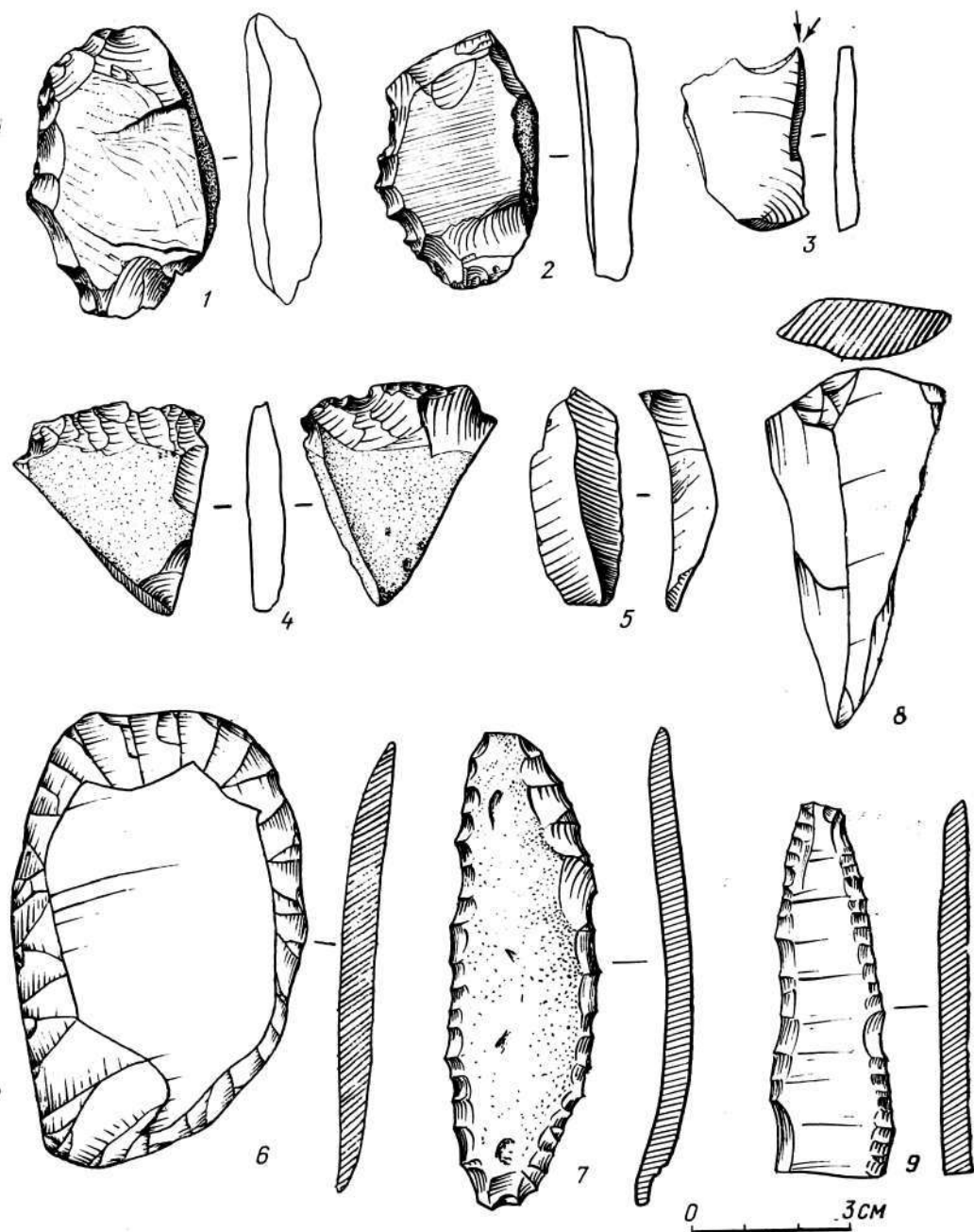

Рис. 76. Ярымтепе II. Кремневые орудия (1—9)

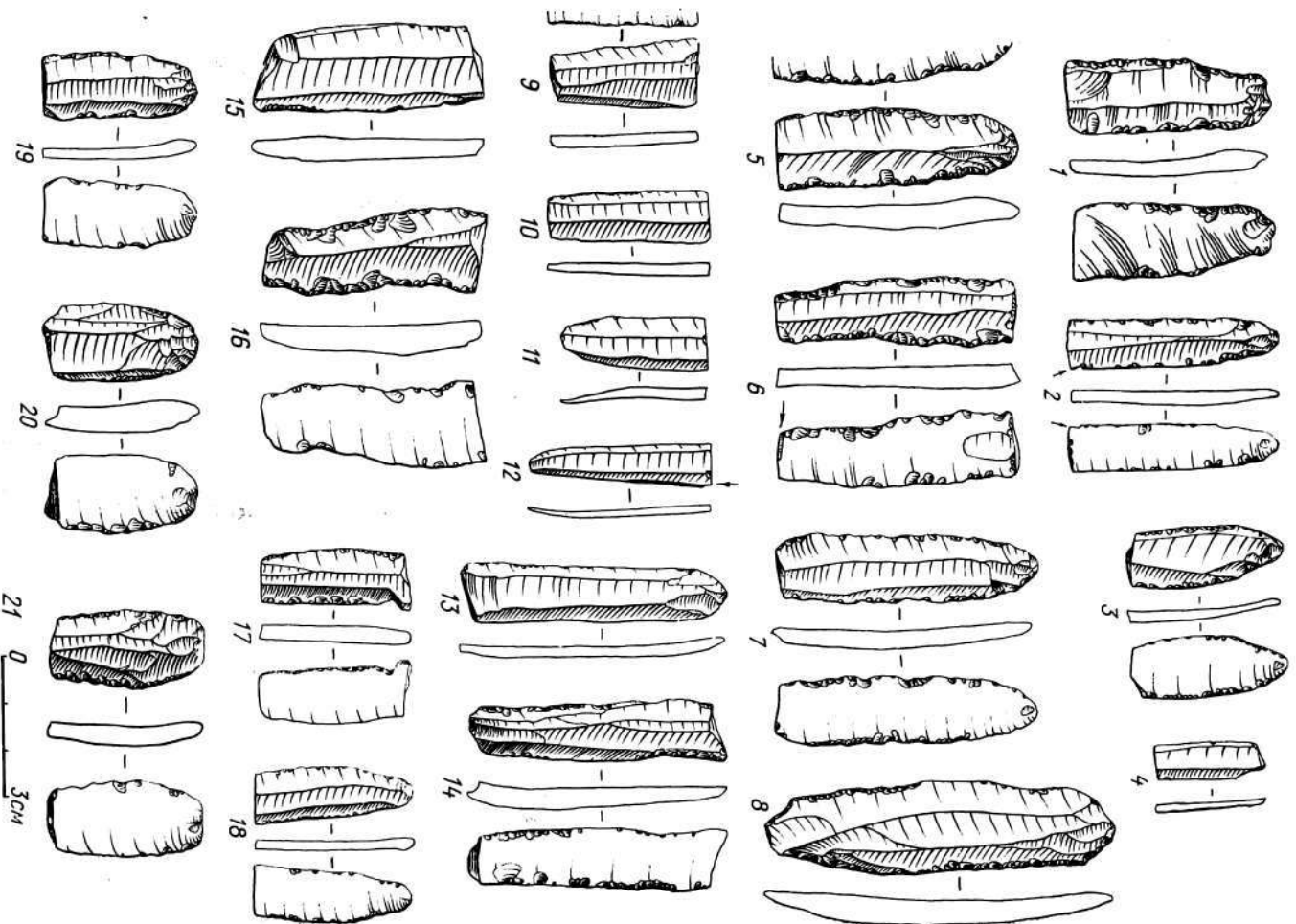

Рис. 77. Бронзовый II. Обсидиановые орудия (1—21)

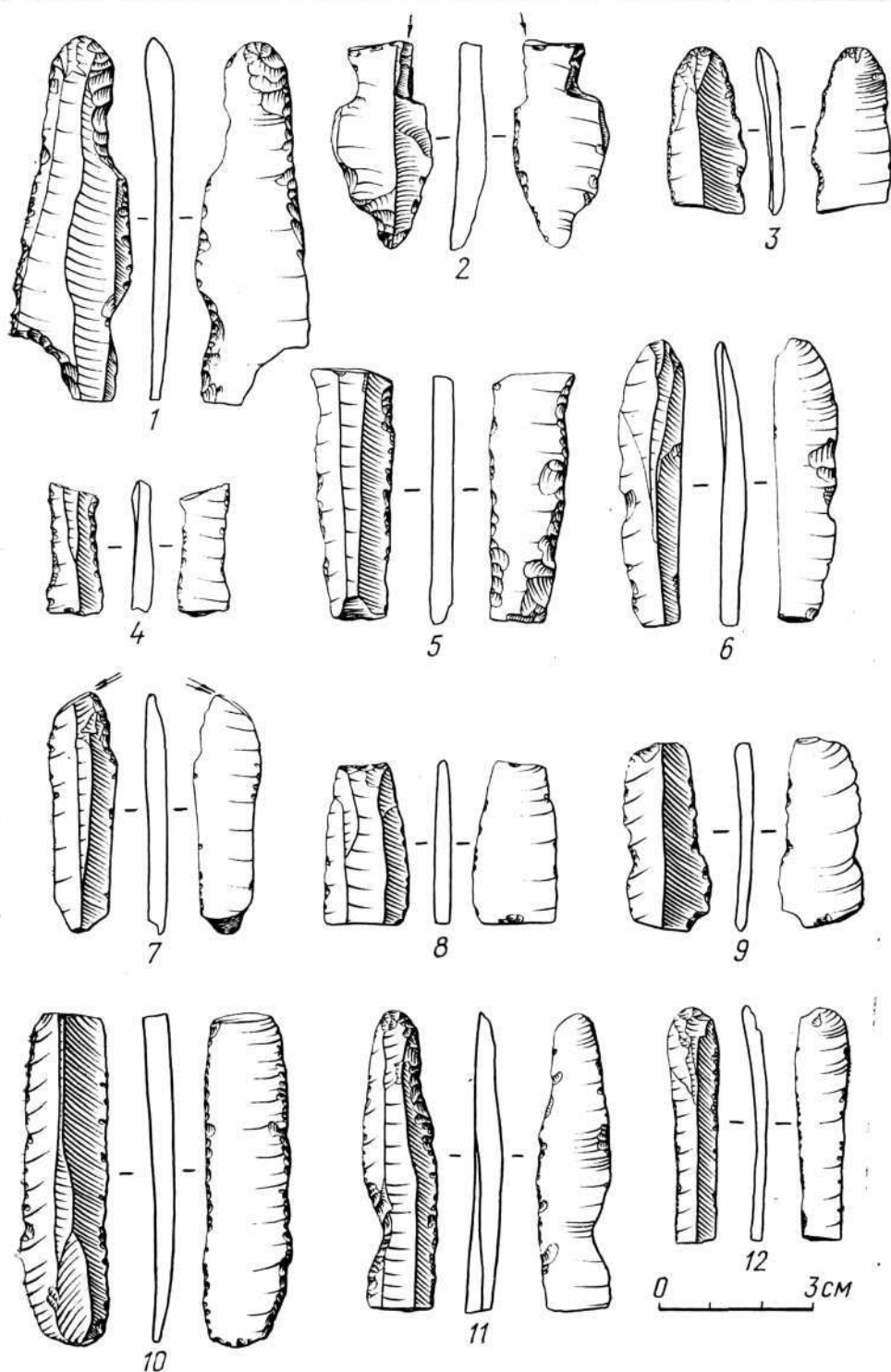

Рис. 78. Ярымтөпө II. Обсидиановые орудия (1—12)

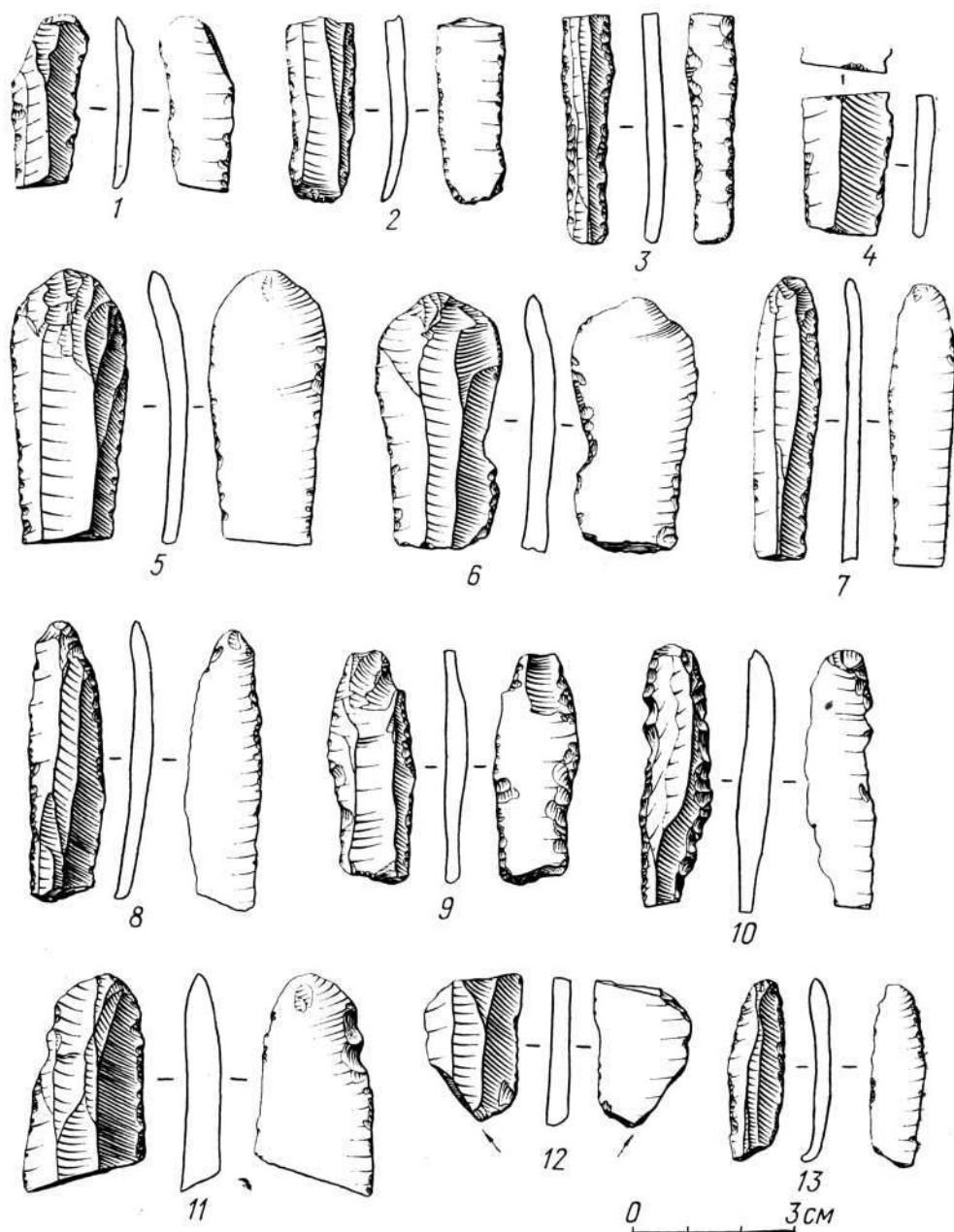

Рис. 79. Ярымтепе II. Obsидиановые орудия (1—13)

зубчатый рабочий край орудия. Там же обнаружены пластины, служившие вкладышами таких серпов, с характерной угловой заполировкой и следами битума. Но наряду с серпом с крупнозубчатым рабочим краем здесь, как и в некоторых энеолитических поселениях Закавказья⁷, больше использовалось жатвенное наборное орудие, лезвие которого составлял не один зубчатый угол, а весь продольный край пластины. Вкладышами от таких серпов является подавляющее большинство обсидиановых и кремневых пластинчатых орудий из девятого-восьмого горизонтов Ярымтепе II. Во всяком случае, судя по визуальному наблюдению, среди них нет орудий с угловой заполировкой, что указывало бы на использование в начальные периоды жизни поселения серпов с крупнозубчатым рабочим краем. Надо сказать, что те и другие серпы принадлежат к одному типу пластинчатых наборных жатвенных орудий, широко распространенному у раннеземледельческих племен⁸.

Пожалуй, в данном разделе целесообразно вспомнить еще раз о тех нескольких обсидиановых микролитических орудиях трапецевидной формы (рис. 54, 1, 2), которые обнаружены в культовой ямке под полом толоса LXVII. Важность этих находок определяется самим фактом их присутствия в комплексе халафской культуры. Единичные экземпляры подобных кремневых орудий найдены вместе с халафской керамикой на поселении Банахилк, расположенном вдали от побережья Тигра, в горах Иракского Курдистана⁹. Но в памятниках равнинной части Северной Месопотамии не только халафского периода, но и значительно более раннего времени, предшествующего даже хассунской культуре, микролитические орудия не встречаются. Их нет совершенно, например, в комплексах таких дохалафских памятников Синджарской долины, как Ярымтепе I, Телль Сотто, Кюллитепе и др. Эти архаического типа орудия не представлены и в обычных бытовых комплексах Ярымтепе II. Отмеченные же находки связаны с комплексом особого характера, несомненно ритуальным.

Поскольку изготовлением обсидиановых орудий на поселении Ярымтепе II, как устанавливается, практически не занимались, то надо полагать, что и эти микролитические орудия из вулканического стекла были доставлены оттуда же, возможно, откуда поступали многочисленные обсидиановые орудия в виде ножевидных пластин. Характерно, что в ритуальной церемонии, устроенной перед сооружением толосовидного дома, были использованы и орудия в виде микролитов-трапеций, совершенно уже не употреблявшиеся в трудовой деятельности.

Завершая характеристику каменных орудий из рассматриваемых горизонтов Ярымтепе II, укажем, что среди них имеется еще несколько других кремневых орудий: два близких по форме и размерам орудия в виде остроконечника длиной 6,8 и 7 см (рис. 76, 8, 9), три скребка и три сверла. Два скребка имеют овальную форму (рис. 76, 6, 7), размеры их 8,8×3 и 8,9×2,8 см. Третий, наиболее крупный (11,5×9,5 см) скребок — округлый. Все они ретушированы по краю и служили, видимо, для обработки шкур животных. Аналогичные кремневые орудия обнаружены и в последующих горизонтах Ярымтепе II, так же как на других раннеземледельческих поселениях Месопотамии, включая халафские (Телль Арпачия и др.).

Наконец, в комплексе каменных орудий из Ярымтепе II имеются три пряслица конической формы (рис. 53, 2). Два из них алебастровые,

третье изготовлено из плотного серого камня, возможно диорита. Последнее обнаружено под полом толоса LXVII и отличается не только породой камня, но и редчайшим для того времени циркульным орнаментом (рис. 51, 6)¹⁰.

Алебастровые пряслица найдены и в последующих горизонтах Ярымтепе II, но их значительно меньше, чем глиняных. Аналогичные пряслица встречены и в других раннеземледельческих памятниках Ближнего Востока, в том числе в халафских и хассунских.

Следующую категорию каменных изделий составляют сосуды. В девятом-восьмом горизонтах Ярымтепе II обнаружено пять целых и обломки десяти каменных сосудов (рис. 65). Они изготовлены из алебаstra, известняка, мрамора и других плотных пород камня серого цвета. Две алебастровые чашечки найдены в ритуальных ямках на участке 28а, на глубине 6,6—6,75 м (рис. 65, 6), и на участке 19а, на глубине 5,5—5,65 м (рис. 65, 1). Третья алебастровая чашечка со сливом (рис. 65, 5) обнаружена в погребении 12/59. Еще одна чашечка из серого камня найдена в слое на участке 24с, на глубине 6,5 м. Наконец, в заполнении толоса LXXIII встречено миниатюрное круглодонное блюдо из розоватого мрамора (рис. 65, 4).

Среди обломков каменных сосудов обращает на себя внимание часть небольшой чаши на круглом поддоне и с просверленными ушками-ручками на тулове, найденная в заполнении ямы 53. Имеется обломок еще одной чаши с таким поддоном, а также обломок верхнего края чаши с ручкой в виде почти горизонтального выступа и вертикально просверленным отверстием для подвешивания (рис. 65, 2).

Формы каменных сосудов из Ярымтепе II не отличаются разнообразием. Самая обычная и распространенная форма — это небольшие чаши с несколько расширяющимися стенками. Размеры их таковы: высота от 2 до 4 см, диаметр по краю венчика от 6,5 до 10,5 см и диаметр дна от 4 до 8 см. Есть и более крупные и толстостенные чаши-миски, представленные несколькими обломками.

Каменные сосуды встречены во всех строительных горизонтах Ярымтепе II. Из остальных халафских памятников значительная серия каменных сосудов обнаружена в Телль Арпачи¹¹. Но коллекция из Ярымтепе II, видимо, не уступает ей по количеству, а по разнообразию даже превосходит. В той и другой коллекции присутствуют почти совершенно одинаковые формы сосудов. В Телль Арпачи, правда, не найдена каменная чашечка со сливом, подобная обнаруженной в погребении 12/59 на Ярымтепе II, а также в Тепе Гавре¹². Но там, так же как в Телль Халафе¹³ и Чагар Базаре¹⁴, неоднократно встречены абсолютно аналогичные глиняные чашечки с носиком¹⁵.

можно предполагать, что производство каменных сосудов практиковалось на многих, если не на всех, халафских поселениях, в том числе на Ярымтепе II и Телль Арпачи. Некоторые образцы найденных в этих памятниках каменных сосудов свидетельствуют о высокой технике обработки камня у племен халафской культуры, уходящей корнями в предшествующие эпохи. На это указывают и другие изделия из камня, обнаруженные на Ярымтепе II, в частности различные подвески и бусы, к рассмотрению которых мы и переходим.

Эти амулеты и украшения представляют также отдельную категорию каменного инвентаря. В ранних строительных горизонтах Ярымтепе II

подвесок найдено немного — менее десяти. Они распадаются на два типа: плоские подвески с просверленным отверстием (рис. 51, 5; 71, 1, 2) и печати-подвески (рис. 71, 3—11). К первому типу относятся три подвески. Наиболее крупная из них, имеющая четкую овальную форму ($4,6 \times 2,2$ см), обнаружена вместе с другими оригинальными находками под полом толоса LXVII. Вторая подвеска — овально-ромбовидной формы ($2,6 \times 1,5$ см), третья — прямоугольной ($3,4 \times 1,4$ см). Близкие по форме плоские каменные подвески-амулеты, в том числе овально-ромбовидные с двумя отверстиями, представлены, например, в материалах из халафских слоев Телль Арпачи¹⁶ и Тепе Гавры¹⁷.

Более интересны, конечно, печати-подвески, изготовленные главным образом из стеатита и серпентина (есть также мраморные, песчаниковые, диоритовые и даже из горного хрусталя). На Ярымтепе II найдено 19 таких подвесок, из них 17 — в нижней половине культурного слоя холма (на уровне от 4,35 до 6,25 м), а две — выше этого уровня (на глубине 2,05 и 3,7 м). Как видим, в наиболее раннем горизонте поселения они отсутствуют — точнее, не обнаружены на раскопанной площади. Но, как уже отмечалось, под полом толоса LXVII найдена уникальная медная печать-подвеска, аналогичная по форме и размерам соответствующим каменным изделиям из Ярымтепе II¹⁸.

В слое восьмого строительного горизонта поселения Ярымтепе II, в основном на уровне 5,45—5,65 м, найдены четыре каменные печати-подвески (рис. 71, 8—11). Одна из них, как упоминалось, была обнаружена в ритуальной ямке на участке 19а. Все печати-подвески, в том числе и из верхних горизонтов Ярымтепе II, отличаются небольшими размерами и различной, преимущественно округло-овальной, треугольной и четырехугольной формой. С лицевой стороны они покрыты резным узором в виде сетки из пересекающихся линий, образующих различные геометрические фигуры. Подвески снабжены ушком для подвешивания с оборотной стороны или у верхнего края. При определенном разнообразии форм и рисунка все они составляют, несомненно, единую группу. Такова обобщенная характеристика рассматриваемых предметов.

Находки каменных печатей-подвесок на таком ярком халафском поселении, каким бесспорно является Ярымтепе II, вполне естественны. По нашему мнению, есть достаточно оснований рассматривать их как один из атрибутов собственно халафской культуры¹⁹. Совершенно аналогичные предметы представлены в ряде памятников халафской культуры как в западных районах ее распространения (Чагар Базар)²⁰, так в особенности в восточных (Телль Арпачия²¹, Тепе Гавра²², Банахилк²³, Гирикхаджиян²⁴).

Наиболее значительная коллекция печатей-подвесок, заметно превосходящая ярымтепинскую по количеству и разнообразию, происходит из Телль Арпачии. Здесь этих предметов найдено, пожалуй, больше, чем в остальных халафских памятниках, вместе взятых. Исследователи детально изучили печати-подвески из Телль Арпачии, расценив их по форме на множество типов²⁵. Достаточно беглого взгляда, чтобы убедиться в почти полной идентичности многих каменных печатей-подвесок из Ярымтепе II и других халафских памятников, особенно из Телль Арпачии. Создается впечатление, что они изготовлены одними и теми же мастерами, на одном поселении, скорее всего в Телль Арпачии.

Большинство каменных печатей-подвесок происходит из Телль Арпа-

чии и Тепе Гавры, т. е. памятников, расположенных в районе Мосула. По числу находок их в Ярымтепе II (а также в Ярымтепе III²⁶) и Чагар Базаре можно констатировать, что по мере удаления на запад от Мосула каменных печатей-подвесок становится как будто бы меньше. То же самое можно предполагать в отношении находок данных предметов в халафских памятниках к востоку и северо-востоку от Телль Арпачии и Тепе Гавры. Правда, сравнительно небольшое количество печатей-подвесок в этих памятниках может объясняться слабой их изученностью. Но в свете известных данных очевидно, что район Мосула дал наибольшую часть коллекции халафских каменных резных печатей. Возможно, что этот район Месопотамии был центром производства рассматриваемых предметов.

Посмотрим, как стратиграфически соотносятся между собой находки печатей-подвесок в Ярымтепе II, с одной стороны, и в Телль Арпачии — с другой. На Ярымтепе II они найдены на глубине от 2,05 до 6,25 м, но в основном на уровне 4,35—5,65 м, т. е. в нижней части культурного слоя. Что же касается Телль Арпачии, то все наиболее близкие ярымтепским печати-подвески происходят из халафского слоя (Т. Halaf Level). Подвески из слоя ТТ6 — позднейшего халафского горизонта поселения — выделяются особо. В этом слое, особенно в так называемом сторевшем доме, найдена целая коллекция разнообразных подвесок, включая резные печати. Любопытно, что среди них почти нет таких подвесок, какие представлены в Ярымтепе II.

Полагают, что резные печати-подвески характерны для ранних халафских горизонтов Телль Арпачии²⁷. Если это так, то и слой Ярымтепе II, в которых обнаружено наибольшее число подобных подвесок, следовало бы считать соответствующими раннему Халафу Арпачии. Поскольку древнейшие халафские слои данного памятника изучены крайне слабо и в основном за пределами холма, то остается неясным понятие «ранний Халаф Арпачии», столь часто употребляемое в литературе по первобытной археологии Месопотамии и Ближнего Востока. Поэтому будет более правильным, если мы на основании рассматриваемых находок будем сопоставлять слои Ярымтепе II, содержащие резные печати-подвески, с Арпачией ТТ10—7²⁸. В таком случае определенный уровень верхней части культурного слоя Ярымтепе II должен соответствовать слою ТТ6 Арпачии. Насколько правомерны эти сопоставления, может показать анализ керамики того и другого памятника. Но прежде необходимо рассмотреть еще некоторые категории предметов из Ярымтепе II.

В ранних горизонтах Ярымтепе II найдены три бусины в культурном слое (сердолик, горный хрусталь и черный стеатит?) и 572 — в погребении 11/58 (сердолик — 10, мягкий белый камень (известняк?) — 328) и раковины — 234; рис. 63). Все бусины плоские дисковидной формы диаметром 0,3—0,7 см. Исключение составляет овальная бусина из горного хрусталя (0,8×1,1 см), найденная на глубине 5,4 м. Все бусины сверленные и отличаются в целом тщательной выделкой, что также свидетельствует о высокой технике обработки камня у халафских племен.

Перед нами довольно однообразная коллекция украшений в виде бусин из различных пород камня. Такие же бусины и, кроме того, иной формы — цилиндрической и ромбовидной — представлены и в Телль Арпачии²⁹. Сравнительно значительная коллекция бус происходит из Ярымтепе I. Они более разнообразны по форме и материалу. Таким образом,

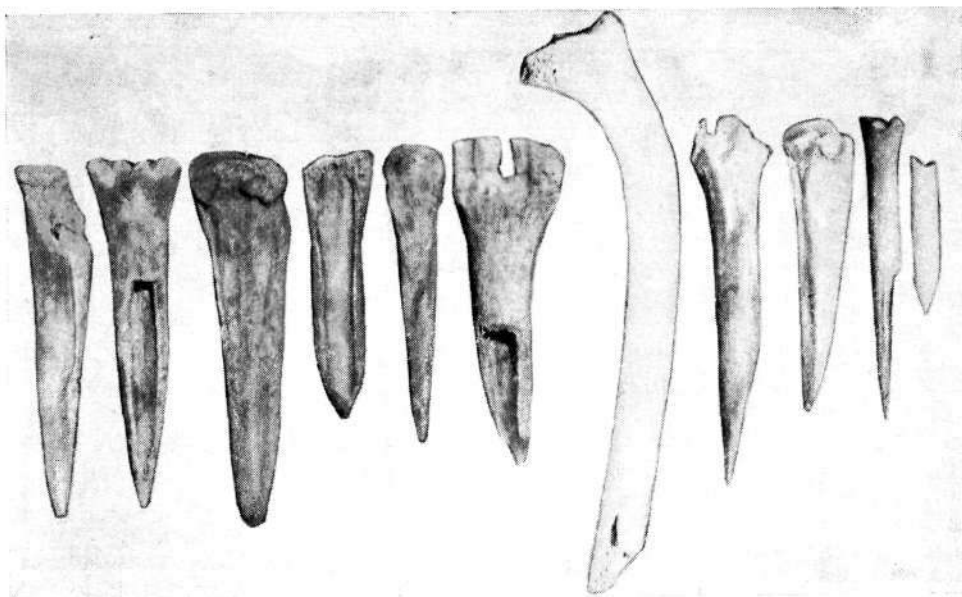

Рис. 80. Ярымтепе II. Костяные орудия

и данная категория находок характерна для раннеземледельческих поселений Месопотамии, включая памятники халафской культуры.

Костяные изделия. К еще более типичным для раннеземледельческих памятников предметам относятся костяные изделия, обнаруженные на Ярымтепе II. В двух нижних горизонтах найдено 13 изделий из кости, в том числе 11 проколов и шильев (рис. 80) и два лопчила. Все они обычны по форме и размерам, и поэтому нет необходимости на них подробно останавливаться. Укажем только, что проколки и шилья изготовлены, как правило, из костей мелкого рогатого скота, а лопчила — из ребер крупных животных. Лопчила плоские длиной более 12 см. Рабочий край всех орудий заполирован

¹ См. Приложение 2.

² См. Приложение 3.

³ В орудия на пластинах выделены пластины, имеющие более или менее регулярную ретушь по одному или двум краям, а также пластины со следами сильной сработанности на краях или ретуши, изменяющей форму пластины.

⁴ Mallowan M. E. L., Cruikshank Rose J. Excavations at Tell Agrabah. — Iraq, 1935, v. II, part 1, p. 102.

⁵ Mellaart J. The Neolithic of Near East. London, 1976, p. 170.

⁶ Вероятно, производство обсидиановых орудий для сбыта практиковалось на поселениях, расположенных близ оз.

Ван, или на путях из данного района в Месопотамию. Проблема торговли обсидианом и орудиями из него в древней Передней Азии, в частности в эпоху Халафа, — особая самостоятельная тема, и поэтому здесь мы затрагиваем ее в самой общей форме.

⁷ Нариманов И. Г. Древнейшие серпы Азербайджана. — СА, 1964, № 3, с. 283—285; Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 89—91.

⁸ Возникновение и развитие земледелия. М., 1967, с. 84.

⁹ Braidwood R. J., Howe B. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan. Chicago,

- го, 1960, p. 34. Данный памятник, скопанный с помощью отдельных небольших шурфов, дал смешанный материал, среди которого выделяется типичная халафская расписная керамика. Составляют ли эта керамика и отмеченные кремневые микролитические орудия в Банахиле единый комплекс — пока неясно.
- ¹⁰ В памятниках халафской культуры, в частности в Чагар Базаре и Тепе Гавре, найдены аналогичные каменные пряслица, украшенные совершенно таким же орнаментом. Циркулярным орнаментом украшены также и каменные печати-подвески из Телль Арпаччи и Тепе Гавры. См.: *Mallowan M. E. L. The Excavations at Tell Chagar Bazar and an Archaeological Survey of Habur Region.* — Iraq, 1936, v. IV, fig. 14, 29; *Tobler A. J. Excavations at Tepe Gawra.* Philadelphia, 1950, v. II, pl. CLXXIX, 48; CLXXII, 31; *Mallowan M. E. L., Cruikshank Rose J. Excavations at Tell Arpachiyah*, pl. VII.
- ¹¹ *Mallowan M. E. L., Cruikshank Rose J. Excavations at Tell Arpachiyah*, p. 76—79, fig. 44.
- ¹² *Tobler A. J. Excavations at Tepe Gawra*, pl. CLXXX, 76.
- ¹³ *Oppenheim M. Tell Halaf.* Berlin, 1953, S. 92. Отметим, кстати, что в Телле Халафе найден всего один каменный (алебастровый) сосуд.
- ¹⁴ *Mallowan M. E. L. The Excavations at... Chagar Bazar...*, fig. 20.
- ¹⁵ *Mallowan M. E. L., Cruikshank Rose J. Excavations at Tell Arpachiyah*, fig. 41, 9—11.
- ¹⁶ *Mallowan M. E. L., Cruikshank Rose J. Excavations at Tell Arpachiyah*, pl. VI—VIIb.
- ¹⁷ *Tobler A. J. Excavations at Tepe Gawra*, pl. XCIIb, 1, 2.
- ¹⁸ Металл из Ярымтепе II и Ярымтепе I с подробным описанием стратиграфических условий его находок рассматривается нами в специальном приложении к настоящей работе. Находки металлических изделий и кусочков медной руды в исследуемых памятниках, а также в Телле Согто и Магзалии характеризуют древнейший этап развития металлургии в Месопотамии.
- ¹⁹ Печати разных типов из хассунского поселения Ярымтепе I отличаются по форме, размерам и материалу от халафских печатей-подвесок.
- ²⁰ *Mallowan M. E. L. The Excavations at... Chagar Bazar...*, fig. 14, 21—23.
- ²¹ *Mallowan M. E. L., Cruikshank Rose J. Excavations at Tell Arpachiyah*, fig. 50, pl. VII.
- ²² *Tobler A. J. Excavations at Tepe Gawra*, pl. XCIIb, 1—4; CLXXII, 17—19.
- ²³ *Braidwood R. J., Howe B. Prehistoric Investigations...*, p. 33.
- ²⁴ *Braidwood R., Cambel H., Redman C., Watson P. Beginnings of Village-Farming Communities in Southeastern Turkey.* — PNAS, 1971, June, v. 68, N 6, p. 1240.
- ²⁵ *Mallowan M. E. L., Cruikshank Rose J. Excavations at Tell Arpachiyah*, p. 90—96.
- ²⁶ Небольшая серия каменных печатей-подвесок с резным геометрическим узором обнаружена и на поселении Ярымтепе III, в основном в халафском слое, т. е. в исследованных пока верхних его горизонтах.
- ²⁷ *Mellaart J. The Neolithic...*, p. 158. Конечно же, Д. Меллаарт неправ, считая, что находки печатей-подвесок ограничены ранней фазой Арпаччи (TT10), и полагая, что они были распространены здесь, как и в Амуде в Северной Сирии, контролировавшей источники камня, из которого сделаны эти подвески.
- ²⁸ Печати-подвески халафского типа использовались и в убейдское время (*Mallowan M. E. L., Cruikshank Rose J. Excavations at Tell Arpachiyah*, p. 91). В Тепе Гавре такие печати-подвески найдены не только в халафских слоях на самом Телле (XVIII—XX) и за его пределами (участок А), но значительной серией представлены и в убейдских горизонтах.
- ²⁹ *Mallowan M. E. L., Cruikshank Rose J. Excavations at Tell Arpachiyah*, p. 97, pl. VIIb.

Глава 15

КЕРАМИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ

Керамический материал нижних слоев Ярмтепе II огромен, многообразен и требует специального всестороннего исследования. Здесь же мы ограничимся общими сведениями о характере наиболее типичных именно для рассматриваемых горизонтов поселения находок. Что же касается эволюции формы и орнаментов халафских сосудов на протяжении всего периода существования поселения и статистических данных, то мы рассмотрим их в следующей нашей публикации, посвященной материалам средних и поздних горизонтов Ярмтепе II.

В целом керамический материал нашего поселения, в частности его ранних горизонтов, представлен тремя категориями находок — орудиями, разнообразной посудой и пластикой.

К орудиям относятся скребки и пряслица. Скребки сделаны из обломков стенок сосудов, имеют чаще всего овальную или трехугольную форму. Их рабочий край обработан с внутренней стороны, как правило, крупными сколами (рис. 81, 1—4). Керамические скребки характерны для всех слоев Ярмтепе II, начиная с наиболее раннего, в котором они представлены значительной серией — более 100 экземпляров. Они встречаются и на других халафских поселениях. Трудно определить точно функциональное назначение глиняных скребков из рассматриваемого памятника, поскольку они пока не подвергались специальному исследованию. Но совершенно аналогичные керамические орудия с односторонней и двусторонней обработкой рабочего края, обнаруженные на поселениях эпохи бронзы Южного Туркменистана, стали объектом трасологического анализа. Установлено, что они служили орудиями для обработки шкур животных, хотя некоторые экземпляры использовались и для других целей (уборки мусора, золы и т. п.)¹. По всей вероятности, таким же было назначение и глиняных скребков из Ярмтепе II.

Мы уже отметили находки каменных пряслиц в Ярмтепе II. Все они конической формы, т. е. являются как бы продолжением одного из типов пряслиц, известных уже в хассунское время. Их немного. В отличие от них, весьма многочисленны глиняные пряслица (рис. 53). В слоях девятого-восьмого строительных горизонтов обнаружено более 30 этих пряслиц, из них 25, т. е. подавляющее большинство, биконические и только три имеют, подобно каменным, коническую форму. Еще один тип составляют круглые плоские пряслица, иногда сделанные из стенок сосудов (рис. 53, 1).

Все типы пряслиц широко представлены на поселениях халафской культуры, в частности в Телль Арпачий², так же как на раннеземледельческих поселениях Ближнего Востока предшествующей и последующей эпох³.

Упомянем находки глиняных предметов яйцевидной формы, именуемых обычно «пулями для пращи». При описании совершенно аналогичных находок из Ярмтепе I мы отметили условность данного определения. Их назначение как пуль для пращи представляется сомнительным. Каково было их действительное назначение, — пока неизвестно. Они встречаются на многих раннеземледельческих поселениях Месопотамии и Ближнего Востока, а также в некоторых энеолитических памятниках

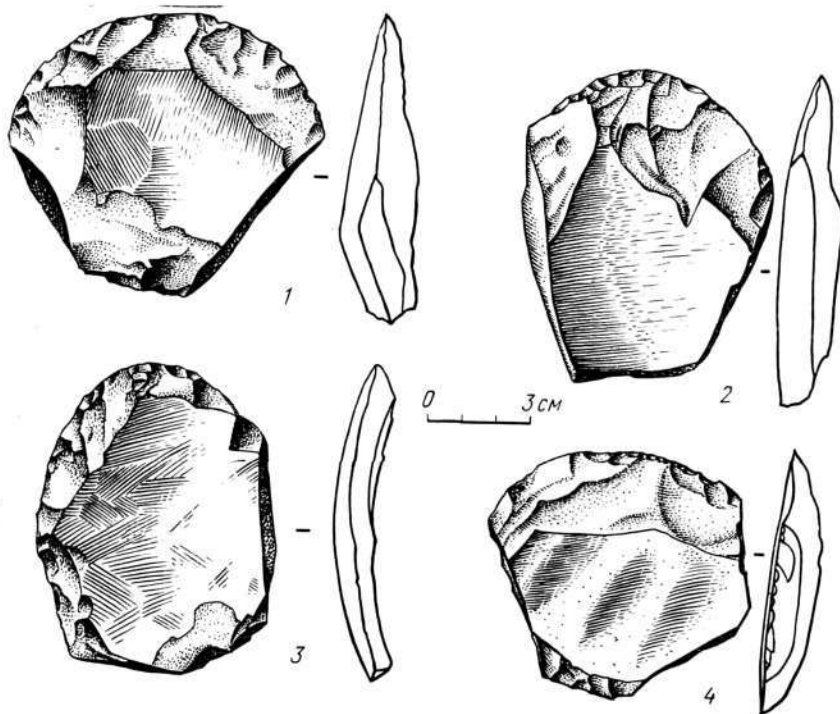

Рис. 81. Ярымтепе II. Керамические скребки (1—4)

Рис. 82. Ярымтепе II. Глиняные «пули»

Закавказья. На поселении Ярымтепе II, как и в халафском слое Ярымтепе III (в заполнении одного из толосов их было найдено более 1000), эти предметы обнаружены в значительном количестве. Правда, в двух нижних горизонтах памятника общее число их находок невелико — всего 16 (рис. 82). Все они слабо обожжены и по форме и размерам ничем не отличаются от аналогичных предметов из других памятников.

Вторая и основная группа керамических находок из поселения Ярымтепе II объединяет посуду, представленную как целыми образцами, так в особенности обломками многочисленных и разнообразных сосудов. Надо подчеркнуть, что вся глиняная посуда Ярымтепе II — простая и расписная — органически входит в общий комплекс халафской керамики Ближнего Востока, как ее составная часть. Напомним здесь, что ни один компонент халафской культуры не привлекал к себе такого внимания, как керамические сосуды, в основном те, что украшены богатым расписным орнаментом.

Именно на основании анализа прежде всего глиняной посуды и мотивов ее росписи создаются и строятся до сих пор схемы генезиса и периодизации халафской культуры. Одной из главных причин недостаточной убедительности этих схем является отсутствие хорошо документированных керамических материалов из древнейших слоев известных халафских памятников. В этой связи важное значение могут иметь данные из ранних горизонтов Ярымтепе II. Поэтому мы попытаемся дать возможно более полное представление о найденной здесь керамике — сосудах и скульптуре, однако без широкого сравнительного анализа, поскольку для этого требуется рассмотреть керамику всего памятника в целом, что не входит сейчас в нашу задачу.

Начнем с самой общей характеристики халафской керамической посуды. Ее отличают многообразие форм, богатство расписной орнаментации, преимущественно геометрического характера, и в общем довольно высокое качество производства. Теперь, когда на поселении Ярымтепе II раскопаны крупные гончарные печи столь сложной конструкции, мы можем представить себе, в каких именно горнах халафские гончары обжигали глиняные сосуды и каким образом достигалась такая высокая и тщательная термообработка.

Изготовление глиняной посуды было после земледелия и скотоводства, пожалуй, самой значительной отраслью производства халафских племен. Несомненно, на каждом поселении имелись свои мастерские и искусные гончары, владевшие техникой изготовления сосудов разнообразных изящных форм. Глину добывали на месте, так же как, вероятно, и охру, и другие минеральные составы, из которых изготавливали красители для росписи сосудов. Широко практиковалось ангобирование сосудов.

Вся глиняная посуда халафской культуры ручной лепки. Она разделяется на три основные группы: расписная, простая гладкостенная и грубой выделки. Расписные сосуды в основном небольших размеров и отличаются изяществом форм. Они изготовлены, как правило, из тонко отмученной глины, почти лишенной примесей. Часто роспись покрывает всю поверхность сосуда, а такие формы посуды, как миски и чаши, нередко расписаны целиком и изнутри. Мотивы росписи в основном геометрического характера. Лишь отдельные сосуды украшены натуралистическими изображениями (растения, птицы, животные, змеи). Сосуды расписывались по блестящему ангобу красной, коричневой, редко — белой

красками. Роспись монохромная, бихромная и полихромная (свойственная керамике поздней фазы Арпачи).

Гладкостенные сосуды сделаны из сравнительно хуже промышленного глиняного теста, содержащего примеси известняка, дресвы, соломы и шмота (?). Это в основном посуда средних и крупных размеров. Значительная часть сосудов покрыта ангобом светлых тонов.

Сосуды третьей группы представлены груболепными и слабообожженными горшками темно-серого и бурого цвета. Они отличаются специфической формой и нередко наличием ручек.

Формы халафской посуды по сравнению с хассунской более разнообразны. Выделяется до десяти основных форм. Наиболее распространены чаши нескольких типов. Характерны также разнообразные миски, горшки и кувшины.

Общая характеристика халафской глиняной посуды одинаково применима к керамике из памятников как бассейна Евфрата, так и долины Синджара, района Мосула на Тигре и более восточных областей⁴. Она показывает и заметное различие между соответствующими комплексами хассунской и халафской культур. Как правильно подчеркнул Т. Даббах, халафская керамика, несмотря на некоторые связи с хассунской, обладает определенным своеобразием⁵.

Керамика — точнее, фрагменты глиняной посуды — составляет подавляющую часть находок на Ярымтепе II. В нижней части культурного слоя исследованного памятника, на глубине от 5,2 м до материка, обнаружено 26 397 обломков различных сосудов, в том числе 10 707 — с росписью. В это число не входят отдельные сосуды, найденные как в слое, так и в некоторых погребениях, а также комплекс керамики из стратиграфической траншеи 1969 г. Из отмеченных находок 12 155 обломков сосудов происходят из древнейшего (девятого) строительного горизонта Ярымтепе II. Среди них 4977 фрагментов расписных сосудов, 6524 — гладкостенных (в том числе 5592 тонкостенных и 932 толстостенных) и 654 — груболепных горшков и чаш.

При подсчете керамики, главным образом при отнесении отдельных черепков к той или другой группе посуды, трудно было, конечно, избежать ошибок. Так, обломок неорнаментированной части расписного сосуда мог оказаться включенным в группу гладкостенных сосудов. Ведь украшены росписью и некоторые крупные горшки, причем роспись у них простая — например, в виде одной полосы вокруг тулова сосуда. Но эта возможная ошибка не изменяет общего представления о соотношении основных групп глиняной посуды рассматриваемого поселения.

Преобладает нерасписная гладкостенная посуда. Она составляет примерно 55—60%, а расписная — около 40%. Что же касается груболепных сосудов, то их количество весьма незначительно. Такое соотношение отдельных групп керамики наблюдалось почти на каждом участке поселения, в любом комплексе. Так, в яме 58 найдены 220 обломков гладкостенных сосудов, 124 расписных черепка и только 5 фрагментов груболепных горшков; в яме 60 — соответственно 100, 80 и 3, а в яме 61—60, 28 и 1. С другой стороны, в заполнении толоса LXVII встречены 96 фрагментов гладкостенных сосудов, 39 расписных черепков и 9 обломков грубых горшков, а толоса LXXI — соответственно 34, 16 и 5. Лишь в редких случаях находок расписной керамики оказывалось больше, чем гладкостенной.

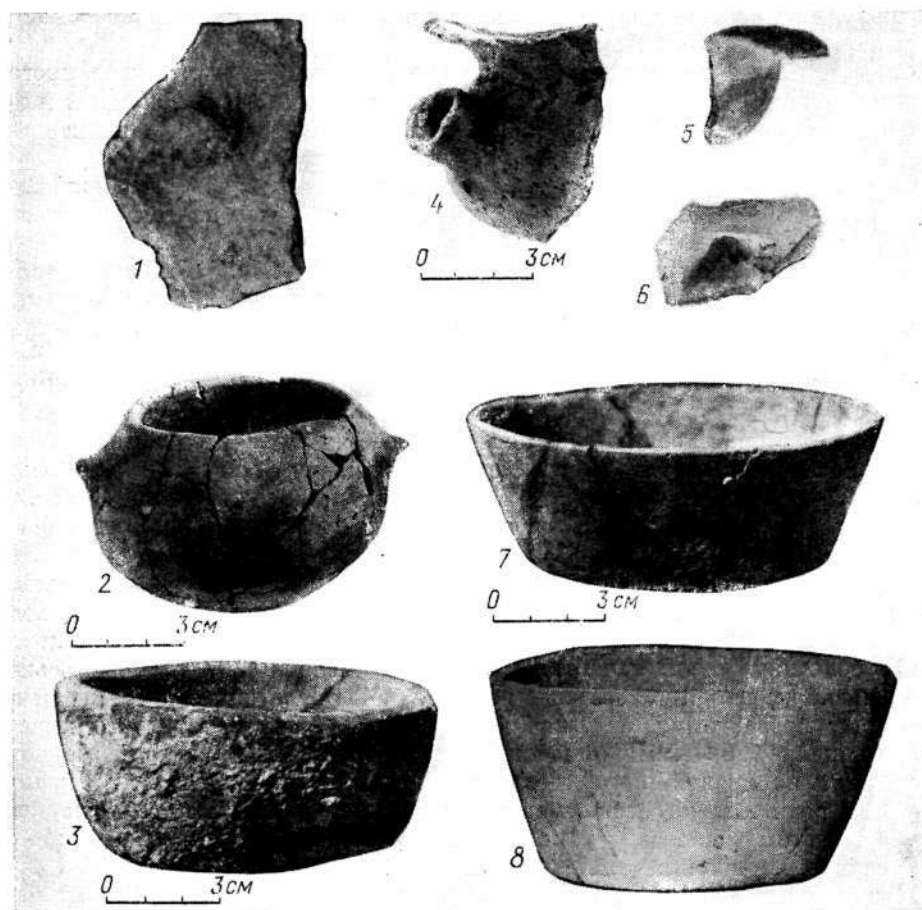

Рис. 83. Ярымтепе II. Образцы грубой и тонкостенной посуды (1—8)

Таково примерно соотношение между отмеченными группами посуды и в вышележащих уровнях культурного слоя Ярымтепе II. Что же касается других поселений халафской культуры, в частности тех, из которых находки керамики подвергались соответствующим подсчетам, то в них наблюдается несколько иная картина ⁶.

Начнем с рассмотрения наименее значительной по количеству группы — груболепных сосудов. Они резко выделяются из общей массы керамики своей формой, цветом, рыхлым тестом, часто — с множеством грубых растительных примесей, и слабым обжигом. Все сосуды плоскодонные.

Самая распространенная форма среди данной группы — толстостенные горшки баночной формы с округленным туловом (рис. 83, 1, 2). Имеются сосуды с вертикальными или слегка расходящимися стенками, но в единичных экземплярах (рис. 83, 3). Цвет горшков темно-коричневый, бурый, часто — с темно-серыми пятнами. Поверхность обрабо-

тана небрежно. Лишь отдельные сосуды ангобированы и залощены до блеска. Горшки часто снабжены ручкой (одной, реже — двумя) в виде плоского полуовального или треугольного выступа, расположенного горизонтально чуть ниже края сосуда. Ни в одном случае орнамент на горшках рассматриваемой группы керамики не отмечен.

Размеры горшков в среднем таковы: высота 14—16 см, максимальный диаметр тулова 16—17 см, диаметр по краю венчика 10—12 см, диаметр дна 8—10 см, толщина стенок около 1,5 см. Встречаются горшки сравнительно небольших размеров — высотой до 10 см, но их немного, так же как и очень крупных сосудов — высотой более 25 см.

В данной группе керамики представлены также сосуды в виде глубоких овальных чаш с почти вертикальными стенками. Они отличаются еще более грубой выделкой и очень слабым обжигом. Толщина стенок некоторых из них достигает 2,5—3 см. Высота наиболее крупных экземпляров — до 12 см, а диаметр их по венчику — приблизительно 30×20 см.

Описанные груболепные горшки встречаются на всех уровнях культурного слоя Ярымтепе II, вплоть до самых верхних, и никакой заметной эволюции в их развитии не прослеживается. И в ранних, и в поздних горизонтах поселения они совершенно идентичны.

Аналогичные сосуды обнаружены и в других памятниках халафской культуры, как в восточных районах ее распространения, так и в западных, например в Телль Халафе, где они представлены достаточно выразительными образцами⁷. По-видимому, их общее количество в этих памятниках также невелико, а соотношение с другими группами посуды примерно такое же, как в Ярымтепе II, где их серия незначительна.

Происхождение рассмотренной группы посуды, как и всей керамики Халафа, до сих пор неясно. В памятниках предшествующей, хассунской, культуры подобных или близких им сосудов нет. Сделана попытка сопоставить эти горшки, как и некоторые другие формы халафской керамики, с материалами южноанатолийских памятников эпохи неолита и раннего халколита⁸ и тем самым обосновать вывод о сложении Халафа на западе, в бассейне верхнего Евфрата, и под определенным влиянием культур Анатолии. Но эта точка зрения остается гипотезой, и у нас пока нет убедительных доказательств, позволяющих уверенно связывать рассмотренную группу халафской посуды с каким-нибудь из известных керамических комплексов Ближнего Востока, будь то анатолийский или сиropалестинский⁹.

К сожалению, получилось так, что внимание исследователей постоянно привлекала по существу только одна группа халафской керамики — расписная посуда, а также антропоморфная пластика. Что же касается груболепных горшков, то они почти всегда оказывались вне поля их зрения. В обширной публикации материалов из Телль Арпачии, например, мы не найдем ни одного рисунка такого горшка, хотя они там имеются. Еще большее удивление вызывает тот факт, что до сих пор не подвергнута специальному изучению самая значительная группа халафской керамики — гладкостенные сосуды.

Обломки гладкостенной посуды составляют в нижней части культурного слоя Ярымтепе II более 55% общего числа находок сосудов. Это основная кухонная и столовая посуда. Технологически она уступает многим расписным сосудам. В глиняном тесте наблюдаются различные примеси — или частицы известняка, или толченый камень и песок, или дру-

гие, но, как правило, в незначительном количестве. Почти все сосуды покрыты ангобом, преимущественно светло-коричневого, желтоватого и белого цвета. Они тщательно заглажены снаружи и внутри. Ряд сосудов хорошо залощен и имеет блестящую поверхность. Среди них имеются тонкостенные (толщина стенок в среднем 0,5—0,7 см) и толстостенные (1—1,3 см), но последних повсеместно значительно меньше. Так, из 6524 обломков гладкостенных сосудов, обнаруженных в исследуемом памятнике на уровне от 6 до 6,75 м, т. е. до материка, всего 932 принадлежали толстостенным сосудам.

К сожалению, целые толстостенные сосуды не найдены, а из их обломков ни один сосуд не восстановлен полностью. Но о форме и размерах гладкой толстостенной посуды мы можем получить представление по обнаруженным фрагментам. Среди них выделяются крупные и глубокие чаши, скорее всего овальной формы, с вертикальными или несколько расходящимися в стороны стенками (высота до 12—13 см). Но в основном это большие сосуды с плоским дном, округлым корпусом и широкой прямой шейкой. Наиболее крупные из них достигали в высоту до 40—50 см; таким же приблизительно был максимальный диаметр их корпуса; высота шейки достигала 10—12 см, а диаметр по краю венчика — около 25 см; диаметр же дна — примерно 15 см. Ни на одном из них не отмечены ручки. Для них, как и для тонкостенных гладких сосудов, совершенно не характерен орнамент.

Аналогичные крупные сосуды с покрытой белым ангобом поверхностью представлены и в самых верхних горизонтах Ярымтепе II, а также в халафском слое Ярымтепе III. По известным публикациям халафских памятников нет возможности судить о том, найдены ли в них такие же глиняные гладкие толстостенные сосуды. Однако можно думать, что они были обнаружены и на других поселениях халафской культуры, но остались вне поля зрения исследователей, как и вся нерасписная халафская керамика в целом. Мы полагаем, что эти сосуды не имеют местных прототипов, хотя, казалось бы, их можно сопоставлять типологически с рассмотренными крупными шаровидными горшками с цилиндрической шейкой из хассунского поселения Ярымтепе I.

Сравнительно разнообразна гладкая тонкостенная посуда. Ведущие формы ее — чаши, горшки и кувшины. Преобладают чаши двух основных типов. Первый из них — глубокие чаши с округленными стенками, иногда почти полусферической формы. В коллекции имеется один обломок такой, видимо, чаши с ручкой в виде горизонтального выступа, отходящего от края сосуда (рис. 83, 5). Другой, более распространенный, тип составляют сосуды с прямыми, расширяющимися к устью стенками (рис. 83, 7, 8). Среди них заметно преобладают чаши овальной формы. Они невелики по размерам. Высота их в среднем около 6 см (наиболее крупные до 10 см), диаметр по краю венчика — 10—14×6—8 см, диаметр дна — 8—10×5—7 см. Чаши полусферической формы несколько крупнее. Имеются и довольно миниатюрные чашечки, как, например, обнаруженная в погребении 11/58.

Чаши рассмотренных типов, в особенности с несколько расходящимися в стороны стенками, имеются и среди каменных сосудов, и среди гладких толстостенных сосудов, и в группе груболепной посуды. Аналогичные чаши, так же как и полусферические, значительной серией представлены и в расписной посуде. Следовательно, можно считать их одной из

наиболее распространенных форм глиняных сосудов в Ярымтепе II, причем как в ранних, так и в поздних горизонтах поселения. Такие же по форме нерасписные чаши, равно как и расписные, широко представлены во всех, можно сказать, халафских памятниках¹⁰. Это позволяет считать их одной из самых характерных форм керамики Халафа. Данная форма халафской посуды находит наиболее близкие типологические соответствия в керамике хассунской культуры, где широко представлены чаши, почти аналогичные по форме.

Отдельный тип составляют миниатюрные чашечки со сливом, аналогичные по форме и размерам алебастровому сосудику из погребения 12/59 (рис. 65, 5). Они найдены на всех уровнях культурного слоя Ярымтепе II. Коллекция керамики из нашего поселения включает не менее 20 целых образцов таких чашечек со сливом. Уже отмечалось, что они найдены и в других халафских памятниках, в частности в Телье Арпачии, Тепе Гавре, Телье Халафе и Чагар Базаре. Чашечки со сливом являются, по всей вероятности, неременной принадлежностью керамического комплекса каждого халафского поселения.

Гладкостенные горшки из Ярымтепе II, как и из других памятников халафской культуры, представляют собой различные по размерам плоскодонные сосуды с округлым корпусом и отогнутым венчиком. Небольшие (высотой до 10—12 см) горшки отличаются обычно уплощенно-шаровидным туловом и резко отогнутым наружу венчиком (рис. 84, 2), а сравнительно крупные (высотой до 20 см и более) имеют яйцевидную или реже — шаровидную форму, и венчик их бывает слегка отогнут.

Единичные горшки имеют носик, располагающийся ниже места перегиба тулова к венчику (рис. 83, 4). Укажем еще, что найден обломок небольшого горшка, на котором есть петелька для подвешивания сосуда (рис. 83, 6). На горшке были сделаны две или даже, возможно, четыре такие петли в виде выступа.

Данная форма посуды также одинаково типичная для ранних и поздних горизонтов Ярымтепе II. Правда, горшков с носиком в самых верхних уровнях телье несколько больше¹¹. Представляется несомненным, что они переходят в культуру Убейда. В керамических комплексах этой культуры представлены весьма близкие по форме сосуды с носиком.

Едва ли рассмотренные горшки восходят генетически к хассунской керамике. Конечно, типологически можно сопоставлять крупные образцы горшков с одной из близких форм сосудов поселения Ярымтепе I, но в целом это, вероятно, самостоятельные, не связанные между собой формы керамики.

Наконец, последняя форма гладкостенной посуды — кувшины. Среди них представлены как небольшие кувшинчики (рис. 58, 1), так и сравнительно крупные сосуды (рис. 58, 2). У них небольшое округлое тулово и высокая, как правило, цилиндрическая горловина. Ни один из кувшинов не имеет ручек.

Кувшины — довольно распространенная форма халафской керамики, и мы вернемся еще к ним при характеристике следующей группы посуды из Ярымтепе II — расписных сосудов.

Расписная керамика Ярымтепе II, как и остальных памятников Халафа, — наиболее выразительная часть инвентаря и составляет около 35—40% всей керамики исследуемого поселения. С точки зрения технологии расписная посуда в целом более качественна. Вся она за редким

Рис. 84. Ярымтепе II. Глиняные горшки (1—4)

исключением ангобирована, многие сосуды имеют глянцевую поверхность коричневого (разных тонов), светло-желтоватого (кремового), белого и розового цвета. Сосуды отличаются высоким и ровным обжигом. Однако имеется некоторое количество сосудов сравнительно плохой выделки с рыхлым черепком и небрежно выполненной росписью.

Какими же формами характеризуется расписная посуда ранних уровней поселения Ярымтепе II? Она прежде всего повторяет формы гладкостенной посуды, но при этом каждая дает значительное разнообразие типов; некоторые из них отличаются удивительным изяществом.

Самую значительную часть расписных сосудов составляют разнообразные чаши. Их можно разделить по крайней мере на пять типов. Наиболее распространенная форма — обычные чаши с расходящимися в стороны стенками (рис. 67, 3—5; 85; 86; 87, 1). Среди них имеются небольшие (высота 4,2 см, диаметр по краю венчика 11,3 см, диаметр дна 7,2 см) чашечки и довольно крупные (соответственно 10, 28 и 17 см) чаши. К данному типу можно отнести и отдельные сосуды в виде чашек баночной формы (рис. 87, 4). С внешней стороны все чаши расписаны целиком, а с внутренней (большинство сосудов) — частично.

Другой тип представляют глубокие округлые, иногда почти полу-сферической формы чаши с заходящим вовнутрь краем венчика (рис. 88, 2, 4, 5, 7, 8), высотой до 12 см. Они расписаны преимущественно снаружи и обычно вдоль края с внутренней стороны, редко — наоборот.

Третий тип — изящные чаши со слегка вогнутыми стенками и округленным дном (рис. 87, 2, 3, 5, 6; 89, 1, 2; 90, 7, 8, 9). Их высота

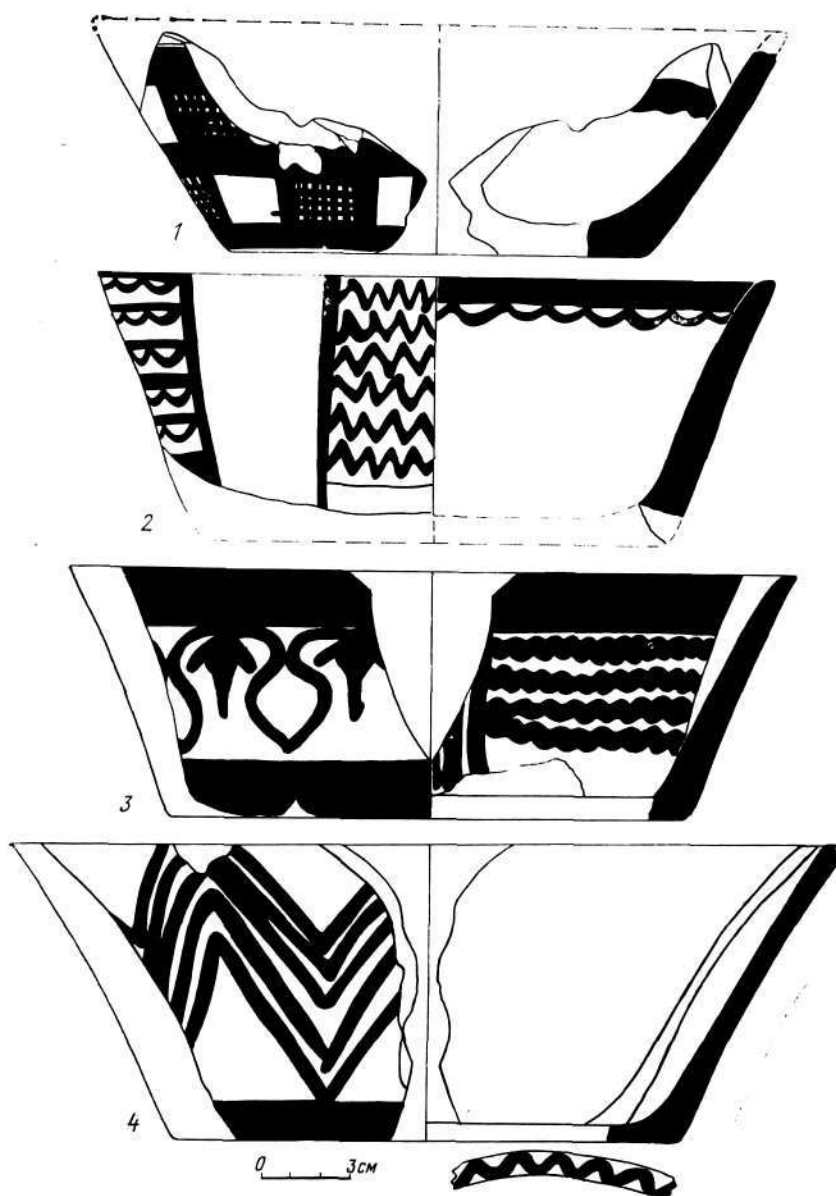

Рис. 85. Ярымтепе II. Глиняные расписные чаши (1—4)

5—6 см, диаметр по краю венчика — от 12 до 14,5 см. Снаружи они целиком покрыты росписью, а внутри — лишь вдоль края сосуда.

Четвертый тип — широкие открытые сосуды, у которых примерно на середине высоты имеется округлый выступ, образующий заметный изгиб стенки. Кверху стенки резко расходятся в стороны; днище непропорционально узкое или реже — округлое, а верхний край часто горизонтально

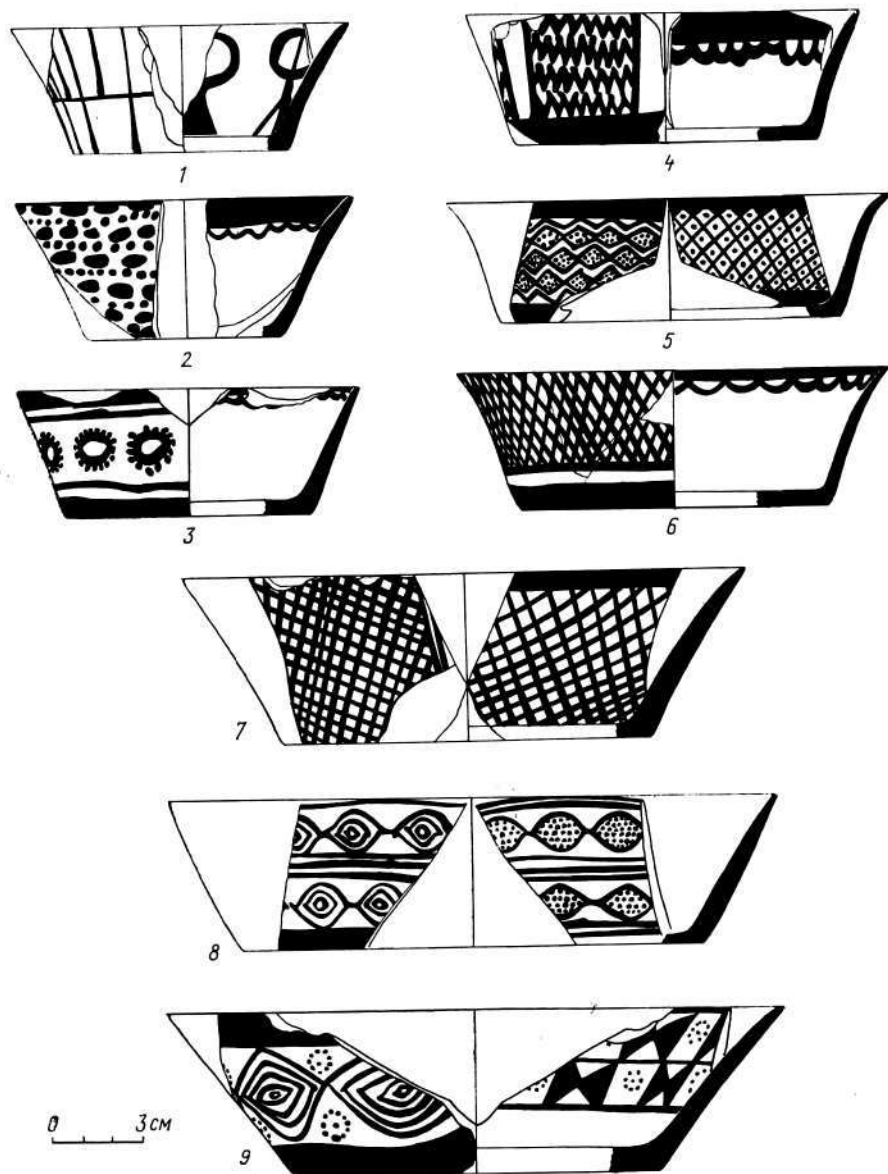

Рис. 86. Ярымтепе II. Глиняные расписные чаши (1—9)

Рис. 87. Ярымтепе II. Глиняные расписные чаши (1—6)

Рис. 88. Ярымтепе II. Глиняные расписные чаши (1—8)

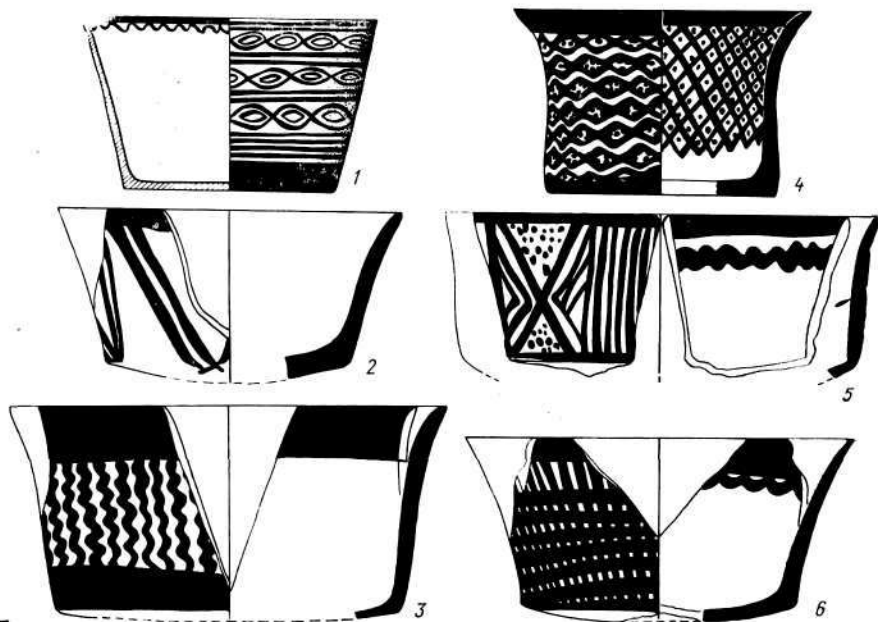

Рис. 87

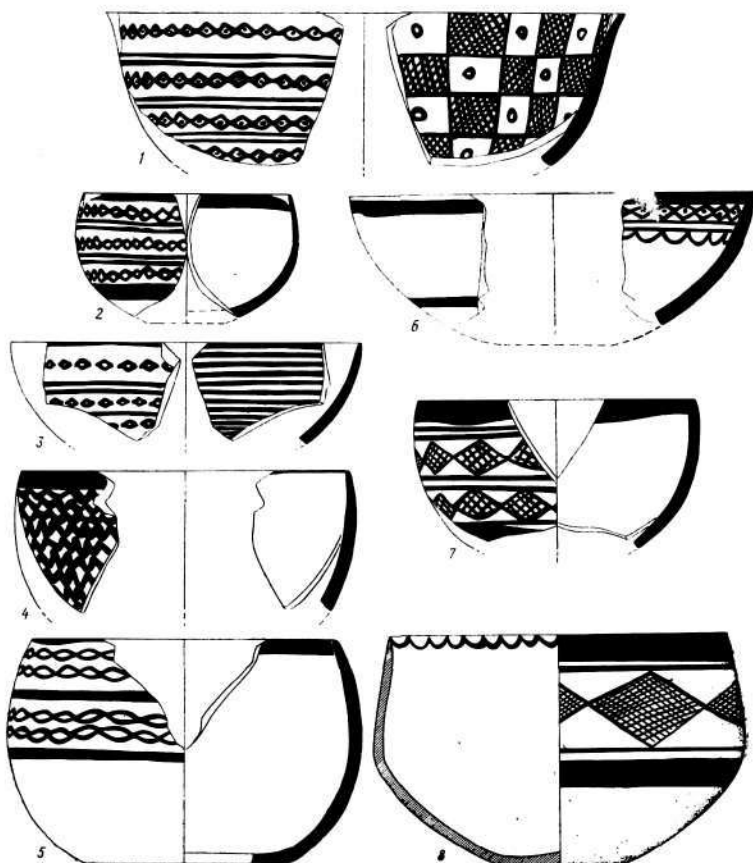

Рис. 88

Рис. 89. Ярымтепе II. Расписные сосуды (1—6)

срезан (рис. 89, 3, 4; 91, 1, 3, 4). У этих чаш расписана с внутренней и внешней сторон верхняя часть. Укажем размеры одной из таких чаш: высота 8,5 см, диаметр по краю 22 см, диаметр дна 9 см. У более крупных сосудов диаметр по краю достигает 30 см. Эти сосуды и напоминающие их по отдельным признакам чаши пятого типа широко известны под названием «steam bowl».

Последний из выделяемых типов представляет, пожалуй, самую изящную форму рассматриваемых чаш. Они меньше, чем чаши четвертого типа. Днище их во всех случаях не плоское, а слегка округленное (рис. 91, 2; 92). Ближе к основанию или у самого края дна имеется резкий изгиб стенки, образующий как бы острореберный выступ-пятку. К верхнему краю стенки чаши, как правило, становятся тоньше. Чаши этого типа можно разделить на подтипы. Среди них есть такие, которые

Рис. 90. Ярымтене II. Расписные чаши (1—9)

составляют промежуточную форму между двумя последними типами чаш (рис. 91, 2; 92, 3, 5). Эти чаши расписаны также с двух сторон, но внешняя поверхность часто целиком орнаментирована.

В нашей коллекции имеется значительное количество обломков расписных чаш, которые составляют, возможно, особую форму или по край-

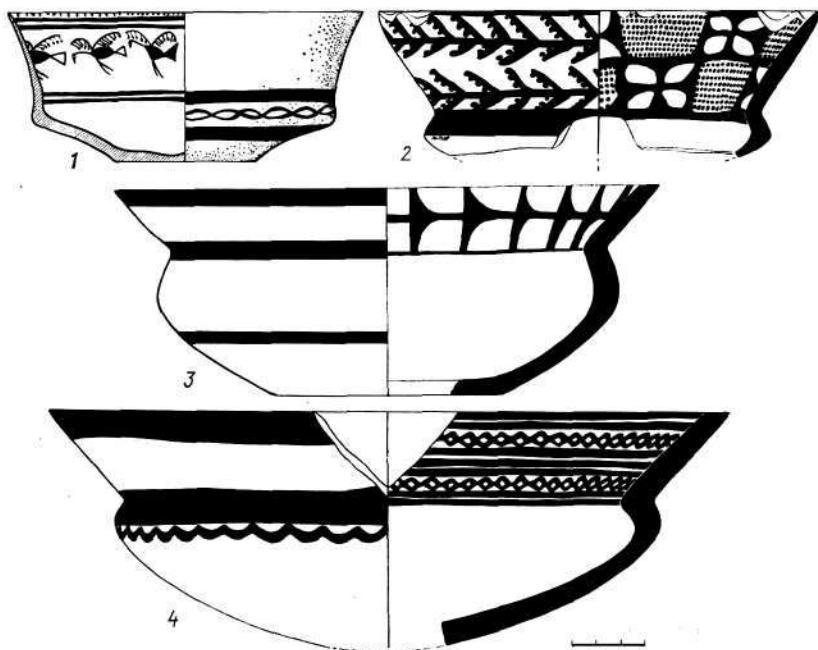

Рис. 91. Ярымтепе II. Расписные чаши (1—4)

ней мере разновидность чаш последнего (пятого) типа. К сожалению, не удалось восстановить ни один из сосудов, но ясно, что это были крупные открытые чаши, возможно, с изгибом стенки в средней части сосуда или ближе к основанию. Они (во всяком случае, их верхняя часть) были расписаны с обеих сторон. Обращает на себя внимание, что все сосуды украшены снаружи одинаковым мотивом росписи в виде изображения «хижин и цветов» (рис. 93, 1—8) и найдены на разных уровнях, но в пределах девятого и восьмого строительных горизонтов.

Рассмотренные формы расписной посуды были распространены на Ярымтепе II, за исключением, видимо, чаш второго типа¹², с самых начальных этапов жизни поселения. Они обнаружены здесь как непосредственно в предматериковом слое, так и выше, т. е. в исследуемой части культурного слоя памятника. Чаши некоторых типов были распространены здесь и в дальнейшем. Рассмотренные типы чаш, включая и последние три, представлены в нижней части культурного слоя Ярымтепе II не единичными образцами, а целыми сериями.

Первый тип чаш весьма характерен для гладкостенной посуды, тогда как три последних типа, отличающихся сложными и вместе с тем изящными формами, в этой группе сосудов совершенно не представлены. Аналогичные ярымтепинским чаши можно считать в общем достаточно характерными и для других халафских памятников в бассейне Евфрата и на Тигре, но ни в одном из этих памятников мы не найдем вместе в едином комплексе, как на Ярымтепе II, все рассмотренные типы чаш. Лишь поселение Телль Арпачия может сравниться с Ярымтепе II по разнообразию форм чаш¹³, но и здесь представлены не все типы сосудов,

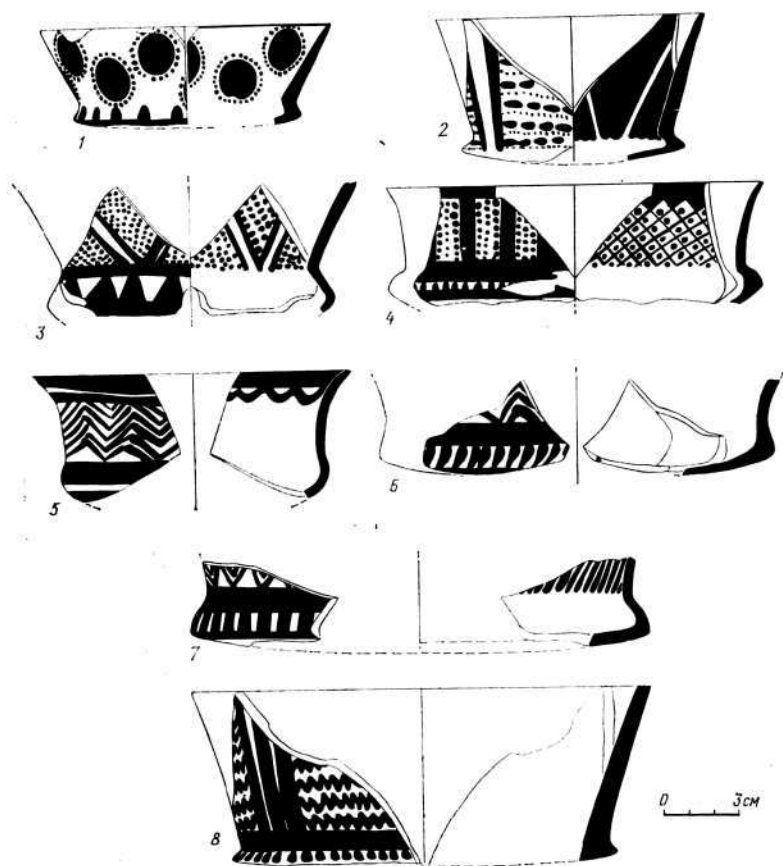

Рис. 92. Ярымтепе II. Расписные чаши (1—8)

какие имеются в нижних горизонтах исследуемого памятника. Сравнительный анализ известного ранее материала обусловил предположение, что одни типы чаш характерны для восточных памятников Халафа, прежде всего Телль Арпачии, а другие, напротив, — для западнохалафских поселений, таких как Телль Халаф и Чагар Базар¹⁴. Что же касается поселения Ярымтепе II, в частности его нижних горизонтов, то здесь присутствуют все типы чаш, какие известны в памятниках халафской культуры от западных районов ее распространения до восточных. Но подчеркнем еще раз, что многочисленные и самые выразительные аналогии рассмотренная форма расписной посуды Ярымтепе II находит прежде всего в керамике Телль Арпачии, значительные серии чаш в составе которой украшены одинаковыми или очень близкими мотивами росписи.

Важно выяснить еще, в каких слоях Телль Арпачии обнаружены чаши рассмотренных типов. Так, сосуды, соответствующие первому типу чаш из Ярымтепе II, в подавляющем большинстве происходят из ранних слоев памятника, до ТТ10¹⁵. Что же касается глубоких чаш (второй тип), отсутствующих, возможно, в древнейшем слое Ярымтепе II, то в Телль

Арпачии они представлены в основном в слое ТТ6¹⁶. Чаши третьего типа не найдены в позднейшем халафском слое поселения и связываются в основном с уровнем до ТТ10¹⁷. Многочисленные изящные сосуды типа «cream bowl» обнаружены почти во всех слоях Телль Арпачии, но главным образом в слоях до ТТ6, в том числе и в самых ранних горизонтах поселения¹⁸.

Таким образом, значительная часть расписных чаш, аналогичных обнаруженным в нижних горизонтах Ярмтепе II, происходит из ранних слоев Телль Арпачии.

Рассмотрим следующий, близкий по форме к чашам, тип расписных сосудов из Ярмтепе II. Это — миски и тарелки-блюда. Крупные и глубокие миски сравнительно малочисленны. Все они, вероятно, плоскодонные (рис. 88, 1, 3, 6). Высота их 6—9 см, диаметр по краю сосуда — 19—28 см, диаметр дна — 6—10 см.

Преобладают небольшие сосуды: мисочки и мало отличающиеся от них тарелки-блюда (рис. 89, 5; 94, 4—10; 95, 1—6). Высота мисочек 3—4 см, а диаметр по краю венчика — от 9 до 16,5 см. Блюда-тарелки сравнительно уплощены и все плоскодонны (рис. 89, 6; 94, 1, 2; 95). Еще одна отличительная черта — внутренняя поверхность их целиком расписана, в то время как среди мисочек полностью орнаментированные изнутри экземпляры единичны; они расписаны внутри, обычно от края примерно до средней части. Высота их 2,3—2,5 см, диаметр по краю сосуда — 13—14 см, диаметр дна — 8—9 см.

Мисочки и тарелки-блюда относительно малочисленны в древнейшем горизонте Ярмтепе II, но начиная примерно с уровня 6,2 м и выше их количество значительно возрастает. Публикуемые нами образцы этих сосудов обнаружены в основном на глубине 5,4—6,3 м. Отдельные экземпляры найдены и ниже, вплоть до материкового слоя (рис. 90, 3; 95, 2, 3, 5). Еще больше их в средних и верхних горизонтах поселения.

Для западнохалафских поселений данная форма посуды не типична, в противоположность памятникам в бассейне Тигра, в особенности Телль Арпачии. Известно, что миски и тарелки — одна из самых популярных форм керамики данного памятника. Знаменитые полихромные миски из Телль Арпачии многократно публиковались и получили широкую известность благодаря своей высокой художественной ценности. В Ярмтепе II образцы таких богато расписанных, многокрасочных сосудов не обнаружены. Но на нашем поселении представлены аналогичные арпачийским миски и тарелки с близкими и даже идентичными мотивами росписи¹⁹. Почти все опубликованные из Телль Арпачии сосуды данной формы происходят из позднейшего халафского слоя ТТ6²⁰. Лишь один сосуд найден в слое ТТ8²¹. Можно считать, следовательно, что эта форма расписной керамики характерна только для позднего Халафа Телль Арпачии, в то время как на Ярмтепе II миски и тарелки представлены как в нижних, так и в средних и поздних горизонтах. Арпачийским близки сосуды из нижних и средних уровней поселения Ярмтепе II. Разумеется, на этом основании нельзя утверждать, что нижние горизонты нашего памятника соответствуют позднему халафскому слою (ТТ6) Телль Арпачии. Видимо, в Телль Арпачии рассматриваемая форма керамики получила широкое распространение не на начальной и средней фазах развития поселения, а на позднейшей.

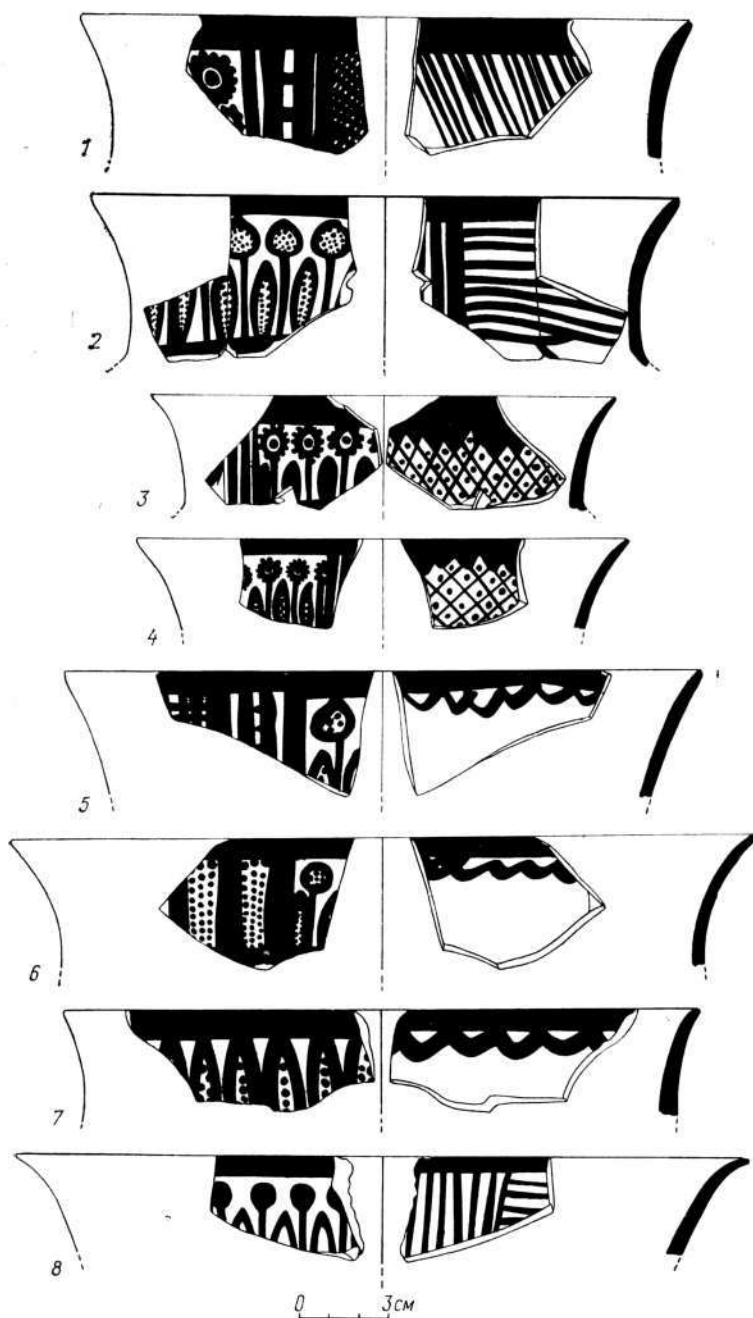

Рис. 93. Ярымтепе II. Фрагменты глиняных чаш (1—8)

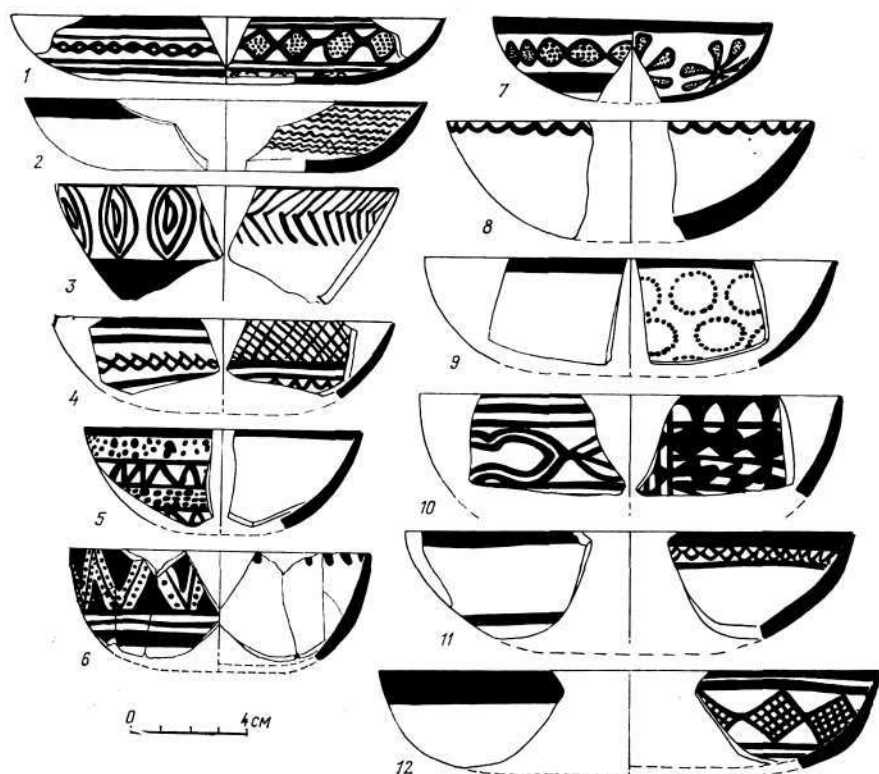

Рис. 94. Ярымтепе II. Глиняные миски и тарелки (1—12)

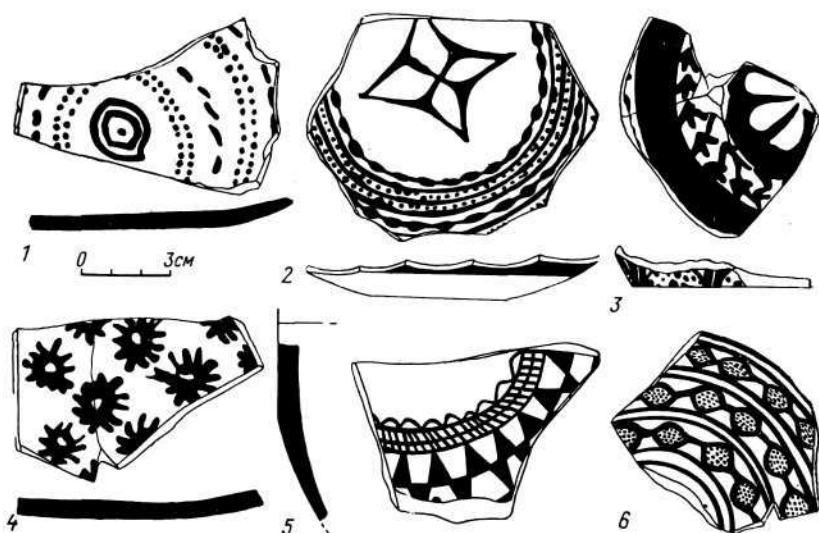

Рис. 95. Ярымтепе II. Фрагменты глиняных расписных мисок и тарелок (1—6)

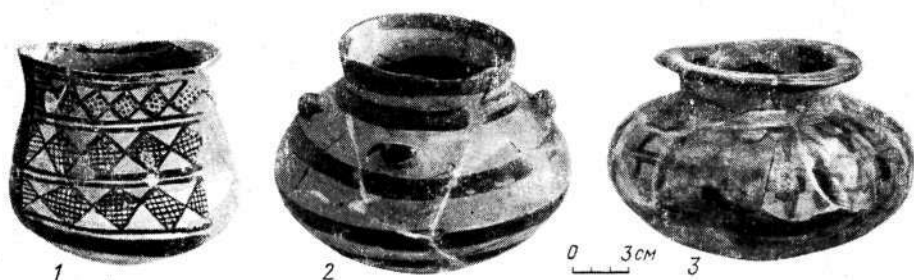

Рис. 96. Ярымтепе II. Глиняные расписные сосуды (1—3)

Одной из типичных форм расписной посуды ранних горизонтов Ярымтепе II являются также кувшины, отличающиеся шаровидным или уплощенно-шаровидным туловом, узким и слегка округленным дном и, как правило, высокой горловиной, несколько расширяющейся у края (рис. 56, 1—4; 90, 4, 5). В коллекции представлены как небольшие кувшинчики высотой 7—8 см (рис. 56, 1, 2; 67, 6), включая узкогорлые сосуды (рис. 67, 2), так и сравнительно крупные кувшины (рис. 56, 3, 4; 90, 4). Последние достигают высоты в среднем 15—16 см (высота шейки около 6 см). Выделяется один небольшой (высота 12 см) кувшин кремового цвета, на тулове которого имеются четыре вертикально просверленные ручки-петли для подвешивания (рис. 96, 2)²². Он найден на участке 28с на глубине 5,95—6,1 м.

У одних кувшинов расписана вся внешняя поверхность, у других орнаментом покрыт только корпус сосуда, но в большинстве случаев украшена целиком горловина, причем роспись имеется иногда и вдоль края шейки с внутренней стороны.

Кувшины составляют значительную серию расписных сосудов Ярымтепе II начиная с древнейшего горизонта. Количественно они уступают,

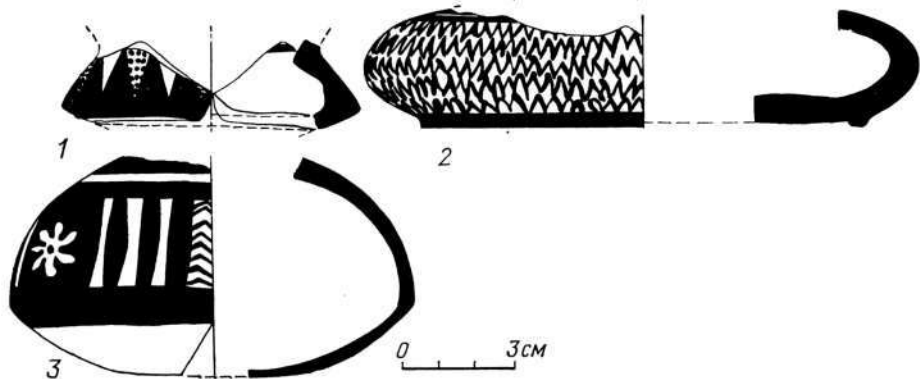

Рис. 97. Ярымтепе II. Глиняные горшки с росписью (1—3)

вероятно, только чашам. Такое же в общем соотношение этих двух форм расписных сосудов наблюдается и в средних, и в верхних горизонтах исследуемого памятника. В позднейшие периоды жизни поселения здесь появляются и более изящные небольшие кувшины с высокой и заметно расширяющейся кверху горловиной, подобные, например, соответствующим образцам из Телль Арпаччи²³.

Кувшины — также одна из характернейших форм халафской керамики. Они представлены и в группе гладкостенной посуды, но среди расписных сосудов их, несомненно, больше. Некоторые исследователи рассматривают кувшины как наиболее распространенную форму халафских расписных сосудов, считая, что в большинстве коллекций они составляют приблизительно 50% всех сосудов²⁴. С этим нельзя согласиться, особенно применительно к западнохалафским комплексам, где кувшины сравнительно малочисленны²⁵. Правда, они в значительном количестве представлены в памятниках бассейна Тигра. Здесь, в частности в Телль Арпаччи, обнаружена большая и выразительная серия расписных кувшинов, причем на всех уровнях халафского поселения, от древнейшего горизонта²⁶ до позднейшего слоя (ТТ6)²⁷. Количественно их больше, видимо, в ранних слоях поселения, так же как и на Ярымтепе II.

Многочисленны и разнообразны среди расписных сосудов Ярымтепе II горшки. При описании толоса LXVII и погребений мы отметили ряд пайденных в них горшков. Три из них, найденные в культовой ямке под полом толоса LXVII (рис. 52, 2) и погребениях 3/50 (рис. 62, 3) и 4/51 (рис. 62, 1), представляет один из типов расписных горшков. Они имеют сильно уплощенное округлое тулово, маленькое днище и короткий широко отогнутый наружу венчик. Горшок из толоса LXVII — на кольцевом поддоне. Внешняя поверхность этих и других горшков подобного типа (рис. 96, 3; 97, 3) целиком покрыта росписью, причем орнаментирована и верхняя часть сосуда с внутренней стороны. На горшке из толоса LXVII роспись сочетается с резной орнаментацией. Самый крупный сосуд из погребения 3/50 имеет высоту 8 см, максимальный диаметр корпуса 18,5 см, диаметр по краю венчика 16 см, диаметр днища 7 см.

Иной тип горшка представлен небольшим сосудом из погребения 7/54 (рис. 62, 2). Его отличают остросеребряное тулово и кольцевой поддон. Горшки этого типа на Ярымтепе II встречаются, как и предыдущие, в раннем слое, но они сравнительно редки (рис. 97, 1, 2).

Значительно больше в коллекции керамики из нижних слоев Ярымтепе II горшков несколько иного типа (рис. 83, 1, 3, 4). У них округлый корпус и короткий отогнутый наружу венчик. Расписана не вся поверхность сосуда, а только верхняя половина. Здесь встречаются и нерасписные горшки такого же типа (рис. 84, 2).

Найдены горшки и других типов, но они фрагментарны. Удалось восстановить горшок оригинальной формы с суженным устьем овальной формы и уплощенным днищем (рис. 96, 1). Сосуд почти целиком орнаментирован снаружи и вдоль края венчика с внутренней стороны черной росписью по светло-желтоватому фону. Он найден на участке 28d на глубине 6,3—6,65 м. Высота его 10,3 см, размеры устья 4,2×10 см, диаметр днища 7 см.

Горшки также относятся к характерным образцам халафской посуды. Значительная серия подобных сосудов обнаружена, в частности,

в Телль Арпачии. Здесь мы находим такие же сильно уплощенные горшки и острореберные сосуды, в том и другом случае — на кольцевом поддоне²⁸. Как и на Ярымтепе II, среди арпачийских заметно преобладают небольшие округлые горшки с отогнутым наружу венчиком; у большинства из них украшена росписью верхняя половина сосуда²⁹. Горшки обнаружены здесь на всех уровнях халафского слоя, но главным образом в его средних и нижних горизонтах.

Рассмотренные типы горшков заметно отличны от хассунских и не могут быть связаны между собой.

Мы отметили почти все формы расписной посуды, обнаруженной в нижних горизонтах поселения Ярымтепе II. Они представляют характерные типы керамики халафской культуры. По многообразию форм глиняная посуда из Ярымтепе II не только не уступает, а превосходит керамику многих других памятников Халафа. Более или менее полные соответствия эти формы находят только в посуде из халафского слоя Телль Арпачии. На исследуемом поселении, как ни в одном из других известных нам памятников, почти в равной мере представлены наиболее типичные формы керамики как западно-, так и восточнохалафских комплексов.

Прежде чем перейти к краткой характеристике мотивов росписи на керамике, остановимся специально на двух сосудах, найденных на Ярымтепе II и резко отличающихся по форме от всех остальных. Речь идет об антропоморфном и зооморфном сосудах (рис. 68—70; 98; 99). Антропоморфный сосуд обнаружен, как отмечалось, в ритуальной ямке, вскрытой в южной части участка 19а на глубине 5,45—5,65 м. Сосуд отличается тщательностью выделки, высоким качеством обжига и большой художественной выразительностью. Он изготовлен из тонко отмученной желтоватой глины, лишенной всяких примесей.

Сосуд плоский, довольно высокий, стоит на дисковидном основании и весьма реалистично изображает фигуру обнаженной женщины (рис. 98)³⁰. Четко подчеркнуты талия и груди, которые поддерживают согнутые в локтях руки. Голова и ноги не выделены. Невысокая узкая горловина сосуда имитирует шею.

Вся фигура с лицевой и оборотной сторон расписана. Роспись темно-коричневая по светлому желтовато-розовому фону. Полоски на шее и руках (по три на каждой руке) изображают, вероятно, ожерелье и браслеты, а волнистые линии на спине — распущенные косы (рис. 68; 70). Пупок отмечен четырехлепестковой розеткой; соски закрашены.

До сих пор антропоморфные сосуды в памятниках халафской культуры не встречались. Этот уникальный сосуд в виде женской фигуры, вылепленный и расписанный с поразительным совершенством, по праву должен быть отнесен к шедеврам первобытного искусства Месопотамии³¹. Это, несомненно, культовое изделие, олицетворявшее в образе женщины одну из богинь, почитаемых племенами халафской культуры — наиболее вероятно, богиню плодородия.

Второй сосуд — зооморфный — также был обнаружен в ритуальной ямке, вырытой на участке 28а на глубине 6,6—6,8 м, т. е. в девятом строительном горизонте. Как и антропоморфный сосуд, он был разбит и брошен в ямку. Это крупный фигурный сосуд³², изображающий слона или, более вероятно, свинью (рис. 69—70; 99). Все части тела, включая морду и хвост, четко выделены. Сосуд имеет высокую, как у кувшина, горловину. Он целиком расписан, и среди прочих элементов росписи

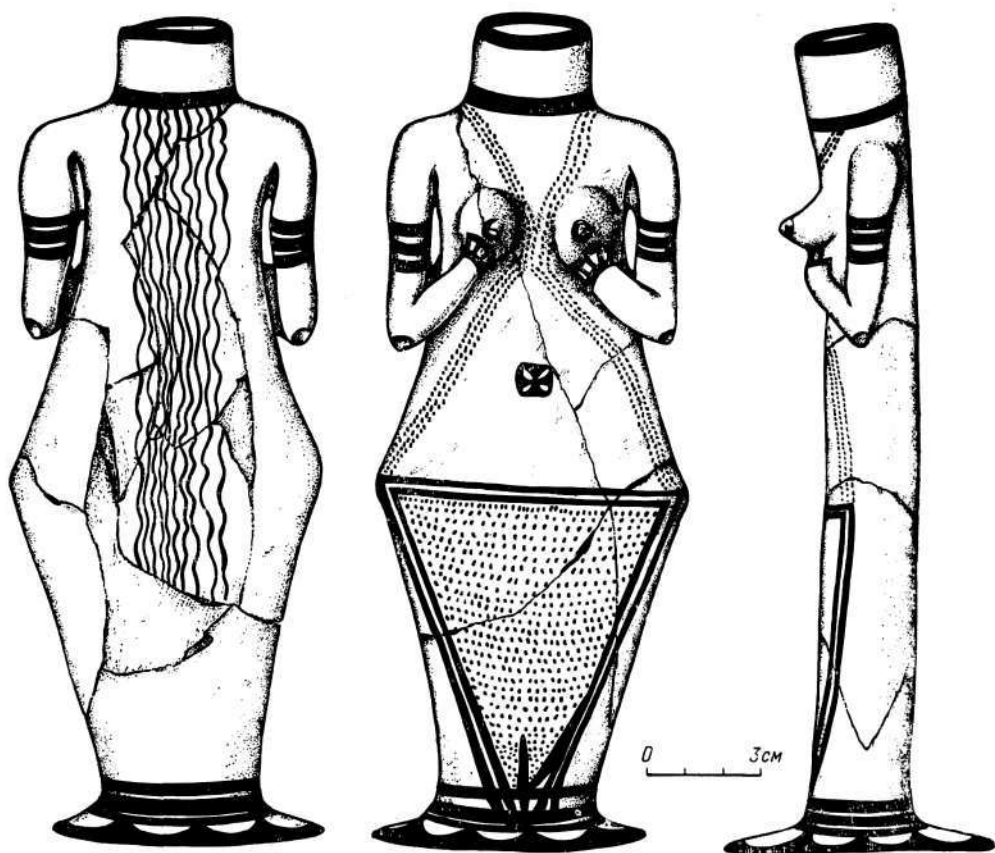

Рис. 98. Ярымтепе II. Антропоморфный глиняный сосуд

встречаются косые вертикальные и волнистые линии, изображения солярных знаков и т. д. (рис. 99). Роспись светло-коричневого цвета по розовато-желтоватому фону.

Расписной зооморфный сосуд на ножках и с высокой шейкой, очень похожий на сосуд из Ярымтепе II, найден в Телль Арпачии. Он значительно меньше по размерам и не столь выразителен³³. Если наш сосуд найден в древнейшем горизонте поселения, то арпачийский происходит из позднего халафского слоя (ТТ6) памятника. В других комплексах Халафа, насколько нам известно, таких сосудов нет³⁴. Правда, в Телль Арпачии, в позднейших горизонтах Ярымтепе II и в Телль Халафе встречены фигурные сосуды в виде птиц. Вопрос о происхождении описанных уникальных сосудов, равно как и многих наиболее характерных форм халафской керамики, остается по сей день, к сожалению, открытым.

Ярымтепинская керамика свидетельствует о том, что с самых начальных этапов жизни изучаемого поселения здесь были представлены сосуды разных форм и типов, включая значительные серии расписных сосудов весьма совершенной формы. Они украшены многочисленными и разнообраз-

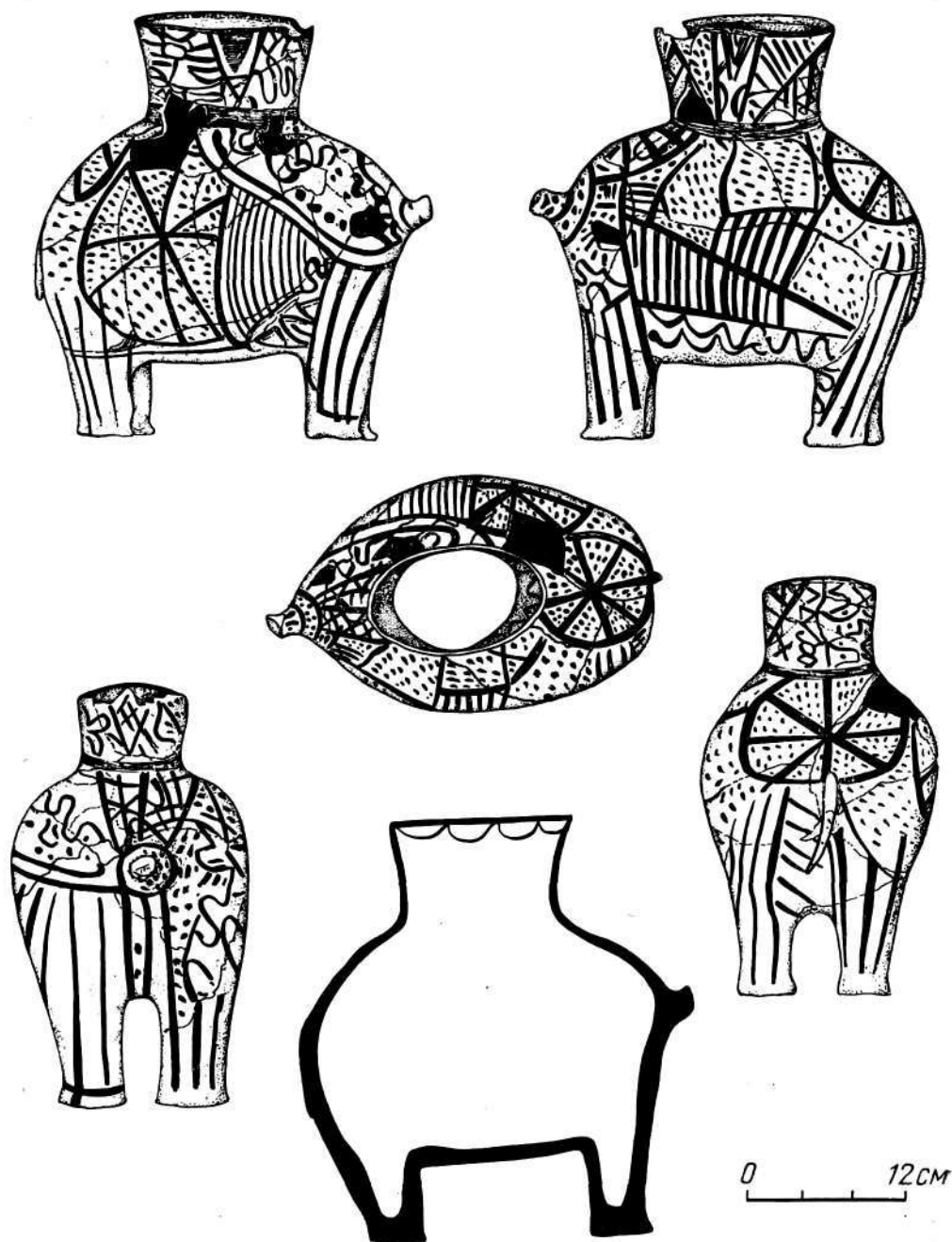

Рис. 99. Ярымтепе II. Зооморфный глиняный сосуд

разными мотивами росписи, иногда в различных сочетаниях, создающих сложные и изящные композиции. Рассмотрим особенности и мотивы росписи.

Цвет росписи — коричневый, красноватый, красно-коричневый, черно-коричневый, буроватый и редко — белый. Фон — розоватый, белый, желтовато-розовый, кремовый и светло-зеленоватый. Роспись, как правило, монохромная; некоторые сосуды украшены коричневой и белой краской (рис. 100, 9—11). Благодаря умелому использованию фона роспись иногда выглядит бихромной (рис. 100, 1—7).

Преобладают сосуды с линейным геометрическим орнаментом, сплошным или разделенным на метопы, состоящим из рядов параллельных прямых, волнистых или зигзагообразных линий и полос. Такими же полосами украшены вдоль края с внутренней стороны многие чаши, горшки и кувшины. Часто используются косая решетка, ряды треугольников и особенно ромбов, заполненных точками, косой или перекрестной штриховкой. Распространен витой орнамент, сплошной или разделенный на метопы, расположенные в один или несколько рядов. Типичны ряды точек или капель в метопах, очерченные точками простые и концентрические окружности, часто покрывающие всю поверхность сосуда.

Некоторые горшки и особенно миски украшены клетчатым и шпиченым узором, иногда в сочетании с четырех- или многолепестковым орнаментом.

На мисочках и тарелках-блюдах в центре орнаментальной композиции нередко находится изображение розетки, четырехконечной звезды (рис. 95, 2), свастики (рис. 89, 6) и других фигур. Очень красивы сосуды со сложными рисунками, сочетающими изображения розеток и мальтийских крестов.

Мы уже упоминали горшок из культовой ямки под полом толоса LXVII с каннелированной поверхностью, покрытой росписью. В нижних горизонтах Ярымтепе II найдено еще несколько обломков сосудов с такой комбинированной орнаментацией. Отдельные сосуды, украшенные рифленым орнаментом, дополненным росписью, встречаются и в других халафских памятниках как на западе, так и на востоке ареала этой культуры. В частности, красивый и богато орнаментированный резными полосками и росписью горшок найден в слое ТТ6 Телль Арпачии³⁵. Авторы раскопок отмечают находки здесь и обломков сосудов, сочетающих резной линейный орнамент с черной росписью, и связывают их с одним из ранних слоев памятника — ТТ10³⁶.

Для орнаментики халафской керамики характерны и некоторые изобразительные мотивы. Почти все они достаточно ярко представлены на сосудах из Ярымтепе II, в особенности из нижних его горизонтов. Здесь обнаружены обломки не менее 20 сосудов с изображением такого популярного для Халафа мотива росписи, как голова быка, — букrania. Большая часть этих рисунков выполнена в довольно реалистической манере, что характерно прежде всего для росписи сосудов из западнохалафских памятников (Чагар Базар и др.)³⁷. Близкие букrania, расположенные преимущественно в один ряд, представлены и на арпачийской керамике, но для нее более характерны стилизованные изображения букраний³⁸. Как и в Телль Арпачии, материалы Ярымтепе II свидетельствуют о том, что развитие данного мотива орнамента шло от натуралистического изображения к схематизации.

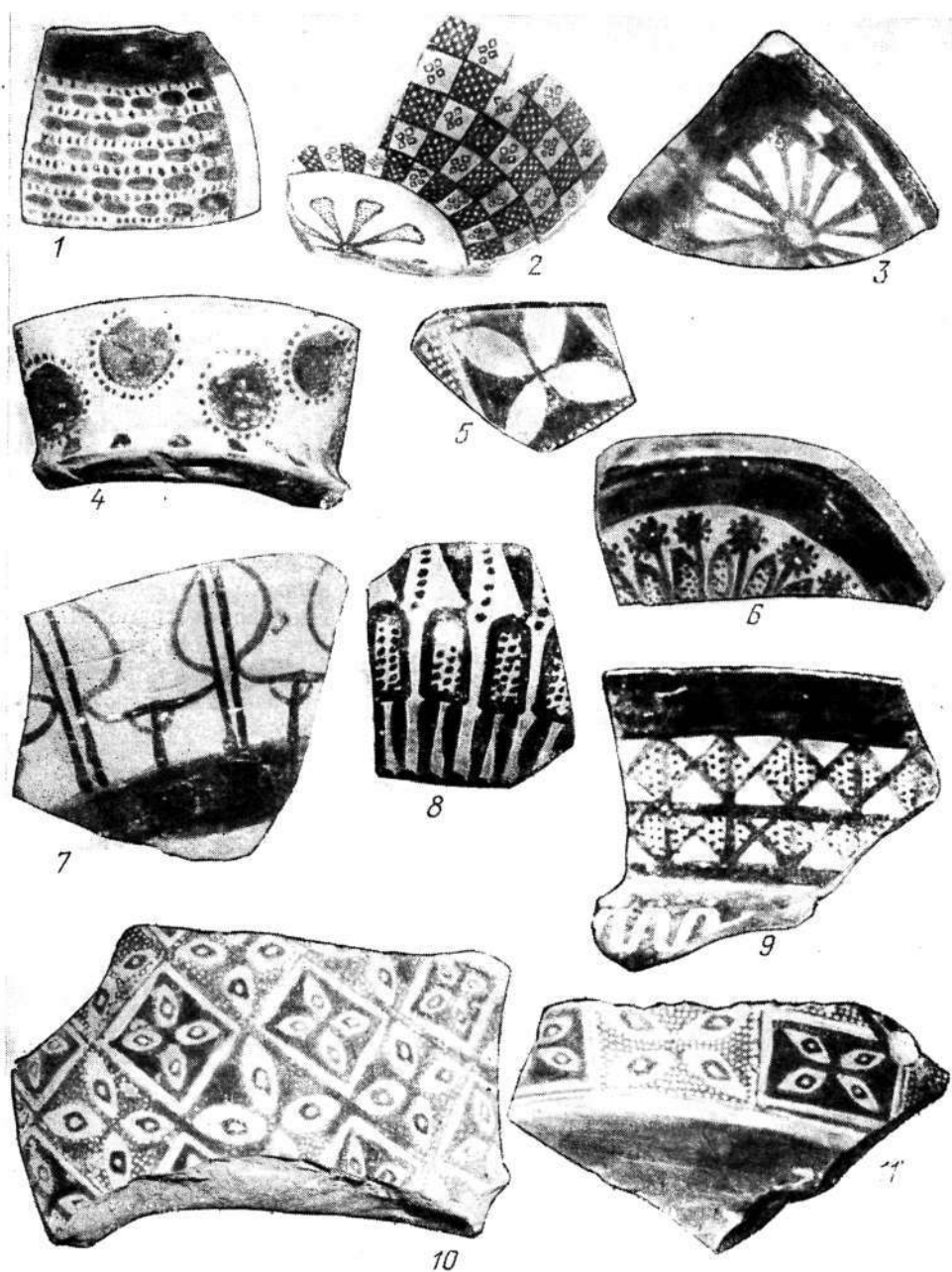

Рис. 100. Ярытпе II. Фрагменты расписных сосудов (1—11)

При сравнении керамики Ярымтепе II и Телль Арпаччи вызывает удивление поразительное единство не только многих форм сосудов обоих памятников, но и мотивов их росписи, что проявляется в деталях многочисленных изображений и в целых орнаментальных композициях. Но в орнаменте керамики Ярымтепе II, как и сосудов из западнохалафских памятников, значительно больше, чем на арпачийской, изобразительных мотивов. Среди них особо следует выделить изображения так называемых хижин и цветов. Этот изобразительный мотив использован почти на всех формах расписной посуды, Ярымтепе II. Здесь обнаружено не менее 100 обломков разнообразных сосудов, украшенных таким мотивом росписи. Причем почти все они происходят из ранних слоев поселения, главным образом из древнейшего строительного горизонта. Отдельные сосуды, орнаментированные изображениями «хижин и цветов», найдены и в раннем слое Телль Арпаччи. Авторы ее раскопок связывали этот мотив с традициями росписи самаррской керамики³⁹. Сосуды с таким орнаментом как будто более многочисленны в западнохалафских памятниках (Чагар Базар, Брак и др.)⁴⁰. Но ни в одном памятнике Халафа мотив росписи «хижины и цветы» не получил такого широкого распространения, как на Ярымтепе II.

Здесь обнаружено также несколько фрагментов со схематическими изображениями дерева или куста с густыми ветвями. Растительные узоры, как вообще изобразительные мотивы, больше распространены в западнохалафской керамике. В восточной группе подобный мотив росписи известен лишь на обломке одного сосуда из раннего слоя Телль Арпаччи⁴¹. Исследователи отнесли его, как и антропоморфные изображения на отдельных сосудах Арпаччи, к элементам росписи самаррской керамики.

Антропоморфные мотивы росписи имеются и на единичных сосудах из ранних горизонтов Ярымтепе II (рис. 100, 8; 101, 7). Более выразительные образцы подобной орнаментики мы наблюдаем на керамике Телль Халафа⁴².

На керамике из ранних слоев Ярымтепе II сравнительно часто встречаются изображения птиц (рис. 102), выполненные иногда белой краской. Преобладают изображения в виде одного ряда птиц, исполненных в близком стиле. Они несколько отличаются от соответствующих мотивов росписи, представленных на керамике из вышележащих горизонтов Ярымтепе II⁴³. Такая же картина прослеживается и на сосудах в Чагар Базаре. Там на керамике из более раннего слоя (15) мы видим изображения таких же рядов птиц, причем исполненных в совершенно одинаковом стиле⁴⁴. А на керамике из верхних слоев (12) Чагар Базара⁴⁵ и из поздних горизонтов Ярымтепе II такие изображения тождественны.

Упомянем, наконец, зафиксированные на керамике Ярымтепе II изображения животного (рис. 101, 8), рыб (рис. 101, 1) и змеи (рис. 101, 3—5).

По-видимому, ни на одном из памятников халафской культуры не было отмечено до сих пор такого разнообразия изобразительных мотивов росписи, как на сосудах из ранних горизонтов Ярымтепе II.

Нам осталось рассмотреть последнюю и самую небольшую группу керамических изделий Ярымтепе II, включающую глиняные антропоморфные (женские) статуэтки.

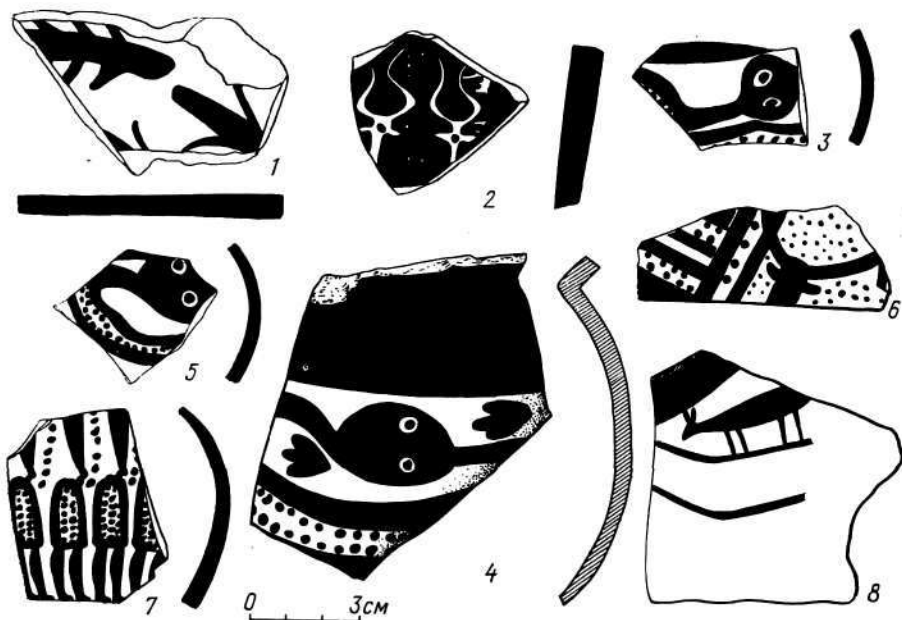

Рис. 101. Ярымтепе II. Фрагменты расписных сосудов (1—8)

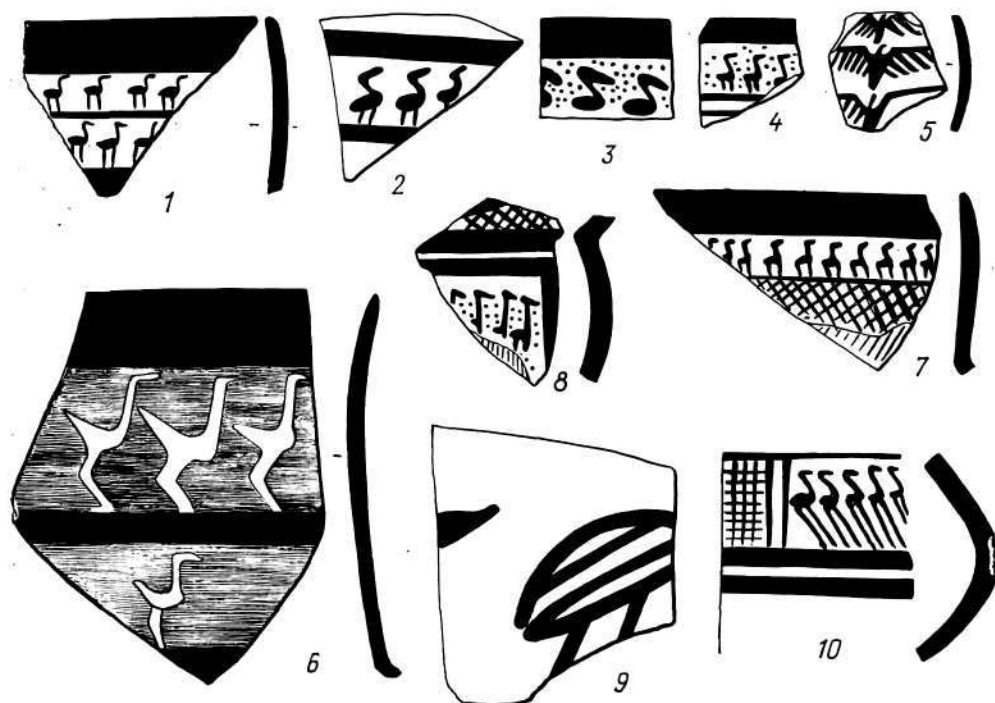

Рис. 102. Ярымтепе II. Фрагменты расписных сосудов (1—10)

В ранних горизонтах Ярымтепе II, на глубине от 5,45 до 6,75 м, обнаружены две целые и обломки семи антропоморфных фигурок (рис. 64, 1—9). Все они стилизованы. Одна из них (рис. 64, 6) выделяется из общей серии. Она представляет собой невысокий (3 см) конус с обломаным верхним концом и отличается грубой лепкой и слабым обжигом. Фигурка найдена в засыпи погребения 11/58. Она принадлежит к типу предельно схематизированных миниатюрных антропоморфных фигурок конусовидной формы. Такие фигурки-поделки неоднократно встречены на Ярымтепе II, начиная с верхних горизонтов. Они известны и в других халафских памятниках, например в Телль Арпачи⁴⁶.

Остальные статуэтки, за исключением одной, составляют другой, менее стилизованный тип антропоморфных фигурок. Опишем некоторые из них.

Целая статуэтка треугольной формы, плоская, почти не обожженная, с невыделенной головкой (рис. 64, 7). От шеи к основанию спускаются по две углубленные полосы. Найдена на участке 29а на глубине 6,1 м.

Необожженная статуэтка треугольной формы, основание вытянуто-овальное (5,7×2,5 см). Остроконечная головка не выделена. В нижней половине (на поясе и бедренной части) имеются узкие углубленные полосы (три — на поясе и по две — на бедре). Высота 7,5 см, максимальная ширина 5,8 см (рис. 64, 8). Найдена на участке 28с на глубине 6,15 м⁴⁷.

Нижняя половина глиняной обожженной статуэтки (рис. 64, 1). Фигурка овально-плоская в сечении (толщина 1,5 см). На поясе и бедренной части имеются узкие углубленные полосы (по три — на бедре). Цвет коричневатый. Найдена в юго-западной части участка 24а на глубине 5,95 м.

Обломок (половинка) нижней части, вероятно, подобной же, женской статуэтки, но более крупной, чем предыдущие (рис. 64, 2). И на этой статуэтке имеются углубленные линии (три — на бедре и одна — на поясе). Фигурка светло-коричневого цвета, обожжена. Высота сохранившейся части 9 см, максимальная ширина — до 5 см, толщина — до 2 см. Найдена на участке 23b в слое на глубине 5,80—6,10 м.

Нижняя часть миниатюрной женской глиняной статуэтки такого же, видимо, типа, что и предыдущие (рис. 64, 3). На бедренной части и поясе фигурки также имеются углубленные полосы. Фигурка серого цвета, обожжена. Высота сохранившейся части 2 см, ширина в основании — 2,5 см, толщина — 1 см. Найдена на участке 28b под полами толоса LXVII на глубине 6,7 м.

Еще один тип представляет небольшая статуэтка в сидячей позе, с четко выделенными широкими бедрами и узкой талией. Сохранилась нижняя половина фигурки (рис. 64, 9). Высота сохранившейся части 3,3 см, размеры в основании — 3,5×3 см. Статуэтка серого цвета, плохо обожжена. Найдена на участке 23а на глубине 5,45 м.

Хотя абсолютной аналогии этой статуэтке нет в материалах ни Ярымтепе II, ни Арпачи, ни Тепе Гавры, ни Телль Халафа, она не выпадает из общей коллекции халафской антропоморфной пластики. Более того, она обнаруживает несомненную близость к ряду образцов антропоморфной скульптуры халафской культуры, в частности, по таким признакам, как сидячая поза и особенно моделировка бедренной части (подчеркнутое выделение крупных бедер). Достаточно сравнить данную статуэтку

с некоторыми фигурками, обнаруженными в верхних горизонтах Ярым-тепе II⁴⁸ и в Арпачии⁴⁹.

Особого внимания заслуживают статуэтки второго типа. Среди них две — целые и пять — в обломках.

Можно ли считать, что эти фрагменты принадлежат статуэткам, абсолютно идентичным целым экземплярам? По-видимому, нет, так как целые статуэтки имеют треугольную форму; ни талия (пояс), ни торс не выделены. Что же касается, например, обломков статуэток, изображенных на рис. 64, 1, 2, то у них, по всей вероятности, талия была подчеркнута, возможно, выделена и грудь. Они, вероятно, подобны некоторым фигуркам из Телль Арпачии (глиняным⁵⁰ и каменной⁵¹) и особенно из Тепе Гавры⁵². На основании находки из Тепе Гавры мы реконструировали формы данных фигурок из Ярымтепе II (рис. 64, 1, 2). На статуэтках из Арпачии и Тепе Гавры имеются такие же косо расположенные на бедренной части и горизонтально прочерченные на поясе углубленные линии. Словом, нижняя часть этих фигурок оформлена таким же образом, как и у статуэток из Ярымтепе II.

Наиболее выразительна статуэтка из Тепе Гавры. Она такого же примерно размера, как фигурка из Ярымтепе II (рис. 64, 1). Высота ее 8,3 см. Четко подчеркнуты талия и торс. Головка, как на подавляющем большинстве халафских антропоморфных статуэток, сильно схематизирована и имеет конусовидную форму. На груди, в центре, имеется округлый выступ, а на бедренной части и поясе — углубленные линии (по две — на бедре и три — на поясе).

А. Тоблер отмечал, что данная фигурка выпадает из общей коллекции антропоморфных статуэток, найденных в халафских слоях Тепе Гавры. Действительно, другой подобной статуэтки там не обнаружено. Но аналогичные фигурки представлены на других поселениях халафской культуры — точнее, на трех известных памятниках, расположенных в районе Мосула. В материалах из памятников западной группы Халафа такие статуэтки неизвестны. Они составляют особый тип халафской антропоморфной пластики. Учитывая то обстоятельство, что все ярымтепинские фигурки найдены на уровне ниже 5,80 м (девятый строительный горизонт), можно рассматривать их как хронологически раннюю группу глиняных антропоморфных фигурок халафской культуры⁵³.

Вопрос о происхождении халафских статуэток рассматриваемого типа пока неясен. Они не могут быть с должной убедительностью сопоставлены ни с одной из групп древнейшей антропоморфной пластики Ближнего Востока. В значительной мере это касается и халафской пластики в целом, которая, как правильно подчеркивалось исследователями, «стоит особняком в развитии скульптуры дописьменной Месопотамии», причем «отличия халафских статуэток от хассунских и самаррских превышают сходство»⁵⁴. Известны попытки выделить специфические группы халафской пластики: западную — с натуралистическими тенденциями — и восточную — со схематическими статуэтками. При этом предполагался некоторый хронологический приоритет западной группы, обусловленный общей линией развития антропоморфных изображений от реалистических к схематическим⁵⁵. Отмечалась возможность и различных исходных статуарных традиций западной и восточной групп, что связывалось с определенными влияниями смежных культур (южноанатолийских — на западе, загросских — на востоке)⁵⁶. Мы считаем преждевременным рас-

смаатривать здесь эти сложные вопросы, поскольку соответствующий материал нижних горизонтов Ярымтепе II чрезвычайно ограничен. Но отметим, что уже в них найдены фрагменты статуэток, представляющих различную степень стилизации близких арпачийским фигурок (первый, второй типы, по Е. В. Антоновой⁵⁷), а также реалистические фигурки (рис. 64, 9), находящие достаточно близкие аналогии в западной группе халафских поселений, прежде всего в эпонимном памятнике⁵⁸, в Чаргар Базаре⁵⁹ и Телль Браке⁶⁰.

Вместе с тем отдельные образцы статуэток реалистического типа известны и на поселениях восточной группы, прежде всего в Тепе Гавре⁶¹. Они несомненно аналогичны нашей находке. Подчеркнем, что и в последующих горизонтах Ярымтепе II схематические антропоморфные фигурки продолжают сосуществовать с реалистическими. Для этой категории находок (как и для керамики) есть основания говорить о сочетании традиций западной и восточной групп начиная с весьма ранней ступени развития халафской культуры.

- ¹ Хаопина Л. И. Керамические орудия эпохи бронзы Южной Туркмении. — СА, 1979, № 1, с. 248—254.
- ² Mallowan M. E. L., Cruikshank Rose J. Excavations at Tell Arpachiyah. — Iraq, 1935, v. II, part 1, fig. 49, 15, 16, 22.
- ³ См.: часть I, глава 5.
- ⁴ См.: Dabbagh T. Halaf Pottery. — Sumer, 1966, v. XXII; Le Blanc S. A., Watson P. J. A Comparative Statistical Analysis of painted Pottery from Seven Halafian sites. — Paleoorient. Chicago, 1973, v. 1; Frankel D. Archaeologists at Work. Studies of Halaf Pottery. London, 1979.
- ⁵ Dabbagh T. Halaf Pottery, p. 25.
- ⁶ Например, из 34 500 обломков керамики, обнаруженных на поселении Гирихаджиян, только 12—13% расписные. См.: Le Blanc S. A., Watson P. J. A Comparative Statistical Analysis..., p. 119. Авторы указывают, что в противоположность этому памятнику поселение Банахилл дает 50—60% расписной керамики, а Телль Арпачия также характеризуется преобладанием расписной посуды.
- ⁷ Oppenheim M. Tell Halaf. Berlin, 1953, Tabl. I, 1, 2, 6, 8.
- ⁸ Богословская Н. Ф. К проблеме сложения халафской культуры. — СА, 1972, № 2, рис. 7.
- ⁹ Kaplan J. The Relation of the Chalcolithic Pottery of Palestine to Halafian ware. — BASOR, 1960, 159, fig. 1.
- ¹⁰ См., например: Mallowan M. E. L., Cruikshank Rose J. Excavations at Tell Arpachiyah, fig. 14, 1—5; 17 и др.
- ¹¹ Аналогичные ярымтепским горшки с носиком представлены, например, в Телль Халафе. См.: Oppenheim M. Tell Halaf, Tabl. III, 7, 8; XXIX, 15, 16.
- ¹² Публикуемые в настоящей работе чаши данного типа (рис. 88, 2, 4, 5, 7, 8) все найдены выше уровня девятого строительного горизонта, на глубине от 5 до 6,2 м.
- ¹³ Mallowan M. E. L., Cruikshank Rose J. Excavations at Tell Arpachiyah, pl. XIX; XXII; fig. 58; 60; 62; 63; 66; 69—72.
- ¹⁴ Богословская Н. Ф. К проблеме сложения халафской культуры, с. 4—6.
- ¹⁵ Mallowan M. E. L., Cruikshank Rose J. Excavations at Tell Arpachiyah, p. 152—154; fig. 70—72.
- ¹⁶ Ibid., fig. 60.
- ¹⁷ Ibid., p. 152—154; fig. 69; 72.
- ¹⁸ Ibid., p. 131—132; fig. 62; 63; pl. XXII, 771.
- ¹⁹ Ibid., pl. XVI; fig. 55; 56, 2; 57, 1.
- ²⁰ Ibid., pl. XIII—XVIII; fig. 53, 55—57, 61.
- ²¹ Ibid., fig. 61, 1.
- ²² Ручки для халафских гладкостенных и расписных сосудов совершенно не характерны. Лишь единичные сосуды имеют ручки, причем почти во всех случаях мы видим на этих редких кувшинах или горшках две или четыре ручки-петельки, расположенные на тулове с вертикально пробитым узким сквозным отверстием. См., например, сосуды из Телль Халафа и Телль Арпачия: Oppenheim M. Tell Halaf, Tabl. XVII; Mallowan M. E. L., Cruikshank Rose J. Excavations at Tell Arpachiyah, fig. 64, 2.
- ²³ Mallowan M. E. L., Cruikshank Rose J. Excavations at Tell Arpachiyah, fig. 59, 7; 67.
- ²⁴ Le Blanc S. A., Watson P. J. A Comparative Statistical Analysis..., p. 124.
- ²⁵ Богословская Н. Ф. К проблеме сложения халафской культуры, с. 6.

- ²⁶ Mallowan M. E. L., Cruikshank Rose J. Excavations at Tell Arpachyah, fig. 65, 3; 67.
- ²⁷ Ibid., fig. 64, 4.
- ²⁸ Ibid., fig. 76, 1, 4.
- ²⁹ Ibid., fig. 59, 2, 3, 5; 64, 6—8, 10; 66, 1, 3, 4. Аналогичная форма горшков представлена и в западнохалафских памятниках. См., например: Mallowan M. E. L. The Excavations at Tell Chagar Bazar and an Archaeological Survey in Habur region.— Iraq, 1936, v. IV, fig. 25, 4, 5.
- ³⁰ Размеры антропоморфного сосуда: высота 21,2—21,6 см, ширина 8,6 см (в бедрах) в 8 см (в плечах), диаметр основания 7,1—7,2 см, толщина стенок 0,3—0,5 см.
- ³¹ На одной из крупных чаш из недавно раскопанной на Телль Арпачии могилы (2) имеются изображения двух женских фигур с длинными волнистыми косами, выполненные в росписи. Они несколько похожи по стилю на наш сосуд, изображающий фигуру женщины. См.: Hijara J. Three new Graves at Arpachyah.— In: World Archaeology. London, 1978, v. II, N 2, fig. 1.
- ³² Размеры сосуда: максимальная высота 31 см, длина от морды до хвоста 28,8 см, ширина 16 см, высота горловины 7,2 см, диаметр ее 8—12 см.
- ³³ Mallowan M. E. L., Cruikshank Rose J. Excavations at Tell Arpachyah, pl. Va.
- ³⁴ Правда, на поселении Ярмтене III найден обломок (часть ножки), возможно, от аналогичного зооморфного сосуда.
- ³⁵ Mallowan M. E. L., Cruikshank Rose J. Excavations at Tell Arpachyah, pl. XXa.
- ³⁶ Ibid., p. 174.
- ³⁷ Mallowan M. E. L. The Excavations at... Chagar Bazar..., fig. 26.
- ³⁸ Mallowan M. E. L., Cruikshank Rose J. Excavations at Tell Arpachyah, fig. 74, 75.
- ³⁹ Ibid., fig. 77, 17.
- ⁴⁰ Mallowan M. E. L. The Excavations at... Chagar Bazar..., fig. 27, 14.
- ⁴¹ Mallowan M. E. L., Cruikshank Rose J. Excavations at Tell Arpachyah, fig. 77, 10; p. 165.
- ⁴² Oppenheim M. Tell Halaf, Tabl. LX.
- ⁴³ Merpert N. Y., Munchaev R. M. Early Agricultural Settlements in the Sinjar Plain, Northern Iraq, 1973, v. XXXV.
- ⁴⁴ Mallowan M. E. L. The Excavations at... Chagar Bazar..., fig. 27, 11, 12.
- ⁴⁵ Ibid., fig. 27, 8.
- ⁴⁶ Mallowan M. E. L., Cruikshank Rose J. Excavations at Tell Arpachyah, fig. 47, 9, 13, 16.
- ⁴⁷ Обломки двух статуэток подобной формы, но несколько более миниатюрных, найдены на участке 29а на глубине 6—6,3 м (рис. 64, 4, 5).
- ⁴⁸ Merpert N. Y., Munchaev R. M. Early Agricultural Settlements..., pl. XLIII, 12.
- ⁴⁹ Mallowan M. E. L., Cruikshank Rose J. Excavations at Tell Arpachyah, fig. 45, 6, 7.
- ⁵⁰ Ibid., fig. 47, 19.
- ⁵¹ Ibid., pl. Xa, 920; fig. 52, 3.
- ⁵² Tobler A. Excavations at Tepe Gawra. Philadelphia, 1950, v. II, pl. CLIII, 2.
- ⁵³ На Телле Гавре упомянутая статуэтка найдена в зондаже, заложенном в юго-восточной части памятника (участок А, слой b). К сожалению, из публикации Арпачии неясно, из какого именно халафского слоя происходят отмеченные фигурки, за исключением каменной статуэтки (ТГ6). Авторы указывают обобщенно — халафский слой (Halaf level).
- ⁵⁴ Антонова Е. В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977, с. 54.
- ⁵⁵ Богословская Н. Ф. К проблеме сложения халафской культуры, с. 91.
- ⁵⁶ Антонова Е. В. Антропоморфная скульптура..., с. 55.
- ⁵⁷ Там же, с. 52, табл. XLIII.
- ⁵⁸ Там же, табл. XLIV, 2—7; 14—16.
- ⁵⁹ Там же, табл. XLV, 5—6; 8—12.
- ⁶⁰ Там же, табл. XLVI, 6.
- ⁶¹ Там же, табл. XLVII, 3, 7.

Глава 16

НИЖНИЕ ГОРИЗОНТЫ ЯРЫМТЕПЕ II.
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Семиметровый культурный слой поселения Ярымтепе II составляют девять строительных горизонтов. Каждый из них характеризуется достаточно фундаментальными сооружениями, чрезвычайно плотной застройкой и отмечен свидетельствами многогранной и активной деятельности обитателей поселков при безусловной преемственности их архитектурных, производственных и художественных традиций. Столь значительный слой, отражающий непрерывное развитие единой (халафской) культуры на протяжении весьма длительного периода, исследуется впервые после Телль Арпачии, которая уступает ему по четкости прямой вертикальной стратиграфии. Поэтому результаты раскопок Ярымтепе II имеют особое значение для разработки халафской проблемы. В полной мере они смогут быть использованы лишь после публикации памятника в целом. Здесь дается лишь часть материалов, связанная с нижними горизонтами поселения, и мы ограничимся лишь отдельными замечаниями, касающимися общей характеристики памятника и отдельных моментов халафской проблемы.

Мы уже подчеркивали значительную трудность характеристики наиболее ранних ступеней развития халафской культуры. Обычно в литературе привлекаются лишь керамические материалы Арпачии, лишенные достаточно четкого стратиграфического контекста¹. Набор признаков, намеченных для обоснования специфики раннехалафского керамического комплекса, носит сугубо ориентировочный характер. В него включают менее качественное глиняное тесто и не столь высокий обжиг, как у сосудов последующих этапов; распространение мелких плоскодонных чаш с округленными боками, кувшинов с раструбовидным горлом, «кремовых» острореберных чаш; кремовый и абрикосовый ангоб; монохромную роспись; сравнительную простоту орнаментальных геометрических композиций. Среди последних указываются непрерывные ряды ромбов, заполненных косою решеткой²; зоны линейного орнамента, составляющего панели и метопы; многорядный зигзаг и пунктирные линии; многорядные панели волнистых линий; чередование точек и «капель» (egg-and-dot); круги, обрамленные «каплями»; заполненные точками квадраты; мотив «рыбьей кости». Подчеркивается значительное распространение изобразительных мотивов. Д. Меллаарт пишет даже о «зверином стиле» (animal style) как о типичном признаке раннего Халафа³, тогда как А. Перкинс, напротив, считает его более характерным для поздней фазы⁴. Оба исследователя, однако, соглашаются относительно широкого распространения на ранней фазе изображений головы быка или муфлона — букраний, особенно единичных и вертикально расположенных⁵, в отличие от горизонтальных рядов резко стилизованных букраний последующих фаз⁶. К ранним признакам относится и изобразительный мотив «хижин и цветов».

Все эти признаки выделены при анализе достаточно ограниченного материала. Многие из них продолжают существовать и позже. Ранний керамический комплекс определялся не только ими, но прежде всего по отсутствию других мотивов, появившихся, как считалось, на более поздних фазах (шахматный узор, четырехлистник, мальтийский крест, розетка,

перевитой канат, двойной топор и др.), хотя и этот негативный фактор оставался условным и в ряде случаев мог быть связан с той же ограниченностью материала. Некоторые из перечисленных мотивов, как отмечают сами авторы классификаций, в единичных случаях встречены в ранних слоях⁷. Статистические данные для керамических коллекций из различных слоев Телль Арпачии не приводились.

Как же в свете приведенных данных⁸ рассматривать материалы нижних горизонтов Ярымтепе II? Прежде всего подчеркнем, что керамические находки в Ярымтепе II содержат все орнаментальные мотивы, выделенные в качестве признаков ранней фазы. Все они представлены значительным числом, но найдены в широком и многообразном орнаментальном контексте, содержащем и ряд других мотивов (шахматный узор, резьба, мальтийский крест, рифление с росписью и др.), которые до сего времени обычно связывались с более поздними фазами развития халафской культуры, в основном с ее средней фазой⁹. То же следует сказать и о формах сосудов: и мелкие плоскостонные чаши с округленными боками, и кувшины с раструбовидным горлом, и «кремовые» острореберные чаши достаточно обильно представлены в нижних горизонтах, но наряду с ними встречены и иные формы, ранее относившиеся к среднему Халафу (приплюснутые широкогорлые горшки, плоскостонные тарелки и др.). Абсолютное господство монохромной росписи выражено с предельной четкостью. Что же касается качества глиняного теста и высоты обжига, то оба этих признака варьируют у различных сосудов нижних горизонтов: наряду с относительно грубыми здесь встречены и весьма совершенные образцы, что полностью согласуется с открытием сложных двухъярусных обжигательных печей.

Если руководствоваться существовавшим до сего времени опытом периодизации халафской культуры, то приведенные данные не позволят с полной определенностью решить вопрос о том, относить ли нижние горизонты Ярымтепе II к ранней фазе или же к началу средней? Пока оставим его открытым. Окончательное решение этого вопроса потребует пересмотра ряда общих положений, существующих классификаций, что выходит за рамки настоящей работы и связано прежде всего с публикацией материалов всего культурного слоя памятника. Но уже сейчас можно с уверенностью утверждать, что слой этот отражает длительный период развития халафской культуры, начиная с достаточно ранней (если не самой ранней) его ступени.

Такое заключение находится в полном соответствии с результатами радиоуглеродного анализа образцов угля из Ярымтепе II. Прежде чем представить их, остановимся на состоянии радиоуглеродного датирования и некоторых общих вопросах хронологии халафских памятников до наших исследований.

Можно назвать всего десять дат, причем только на поселении Банахилк в Загросе получена небольшая серия из трех дат, определенных в результате анализа стратифицированных образцов. Для слоев среднего Халафа здесь получены две даты: P-1504—4904±72 г. до н. э. и P-1502—4802±85 г. до н. э.; для слоя позднего Халафа — одна дата: P-1501—4359±78 г. до н. э.¹⁰ С этим согласуются и даты некоторых других поселений. Так, для слоев среднего Халафа Чагар Базара в Сирии (слои 11—12) получена дата: P-1487—4715±77 г. до н. э.¹¹; для слоя позднего Халафа поселения Гирикахаджиян в Восточной Анатолии:

GrN — 4515 ± 100 г. до н. э.¹² Прочие даты представляются менее достоверными. Из них наиболее близка к приведенным выше дата образца слоя TT8 Арпачи (средний Халаф) — $P-584-5077 \pm 83$ г. до н. э., но и она может быть несколько занижена. Вторая дата, полученная для позднего Халафа этого памятника (слой TT6) в той же лаборатории Пенсильванского университета, занижена значительно: $P-585-6114$ г. до н. э.¹³, что явно ошибочно. Несколько заниженной представляется и единичная дата из слоя XIX Тене Гавры: $P-1494-5052 \pm 82$ г. до н. э., тем более что серия дат для слоев этого памятника, непосредственно следующих за слоем XIX и сохраняющих ряд общих черт с ним, заметно моложе (для слоя XVIII: $P-1495-4470 \pm 61$ г. до н. э.; для слоя XVII: $P-1496-4041 \pm 72$ г. до н. э.)¹⁴. И совсем уж сомнительной представляется единственная дата, указываемая некоторыми исследователями для раннего Халафа и связанная с перемешанным нижним слоем самого Телль Халафа: GrN-2660— 5620 ± 35 г. до н. э.¹⁵ В данном случае единичный образец вообще не имел точной стратиграфической привязки¹⁶, и связь его с халафским слоем недоказуема.

Таким образом, даты халафских образцов, предшествующие началу V тысячелетия до н. э.¹⁷, пока единичны и далеко не бесспорны. Между тем именно они рассматривались как один из факторов, обусловивших произведенный в последние десятилетия пересмотр вопроса о хронологическом соотношении хассунской и халафской культуры. Другим фактором явилось весьма ограниченное число прямых стратиграфических показателей и недостаточная их четкость.

Кратко коснемся этого вопроса, поскольку в обоих этих аспектах данные Ярымтене II имеют безусловный интерес. Первоначально хассунская и халафская культуры рассматривались как две последовательные хронологические ступени развития древнейшей Месопотамии. Основанием для этого послужила стратиграфия зондажного раскопа на холме Куинджик (Ниневия), где два нижних слоя (1—2a—b) с характерной хассунской и самаррской керамикой перекрыты слоем 2c с халафской керамикой¹⁸, а также самой Телль Хассуны, где смена хассунской культуры халафской фиксируется в слое VI, а слои VII—X полностью относятся к халафской¹⁹. Подчеркивалась и ограниченность материалов обоих памятников. Что касается Телль Хассуны, то материалы ее халафских слоев не исследовались и специально не публиковались. Были изданы лишь отдельные образцы их, позволившие А. Перкинсу отметить наличие в слоях VIII—X данного памятника керамики, характерной для позднего Халафа Арпачи. Два фрагмента таких сосудов найдены и в слое VII, хотя там же встречены и два фрагмента с рядами ромбов, заполненных крестом²⁰, — ранним признаком, не позволяющим с должной определенностью относить весь халафский слой Телль Хассуны лишь к позднему периоду этой культуры.

В ряде слоев (Телль Арпачи — у подножия холма, Чагар Базар — слой 15, Багуз и др.) халафская керамика найдена вместе с хассунской и особенно самаррской. Это и обусловило первые предположения о синхронности соответствующих культур, вызвавшие справедливые возражения А. Перкинса. Исследовательница указала, что данные этих перемешанных слоев не могут противостоять стратиграфическим показателям Ниневии и Телль Хассуны²¹. Однако случаи взаимовстречаемости отмеченных керамических групп²², а также определение ранних дат халаф-

ских памятников, близких датам Хассуны, Матарры, Телль эс-Саввана и Шога Мами, привели некоторых ученых к категорическим утверждениям, что «культуры, представлявшие последовательными в стратиграфии Телль Хассуны, в действительности знаменуют взаимодействие, т. е. культурный контакт и влияния одной на другую трех независимых и фактически синхронных культур: раннего Халафа — на севере, Самарры — на юге и Хассуны — между ними. Такая реинтерпретация, хорошо согласованная с радиоуглеродными датами, тут же вызывает вопрос о географическом распространении для объяснения этой мозаики взаимодействия»²³.

Как же соотносится такое заключение с материалами Ярымтепе II и всей нашей группы в целом? Сразу же отметим, что сколько-нибудь серьезного обоснования оно здесь не получает. Материалы наших исследований свидетельствуют более в пользу первоначальной схемы.

В этой связи еще раз подчеркнем, что мы допускали возможность существования наиболее ранних ступеней развития халафской культуры, предшествовавших нижнему горизонту Ярымтепе II. Но в свете всех известных нам данных он также знаменует достаточно раннюю ступень этого процесса и не может быть отнесен не только к позднему, но и к развитому среднему Халафу. Между тем, как уже отмечалось, этот горизонт перекрыл остатки разрушенного хассунского поселения. Слой с этими остатками локализован на южном участке холма. Он сильно перемешан (очевидно, при строительстве халафского поселка) и содержит как сравнительно раннюю хассунскую керамику, так и характерные образцы «стандартной» посуды с расписной, резной и комбинированной орнаментацией. В нем же найдена глиняная статуэтка не менее характерного типа, широко представленного на Ярымтепе I, но не ранее пятого горизонта хассунского слоя.

Данные прямой стратиграфии совершенно однозначно свидетельствуют о том, что наиболее ранний из девяти последовательных халафских поселков Ярымтепе II возник на развалинах хассунского поселения, дожившего до позднего этапа этой культуры. Такое заключение подтверждается еще одним, не менее показательным свидетельством.

В слое хассунского поселения Ярымтепе I открыто 13 халафских погребений, образующих небольшой некрополь²⁴. Погребения прорезали верхние (поздние) горизонты. Естественно, некрополь возник лишь после прекращения жизни хассунского поселения, когда остатки последнего превратились в телль. Принадлежность некрополя жителям расположенного не более чем в 200 м поселка Ярымтепе II безусловна. Она доказывается тождеством погребальных сооружений, обряда и многочисленного инвентаря могил этого некрополя и погребений, открытых на самом халафском поселении. И здесь можно говорить лишь о последовательности, но никак не о сосуществовании хассунского и халафского поселков.

И еще один показатель. Поселки расположены рядом, оба существовали чрезвычайно долго — по несколько сот лет, но нет ни единого свидетельства их контактов, взаимных влияний, обмена. Это исключает возможность хотя бы частичной синхронизации периодов их жизни.

Все эти свидетельства получены впервые. Все они полностью согласуются между собой, документируя последовательность хассунской и халафской культур, во всяком случае в исследуемом районе. Да и в целом они позволяют с уверенностью говорить о том, что подавляющая часть

периода развития халафской культуры относится уже к постхассунскому времени: сосуществование допустимо (пока лишь чисто теоретически) только на самом раннем этапе Халафа и на не выясненной до сего времени территории его формирования²⁵.

Радиоуглеродные даты, полученные для Ярымтене II и составляющие первую значительную серию подобных дат халафского памятника, в целом полностью согласуются с приведенными заключениями. Укажем эти даты по глубинам и горизонтам, начиная с ранних.

1) Уголь с глубины 5,40—5,85 м, восьмой горизонт: ЛЕ-1011—4840±180 г. до н. э.

2) Уголь с глубины 5,30—5,50 м, восьмой горизонт: СОАН-1291—4710±40 г. до н. э.

3) Уголь с глубины 4,85—5,20 м, седьмой горизонт: ЛЕ-1212—4450±120 г. до н. э.

4) Уголь с глубины 4,70 м, шестой горизонт: ЛЕ-1174—4490±80 г. до н. э.

5) Уголь с глубины 4,40—4,60 м, шестой горизонт: ЛЕ-1172—4480±80 г. до н. э.

6) Уголь с глубины 4,30 м, шестой горизонт: ЛЕ-1211—4550±100 г. до н. э.

7) Уголь с глубины 4,20 м, шестой горизонт: ЛЕ-1173—4160±110 г. до н. э.

8) Зерно с глубины 1,70—1,90 м, третий горизонт: ЛЕ-1015—4210±130 г. до н. э.

9) Уголь с глубины 1,50 м, третий горизонт: ЛЕ-1012—5220±180 г. до н. э.

Отметим, что девятая дата этой серии явно занижена и может быть признана ошибочной. Остальные в основном соответствуют стратиграфическому положению образцов и дают закономерный для столь значительного культурного слоя разброс от XLIX до XLIII в. до н. э. при фактическом совпадении дат образцов из единых горизонтов (из восьмого горизонта — даты 1—2; из шестого горизонта — даты 4—6). Вся серия моложе известных дат хассунских и самаррских памятников, в том числе и Ярымтене I.

Рассмотренные материалы и хронологические показатели позволяют утверждать, что в последней четверти VI или на рубеже V тысячелетия до н. э. в долине Синджара, как и во всей Северной Месопотамии, раннеземледельческая хассунская культура была сменена новой, генетически с ней не связанной и глубоко оригинальной халафской культурой. Различия между двумя этими культурами, четко проявляющиеся в архитектуре, керамике, орнаментальных традициях, пластике, столь разительны, что есть основания связывать указанную смену с распространением новой этнической общности, установившей определенное культурное единство во всем ареале Халафа — на значительной территории Восточного Средиземноморья, Северной Месопотамии, Восточной Турции.

Синджарская долина расположена в центральной части этого обширного ареала. В Ярымтене II специфические особенности халафской культуры представлены чрезвычайно ярко. С самого момента возникновения поселка мы видим здесь полностью сложившиеся, глубоко своеобразные формы архитектуры, сложный и многообразный погребальный обряд, четко выработанные формы керамики с бесконечно богатой орнамента-

ей. Новая культура представлена здесь уже в полностью сформировавшемся виде. Где происходило это формирование, на каком субстрате, какие компоненты в нем участвовали, в каком направлении распространялась халафская культура,— все эти вопросы не могут пока получить однозначные и достаточно обоснованные ответы. Некоторые попытки, предпринятые в этом направлении, могут быть признаны лишь ориентировочными, намечающими возможные связи, отдельные стороны весьма сложного процесса генезиса халафской культуры.

Все опыты общего решения проблемы, как правило, сталкивались с непреодолимыми трудностями и противоречиями. Это в равной мере касается всех построений, которые иногда коренным образом пересматривались их же авторами. Так, была предпринята попытка найти корни халафской керамической росписи в культурной среде Северной Сирии периода Амука В²⁶, хотя сходство ограничивалось некоторыми простейшими элементами и композициями (волны, зигзаг «рыбья кость») при коренном различии техники орнаментации (роспись и лощение) и полном отсутствии в Сирии звериных изображений. Поэтому прямое распространение халафской культуры с запада убедительного обоснования пока не получило. То же следует сказать и о гипотезе ее противоположного движения — с востока (из района Мосула) на запад²⁷: здесь не были обоснованы ни исходные формы, ни хронологический приоритет восточнохалафских памятников.

Неоднократно обсуждавшийся тезис о связи Халафа с восходящими еще к неолиту традициями населения южноанатолийского плато (общность пластики, изобразительных и некоторых геометрических мотивов росписи; распространение анатолийского обсидиана и близких форм изделий из него; однако резкие различия в архитектуре)²⁸ был критически пересмотрен его автором Д. Меллаартом, указавшим на возможность возникновения сходных черт в результате конвергентного развития при воздействии близких природных, экономических и психологических факторов²⁹. Им же отмечена определенная возможность связей раннего Халафа с предшествующими памятниками Северной Месопотамии типа Умм Дабагнии (керамические формы и некоторые орнаментальные мотивы, в том числе изобразительные, при отсутствии сходства прочих мотивов и резких архитектурных различиях)³⁰. Учитывая односторонность и противоречивость всех гипотез, Д. Меллаарт предложил синкретическое решение, согласно которому первоначальным ядром создателей халафской культуры было население горных районов между Ассирийской степью и озером Ван, «где тысячелетиями, начиная с эппипалеолита, оно господствовало в обсидиановой торговле»³¹. Спустившись в долину и сохранив роль посредников в этой активной и многосторонней торговле, «ранние халафские поселенцы» вступили в контакты с создателями культуры типа Телль Сотто и Умм Дабагнии, а затем со специфическими культурными группами Сирии и Анатолии³², что и привело к сложности и многокомпонентности халафской культуры. Такое синкретическое решение остается полностью априорным: никакая система доказательств здесь не может быть представлена. «Это пока лишь гипотеза,— пишет сам Д. Меллаарт,— и ничего более»³³.

К этому нечего добавить. Не будем сейчас разрабатывать проблему генезиса халафской культуры и предлагать определенное ее решение. Конечно, огромный материал Ярымтепе II должен иметь немалое значе-

ние для ее разработки. Но необходимы прежде всего исследование и публикация всего этого материала, а также сопоставление его с данными стратифицированных поселений смежных областей, необходимо сравнительное исследование именно массовых и качественно однозначных материалов. Пока, к сожалению, такие данные минимальны.

Возможно, именно центральное (по отношению к халафскому ареалу) расположение Ярымтепе II определило в нем совмещение черт как западной, так и восточной групп халафских памятников, что проявляется прежде всего в керамике и пластике. Будущее покажет, было ли это результатом взаимодействия и сближения групп, или, наоборот, сохранения общих признаков, свойственных «ядру» культуры.

Основу экономики поселения Ярымтепе II составляло развитое производящее хозяйство с доминирующей ролью земледелия, что засвидетельствовано и прямыми показателями (зерновые остатки³⁴, сельскохозяйственные орудия), и самим характером долговременного стационарного поселения. Доля скотоводства в системе хозяйства также была весьма значительной, состав стада — полным (за исключением лошади) и характерным именно для прочнооседлых, земледельческих в основе своей поселков³⁵. В этом плане халафская культура продолжала развивать традиции, корни которых открыты теперь в ряде районов Ближнего Востока, в том числе и в Синджарской долине. Традиции эти в полностью сложившемся виде представлены и в предшествующих культурах этого района — Телль Сотто и Хассуне. То же следует сказать и об общинном ремесле (керамическом, металлообрабатывающем³⁶ и пр.), отмеченном уже в предшествующих культурах и ярко выраженном на халафских поселениях, в том числе на Ярымтепе II. При всей новизне и своеобразии в экономическом аспекте халафская культура являлась прямой преемницей указанных культур, следующей ступенью в процессе общего развития, приведшего к сложению одной из первых цивилизаций, к превращению Месопотамии в важнейший культурный очаг древней истории человечества.

¹ Perkins A. L. The Comparative Archaeology of Early Mesopotamia. Chicago, 1957, p. 16—19; Mellaart J. The Neolithic of the Near East. London, 1976, p. 156—158.

² Подчеркивается, что данный мотив «практически ограничен этой фазой». См.: Perkins A. L. The Comparative Archaeology..., p. 19.

³ Mellaart J. The Neolithic..., p. 158.

⁴ Perkins A. L. The Comparative Archaeology..., p. 19.

⁵ Д. Меллаарт связывает происхождение этого мотива с зооморфными налечами на ранних сосудах из Умм Дабагин (Mellaart J. The Neolithic..., p. 158), что представляется весьма дискуссионным.

⁶ Perkins A. L. The Comparative Archaeology..., p. 19.

⁷ Ibidem.

⁸ Помимо керамики, к признакам ранней фазы относят также каменные пе-

чати и подвески с резным геометрическим орнаментом, хорошо известные на нашем памятнике. Что касается замечания И. Хаджары о прямоугольных постройках, открытых в нижнем горизонте Телль Арпачия (слои XI—IX) и предшествовавших круглопланной архитектуре (Hijara I. Three new Graves at Arpachiyah.— In: World Archaeology. London, 1978, v. II, N 2, p. 126), то оно основано на вскрытии очень ограниченной площади и не может быть распространено ни на поселение в целом, ни тем более на всю халафскую культуру.

⁹ Perkins A. L. The Comparative Archaeology..., p. 19, 20.

¹⁰ Oates D. and J. The Rise of Civilization, Oxford, 1976, p. 139. Недавно опубликована новая дата конца раннего — начала среднего Халафа: BM-1531—6930±±60—4950 лет до н. э. (Hijara I. Arpachiyah 1976.— In: Iraq, 1980, v. XLII, p. 144).

- ¹¹ Ibidem.
- ¹² Ibidem.
- ¹³ *Stuckenrath R., Ralph E. K.* University of Pennsylvania Radiocarbon Dates VIII.—Radiocarbon, 1965, v. 7, p. 188.
- ¹⁴ *Oates D. and J.* The Rise of Civilization, p. 139.
- ¹⁵ *Vogel J. C., Waterbolk H. T.* Groningen Radiocarbon Dates V.—Radiocarbon, 1964, v. 6, p. 349—369.
- ¹⁶ *Watson P. J.* The Chronology of North Syria and North Mesopotamia from 40 000 B. C. to 2000 B. C.—In: *Chronologies in Old World Archaeology*. Chicago, 1965, p. 88.
- ¹⁷ Мы имеем здесь в виду не калиброванные даты.
- ¹⁸ *Thompson R. C., Mallowan M. E. L.* The Prehistoric Soudage of Nineveh, 1931—1932.—AAA, 1933, v. XX, p. 128, 132.
- ¹⁹ *Lloyd S., Safar F.* Tell Hassuna. Excavations by the Iraq Government Directorate Generale of Antiquities in 1943 and 1944.—JNES, 1945, October, v. IV, N 4, p. 1; *Perkins A. L.* The Comparative Archaeology..., p. 25.
- ²⁰ *Perkins A. L.* The Comparative Archaeology..., p. 25.
- ²¹ Ibid., p. 14.
- ²² *Mesnil du Buisson H.* Baghouz l'ancien Chorsôte. Leiden, 1948.
- ²³ *Mellaart J.* The Neolithic..., p. 143, 144; см. также: *Oates J.* Prehistoric Settlement Patterns in Mesopotamia.—In: *Man, Settlement and Urbanism*. London, 1972, p. 299—310.
- ²⁴ Здесь отмечены следы еще не менее восьми погребений.
- ²⁵ Отнесение к этому этапу западнохалафских памятников (*Watson P. J.* The Chronology of North Syria and North Mesopotamia..., p. 82, 83) пока не может быть доказано. Соотношение хассунской и халафской культур, близкое постулированному нами, предложено и американскими учеными. См.: *Lamberg-Karlovsky C. C., Sabloff J. A.* Ancient Civilizations The Near East and Mesoamerica. Menlo Park, California, 1979, p. 62, fig. 2, 1. И. Хаджара также считает, что Халаф следует за Хассуной и лишь последние два века VI тысячелетия до н. э. сосуществует с поздней Самаррой. См.: *Hijara I.* Arpachiyah 1976, p. 151.
- ²⁶ *Mallowan M. E. L., Rose J. C.* Excavations at Tell Arpachiyah, 1933.—Iraq, 1935, v. II, p. 1—178; *Mallowan M. E. L.* Twenty Five Years of Mesopotamian Discovery (1932—1956). London, 1956, p. 12, 13.
- ²⁷ *Perkins A. L.* The Comparative Archaeology..., p. 44.
- ²⁸ *Mellaart J.* Earliest Civilisations of the Near East. London, 1965, p. 124; *Idem.* The Earliest Settlements in Western Asia (from 9-th to the End of 5-th mil. B. C.). Cambridge, 1967, p. 35, 36; *Богословская Н. Ф.* К проблеме сложения халафской культуры.—СА, 1972, № 2, с. 11—14.
- ²⁹ *Mellaart J.* The Neolithic..., p. 169.
- ³⁰ Ibidem.
- ³¹ Ibid., p. 169, 170.
- ³² Ibidem.
- ³³ Ibidem.
- ³⁴ *Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеоботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977, с. 97.
- ³⁵ См. Приложение 3 к настоящей книге.
- ³⁶ См. Приложение 1 к настоящей книге.

SUMMARY

Since the spring of 1969 the Soviet archaeological expedition has been continuing extensive studies of early agricultural settlements in north-western Iraq. Up to that time the investigation of archaeological cultures, representing early stages in the development of food-producing economies in Mesopotamia, had been confined to north-eastern Iraq and western Iran, the mountains of Kurdistan and the Zagros with their foothills and valleys. But in north-western Iraq, from Mosul to the Syrian frontier, there are areas whose natural resources offer an equally fruitful perspective for investigation of this process. One such area particularly favourable to agriculture from its earliest stages is the broad and fertile Sinjar plain. Eastward the plain borders on the Mosul region, beyond which lie the Kurdistan foothills around Erbil and Kirkuk, and on the north it is bounded by Jebel Sinjar, rising to a height of 1250 m. This range reproduces on a smaller scale natural conditions of the Zagros, and abounds in caves, but is as yet inadequately investigated. Winter rainfall is relatively high, and a number of small perennial streams flow from the hills into the soft alluvial soils of the plain, which are extremely fertile and favour the construction of simple irrigation systems now extending up to 15 km. south of the range.

Local conditions were thus attractive to settlers from the beginning of the period of wheat and barley cultivation, and in addition the region is well situated to encourage external cultural connections. From the earliest times the Sinjar plain has been a major highway linking Mesopotamia with Syria and the Mediterranean, and it is not surprising to find here a great concentration of sites of all periods. In the 60 km. that separate the towns of Balad Sinjar and Tell Afar some hundreds of tells have been discovered, from the earliest agricultural settlements to numerous fortified cities of the second and first millennia B. C. which protected the western approaches of the Assyrian kingdom, and in particular its last and greatest capital, Nineveh.

In comparison with other regions of Mesopotamia the Sinjar plain has not been adequately explored. The excavations have been confined here to relatively late sites. No early agricultural settlements have been investigated, and the Soviet archaeological expedition set out to remedy this omission. In the course of the thirteen (till now) field seasons a few dozens of settlements belonging to different prewriting periods were investigated and six of them quite extensively. Chronological these explorations span more than three thousand years.

The most ancient period — VIII—VII mil. B. C. is presented with a pre-pottery fortified settlement Tell Magzalia in the region of Tell Afar, on the southern slope of the Sinjar hills. This settlement is contemporary with early Jarmo and Chayonyutepesi.

To the following period (the end of the VII — first half of the VIth mil. B. C.) belongs a new culture, unknown before. It has been given the name Tell Sotto, after the first site of this culture was investigated. To the same culture belongs the second excavated settlement Kullytepe. This culture preceded immediately the Hassuna culture and played a great part in its formation.

Big excavations were made on the Hassuna settlement Yarimtepe I and Halaf settlement Yarimtepe II. At last, the settlement Yarimtepe III with Halaf and North Ubeid levels was investigated.

Presently we are beginning to publish the results of the expedition's explorations. This present volume includes materials derived from the lower levels of the settlements of Yarimtepe I and Yarimtepe II.

Part I

YARIMTEPE I SETTLEMENT

Chapter 1

GENERAL DATA AND THE CULTURAL LAYER OF THE SETTLEMENT

Yarimtepe I, the extreme eastern mound (tell) of the group with the same name, is located in the field near the river-bed of a perennial stream Joubara Diarasi. At present it has a diameter of 100 m.: the mound has been deformed through the years of ploughing while the initial area of the settlement reached 2 hectares. The total depth of the cultural strata exceeds 6 m. with nearly 1,5 m. below the present day floor level. The surface pottery is wholly of the Hassuna type. No trace of regular later occupation levels has been found; although in the upper part of the Hassuna strata there are numerous domestic pits and graves (more than 100) of the Halaf, Old Babilonian, New Babilonian, Hellenistic and Islam periods.

Excavations have been focused in the eastern sector of the mound and by now 1,660 sq. m. of the entire upper stratum are exposed, and its lower part — down to the mainland — over an area of 400 sq. m. Besides, down the southern and northern slopes trenches were cut for stratigraphic purposes which covered 60 sq. m.

To ensure a record of the material and building remains work proceeded on $2,5 \times 2,5$ m. squares with intermediate sections at intervals of 2,5 m. which greatly increased the accuracy of stratigraphic observations. In the exposition of the stratum the main and considerably generalized stratigraphic unit of classification used was that of the «building level». Twelve such levels have been distinguished within the Hassuna stratum. They are numbered consecutively from top to bottom. To distinguish a level the data on the building ruins stratification were combined with the indices of all the categories of finds. In this way the distinguishing of stages in the life of the settlement was substantiated.

The uppermost building levels are greatly disturbed by necropolises and pits. The first one is represented only by isolated walls, the second — by separate rooms, and the third level is represented by individual constructional complexes whose ruins directly overlaid some massive structures such as houses, domestic buildings and pottery kilns of the fourth level. It was found out for all the levels that the main structures had been packed with constructional debris from the next levels. Level 5 has yielded a most complete picture of the layout of the settlement whose density of occupation was at its maximum, having enveloped the earlier unoccupied plots of land. 11 complexes and over 150 rooms have come to light here. They are underlaid by structures of a different plan which are also rather densely set and constitute

Level 6. In all the levels mentioned the centre of the settlement invariably remained free of any structures and the complexes grouped along the sides of open squares. In Level 7 the density of structures grows less and in Levels 8—12 only separate and widely dispersed buildings have been registered, displaying gradual complication but rather fundamental from the very beginning. In the upper six levels the Hassuna ceramics of the «standard» group predominates while in the seventh, i. e. in the transitional level, it is combined with the «archaic» painted ceramics, the latter being often encountered starting from Level 12 where it is combined with the «coarse» ceramics of the Hassuna Ia tape. The lower five levels correspond to the Hassuna Ia—c (stages A—B, according to Mortensen). It is their materials that are considered later. All of them have been studied over the area of 400 sq. m.

Chapter 2

HOUSING AND DOMESTIC STRUCTURES

The most ancient marks of human activities at the place of the settlement are some big pits (up to 4,50 m. long and 1,00 m. deep). They were used as clay quarries for the construction of the earliest settlement. Some of them and the «trough-shaped» ovens, which are sunk into the ground, could have been connected with a temporary camp of the early builders.

Level 12 is represented by constructional complexes 41 (Square 57), 35 (Square 47), and 31 (Square 37). The structures here are massive (wall thickness is up to 35 cm.). There are both single- and multi-room houses. Dwelling and functional rooms are rather small (averaging 2×2 m.) of rectangular form. Found together with these are circular structures for ritual purposes (with burials and dismembered skeletal remains), some platforms for grain drying, open hearths and vaulted ovens. The developed house-building tradition has been registered from the very moment of emergence of the Hassuna culture.

Complexes 40 (Square 57), 34 (Square 47), 30 (Square 37) belong to Level 11. These are complex, multi-room (with up to 7 rooms) structures, up to 12 sq. m. each. Their plastered walls are massive. The constructional complexes are interspaced with considerable open areas. Some of the rooms discovered here (both round and rectangular) also contained remains of dismembered skeletons, and in one of the cases it was on a gypsum plastered platform.

Level 10 emerged as a result of numerous reconstructions and completely new developments in a number of areas. Its structures are mostly concentrated in its southern part where they grow increasingly complicated in design. Complex N 36 (Square 57) consists of seven rooms and two big rectangular ovens, complex N 33 (Square 47) includes eight rooms and a number of ovens, and complex N 27 incorporated a grain-drying platform with a system of parallel walls and several functional structures.

Level 9 displays an even greater density of its structures and a further complication in the design of its constructional complexes. The southern part of the area (Squares 57 and 47) is fully occupied by various structures. Complex N 32 (Square 57) includes nine rooms, three platforms for grain-drying, an open yard, and not less than three ovens; complex 28 (Square 47) is fenced with long walls and consists of four rooms and an open yard with two ovens; in Square 37 a domestic complex N 26 has been discovered which has a grain-

drying platform similar to the previous one (i. e., of complex 27, level 10) and overlaying it.

New considerable reconstructions and general rearrangement of the layout usher in Level 8. The whole of the southern outskirts of the settlement is very densely developed. Square 57 is occupied by the remains of a multi-room complex 29, square 47 by those of complex N 19 and a number of big ovens and some round structures; Square 37 contains ruins of complex N 23. In contrast with the previous levels, a monumental structure, i. e. complex N 25 was found in the northern sector (Square 27) which earlier stood outside of the active development area: some concentration of burials and ritual structures have been registered here.

Chapter 3

SOME QUESTIONS OF THE HASSUNA CONSTRUCTION

From the very beginning Hassuna structures are represented by various sufficiently developed multi-room forms. In preparation for their construction the surface was levelled, the slopes were reinforced with platforms, and the hollows, including those formed by earlier buildings, were rubble-filled out. Some mats or layers of reed were usually found under the basis of the walls. The walls were massive and often widened at their base, being up to 50 cm thick there. In all the levels they are made of clay slabs which had not been dried before use and which were held together with a kind of clay cement. In some cases the slabs were standard in shape and size, this tendency growing stronger toward the upper levels. Starting from Level 12 the walls are covered with clay plaster on two sides. Beginning from Level 11, buttresses are registered which seem, of course, to have been known earlier. The roof was supported by beams and consisted of mats and some layers of clay and gypsum. The floors are plastered with clay with addition of some straw cut into pieces; sometimes under this plastering reed matting is encountered which runs over a pavement made of small stones and cobbles. Gypsum-plastered floors have also been registered as well as reinforced with sticks platforms inside some of the rooms. Only some of the rooms had any doorways in them while the others were auxiliary with very low walls or were accessible from the roof.

Primitive hearths have been registered as existing in parallel with rather elaborate completely domed ovens beginning from Level 12. The ovens are both round and rectangular. In Level 10 and later two-stage pottery kilns with a system of apertures, which admitted hot air into the upper stage containing the pots to be fired, were discovered.

And thus, we can see the emergence of a standard Hassuna interior: a bread oven, grain-storage vessel, grain-drying platform, grain-grinder and a mortar.

Chapter 4

BURIALS

In the lower levels more than 20 burials have been found. They are mostly infant burials (17) located under the walls and corners of houses, beneath floors, doorsills and hearths and in a number of cases in big vessels. The

skeletons are contracted, lying on their right or left sides and, although rarely, on their backs. The line of orientation varies. Sometimes the buried are accompanied with clay vessels and animal bones. With the exception of the only common contracted burial N 126, the remains of adult people involve some special rituals (i. e., dismembered bodies are found in special round or rectangular structures). All of them are extraordinary and suggest the existence of Hassuna necropolises outside the settlements.

Chapter 5

CERAMICS

The habitation levels of Yarimtepe I yielded all the so far known groups of Hassuna ceramics: coarse pottery, «archaic painted» and Hassuna 'Standard' wares both painted and incised or with the two ornamentation techniques combined. The «archaic painted» wares makes its first appearance in appreciable numbers starting from level 12, it co-exists with the coarse ware and constitutes with the latter a single early-Hassuna ceramic complex. Level 7 comes in as a border line between the «archaic» and «standard» wares.

Some of the forms are extremely conservative and have been encountered through all the levels. Such are oval trays, including those called 'husking trays', bowls, which are semispherical or carinated, spherical jars with a cylindrical neck. The period of existence of big storage jars which are carinated and whose walls are sharply slanted towards a small flat bottom, is more restricted. They have been encountered only in the lower levels like some other specific forms of bowls and jars.

As a basis to classify the ceramics of Yarimtepe I the morphological principle has been used. As a result five basic groups of vessels have been established each of which has a number of concrete types to it.

(I) Storage jars are represented by three types. These are exclusively coarse vessels; the clay is straw tempered, and ornamentation is rare (only simple applications is used). They are principally met with in levels 12 to 10, although individual ones are found till level 7.

(II) Jugs are represented by four types. The vessels are both coarse and fine; archaic ornamentation painting (9 variants) is predominant, in five cases of big jugs from levels 12—10 there are applications and in one case from level 8 — incised ornamentation. They are found through all the levels: levels 12—11 are dominated by low-neck vessels while levels 10—8 by high necked ones.

(III) Open bowls with flat bases are represented by six types, each having both coarse and fine specimens.

Archaic painting is represented by eleven variants. Geometric designs gradually grow more complicated from level 12 to 8. In some separate cases incised ornaments were discovered (levels 9—8). In the lower levels bowls with a straight rim prevail while in the upper ones those with unbent or concave rims are predominant.

(IV) High pots both coarse and fine with rounded or straight sides are represented by five types from distinctively profiled to simple cylindrical in shape. There are 18 variants of ornamentation whose complexity increases like that in the case of bowls. All the seven instances of application were found only in levels 12—11, while two cases of incision — in levels 9—8. This type is widely spread in all levels.

(V) Basins are represented by two types, i. e. by those with smooth bases and husking trays. The former type is common through all the levels and the latter is subdivided into two subtypes: the first of which with round pit-marks predominates in the levels 12 to 10 while the second type with rough ridges prevails in the subsequent levels. Beginning from level 12, individual vessels with legs or ring-shaped bases are encountered. Worthy of special attention is a small group of fine, high-quality burnished ware of dark-red (cherry), grey and black colours, whose origin has not been established yet.

Chapter 6

STONE AND BONE IMPLEMENTS

The total number of flint and obsidian artifacts in the five lower levels of Yarımtepe I is not great (i. e., not more than 500 finds over the area of 400 sq. m.), being considerably inferior to the number of finds from the earlier settlements. The share of flint artifacts is 77 per cent and that of obsidian—23 per cent. The latter originates from East-Anatolian sources. The obsidian finds are mostly represented by finished implements and tools. The flint is local, being mostly represented by cores, core tablets, flakes and production wastes. The number of shapes of tools and implements are extremely limited. Among the flint artifacts may be recognized end-scrapers made on rectangular or ovoid flakes as well as on blades, side-scrapers made on ovoid flakes, all of them with a steeply retouched edge; borers made on flakes and blades; large knives on blades (in the lower levels only), sickle blades on rectangular and triangular in their cross-section blades, often without any additional retouche but with a characteristic glossy sheen of the working edge. Arrow heads (4) have been found only in Level 12. Obsidian is represented by blades: both by very large knives used to cut animal bodies (trace analysis) and by common sickle blades and scrapers.

Levels 10—12 have yielded seven stone celts lens- or segment-shaped in their section. Maceheads have been found twice: a coarse basalt one was discovered in level 12 and another polished, pear-shaped macehead of marble — in level 8.

Grinding and pounding tools are represented by numerous boulder mortars, flat- or saddle-shaped grinding slabs, handstones and pestles of different types. Hoes were met only twice, one of them with a hole for a handle.

In the lower levels we have located fragments of ten polished stone bowls and jars and seven paletts.

The assemblage of bone artifacts is limited. They are, mostly, awls made of bones of small herbivorous animals, needles, spatulas and polishers as well as some blades with threads and flutes. In level 10 a shoulder blade of an ox with a system of incised marks, possibly, for counting, was found.

Chapter 7

OTHER ARTIFACTS

The lower levels have produced 27 conic and biconic spindle whorls made of clay, alabaster, marble and gypsum. Clay sling bullets are numerous in the upper levels but are quite rare in the lower ones. There are many beads made of marble, serpentine, limestone, lazurite, carnelian, chalcedony, alabaster, turquoise, and crystal, as well as of obsidian, bone and shells. We

have distinguished 14 types among them. Stone pendants are rare (4) and are represented by simple oval shapes. A fragment of a stone bracelet was encountered only once (in level 9). Stone seal-pendants from the lower levels are rectangular with incised lattice and an ear on the reverse side. Found in levels 8—12 were 15 pieces of copper ore, three copper pendants and a bracelet of lead.

Chapter 8

LOWER LEVELS OF YARIMTEPE I. PRELIMINARY CONCLUSION

On the whole the cultural stratum of Yarimtepe I reflects in itself the entire period of development of the Hassuna culture, which has been registered earlier at the eponymic settlement. Similarly, our settlement emerged over a previously unoccupied area, for there has been found no pre-Hassuna levels here. The settlement continued its existence till the end of the period when that complex of traits was developed which permits our speaking about the Hassuna culture. The final stage of the settlement is marked by widely spread Samarra pottery, and it undoubtedly preceeds in time the foundation of the Halaf settlement Yarimtepe II.

Constructional level 12 is the most ancient in our settlement and by a number of basic traits it can be compared with Hassuna Ia. Its genetic connection with the preceeding culture of Tell Sotto is unquestionable, but the latter's traditions are represented here only as a reminiscence. Specifically Hassuna system of painted ornamentation is being formed, and its further elaboration is evidence by the same indicators in Hassuna Ia—c and in levels 12—8 of Yarimtepe I. The incised ornament appears in our settlement for the first time in level 10 and is registered in an appropriate level (Ib) of Tell Hassuna. Similar parallelism is also observed in the other categories of finds.

Monumental architecture has been registered from the earliest stages of the settlement's life: the tradition of previous cultures and that of Tell Sotto in the first place, was developing there. Tell Sotto and Hassuna are understood as two interrelated but independent cultures, as two consecutive stages in the development of the early-agricultural population of Northern Mesopotamia. However, the role of the former of these cultures is quite evident as a most important component in the formation of Hassuna. The latter one developed on the basis of the local substratum and cannot be considered any more as the one that had come from without the agrarian culture of the Valley or as a heritage of the Jarmo-type cultures. The early-agrarian tradition of the Sinjar Valley is registered already in Tell Magzalia and then develops in Tell Sotto. Yarimtepe I signals the next stage in the development of producing economy. The lower levels have yielded here two kinds of wheat (*Tr. durum Desf.*, *Tr. Spelta*) and barley (*Hordeum vulgare asp. nudum*); 82 per cent of animal bones belong to domesticated types (*Bos taurus*, *ovis aries*, *capra hircus*, *sus domestica*, *canis familiaris*). No much evidence has been gathered about hunting. The finding of various kinds of stone, obsidian, sea shells, wood, copper, and lead point to active and versatile exchange (with Iran, Anatolia, South Arabia, Mediterranean coast).

Hassuna culture entered into the system of fully developed agrarian cultures that spread widely into the valleys of Northern and Middle Mesopotamia and also in the adjoining areas of Syria and South-Western Iran.

The relative chronology of the Hassuna culture has become considerably more accurate with the discovery of the Tell Sotto-type sites which give terminus post quem here, and with the studies in Samarra culture producing terminus ad quem, as well as with the diggings in Yarimtepe II which are important to determine terminus ante quem. On the basis of radio-carbon datings, including those from the settlement of Yarimtepe I, it is possible to date the settlement and the whole of culture to the mid- or second half of the 6th millenium B. C.

Part II

YARIMTEPE II SETTLEMENT

Chapter 9

SOME PROBLEMS IN STUDYING HALAF CULTURE

Halaf culture is one of the most developed and bright early agrarian cultures of the Old World. It is surprisingly homogeneous through all the region which embraces North Mesopotamia and Southeastern Turkey. The extremities of the region are settlements Turlu and Junus (Carchemish) in the West. Banahilk in the East, Tilkitepe and Gerikhaciyan in the North, and Tell es-Sawwan in the South. Active ties among the Halaf tribes are registered to spread up to Palestine and in the West Syria and Transcaucasus in the East (Kultepe near Nakhichevan). Most vivid distinctive features of the culture have been established and, first of all, in architecture and ceramics. Some data have been obtained to determine its relative and absolute chronology. But a number of important problems pertaining to Halaf culture remain yet to be solved. Such are, for instance, problems of origin of the culture, correlation between the main groups of its sites, their periodization, and, in the first place, the problem of distinguishing the lowest, i. e. the earliest levels in them in the presense of direct and sufficiently clear stratigraphic indicators. Of considerable interest in this respect are the studies in Yarimtepe II settlement, whose entire 7-meter stratum belongs to Halaf culture. This is especially true of the lower levels of the site.

Chapter 10

EXCAVATION OF YARIMTEPE II SETTLEMENT

Tell Yarimtepe II is situated on the western bank of the brook Joubara Diarasi. The latter had changed its course and washed away more than half of the mound whose diameter exceeded 120 m. with a 7-meter cultural stratum. In the first year (1969) a multistaged trench was excavated and as a result it was established that the stratum was seven meters thick, belonging exclusively to Halaf culture and having several building levels within it. During subsequent seasons, the center of the remaining part of the settlement was uncovered over an area of 600 sq. m. It has been excavated level by level down to the bedrock. The number of levels here reached nine. The two upper ones were greatly disturbed by graves and pits of the Assyrian and Hellenistic time. The state of seven lower levels is satisfactory. Beneath them in the southeastern part of the mound were registered remains of a destroyed stratum of a small Hassuna settlement which undoubtedly preceded the foundation of the Halaf settlement.

Chapter 11

THE EARLIEST BUILDING LEVEL OF HALAF YARIMTEPE II

The southeastern sectors of the area studied were occupied by auxiliary domestic structures. These are narrow rectangular structures with many rooms and walls made of yellow-brownish loam slabs. Adjoining to them are hearths in pits and domed ovens. West of that functional sector there were main dwelling structures of this most ancient level, i. e., tholoses. Their walls are made of slabs of clay with some addition of gypsum and are clay plastered. Tholos LXXI was 4,5 m. in diameter and had vertical walls and a flat roofing. Tholos LXXIII (3,4 m. in diameter) was dome-shaped; of the same shape was an oven inside it and another oven of the tanur type stood next to the tholos. Tholos LXXV (3 m. in diameter) also belongs to the earliest structures of the settlement. Somewhat younger are tholoses LXI (diameter 3,35 m.) and LXVII (diameter 5,3 m.). The former was cylindrical in shape with a flat roofing and a tanur type oven. The second tholos overlaid the remains of a number of domestic pits, hearths and ovens which were of the same age with the preceding group of tholoses. Its massive walls (up to 40 cm. thick) rested on a special platform. With the foundation of this big structure are connected ritual pits with marks of fires and a number of finds that include painted vessels, microlithic tools, anthropomorphic figurines and a unique copper seal that were discovered under its floor.

Of considerable interest is the round pottery kiln with the diameter of nearly 2 m. It had an underground combustion chamber (1,2 m. deep) and an upper stage containing the pots to be fired. The upper chamber rested on a massive clay disc. The two parts were connected via six vertical channels and a central aperture that supplied hot air into the upper one. Linked with the kiln were auxiliary rectangular structures. Two more tholoses — tholos LXVI (nearly 4 m. in diameter) with a «tanur» oven and an older auxiliary structure of a round form with the diameter of 1,7 m. — were unearched north of that place.

Some of the sectors have yielded round, oval, pear-shaped, 8-shaped ovens, domestic pits and wells that were almost 3 m. deep.

Chapter 12

ON THE SETTLEMENT'S PLANNING,
BUILDING TECHNIQUES AND FORMS OF DOMESTIC UTILITY
STRUCTURES FROM THE OLDEST LEVEL

The authors do not affirm that the lower level of Yarimtepe II belongs to the earliest Halaf, the question about which remains as yet quite open. But, for the time being, it is the only early level studied over an extensive area that belongs to the seven-meter thick Halaf stratum.

The level was intensively built up from the very beginning — Massive dwelling structures — tholoses and less durable ones, that were meant for some service purposes and underwent numerous reconstructions, stand out impressively. Some elements of planning both in the case of individual complexes and of the settlement as a whole (i. e. parallel rows of buildings) have been registered. Building techniques display the traditions inherited from the previous period. As before, the walls are made of blocks or slabs of clay while sun-dried brick is still very rare.

The main type of dwellings is a round one-room house dome- or cylinder-shaped (tholos). In contrast with the subsequent levels, the houses in the lower level stand separately: rectangular domestic structures are not attached to them but stand in isolated groups. Some individual round-shaped structures for domestic service purposes have been encountered here too.

Almost all the tholoses were constructed as living dwelling, this type of houses being known through the entire region of the Halaf culture. The supposition that its earliest stages had been dominated by rectangular architectural forms cannot be proved at the present moment. In the case of Yarimtepe II round-shaped houses are characteristic of the entire Halaf stratum. They are linked with the ancient architectural tradition widely known in the Middle East and in the adjoining areas, in the Transcaucasus, in particular.

Chapter 13

BURIALS AND CULT OBJECTS

15 burials were discovered in the lower level of the settlement. Six of them are inhumations: four are individual infant burials, one contained remains of two children, and still another yielded skeletal remains of two adults and one child. All the skeletons were lying contracted on their sides with their heads oriented mostly south. Artifacts with the buried are rare. Five cases of cremation have been registered too, being concentrated in one sector and accompanied by cult ceremonies' marks (fires, and deliberately broken vessels). Unearthed in the same sector were three skull burials, two of them with single skulls and one with three skulls in one pit. There also was found a secondary burial: an infant's skull lay on top of a heap of other bones of the child. All of this may point to the complexity and diversity of the Halaf burial rite and, also, to the complexity of ideological notions among the agrarians of Northern Mesopotamia of that period. The marks of ritual ceremonies unearthed here are very indicative too: special pits, containing some remains of fires, burnt bones of animals and deliberately broken vessels with fire marks on them, have been discovered. Among these vessels there are some unique zoomorphic and anthropomorphic ones.

Chapter 14

FINDS. STONE AND BONE ARTIFACTS

Stone artifacts are represented in the first place by tools and implements, connected with agricultural economy: grinding slabs, handstones, pestles, mortars, sickle- and knife-blades. Some spindle whorls, different ornaments and stone vessels were also found.

* The grinding slabs are oval with flat surfaces, sometimes double-surfaced. Handstones are similar in shape but smaller in size. The basalt mortars remind of cylindric or oval vessels. The pestles are close to the finds from Yarimtepe I.

The flint is represented both by comparatively rare finished tools, raw materials and production wastes (350 finds all in all), while obsidian, on the other hand, is represented mostly by finished tools (180 finds all in all) whose number is greater than that of the flint ones. Similar to the Hassuna period, the obsidian was delivered from Anatolia, while the flint was produced locally. Harvesting tools consisted of a slightly curved base and a blade of

flint or obsidian plates. Flint was also used to produce scrapers, drills and pointed pieces. Spindle whorls of alabaster and diorite are conical; the vessels (15 finds) are made of alabaster, marble or limestone and are represented by simple bowls and saucers.

Among stone decorations there are pendants and beads. Pendants are of two types, i. e. flat oval ones with a hole (3 pieces) and seal-pendants (4 pieces were found in level 8) with ears for suspension and incised designs (lattice, geometric figures). The pendants are mostly made of steatite, serpentine or marble. The beads are disc-shaped, flat, made of carnelite, limestone; apart from stone ones some made of shell were found too.

Bone tools are not numerous and are quite uniform in type: the lower levels have yielded 11 awls and 2 spatulas.

Chapter 15

CERAMIC ARTIFACTS

Clay tools are represented by scrapers and spindle whorls. The scrapers are made of vessel wall sherds and are oval or triangular in shape. They were, probalby, intended for scraping animal skins. More than 30 spindle whorls were mostly biconical with some conical and flat ones. A separate group of finds is constituted by so-called «sling balls», 16 pieces of which have been obtained from the lower levels.

Ceramic artifacts mostly include vessels of various forms with extremely diverse ornamentations and of very high quality.

All the vessels are hand-made and fall into three main groups, i. e. painted, plain (or unpainted) and coarse ones. In the lower levels of Yarimtepe II unpainted vessels predominate (some 55%), painted vessels account for 40 per cent, while the number of coarse ware is insignificant.

Among the latter thick-walled vessels of the jar-type predominate. All of them are flat-bottomed and are made of clay with some plant admixtures. Burning is light. No ornamentation. Coarse oval bowls are within the same group.

Unpainted vessels are of higher technological quality although it is inferior to the painted type. The clay is of a better grade with added sand and pounded stone. Burning is even. The surface is covered with slip and sometimes burnished. The main forms of thick-walled vessels are deep bowls and flat-bottomed pots with rounded bodies, straight necksand and wide throats. The sizes vary up to very big (with the diameter and height over 60 cm.). Thin-walled vessels are represented by bowls, pots and jars. Some of the pots had spouts and projecting ears for suspension. The jars are flat-bottomed with rounded bodies and cylindric throats without any handles.

In the case of painted vessels the quality of clay and burning is distinctively the highest. The surface is covered with slip and burnished and is in different colours (brown, creamy, rosy or white). The forms are mainly similar to those of the unpainted vessels but each of them is represented by a considerable number of various types. Five types of bowls have been recognized: all of these types are known both in the Western and Eastern groups of settlements of the Halaf region, and at the earliest levels first of all.

In the lower levels of Yarimtepe II came to view painted dishes and plates that later became widespread and had remarkable double-faced paintings on them.

An impressive series of painted vessels is comprised by jars represented also by a few types and different in their proportions, height, width and throat shapes, etc. All of them are handleless and only individual species have suspension ears. Jars were painted all over or only partially (i. e. painted were throat, upper part of their bodies).

No less numerous and versatile were pots which were rounded in form, «squat»ed, carinated with straight, unbent or concaved rims. As to the multiplicity of its forms the Halaf ceramics is much superior to its Hassuna counterpart. Special mention should be made of zoomorphic and anthropomorphic vessels. One of the ritual pits has produced a bottle in the shape of a female with realistically stressed forms, whose hair, bracelets and a necklace are painted. Found in another ritual pit was a large pig- (or elephant-?) shaped vessel whose entire surface was painted with solar signs and other designs. In both cases the vessels had been deliberately broken.

Vessels from the lower levels are as a rule monochromatic and in some separate cases only the brown and red colours combine. Geometric ornamentation predominates and is represented by hundreds of variants (numerous combinations of straight, wavy and zigzag lines, stars, dots, drops, rosettes, lattices, triangles, diamonds, swastics, and many others). Depictive motifs are also numerous, being for the most part represented by heads of oxen — bucranias — which are sufficiently naturalistic in the lower levels. Discovered apart from these are depictions of birds, gazelles, and snakes; a common motif is that of «flowers and huts», and in some instances anthropomorphic depictions have been registered.

The plastic art is represented by nine female figurines. Most of them are stylized to varying degrees and are similar to the finds from Arpachyah; but the realistic art of sculpture is also present although it has been considered characteristic of the western group of Halaf settlements up till now.

Chapter 16

LOWER LEVELS OF YARIMTEPE II. CONCLUSION

The question about the early stages of evolution of the Halaf culture remains as yet to be answered. Their features have been outlined only on the basis of ceramic materials from Arpachyah. However, the stratigraphy of that settlement cannot be considered absolutely clearcut. The traits of its early complex, as recorded here, are only approximate in character, having resulted from an analysis of limited materials without any statistics. All of them represented extensively in the lower levels of Yarimtepe II from where they come however in combination with other traits which were formerly regarded as connected with the subsequent development stages. Therefore, the question about these levels' belonging to the early or to the beginning of the middle stage of Halaf should remain open till the general reconsideration of the basis for periodization of this culture has been undertaken. It is quite evident the Yarimtepe II stratum reflects a rather long period of development that started early enough. This fact is confirmed by eight carbon datings obtained from samples from different living levels of the settlement. They document a period from 49th to 43rd centuries B. C.

All of the Yarimtepe II stratum is younger than the final stage of the Hassuna culture which is evidenced by the fact that it runs directly over

the remains of a small Hassuna settlement and also by the location of the Halaf necropolis on the mound of Yarimtepe I: the necropolis, undoubtedly, appeared here after the Hassuna settlement had decayed.

Late in the 6th or at the turn of the 5th millenium B. C. the Hassuna culture was replaced in the Sinjar Valley by a new, genetically foreign to it Halaf culture. The latter was connected with a new ethnic group that had imposed cultural unity over the wide range of Eastern Mediterranean, Northern Mesopotamia and Eastern Turkey. The questions as to the genesis of the Halaf culture, its origin territory and way of its spreading remain open to further studies. The settlement of Yarimtepe II occupied central position in the Halaf area and combines traits both of the western and eastern groups of the Halaf sites.

The settlement's economy was based on highly developed food-producing economy which was dominated by agriculture. In this respect the Halaf culture inherits and develops the tradition of its preceeding cultures and is a next stage in the process of general development that resulted in the formation of one of the earliest civilizations and in the transformation of Mesopotamia into an important cultural breeding centre of the ancient world history.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

LIST OF ILLUSTRATIONS

1. Памятники, раскопанные экспедицией и их основные аналоги	13	1. Settlements excavated by the Expedition and Their Main Analogues	
2. Группа Ярымтепе. Топографический план	19	2. The Yarimtepe group. Topographic plan	
3. Ярымтепе I. Площадь раскопа	20	3. Yarimtepe I. The digging area	
4. Ярымтепе I. Разрез север — юг	27	4. Yarimtepe I. North-south section	
5. Ярымтепе I. Планы строительных горизонтов	30	5. Yarimtepe I. Plans of building levels	
6. Ярымтепе I. Планы строительных горизонтов	31	6. Yarimtepe I. Plans of building levels	
7. Ярымтепе I. Планы строительных горизонтов	32	7. Yarimtepe I. Plans of building levels	
8. Ярымтепе I. Раскопки нижних горизонтов	34	8. Yarimtepe I. Excavation of the lower levels	
9. Ярымтепе I. Раскопки нижних горизонтов	35	9. Yarimtepe I. Excavation of the lower levels	
10. Ярымтепе I. Сооружения строительного горизонта 12	36	10. Yarimtepe I. Structures of building level 12	
11. Ярымтепе I. Сооружения строительного горизонта 11	37	11. Yarimtepe I. Structures of building level 11	
12. Ярымтепе I. Сооружения строительного горизонта 10	38	12. Yarimtepe I. Structures from building level 10	
13. Ярымтепе I. Сооружения строительного горизонта 9	39	13. Yarimtepe I. Structures from building level 9	
14. Ярымтепе I. Сооружения строительного горизонта 8	40	14. Yarimtepe I. Structures from building level 8	
15. Ярымтепе I. Детали сооружений нижних горизонтов	42	15. Yarimtepe I. Details of structures from the lower levels	
16. Ярымтепе I. Детали сооружений нижних горизонтов	53	16. Yarimtepe I. Details of structures from the lower levels	
17. Ярымтепе I. Погребения нижних горизонтов	80	17. Yarimtepe I. Burials from the lower levels	
18. Ярымтепе I. Погребения нижних горизонтов	81	18. Yarimtepe I. Burials from the lower levels	
19. Ярымтепе I. Типы сосудов и варианты орнаментации	94	19. Yarimtepe I. Vessel types and variants of ornamentation	
20. Ярымтепе I. Типы сосудов и варианты орнаментации	95	20. Yarimtepe I. Vessel types and variants of ornamentation	
21. Ярымтепе I. Типы сосудов и варианты орнаментации	96	21. Yarimtepe I. Vessel types and variants of ornamentation	
22. Ярымтепе I. Типы сосудов и варианты орнаментации	97	22. Yarimtepe I. Vessel types and variants of ornamentation	
23. Ярымтепе I. Керамика нижних горизонтов	97	23. Yarimtepe I. Ceramics of the lower levels 10	
24. Ярымтепе I. Образцы керамики горизонта 12 (толстостенные сосуды)	98	24. Yarimtepe I. Examples of ceramics from level 12 (thick-walled vessels)	
25. Ярымтепе I. Образцы керамики горизонта 12	98	25. Yarimtepe I. Examples of ceramics from level 12	
26. Ярымтепе I. Образцы керамики горизонта 11	99	26. Yarimtepe I. Examples of ceramics from level 11	
27. Ярымтепе I. Образцы керамики горизонта 10	100	27. Yarimtepe I. Examples of ceramics from level 10	
28. Ярымтепе I. Образцы керамики горизонта 9	101	28. Yarimtepe I. Examples of ceramics from level 9	

29. Ярымтепе I. Образцы керамики горизонта 8	102	29. Yarimtepe I. Examples of ceramics from level 8	
30. Ярымтепе I. Сосуды горизонтов 12 (1, 3, 5) и 11 (2, 4)	103	30. Yarimtepe I. Vessels from levels 12 (1, 3, 5) and 11 (2, 4)	
31. Ярымтепе I. Сосуды и образец налепа горизонтов 10 и 9	104	31. Yarimtepe I. Vessels and examples of embossment from levels 10 and 9	
32. Ярымтепе I. Сосуды горизонтов 9 (1—3, 5) и 8 (4, 6)	105	32. Yarimtepe I. Vessels from levels 9 (1—3, 5) and 8 (4, 6)	
33. Ярымтепе I. Obsидиановые (1—3, 7, 8) и кремневые (4—6, 9—13) орудия	115	33. Yarimtepe I. Obsidian (1—3, 7, 8) and flint (4—6, 9—13) tools	
34. Ярымтепе I. Obsидиановые орудия из горизонтов 8 (1, 2, 6), 9 (13), 11 (4, 5)	116	34. Yarimtepe I. Obsidian tools from levels 8 (1, 2, 6), 9 (3), 11 (4, 5)	
35. Ярымтепе I. Каменные орудия. Топоры и стрелы	121	35. Yarimtepe I. Stone tools. Axes and arrows	
36. Ярымтепе I. Каменные изделия из горизонта 9	125	36. Yarimtepe I. Stone artifacts from level 9	
37. Ярымтепе I. Каменные изделия из горизонтов 8 и 9	125	37. Yarimtepe I. Stone artifacts from levels 8 and 9	
38. Ярымтепе I. Костяные орудия (1, 2)	129	38. Yarimtepe I. Bone tools (1, 2)	
39. Ярымтепе I. Глиняные и алебастровые пряслица	134	39. Yarimtepe I. Clay and alabaster spindle whorls	
40. Ярымтепе I. Бусы и подвески	135	40. Yarimtepe I. Beads and pendants	
41. Ярымтепе I. Бусы из толоса 319 Ярымтепе II. Антропоморфный глиняный сосуд	136 137	41. Yarimtepe I. Beads from Tholos 319 Yarimtepe II. Anthropomorphic clay vessel	
42. Ярымтепе I. Каменные печати (1—3) и свинцовый браслет (4)	139	42. Yarimtepe I. Stone seals (1—3) and a lead bracelet (4)	
43. Холм Ярымтепе II	162	43. Yarimtepe II. Mound	
44. Ярымтепе II. План и сетка квадратов	164	44. Yarimtepe II. Plan and grid of squares	
45. Ярымтепе II. План древнейшего строительного горизонта (9)	167	45. Yarimtepe II. Plan of the earliest building level (9)	
46. Ярымтепе II. Остатки хозяйственных сооружений	169	46. Yarimtepe II. Remains of domestic subsidiary structures	
47. Ярымтепе II. Остатки строительных сооружений	171	47. Yarimtepe II. Remains of building structures	
48. Ярымтепе II. Планы и разрезы очажных сооружений	173	48. Yarimtepe II. Plans and sections of oven structures	
49. Ярымтепе II. Остатки круглых построек	174	49. Yarimtepe II. Remains of round structures	
50. Ярымтепе II. Остатки хозяйственно-бытовых сооружений	176	50. Yarimtepe II. Remains of domestic utility structures	
51. Ярымтепе II. Толос LXVII	179	51. Yarimtepe II. Tholos LXVII	
52. Ярымтепе II. Глиняные расписные сосуды	180	52. Yarimtepe II. Clay painted vessels	
53. Ярымтепе II. Глиняные (1, 3—8) и алебастровые (2) пряслица	180	53. Yarimtepe II. Clay (1, 3—8) and alabaster (2) spindle whorls	
54. Ярымтепе II. Гончарная печь — сооружение 345	181	54. Yarimtepe II. Pottery kiln — structure 345	
55. Ярымтепе II. Гончарная печь 345	182	55. Yarimtepe II. Pottery kiln 345	
56. Ярымтепе II. Глиняные сосуды (1—4)	183	56. Yarimtepe II. Clay vessels (1—4)	
57. Ярымтепе II. Планы и разрезы ям	184	57. Yarimtepe II. Plans and sections of pits	
58. Ярымтепе II. Глиняные кувшины из ямы 61 (1, 2)	185	58. Yarimtepe II. Clay jars from Pit. 61 (1, 2)	
59. Ярымтепе II. План раскопа. Погребения и культовые объекты	199	59. Yarimtepe II. Plan of the dig. Burials and cult artifacts	

60. Ярымтепе II. Планы погребений	200	60. Yarimtepe II. Plans of burials	200
61. Ярымтепе II. Планы погребений	200	61. Yarimtepe II. Plans of burials	200
62. Ярымтепе II. Глиняные сосуды (1-3)	201	62. Yarimtepe II. Clay vessels (1-3)	201
63. Ярымтепе II. Бусы из погребения 11/58	204	63. Yarimtepe II. Beads from burial 11/58	204
64. Ярымтепе II. Глиняные антропоморфные статуэтки (1-9)	205	64. Yarimtepe II. Clay anthropomorphic figurines (1-9)	205
65. Ярымтепе II. Каменные сосуды (1-6)	206	65. Yarimtepe II. Stone vessels (1-6)	206
66. Ярымтепе II. Погребение 14/61	206	66. Yarimtepe II. Burials 14/61	206
67. Ярымтепе II. Глиняные расписные сосуды (1-6)	210	67. Yarimtepe II. Clay painted vessels (1-6)	210
68. Ярымтепе II. Глиняный зооморфный сосуд	211	68. Yarimtepe II. Clay zoomorphic vessel	211
69. Ярымтепе II. Глиняный зооморфный сосуд	211	69. Yarimtepe II. Clay zoomorphic vessel	211
70. Ярымтепе II. Глиняный антропоморфный сосуд	212	70. Yarimtepe II. Clay anthropomorphic vessel	212
71. Ярымтепе II. Каменные печати-подвески (1-11)	213	71. Yarimtepe II. Stone seal-pendants (1-11)	213
72. Ярымтепе II. Каменные зернотерки (1-4) и терочки (5, 6)	215	72. Yarimtepe II. Stone querns (1-4) and pestles (5, 6)	215
73. Ярымтепе II. Каменные песты (1-11)	216	73. Yarimtepe II. Stone pestles (1-11)	216
74. Ярымтепе II. Каменные ступки и сверленные орудия (1-7)	217	74. Yarimtepe II. Stone mortars and drilled tools (1-7)	217
75. Ярымтепе II. Кремневые орудия (1-11)	219	75. Yarimtepe II. Flint tools (1-11)	219
76. Ярымтепе II. Кремневые орудия (1-9)	220	76. Yarimtepe II. Flint tools (1-9)	220
77. Ярымтепе II. Obsидиановые орудия (1-20)	221	77. Yarimtepe II. Obsidian tools (1-20)	221
78. Ярымтепе II. Obsидиановые орудия (1-12)	222	78. Yarimtepe II. Obsidian tools (1-12)	222
79. Ярымтепе II. Obsидиановые орудия (1-13)	223	79. Yarimtepe II. Obsidian tools (1-13)	223
80. Ярымтепе II. Костяные орудия	228	80. Yarimtepe II. Bone tools	228
81. Ярымтепе II. Керамические скребки (1-4)	231	81. Yarimtepe II. Ceramic scrapers (1-4)	231
82. Ярымтепе II. Глиняные «пули»	231	82. Yarimtepe II. Clay «slings bullets»	231
83. Ярымтепе II. Образцы грубой и тонкостенной посуды (1-8)	234	83. Yarimtepe II. Samples of coarse and thin-walled wares (1-8)	234
84. Ярымтепе II. Глиняные горшки (1-4)	238	84. Yarimtepe II. Clay pots (1-4)	238
85. Ярымтепе II. Глиняные расписные чаши (1-4)	239	85. Yarimtepe II. Clay painted bowls (1-4)	239
86. Ярымтепе II. Глиняные расписные чаши (1-7)	240	86. Yarimtepe II. Clay painted bowls (1-7)	240
87. Ярымтепе II. Глиняные расписные чаши (1-6)	240	87. Yarimtepe II. Clay painted bowls (1-6)	240
88. Ярымтепе II. Глиняные расписные чаши (1-8)	241	88. Yarimtepe II. Clay painted bowls (1-8)	241
89. Ярымтепе II. Расписные сосуды (1-6)	242	89. Yarimtepe II. Painted vessels (1-6)	242
90. Ярымтепе II. Расписные чаши (1-9)	243	90. Yarimtepe II. Painted bowls (1-9)	243
91. Ярымтепе II. Расписные чаши (1-4)	244	91. Yarimtepe II. Painted bowls (1-4)	244
92. Ярымтепе II. Расписные чаши (1-8)	245	92. Yarimtepe II. Painted bowls (1-8)	245
93. Ярымтепе II. Фрагменты глиняных чаш (1-8)	247	93. Yarimtepe II. Shreds of clay bowls (1-8)	247

Список иллюстраций

94. Ярымтепе II. Глиняные миски и тарелки (1—12)	248	94. Yarimtepe II. Clay basins and plates (1—12)	
95. Ярымтепе II. Фрагменты глиняных расписных мисок и тарелок (1—6)	248	95. Yarimtepe II. Fragments of clay painted basins and plates (1—6)	
96. Ярымтепе II. Глиняные расписные сосуды (1—3)	249	96. Yarimtepe II. Clay painted vessels (1—3)	
97. Ярымтепе II. Глиняные горшки с росписью (1—3)	249	97. Yarimtepe II. Clay jars with paintings (1—3)	
98. Ярымтепе II. Антропоморфный глиняный сосуд	252	98. Yarimtepe II. Anthropomorphic clay vessel	
99. Ярымтепе II. Зооморфный глиняный сосуд	253	99. Yarimtepe II. Zoomorphic clay vessel	
100. Ярымтепе II. Фрагменты расписных сосудов (1—11)	255	100. Yarimtepe II. Fragments of painted vessels (1—11)	
101. Ярымтепе II. Фрагменты расписных сосудов (1—8)	257	101. Yarimtepe II. Fragments of painted vessels (1—8)	
102. Ярымтепе II. Фрагменты расписных сосудов (1—10)	257	102. Yarimtepe II. Fragments of painted vessels (1—10)	

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

МИА	Материалы и исследования по археологии СССР	JNES	Journal of Near Eastern Studies. Chicago
МОИП	Московское общество испытателей природы	MMAUM	Memoirs of the Museum of Anthropology University of Michigan. Ann Arbor
СА	Советская археология	MMAI	Mémoires de la Mission archéologique en Iran. Paris
AAA	Annals of Archaeology and Anthropology. Liverpool	PNAS	Proceedings of the National Academy of Sciences of USA
AJA	American Journal of Archaeology	PPS	Proceedings of the Prehistoric Society. London
BASOR	Bulletin of American schools of Orient research	SAOC	Studies in Ancient Oriental Civilization. Chicago
CDFI	Cahiers de la Delegation Archéologique Française en Iran. Paris		

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

НАХОДКИ КУЛЬТУРНЫХ РАСТЕНИЙ НА РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ЯРЫМТЕПЕ I И ЯРЫМТЕПЕ II В СЕВЕРНОМ ИРАКЕ

Ф. Х. Бахтеев, З. В. Янушевич

За последние два десятилетия достигнуты значительные успехи в изучении растительных остатков на первобытных земледельческих поселениях Ближнего Востока. Однако полученные сведения не являются исчерпывающими. Остается много нерешенных проблем, касающихся филогении важнейших культурных растений, в особенности пшеницы и ячменя¹.

В этой связи представляют интерес материалы, добытые Советской археологической экспедицией при раскопках комплекса Ярымтепе в Северном Ираке. Обугленное зерно обнаружено в различных местах раскопок, в слоях, датируемых VI—V тысячелетиями до н. э. (Ярымтепе I и Ярымтепе II).

В Ярымтепе I в каждой из пяти находок, принадлежащих различным местонахождениям, основным компонентом является ячмень. Небольшую примесь среди зерна ячменя составляет пшеница (табл. 1).

По всем признакам большинство зерновок ячменя принадлежало пленчатым формам. Хотя чешуи их в значительной степени обуглились, но у многих зерновок сохранились обрывки их, хорошо заметна типичная перламутровая окраска на теле зерновок. Брюшная бороздка, расширяющаяся к вершине, также весьма характерна для пленчатых форм.

Наряду с этим в каждой из находок зафиксировано наличие зерновок, принадлежащих голозерным формам.

Поверхность тела их гладкая, а брюшная бороздка одинаковой ширины на всем ее протяжении.

И пленчатые, и голозерные зерновки неоднородны как по размерам, так и по морфологии.

Основное количество пленчатых зерновок по размерам следует отнести к средним (табл. 2). Несколько зерновок выделяется особенно крупными размерами. По форме пленчатые зерновки делятся на три категории: удлиненные, узкие симметричные (рис. 1, а); овальные или ромбовидные, часто с признаками асимметрии (рис. 1, б); овальные со следами плодоножки у основания (рис. 1, в). Все зерновки голозерного ячменя более мелкие, чем пленчатого (табл. 2), по форме они овальные, иногда почти округлые, часто также асимметричные (рис. 1, г).

Полученные материалы дают основание заключить, что основным компонентом найденных остатков ячменя был пленчатый многорядный ячмень (*Hordeum vulgare* L.) с плотным сложением колоса. Кроме него, в виде примеси в популяции присутствовал двурядный ячмень (*Hordeum distichon* L.), а также голозерный, многорядный, с плотным сложением

Приложения

Таблица 1. Обугленные злаки из отдельных образцов, добытых в Ярымтепе I

Образцы	Слой и место нахождения зерна	Видовая принадлежность	Количество зерновок
1	IV, 47/31	Ячмень пленчатый (<i>Hordeum vulgare</i> L.)	29
		Ячмень голозерный (<i>H. vulgare</i> L., <i>nudum</i>)	2
		Двузернянка (<i>Triticum dicoccum</i> Schrank)	4
		Двузернянка (спельта) (<i>T. dicoccum</i> (<i>spelta</i>))	2
		Пшеница твердая (мягкая) (<i>T. durum</i> (<i>aestivum</i>))	2
2	V, 67a	Ячмень пленчатый (<i>H. vulgare</i> L.)	170
		Ячмень голозерный (<i>H. vulgare</i> L., <i>nudum</i>)	11
		Пшеница твердая (мягкая) (<i>T. durum</i> (<i>aestivum</i>))	1
3	VI, 47a/57a	Ячмень пленчатый (<i>H. vulgare</i> L.)	14
		Ячмень голозерный (<i>H. vulgare</i> L., <i>nudum</i>)	1
		Двузернянка (<i>T. dicoccum</i> Schrank)	10
		Спельта (двузернянка) (<i>T. spelta</i> (<i>dicoccum</i>))	2
		Пшеница твердая (мягкая) (<i>T. durum</i> (<i>aestivum</i>))	1
4	VI, 46a/47c	Ячмень пленчатый (<i>H. vulgare</i> L.)	33
		Ячмень голозерный (<i>H. vulgare</i> L., <i>nudum</i>)	3
5	17a	Ячмень, пшеница	1
		Видовая принадлежность трудно определима, так как зерновки разрушены	—

колоса. Об этом свидетельствуют относительно короткие асимметричные зерновки (*Hordeum vulgare* v. *nudum*).

Особый интерес представляет наличие в Ярымтепе зерновок со следами плодоножек, что свойственно боковым зерновкам в триплетах многорядного *Hordeum lagunculiforme* Bacht.

Наличие зерновок такого типа свидетельствует о присутствии архаичной формы ячменя, являющейся промежуточным звеном между дикорастущим *Hordeum spontaneum* C. Koch et. Bacht. и культурным многорядным *Hordeum vulgare* L.

Среди зерновок пшеницы идентифицированы: двузернянка (*Triticum dicoccum* Schrank) — зерновки удлинённые с заостренными вершиной и основанием, горбатые, асимметричного строения (рис. 2, а). Имеется несколько зерновок, напоминающих по форме спельту (*T. spelta* L.), — с широкой вершиной и суженным основанием. Однако так как зерновок такого рода мало и нет подтверждающего их видовую принадлежность колосового материала, то условно мы их отнесли к *Triticum dicoccum* (*spelta*) (рис. 2, б).

Третья категория зерновок пшеницы — это относительно крупные горбатые зерновки с широким основанием и более узкой вершиной (рис. 2, в). По морфологии они напоминают зерновки твердой пшеницы (*T. durum* Desf.). Но так как лишь по зерновкам в обугленном виде отличить мягкую пшеницу от твердой весьма трудно, то мы условно отнесли эти зерновки к категории *T. durum* (*aestivum*). Наличие голозерной пшеницы среди обугленных остатков зерна во всяком случае не вызывает сомнения. Но каков был ее удельный вес в посевах, пока остается неясным, так

Приложение 1

Таблица 2. Размеры зерновок ячменя из слоев Ярымтепе I

Образцы	Разновидности	Средние размеры (мм)			Индекс L/B	Индекс, %		
		длина	ширина	толщина		100. В	100. Т	100. Т
		L	B	T		L	L	B
1	Пленчатый	6,55	3,10	2,25	2,14	46,6	33,8	72,6
	Голозерный	5,40	3,25	2,15	1,66	60,2	39,8	66,1
2	Пленчатый	5,50	3,00	2,10	1,83	54,5	38,2	70,0
	Голозерный	4,30	3,30	2,00	1,30	76,7	46,5	60,6
3	Пленчатый	5,80	2,55	1,90	2,27	44,0	32,8	82,3
	Голозерный	4,70	2,70	2,10	1,74	57,7	44,7	77,8
4	Пленчатый	5,70	3,00	2,00	1,90	52,6	35,1	66,7
	Голозерный	4,80	3,50	2,00	1,37	72,9	45,9	57,1

Таблица 3. Размеры зерновок пшеницы из слоев Ярымтепе I

Образцы	Виды	Средние размеры (мм)			Индекс L/B	Индекс, %		
		длина	ширина	толщина		100. В	100. Т	100. Т
		L	B	T		L	L	B
1	Двузернянка	5,20	2,20	2,40	2,36	42,3	46,2	109,1
	Двузернянка (спелая)	5,50	2,50	2,50	2,20	45,5	45,6	100,0
	Твердая (мягкая)	5,25	2,90	2,60	1,81	55,2	49,5	89,6
3	Двузернянка	4,98	2,25	2,05	2,21	45,2	41,2	91,1
	Двузернянка (спелая)	4,40	2,30	1,80	1,91	52,4	40,9	78,3
	Твердая (мягкая)	4,30	3,00	2,30	1,43	69,7	53,5	76,7

как зерновки в находках лишь единичные. Все зерновки пшеницы относительно мелкие, несколько более крупные в образце № 1 и значительно мельче в образце № 3 (табл. 3).

Основным возделываемым растением на поселении в VI тысячелетии до н. э. был ячмень.

Находки из слоев Ярымтепе II, датированных V тысячелетием до н. э., более обильны. Количество зерна в некоторых образцах больше, чем в находках из слоев Ярымтепе I, а сохранность его значительно лучше. Здесь, как и среди материалов из Ярымтепе I, основным компонентом является ячмень. Зерновки его имеются в шести находках из семи (табл. 4). Причем в четырех местах нахождения он был в чистом виде, без примесей других культурных растений, а также без сорняков. Одна из находок (№ 1-А) довольно значительна — 42 куб. см чистого зерна; большим числом зерновок представлен и образец № 1-Б. В толосе XXII ячмень был примесью среди зерновок пшеницы, одна зерновка ячменя присутствует также среди нескольких зерновок пшеницы в малочисленной находке из квадрата 16, у очага.

Пшеница найдена в четырех местах, но численность ее зерновок в находках меньше по сравнению с численностью зерновок ячменя. В находке № 1-Г у бровки 6 пшеница представлена в чистом виде (73 зернов-

Приложения

Таблица 4. Обугленные злаки из отдельных образцов, добытых в Ярымтөпө II

Образцы	Место нахождения образца, глубина	Видовой состав находки	Количество зерна	Наличие семян сорняков
1	№ 1-А	Ячмень пленчатый многорядный (<i>H. vulgare</i> L.) Ячмень бутылковидный (<i>H. lagunculiforme</i> Bacht.) Ячмень голозерный (<i>H. vulgare</i> v. <i>nudum</i>)	42 куб. см	Нет
2	18b, толос XXII, 1,50—1,70 м	Ячмень пленчатый многорядный (<i>H. vulgare</i> L.) Пшеница спельта (<i>T. spelta</i> L.) Пшеница двузернянка (<i>T. dicoccum</i> Schrank) Пшеница типа мягкой (<i>T. cf. aestivum</i> L.)	20 штук 65 » 2 » 1 »	Нет
3	Квадрат 23, центр, 1,20 м	Ячмень голозерный (<i>H. vulgare</i> v. <i>nudum</i>) Пшеница двузернянка (спельта) (<i>T. dicoccum</i> (<i>spelta</i>))	30 » 1 »	Нет
4	Квадрат 23с, 1,40 м	Ячмень голозерный (<i>H. vulgare</i> v. <i>nudum</i>)	65 »	Нет
5	№ 1-Б	Ячмень пленчатый многорядный (<i>H. vulgare</i> L.) Ячмень бутылковидный (<i>H. lagunculiforme</i> Bacht.)	14 куб. см	Нет
6	№ 1-Г, 18b, бровка 6, 1,50—1,85 м	Пшеница двузернянка (<i>H. dicoccum</i> Schrank) Пшеница спельта (<i>T. spelta</i> L.)	60 штук 13 »	Нет
7	16, у очага, 1,80—2,00 м	Пшеница двузернянка (<i>T. dicoccum</i> Schrank) Пшеница спельта (<i>T. spelta</i> L.) Пшеница типа мягкой (<i>T. cf. aestivum</i> L.) Ячмень пленчатый (<i>H. vulgare</i> L.)	4 » 3 » 3 » 1 »	Нет

ки), в толосе XXII она преобладает (примесь ячменя здесь составляет 25%), а в двух остальных находках (квадраты 23 и 16) она представлена лишь в виде единичных зерновок.

В находках № 1-А, 1-Б и в толосе XXII преобладают пленчатые формы ячменя. Об этом свидетельствуют сохранившиеся остатки чешуй или же следы характерного жилкования последних на теле зерновок. Типична также форма зерновок, в особенности очертания брюшной бороздки — она широкая, расширяющаяся к вершине зерновки. В квадрате 23 обнаружены голозерные формы ячменя, незначительная примесь голозерных зерновок зафиксирована в образцах № 1-А и 1-Б.

Пленчатые зерновки из образцов № 1-А и 1-Б можно разделить на несколько категорий: удлиненные симметричные (рис. 3, а); удлиненные

Приложение 1

Таблица 5. Размеры зерновок ячменя из слоев Ярымтене II

Об-разцы	Горизонт, слой	Вид	Средние размеры (мм)			Индекс	Индекс, %		
			длина	ширина	толщина		100. В	100. Т	100. Т
1	№ 1-А	Пленчатый многорядный	6,09	3,11	2,27	1,96	51,07	37,27	72,99
		Бутылковидный	6,30	3,14	2,29	2,01	49,8	36,35	73,00
2	18b, толос XXII	Пленчатый многорядный	5,53	3,08	2,25	1,79	55,70	40,70	73,05
3	Квадрат 23 — центр	Голозерный	6,55	3,33	2,21	1,97	50,84	44,70	66,37
4	Квадрат 23с	Голозерный	6,28	3,05	2,18	2,06	48,60	34,71	71,47
5	№ 1-Б	Пленчатый многорядный	5,97	3,04	2,23	1,96	50,92	37,85	74,39
6	№ 1-Б	Бутылковидный	6,10	3,06	2,11	1,99	50,16	34,59	68,95
7	Квадрат 16	Пленчатый многорядный	5,50	2,8	2,0	1,96	50,91	36,36	71,48

асимметричные (рис. 3, б); ромбовидные асимметричные (рис. 3, в); овальные, или мешковидные, симметричные (рис. 3, д).

Кроме того, среди пленчатых зерновок имеются зерновки со следами плодоножек у основания, т. е. бутылковидные, такие же, как были найдены в слоях VI тысячелетия до н. э. (рис. 4). Но бутылковидных зерновок здесь значительно больше. Среди зерновок образца № 1-А выделены 62 зерновки с сохранившимися следами плодоножки. Однако, по-видимому, таких зерновок здесь было значительно больше, так как у части зерновок в результате обугливания плодоножки могли быть утеряны. Об этом свидетельствует форма тела многих зерновок — она типична именно для данного вида: слегка асимметричная, обратнойцевидной формы, более широкая у вершины и плавно суживающаяся к основанию, удлиненная. Такие зерновки зафиксированы в большом числе в этих находках. Зерновки же симметричные, без следов плодоножек, по-видимому, принадлежали центральному «сидячим», т. е. лишенным ножек, колоскам в триплетях многорядного бутылковидного ячменя. Но так как четкой границы между обугленными зерновками первого и второго типов, т. е. имеющими плодоножки и лишенными их, провести чрезвычайно трудно, то мы условно разделили пленчатые зерновки названных находок как на принадлежащие к виду обычного многорядного (*H. vulgare* L.) и бутылковидного (*H. lagunculiforme* Bacht).

Зерновки ячменя, найденные в квадрате 23, центр, и квадрате 23с, отличаются по форме от зерновок остальных находок. Они почти все асимметричные удлиненные, овальные. Брюшная бороздка узкая, одинаковой ширины на всем ее протяжении, площадь зародыша большая, но сами зародыши почти все выпали. На спинной стороне каждой зерновки имеется четкая продольная линия (углубление), идущая от вершины зерновки к зародышу (рис. 5). Зерновки относительно крупные, среди них имеется несколько экземпляров длиной более 7 мм и максималь-

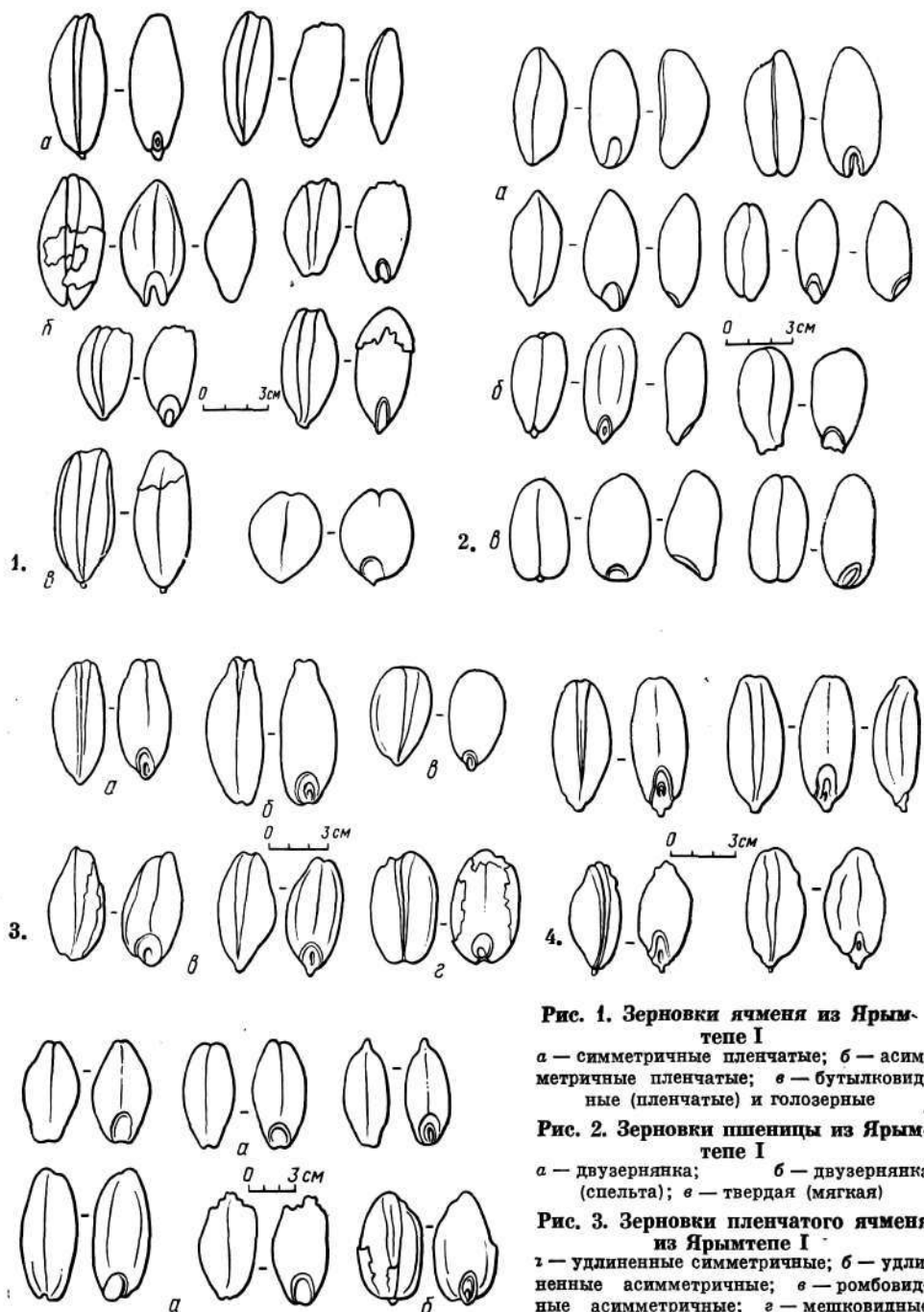

Рис. 5. Зерновки ячменя из квартала 23 Ярымтепе II
а — голозерные; б — пленчатая

Рис. 1. Зерновки ячменя из Ярымтепе I
а — симметричные пленчатые; б — асимметричные пленчатые; в — бутылковидные (пленчатые) и голозерные

Рис. 2. Зерновки пшеницы из Ярымтепе I
а — двузернянка; б — двузернянка (спельта); в — твердая (мягкая)

Рис. 3. Зерновки пленчатого ячменя из Ярымтепе I
а — удлиненные симметричные; б — удлиненные асимметричные; в — ромбовидные асимметричные; г — мешковидные симметричные

Рис. 4. Зерновки бутылковидного ячменя (с остатками плодоножек у основания) из Ярымтепе II

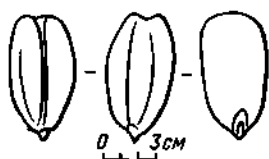

Рис. 6. Зерновка спелты из Ярым-тепе II (вид с брюшной и спинной сторон)

Рис. 7. Обломки колоска спелты, выделенные из обломки из Ярым-тепе II

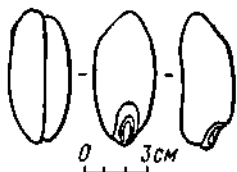

Рис. 8. Зерновки двузернянки из Ярымтепе II (вид с брюшной, спинной и боковой сторон)

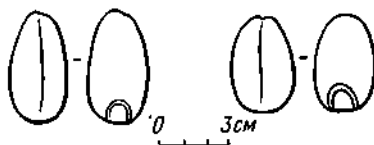

Рис. 9. Зерновки типа мягкой пшеницы из Ярымтепе II (вид с брюшной и спинной сторон)

ной — 8 мм. Средняя длина у них наибольшая по сравнению с длиной зерновок из остальных находок (табл. 5). По всем признакам найденные зерновки следует отнести к голозерному ячменю (*H. vulgare v. nudum*).

Зерновки, находившиеся в толосе XXII, наиболее короткие и относительно широкие. Величины индексов, приведенные в табл. 5, отражают эти показатели. Величина L/B , отношение длины к ширине, здесь наименьшая, а величины $\frac{100 \cdot B}{L}$ и $\frac{100 \cdot T}{L}$ — наибольшие. Имеются зерновки с признаками асимметрии. Зерновок со следами плодоножек не найдено. По всем признакам это был пленчатый многорядный ячмень (*H. vulgare L.*).

Таким образом, полученные данные дают основание заключить, что в Ярымтепе II присутствует пленчатый многорядный и голозерный ячмень. Пленчатый многорядный ячмень в свою очередь представлен двумя видами: обычным (*H. vulgare L.*) и бутылковидным (*H. lagunculiforme Bacht*). Не исключено присутствие и пленчатого двурядного ячменя (*Hordeum distichon L.*), но количественно определить его без наличия колосового материала не представляется возможным. Судя по численности зерновок в отдельных находках, пленчатый многорядный ячмень типа бутылковидного имел наибольшее распространение на поселении. Голозерный ячмень из Ярымтепе II по размерам и морфологии зерновок отличается от голозерного ячменя из слоев Ярымтепе I: зерновки первого крупные, удлиненные овальные, что говорит о принадлежности их рыхлоколосым формам. Представлен голозерный ячмень в виде отдельной популяции, что свидетельствует о наличии сортовых посевов ячменя.

Пшеница в Ярымтепе II представлена тремя видами: двузернянкой, спелтой и голозерной типа мягкой.

Наличие спелты на поселении явствует из следующих показателей. Имеются хорошо сохранившиеся зерновки с признаками характерного

Таблица 6. Размеры зерновок пшеницы из слоев Ярымтее II

Об-разцы	Горизонт, слой	Виды	Средние размеры (мм)			Индекс L/B	Индексы, %		
			длина	ширина	толщина		100. В	100. Т	100. Т
			L	B	T		L	L	B
2	18b, толос XXII	Спельта	5,43	2,82	2,41	1,92	51,93	44,40	85,46
		Двузернявка	6,00	2,90	2,00	2,07	48,33	33,33	68,96
		Мягкая	4,60	2,60	2,10	1,77	56,52	45,65	80,80
3	Квадрат 23	Двузернявка (спельта)	5,50	2,90	2,00	1,90	52,73	36,36	68,96
6	№ 1-Г, 18b	Двузернявка	5,86	2,74	2,31	2,14	46,75	39,42	84,31
		Спельта	5,80	3,00	2,33	1,93	51,72	40,17	77,70
7	Квадрат 16	Двузернявка	5,30	2,90	2,00	1,83	54,72	37,73	68,96
		Спельта	6,00	3,00	2,50	2,00	50,00	41,70	83,30
		Мягкая	4,00	2,50	2,00	1,60	62,50	50,0	80,0

строения, отличающиеся от зерновок других видов пленчатых пшениц, а также от зерновок голозерных видов. У них весьма характерный морфологический облик: широкая тупая вершина и узкое, плавно сбегающее основание, они слегка асимметричны, горбаты, на теле их имеются продольные углубления и складки — следы жилкования чешуй. Весь морфологический облик найденных зерновок весьма своеобразен и повторяется во всех находках (рис. 6). Если зерновки спельтовидного строения, зафиксированные в двух находках из Ярымтее I, были лишь в виде единичной примеси, то в Ярымтее II они присутствуют в значительном количестве и в хорошо сохранившемся виде.

Обугленные зерновки спельты описаны Х. Хелбеком, а также К. Вассиликовой для материалов с территории Европы, но значительно более позднего времени². Данные ими критерии для определения обугленных зерновок спельты совпадают с приведенными описаниями зерновок из Ярымтее. Оба автора подчеркивают, что у спельты ширина зерновок всегда больше у вершины; они узкие у основания (в зоне зародыша).

Однако наиболее убедительные сведения при идентификации спельты дает колосовый материал. Такого рода остатки были выделены нами при анализе фрагментов слабообожженной обмазки из Ярымтее II³. При осторожном ее дроблении обнаружены членики стержня колоса и несколько оснований колосков «вилочек» и чешуй характерного строения (рис. 7). Эти остатки в совокупности с найденными зерновками подтверждают наличие спельты на поселении.

Наличие на поселении двузернянки не вызывает сомнения. В образце № 1-Г она преобладает. Зерновки ее весьма характерного строения, удлиненные, асимметричные, горбые, с заостренными вершиной и основанием, отличаются от зерновок спельты (рис. 8—11). И лишь в некоторых случаях при плохой сохранности материала зерновки обоих видов бывают трудноразличимы, как это имело место при анализе материалов из Ярымтее II.

Кроме того, найденное зерно (образец № 1-Г) свидетельствует о возделывании пленчатой пшеницы (полбы) в чистом виде. Причем основ-

ным компонентом популяции в этой находке является двузернянка, а спелта присутствует лишь в виде примеси. Зерно, находившееся в толосе XXII, представляет картину обратную. Здесь основным компонентом является спелта, а ячмень и двузернянка — лишь примесь.

Состав этих двух находок пшеницы доказывает, что на поселении были разделены посевы спелты и двузернянки.

Голозерная пшеница в количествах, свидетельствовавших бы о ее возделывании в чистом виде, на поселении не встречена. Она представлена лишь как незначительная примесь в зерне пленчатых пшениц. Зерновки ее характерного вида представлены на рис. 9.

По размерам зерновки пшеницы и ячменя из слоев Ярымтепе II в некоторых находках превышают зерновки, найденные в слоях Ярымтепе I, а в некоторых образцах остаются почти на том же уровне.

В одном случае зерновки ячменя из Ярымтепе I (образец 1, табл. 2) были более крупными, чем в находках с самыми крупными зерновками из Ярымтепе II (табл. 5).

Величины соответствующих индексов у всех зерновок пленчатого ячменя близки у образцов как из Ярымтепе I, так и из Ярымтепе II. То же относится и к зерновкам пшеницы — индексы их соответствуют видовым признакам. Наблюдаются заметные отличия в величине их у зерновок пленчатой и голозерной пшеницы. Но у одних и тех же видов из различных слоев величины их находятся на близком уровне (табл. 3; 6). Размеры и индексы зерновок голозерного ячменя из слоев Ярымтепе I и Ярымтепе II резко различны, что говорит о принадлежности их совершенно обособленным разновидностям.

Данные о размерах зерновок пленчатого ячменя и пшеницы в находках свидетельствуют о том, что экологические условия, а также агротехника выращивания посевов оставались на поселении длительное время на близком уровне. Такой признак, как крупность зерна, искусственный отбор не подхватывал. Однако он определенно имел место, о чем свидетельствует появление одновидовых популяций пшеницы и ячменя в слоях V тысячелетия до н. э., а также появление совершенно новой разновидности голозерного ячменя с крупными овальными зерновками.

На основании палеоботанических находок в Ярымтепе можно заключить, что земледелие в Синджарской долине не было заимствованным, а развивалось на месте.

Основой для него послужили дикорастущие злаки и в первую очередь *Hordeum spontaneum* C. Koch *et* Bacht., произрастающий в естественных сообществах в Северной Месопотамии и в настоящее время⁴.

На поселении Ярымтепе, в условиях, датируемых VI тысячелетием до н. э., обнаружены прототипы основных видов культурных злаков: пленчатая и голозерная пшеница, пленчатый двурядный и многорядный ячмень, голозерный ячмень.

Перечисленные виды во всех находках представлены не в чистом виде, а в смеси. Основной фон популяций составлял пленчатый многорядный ячмень.

На основании находок из слоев более позднего времени, датируемых V тысячелетием до н. э., можно говорить о значительных сдвигах, происходивших в развитии земледелия и растениеводства на поселении. Об этом свидетельствует наличие сложившихся отселектированных популяций культурных злаков, ячменя и пшеницы, причем преимущественно

Рис. 10. Ячмень и пшеница из поселений Ярымтөпә I (1—4) и II (5)
1 — зерновки пленчатого ячменя, слой IV, 47/31; 2 — то же, слой V, 67a; 3 — голозерный ячмень, слой V, 67a; 4 — зерновки пшеницы (a — вид с брюшной стороны; б — вид со спинной стороны); 5 — пленчатый ячмень, образец I-A

одновидовых, которые возделывались на отдельных полях в чистом виде. Абсолютное отсутствие семян сорняков говорит о тщательно проводившейся прополке посевов, а может быть, и об очистке семян.

Ячмень продолжал оставаться основной возделываемой культурой на поселении и в I тысячелетии до н. э. Значительный удельный вес ячменя в посевах на поселении может быть объяснен тем, что он использовался не только как пищевое растение, но, очевидно, и как основной концентрированный корм для сельскохозяйственных животных.

Присутствие спелты в Ярымтепе вносит новые сведения в ее историю. Ведь на других древних поселениях Ближнего Востока спелта до сих пор не была обнаружена. На основании этого Х. Хелбек говорит о неясности ее происхождения и предполагает, что возникла она в Европе, в результате спонтанной гибридизации *T. aestivum*, *T. dicoccum*. Далее, он полагает, что в период железного века спелта из Европы проникла в Малую Азию, а позже римлянами была перенесена в другие средиземноморские страны⁵.

Присутствие спелты в Ярымтепе, причем в слоях VI и V тысячелетий до н. э., подтверждает переднеазиатское ее происхождение, о чем впервые высказал предположение Н. И. Вавилов⁶. Кроме того, находка проливает свет на филогенетические ее связи. По данным некоторых генетических исследований, спелта могла возникнуть на основе гибридизации тетраплоидных видов пшеницы и в первую очередь дикой двузернянки с видом эгилопса — *Aegilops squarrosa*⁷. Подобный синтез мог совер-

Рис. 11. Спелта и двузернянка из поселения Ярымтепе II

1 — зерновки спелты (толос XXIIb); 2 — спелта, образец I-G; 3 — зерновки спелты (вид со спины), толос XXIIb; 4 — зерновки двузернянки, образец I-G

шаться лишь в определенном районе Передней Азии, а именно — на территории, охватывающей районы Закавказья, Северо-Западного Ирана и частично Северного Ирака, так как именно здесь ареалы названных видов совпадают.

Находки в Ярымтепе пленчатого многорядного ячменя с бутылковидными (снабженными плодоножками) зерновками вносят новые сведения в филогению и культурного ячменя.

В результате многочисленных исследований палеоботанических материалов на Ближнем Востоке Х. Хелбек пришел к выводу, что многорядный пленчатый ячмень возник мутационным путем от двурядного пленчатого (культурного) при переходе земледелия из горных районов в крупные речные долины, в условия ирригации¹.

В результате действия повышенной влажности стерильные боковые колоски двурядных форм превратились в фертильные.

Ф. Х. Бахтеев иного мнения. Он полагает, что многорядный ячмень возник как и двурядный от дикого *H. spontaneum* C. Koch em. Bacht., в популяциях которого имеются особи как со стерильными, так и с фертильными боковыми колосками².

Такие формы, как показали исследования автора, встречаются и среди современных естественных популяций этого вида, причем боковые колоски в триплетах всегда снабжены плодоножками.

Таким образом, находка многорядного ячменя и именно архаичной его формы, близкой по морфологии к исходному дикорастущему многорядному *H. spontaneum* v. *lagunculiforme*, в условиях межгорной долины, где не было ирригации, подтверждает правильность второй концепции.

Кроме того, полученные данные о культурных растениях из комплекса Ярымтепе согласуются с теорией Н. И. Вавилова о возникновении земледелия в горных условиях, а наличие в раннеземледельческой культуре одновременно двух- и шестирядных форм ячменя, возникших на основе интродукции *Hordeum spontaneum* C. Koch em. Bacht., подтверждает его представление о линнеевском виде как системе многообразия наследственной изменчивости¹⁰.

В целом видовой состав растений, возделывавшихся на поселении Ярымтепе, своеобразен и отличается от состава видов, обнаруженных на других поселениях Ближнего Востока. Это, по-видимому, обусловлено особым географическим положением Ярымтепе. Поселение находится в межгорной долине, вблизи, а в прошлом, по-видимому, в зоне наложения ареалов исходных диких родичей культурных злаков.

Кроме того, поселение входит в зону Ирано-Иракского микрогенцентра культурных растений Передней Азии, относительно мало еще исследованного палеоботанически, но имеющего очень важное значение в истории возникновения и развития земледелия.

¹ Hopf M. Beobachtungen und Überlegungen bei der Bestimmung von Verkohlten Hordeum-Früchten.— Folia Quaternaria, Kraków, 1975, 46; Bakhteyev F. Kh. Present Problems of the Origin of Barley.— Folia Quaternaria, Kraków, 1975, 46; Van Zeist W. On Macroscopic Traces of Food Plants in Southwestern Asia.—

Philosophical Transactions Royal Society. London, 1976, p. 27—41.

² Helbaek H. Spelt (*Triticum spelta* L.) in bronze Age Denmark.— Acta Archaeologica, 1952; Wasylkova K. Paleoethnobotany.— Folia Quaternaria, Kraków, 1975, 46.

- ³ Янушевский З. В. Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев, 1976.
- ⁴ Zohary D. The Prigenitors of Wheat and Barley in Relation to Domistification and Agricultural Dispersal in the Old World.— In: Dumbleby G. W., Ucko P. The Domestication and Exploitation of Plants and Animals. London, 1969.
- ⁵ Helbaek H. Commentary on the Phylegenesis of Triticum and Hordeum.— Economic Botany. N. Y., 1966, v. 20.
- ⁶ Писарева В. Е. Рядом с Н. И. Вавиловым.— Сборник воспоминаний. М., 1973.
- ⁷ McFadden E. S., Sears E. R. The Artificial Synthesis of *Triticum spelta*.— Records Genetics Society of America, 1944, 13; McFadden E. S., Sears E. R. The Origin of Triticum spelta and its free-threshing Hexaploid Relatives. J. Heredity, 1946, 37(3).
- ⁸ Helbaek H. Plant Collecting, Dry-Farming and Irrigation Agriculture in Prehistoric Deh Luran.— In: Hole F., Flannery K. V., Neely J. A. Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain. An Early Village Sequence from Khuzistan, Iran. Ann Arbor, 1969.
- ⁹ Bakhteyev F. Kh. Present Problems of the Origin of Barley.— Folia Quarternaria, Kraków, 1976, 46; Van Zeist W. On Macroscopic Traces of Food Plants in Southwestern Asia.
- ¹⁰ Вавилов Н. И. Центры происхождения культурных растений.— Труды по прикладной ботанике и селекции. М., 1926, т. 16, № 2; Он же. Линнеевский вид как система. М.; Л., 1931.

Приложение 2

ЖИВОТНОВОДСТВО В СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ В V ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

(ПО МАТЕРИАЛАМ ХАЛАФСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЯРЫМТЕПЕ II)*

В. И. Бибилова

В последние десятилетия много внимания уделяется исследованию древнейших этапов становления воспроизводящего хозяйства. Успешно продолжается изучение вопросов о времени, месте и темпах начальной культивации растений и domestikации животных. Однако делается это не столько в направлении поиска новых центров возникновения растениеводства и животноводства, сколько для определения экономического потенциала их в жизнедеятельности древних человеческих сообществ в различных экологических условиях.

Особенно широкий размах приобрело изучение памятников мезолита, неолита и энеолита на Ближнем и Среднем Востоке, на территориях, издавна считавшихся колыбелью земледелия и скотоводства. И все же нельзя не отметить, что изучение органических остатков с поселений мезолита — энеолита существенно отстает от требований времени. Это касается и ископаемых фаунистических собраний. Сведения о них чаще всего отрывочны, иногда выборочны, приводятся неполные фаунистические списки, отсутствуют показатели соотношений внутри остеологических комплексов и метрические данные по отдельным видовым группам диких и домашних форм. В основном это просто предварительные публикации о находках костей животных без морфологических разработок.

Изучение постплейстоценовой фауны осложняется еще и тем, что, во-первых, остеологические остатки в виде кухонных отходов на поселениях мезолита — энеолита доходят до исследователя в раздробленном, сильно измельченном в древности состоянии, очень затрудняющем детализированные определения, а во-вторых, слабо разработаны объективные критерии, позволяющие выделять морфологические признаки, возникшие под

влиянием одомашнивания, особенно на ранних этапах приручения. Широту палеозоологических исследований ограничивают и сравнительная малочисленность костного материала из памятников мезолита — неолита — энеолита, отсутствие в них значительных по числу костей серий. Такое положение сужает сравнительно-анатомические и статистические разработки, сами исследовательские возможности.

Материал, собранный при раскопках поселения халафской культуры Ярымтепе II в Северном Ираке, в известной мере восполняет пробел в наших знаниях по энеолитической фауне Северной Месопотамии. В сезоны 1969—1972 гг. Советской археологической экспедицией на поселении были вскрыты четыре строительных горизонта, в которых наряду с многочисленными археологическими материалами были собраны остатки древней фауны и флоры¹. Остеологические материалы из Ярымтепе II переданы в Институт зоологии АН УССР, где проводилось их изучение.

За четыре года раскопок в Ярымтепе II собрано более 2500 костей животных, абсолютное большинство которых, как и положено быть «кухонным остаткам», сильно фрагментировано. Тем не менее основные материалы достаточно хорошо диагностируются, и неопределимые остатки составляют около 15%, — показатель, обычный для фаунистических собраний неолитического и особенно энеолитического возраста.

Просмотр материала по четырем горизонтам дал картину сравнительно большой однотипности остатков по сохранности их, по фаунистическому составу и количественным соотношениям видов в каждом из них. Это позволяет проводить исследование суммарно по всем четырем горизонтам.

Все собранные в Ярымтепе II костные остатки являются остатками млекопитающих: шести видов домашних животных и восьми — диких форм. Кроме того, встречен один фрагмент кости птицы. Видовой состав животных, количество костей и число особей приводятся в таблице 1.

Среди остеологического материала из Ярымтепе II абсолютно преобладают остатки домашних животных над остатками диких форм. По количеству костей домашние животные в Ярымтепе II составляют более 87%, по числу особей — более 83%. Относительное количество домашних животных по обоим показателям очень близко, что позволяет рассматривать эти данные как достаточно точно отражающие действительное состояние животноводства и охоты у населения Ярымтепе II (табл. 2; рис. 1). Такие высокие показатели для домашних форм позволяют говорить о наличии у населения Ярымтепе II хорошо развитого животноводства. Здесь практически разводились все обычные виды домашних животных: крупный рогатый скот, овца, коза, свинья, осел. Имелась собака. Лошадь — чуждый для фауны Ближнего Востока вид — не входила в состав поголовья домашних животных и в исследуемом поселении. Здесь функционально ее заменял осел. Отсутствие лошади характерно и для других поселений Ближнего Востока неолитического и энеолитического времени — Джармо, Иерихон, Чатал-Уйюк, Умм Дабагия и др.² Отсутствие лошади также отмечено в неолитических и энеолитических поселениях Южной Туркмении³. Интересно, что и в памятниках мезолита и палеолита на территории Ближнего Востока остатки лошади не встречены⁴. Отсутствие лошади в ранних памятниках Ближнего Востока позволяет исключить эту территорию из зоны поисков древнего очага domestikации этого вида.

Приложение 2

Таблица 1. Видовой состав костных остатков из поселения Ярымтепе II

Вид	Количество костей	Число особей
Крупный рогатый скот (<i>Bos taurus f. primigenius</i>)	208	18
Коза домашняя (<i>Capra hircus</i>)	160	24
Овца домашняя (<i>Ovis aries</i>)	226	40
Коза и овца, ближе неопределимые (<i>Capra hircus et Ovis aries</i>)	734	43
Свинья домашняя (<i>Sus domestica</i>)	228	23
Осел домашний (<i>Asinus domesticus</i>)	97	8
Собака (<i>Canis familiaris</i>)	24	3
Козел безоаровый (<i>Capra aegagrus</i>)	13	3
Баран дикий (<i>Ovis ammon f. gmelini</i>)	23	5
Джейран (<i>Cazella subgutturosa</i>)	186	16
Онагр (<i>Eq. (Asinus) onager</i>)	13	3
Осел или онагр, ближе неопределимые (<i>Asinus domesticus et Eq. (Asinus) onager</i>)	266	
Шакал (<i>Canis aureus</i>)	2	1
Тигр (<i>Felis tigris</i>)	1	1
Барсук (<i>Meles meles</i>)	1	1
Дикобраз (<i>Hystrix leucura</i>)	2	1
Всего млекопитающих	2184	190
Гусь (<i>Anser sp.</i>)	1	1
Недиагностичные	440	

Таблица 2. Соотношение домашних и диких животных по количеству костей и по числу особей на поселении Ярымтепе II

Животные	Количество костей	Минимальное число особей	Относительное значение	
			по количеству костей	по числу особей
Домашние	1911	159	87,5	83,7
Дикие	273	31	12,5	16,3
Всего	2184	190	100,0%	100,0%

В хозяйстве поселения Ярымтепе II наибольшее развитие имело разведение мелкого рогатого скота — овец и коз. Эти два вида составляли примерно $\frac{2}{3}$ всего поголовья сельскохозяйственных животных. По количеству костей их доля равна 59,4%, по числу особей — 68,7% (табл. 3). В Ярымтепе II отмечается явное преобладание овец над козами. По количеству костей они составляют 58,5%, по числу особей — 62,6%; козы — соответственно 41,5% и 37,4% общего количества мелкого рогатого скота. Иными словами, овец в Ярымтепе II разводилось примерно в два раза больше, чем коз (табл. 3; рис. 2).

Три остальных вида сельскохозяйственных животных в Ярымтепе II представлены значительно скромнее. Среди них наиболее многочисленна свинья. Составляя по числу особей 14,7%, она занимает третье место в

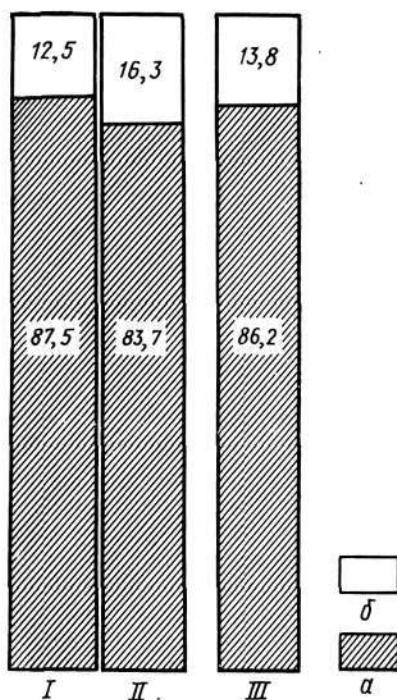

Рис. 1. Соотношение домашних и диких животных в Ярымтепе II (%)

I — по количеству костей; II — по числу особей; III — по выходу мяса
а — домашние животные; б — дикие

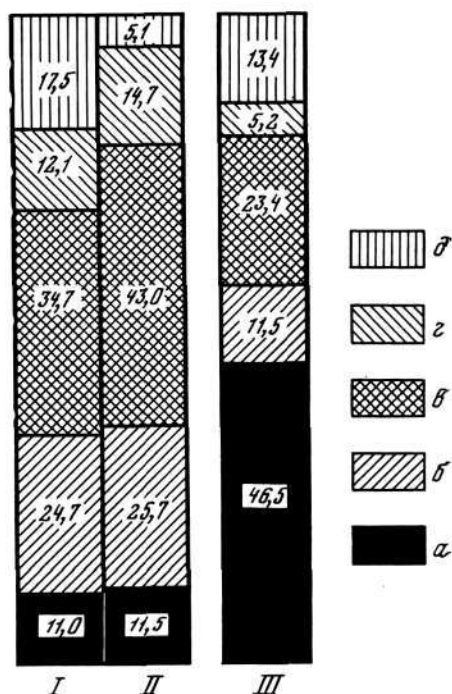

Рис. 2. Соотношение сельскохозяйственных видов и относительные размеры выхода мясной продукции в Ярымтепе II (%)

I — по количеству костей; II — по числу особей; III — по выходу мяса
а — крупный рогатый скот; б — коза; в — овца; г — свинья; д — осел

стаде домашних животных. Однако количество костных остатков этого вида невелико. Такое положение определяется степенью сохранности костей — очень плохой у свиньи, представленной главным образом остатками молодых особей. Несколько меньшим количеством костей и особей в Ярымтепе II представлен крупный рогатый скот — 18 особей, или 11,5% всего поголовья. Наиболее бедно представлен осел, на долю которого приходится всего 5% общего числа особей сельскохозяйственных животных⁵.

Сопоставление объемов получаемой от сельскохозяйственных животных продукции (мяса) отражает экономическое значение каждого из них, но дает существенно иные соотношения видов (табл. 3). Выход мясной продукции подсчитывался согласно данным зоотехники из расчета половины живого веса животного. Для установления этой величины мы брали среднее живого веса ряда примитивных пород крупного и мелкого рогатого скота степных и полупустынных районов — монгольской, казахской, киргизской, украинской⁶. В Ярымтепе II наибольшее количество мясной продукции давал крупный рогатый скот — 46,5% общего вы-

Приложение 2

Таблица 3. Соотношение сельскохозяйственных животных и примерный выход мясной продукции на поселении Ярымтепе II

Вид	Количество костей		Число особей		Из них молодых		Живой вес одного животного (кг)	Примерное количество мяса (кг), полученное		Выход мясной продукции (%)
	абс.	%	абс.	%	абс.	%		от одной особи	от общего числа особей	
Крупный рогатый скот	208	11,0	18	11,5	7	Около 40,0	340	170	3060	46,5
Овца	655	34,7	67	43,0	6	15,0	46	23	1541	23,4
Коза	465	24,7	40	25,7	3	12,5	38	19	760	11,5
Свинья	228	12,1	23	14,7	18	78,3	30	15	345	5,2
Осел	331	17,5	8	5,1	—	—	220	110	880	13,4

хода, при значительном забое молодняка, который составлял около 40% общего числа особей данного вида. Как рабочий скот этот вид в Ярымтепе II, по-видимому, не использовался. Около 35% всей мясной продукции в Ярымтепе II давали овцы и козы. Низкий процент забоя молодняка в группе мелкого рогатого скота позволяет рассматривать овцу и козу не только как продуцентов мяса, но и как формы, разводившиеся главным образом ради получения шерсти, а также молока и кожи. Это особенно касается козы, у которой отмечается самый низкий процент забоя молодняка — 12,5% общего числа особей этого вида. Совсем малопродуктивной по выходу мяса была свинья. Молодняк среди забивавшихся животных у свиньи составлял 78,3% общего числа особей. Только небольшое количество взрослых животных, не более $\frac{1}{3}$ всего поголовья этого вида, сохранялось для воспроизводства. Небольшое количество мяса население поселка получало также и от забоя осла. Почти полное отсутствие костей молодых особей этого вида позволяет предполагать, что осел использовался как ездовое и вьючное животное. Последний вид из домашних животных — собака, представленная небольшим количеством костей, судя по состоянию костных остатков, в пищу не употреблялась. Собака, несомненно, несла сторожевую службу по охране стада и, вероятно, использовалась на охоте.

Анализ материалов по домашним животным дает все основания рассматривать животноводство поселения Ярымтепе II как хорошо развитую отрасль хозяйства, которая вместе с земледелием обеспечивала существование обитателей поселка.

Наряду с животноводством население Ярымтепе II занималось земледелием и охотой. Кроме того, в поселке были развиты различные домашние промыслы — например, выделка кож, на что указывают кости животных со следами обработки. Так, таранная кость быка (№ 63—3600), функциональное назначение которой установлено Г. Ф. Коробковой, имеет характерные для такого процесса следы стертости и залощенности медиальной и латеральной сторон.

Приложения

Таблица 4. Абсолютное и относительное количество мясных и немясных видов в охотничьей добыче жителей поселения Ярымтепе II

Группы видов	Число видов	Общее количество костей	Число особей	Относительное количество (%)	
				по костям	по особям
Копытные (мясные животные)	4	267	27	97,8	87,1
Хищные (немясные животные)	4	6	4	2,2	12,9
Всего	8	273	31	100,0	100,0

Таблица 5. Соотношение промысловых животных и примерный расчет мясной продукции, полученной от охоты жителями поселения Ярымтепе II

Вид	Количество костей	Число особей	Относительное количество (%)		Примерное количество мяса (кг)		
			кости	особи	от одного животного	от общего числа особей	%
Джейран	186	16	69,7	59,3	20	320	30,5
Баран дикий	23	5	8,6	18,5	35	175	16,6
Безоаровый козел	18	3	4,9	11,1	35	105	10,0
Онагр	45	3	16,8	11,1	150	450	42,9

Охота у жителей Ярымтепе II была подсобным занятием. Дикие животные по количеству костей составляют 12,5%, по числу особей — 16,3 (табл. 2). Среди остатков охотничьих животных преобладают копытные, добывавшиеся в первую очередь ради мяса. Они составляют по количеству костей 97,8%, по числу особей — 87,1% всех диких форм. Хищные животные, добывавшиеся главным образом ради шкур, меха, естественно, в поселок попадали случайно. По количеству костей они составляют всего 2,2%, по числу особей — 12,9% (табл. 4). Установление действительных размеров развития пушного промысла по имеющимся остаткам хищных животных не дает полной картины его развития на поселении и позволяет говорить только о существовании такового. На охоте добывались дикий баран, безоаровый козел, джейран, онагр, шакал, тигр, барсук, дикобраз. Из птичьих костей встречена кость гуся. Эта находка хорошо согласуется с изображениями птиц, подобных гусям, на керамике из Ярымтепе II⁷.

Главным объектом охоты у обитателей поселения являлся джейран, кости которого составляют 69,7%, а число особей — около 60% всех копытных. Остальные три вида копытных (баран, козел, онагр) представлены более или менее равномерно. На их долю приходится от 11 до 18% общего числа особей копытных (табл. 5). Приведенные соотношения отражают видовой состав фауны копытных в относительно недалеком от поселка окружении. Степная, сравнительно ровная долина определяла наличие хороших стадий для газели и менее подходящих — для онагра, тяготеющего к более засушливым, пустынным ландшафтам. Дикий баран, судя по количеству костей и числу особей, встречался примерно в два раза чаще безоарового козла. Это также позволяет определять окружение поселка как достаточно равнинные, травянистые степи. Безо-

аровый козел мог добываться в подступающих к равнине предгорьях и на высокогорных плато. В предгорных полупустынных стациях водился онагр, в засушливые сезоны, возможно, спускавшийся в долину.

Основное добавление к мясному рациону жителей поселения давали онагр и джейран, затем — дикий баран. Меньше всего мяса давал безоаровый козел.

Кости шакала и тигра попадали в поселение, очевидно, со шкурами. Так, единственная кость тигра, к тому же сильно обгоревшая, является плюсневой, нередко остающейся при шкуре. Барсук и дикобраз могли употребляться в пищу, а их жир — использоваться в лечебных целях.

На высокий уровень животноводства в Ярымтепе II указывают и формы разводившихся животных. Крупный рогатый скот представлен рогатой формой примигенного типа *Bos taurus f. primigenius*. Морфологически и остеометрически крупный рогатый скот Ярымтепе II достаточно отличается от тура, что свидетельствует о длительности существования его в одомашненном состоянии. Скот Ярымтепе II идентичен со скотом неолита и энеолита Южной Туркмении, со скотом из поселения Чатал-Уйюк в Анатолии, докерамического периода Телль ес-Султан у Иерихона, неолитического поселения Фикиртепе на побережье Босфора. Такое же сходство скота Ярымтепе II устанавливается со скотом из докерамических слоев поселения Аргисса-Магула и несколько более позднего Неа-Никомедия в Греции, а также со скотом всех культур неолита и энеолита Центральной и Юго-Восточной Европы — линейно-ленточной керамики, левдельской, Боян, Старчево-Криш, Кереш, трипольской на Украине, майкопской на Северном Кавказе⁶.

Крупный рогатый скот на всей обширной территории, прилегающей к зоне теплых внутриконтинентальных морей, в VI—IV тысячелетиях до н. э. представлял единую форму, что можно рассматривать как признак единства его развития и монофилетичности происхождения вида.

Домашние овцы Ярымтепе II морфологически сходны с местными формами субфоссиальных и современных азиатских муфлонов (*Ovis ammon orientalis* O. a. *gmelini*, O. a. *armeniana* и др.) и проявляют отличия в строении черепа от восточных форм баранов группы уриала (O. a. *cycloceros*, O. a. *vignei* и др.). Установленное на материалах из Ярымтепе II морфологическое сходство ближневосточных домашних овец с муфлонами полностью согласуется с данными краниологических исследований, широко проводившихся в последние годы. Количество хромосом (2) у всех домашних овец и у муфлонов — 54 пары, у баранов группы уриала — 58, у архаров и аргали — 56⁷. Устанавливается морфологическое сходство домашних овец Ближнего Востока, Европы и Южной Туркмении. Отсутствие на территории Европы и Средней Азии предковой формы для домашних овец указывает на непосредственное привнесение данного вида на эти территории. В обеих областях домашние овцы появились не ранее VI тысячелетия до н. э., т. е. позднее, чем они были известны в домашнем состоянии на Ближнем Востоке.

Морфологическое сходство домашних овец Ярымтепе II с местными формами муфлонов, генетическое родство последних и современных домашних овец подтверждают моноцентризм доместикации овец в области Юго-Западной Азии и монофилетичность происхождения этого вида. Не удивительно, что наиболее древние остатки доместичированных овец истречены именно в этом районе. Установленное вначале по соотношению

видов и возрастных групп мелкого рогатого скота наличие domesticiрованных овец в протонеолитическом поселении Зави-Чем-Шанидар на западных склонах Загроса, позднее было подтверждено анализом микро-структуры костей из этого древнего памятника (1870 ± 300 лет тому назад) ¹⁰.

Интересно, что второй вид этой группы скота — коза домашняя — установлен примерно для того же времени и для той же области. На поселении Асиаб в Западном Иране, датируемом IX тысячелетием до н. э., встречены кости козы с явными domestикационными признаками ¹¹.

Домашняя свинья из Ярымтепе II, судя по размерам костей, не отличается от домашних свиней из других ранних поселений Ближнего Востока и Южной Туркмении (Джармо, Фикиртепе, Анау, Геоксюр 3, 4, 6, Карадепе и др.) ¹².

Вследствие полного отсутствия сравнительных материалов по современным и субфоссиальным мелким эквидам с территории Ближнего Востока ничего нельзя сказать о форме домашнего осла из Ярымтепе II, кроме того, что он там имелся.

Основная форма животноводства в Ярымтепе II была отгонно-пастушеская с выпасом мелкого и крупного рогатого скота. Свинья и осел содержались в поселке.

Сравнительно константные условия Ближнего Востока и в частности Северной Месопотамии определили сложение и длительность существования на этой территории отгонно-пастбищного животноводства с преобладанием мелкого рогатого скота вплоть до настоящего времени.

Высокий уровень животноводства на поселении халафской культуры Ярымтепе II определен всем длительным ходом domestикационного процесса на территории Ближнего Востока. Именно здесь были впервые освоены колосковые культуры (пшеницы — однозернянка, двузернянка, карликовая, вероятно, спельта, многорядные ячмени) и найдены остатки наиболее древних domesticiрованных животных (собака, овца, коза).

В процессе становления воспроизводящего хозяйства особенно большое значение принадлежало юго-западноазиатскому центру, выделенному Н. И. Вавиловым и С. Н. Боголюбским ¹³. Это положение нашло свое полное подтверждение в палеозоологических и в палеоботанических исследованиях последних лет.

* Osteologические материалы из поселений Ярымтепе I и Ярымтепе II обрабатываются в Институте зоологии АН УССР. Здесь публикуются данные по материалам верхних горизонтов Ярымтепе II.

¹ Merpert N. Y., Munchaev R. M. Early Agricultural Settlements in the Sinjar Plain. Northern Iraq. — Iraq, 1973, v. XXXV, p. 93—113.

² Reed Ch. Osteological Evidences for Prehistoric Domestication in Southwestern Asia. — Zeitschrift für Tierzucht und Zuchtungsbiologie, 1961, Bd. 6, H. 1; Nobis G. Säugetiere in der Umwelt frühmenschlicher Kulturen. — In: Studien zur europäischen Vor- und Frühgeschichte. Neumünster, 1963; Hole F.

Flannery K. V., Neely J. A. Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain. An Early Village Sequence from Khuzistan, Iran. Ann Arbor, 1969; Bökényi S. An Early Representation of Domesticated Horse in North Mesopotamia. — Sumer, 1972, v. XXVIII; Idem. The Fauna of Umm Dabaghiyah, a preliminary report. — Iraq, 1973, v. XXXV.

³ Цакин В. И. Древнейшие домашние животные Средней Азии. Сообщение 1. Бюллетень МОИП. Отдел биологии, 1970, т. LXXV, 1; Ермолова Н. М. Новые материалы по изучению остатков млекопитающих из древних поселений Туркмении. — В кн.: Каракумские древности. Ашхабад, 1970, III.

- ⁶ *Bate D. M.* The Fossil Fauna of the Wady-el-Mughara Caves.—In: *Garrod D. M., Bate D. M.* The Stone Age of the Mount Carmel. Oxford, 1937; *Bokonyi S.* The Fauna of Umm Dabaghiyah...; *Turnbull P., Reed Ch.* The Fauna from the Terminal Pleistocene of Palegawra Cave.—*Fieldiana Anthropology*, 1974, v. 63, N 3; *Clason A. T.* Archaeological Research and the Earliest Stock-Breeding in the Near East.—*The Eastern Anthropologist*, 1974, 27, 1.
- ⁵ Распределение костей мелких эквид недостаточно твердо документировано вследствие полного отсутствия сравнительных данных по домашнему ослу и онагру с территории Ближнего Востока.
- ⁶ *Лискин Е.* Экстер'ер сельского-хозяйства тварин.—Ряданский селянин, Харьков, 1930; *Шульженко И. Ф.* Мясное хозяйство Монголии.—Труды Монгольской комиссии, 1933, № 8; *Она же.* Животноводство Монгольской Народной республики.—Труды Монгольской комиссии, 1954, 61.
- ⁷ *Merpert N. Y., Munchaev R. M.* Early Agricultural Settlements..., pl. XLVI, 4, 5.
- ⁸ *Nobis G.* Saugetiere in der Umwelt...; *Rohrs M., Herre W.* Zur ruhentwicklung der Haustiere. Die Tierreste der neolithischen Siedlung Fikirtepe am Kleinasiatischen Gestade des Bosphorus.—*Zeitschrift für Tierzucht und Zuchtungsbiologie*, 1961, Bd. 75, H. 1; *Boessneck I.* Die Tierreste aus der Argissa-Magula vom prae-ramischen Neolithikum bis zur mittleren Bronzezeit.—In: Die deutschen Ausgrabungen auf der Argissa-Magula in Thessalien. Bonn, 1962, 1; *Rodden R. I.* Excavation of the Early Neolithic Site of Nea Nokomedia, Greek Macedonia (1961 season).—*Proceedings of the Prehistoric Society*, n. s., 1962, v. XXVIII; *Müller H. H.* Die Haustiere der mitteldeutschen Bandkeramik.—*Deutsche Akademie der Wissenschaften in Berlin. Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte*. Bd 17. Naturwissenschaftliche Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte, 1964, H. 1; *Цалкин В. И.* Древнейшие домашние животные...
- ⁹ *Воронов Н. Н., Коробицына К. В., Надлер Ч. Ф., Хофман Р., Сапожников Г. Н., Горелов Ю. К.* Цитогенетическая дифференциация и границы видов у настоящих баранов (*O. s. str.*) Палеарктики.—*Зоологический журнал*, 1972, т. II, вып. 8; *Орлов В. Н., Тумуржан М., Малыгин В. М.* Каротишцы горных баранов (*O. a. przewalskii*) и домашних овец Средней Азии в связи с происхождением последних.—В кн.: Систематика и цитогенетика млекопитающих. Материалы Всесоюзного симпозиума. М., 17—19 ноября, 1975. М., 1975.
- ¹⁰ *Perkins D. Ir.* Prehistoric Fauna from Shanidar.—*Science*, 1963, 144, N 3626; *Drew I. M., Perkins D., Daly P.* Prehistoric Domestication of Animals: Effects on Bone Structure — *Science*, 1971, 171, N 3968.
- ¹¹ *Bökönyi S.* Some Problems of Animal Domestication in the Middle East.—In: Domesticationsforschung und Geschichte der Haustiere, Internationales Symposium in Budapest 1971, Akademia Klado. Budapest, 1973.
- ¹² *Reed Ch.* Osteological Evidences...; *Ермолова Н. М.* Новые материалы по изучению остатков млекопитающих...; *Цалкин В. И.* Древнейшие домашние животные...
- ¹³ *Вавилов Н. И.* Центры происхождения культурных растений.—Труды по прикладной ботанике и селекции. М., 1926, т. 16, № 2; *Воголюбский С. Н.* О путях к овладению эволюцией домашних животных.—В кн.: Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. М.; Л., 1940, т. 1.

Приложение 3

ДРЕВНЕЙШАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ МЕСОПОТАМИИ

Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев

Активные археологические исследования двух последних десятилетий на Ближнем Востоке заставили заметно «удревнить» появление здесь первых металлических изделий и вместе с тем пересмотреть вопрос о начале металлургии в целом. Ведь совсем еще недавно древнейшими медными изделиями считались находки в Силке I (V тысячелетие до н. э.), и уж во всяком случае металлургия представлялась немислимой до

появления развитого керамического производства. Поэтому открытие Д. Меллаартом медных и свинцовых изделий в некоторых горизонтах Чатал-Уйюка¹, сразу же «удревнившее» металлургию на два тысячелетия, заслуженно было воспринято как сенсация (впрочем, с этим поразительным памятником связана целая серия сенсаций!). Дальнейшие же открытия показали, что в данном аспекте Чатал-Уйюк не уникален. Металл был найден в слоях VI тысячелетия до н. э. в Хаджиларе (Западная Анатолия), Суберде (долина Коньи); бусина, свернутая из тонкого медного листа, была обнаружена в слое докерамической фазы Али Кош (VII тысячелетие до н. э.) на многослойном поселении того же названия в Хузистане (Юго-Западный Иран)². А докерамическое поселение Чайонютепези в верховьях Тигра превосходит по древности и фазу Али Кош и Чатал-Уйюк: оно датируется концом VIII — началом VII тысячелетия до н. э. Но и здесь найдены куски медной руды и медные изделия (проколки, иглы, бусы), выполненные методом холоднойковки³.

Отмеченными находками охвачена весьма значительная территория Ближнего Востока от Западной Анатолии до Хузистана. Вызывало удивление почти полное отсутствие соответствующих находок в центральной части этой территории — в Северной Месопотамии. Лишь единичные медные бусы найдены в одной из могил нижнего слоя Телль эс-Саввана, другие — также единичные — медные изделия из этого поселения не имеют четкой стратиграфической привязки, и некоторые из них скорее всего попали сюда в результате поздних перекопов⁴. В последующих слоях Телль эс-Саввана, знаменующих дальнейшее развитие самаррской культуры, достаточно достоверных металлических находок нет. Не было их и в памятниках хассунской культуры, развивавшейся в VI тысячелетии до н. э. параллельно самаррской. Прежде всего это касается самой Телль Хассуны. Ее исследователи С. Ллойд и Ф. Сафар подчеркивают отсутствие здесь меди⁵. Если они применяют по отношению к Телль Хассуне термин «протохалколит», то основания для этого дали не конкретные находки, а наблюдения общего характера над стратиграфией самой Телль Хассуны и хронологически близких памятников (прежде всего Мерсина) и отраженными этой стратиграфией культурными изменениями. «Поскольку мы склонны принять,— пишут эти исследователи,— применение Беркитом термина „неолитическая“ к эре дорасписной керамики как противостоящей непосредственно следующей за ней фазе, обозначенной им термином „протохалколитическая“, и поскольку этот мерсинский „протохалколит“ соответствует по стольким направлениям нашему хассунскому архаическому комплексу, мы приравниваем разделительную линию на высоте 9,50 в Мерсине слою Ib в Хассуне и прилагаем термин „неолит“ только к наидревнейшему поселку»⁶. Г. Чайлд также подчеркивает, что «мы не имеем прямых свидетельств о применении жителями Хассуны меди»⁷.

Более того, до последнего времени оставались весьма скудными материалы и для хронологически следующей, относящейся к V тысячелетию до н. э. халафской культуры. Лишь в позднем комплексе этой культуры в Арпачии найдены подвески и обломки булавок из меди и свинца⁸. Мелкая медная бусина найдена в соответствующем слое Чагар Базара⁹. Помимо этих единичных фактов существовали лишь предположения о металлических прототипах некоторых форм халафских чаш,

подвергшиеся обоснованной критике¹⁰. И даже находки медных долота и колечка в раннеубейдском слое XVII Тепе Гавры рассматривались А. Тоблером как изолированные, привезенные извне и заметно предшествовавшие началу халколита, с которым он связывает лишь позднеубейдский слой XIII (первая половина IV тысячелетия до н. э.). Правда, и в последнем найдено лишь единичное шило, но в дальнейшем медь присутствует уже в ряде последовательных слоев. Находки же медных изделий в халафских слоях этот исследователь рассматривает как случайные. Он не сомневается в отнесении всей халафской культуры к неолиту и даже относит к нему и большую часть следующего — убейдского — периода¹¹.

Д. Меллаарт, в отличие от А. Тоблера, не видит оснований сомневаться в позднехалафской принадлежности находок в Арпачии, но считает их «нововведением этого периода» (a novelty of the period). «Это представляется странным, — продолжает он, — в свете значительно более раннего использования меди в Чайоню, Чатал-Уйюк, Али Кош, Мухаммад Джафар и Телль эс-Савване»¹². Действительно, более тысячи лет отделяют арпачийские находки от нижнего слоя Телль эс-Саввана и более двух с половиной тысяч — от медных изделий Чайонютепези. Еще раз подчеркнем, что если для конца VIII — начала VII тысячелетия до н. э. Чайонютепези сохраняет пока характер уникального местонахождения, то в VII—VI тысячелетиях до н. э. металл известен уже в ряде областей, смежных с Месопотамией как с запада, так и с востока и отнюдь не превосходивших ее по уровню и темпу своего развития. Поэтому отмеченный разрыв и кажущееся заметное запаздывание Месопотамии в рассматриваемом аспекте представляются исторически неправомерными. Оставалось надеяться, что новые полевые исследования изменят эту вызывающую недоумение картину.

Работы Советской археологической экспедиции в Синджарской долине в значительной мере оправдали такие ожидания. Металл был зафиксирован на всех трех основных объектах раскопок — хассунском поселении Ярымтепе I, халафском поселении Ярымтепе II и дохассунском поселении Телль Сотто, безусловно предшествовавшем периоду Хассуны Ia. Находки достаточно многочисленны и представлены как изделиями, так и кусками медной руды (малахита) различных размеров — от мелких до довольно значительных¹³. Ввиду особой их важности и необходимости устранить сомнения в принадлежности их определенным слоям указанных поселений ниже будет рассмотрена каждая находка с приведением всех данных, касающихся ее стратиграфической привязки.

Находки на поселении Телль Сотто. Культурный слой поселения Телль Сотто достигает в толщину 3,80 м. Внутри него выделены четыре горизонта¹⁴. Из них верхний горизонт (первый) содержит стандартную хассунскую керамику; следующий (второй) соответствует переходу от арханческой к стандартной Хассуне; горизонт третий соответствует арханческой Хассуне и частично более раннему периоду. Наиболее важен четвертый горизонт, полностью предшествующий известным до сего времени хассунским памятникам, весьма близкий комплексу Умм Дабагии¹⁵ и знаменующий, по нашему представлению, древнейшую земледельческую культуру Джебзир — культуру Телль Сотто. Металл встречен в ходе раскопок поселения трижды.

Третий горизонт. Квадрат 10А-4, глубина 1,80 м — медная бусина, согнутая из листа, очень сильно окисленная. Найдена в архаическом хассунском слое, перекрытом сооружениями второго горизонта.

Четвертый горизонт. Квадрат 17с-1, глубина 2,10—2,30 м, две медные бусины, очень сильно окисленные, что затрудняет точное определение их формы (очевидно, близкой шаровидной). Входили в состав ожерелья, сопровождавшего погребение младенца (погребение 22). Тело, как и сопровождающий инвентарь, были помещены в типичный для культуры Телль Сотто большой грубый сосуд с подкосами ко дну и двумя орнаментальными налепами по венчику. Погребение перекрыто верхними полами четвертого горизонта, а полы в свою очередь перекрыты зольниками и остатками хозяйственных построек третьего горизонта.

Находки на поселении Ярымтене I. Металл встречен в ходе раскопок поселения 27 раз. Он представлен во всех последовательных строительных горизонтах от пятого до 12-го (первоначального). В трех горизонтах (седьмом, девятом и 11-м) найдены совместно куски малахита и изделия из него. Конкретные находки распределяются по горизонтам следующим образом.

Пятый горизонт. Участок 48а-4, глубина 3,20 м, кусок медной руды (малахита) размерами 3×2 см. Найден внутри помещения 147 строительного комплекса X.

Шестой горизонт. Участок 38d-3, глубина 4,0 м, кусок медной руды (малахита). Найден в ненарушенном слое, перекрытом развалом помещения 118 пятого горизонта.

Участок 38d-1, глубина 4,0 м, три куса медной руды (малахита). Найдены на нижнем полу большого открытого двора (площади) шестого горизонта, перекрытого строительными остатками пятого горизонта.

Седьмой горизонт. Участок 47а-3, глубина 4,20 м, медная пронизка-трубочка, согнутая из листа толщиной 0,08 см. Длина 1,5 см, диаметр 0,6—0,3 см (у одного края пронизка приплюснута). Найдена у стены печи 27 в ненарушенном слое, перекрытом полами и стенами помещения 124 (комплекс XV, шестой горизонт), которые в свою очередь перекрыты строительными остатками комплекса V (пятый горизонт).

Участок 47а-3, глубина 4,36 м, кусок медной руды (малахита). Найден в слое, уходящем под платформу комплекса XVII, перекрытого стенами и ненарушенными полами комплекса XV (шестой горизонт).

Участок 47а-1, глубина 4,42 м, кусок медной руды (малахита) размерами 3×1,5 см. Найден в прослойке, идущей с южной стороны комплекса XVII и уходящей под его стену.

Горизонт восьмой. Участок 37b-1, глубина 4,74 м, кусок медной руды (малахита). Найден в ненарушенном слое, перекрытом конструкциями седьмого горизонта комплекса XXIII.

Участок 47а-4, глубина 4,60, кусок медной руды (малахита). Найден в ненарушенном слое, перекрытом платформой седьмого горизонта под комплексом XVII.

Участок 57d-1, глубина 4,52 м, кусок медной руды (малахита). Найден в слое, перекрытом полом помещения 252 комплекса XIV (седьмой горизонт).

Участок 57а-1, глубина 4,91 м, кусок медной руды (малахита). Найден у основания стен помещения 296 комплекса XXXII, на поверхности, перекрытой зольно-угольной прослойкой, подстилающей комплекс XX.

Девятый горизонт. Участок 57а-2, глубина 5,0 м, кусок медной руды (малахита). Найден на поверхности, перекрытой слоем девятого горизонта, а выше — строительным развалом восьмого горизонта

Участок 47а-4, глубина 5,15 м, крупный кусок медной руды (малахита) размерами 4×3,5 см. Найден под рядом ненарушенных полов комплекса XXVIII (восьмой горизонт), подстилающих платформу комплекса XVII (седьмой горизонт).

Участок 47б-3, глубина 5,0 м, кусок медной руды (малахита). Найден у основания стены помещения 291 комплекса XXVIII (девятый горизонт), в развале фрагментов архаических хассунских сосудов, перекрытом полом и стенами помещения 195 комплекса XIX (восьмой горизонт).

Десятый горизонт. Участок 27а-2, глубина 5,21 м, часть медного колесика из полукруглого в сечении (4×2,5 мм) жгута. Диаметр колесика несколько более 1 см. Поверхность, на которой оно найдено, перекрыта ненарушенными полами девятого горизонта, а выше — прямоугольной постройкой 265 (восьмой горизонт).

Участок 47б-2, глубина 5,40 м, кусок медной руды (малахита). Найден в слое строительных остатков комплекса XXXIII (десятый горизонт), перекрытом конструкциями комплекса XXVIII (девятый горизонт).

Участок 47б-2, глубина 5,35 м, кусок медной руды (малахита). Найден у основания стены комплекса XXXIII.

Участок 57а-1, глубина 5,08 м, кусок медной руды (малахита). Найден у основания платформы зернохранилища комплекса XXXVI.

Участок 27а-2, глубина 5,06 м, кусок медной руды (малахита). Найден в ненарушенном слое десятого горизонта.

11-й горизонт. Участок 27с-1, глубина 5,62 м, разомкнутоконечная подвеска неправильной (близкой к кольцевидной) формы из медного жгута диаметром от 1 до 1,5 мм. Размеры подвески 10×9 мм. Найдена внутри помещения 318 (11-й горизонт), перекрытого свитой ненарушенных полов и выше — остатками помещения 234 комплекса XXV (восьмой горизонт).

Участок 27д-1, глубина 5,60 м, кусок медной руды (малахита). Найден под массивной стеной постройки десятого горизонта.

Участок 47б-4, глубина 5,61, кусок медной руды (малахита). Найден внутри помещения 335 комплекса XXXIV (11-й горизонт), у основания его стены; помещение перекрыто остатками комплекса XXXIII (десятый горизонт).

Участок 47б-3, глубина 5,49 м, кусок медной руды (малахита). Найден под основанием стены комплекса XXXIII (десятый горизонт), в заполнении помещения 329 комплекса XXXIV (11-й горизонт).

Участок 37а-3, глубина 5,50 м, кусок медной руды (малахита). Найден у основания степы 11-го горизонта, перекрытой рядом ненарушенных полов.

12-й горизонт. Участок 27д-4, глубина 5,95 м, кусок медной руды (малахита) дисковидной формы с пробитым отверстием. Диаметр 7 мм, толщина 3 мм.

Участок 47б-3, глубина 6,08 м, свинцовый браслет. Сделан из круглого в сечении свинцового прута диаметром 7—8 мм. Диаметр браслета 9,2—10 см. Браслет разомкнутоконечный. Концы завершаются бутонобразными расширениями, частично разрушенными, длина их 12 мм, толщина — 10 мм. Браслет найден на материке под стеной помещения

345 (комплекс XXXV); отпечаток браслета четко виден на подошве стены.

Находки на поселении Ярымтепе II. В халафском слое — от седьмого до девятого горизонта — в 13 случаях встречены медные изделия и куски медной руды (малахита). Ряд находок перекрыт остатками массивных построек, что делает безусловными их стратиграфические привязки. По горизонтам находки распределяются следующим образом.

Седьмой горизонт. Участок 18b—d, глубина 4,70 м, медная бусинка, сильно окислившаяся, округлых очертаний. Найдена у края южной стенки прямоугольной постройки (сооружение 244). Эта постройка была перекрыта полами крупного и многокамерного хозяйственного комплекса — сооружения 168 (табл., № 16625).

Участок 28b, глубина 4,75 м, медная овально-вытянутая подвеска. Длина 10 мм, ширина 7 мм. Обнаружена в слое под полами шестого горизонта (табл., № 16626).

Участки 18b и 19a, глубина 4,90—5,05 м, два кусочка малахита. Найдены в заполнении толоса L, перекрытого полами сооружения 168 (табл., № 16627).

Участок 29b, глубина 5 м, кусочек меди. Обнаружен в неповрежденном слое.

Участок 24a, глубина 5,0 м, три куса медной руды (малахита). Найдены на дне очага, перекрытого стенами построек шестого горизонта.

Восьмой горизонт. Участок 28b, глубина 6,0 м, кусок медной руды (малахита). Найдены на ненарушенном участке, перекрытом конструкциями седьмого горизонта.

Девятый горизонт. Участок 24a, глубина 6,50 м, два куса медной руды (малахита). Найдены в слое под полами построек седьмого горизонта.

Участок 23b, глубина 6,40 м, кусок медной руды (малахита).

Участок 28b, глубина 6,40 м, медная небольшая печать-подвеска треугольной формы (1,5×1,2 см). По внешней поверхности заштрихована резными параллельными линиями, с оборотной стороны имеются остатки обломанного ушка. Найдены под полами толоса LXVII.

Следует подчеркнуть, что на Ярымтепе II (как и на Ярымтепе I) находки встречены в ряде последовательных горизонтов, что исключает случайность и, напротив, свидетельствует о регулярности применения металла. Важно и то, что все находки связаны с нижней половиной культурного слоя, которая никак не может быть отнесена к финальному Халафу и синхронизирована с Арпачией.

В целом же приведенные факты позволяют говорить о знакомстве с металлом и наличии определенных навыков металлообработки у населения Северной Месопотамии на всех этапах развития последовательных раннеземледельческих культур — Телль Сотто, хассунской и халафской. Финальный Халаф, которому принадлежали находки в Арпачии, завершает этот период. Общая же длительность последнего весьма велика. Об этом свидетельствует уже сама мощность соответствующих слоев¹⁶. Достаточно показательны здесь и данные абсолютной хронологии.

Чрезвычайно плохая сохранность органических остатков из Телль Сотто и Умм Дабагии не позволила пока получить радиоуглеродные даты для этих памятников. Известна лишь дата образца из слоя XV поселения Телул эт Талафат, исследованного японской экспедицией в 40 км

Таблица. Химический анализ находок металла на поселениях Ярымтене I и II

Памятник	Объект	Шифр лабораторий	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Ан
Ярымтене I	Руда	2483-р	Основа	-	-	4*	-	-	-	4	2	5	5	4	-
	То же	2484-р	То же	-	-	4	-	-	-	4	2	4	5	4	-
	Браслет	16623	-	-	Основа	-	-	Есть	-	-	Следы	-	-	-	-
Ярымтене II	Колечко	16624	Основа	5	5	?	-	?	-	4	3	6	-	4	-
	Бусина	16625	То же	5	-	-	-	5	-	-	3	5	-	4	-
	Подвеска	16626	»	4	4	3	-	5	-	-	2	3	-	4	-
	Руда	16627	»	-	4	3	-	3	4	4	3	-	-	3	-
	То же	16628	»	-	?	4	-	-	-	-	2	5	-	3	-
Ярымтене I	»	16629	»	?	4	4	-	5	-	4	2	4	5	3	-
	»	16630	»	-	5	4	-	-	-	3	2	4	5	3	-
	»	16631	»	-	-	5	-	?	-	3	2	5	?	3	-
	»	16632	»	?	5	4	-	5	-	-	4	6	-	4	-
	»	16633	»	-	-	4	-	?	-	4	4	4	3	4	-
	»	16634	»	-	-	4	-	-	-	3	2	5	5	3	-
	»	16635	»	-	-	3	-	-	-	4	2	4	5	3	-
	Бусина	13616	»	5	5	5	-	5	-	3	4	6	-	5	-
Тель эс-Саван	То же	13617	»	6	-	4	-	-	-	-	3	6	-	4	-
	Руда	2482-р	1	5	-	4	-	6	-	-	2	5	-	4	-

* Индексом расщепления руды: 1—10%; 2—1—10%; 3—0,1—1%; 4—0,01—0,1%; 5—0,001—0,01%; 6—0,001%.

к востоку от Телль Сотто¹⁷. Дата эта 5570 ± 120 г. до н. э. (ТН-24)¹⁸. Д. Киркбрайд правильно синхронизирует указанный слой с Умм Дабагий (а следовательно, и с Телль Сотто) и не сомневается в справедливости приведенной даты, считая ее слишком поздней для конца этой культуры¹⁹. Д. Меллаарт считает дату возможной, но лишь для самого конца культуры, финального ее этапа²⁰.

Вероятность этой даты подтверждается, как мы полагаем, и всей намечающейся ныне системой радиоуглеродных дат памятников VI тысячелетия до н. э. в Месопотамии. Так, финальные слои культуры Телль Сотто по всем стратиграфическим и типологическим показателям хронологически не могут быть сколько-нибудь значительно оторваны от начальных слоев хассунской, а следовательно, и самаррской культур²¹. Приведенные нами радиоуглеродные даты²² позволили ориентировочно отнести начало этих культур к середине VI тысячелетия до н. э. А это в свою очередь позволяет считать вероятной датировку завершающих горизонтов культуры Телль Сотто второй четвертью VI тысячелетия до н. э. (ближе к ее концу). Но погребение с медными бусами из этого поселения явно стратиграфически предшествует таким горизонтам и может быть с уверенностью отнесено к первой половине VI тысячелетия до н. э., а возможно, и к его началу. Хассунская же культура охватывает середину и всю вторую половину этого тысячелетия. И для всего периода развития обеих культур — фактически для всего VI тысячелетия до н. э. — имеются свидетельства знакомства с металлом.

То же следует сказать о значительной части V тысячелетия до н. э. Наиболее ранняя радиоуглеродная дата получена здесь для конца восьмого горизонта Ярымтепе II — СОАН-1291— 4710 ± 40 г. до н. э. (металл найден и в девятом горизонте), наиболее поздняя — для третьего горизонта (ЛЕ-1015— 4210 ± 130 г. до н. э.).

Таким образом, находки из Телль Сотто и двух поселений Ярымтепе отнюдь не позволяют считать металл нововведением позднихалафского периода и резко меняют всю картину появления и использования его в Месопотамии, вызывавшую ранее справедливое недоумение Д. Меллаарта. Ныне можно говорить о появлении здесь меди и свинца по меньшей мере с начала VI тысячелетия до н. э. и о непрерывной традиции их использования на протяжении более полутора тысяч лет, предшествовавших позднему Халафу. Длительность традиции обусловила как значительный прогресс металлургии и металлообработки в последующие периоды, так и весьма раннюю выработку специфических терминов, отраженных уже в древнейших памятниках письменности Месопотамии²³.

Химический анализ металлических изделий и кусков руды из поселений Ярымтепе I и II, произведенный Е. Н. Черных в кабинете спектрального анализа Института археологии АН СССР (см. табл.), привел исследователя к следующим заключениям²⁴.

Из десяти проанализированных образцов руды из Ярымтепе I восемь происходят из медного монометаллического месторождения, геохимическим индикатором которого является примесь мышьяка (А) от сотых до десятых долей процента. Два образца происходят, вероятно, с другого рудопроявления, где мышьяк в медной руде отсутствует (что нуждается еще в дальнейшей проверке).

Анализу подвергнута также окись меди двух предметов — пронизки из седьмого горизонта и колечка из 11-го горизонта. Оба предмета изготовлены из химически чистой меди; только в металле колечка зафиксирован мышьяк в сотых долях процента. Состояние металла не позволяет установить, изготовлены ли предметы из самородной или металлургической меди. Анализ не противоречит гипотезе о связи меди изделий с теми рудными месторождениями, из которых происходит руда на поселении.

Свинцовый браслет весом 107 г изготовлен из очень чистого по своему химическому составу металла, в котором отмечена лишь примесь серебра (Ag) в тысячных долях процента.

Примечательно, что анализ двух бусин и кусочка руды из нижнего слоя Телль эс-Саввана показал значительную близость их соответствующим находкам из Ярымтепе I. Это касается прежде всего медных изделий. Руда же близка по набору примесей к образцам, гипотетически относимым к рудопроявлению с отсутствующим мышьяком.

Из находок на халафском поселении Ярымтепе II проанализированы бусинка из шестого горизонта и два кусочка медной руды из седьмого горизонта. Бусинка откована (?) из химически чистой металлургической или самородной меди. Образцы руд происходят, судя по их химическому составу, из различных месторождений, причем, видимо, не из тех, которые использовались населением Ярымтепе I²⁵.

¹ Mellaart J. Catal Huyuk. A Neolithic Town in Anatolia. London, 1967, p. 22, 209, 212, 217—218, fig. 104; Coghill H. H. Notes on the Prehistoric Metallurgy of Copper and Bronze in the Old World. Oxford, 1975, p. 40—44.

² Hole F., Flannery K. V., Neely J. A. Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain. An Early Village Sequence from Khuzistan, Iran. Ann Arbor, 1969, p. 42, 399; Smith C. S. Analysis of the Copper Bead from Ali Kosh.—In: Hole F., Flannery K. V., Neely J. A. Prehistory and Human Ecology..., p. 427, 428; Coghill H. Notes on the Prehistoric Metallurgy..., p. 44.

³ Braidwood R. The Early Village in Southwestern Asia.—JNES, 1973, v. 32, N 1-2, p. 37; Braidwood R., Cambel H., Lawrence B., Redman C. L., Stewart R. B. Beginnings of Village-Farming Communities in Southeastern Turkey—1972.—Proceedings of National Academy Science USA, 1974, v. 71, N 2, p. 570; Braidwood R. Archaeological News Letter.—The Oriental Institute. The University of Chicago, 1970, 8, XI; Coghill H. Notes on the Prehistoric Metallurgy..., p. 40.

⁴ Поздний их характер подтвержден и результатами химического анализа изделий, произведенного Е. Н. Черных в лаборатории Института археологии АН СССР. В частности, это касается медно-

го браслета, металл которого по набору примесей резко отличается от ранних образцов.

⁵ Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna. Excavations by the Iraq Government Directorate Generale of Antiquities in 1943 and 1944.—JNES, 1945, October, v. IV, N 4, p. 263.

⁶ Ibid., p. 264. Ныне такое соответствие поколеблено: раскопки Советской экспедицией хассунского поселения Ярымтепе I показали, что и «надрейнейшие» слои, подобные Хассуне Ia, относятся уже к «эре» не дорасписной, а расписной керамики.

⁷ Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, с. 173. Надо отметить, что это не совсем точно. В экспозиции Багдадского музея представлен просверленный кусок медной руды — малахита — из раскопок Хассуны; однако в опубликованных отчетных материалах эта находка отражения не получила.

⁸ Mallowan M. E. L., Rose J. C. Excavations at Tell Arpachiyah. 1933.—Iraq, 1935, v. II, p. 103, 104; Mellaart J. The Neolithic of the Near East. London, 1976, p. 166.

⁹ Mallowan M. E. L. Excavations at Tell Chagar Bazar and the Archaeological Survey of the Khabur region.—Iraq, 1936, v. III, p. 26.

- ¹⁰ Tobler A. J. Excavations at Tepe Gawra. Philadelphia, 1950, v. II, p. 211.
- ¹¹ Ibid., p. 211—213.
- ¹² Mellaart J. The Neolithic..., p. 166. Не ясно, какую находку фазы Мухаммад Джафар в Хузистане имеет в виду автор.
- ¹³ Сами по себе находки малахита не могут служить свидетельством начала металлообработки: малахит мог использоваться, подобно другим минералам: кусок его, обработанный в виде подвески, найден, в частности, в одном из погребений XI тысячелетия до н. э. в Шанидаре (Селимжанов И. Р. Разгаданные секреты древней бронзы. М., 1970, с. 11). Совершенно иное значение приобретают находки малахита в одних слоях с медными изделиями, особенно при близких результатах химического анализа обеих категорий находок. В подобных случаях малахит может с определенной долей уверенности рассматриваться как металлургическое сырье.
- ¹⁴ Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто (по раскопкам 1971, 1973—1974 гг.).— СА, 1975, № 4, с. 104.
- ¹⁵ Kirkbride D. Umm Dabaghiyah.— Iraq, 1972, v. XXXIV; 1973, v. XXXV; 1974, v. XXXVI; 1975, v. XXXVII; Mellaart J. The Neolithic..., p. 135—141.
- ¹⁶ Если суммировать слой культуры Телль Сотто на эпонимном памятнике, хассунский слой Ярымтепе I и халафский — Ярымтепе II, то общая мощность наслоений трех культур будет близка 16 м.
- ¹⁷ Fukai S., Hariuchi K., Matsutani T. Tellul eth Thalathat. The Excavation of Tell II.— Tokyo University Iraq-Iran Archaeological Expedition. Report II, 1970.
- ¹⁸ Sato Jun, Sato Toinoko, Otomori Yasuko, Suzuki Hisashi. University of Tokyo Radiocarbon Measurements II.— Radiocarbon, 1969, v. 11, N 2, p. 513.
- ¹⁹ Kirkbride D. Umm Dabaghiyah, 1972.— Iraq, 1973, v. XXXV, part 1, p. 7.
- ²⁰ Mellaart J. The Neolithic..., p. 140.
- ²¹ Бадер Н. О. Раннеземледельческое поселение..., с. 108.
- ²² См. главу 8 настоящей книги.
- ²³ Медь обозначена специальными знаками в текстах табличек Урука IVA. См.: Falkenstein A. Archaische Texte aus Uruk. Leipzig, 1936, S. 144; Limet H. Le travail du métal au pays de Sumer au temps de la III-e Dynastie d'Ur. Paris, 1960, p. 30. В дальнейшем хорошо известны шумерийские термины как для меди (urubu), так и для свинца (A-bar). См.: Limet H. Le travail..., p. 30, 54, 55.
- ²⁴ Мы выражаем глубокую благодарность Е. Н. Черных, предоставившему нам результаты этих исследований.
- ²⁵ Вопрос об источниках металла хассунского и халафского времени остается открытым. Во всяком случае для этих периодов лет оснований предполагать ввоз металла из отдаленных месторождений глубинных районов Аравийского полуострова, которые считаются основными для металла Месопотамии III тысячелетия до н. э. (См.: Limet H. Le travail..., p. 99). Источниками крайне ограниченной по масштабу металлургии VI—V тысячелетий до н. э. являлись, очевидно, небольшие местные рудопроявления.

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ, КУЛЬТУР И ДРЕВНИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ПУНКТОВ

- Али-Кош 6, 115, 124, 126, 127, 135, 137,
139, 147, 155, 308, 309, 315
Амук 112, 152
Анау 11
Арпачия (Телль Арпачия) 7, 10, 15, 86,
116, 156—161, 187, 188, 190, 193, 194, 196,
197, 207, 208, 214, 218, 224—229, 230, 233,
235, 237, 244—246, 250—252, 254, 256,
258—264, 281, 308, 315
Багуз 16, 157, 160, 264, 269
Банахилк 156, 158, 161, 194, 224, 226, 260,
277
Барда Балка 5, 15
Бас Мордех 129, 147
Бейда 33, 195
Библ 121
Букра 70, 146, 147
Гандж Дарехтепе 6, 15, 33, 115, 132, 195
Гирд Али Ага 151
Гирникхаджиян 10, 157, 158, 193, 194, 226,
260, 263
Джармо 6, 70, 76, 109, 115, 117, 118, 120,
123, 124, 126, 128, 129, 135, 137—139,
144—147, 152, 153, 195, 270, 300, 306
Джейтун (Джейтунская культура) 11, 15,
16
Загрос 5—7, 15, 126, 128, 129, 138, 140, 146,
150, 270
Зави Чеми Шанидар 6, 306
Иерихон 84, 86, 123, 131, 144, 152, 195,
208
Карим Шахир 6, 139
Кархемиш см. Юнус
Киркук 5, 7
Куниджик 87
Курдистан 6, 224, 228, 270
Кюльтепе 124, 128, 144, 224, 270
Кюльтепе 11, 277
Лабвех 121
Магзалия (Телль Магзалия) 12, 17, 84,
115, 124, 144, 146, 154, 195, 270, 276
Малефаат 6
Мандели 6, 15
Матарра 16, 111, 114, 149, 151—153, 265
Мегиддо 152
Мерсин 114, 152
Мосул 6, 7, 157—160, 227, 233, 259, 267,
270
Мохаммад Джафар 118, 124, 127, 129, 133,
139, 152, 155
Мурейбит 146, 147, 195
Намазга 11
Натуфийская культура 11, 144
Немрут Даг (вулкан) 117
Ниневия 8, 87, 112, 152, 156, 264
Палестина 6, 84, 144
Рамад (Телль Рамад) 33, 121
Рас аль-Амья 132
Рас Шамра 152, 157, 277
Сабз 118, 133, 152, 155
Самарра (самаррская культура) 8, 16,
84, 86, 116, 118, 128, 140, 144, 146,
149—153, 157, 208, 265, 269, 276
Синджар (Синджарская долина) 7—9, 12,
16—18, 29, 196, 197, 218, 233, 266, 268,
270, 276, 282
Сузы 132
Сурк 118, 123, 129, 134, 152, 153
Тамерхан 6
Телль-Афар 8, 9, 146, 159, 270
Телль Брак 10, 156, 256, 260
Телль Гхасал 146
Телль Сотто 12, 16, 17, 66, 67, 70, 71, 77,
84, 87, 89, 92, 109—114, 120, 121, 123, 124,
126—129, 131—135, 137—147, 150, 152—155,
189, 224, 267, 268, 276, 277, 309, 314, 316
Телль аль-Римах 9, 16
Телль эс-Савван 15, 16, 76, 77, 84, 87,
113, 115, 128, 131, 132, 135, 137, 141,
144, 149, 152—155, 157, 265, 277, 308, 309
Телул Талафат 9, 16, 111, 153, 155
Тепе Гавра 7, 10, 16, 124, 132, 140, 156,
158, 160, 193, 194, 196, 197, 225, 226,
227, 237, 258, 259, 261, 308, 316
Тепе Гуран 6, 115, 129, 132
Тепе Сабз 115
Тепе Сараб 6
Тилкитепе 157, 160, 277
Турлу 157, 277
Тюлинтепе 157
Убейдская культура 9, 11, 12, 18, 157,
159
Умм Дабагия 16, 33, 66, 67, 70, 71, 77, 84,
87, 89, 92, 109—116, 120, 121, 123, 124,
126—129, 131—135, 138—147, 149, 150,
152—155, 189, 267, 300, 306, 314, 316
Хаджилар 144, 195, 308
Халаф (Телль Халаф) 12, 118, 152, 156—
160, 225, 227, 229, 235, 237, 245, 246, 251,
252, 258, 260, 261, 263, 264
Халафская культура 7—10, 18, 20, 142,
146, 156, 157, 159, 160, 161, 163, 165, 187,
192—194, 225—227, 232, 234, 260—264,
266—269, 271, 277—279, 281, 282, 314
Хара Намик 6
Хараба Кара Чивар 6
Хассуна (Телль Хассуна) 7, 10—12, 15,
18, 19, 28, 33, 46, 66—68, 71—74, 76—78,
84, 86, 87, 89—92, 100, 102—105, 108—115,
117, 118, 120, 121, 123, 124, 126—132, 134,
135, 137—145, 148, 149, 151—157, 160,
261, 264, 265, 268—270, 276, 308, 315
Хассунская культура 7—11, 17—19, 28, 71,
84, 86—88, 106, 110, 118, 141, 143, 146,

Указатель

- 150, 152, 153, 156, 163, 165, 208, 270, 271,
276, 277, 282, 314
Хатра 16, 66
Храмис Диди-гора 16
Хузистан 6, 315, 316
Чагар Базар 10, 156, 160, 225, 227, 229,
237, 245, 254, 256, 260, 261, 263, 308, 315
Чайонкютепеси 144, 195, 270, 309
Чатал Гуюк 73, 84, 144, 208, 300, 308, 309,
315
Шага Сефид (Сефид) 118, 119, 123, 124,
126, 129—134, 139, 152, 153, 155
Шанидар 5, 6, 15, 147, 316
Шимшара (Телль Шимшара) 16, 77, 84,
87, 89, 104, 105, 107, 110—115, 117, 118,
121, 123, 126, 127, 131, 132, 139—141,
152, 154, 155
Шога Мами 77, 115—121, 129, 130, 135,
139, 140, 152, 153, 155, 265
Шургат 71
Эйнан 195
Эрбиль 7
Юнус (Кархемиш) 10, 152, 156, 160, 193,
277
Ярымтепе I 9, 12, 17—19, 22, 28—32, 34—
40, 42, 46, 53, 66, 68, 70, 71, 73—76, 78,
80, 81, 84, 86—105, 108—112, 114—125,
127, 128, 133—135, 137—144, 147, 149—154,
161, 163, 186, 189, 190, 195, 212, 214, 216,
224, 227, 229, 230, 265, 266, 271, 274—277,
279, 283, 284, 287—289, 292, 294—296,
306, 310, 313—316, 318, 319
Ярымтепе II 9, 12, 17, 18, 86, 116, 141,
142, 156, 157, 159—167, 169—171, 173,
174, 176—201, 204—260, 262, 271, 276—
282, 284—287, 289—295, 297, 299—301,
303—306, 312—316, 318, 319
Ярымтепе III 9, 140, 159, 160, 161, 193,
215, 216, 232, 236, 261

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
--------------------	---

Часть первая

ПОСЕЛЕНИЕ ЯРЫМТЕПЕ I

Глава 1. Общие данные и культурный слой памятника	15
Глава 2. Жилые и хозяйственные постройки	26
Глава 3. Некоторые вопросы хассунского строительства	67
Глава 4. Погребения	78
Глава 5. Керамика	87
Глава 6. Каменные и костяные изделия	114
Глава 7. Прочие находки	133
Глава 8. Нижние горизонты Ярымтепе I. Предварительное заключение	141

Часть вторая

ПОСЕЛЕНИЕ ЯРЫМТЕПЕ II

Глава 9. Некоторые проблемы изучения халафской культуры	156
Глава 10. Раскопки поселения Ярымтепе II	161
Глава 11. Древнейший горизонт халафского поселения	166
Глава 12. К вопросу о планировке поселения, технике строительства и формах хозяйственно-бытовых сооружений древнейшего горизонта	186
Глава 13. Погребения и культовые объекты	196
Глава 14. Находки. Каменные и костяные изделия	214
Глава 15. Керамические изделия	230
Глава 16. Нижние горизонты Ярымтепе II. Заключение	262
Summary	270
Список иллюстраций	283
Список сокращений	286

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Находки культурных растений на раннеземледельческих поселениях Ярымтепе I и Ярымтепе II в Северном Ираке. (Ф. Х. Бахтеев, З. В. Янушевич)	257
Приложение 2. Животноводство в Северной Месопотамии в V тысячелетии до н. э. (по материалам халафского поселения Ярымтепе II) (В. И. Бибикова)	266
Приложение 3. Древнейшая металлургия Месопотамии. (Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев)	307
Указатель	317

CONTENTS

Introduction	5
------------------------	---

Part I

YARIMTEPE I SETTLEMENT

Chapter 1. General Data and the Cultural Layer of the Settlement	18
Chapter 2. Housing and Domestic Structures	29
Chapter 3. Some Questions of the Hassuna Construction	67
Chapter 4. Burials	78
Chapter 5. Ceramics	87
Chapter 6. Stone and Bone Implements	114
Chapter 7. Other Artifacts	133
Chapter 8. Lower Levels of Yarimtepe I. A Preliminary Conclusion	141

Part II

YARIMTEPE II SETTLEMENT

Chapter 9. Some Problems in Studying Halaf Culture	156
Chapter 10. Excavation of Yarimtepe II Settlement	161
Chapter 11. The Earliest Building Level of Halaf Yarimtepe II	166
Chapter 12. On the Settlement's Planning, Building Techniques and Forms of Domestic Utility Structures from the Oldest Level	186
Chapter 13. Burials and Cult Artifacts	198
Chapter 14. Finds. Stone and Bone Artifacts	214
Chapter 15. Ceramic Artifacts	230
Chapter 16. Lower Levels of Yarimtepe II. Conclusion	262
Summary	270
List of Illustrations	283
List of Abbreviations	286

APPENDIX

Appendix 1. Cultured Plant Finds from the Early Agrarian Settlements of Yarimtepe I and Yarimtepe II in Northern Iraq. (Bakhteyev F. Kh., Yanushevich Z. V.)	287
Appendix 2. Husbandry in Northern Mesopotamia in the 5th millennium B. C. (as based on the data from the Halaf Settlement Yarimtepe II). (Bibikova V. I.)	299
Appendix 3. Metallurgy in Mesopotamia. (Merpert N. Ya., Munchayev R. M.)	307
Index	317